

Д. І. ЯВОРНИЦЬКИЙ

ЗАПОРОЖЖЯ

В ЗАПИШКАХ СТАРОВИНИ
І
ПЕРЕКАЗАХ НАРОДУ

ЧАСТИНА II

Д. І. ЯВОРНИЦЬКИЙ

ЗАПОРОЖЖЯ

В ЗАЛИШКАХ СТАРОВИНИ
†
ПЕРЕКАЗАХ НАРОДУ

Видання третє, виправлене і доповнене

Частина II

Дніпропетровськ
АРТ-ПРЕС
2005

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)46
Я 22

Текст друкується за виданням: «Эварницкий Д. И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа». — С.-Петербург. Издание Л. Ф. Пантелеева, 1888. (Типография Н. А. Лебедева, Невский просп., д. № 8).

Яворницький Д. І.

Я 22 Запорожжя в залишках старовини і переказах народу / Підготовка тексту і наук.-довід. апарату С. В. Абросимової, Н. Є. Василенко; За заг. ред. Н. І. Капустіної. — 3-тє вид., випр. і доп. — Д.: АРТ-ПРЕС, 2005. — Ч. II. — 496 с. + вкл.

ISBN 966-348-042-4

ISBN 966-348-041-6 (загальний)

«Запорожжя в остатках старины и преданиях народа» — перша велика монографія видатного українського історика, археолога, фольклориста, етнографа, лексикографа, музеєзнавця і культурно-громадського діяча академіка Дмитра Івановича Яворницького (1855—1940). Новаторська для свого часу, народознавча (історико-фольклорно-етнографічна) за характером, ця книга яскраво демонструє широчінь наукових зацікавлень автора, особливості його творчої лабораторії, велику любов до рідної України, її минулого, передусім до історії запорозького козацтва. Книга друкується мовою авторського оригіналу, з авторськими поправками, за автентичним текстом, що його підготував Д. І. Яворницький для другого видання. Цей оригінальний текст зберігався в колекції дніпропетровського бібліофіла професора А. К. Фоменка, який подарував його Дніпропетровському історичному музею ім. Д. І. Яворницького.

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)46

ISBN 966-348-042-4
ISBN 966-348-041-6 (загальний)

© Дніпропетровський
історичний музей
ім. Д. І. Яворницького, 2005

Д. И. Эварницкий

ЗАПОРОЖЬЕ

в остатках старины
и
преданиях народа

с 55-ю рисунками и 7-ю планами

Часть II

С.-ПЕТЕРБУРГ
Издание Л. Ф. Пантелеева
1888

Ч. II. Рис. 1.

Портрет снисходительного старика И.И. Россомаха.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Заворожи мені, волхве,
 Друже сивоусий!
 Ти вже серце запечатав,
 А я - ще боюся...
 Боюся ще погорілу
 Хату руйнувати,
 Боюся ще, мій голубе,
 Серце поховати...
 Бандауристе, орле сизий!
 Добре тобі, брате!
 Маєш крили, маєш силу,
 С коли лігати.

Т. Шевченко

В селі Чернышовке живет глубокий старик, Иван Игнатович Россолода, единственный представитель павшего Запорожя, сын запорожского козака Недоступа. По собственным расчетам Ивана Игнатовича, ему около 116 лет, но он еще двигается и по хате и по двору, смотрит за маленькими детьми, «доглядает» телят. Иван Игнатович прекрасно сохранил воспоминание о жизни запорожских козаков вообще и о жизни своего отца в частности. «Мій батько жили отут саме, де й я живу, а женились тоді, як уже розорили Січу; як женились, то їм було шістьдесят год; прижили вони сім синів, - дочки ні одної не було; я був підстаршим сином у батька, і тепер усі мої брати поумирали, тільки я один і zostався».

«Батько дуже довго жили, а як умирали, то прохали поховати їх на старому кладовищі*, щоб тут люде не топтали по їх кісткам: вони знали, що тут буде велике селище. Господь привів і міні багато на цьому світі бачити. І де я не виходив оціми ногами? Ходив і в Харьків, ходив і в Богодухів, і в Ахтирку, і в Красний-Кут, а в Києві був аж тричі, та все пішком».

* Теперь оно называется старым.

— А не страшно вам, діусю, умирати?

— Ні, панечку, не страшно, нічого не страшно. Я уже давно благаю Бога: Господи, дай смерть, та тільки с покаянієм; на цім світі жити, тільки гріха набиратиця.

По розказам Івана Ігнатовича, он родився в Нікополе, но дитиню і юність провів разом з отцем на місці колишнього запорожського зимовника, де і тепер сидить хатою. Женівся он в Полтавській губернії, і це склалося таким образом. Отиравився он по якій-то надобності в Полтавську губернію і там в одному хуторі увидав «панночку», «закохався» в неї да і женився. «Дворянка була, капітанська дочка, і земаю мала (имела) собі; тільки на одну ногу кривенька була, а людина добренна, розумна. Велике мені спасення від цієї женитьби було: тоді скрізь сарана тут літала; повиїдала хліб, листя на деревах, траву. Настав голод великий, ні в кого хліба нема. Так я було поїду до родичів своєї жінки, наберу у їх гречки, хліба, приїду додому та й живу». Вообщі о першій своїй жені Іван Ігнатович отзывався з глибоким уваженням і любов'ю. Но, к великому огорченню его, любимая им жена очень рано умерла (спустя шесть лет после брака), оставив ему дочь Ирину. «Теперь моїй Орині год вісімдесят буде, щиро жива, — вона десь помандрувала у Чорноморію. Чув, що у неї і діти були, і що у тих дітей діти; — то вже правнуки, та і од правнуков єсть покоління, — це вже праправнуки». Овдовів после первого брака, Іван Ігнатович, спустя четыре года, женился вторично уже на простой крестьянке, от которой имел двух дочерей и четырех сыновей: Якова, Самойла, Петра, Ивана, из коих старшему 53 года, а младшему 30 лет. Он прекрасно помнит еще царицу Екатерину.

«Як я родивсь, то тоді була ще цариця: я доволно знаю, як вона бігла сюди, — тоді тут усе милі (каменные столбы) ставили».

Іван Ігнатович веде життя поистине отшельницьку: уже больше пятнадцати лет не пьет водки и не ест скоромной пищи. «Тільки мені й скорому (т.е. скороми), що пампушки з медом, олія та молоко, а інколи хлібця м'якенького пожуєш — от тобі і все». С виду Россолода доволно високого росту, худощав, держиться немного сутуловато, носить узку, середньої величини, бороду, на голові довгі, густі волоси, сива тільки посеребренні сединою. На мое удивлення, як зто Россолода, прожив стільки лет, почти не поседів, он ответил: «У мене порідня така, та ще й то сказати вам,

панічу: то пустий волос, що сідий». Старик чрезвычайно богомолен: каждый воскресный и праздничный день он пешком ходит в церковь, что составляет в оба конца около десяти верст; летом живет отдельно от семьи в «келье», построенной в саду над рекой, на месте отцовского зимовника. Своим аскетическим образом жизни и глубокою религиозностью он внушает к себе необыкновенное уважение всем своим односельчанам. Он говорит мало, потому что страшно устает, но зато весьма охотно и до крайности симпатично; по временам из его старческих глаз каплют горячие слезы... И слова столетнего старца звучат, как глас какого-нибудь ясновидца, как слова ветхого денями патриарха.

Переноса с покорностью многие тяжести настоящей жизни, старик Россолода жалуется лишь на бессонницу да слабость сил. Бессонница сильно одолевает его.

«Оце ляжеш спати, так не заснеш ні за що, а так лежиш, та й годі; і не знаєш, чи воно день, чи воно ніч, тільки що заплачеш очі». Немало страданий причиняет старику и то обстоятельство, что ему почти невозможно лежать: «кістки болять, тільки й лежиш, що на спині, а на боках так совсім не можна: оце на ладихках такі струпи поналежав, що й доторкнутися не можна. А ще гріш мені уставати: Боже, як важко! Та й очі плохі стали, увечері бачу, так як скрізь ситю».

Было воскресенье, когда я явился к Ивану Игнатовичу Россолоде. Погода стояла на дворе чудесная. Прошед из двора в сад, я увидел здесь небольшую хатку, в виде куреня, и приблизился к ней; оказалось, что это летнее пребывание Россолоды, известное на его языке под именем «кельи». Поздоровавшись и перекинувшись двумя-тремя словами о погоде, я тот же час приступил к вопросам о житье-бытье запорожцев. Россолода, будучи предупрежден о приходе к нему «запорожского пана» — так звали меня в селе, охотно отвечал мне на все мои вопросы. Весь рассказ его записан мною буквально, в несколько приемов.

— Гай, гай, діусю, які ж ви похилі!

— А як же ж мені, панічу, не бути похилому, як мене Господь держить на цім світі уже більш ста год!

— Це ж, мабуть, Господь і держить вас задля того, щоб знати мені од вас те, що треба.

— А що ж вам треба?

— Та треба мені розпитати вас дещо про запорожців; що воно за народ такий був, як вони жили і де вони поділись, щоб по їх жисті і споминати їх.

— Себто, бач, правди у їх допитатця?

— Так, так, любий дідуно, правди допитатця у їх. А чи не чули про них чого-небудь?

— Як не чув, як мій батько та були* із тих самих запорожців.

— Он які!

— Так іменно! Сперш вони були у поміщиках, коли чули, при отаману Перебийнісу.

— Як не чув? Чув.

— Да, так ото вони були у поміщиках у пана отамана, бачили ту Січу, може там скільки раз, ходили і на війну з козаками, а потім виїшли із Січі та й сіли отут саме, де й я сижу; тут вони і бурдюжок собі поставили, тут і одружились, а одружились уже старенькими, — так, мабуть, год шістьдесят їм було. Найлюбійшим сином був у їх я. Оце було як загуляють, як зап'ють, то зараз і кричать: «Ех, Ясько, будеш у мене запорожець!» Вони й водили мене по-запорожськи: обриють голову, то так і ходиш, як та салотоква.

— Чим же вони брили?

— Бритвою! Гостра така була, що наче вони гладять, а не бриють.

— Так ви, діду, із настоящих запорожців?

— Із настоящих запорожців, та ще й сам трохи запорожець, бо як крестили мене, то батько ще й пороку підсипав у купіль, щоб загартувати, бачите, із самого малку, — уже така поведіння була у тих козаків.

— Ну, скажіть же, любий дідуно, звідкіля ті запорожці набирались?

— Звідкіля набирались? Відовсюди. Той звідтіля приїде, той звідтіля приїде, з десятка до двадцятка, а з двадцятка до тридцятка — та так ціла сила і набиралась. У Січ приймали усякого, тільки мення переставляли: де хто з-під пана утече, приймають; де хто од батька та од матері біжить, приймають; де який жінку покине, приймають; так аби до Січі докотив, то й живе там, не вигонять. Зараз ему чуприну заве-

дуть і готов, зараз і зодягнуть. Оце прийде, бувало, до запорожців чоловік босий, голий, а вони его уберуть як пана. Та воно й дива нема: у їх сукон тих, одержі, так яких хочеш сортів і скільки завгодно можна було достати. Отак вони і набирались. А інколи так і дітей хапали по городах: приманють гостинчиком та й похопляють. А вже на Січі воля вольна: не захочеш жити, іди собі хоч зараз. Прийшов якомсь на Січу городивик, а у запорожців саме піст був, треба до церкви ходити. Став і він ходити; увесь піст ходє та й ходє. «А що, батьку, уже мені обридло ходити!» — «А як обридло, то бери гроші та й йди». Дали ему три пуди мідняків, він і подався.

— А кому ж вони дань платили?

— Аж нікому! Вони самі собою жили, — так, козаки, лицарі та й годі.

— І багато ж їх, скажіть, було?

— Точно доказати вам не докажу, — Бог їх знає, а так як подумаю собі, то наче тисяч двадцять і було, або й більше. Його сила тяження була, — того запорожця! Кажуть, будьто їх було сорок-сороків, та це вже тоді, як вони виходили відтіля. Треба було народу великого, як привілля велике було.

— А привілля такі справді велике було?

— Привілля так уже так, що привілля! Теперь такого ні близько, ні далеко нема. Та що теперь? Теперь так, що волен та недоволен, а тоді так, що і волен і доволен. Неларом же кажуть, як жили ми за царіці, їли пшавинці, а як стали за царя, так не стало й сухаря. Теперь як сказати, що воно тоді було, так і не повірять. Тоді цвіти усякі цвіли, тоді трави великі росли. Ось тут, де теперь у нас церква, так така була тирса, як оцей шпок, що у мене в руці, як глянеш, так наче жито стоїть; а комиш, як той ліс, — іздалека так і біліє, так і вилискує. А що вже пирій, ковила, мурава, орошок, кураї, бурундуки, то як увійдеш у них, так тільки небо та землю і видно, — діти, було, губляться в траві. Оце підиметься угору, виросте, та вп'ять і впаде на землю, та так і лежить, як та хвиля на морі, а поверх неї уже й друга росте. Як запалиш було її, так вона неслілі три або й чотири горить. Підеш косить, косячи не одвернеш, пожнеш пасти коней, то і не побачиш їх, загониш волів, тільки роги мріють. Чи випаде сніг, чи настане зима, байдужисенько: хоч якій буде сніг, а трави не закриє. Пустиш собі чи коня, чи товарику, чи овець, так вони так пустопаши і пасуться, тільки коло старі і ходили чабанські; а як загониш їх у траву, так во-

* Малороссы об отце, даже и заглазно, говорят во множественном числе.

ни поміж нею наче комашня мріють, - тільки увечері і вздріш; тоді вже коло їх роботи, - вибирати тирсу, що поналазе у вовну!.. А що вже поміж тією травою та різних ягід, то й казати нічого. Оце як виїдеш було у степ та як розгорниш траву, то полунешо так і бери руками. Оцієї погані, що тепер поразвелась, ховранків та гусениці, тоді і не чути було. От які тоді трави були!

А бжолки тісі? А меда? Мед і по пасіках, мед і по зимовниках, мед і по бурдюгах так і стоїть було у липовниках: скільки хочеш, стільки і бери: більш усього від диких пчіл. Дика пчола скрізь було сидить: і на комшях, і на вербах; де буркун, у буркуні, де трава, у траві. За нею і проходу не було: то було вирубають дупла, де вона сидить. А ліса того? Бузинина, свидиня, вербина, дубья, грушья! Груш було як напад з гілля, так хоч бери граблі та горни валяки: так і лежать на соняці, пока не попечуться. Садки такі були, наче сукном покриті, - патока з них і тече. А товщина ліса яка була? Верби так їзди-Богу десять аршин у обхват!.. Земля свіжіша була, ніхто її так не вимогав, як тепер, сніги лежали великі, і воду пускали велику, то і дерево росло добре. А звіру, а птиці? Вовки, лисиці, барсуки, дикі кози, чокалки*, видніхи** - так один за одним і біжать, так і пластають по степу. Вовків така сила була, що їх кілками били, а з їх кож чоботи носили та кожани робили. А їзди-Богу?.. І казати нічого! Були ще й дикі свині, такі гладкі та здорові; вони більш усього по плавнях шмиряли. Оце як побачиш у плавні яку свиню, то скоріш кидайся на дерево, а то хрю! хрю! чмак! та до тебе, так рилом і пре; виставе морду вперед та й слуха, чи не йде хто; як забаче чоловіка, зараз до нього, товщиш рилом! З ніг звале, тоді й давай рвати. Були й дикі коні; вони цілими табунами ходили; косяка три-чотири так і ходять!.. А що уже птиці було, так, Боже великий! Качок, лебедів, дрохов, хохлів, диких гусей, диких голубів, селек, журавлів, титарваків, куріп'ят, - так хо-хо-хо!.. Та все які плодючі! Одна курішка виведе було штук двадцять п'ять куріп'ят за місяць, а журавлі як понаплодять дітей, то ходять та тільки крякають. Стрепетів сильцями ловили, дрохов волоком тягли, титарваков, як настане ожеледиця, дрюками били. І що то за сила тієї птиці була? Як піднімється з землі, сонце застеле, а як сяде

на дерево, то й гілля не видно: самий ком'ях висе; а як спустиця на землю, то вона, наче долівка, так і зачорніє. А лебеді як заведуться биття проміж себе, то піднімуть такий крик, що батько було вискочуть із бурдюга та давай на їх стрілять, щоб порозгонить, а вони піднімуться вгору та тільки порось-порось-порось!.. Нема тепер і тиї сили риби, що тоді була. Оця риба, що тепер, так і за рибу не считалась. Тоді все чічуга, пістряга, коропа та осетри за все одвічали. У одну тоню її витягали стільки, що на весь курінь ставало. Та все тоді не так було. Тоді і зими тепліші були, ніж тепер, - це вже кашани своїми лапцями понаносили до нас холода, а тоді сто не дуже чути було. Від того тоді і сіна ніхто не запасав, хіба тільки як думали йти у поход, то для тих коней, що під верхом ходили. Тоді і урожаї луччі були, - хоч і сіяли трошки, а родило багато: як чотири мішка посіє, так триста кін нажне, треба було вісім женьців, щоб зняти те все до Покрови. Батько мій, і де воно те все поділось? І очам своїм не вірю! Ось тут, де тепер наша Чернишівка, тут ні однісенської хати не було, одно тільки батькове привілля, а тепер де той і народ набрався і коли він те все повиводив. Тепер і вода перемерзла, і земля перерізнана, а що вже до ліса, то і казати нічого: що на сани, що на полудрабки, що на олійниці, то на те, то на се, то так усе і повирубували. Де пряменьке, гарне та міцненьке деревце, то сто зараз же й зведуть. А тут як пішла ще по лісу товаряка, то і пенчиків не зосталось, а що шле було, то позасихало, то попропадало. Та й сама скотина ходє як нежива!.. Як повирубували ліса, пішла на села мошка; за нею тепер і світа божого не видно, а бідній скотині так і отахна нема: так і ходє уся облита кров'ю. Тепер дайте ви отій свині, що ходє, шматок хліба, то вона й здохне од нього. А чого? Не привикла їсти!.. Та все тепер перевелось: гадюк не стало, повиорали, а в болотах і жаб не чути, повиздихали, та й болота тепер чи єсть.

- Так от як воно було! Ну, а як же запорожці розпоряжались тією землею?

- Так розпоряжались, що вона у їх була вольна, обтова; так, де хто оббере собі місце, де кому охота припадає, там і сіда, де хто живе, там і владіє: ти живеш тут, так тут і владій, а ти живеш там, так там і владій. І Боже мій, і батечку мій, один од другого оре на двадцять верст! Так і жили запорожці. Оце викопав собі землянку, заведе яку-небудь худобину та й кочує. Тільки такий зветця уже не лицарем, і не товаришем, а сиднем, або піздюком. Так таки й зветця сидні та й

* «Той же вовк, тільки злийший над вовком».

** «Звірь - схожий на лисицю, тільки живе в воді. На ньому така кожа, наче іскри сніпюють, а як погладити, то він так і виліскується». Очевидно, речі идєт о речной выдре.

сидіти, гніздуки та й гніздуки. Вони були жонаті, діток мали собі, а жили так собі по п'ять, по десять чоловік, розводили худобу, займалися охотою: той підстерігає козу, той уб'є кабана, та нанесуть махану того, що ціла біда. До них приходять уже деякі із Січі та й харчуются. Гніздуки і пасіки розводили, і мед готували. Худоба — ото саме їх і багатство, а з Січі вони вже паю ніякого не брали. Січовики — то вже особа стаття. Вони жили так, що їх і не вгадаєш: сьогодні тут, у Січі, а завтра Бог знає де: по степах, по балках та по вибалках; зберуться у ватаги та й чимчикують, куди треба. Ці вже на війні розживалися. Розбивали різні городи, лясські та турецькі, і забирали там, що тільки можна було забрати.

Більш усього воювали турка та шматували татарву, — сусідське діло: татари жили на тім боці (левом) Дніпра, а запорожці на цім (правом), так від того частенько приходилось їм битися проміж собою. А сварка більш усього із-за коней була: то козаки перегоняють до себе косяк татарських коней, то татари переправляють до себе косяк козацьких коней. Як татари крадуть у козаків коней, то й слід метлами заметуть, щоб не видно було, як шукати, а як козаки крадуть коней у татар, то сядуть на той слід та й... щоб бачила паскудна татарва, хто у неї коней побрав. А с турками так усе за віру биались. Батько було частенько розказує про ті баталії козаків с турками. Оце, кажуть, як ускочить запорожці у який-небудь турецький город, то перш усього норюлять, щоб запалити его з трьох сторін. Запалють з трьох кінців, а на четвертий постановлять та й ждуть, поки бігтимуть турки: як тільки біжить який-небудь, то зараз же й кладуть его на місті. Отак обкерешують спершу турок, потім перебіють туркеня, а тоді вже беруться за турчат. Як ускочив запорожець у турецьку хату, то зараз дивитися у піч, чи нема там горячих паливиць, і скільки б їх там не було, то він усі понастромля на ратище, повитяга із печі та в міх. Після того уже шука дітей. Як найшов, зараз одсува лаву од стіни, заведе їх за лаву, присуне її знову, так щоб вона прийшлась якраз протів горла дітей, та так усіх одразу і подуше, щоб не росло погане кодало на пошибель християн. Не любили запорожці турок, дуже не любили, від того так літували і над їх дітьми.

Оттак же не любили вони і ляхов. З ляхами биались більш за землю. Тут вони уже не своєю силою воювали. Оце як їдуть у Польщу, який там город чи слободу брати, то зараз попереоряжуються, візьмуть с собою барабан та трубу, прийдуть до кузень, позабирають

молоти, та й їдуть тоді. Придуть у город, пустять скрізь по вулицях, підійдуть під вікна та й слухають, що то ляхи проміж себе балакають. А тут молоді ляхи сидять на стулах та вихваляються перед панянками, хто скільки козаков поб'є: «Я, каже, шість чоловік один тієї погані перебілю... А старі сидять на стулах та в карти грають: «Моя сто б'є» — «А моя двісті!» — «А моя триста!» — «А моя чотириста козаків поб'є!»... А тут запорожці як ударять у барабан та як брязнуть у оболонь, так вони, як ті горобці, так і кинутися, хто куди піймав. Отоді вже їм доск: бо де уже козаки нападуть кого, то нікого не помилюють, бо їх ніхто не зборє. Наскочуть на якого пана, то сперше всього допрашують, де у нього гроші. Як попадеться боязький пан, то тут же одразу і скаже, де у нього гроші і добро всяке. А як попадеться тупий пан, то запорожці уже прибирають різні способи, щоб розв'язати ему язика. «Ану, хлопці, обуйте его в червоні чоботи!» То хлопці і обують його; як пнуть дадуть, і облупляють голову і підпківляють огнем п'ятки! Тоді і тупий скаже, де й гроші, де й що динце. І чого тільки вони тим ляхам не виробляли? І кожій на головах ножами облуплювали, і гу-на сверлами вивірчували, і голою ср-кою на горячі сковороди сажали, і огненними підласками підосиши підпківляли, і жигалом очі висмалювали. Одного ляха як підпківля під ср-ку, то він поки і вмер, то все окарач ходив. І боялись же їх ляхи! Оце як йти на війну протів запорожців, то вони перше усього гадають, де то ті запорожці кочують. Та це кинуть-розкинуть на картах, або на чому другому, та й кажуть: «Ще далеко прокляті харнізяки від нас; десь на своїй землі п'ють та музики водять». А де там у чорта вони п'ють! Вони уже коло самого носа ляхви. Понасипали у чоботи запорожської землі, позабирали в руки по куцу терну, посідали на коней та й їдуть по лясському шляху, а ляхам сьветить, що вони десь ще на своїй землі. Тоді вже як підберуться до самісеньких ляхів, та як крикнуть всі одразу, як засвистять у суремки, так бідні ляхи ті от одного страху полохнуться... І пойдуть геть собі запорожці, а їм усе сьветить, що ті суремки грають. Та вже сьомого году ляхва довідається, що то одні суремки свистять, а запорожців уже, Бог зна, коли нема.

Великі вояки були! Батько було як почнуть розказувати про ту удалу запорожців та про баталії їх с турками, або татарами та ляхами, так аж страшно слухати. А оце літом, увечері, як почнуть було прудитися коло камиці та як спустять с себе сорочку, так аж моторошно дивитися на них: усе тіло, наче те решето, пошматовано та побито

кулями, а на плечах та на ногах мивють так і тіліпаєтця. Страшенні вояки були! А тільки у себе, на Січі, нікого не трогали, хіба одних жидів. Жидям інколи такі плохо приходилося од запорожців. Як почують, що де проходили, то вже бережись, а то як де нагрюкають якого, то тут йому й капець! У запорожців така й балачка була: «я нумо, пани-молоді, кукіль з пшениці вибирати!» Сміха було, як розказують батько про тих жидов. Іде якомсь запорожець зімою по степу, а ему назустріч жид.

— Здоров, жиде!

— Здоров, пане!

— Чи ти чув, як кує зозуля?

— Чув, та мало!

— Ну, хоч і мало, а все ж таки я хочу послухати, як вона кує. По-лізай ось на це дерево та й куї.

От жид заліз на дерево та й кричить: «Ку-ку! Ку-ку!», а запорожець бає его із пістоля: «Яка ж таки зозуля кує зімого!»

Сидить раз запорожець під дубом, п'є горілку, а по шляху іде кулясь у базар жид.

— Стой, жиде! А як ти молишся?

— Та так, як і ви.

— А як ти хрестишся?

— Та так, як і ви.

— А перехрестись!

Жид перехрестився.

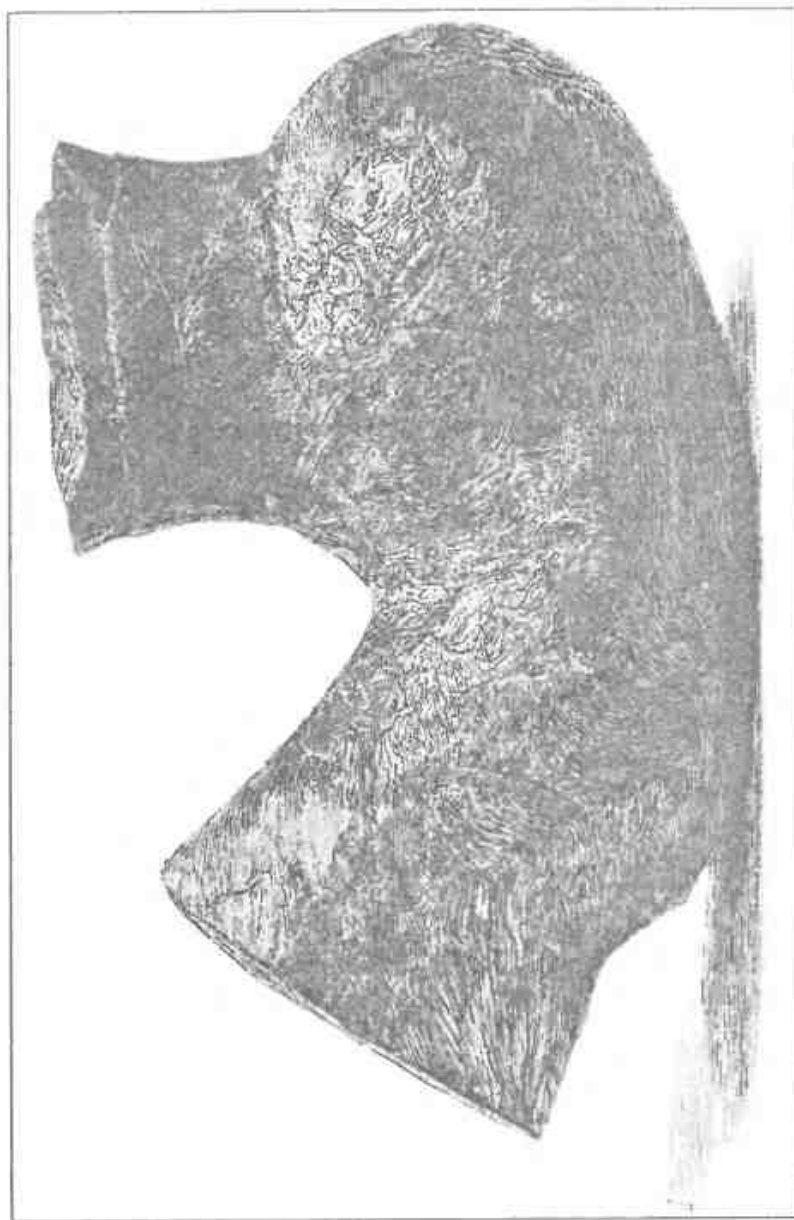
— Ах ти, псяюхо! Так ти ще й глумишся над моєю вірою! Ну, ось виси ж ти отут, на дереві!

Зараз його за ноги та й повісив.

— Як нагодитця хто, то той тебе одчепе, а як не нагодитця, то тут тобі й хата!

— Невже ж, діду, запорожці усе воювали та воювали і не було їм ні спокою, ні спочина?

— Ні, був їм і спокій і спочин. Вони оце б'ють-б'ють ляхів або турків, а потім як приїдуть із війни на Січу та повикочуть на вигін бочок десять або й більш горілки та як загуляють, так неділі дві, або й три, і світа божого не бачуть. І де, як, що у них і являється усе? Тут у їх і воловина, і телятина, і гусятина, а вже горілки, меду, пива — так і счету не було, бо все дешево, не так, як тепер. Танцюють, музики водять, у карти грають, пісні співають; а потім того давай куфи ниве-

Обчинська трубка.

ртати, посуд бити. Одним словом, таке виробляють, що куди вам! Розкіш їм велика була: одно знають – воюють та підгулюють. А деякі полягають коло куренів та попикують із люльок, та балакають, та радятця, звідкіля знову заходили на татар та ляхів; а деякі посідають на коней та випережають один одного; а деякі понастановляють високих стовпів, понамазують штани медом, щоб цупко було держатись, та лізуть на верх, перегоняють один другого.

– Так вони, кажете, і люльки курили?

– Де вже запорожці та не будуть люльок курити? Це саме перше діло у їх. А же ж ви чули про того запорожського отамана, що, розказують, як принесли ему паску на велик-день, а він замість того, щоб розпівалтця, і каже: «нехай, козаки, паска постое, а ми сперше люльки поцупим», – то ж воно саме у запорожців і було. Люлька у їх – сама перша подруга. Запорожець як сів на коня, як запалив люльку, так верстов цість або й більше смале та й з рота її не випуска. У їх на счот люльок ще й от що водилось: окрім того, що кожний козак мав собі люльку, а то ще і в кожному курені була люлька, – «обчиською» звалась, – велика така, повицяцькована бляхами, повсажена намистами та повибита дорогими каміннями^{*}. У їх були і особі майстри, що люльки робили. Після люльки найбільш усього вони любили музику. Оце було як соберутця та як уріжуть, так і самі танцюють, і земля танцює, і ліс, і вода танцює. Уже протів їх ніхто в світі не витанцює. Увесь день музики будуть грати, і весь день запорожці будуть танцювати. А як перестане музика, то вони й самі танцюють. Оце візьмуть два чоловіка в руки ослон, один за один край, а другий за другий край, постановлять друг протів друга та так і танцюють. Що за втішний народ був!

– Прямо що втішний! На чем же вони грали?

– На всякій усячині: на ваганах, на ріллях^{**}, на басах, на цимбалах, на сопілах, на свистунах, на скрибках, на кобзах, на козах, – на чім попало, на тім і грають.

– Що ж вона за кобза така?

^{*} Одну из таких трубок мне удалось найти в с. Покровском, Екатеринославского уезда, где была последняя по времени запорожская Сеча. Трубка эта имела больше четверти длины и около четверти толщины, только без всяких украшений.

^{**} Рыля или реля тоже, что лира¹.

— Кобза — це така штука, що вона складається на вагани, тільки вона крутаїйша і пузатїйша, з кружечком посередині, з вузенькою ручкою, з дірочками на ручці і с срібними струнами. Довжани буде зрішнина півтора. Я добре пом'ятаю її, бо скільки раз держав у руках.

— А що ж воно за коза така?

— Це така кожа, з ніжками та з пипалками, зодрана с кози: надме її, положе під мишку, пипалки у рот уставе, рукою придавляє та її грає.

— Так ото їм тільки й роботи було, що війна, люльки та музика?

— Ні, вони заїмались і другими ділами.

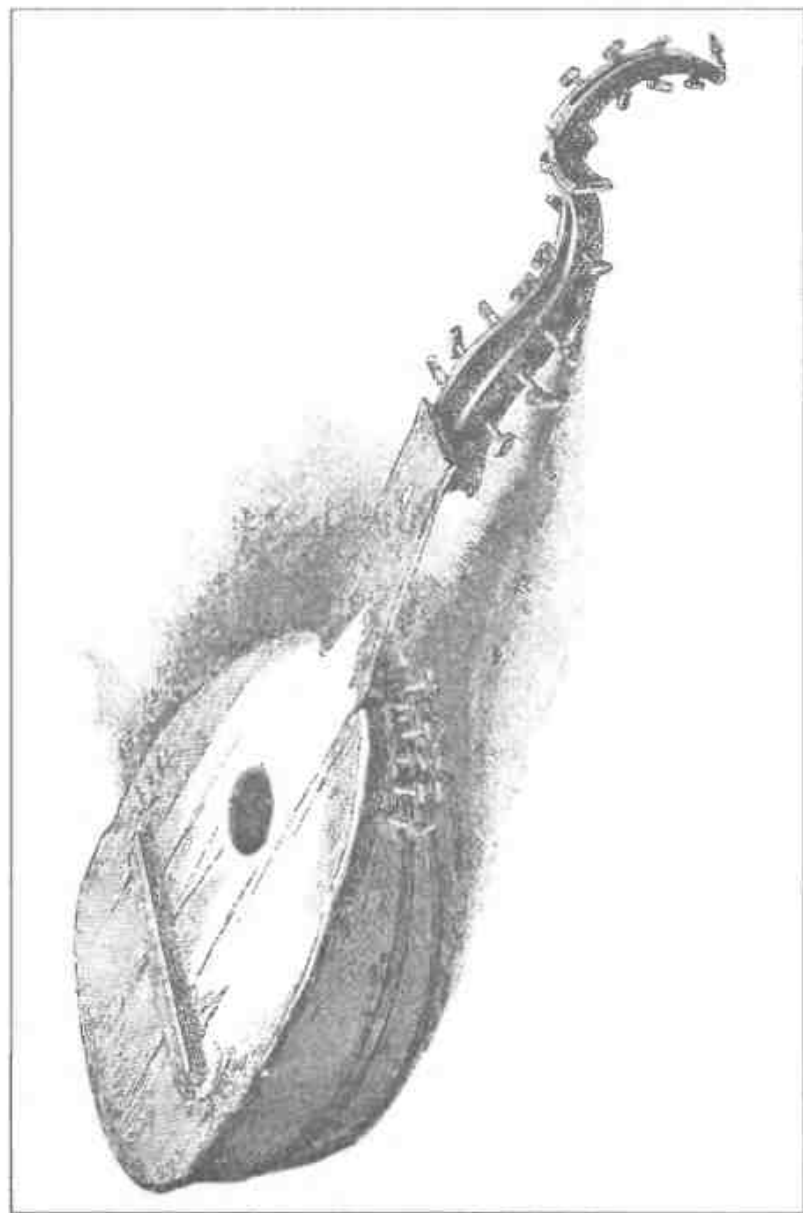
— А якими ж?

— Та всякими. Вони й самі коров доїли, самі і сир виробляли, самі й масло били; між ними було усякого сословія: шевці, кравці, ковалі, гончари, столяри; були й такі майстри, що робили вози, гарбички, — тоді цих німецьких бричок не було, а були невеличкі вози, аби тільки хліба привезти або сіна наложити; ці вози робились з двома віями, — одно спереді, а друге ззаді, щоб швидче можно було запрягати коней, коли пробіжить чутка, що йдуть татари. Були між ними і такі, що колодязі копали, льохи мурували, хатюки робили, — каюк у кожного запорожця був, на такий же манір, як і тепер; були такі, що табуни стерегли, товару* гляділи, коло отар ходили, — ці вже і особе званіє мали: чабани; а то були і такі, що сади садили, огородину розводили: капусту, кавунці, дині, огірки, табак; були лікарі, що рани залічували, од гадюк відпїєтували; такі, що по пасікам сїдали, хліб у степу обробляли, були й такі, що начальству прислужували, — хлопцями, або молодиками звались. Усяких було і всякого занятія.

— Розкажіть же тепер міні, дідуно, які були у запорожців кріпості.

— Кріпості? Січа — ото у їх і кріпості: коло неї були окопи, вали, а всередині дзвіниця, куди ставлялись пушки; були у їх кріпості і в паланках, — по-нашому уїзд, по-їхньому паланка, або суд. Оце і всі кріпості, а більш і не чув, щоб вони у їх були. Вони так жили, що нікого не боялись.

— А як же у тій Січі було?

Ч. II. Рис. 3.

Запорожская бандура, рис. И.Е. Репина.

* Товаром или товарякою называют малороссы рогатый скот.

— У Січі куріні у їх були; такі хати; як п'ятдесят хат, то й курінь. Ці куріні ставлялись один до другого причілками, а робились на стовпах та на сволоках, без димарів. Від того, як затопляють було грубу в куріні, то дим іде прямо через оселю, — так і курить, так і курить, — за ним-то його і куренем прозвали. Серед сіней куреня ставляли кабицю, над кабицею клали залізну перекладину, на залізну перекладину вешали залізні кріочки, а на кріочки надівали казани та так і варили страву. Оце запалюють кабицю, понавішають над нею казанів, а самі полягають животами вниз округ кабиці та люльки смалюють та балакають депо про ляхів, татар та турок. А тут же, серед куренів, стояла у їх церква, дерев'яна, у один ярус, крига гонтом, а коло церкви дзвіниця, у два яруси, теж дерев'яна. У церкві були у їх дороні євангелії, — так добре обробляні у золото, що аж горять було, ікони, корови, хрести, каністас, увесь мідний, а зверху визолочений, а царські врата із чистого срібра. Коло церкви була школа, де вчилися молодики читати та співати на криласах; а понизче школи стояв будинок кошового, а там, коло будинка, писарська. От як воно було в Січі.

— А чи так же воно було коло Січі?

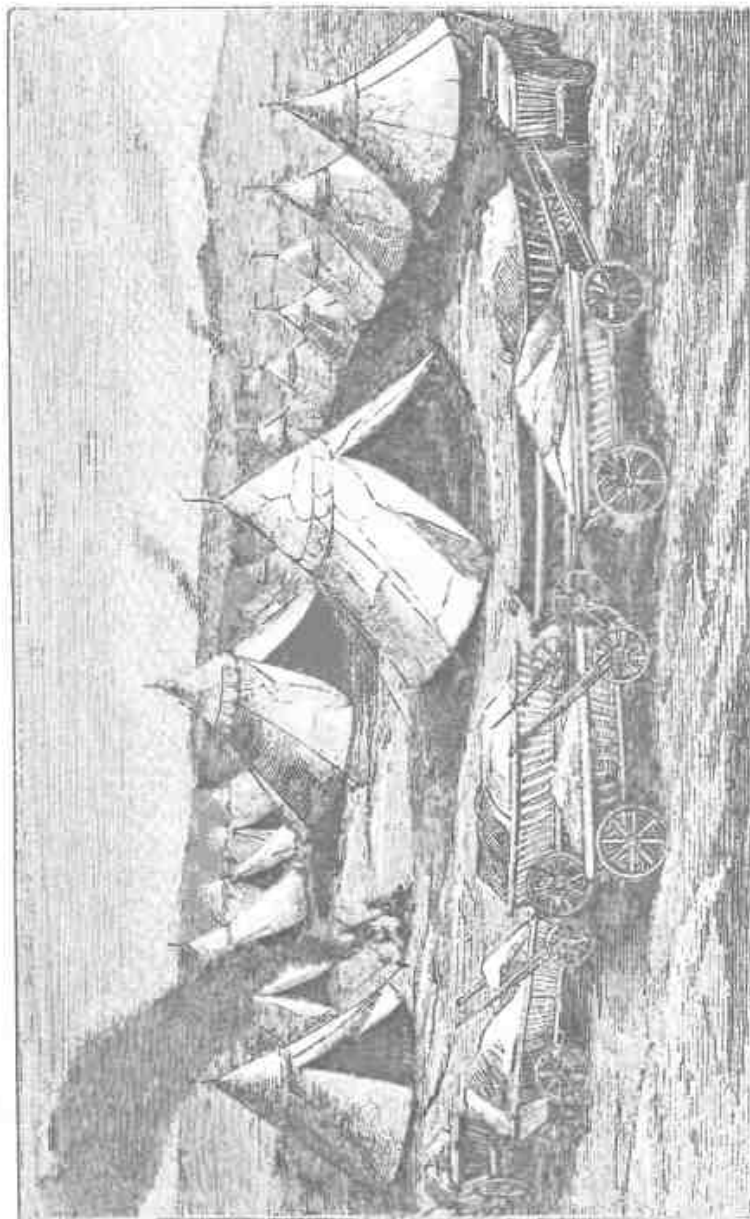
— Ні, там уже інак. Коло Січі, по степах, скрізь кущами стояли бурдюги, себто по-иному земляники*, чоловік на п'ять, на десять, а іноді й більш. У такому бурдюзі і мій батько жили. Бурдюги робились просто. Викопа запорожець ямку, поставе в ямку ліску, нагорне округ неї землі, обставе кураєм, обліпе кізьяком, обмаже глинною, введе мечеть, щоб хліб пекти, зроби кабицю, щоб страву варити, та й живе собі, як наче пан якій у хоромі. А щоб бачить, що воно діється у степу, зроби собі у бурдюзі маненьке, кругленьке, наче тарілочка, віконечко, вставе в нього скло, скверненьке таке, зелене, рябе та с камінцями, с кругленькою ряминою із чотирьох трісочок, та й дивитця через нього із бурдюга. Як і в куріні, так і в бурдюзі, димаря не полагалось; у бурдюзі і труби не було, а була мечеть, схожа на піч, тільки низенька, зроблена з дикого каменя. Як запалиш було що мечеть, то з неї полім'я так і паше, а каміння як розгорятця, так як огонь зроблятця. С такою мечеттю холода нічого було боятись... Де в яких бурдюгах і вбранство було: по стінам висіло оружжя, на покуті стояли розмальовані під золотом образа, попід стінами прироблені

* Татарское слово «бурдюк», что значит «вывороченная целиком шкура животного, просмоленная и употребляемая как сосуд для жидкости».

були лавки, ослінчики, щоб було де сісти; а котрий бурдюг, то ще й килимами вислан. Такі бурдюги скрізь розкидані були по запорожським палянкам проміж зимовників. Вони открыті були для всякого і ніколи не замикались, бо там так було, що чужого ніхто нічого не зачепе. Як їде або їде кули-небудь хазяїн бурдюга, то так і залишав його, а на стіл ще й страву кладе. Хто хоч, той і заходь. Оце чвала там де-небудь якій чолов'яга по степу, і захотілось йому їсти. Баче, стоїть бурдюг, зараз завернув до нього, найшов там казан, піпону, сало, або рибу, викрисав вогню, розвів багаття, зварив собі обід, сів і з'їв, напився води, ліг і спочива після обіда. Запрета ні в чом не було. Як прийде хазяїн, то він ще й рад гостеві, він його привіта, наче батька, бо тільки йому і родині на широкому степу, що заходь чоловік. А як заходь не встиг побачитися з хазяїном бурдюга, то, наївшись і віддохнувши, робе маленькій хрестик із дерева, ставе його серед бурдюга та їде собі з Богом, куди треба. Це щоб знав хазяїн, що був заходь чоловік. От як воно було у запорожців. Не дуже красовиті були їх оселі, а зате дуже привітні. Тепер увійдеш у хату, так вона красить вуглами, а не красить пирогами, а тоді вона красила не вуглами, а пирогами. Окрім бурдюгів та куренів, були у запорожців ще й зимовники; це вже таке, наче постійний двір: хата, а коло неї кругом повітки. До зимовника було як дійде хто, то сперше всього кричить: «пугу-пугу!». А йому одвічають: «козак з лугу!». Тоді вже й пускають. А як увійшов у сіни, то ратнще кладь на тяжі^{*}, а в хату не носи.

— Добре, любий дідуно, добре. А чи не знаєте, яку ж пищу потребляли запорожці?

— Всяку пищу потребляли: м'ясе, овощу, рибу; всячину їли, голодом себе не морили. Та й нічого було морить, коли скрізь і звір'я, і птиці, і риби, скільки хоч. Звірей ловили капканами, птиць били із ружей, а рибу ловили ятерями, нсводом та все і потребляли; одним словом, їли запорожці ласо, бо вони самі собі й варили, самі собі й пекли. Одного тільки ї мало було у їх, печеного хліба; замісто хліба одвічала тетерея; як що таке, зараз за тетерею. Тетерею називалось тісто із житної мукі, розведене молоком або водою з медом; його оце як замішають, то воно бува ріденьке-ріденьке, потім кисне, після чо-

Запорожський хатері в полі.

* То же, что и «кобылиця».

го уже робиття густим; тоді воно й готово. Як схотів який запорожець їсти, то зараз бере казан, віша його на кабіцю, налива в казан води, в воду кидає тетерю, до тетері підбавляє пшона, а до пшона риби або раків, та тоді й варє. Зваривши, їсть і горілкою запиває, а якщо єсть наливка, наливкою. Горілка у їх завжди була; вони привозили її із городів, а наливку робили самі, у себе на Січі; в Січі вони робили і пиво, на своїх броварнях, і мед, і сити, і варену із озюму або інжирю з горілкою, спареною на огні, робили вони і настой із команької трави або із папороті та й пили з овечим молоком.

— Все це добре, а із чого ж їли запорожці?

— Їли більш із корит, бо мисок не любили: блонцями, кажуть, вониють. Череп'яного та скляного посуду теж дуже не любили. Та як їм і с тим черепком та склом і возитись? Ще переб'єш! Посуд у їх робивсь більше із міді або із чавуна, казани, кострюльки — це їх було, а горшки, глєки та кухлики, — це вже або турецьке, або городянське. У череп'яному посуді запорожці більш усього своєю здобиччю ховали; візьме горщик, накрис його сковородою або якою залізничкою та й закопає у землю. Окромля казанів та кострюль, були у їх і коряки, тільки вони робились із дерева, більш усього із вербини, а вистругувались так чисто, що аж вилянскують на сонці, — це ті корячки, що звались у запорожців «михайликками». Були у їх і лоски, дерев'яні і такі, як тепер у панів; були баклажки, штопи, графини, чарки, тільки те все не їх заводу. Самі вони жили дуже просто. Якось лучивсь до їх охвицер від царіші, так вони наварили страви, насипали її у корито та й давай його утощати^{*}. Одним словом, по-простецьки.

— Розкажіть же тепер мені, дідусь, як зодягались запорожці.

— Зодягались запорожці добре, ходили і браво і чепурно. Вони, бачите, голови брили: обріє та ще й милом намаже, щоб добре, бач, волосся росло; одну тільки чуприну^{**} кидали на голову, довгу таку, з аришин, мабуть, довжини, та черну та кучиряву. Заправе її, замота за ліве вухо разів два, або й три, та й повісе, так вона й висє аж до самого плеча, та так і живе за вухом... Якби піймав за що, то було б за що піддержати!.. А інчий візьме та перев'яже свою чуприну стрічкою, закруте її на лобові та так і спить, а ранком як устане та як розпусе її,

^{*} Речь идет о генерале П.А.Текелі, которого запорожцы утощали из корит после разорения ими Сечи. «Хоч с корыта, та до сыта».

^{**} Чуприна от слова «чуба», а слово «чуба», с персидского «чуб» — гроздь, кисть, пучок.

то вона наче хвіст у вівці зробитьця. То все на вихвалку! Дівчата коси кохають, а запорожці чуприни. А як уже дуже довга виросте, тоді замота її сперше за ліве вухо, а потім проведе поза затишком, перекине на праве та так і ходе.

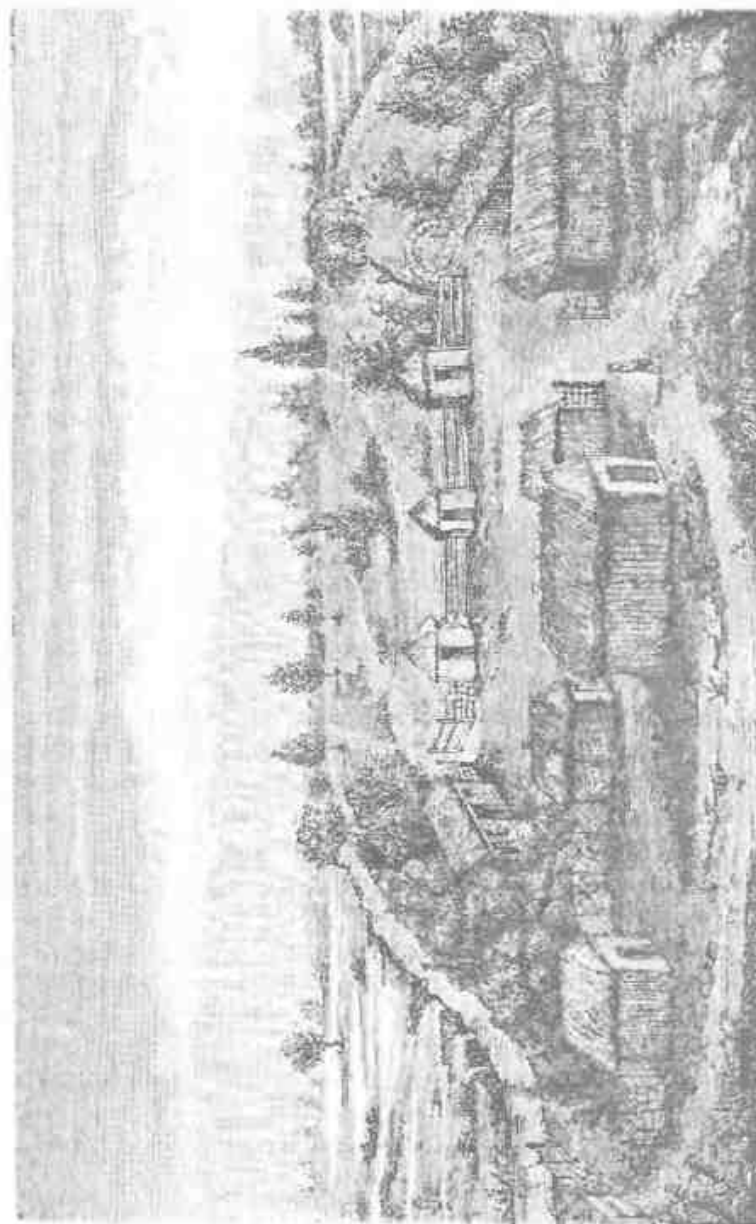
Бороди теж брили, тільки одні вуса зоставляли, і кохали їх довгі-предовгі. Оце як нахвабрить їх, як начернить та як розчесне гребешком, так хотів він і старий буде, а виїде такий козарлюга, що тільки хить-хить! Довгениі вуса кохали! Інчий візьме їх обома руками, підніме вгору та позаклада аж за вуха, а вони ще й ницде вух звисають. Отдік-то вони вусарі були! Положим, де в яких і маленькі вуса були: так, як у якого волос росте, а тільки що вуса вони дуже любили.

Оце він як чуприну замотав, вуса розчесав, тоді вже зодягається у свою одежу. Одежа у їх була на дроту* та на бавовні, на шовкових шнурках та на гудзиках, із тонкого сукна та все різних цвпів: той надіне голубе, той – зелене, той – червоне, – хто якого забажа; тільки сорочки були своєї рукодії, бо бамаги** тоді ще не знали. На голову надівали високу шапку, гостру, с смушевою околицею, у четверть ширини, с суконним або червоним, або зеленим дном***, у півтори четверті довжини, на бавовні, с золотою перепискою, с срібною китицею на самому вершечку і с гапличком до неї, пристібувати, щоб не моталась. Околиця на шапці іноді служила козакові замість[ь] ки-сета або кишени; тудя він, як коли, кладе було табак, кресало, мольку, ріжок з табакерою; особливо мольку: як виняв із рота, так і застромив її за околицю. Шапки робились більш по куреням; якій курінь, така і шапка, такий і цвіт на неї. Перед тим як накладати шапку, козак отді-ле от чуприни пучечок волосся і напусте його на перед лоба, потім замотує саму чуприну за вухо і тоді вже наклада на голову й шапку. Як наложив шапку, тоді він уже і козак. Це – саме перше і саме глав-не одягання козака. Потім уже надяга каптан, довжини до колін, черво-ний, з гудзиками, на шовкових шнурках, з двома зборами назаді та з двома кріючками на боках, для пістолів. Застебне той каптан гудзи-ками, підв'яже поясом і готов. А пояса робились або шалевні, або шовкові турської та перської рукодії, широкі та довгі. Не такі, що тепер наші парубки носять, що там замотують їх по середині живо-

* «У середині дріт поставлений: скільки хочеш бий, то не проб'єш».

** Бумажная тіань.

*** Вершок; красний вершок у некоторых называется «солодким дном».

Запорожський зимовик.

та та зав'язують спереди вузлом, а такі, як ото черниці роблять попам; довжини — аришин з десять або й більш, а ширини четверті півтори або й зовсім дві. Края у їх робились позолочені або посеребрені, а на самих кінчикках прив'язувались шовкові шнурочки. От, як треба козакові підперезатися, то він прив'яже пояс шнурком до гвізда та й качається крутом, та так і намота на себе увесь пояс. Потім шнурки зав'яже або позаді себе, на спині, або на боку, а позолочені края зоставе спереди, на животу, та так і ходе, як той лицарь.

Пояси були різних цвітів: зелені, червоні, голубі, коричневі. Окрім таких довгих поясів, носили запорожці і коротенькі, зроблені з кожі або з волоса. Ці вже були такої довжини, щоб тільки обхопити живіт. На них сздалі навішувались китиці, а спереду гаплички, пряжки, ремінчики для пістолів, для люльки, кінжалів та шаблі. Шаблі носились низько: як іде козак, то вона за ним так і волочється.

От як надів запорожець червоний каптан, підпиризавсь поясом, почіпив на себе кінжал, повісив пістолі, шаблю, тоді вже він надівав черкеску, або жупан. Це уже простора та довга одежа, до самих кісточек, с широкими рукавами, так наче підризник у попа, або оте плаття, що надівають на себе по городах архирейські півчі. Черкеска уже була другого цвіта, ніж каптан: як каптан червоний, то черкеска або голуба, або синя. Вона була теж на зборах та на шнурках, уся золотом гаптована, з різними полосками, повимальованими та позакарлюченими, с позументами, гапличками, гудзичками, по товшому дроту і с широкими-предширокими рукавами з проріхом, або, як там кажуть, з роздерами, чи з роспорами*. Роспори ці робились якраз у тому місці, де згинається рука по локтю, четверті півтори удовж; вниз за роспорами іде вже шитий рукав, а нижче його заковраші, чи, по нашому б, завороти, зроблені з голубого бархату. У такі рукава просовували руку або прямо через заковраші, ті, що на коньцях рукавів, або через роспори, ті, що по середині рукавів. Як рука просунута прямо через заковраші, тоді рукав черкески пристегувався гапличком, коло самої кисті, до рукава каптана, від чого й виходило, що коло кисті рукав черкески був узенький, а вище, до локтя, широкий та ще й з роспором. А як же рука просунута через роспори, тоді виходило, що на кожній руці козака надіто було наче три рукава: два ле-

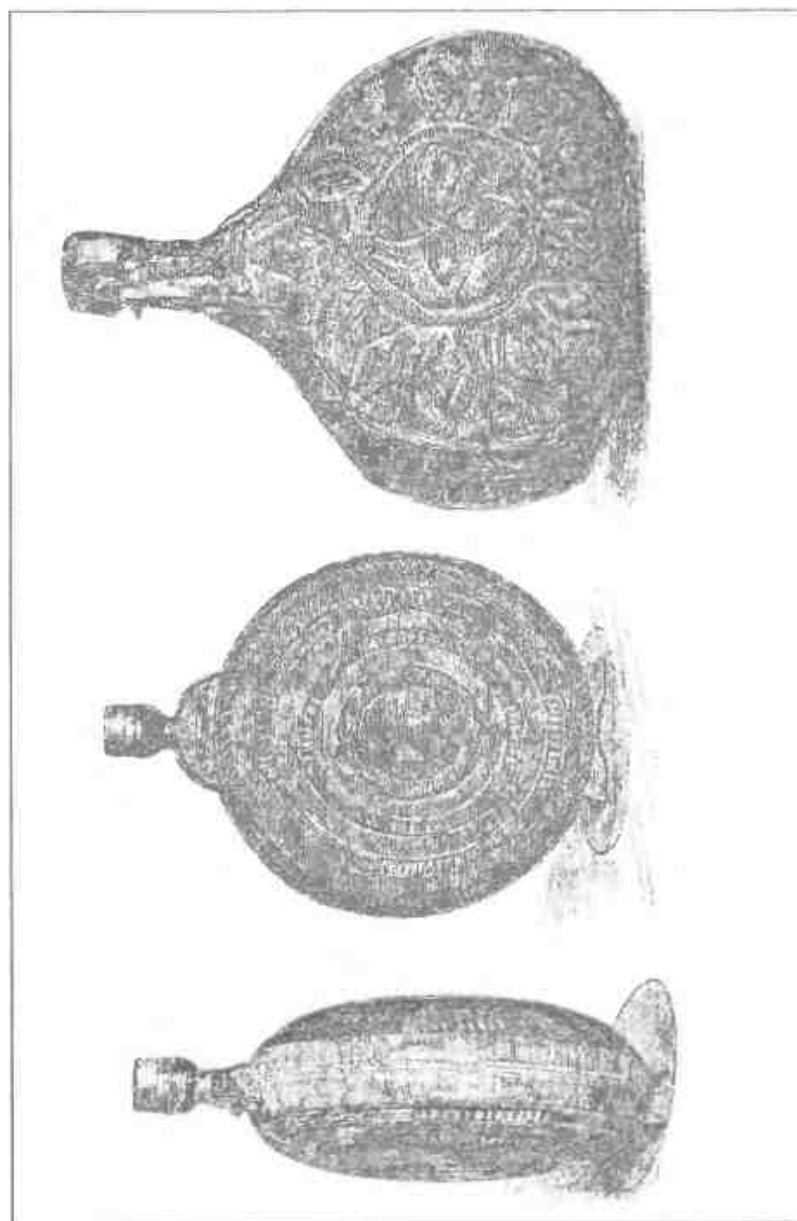
* Інше с виш'єтами.

жати, а один ззаді метаяється. Ті, що ззаді метаялись, можна було заложити за спину і вмісті зв'язати там. Від чого і виходило, що як їде запорожець верхи, з зав'язаними рукавами, то здається, що ззаді його прироблені крила. По тім-то крилам і пізнають було ззаді запорожця. Поверх черкески інколи надівалась ще ксеря, - це вже одягніс зовсім довге, по самі п'яті, зроблене або з кожї, або з вовни, без рукавів, схоже на плащ. От яка одежа! Така одежа, що він однієї сорочки не продасть за сто рублів; як їде було по вулиці, так наче зіззаний, або квітками уквітчаний.

До цієї вже одежі, широкої та просторої, пристали і широко та просторі штани, із сукна, із нанки, із кожї, на обоє боки з карманами: і тут карман, і тут карман, і обидва обложнені зверху золотими позументами. Цвітів усяких, а найбільш синього. Матні в штанах робились такі, що аж до землі доторкались: так, як будто щось таке волочється. Як їде козак, так й слід за собою мете. До штанів пригонялись довгі очкурні, шовкові або шерстяні, з золотими китицями на обох концях. Холоші штанив носились поверх голяниць, - не так, як тепер, що закладають їх за чоботи, а поверх чобіт; вони прив'язувались до голяниць срібними під'язками або шовковими шнурками з золотими або срібними китицями по краях. Та й самі під'язки прив'язувались так, що їх, окромя китиць, і не видно було. Як їде запорожець, то тільки й побачиш, що із-під його штанів китиці тиліпаються.

Під штани вже набувались чоботи, сар'янові, - жовті, зелені, червоні, з золотими або срібними підковками, з узенькими нісочками. Од чобіт тільки й побачиш, - що ніски або закаблуки: отак, бачите, запорожці напускали на них штани. Здалека здається, наче то баба в спіланиці стоїть, а як їде козак, то наче парус розпускає. А шириня така, що в ній штани можна шук тридцять кавунів вложити; як двадцять аршин матерії, то такі штани звуться рясні, а як п'ятнадцять, то зватимуться з достатку.

Тепер ви бачите, яка була одежа у запорожців, тільки це не повсякдення, а праздничова; дома вони, у будень та ще й на роботі, не дуже розкішно обряжались. Бувало так, що обриє запорожець собі голову, заправе оселедець за вухо, зав'яжеється ганчіркою, натягне на себе опончину, надіне із свинячої шкіри патиночки та й ходе. А інчій піймає козу, облере її, облупе кожу, вигністе, одінеється, обує такі постолі, що кожа у вершок товщини, а у дві четверті довжини, та й

чвала собі. А інчій так іще краще: або вирядитця у такі постолі, що в них можна Дніпро переплисти, або на одну ногу натягне постол, а на другу сап'ян та ще й співа:

«Одна нога у постолі, а друга у сап'яні,
Подвисся, Гашо, як[и]й постіл гарний.
Чи сєй, чи сєй? Чи сєй, чи сєй?»

А то іще лучче: зовсім голий; тоді й виходе, як там кажуть, увесь Хвесь:

«Кудя скоче, туди й скаче,
Ніхто за ним не заплаче...»

Удень чоловік, а вночі звірюка.

– Тепер хотілось би міні знати, діду, яке воно було оружжє у за-
порожців.

– Оружжє у них було добре, дуже добре, усе вбране в золото та в срібро, на оружжє та на коня вони все багатство своє покладали. То й не козак, як у нього погане оружжє. Були у їх і пушки, тільки мало: нащо їм пушки, як у їх добрі кулаки були? Були у їх і шаблі, і пістолі, і келепи, і списи. Шаблі були у запорожців прості, не дуже закривлені і не дуже довгі: як п'ять четвертей, то й добре, а тільки що вони гострі такі були як огонь: як рубне кого, то так надвоє і розколе: одна половина голови сюди, а друга туди. Пістолі робились коротенькі, так, мабуть, четверті дві, не більші, тільки дула у їх просторі. Вони заряджались кулями, або олив'яними, або чавунними, з гороб'яче яйце завбільшки, носились на поясі, по два на кожному боці. Келепи робились із сталі, щоб краще було розбивати панцирі, – ті, що носили лядські войска, та бити по голові піших ворогів: келепом усто-
ди* як улуче, то вже не будеш жити; ото ж і співають в піснях:

«А козак козацький звичай знає:
Келепом по ребрам торкає».

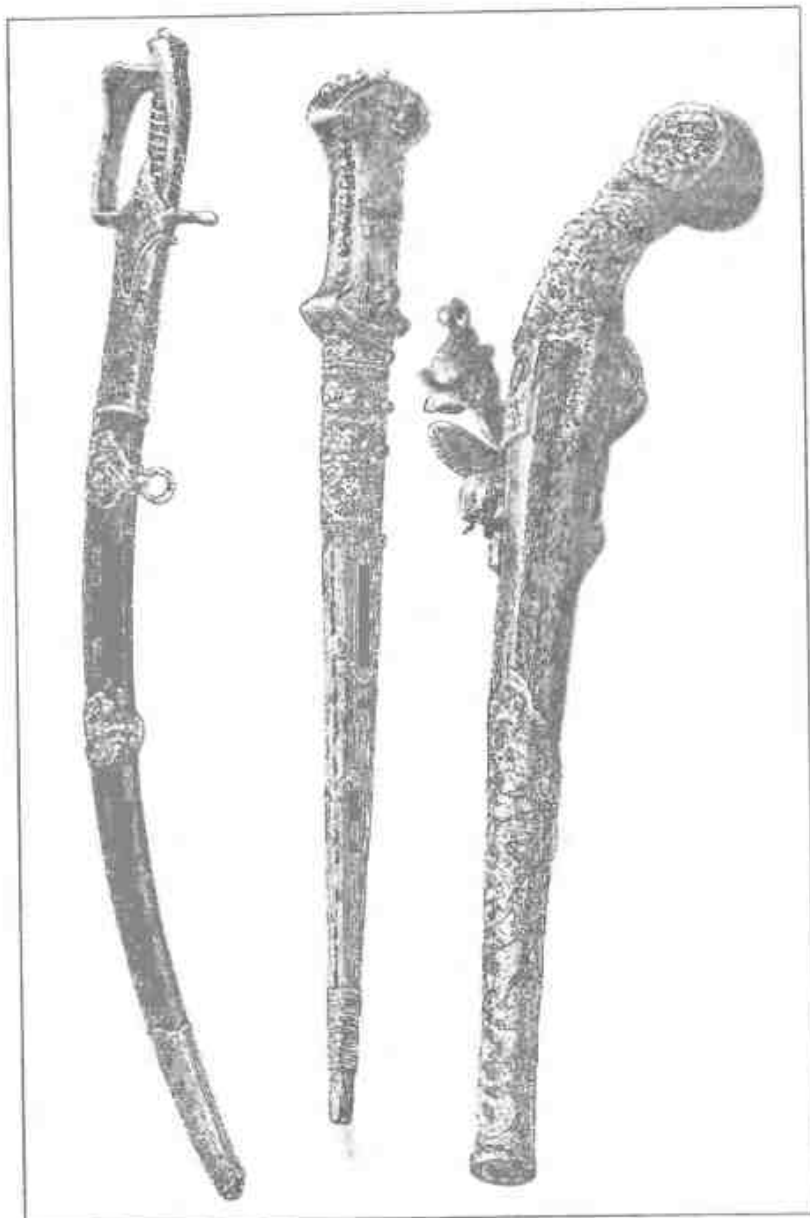
Списи робились довгі, аршини п'ять, на легеньких древках, покрашених червоною та чорною краскою, так як ото красять стовпи,

* Рассказчик показывает при этом или на голову или на бок.

що на шляхах стоять та версти показують; а на інших дровках робився ще й перепел* залізний, це вже для того, щоб як проткнеш чи там татарина, чи турка наскрізь списом, так щоб він згаряча не пройшов по спису аж до самих рук та не схопився б знову биття; бо іншому і живіт розпорини списом, а у нього і кров не бризне, він і не чує, та вп'ять лізе биття. Деякі списи робились на обидва боки: залізка і на цей край, і на той; і на цей край кладає, і на той; так як пробиває, то й вулиця. Списи служили запорожцям і замість мостів на болотах: як доїдуть де-небудь до топкого міста, то зараз кладуть один за одним два ряди списів, — у кожному ряду спис і вдовш і впоперек, — та по ним і переходять: перший пройдуть і розберуть, останявляючись на другому і мостять із першого третій. Та так і перебираються. Окрім пушок, шабел, пістолів, келепів, списів були у їх і рушниці, і кінжали, і ножі, і якість, такі, щоб розкидати під ноги татарським коням; воно з трьох ріжками: як його не положиш, то все один ріжок стирчить угору. Усього треба було. Це все, окрім пушки, і у мене було; була й одяга, була й зброя, так я три рази на своїм віку горів, оттого у мене всякого добра багато попропадало, а то були коло мене і такі люді, що моє добро пораскрадали. Із всього того мені найдорожша була шабля, стальна, з золотою ручкою і с китицями, уся закривлена і гостра — гостра, наче бритва, а пихви до неї усі зложені були дорогими каміннями. Була й зброя: вудела, сідала, стремена, бляхи, — таке, як налінеш було на коня, так воно так і сяє на сонці.

— Як ж до такої зброї були у запорожців коні?

— Коні у них були такі, що вже!.. Одно слово, як змії... Було як поньдуть до корчми, то все вихваляються їми та визивають один другого, хто краще сяде на коня, щоб не перевисити на ньому сідала. Отут коло мого батька жив запорожець Смик; страшенний козариюга був! Він такий був, що чоловік дванадцять захищав, а вони його й не візьмуть. Так цей Смик поставив було одну ногу у стремено, а другу на землю, то однією рукою візьмеш за гриву, а другою обіпретця на спис, та так, як муха, і вскоче на коня, а кінв як укопаний стоїть. А другий був такий запорожець, Явір, як нап'ється було, що й на коня не влізе, тоді й кричить: «Повзи!» То він передні ноги протягне вперед, а задні назад та й повзе. Як почує, що козак уже [н]а спині, тоді під-

Ч. II. Рис. 7.

Ружьє, кінжала и сабля.

* «Перепел» — перепонка.

німетця та й гайда. А як сяде запорожець на коня, то орудує ногами: куди хоче, туди й поверне.

— А де ж вони таких коней купували?

— Покупка у їх дешева була: у татар займали. Украсти у татарина - це саме перше діло у запорожців. С татарами вони, як коли, то і дружать, умісті і люльки курють, а як видивлятися, де у їх що лежить, то вже ступнуть. А найбільш коней крали. Оце підкрадуться потихеньку до табору, де сидять татари, та й дивляться, чи всі вони там, а ті й не бачуть нічого: «гала-гала! гала-гала!» Тоді запорожці потихеньку одлізуть от табору та до коней; штук п'ятдесят або шістьдесят займуть, мерщій повскакують на них та й повтікають. Татари за ними: «Чуга-чуга! чуга-чуга!» — кричать, гоняця та із пістолів луцять. Так де тобі? Запорожцям те й байдуже. Вони тільки сидять та потатарськи прикрикують: «Чоп-чоп! ану, чоп-чоп!» Доскочуть до Дніпра, перепливають річку і сідел не замочуть. Попереду всіх летить ватажок, а за ним уже другі: хто за хвіст коневі почешитця, хто за гриву та і плывуть. Перепливають, зараз до корчми, по одній коняці за три полтини штуку продадуть, гуляй, панове-молодці! Були у їх і татарські коні, були у їх і свої коні, були і куповані.

— А було за віщо їм купувати?

— Ще б таки! У їх гроші по всякій час водились. Ходили у їх і золоті, і срібні, і мідні гроші; тільки бамажок не було. Були у їх і карбованьці, і полтинники, і копійки, - руські гроші; були у їх і парички, і левики, - турецькі гроші; були золоті, таляри, - лядські. Їм треба було різних грошей заводити: сьогодні запорожець торгується з москалем, - треба московські гроші; завтра торгується з турком, - треба турецькі гроші; а там торгується з ляхом, - треба лядські гроші. Лядські гроші були більш золоті, турецькі більш срібні, тоненькі такі, наче риб'я луска, а руські — самий мідняк. За грошами у запорожців жалю не було. Оце було під'їде до коваля, виставе ногу та й кричить: «На, куй чобіт». Той підкує, а він йому пригорш грошей кине та й поїде. Він увесь у грошах ходив. Як треба було стріляти, то він стріляє кулями, а як не стане куль, стріляє гребами, а потім шагами, а потім мідними, - заряде та й дує. Вони як покидали Січу, то несли с собою і всю свою казну; потім кой-які позакопували її у землю по різних пригметам^{*},

* У малороссов, в проізношенні немногих слов, есть буква г, которую мы изображаем латинским начертанием.

а кой-які поскладали у бочонки та попускали їх на залізних цепях у річки.

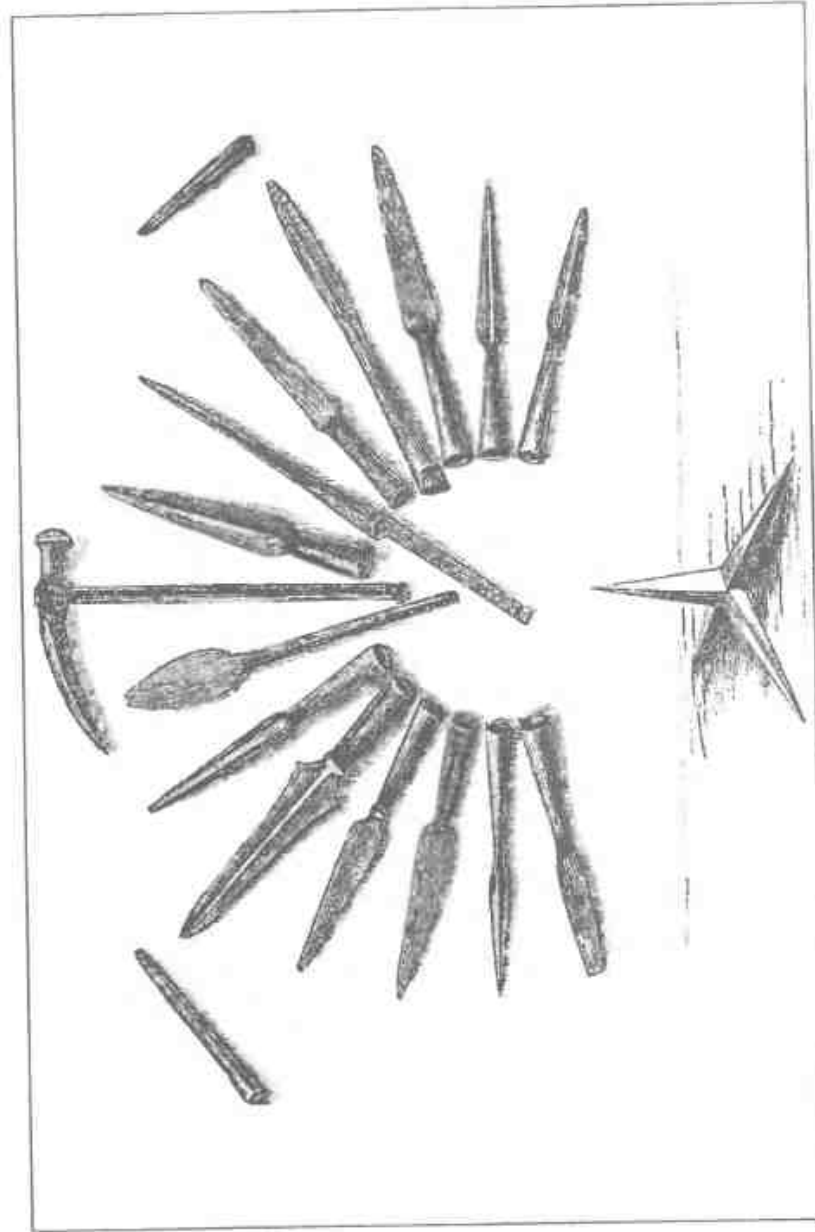
— Так от як воно було!

— Будь би то так!

— Скажіть же мені тепер, дідуся, яке начальство було у запорожців?

— Начальство разне було: у первих* ходив у їх кошовий, то його і хваляла була, то його і величало; він їм усіма голдував; вони під його полою і жили. Потім ходили у їх: осаули, писарь, отамани, себто куренні. Оце вам і начальство. Та й те сказати вам: запорожці самі собі були пани, самі собі царі, самі собі і крестяне. Із себе ж вони і всю старшину свою вибирали. Як вибирають кошового, то він довго усе одказує, а вони, все вмовляють: «Будь таки нашим начальником, будь таки нашим батьком». Постановляють перед ним усі класиноди, — бунчук, булаву, пернач, литаври, печать, — та все просять. Довго обирають, а як уже виберуть, так такого, що тільки держись. Куди захоче, туди й поведе: не боїтись ні вогню, ні кулі. «Бий мене, каже, прямо в груди, а я оцю саму кулю тобі й назад кину». Як виберуть кошового, вже слухають його, як діти батька, аби тільки він був добрий вояка; на те ж йому на голову і шлени надивають, як вибирають. Він був самий старший над усіма; на війні веде війська, а дома суде усіх злодіїв. Оце як хто кого обіде, то сперше суде його судья, а потім разбор ділу дає кошовий. От не помиряття там які-небудь два козаки; були вони уже у суді; тепер ідуть до кошового. Розкажуть йому усе діло, від началу і до кінця, і потім просять, щоб він дав їм розправу. Кошовий вислуха і наперед усього лаптується помирити противників. «Попрощайтесь, каже, козаки, бо гріх тяжьбу заводити». Козаки, як вони люди богобоязкі та слух'яні, зараз же і втихомиряття: куплять горілки, вип'ють і розійдуться. А як вони неугомонні і неслух'яні люди, то тоді кошовий уже їх суде: прикаже обідчику чи там грошами заплатити, чи велить його наказати як-небудь. А наказували більш усього розками: одсіють лозою та й годі. Це у їх найчастійш, а бувало й так, що палками по п'ятах, або кійками по підшвах били, із пістолів розстрілювали: вихопить пістоль, бацне у груди, от йому і канут, — це за зміну. За зміну ж і путали: одруба-

* В смысле «первым из всех», а не «во-первых».

Кошова, келеса и ячиря, зображення Г.П. Алексеева.

ють праву руку та ліву ногу, а потім ліву руку та праву ногу^{*}. А за дівчат до стовпа прив'язували. Стовп у їх ставляли на шляху і три кійки коло нього клали, хто йде, то бери кійок та опяхни три рази прив'язаного та й їдь, а не вдариш, тебе битимуть. А злодіїв вишали на шибеницю. Приставляють туди драбину, піднімуть чоловіка, накинуть йому на шию верьовку, а потім драбину приймають, і шабаш. Поки ногами меле, поки душу отдасть.

Кошового слухають не тільки ті, що в Січі, а й ті, що по зимовниках та по бурдюгах вештаються. Оце як війна, то вже кошовий скрізь розсила листи поміж козаками, – де хто є, щоб ішов воювати. Заб'яжить розсылний од кошового і в бурдюг: «Отак і так, каже, ідіть чи там на раду, чи там на війну, такої-то і такої город брати». То вже і їдуть: ніхто не сміє одказатися. Начальство своє запорожці держали і слухались його, доки правилось: як не понравилось, вибирають других.

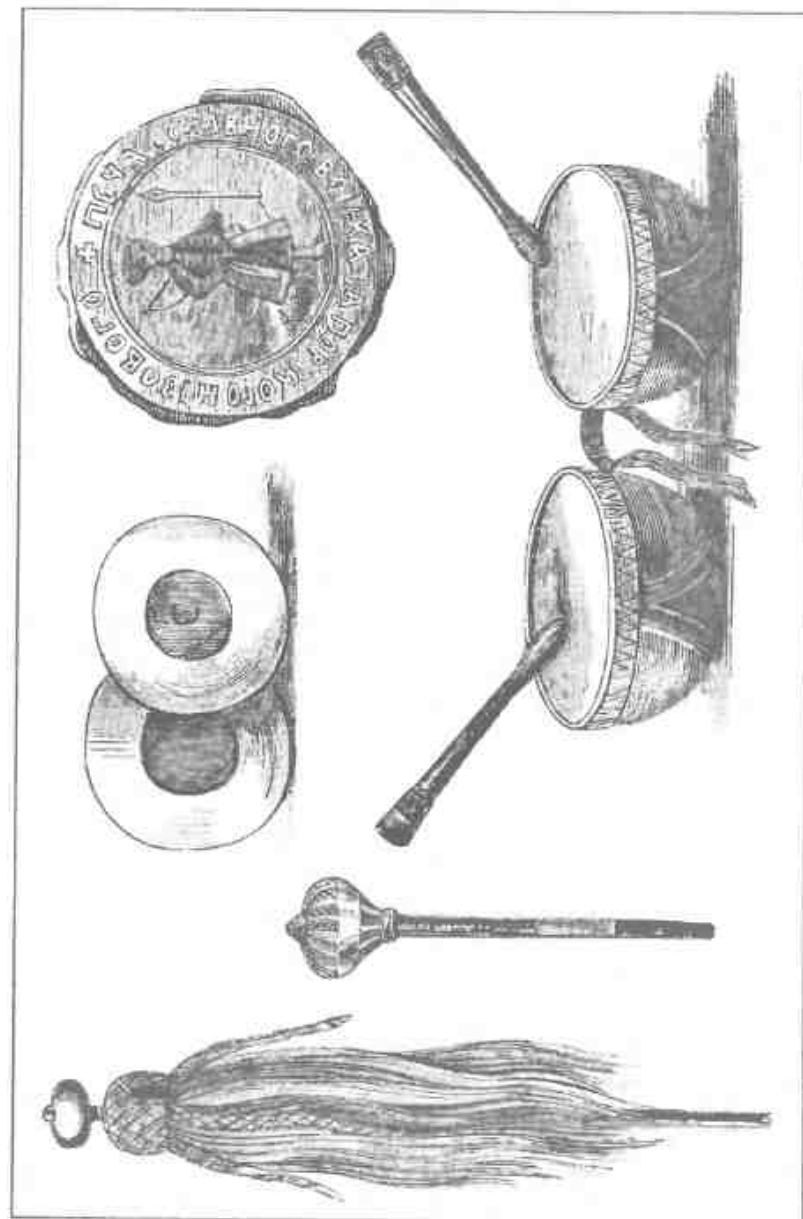
– Ну, а скажіть тепер, діду, чи здорові були із себе запорожці?

– Ростом в[о]ни були нярод середній, а тільки що кріпкий, лебелій, хвабрий, з виду мордастий, наче пообточуваний. Не знали вони ні «соб», ні «шабе», від того і здорові були. Тоді така поведенція була, що парубки год до двадцяти ходили без штанів і роботою не дуже-то утруждали себе. Від того вони і здорові і довголітні були. Тепер народ слябий та порожній, здоров'я нема і недовговічний: як дев'яносто год прожив, так не баче і стежки під собою, а тоді у століт тільки в силу вбрався. Довго жили та й весело. На війну було їдуть з радістю та з смішками, а з війни вертаються з музик[а]ми та з піснями. Оце як провожали, так і пісню зложили, не так як тепер: воювали ж з турком, а що ж хоч одну пісню зложили? Ні одної. А тоді чи поб'ють турка, чи пошипають ляха, зараз же і пісню зложать на той случай. А що вже хвабрі були, так і казати нічого: на війні кулі аж свистять, а їм і гадки немає. У Польщу було як ускаче, у якій город, чи слободу, та як розжене коня, то так браму і винесе! А як цілим строем іде, так аж земля гуде.

^{*} Обыкновенно этот способ казни назывался четвертованием; ни четвертование, ни сечение розгами, ни битьё по подолшвам палками, не подтверждаются другими источниками; последний род наказания не практиковали даже в русском праве XVII века: См. Сергиевского. Наказание в русском праве. СПб., 1890. С. 149.

— А чи правда тому, що між запорожцями були якісь-то характерники, такі, що їх ні куля не брала, не шабля не рубала?

— Ні, цьому не вірте: це тільки одна балака; вони жили по-божески, не знали вони ніяких чар; од них і потаного слова не почуєш; «скурвий сину», — ото у їх найбільша лайка. Жили вони наче ченці: жінок не трогали, а все воювались та молились Богу, і молились добре: знали і «Отче-нашу» і «Віруно». Більш усього молились, як на війну йшли. Вони службу церковну любили; вони їй постили і говіли, під велик-день і паски святпили, під хрещення кутно варили і взвар робили. Деякі під старість у монастир йшли; а як прийдуть було які з них по ділах чи в Москву, чи в Петенбурх, чи в Київ, то перш усього йдуть по церквам Богу молитися, до мощей прикладуватися та подаяння духовним давати. До церкви вони велике усердіє мали. Раз якось обрали вони собі кошового Грицька Лантуха*. А він дуже богобоязкий був чоловік: усе їздив на прощу по городах. Приїхав якось у Київ, пішов по церквах, зайшов і в главну, печерську церкву. Дивитця, аж там каністас такий бідний-бідний та обідраний. Подивився він та й каже старшому архимандритові: «А що ти думаєш, отче архимандрите? Зроблю я вам новий каністас». — «О, це велике діло, та чи можеш тільки ти вистачити усього, що потрібно на той каністас?» — «Можу, каже; як не сам, то всім запорожським кошом». Та й підрядився аж на двадцять тисяч. От якій каністас! Приїзжа на Січу, збирає усе товариство та й каже: «Оттак і так, оттак і так... А що, братці, збудуємо новий каністас до святої печерської церкви, щоб божі угодники і об нас Бога благали». — «А що ж? Збудуємо, збудуємо, пане-отамане!» От зараз зібрали двадцять тисяч карбованців і віддали кошовому. Кошовий зложив їх до купи, уторнув у папер та й послав якимсь козаком аж у самий Київ. Приїхав той козак у Київ, прийшов до главної печерської церкви та й питає ченців: «А де тут у вас найстарший архимандрит живе?» Йому показали. Підійшов він до того архимандрита, так у чому був: у червоній курті та в широким штаних, — підійшов до того архимандрита, узяв обома руками благословення, та потім і витяг із кишені папер. Архимандрит дивитця на нього. Витяг їй подає. Нема на тому паперу ні підписа, ні печаті. Архимандрит узяв у руки та й питає: «Що це таке?» — «Та це ба-

Запорозькі військові каністаси: бudyuki, булава, аитар, печені.

* Историческое лицо.

тільки коштовний прислав вам двадцять тисяч карбованців на построченіє каністаса у головній печерській церкві». — «Еге, та яка ж у вас на Січі і простота! Така велика сума та й не запечатувана та ще й без підписа». — «Та нам, отче, і писати ніколи. Та й нащо? Між нашим товариством крадіжки не буває». — «Добрі у вас звичаї! Це й нам треба у вас перенімати... Ну, скажи ж велике спасибі пану кошовому та передай йому оці дві ікони на благословеніє».

— А чи були ж у самих запорожців духовні?

— А як же? У їх були і попи, і дьякони, і паламарі, тільки усе із ченців. А може були таї, як і вони: так понабігали. Вони держали їх і в Січі і по зимовниках, де були церковці, хіба у глухому степу, де ні церкви, ні людей, то там же і духовенства не було. Та вони й самі такі були грамотії, що і в перквах на крилосах могли правити.

— Так от як вони жили! А де ж вони хоронили своїх покойників?

— Як умирав козак у Січі, то там було особе кладовище, там і хоронили його, а як умирав на зимовнику, то його хоронили або серед степу, або на березі річки, або де в бальці, чи вибальці: де жив, там і хоронили. А хоронили при всім козацьким убранстві: у калтані, черкесці, у сап'янах, у шапці, ще й при оружжі. Гроби робили із сосни, із дубини, із вербини; у гроб ставляли іноді і пляшку з горілкою, а іноді ще череп'яну ляльку. Оце вмер козак. «А нумо, товариші, поставимо йому пляшку горілки у голови, бо покойник любив її!» Та й поставляють. То з розкоші!.. Зверху насипали високу могилу, а по верх могили ставили кам'яний хрест, зроблений самим покойником ще за живота. Ото ж і співають пісню:

«Що взяв козак за жіночку
Високую могилочку, зеленую долиночку».

— Так от як воно діялось!

— Так іменно і діялось.

— Тепер уже наче все ми перебалакали; скажіть, дідуно, де вони ділись, ті запорожці?

— Де ділись запорожці? Зійшли геть!

— А чого ж вони зійшли геть?

— Не помирились, бачте, с царицею Катериною, так вона й прогнала їх відцїля. Бачьте так, що показували-показували собі та й подались геть. Деякі пішли під турка, а деякі позаставались і тут;

тоді і мій батько отут саме сіли. Перед тим як вигонить запорожців, так тут проїхав Потьомка; він видививсь усю справу запорожців та й зігнав бідолах звідпід. А після нього уже бігла тут сама царця, оглядаючи усе степи, – ось тут, на балці Кам'яній, понизче Чернишівки, а повизче Новопавлівки, і мнілі ставили, де вона пробігала. Мені тоді було так, що год шестнадцять... Ей, пріко прішлось бідній сиромі! Тоді ото й пісню зложили до зруйнування Січі, що, каже:

«Ой пішли, пішли славі запорожці
А не пішки, дубами;
А як оглянутись до славної Січі,
То вмиють слезами...»

— І куди ж вони пішли?

— Далеко і на далекі землі: аж на Дунай, під турка. Довго вони там жили, аж поки не обрали собі за кошового Осипа Гладкого; так той уже перевів їх знову сюди. Коли чули, єсть Чорноморські козаки, так то запорожського звання. Те, та не те!

На этом я и закончил свою беседу с Иваном Игнатовичем Россолодой. В заключение я выразил желание осмотреть место бывшего бурдюга отца Россолоды, и старик с готовностью показал мне. Место бурдюга находится в огороде меньшого сына Ивана Игнатовича, Ивана; оно имеет восемь аршин длины и четыре ширины; около него росла верба, посаженная еще отцом Ивана Игнатовича, но недавно срубленная сыном последнего. «Уже я його пополаяв за ту мербину. Воно був поставлен коло бурдюга стовп вербовий, та той стовп принявся, і виросла із нього вербина, а він (син) візьми та й зрубай її». У Ивана Игнатовича от отца оставался еще «вмишпань», т. е. погреб для зимовки пчел, но он уже давно завалился; теперь от него осталась лишь одна яма, находящаяся в огороде другого сына Ивана Игнатовича, Самойла.

Близь двора Ивана Игнатовича Россолоды, в огороде крестьянина Прокопа Шила, есть интересное место, достойное внимания археологов: среди совершенно ровной поверхности земли образовалась впадина, в виде правильного четырехугольника, в котором каждая из продольных сторон имеет по 20 аршин, и каждая из поперечных – по шести аршин. «Як ореш оце місто, то земля наче бухкотить; а весною у оцю розколюку усе крига сунеться, а вода аж реве, і

не видно, куди вона виходе звідпід. Якось ми взяли коляку, сажени п'ять довжини, та й давай її забивати у розколюку, так вона уся увийшла, а дня і не достала. Шо воно таке єсть, не можемо розібрати; тут якось найшли горщик з якимсь нарядом: прикличками, галличками, ремінчиками; тут же найшли і стрілку якусь, ніж сталний, посудину скляну. Чи не лях це запорожський?»

На расстоянии около двух верст от острова Томаковки стоит деревня Марьевка, принадлежащая владелице Е. М. Очеретской. Возле Марьевки, в балке Отченашковой, обращает на себя внимание песчанниковый надгробный крест, высоты с небольшим полтора аршина. На нем сделана надпись, к сожалению попорченная дробью: крест служил мишенью для выстрелов каких-то неучей, родственников владелицы. Из попорченной подписи с трудом можно было разобрать только слова: «Мир – раб божий козак... Павло Гориско... месяца ноября года...»

На расстоянии около пяти верст от села Чернышовки, в балке Каменке, стоят два надгробных запорожских креста с надписями. Из них первый совсем вошел в землю, а другой еще стоит над землей, в огороде крестьянки Просяничниковой, и имеет с восточной стороны надпись: «Зде(сь) опочивает раб божий Василий Колядумишинский шкуринский преставился 1756 году месяца апреля 2 дня». Мимо балки Каменки из-под острова Томаковки идет Речище с двумя притоками: с правой – Тарасом и Прогном, и с одним притоком с левой стороны, Днеприщем, т. е. местом, где проходил старый Днепр, вправо от теперешнего Днепра. Ниже этих трех притоков идет другой, с правой стороны, Старое-Речище, – рукав теперешнего Речища, отделенный от первого Плавенным островом; ниже второго Речища начинается лиман, который идет из устья балки Каменки и соединяется с Речищем у Лысой горы, под селом Новопавлівкой, предместьем Никополя. Все это пространство, от села Чернышовки и до села Новопавлівки, водою определяется в семь верст. Здесь обращает на себя внимание как самая Лысая гора, так и то кладбище, которое находится непосредственно у горы. Название «Лысая гора» встречается еще у известного Эриха Ласоты, в 1594 году*. По своей обнаженности эта гора действительно может называться Лысой, но

* Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 52.

по почве ее можно было бы назвать Красной, потому что она вся состоит из красной глинны. Высота ее — около двенадцати саж; в сущности — это не больше, как мыс, омываемый с одной стороны Днепром, а с другой лиманом, мыс совершенно отвесный, ежегодно обрушивающийся в Днепр. С самой вершины Лысой горы открывается великолепный и далекий вид, по направлению к северу и востоку, и на весь остров Томаковку с его курганами и известняковыми копиями и на весь песчаный, открытый левый берег Днепра. С южной стороны к самой Лысой горе примыкает запорожское кладбище, а тотчас за кладбищем начинается село Новопавловка, тоже Солдатское, «при речках Днепре и Червинке», как сказано об ней в межевых записях конца XVIII века. Длина всего кладбища — 22 саж, ширина — 16 саж; в самой середине его возвышается небольшой курганчик. По рассказам старожилов, еще в недавнее время на кладбище стояло очень много каменных крестов с надписями, но теперь уцелел лишь один такой крест. Он имеет полтора аршина высоты и одну четверть толщины. С восточной стороны на нем сделано обычное распятие, а с западной вырезаны слова: «1729 року місяці июля 10: zde(сь) опочивает раб бож(ий) Васи(л)и Гайдук товариш куреня левушковского».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Закряче ворон, степом летючи,
Заплаче зозуля, лутом скочуче,
Закрюкають кречети сизі,
Зажახаютьця орли хижі
Та все, та все по своїх братах,
По буйних товаришах козаках.¹

Теперь мне предстояло осмотреть местечко Никополь, где была² Микитинская или Микулинская Сича. Никополь, или по старинному Микитин-рог, Микитин пересвоз, Микитина застава, Микитино, есть местечко Екатеринославской губернии и уезда, вторая пристань на реке Днепре ниже порогов. Никополь расположен на правом, очень возвышенном берегу Днепра; местоположение его — одно из самых красивых на всем протяжении реки от г. Александровска и до г. Херсона. Уже не доезжая до Никополя, путешественник видит прекрасную, как бы висящую в воздухе пятиглавую церковь с ее высокой каменной колокольней, по обеим сторонам которой и живописно, и симметрично обрисовываются небольшие с зелеными или черными крышами домики, обсаженные тополями, акациями и темно-зелеными развесистыми шелковицами. Все это вместе придает местечку такой вид, будто оно купается в зелени садов. Самый Днепр у Никополя разделяется на два рукава: левый, собственно Днепр, который идет прямо, и правый, так называемая речка Орлова, которая, обогнув остров Орлов, идет направо к Никополю. По последней рейсируют и пароходы, так как она по своей глубине и еще больше того по ширине (до 250 саж.) может поспорить даже с самым Днепром.

Относительно наименования мыса или рога Микитиным существует такое, довольно вероятное, объяснение. «Некто Микита, предприимчивый малоросс, пленясь рассказами своих собратьев, бывавших в походах против крымских татар, о приволях Днепра, изоби-

люющего рыбой и разного рода зверями — от оленя и дикой лошади до путаливого зайца, плодившихся на обширных островах его, а может быть и сам участвовавший в походах против басурман, с которыми издревле Украина вела войны, — этот Микитин поселился на мысе у Днепра, который и получил название его имени — Микитин-риг. Предмесье Никополя и теперь носит название Микитин^{*}.

Когда же именно и кем основана на Микитином-роге Запорожская Сича? По сказанию Дзедовича, Микитинская Сича основана на Микитином-роге во время возобновления крепости Кодака, т. е. 1638 году, неким козаком Федором Линчаем.³ Пребывание запорожских козаков Сичею на Микитином-Роге⁴ несомненно. На это мы имеем положительные свидетельства,⁵ исключая, впрочем, Боплана и Эриха Ласоты, из коих первый совсем не упоминает о Микитине, а другой ограничивается весьма кратким сообщением о нем. «Мы дошли до Никитина-рога на левой русской стороне и немного выше, до небольшого острова, где переночевали»⁶. Но если у Боплана мы ничего не находим о Микитине, а у Ласоты лишь краткое известие о нем, то зато другие писатели делают пребывание запорожских козаков на Микитином-Роге⁶ несомненным. Так⁷ об ней говорят малороссийские летописцы Самовидец и Величко⁸. По свидетельству князя Мышецкого при Микитином - Роге был сооружен «фетранжемент, где, при оном урочище, оставлен был обоз, в команде гетманского сына Поповича»⁸. Микитинская Сича освящена пребыванием бывшего одно время на ней Богдана Хмельницкого. Это было уже в начале исторической деятельности знаменитого гетмана. Хмельницкий содержался в тюрьме в с. Бужине, Чигиринского повята, Киевской губернии и, по предписанию коронного гетмана Потоцкого, должен был подвергнуться смертной казни, как человек, заведомо стоявший во главе народного возмущения против польского правительства. Но в то время, когда в Бужино пришло такое грозное предписание, казнить уже некого было. Хмельницкий

с сыном своим Тимофеем убежал на запорожскую Сичь^{*}. Запорожская Сича была тогда на Микитинском-роге; Хмельницкий прибыл туда 11 декабря 1647 г.^{**} Он собрал в Сичи раду и на раде сказал трогательную речь, которая глубоко запала запорожцам в сердца и которая подвинула их на высокий подвиг освобождения Украины от польского ига. «Поругана вера святая...⁹ Над просьбами нашими сеем поглаумается... Нет ничего, чего бы не решился с нами сделать дворянин... Войска польские... ходят по селам и часто целые местечки истребляют до тла, как будто замыслили истребить род наш... Отдали нас в рабство проклятому роду жидовскому. Смотрите на меня, писаря войскового запорожского, старого козака... меня гонят, преследуют только потому, что так хочется тиранам... К вам уношу душу и тело; укройте меня, старого товарища; защищайте самих себя; и вам то же угрожает»^{***}. Таким образом на Микитинской Сичи Богдан Хмельницкий нашел себе пристанище, услышал первый отклик на защиту всей Украины, здесь он увидел искреннее желание со стороны «добрых лыцарей» сражаться за унижение предковской веры, и за осквернение православных храмов; здесь же Хмельницкий, выбранный на общей козацкой раде гетманом всего запорожского и малорусского войска, сам того не сознавая, положил начало осуществившемуся впоследствии слиянию в одно политическое тело Малороссии и Великороссии.

Но Сича Микитинская, также как Хортицкая, Базавлукская и Томаковская, существовала недолго, по крайней мере не более 1652 года, так как с этого времени начинает свою историческую роль следующая за Микитинскою Сичею, Сича Чортотмыцкая. В 1669 году, в договоре поляков с русскими (в Андрусове)^{*}, Микитино именуется уже не Сичею, а перевозом; а с 1734 года оно делается уже селом, где, кроме коренных жителей, имеют свое местопребывание и должностные от Сичи лица: шафарь и подшафарий, писарь и подписарий — лица, которые отбирают деньги у проезжих за переправу через Днепр, доставляют их в общую войсковую казну и ведут о том прихода-расходные книги. Кроме того, здесь же была таможня,

* ЗОИИД. Одесса, 1875. Т. 9. С. 523.

** Ласота Э. Путевые заметки. Одесса, 1873. С. 51. Ласота скал на этот раз вверх против течения Днепра.

*** Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. К., 1878. С. 8; Величко С. Летопись событий. К., 1848. Т. 1. С. 32 — 75.

**** Мышецкий С.И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 10, 69.

* Хмельницкий сперва поместился на о. Томаковке, или Бушке, теперешнем Городище, а потом, неприязненно встреченный здесь «линичанцами», удалился на Микитинскую Сичу.

** Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. СПб., 1870. Т. 1. С. 78.

*** Там же. С. 79.

содержались караульные козаки, пограничный комиссар от московского правительства для разбора спорных вопросов между запорожскими козаками, с одной стороны, и татарами — с другой. Сверх того, в Микитине жил толмач, иначе переводчик, знавший, кроме русского языка, языки турецкий и татарский и снабжавший всех ехавших в Крым и далее за границу билетами на турецком или татарском языке. Впрочем, какова бы ни была роль Микитина, но оно, как село, было в то время и далеко нелюдно и далеко небогато: в нем жило всего лишь до 40 хат семейных жителей и до 150 должностных козаков, а все богатство его выражалось 300 зимовников, принадлежавших ему. В таком виде и оставалось Микитино до 1775 года, того рокового в истории Запорожия года, когда козаки, потеряв политическое бытие, частью ушли к туркам, частью же остались на родине и наполнили собою разные села семейных запорожцев, живших по отдаленным от Сичи зимовникам. Тогда-то и Микитино возросло в численности своих жителей. В 1764 году оно вошло в состав сел учрежденной тогда Новороссийской губернии; в 1778¹⁰ году, по воле князя Григория Потемкина, в то время новороссийского губернатора, Микитино было переименовано из местечка в уездный город Никополь (Nikopolis — город победы), но спустя год Никополь из уездного города снова переименован в местечко, каким остался он и по настоящее время. Теперь это торговое, промышленное и довольно людное местечко (за 12 тысяч жителей), имеющее пять больших школ, почту, телеграфную станцию, аптеку, две церкви и до сотни лавок. Оно разделяется на концы: Микитинку, Довголевку, Латинку и собственно Никополь или среднюю часть. Из церквей главная — Покровская, деревянная, построенная в 1796 году с такою же колокольней, приделанной к церкви в 1806 году, и кладбищенская, каменная, построенная в 1858 г. с каменною колокольней, построенной в 1865 году. Первая церковь, деревянная, построена была в Никополе еще в 1734 году запорожскими козаками. Однако эта первая церковь была уничтожена пожаром. Тогда запорожцы соорудили новую церковь во имя Покрова пр. Богородицы, также деревянную с одною банею (куполом), по примеру крыжовой (католической), с иконостасом, «увязанным на полотне». Когда это было — неизвестно, но в 1777 г. эта церковь считается уже обветшавшей и в ней «хотя сего 1777 года, января 23 дня, по определению Словенской консистории, преосвященным Евгением, архиепископом Словенским

подтвержденному, и определен был священник Петр Рассевский, но ныне означенная Никитская Свято-Покровская церковь остается без священников, праздною»^{*}. Летописец Самона Величко говорит, что в Микитине церковь существовала уже в 1648 году; в этом году Богдан Хмельницкий, после победы поляков на Желтых-Водах, прислал в Микитинскую Сичу в 300 талеров подарок^{**11}.

В настоящее время в Никополе от бывшей запорожской Сичи не осталось и следа. Не более как пятьдесят лет тому назад, у теперешнего Никополя, вместо настоящей речки Орловой, была речка Пидпильна. «Днепр, — свидетельствует г. Карелин, — год от году размывая берега Пидпильной вливающимися в нее струями, при весеннем половодии, занял наконец весь луг и образовал речку, называемую ныне Орловой»^{***}. Но этого мало. Места, где была самая Сича знаменитого Микитина-рога, совсем не существует: оно смыто весенним половодием и унесено днепровскою водой. Бывшая во время запорожцев у Никитина небольшая речка Пидпильна теперь превратилась в широкую реку Орлову.

«Во время Запорожия между Пидпильной и Днепром красовался луг; по лугу рассеяны были запорожские могилы, стояла часовенка, где теплилась неугасаемая лампада. Тут росла дикая, развесистая, высокая груша, на этой груше свил себе гнездо большой орел, отчего это место называли Орлово. Днепр в один из больших своих разливов слился с Пидпильной, и обриваясь река Орлова, сделавшаяся потом большим притоком Днепра; по ней-то в настоящее время и идет пароход. И потекла, вобравши в себя прежнюю Пидпильную речку и луг, река Орлова по запорожским могилам, и целые гробы запорожские нередко она вымывает из могил и уносит водою вдаль. Толкуя это по-своему, местные потомки запорожцев, для которых дела делов обратились в благоговейное воспоминание и облеклись в живое сказание, говорят: почуяли в земле наши лицари-богатыри, что в Туреч[ч]ини народу христианскому горе-горькое, беда-

^{*} Феодосий (Макаревский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Екатеринослав, 1880. Ч. 1. С. 64. См. также: Карелин И. Никополь // ЗООИД. Одесса, 1867. Т. 6. С. 532.

^{**} Величко С. Летопись событий. К., 1848. Ч. 1. С. 74.

^{***} Карелин И. Никополь. С. 524.

бидовая, что бусурманин режет их за Дунаем, в Анатолии, и плывут они к ним на помощь, на выручку, стать им в великой притоде, плывут и мертвые неби живые, в Днипро-Словуту, до своего козацкого батяка; плывут в своем наряде боевом знакомой дорогой, к бывшему Кизикермену, старому Очакову, замыкавшему путь в Черное море, которое наши козаки отжирали своими саблями, плывут они, как плавали когда-то они на выручку христиан в самое гнездо бусурман, когда на своих бойких чайках громили татарские и турецкие города, чинили расправу Кафе⁶, торговавшей человеческим невольничеством, прогуливались по полуденным берегам Черноморья, на Босфоре, на Дунае, запаливали люльки Синопом, Трапезонтом, прожигали крылья Белому-городу, давали нюхати пороку Царю-городу⁷.*

Место бывшей Микитинской Сичи можно восстановить только по рассказам стариков. Сича и при нем кладбище находилась ровно на 350 саж. ниже теперешней пристани, у правого берега Днепра, против того места, где теперь стоят в нем мельницы, иначе говоря, против двора крестьянина Василия Ходарина, живущего почти у самого берега реки. На месте запорожской церкви стояла, еще не так давно, деревянная часовенка, высоты в четыре саж. и крутом в одну сажень. Ниже часовенки шла через Днепр переправа, старая козачья переправа, известная у запорожцев под именем Микитинской. В этом месте из Днепра просачивается небольшой пролив, Пидпильна. Возле церкви было кладбище, занимавшее в длину до 70 и в ширину — до 100 саж., помещавшееся, по теперешнему, против двора крестьянина Федора Рыбакова. Но все это, от напора весенней воды в 1846 году, пошло вдоль по течению Днепра. Берег, ежегодно обрушивающийся в воду, обнажает целые кучи козацких костей, валяющихся в небрежении по песку; тут же часто торчат полуистлевшие дубовые гробы, скрывающие в себе одни жалкие остовы некогда доблестных и неустрашимых козаков-рыцарей; между скелетами часто попадаются медные крестики, иконки, пуговицы, кольца, а иногда и штофы, наполненные «оковитою», без которой запорожец не мог обойтись, очевидно, и на том свете.

Со времени пребывания запорожских козаков в Никополе сохранились земляные укрепления, в виде валов и рвов, находящихся

близь кладбищенской церкви, верст на пять от Днепра, по направлению к юго-западу. Они начинаются с южной стороны, у двора крестьянина Никиты Петренка, идут понад дворами крестьян Павла Сидоренка, затем Семени Гребенника, Федора Вязового и Григория Дорошенка; от двора Григория Дорошенка до ветренок, с западной стороны, укрепления имеют пропуск для въезда и потом вновь начинаются от ветренки крестьянина Дмитрия Хрилуна, затем поворачивают к востоку и идут в огород караима Мардохая Бабаджана, далее через загон Ивана Бабушкина, чрез огород Прокофия Демурь, через двор Федора Безридного и отсюда уже совсем теряются. В общем, эти укрепления имеют вид правильного круга и обнимают собою очень большое пространство земли, по измерению г. Карелина, 750 саж. длины и 500 саж. ширины, захватывая собою всю базарную площадь Никополя и довольно большое число крестьянских дворов. Трудно сказать с точностью, к какому времени относится данное укрепление; но если думать вместе с г. Карелиным, то оно насыпано жолнерами польского гетмана Потоцкого, для наблюдения за действиями козаков, во время пребывания на Микитинской Сичи Богдана Хмельницкого⁸. Впрочем, нам кажется маловероятным такое предположение. И в самом деле, странно было бы допустить, чтобы запорожцы, жившие в Микитинской Сичи, позволили полякам насыпать крепость всего лишь на расстоянии каких-нибудь пяти верст от самой столицы козацкого княства. И это тем невероятнее, что сам автор «Истории о козаках запорожских», кн. Мышецкий прямо свидетельствует, что существующие у Микитинской Сичи «фретажменты», насыпаны «от россиян в прежние годы, как жаждали на Крым воевать»⁹.

Из других вещественных памятников, оставшихся в Никополе от запорожских козаков, обращает на себя внимание главным образом рубленный дом, 18 аршин длины, 8 аршин ширины и 3 высоты, принадлежавший некогда двум запорожским старшинам и теперь составляющий собственность Ксении Панченковой. Дом сохранился в таком же виде, как был при запорожцах, кроме квадратных окон, которыми заменены круглые окна («як тарилочки») да небольшой пристройки, приделанной к задней части его. Он разделяется боль-

* Надхин Г.П. Память о Запорожье. М., 1877. С. 65.

⁸ Карелин И. Никополь // ЗООИД. Одесса, 1867. Т. 6. С. 525.

⁹ Мышецкий С.И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 10.

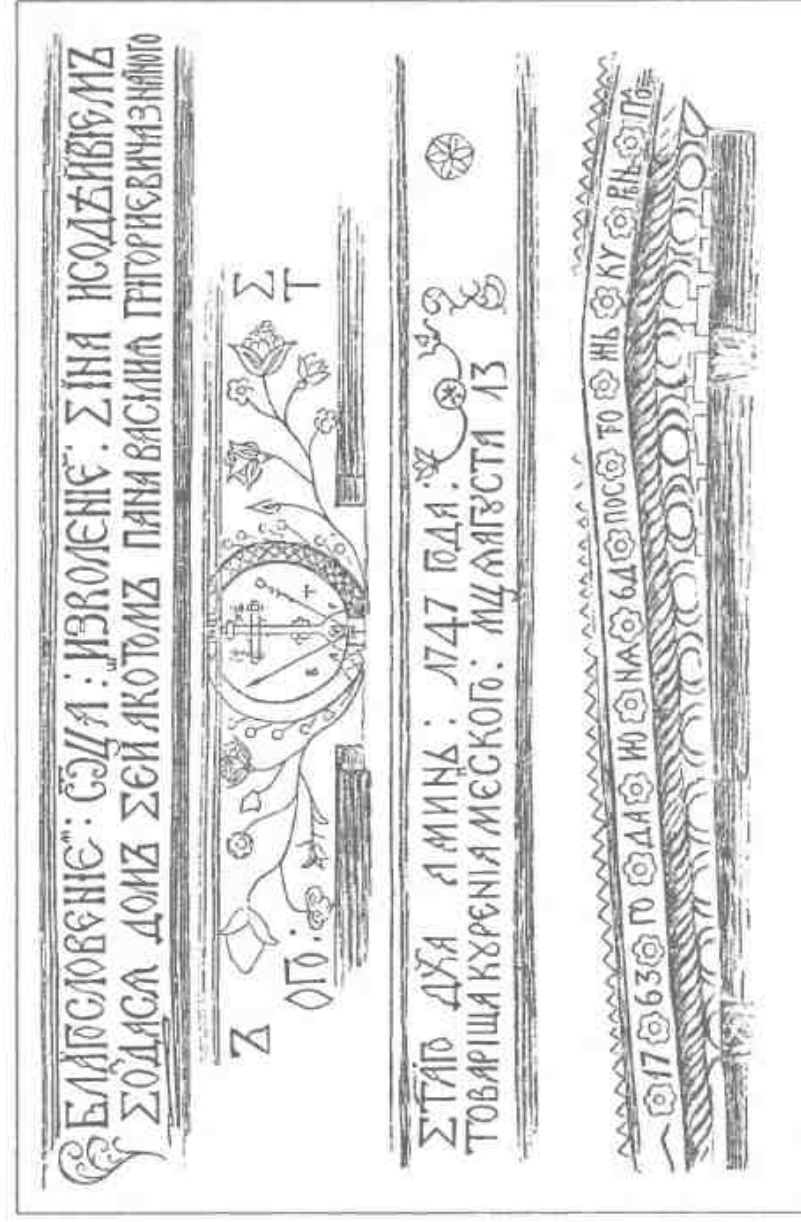
шими сенями на две половины: светлую и черную, из коих каждая, в свою очередь, разделяется на две: светлая имеет кимнату с кафляной печкой и опочивальню, отделенную от кимнаты липпачовою стеною, — обе с выходом в сени; черная половина разделена также на два помещения: кухню и кладовую, отгороженные одна от другой глухою стеной и также имеющие выход в сени. Принадлежность дома запорожским старшинам засвидетельствована следующего надписью, сделанною на его сволоке: «создася дом сей рабом Божиим Онфрием (т. е. Онуфрием) Назаровичем куренным васюринским да куренным переяславским Гаврилом Игнатовичем 1751 года июля 12 дня». На самой середине надписи эта разделена высеченным изображением креста с обычными при нем деталями: копьем, тростью и пр. Сволок имеет 19 арш. длины, сделан из сосны.

В Никополе был и другой такой же дом, с подобным же сволоком; он принадлежал жене купца, Шмагайловой; но в настоящее время продан еврею Тиссену; Тиссен часть дома обратил в кухню, часть сжег. А сволок вделал в северную часть стены кухни. Этот сволок имеет длины восемь аршин и толщины четыре вершка; на нем, как и на первом, сделана была надпись в таком роде: «Изволением Бога Отца искупителя Иисус Христа и совершением Святого Духа Аминь, создан дом сей старанием Максима Каллиболоцкого: 1746 году июня».

Оба домика собственно построены были не в Никополе, а в с. Покровском, месте последней запорожской Сичи, а отсюда уж, после купли, перевезены в Никополь.

Кроме домов, есть еще в Никополе запорожский курень, во дворе купчихи Анны Степановны Гончаровой. Он весь рублен из дерева, имеет 10 аршин длины и 5 арш. с четвертью ширины; для входа в него сделано двое дверей с резными лутками, окрашенными в красную и зеленую краску. На одной из луток вырезана следующая надпись: «1763 года июня 6 д. построи курень пол». К сожалению, верхняя часть лутки отрублена, а с ней уничтожен и конец надписи.

Из других древностей запорожских, находящихся в частных руках, интересна большая глиняная амфора, принадлежащая домовладельцу Михаилу Егорьевичу Мержанову. Амфора найдена в Днепре крестьянином Григорием Маньковским; она имеет в окружности 11 четвертей, высоты 5 четвертей, весит четыре пуда и с наружной стороны украшена осымнадцатью венцами. Толщина стенок амфоры —

Сволок и лутка запорожского куреня, рис. И.Е. Решня.

около трех мужских пальцев. Видимо, она служила у запорожцев вместо закрома или сосуда для жидкостей⁴. Но кроме этого в Никополе, от времени запорожского козачества, сохранились и другие вещественные памятники, сделавшиеся исключительно достоянием соборной церкви. Такова, например, пушка, находящаяся в церковной ограде, с правой стороны, положенная на двух песчаниковых камнях^{4*}. Она отлита из меди, длины пять четвертей, ширины четыре четверти (ручная), со шпилем с глухой стороны в полторы четверти и с горлом до четверти величины. На ней сделана надпись: С^А 4 R^о 20 и штемпель в виде круга с крестиком посередине: ⊕. Это одна из тех пушек, которые найдены крестьянином Никополя Михаилом Козачком в плавне, принадлежащей помещице Нечаевой, среди Днепра, в 1872 году, на третий день Троицы. Пушки, видимо, работы польской, но были в употреблении у запорожцев. Из трех найденных Козачком пушек одна куплена известным археологом А. Н. Полем в Екатеринославе, другая приобретена в Одессу для музея истории и древностей известным ученым, теперь уже покойником, Н. Н. Мурзакевичем. Кроме пушки, в ограде стоит еще железный крест с церкви, построенный на Никитине в 1747 году. Церковь эта была перенесена в с. Шолохово, Херсонского уезда, а место, где она стояла, смыто водой. В самой церкви хранится также несколько памятников запорожского козачества. В средней части храма, в углу стены, отделяющей переднюю часть от средней, на левой стороне, помещена икона, обращающая на себя внимание уже одною своею отделкою. Она вложена в большой кист⁶ и представляет из себя круглую серебряную доску, со вставленными на ней, в виде креста, белыми, зелеными и красными камнями, с вырезанным по краям сиянием и с девятью изображениями ликов: Духа святого, четырех апостолов, Марии Магдалины, Богоматери, Иоанна Богослова и светлого ангела, стоящего у подножия гроба. Главный интерес иконы — в деревянном кипарисовом кресте, вделанном в самую средину ее: он заключает в себя драгоценнейшую святыню, — кусочек животворящего древа, на котором был распят Спаситель, величиною в один дюйм, о чем свидетельствует следующая краткая, но весьма вырази-

⁴ Приобретена В.В.Тарновским, владельцем с. Качановки, Черниговской губ., Борзенского уезда.

^{4*} Приобретена В.В.Тарновским.¹²

тельная надпись, сделанная на доске, ниже креста: «У сем кресте житворящее древо». Ниже этой надписи сделана другая: «Сия Таблица до храму Покрова пресвятой Богородици сооружена коштом всего Войска Запорожского а старанием ктитора Павла за Атамана копового Павла Козлицкого 1747 году м(еся)ца Октоврия 2 дня. весу во всей 3 ф. 76 зол. 5.7». В киот икона иделана в 1851 году. В этой же, срединей или второй части храма, помещены четыре хорутви, также оставшиеся от времени запорожских козаков. Из них одна сделана из двойного бархата, с одной стороны красного, а с другой зеленого; на одной стороне бархата изображен Покров, а на другой воскресение Спасителя. Хорутвь имеет вид квадрата по $7\frac{1}{2}$ четвертей с каждой стороны. Другая хорутвь сделана из простого холста, с изображением с одной стороны архангела Михаила, а с другой — Богоматери и ниже их — плачущих Адама и Евы. Форма хорутви — квадрат пяти четвертей с каждой стороны. Третья хорутвь также из холста, имеет изображение Богоматери и Спасителя, стоящих на солнце, и Георгия Победоносца, стоящего на змее. Четвертая хорутвь такая же, как и третья, но только без рисунков, которые стерты временем.

В этой же части церкви помещены две иконы, одна Николая, другая Варвары, оставшиеся от запорожцев. «Сия икона сооружена бывшего войска запорожского куреня титаровского козаком Антоном Суюю в святопокровскую Никопольскую церковь 1803 года февраля». «Написана сия икона от трудов Михаила Решетняка(,) уплачена Григорием Шерстюком 1807 года».

В третьей части церкви за боковыми дверьми, с одной стороны на западной стене, с другой — на восточной, одна против другой, вблизи иконостаса, помещены две иконы, уцелевшие также от времени запорожских козаков. Одна из них представляет Спасителя, другая — Богоматерь с младенцем Иисусом на руках; обе в киотах за стеклом; обе имеют в высоту $7\frac{1}{2}$ четвертей, а в ширину — 5, но одна из них весит 13 фунтов^в и 15 золотников^в, а другая 8 фунтов и 48 золотн., медные, ризы^в серебряные. В запорожской церкви они были местными, стояли на хорах^в, где устроен был другой престол во имя чудотворца Николая. Лики реставрированы в 1866 году, но в тех же очертаниях.

В самом алтаре также хранится несколько вещей, оставшихся от запорожцев. Так, на престоле есть небольшой кипарисовый крест,

Ч. II. Рис. 11.

Икона Богоматери в Никополе.

отделанный в серебро и имеющий следующую надпись: «Сей крест з мощами святых, отец печерских Лаврентия и Силуана Куцовского куреня войска запорожского козака Ловрена Горба». Кроме креста: евангелие, плащаница, две священнические ризы, аналой^а, икона Покрова Богоматери, две серебряные кружки, портреты запорожцев Шиянов, золотая медаль, данная запорожскому полковнику Коленку, шелковый пояс и небольшой железный молоток.

Евангелие замечательно как по отделке и красоте, так и по весу и величине. Снаружи оно обложено малиновым бархатом, который окован решетчатым серебром. С лицевой стороны на евангелии изображены пять различных ликов, с оборотной — лик Покрова Богоматери. В высоту евангелие имеет аршин с вершиком, в ширину — три четверти, а весом без трех фунтов два пуда. Напечатано в Москве, в 1759 году, в феврале месяце, отделано в 1766 году, как это видно из самой надписи, сделанной на доске евангелия, в самом низу, с внутренней стороны: «Во всем Евангелии сребра весом 28 фунт и два золотника. Резанский мастер Анофрей Немолотов». Листы большие, александрийские, печать крупная. С оборотной стороны к евангелию приделано было четыре подножки, из коих одной уже не существует. По своей тяжеловесности евангелие употребляется только два раза в год: на праздник Христова Воскресения и в день Покрова пресвятой Богородицы; но во всем Никополе есть только один старик, который в состоянии носить его вокруг церкви в означенные праздники, во время крестных ходов.

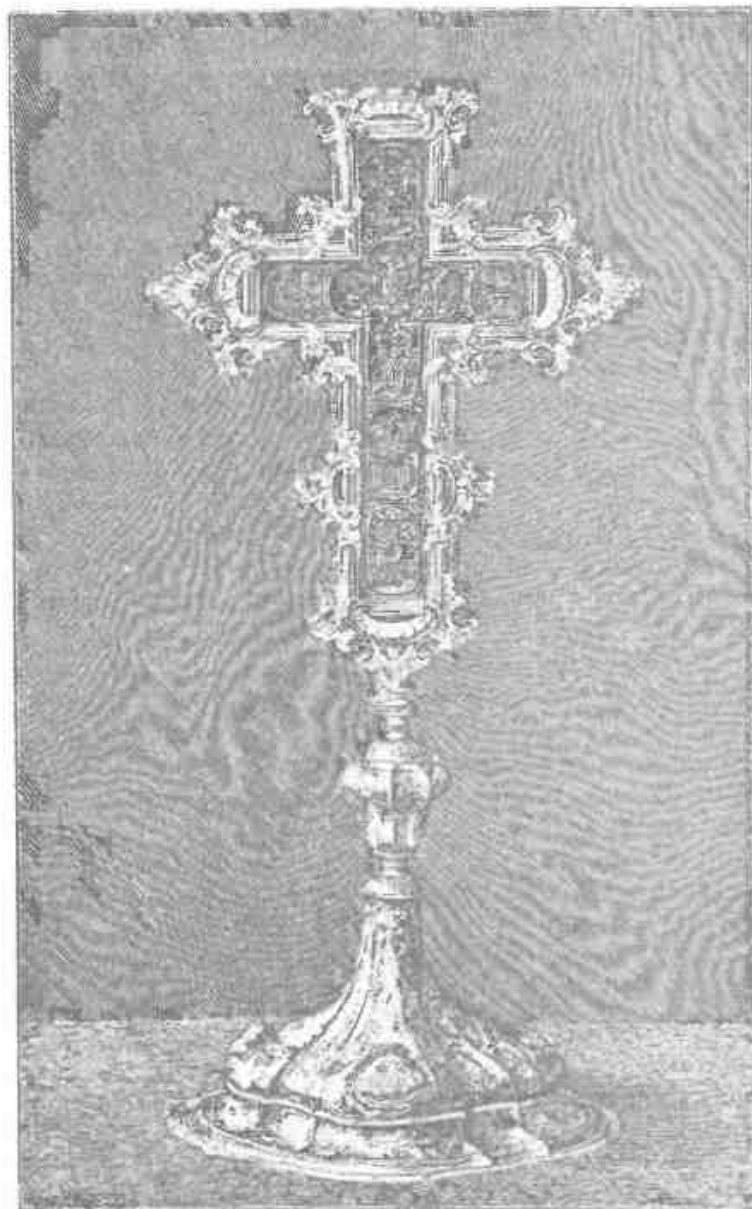
Плащаница^а сделана из двух бархатов: красного по краям и черного — посредине; на черном бархате вышиито тело Спасителя из кованного серебра, вокруг которого вышиит тропарь: «Благодарный Иосиф с древа снем пречистое Тело Твое» и проч., а у самых ног Спасителя вышииты слова: «сия плащаница раба божия Иоана Горкуши, куреня тимошевского 1756 года». Длина плащаницы — 11 1/2 четвертей, ширина 6 1/2 четвертей; ценится в 1200 руб.

Из двух риз одна сделана из сплошной золотой парчи, кроме оплечья, кованного из серебра, а другая из красной парчи, кроме оплечья, сделанного из зеленого бархата с шитьем из золота и серебра. Подкладка в той и другой холщевая, синего цвета. На одной ризе вышиит Покров Богородицы, на другой — Благовещение. Первая ценится в 1000 р. и есть приобретение Коша Чортотмыцкого, а вторая ценится в 700 р. и приобретена Кошем на Пиалыльной. Обе

употребляются только в большие праздники. К ризам имеются два снитрахла.

Аналой приобретен запорожцами за время от 1709 года по 1734 г. когда казаки принуждены были, вслед за изменою гетмана Ивана Степановича Мазепы и кошевого Константина Гордиенка,¹³ оставить свои родные места и удалиться во владения турок¹⁴. Лишившись всего на родине, запорожцы лишились и духовенства, которое присылалось им из киевского межигорского монастыря. Но чтобы иметь возможность удовлетворять своим религиозным потребностям в новом отечестве, запорожцы обратились к цариградскому патриарху с просьбою о высылке им священников. Патриарх не только удовлетворил просьбе запорожцев, но, для уверения в полном к ним расположении, послал даже несколько подарков, в виде разных церковных вещей, между коими был и аналой. Этот-то аналой и хранится теперь в Никополе, в соборной церкви. Он сделан из дерева, называемого по-арабски «абонос», и сверху обложен черепахой, слоновою костью и перламутром. Форма его несколько отличная от тех, какие даяются им теперь: взяты четыре выгнутые, наподобие полозьев, трости, посредине скреплены посредством небольшого валька, а на самом верху схвачены толстою буйволовою кожей. Таким образом выходит, что верхние концы полозьев, обращенные наперед, оканчиваются внизу, на обратной стороне, и наоборот: верхние концы полозьев, обращенные назад, оканчиваются внизу, на передней стороне. Проще сказать: каждая пара полозьев представляет из себя римскую цифру X, скрепленную по самой середине небольшим вальком, но с концами, расходящимися в противные стороны. Верхние концы каждой из тростей поднимаются несколько выше кожи и оканчиваются змеиными головками, согнутыми внутрь, из коих две сохранились, а две затеряны. Высота 8 четвертей. Работа аналая во всех отношениях прекрасная: особенно хорошим кажется он при солнечном блеске. Говорят, что точно такой же работы и точно такого же материала имеются в Константинополе, в патриаршей церкви, седилище и амвон, оставшиеся еще от времени Иоанна Златоуста и дороги особенно тем, что на них произносил свои боговдохновенные и величественные речи этот знаменитый оратор, неподражаемый духовный вития.

Икона Покрова Богоматери поражает не столько кистью, сколько оригинальностью. На липовой доске, в три четверти длины и в

Ч. II. Рис. 12.

Наврестольный крест в Никополе.

две ширины, изображены Богоматерь, Николай чудотворец и Михаил архистратиг, а ниже их представлены в полном вооружении, в сапогах, широких шароварах, в кунтушах, подпоясанных зелеными поясами, с открытыми, гладко выбритыми головами, запорожцы. Они представлены в виде полукруга над краями иконы, со знаменами в самой середине и со всей казацкой арматурой; внизу иконы, от козака, стоящего на переднем плане с правой стороны, протянута вверх, в виде узкой ленточки, почти к самому уху Богоматери, надпись: «Молимся, покрый нас честным твоим покровом избави от всякого зла». Надпись эту надо читать с конца, от правой руки к левой, совершенно так, как пишут и читают евреи. Несколько выше этой надписи сделана другая: «Избавлю и покрою люди моя». По преданию, эта икона изображает кошевого П. И. Калнишевского с товариществом, молящегося об отвращении грозившего Сичи бедствия со стороны Москвы.

Кружки — обе серебряные с позолотой; обе имеют крышки наверху и рукоятки сбоку; на обеих также поделаны различные рельефные изображения. Причем одна из кружек, с крестиком на крышке, имеет высоты три фута и весит один фунт 42 золотника, как это видно из надписи, сделанной снаружи ее, в дне. С наружной стороны на этой кружке поделаны резные изображения птиц, мотыльков, жуков; вместимость ее равняется четырем стаканам.

По объяснению столетнего старика Михаила Решетняка, жителя Никополя, эта кружка принадлежала кошевому атаману Ивану Дмитриевичу Сирку, который добыл ее от крымского хана и употреблял вместо чарки, никогда не расставаясь с ней. После смерти Сирка, кружка эта поступила в сичевую церковь и хранилась в ней как большая драгоценность. В настоящее время она употребляется как сосуд для кропления мирян святою водою. Другая кружка, меньшая в сравнении с первой, высоты два фута, весом один фунт и двадцать четыре золотника, без крестика наверху, имеет с наружной стороны, по бокам и на крышке сверху, в виде медальонов, шесть саксонских монет; на каждой монете отлиты изображения трех лиц и выбиты годы: на первой — 1592 год, на второй — 1593 год и на третьей — 1595 год, затем на остальных трех — 1596, 1597 и 1598 годы; сверх того на монете, которая вделана на крышке сосуда, выбит 1600 год. Вокруг монет вырезаны латинскими буквами следующие четыре имени: «CHRISTIAN, IOHAN, GEORG ET AUGUSTUS». С внут-

ренной стороны, в углублениях, соответствующих выпуклостям снаружи, вырезан герб и вокруг него слова: «FRAT:ET DUCES SAXON». Кроме того, с той же внутренней стороны, на крышке вырезаны три буквы «А.С.М.». Вместимость кружки равняется одному стакану. Как и первая, она в настоящее время употребляется также для кропления мирян святою водой. Тот же крестьянин Михаил Решетняк объяснял, что эта вторая кружка захвачена запорожцами у какого-то немца, жившего около г. Канева, Киевской губернии. По совершенно справедливому соображению г. Карелина, это может относиться к 1746 году, когда запорожцы посланы были в Польшу для поимки гайдамак; отправленные против гайдамак, запорожцы на пути пограбили деревню саксонского генерал-майора Вейсенбаха, близ Канева и Богуслава, и в числе добычи захватили данную кружку*. В этом по крайней мере убеждает, кроме рассказа старика, и самая надпись «Duces Saxon»...

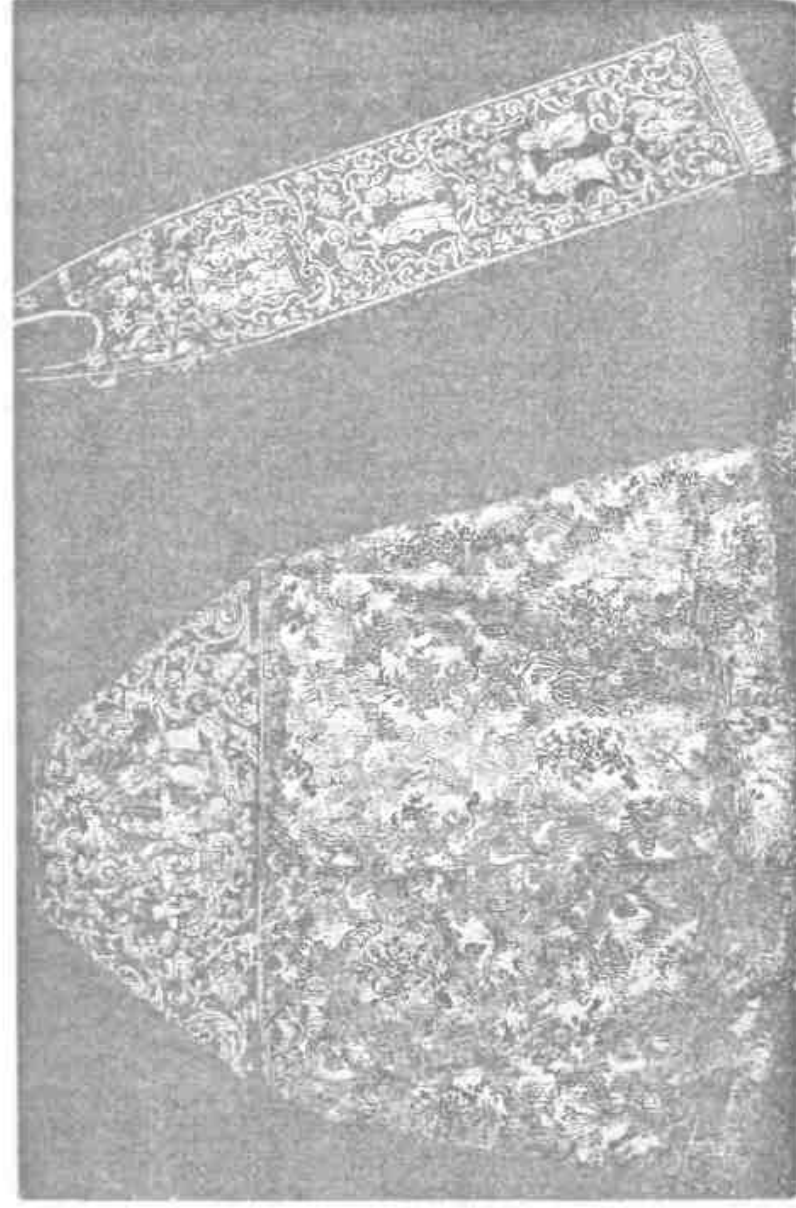
Портреты запорожцев Шиянов. Братья Шияны, Яков и Иван, до 1775 года были запорожскими козаками, а с этого времени сделались простыми жителями Никополя, выполнявшими однако должность церковных ктиторов, последовательно один за другим. Как ктитеры церкви, они известны своею благотворительностью и усердием к храму Божию. Так, в 1782 году они поставили в церкви новый иконостас; в 1783 году устроили горнее седалище, жертвенник и рукомойник, как значится это из следующей надписи, помещенной в алтаре, на восточной стене, прямо против престола: «1783 года сентября 28 дня сие горне седалище, жертвенник и рукомойка сооружены как слесарного так и живописным искусством собственными трудами здешни(х) ктитореи Иакова и Ивана Шияновъ в честь церкви себе же во спасение обновлено 1856 года». В 1790 году те же Шияны пожертвовали для церкви купленный на собственный счет колокол, в 45 пудов и 18 фунтов. За все это потомство отблагодарило их благоговейною памятью: с них сняты были портреты несколько менее, чем в рост, и повешены в самой церкви на иконостасе, один с правой, другой с левой стороны; к портретам сделаны были надписи: «сей портрет снято с ктитора Якова Шияна и поставлен здесь при том месте где труды его всему обществу на иконостасе видны.

Ч. II. Рн. IX.

Запорожская планштина в Никополе.

* Карелин И. Никополь // ЗООИД. Одесса, 1867. Т. 6. С. 535 – 538.

1784 года января 9 дня». В надписи под другим портретом говорится о том же, но только вместо Якова названо имя Ивана: «сей портрет снято с ктитора Ивана Шияна»...

Шияны до самой смерти ходили в запорожских костюмах, брили себе головы и бороды, оставляя только длинные чубы да усы; в таком виде они и сняты. В таком же виде их портреты были повешены на иконостасе в церкви.

По этому поводу случилась, говорят, такая забавная история. Проезжал по епархии какой-то местный архиерей. Заскучал он и в Никополь. Вошел в соборную церковь, приблизился к иконостасу, чтобы приложиться к иконам, как вдруг видит вместо ликов святых на двух иконах изображенные лица запорожцев и, найдя, что это есть идолопоклонство, приказал убрать портреты немедленно.¹⁴

И портреты тот же час были убраны. Спустя немного после этого они были взяты известным археологом Н. Н. Мурзакевичем для одесского музея истории и древностей, где хранятся и поныне. В Никополе же остались копии с портретов, сделанные на простой бумаге в красках, в длину по две с половиной, в ширину по полуторы четверти, в простых рамах за стеклом, повешенные в алтаре. Снимок с подлинника с одного из портретов, Ивана Шияна, напечатан в виде приложения к «Истории запорожских козаков» кн. Мышецкого*. А снимки с обоих портретов напечатаны в «Записках» одесского общества истории и древностей**, в виде приложения к статье г. Карелина «Местечко Никополь»**.

Золотая медаль дана полковнику Коленку за время войны русских с турками¹⁵ при императрице Екатерине II-ой. Коленко командовал целым отрядом запорожских козаков, тогда вновь собранных по воле князя Г. А. Потемкина, при взятии в 1788 году крепости Очакова. «Войска запорожского полковнику Коленке за отважно храбрые противу неприятеля поступки». Надпись сделана с обратной стороны, с лицевой весьма отчетливо представлен бюст Екатерины II-ой. Медаль поступила в церковь после смерти Коленки, в 1791 году.

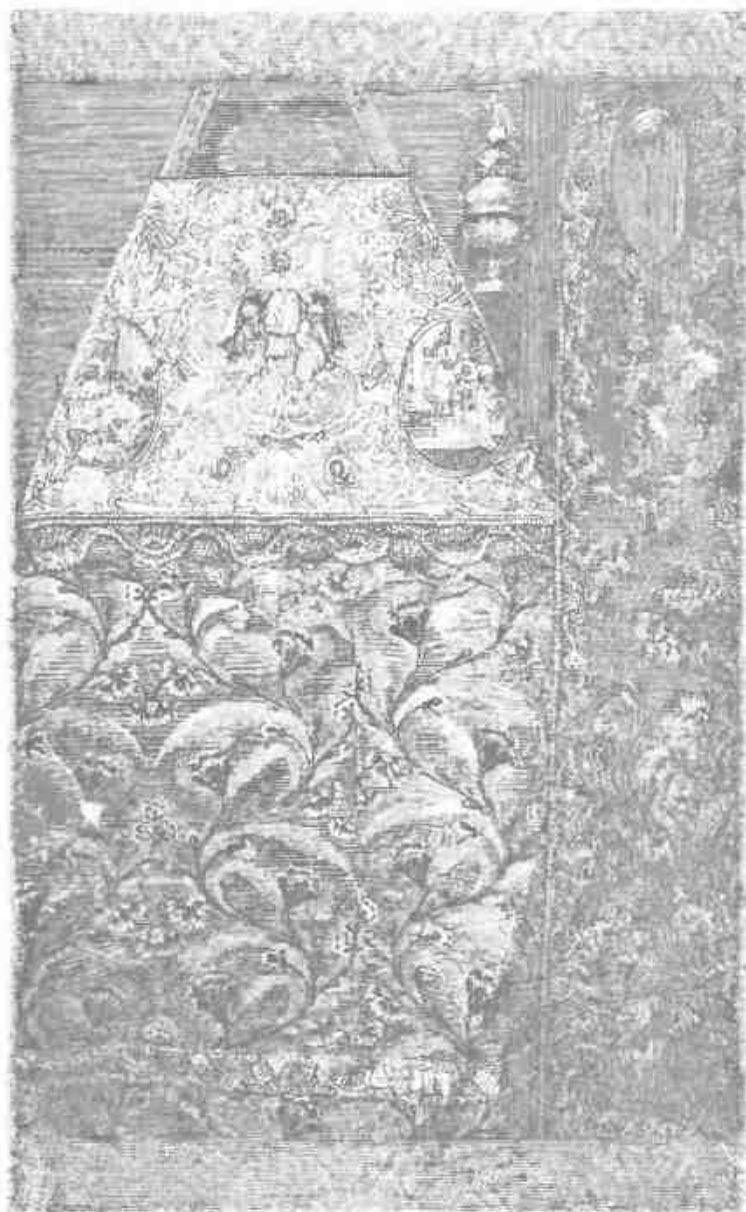
Шелковый зеленый пояс, с позументами на краях, длины пять с половиною аршин, ширины семь вершков, с меткой на одном из

* Издана в Одессе, в 1852 году.

** См.: Т. 6, Одесса, 1867.

концов. Небольшой железный молоток с выбитым на нем 1751 годом. Наконец, между бумагами архива церковного хранилища такого рода весьма интересная расписка: «Сей Служебник, для непременно-го по нем священнослужения в церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, в Сечи запорожской имеющейся, посылаем. 1740 году. Ноемвриа 5 дня. Смиренный Рафаил Архиепископ Киевский». Расписка писана церковнославянскими буквами с подлинною подписью Рафаила.

Но кроме названных вещей, в церкви Никополя имелись еще и следующие другие: 1) два больших напрестольных подсвечника («лихтаря»); 2) крест с мощами; 3) четыре серебряных лампы с серебряными же дощечками, хранившиеся на хорах; 4) двадцать разных икон на медных дощечках («бляшках»), отделанные серебром; 5) пятьдесят серебряных позлащенных разного рода («сорта») корон; 6) четыре серебряных вызолоченных креста, между коими три с серебряными цепочками («лянцожками»); 7) два кипарисовых, отделанных в серебро, креста; 8) два серебряных, вызолоченных джута; 9) два куса червонцев в лому; 10) один кусок золота; 11) один слиток серебра 24 фунт.; 12) тринадцать ниток мелкого и три нитки крупного жемчуга с красными кораллами, на местной иконе Богоматери; 13) пятнадцать, с двумя большими и двумя малыми червонцами ниток, мелкого жемчуга и шесть ниток с красными монистами крупного, на меньшей иконе Богоматери; 14) десять ниток жемчуга, с шестью пуговицами; 15) пятьдесят ниток красного мониста из крутиных и мелких кораллов с двумя червонцами и куском янтаря; 16) сто пятьдесят три разного калибра червонцев на четырех цепочках («лянцожках»), в числе коих десять больших; 17) сто двадцать книг разного наименования, богослужебных, нравственных и исторических; 18) двадцать восемь фелоней¹ из парчи разных цветов и достоинств; 19) двенадцать подризников²; 20) двадцать восемь пар поручей³; 21) двенадцать епитрахлей⁴; 22) семьдесят семь стихарей⁵; 23) девять поясов; 24) пятьдесят семь платков шелковых и на белом полотне галтованных золотом, серебром и шелком; 25) одиннадцать напрестольных облачений; 26) шесть пар воздухов⁶; 27) три аналойчатых покроя; 28) два куса парчи; 29) два куса штофа; 30) два куса гарнитура; 31) двадцать восемь штук медной посуды, от котлов до мисок; 32) тридцать штук оловянной посуды.

Ч. II. Рис. 15.

Запорожская риза в Никополе.

Таково то богатство, которое хранилось в церкви Никополя. К крайнему нашему сожалению, мы должны сказать, что большая часть всех этих драгоценностей совершенно исчезла из церкви, осталась лишь самая ничтожная доля их. Но нужно радоваться и тому, что хотя эта оставшаяся часть драгоценностей сохраняется в целости, чему мы обязаны местному отцу протоиерею Иоанну Карелину, который завел подробную опись всех оставшихся вещей и даже обнародовал эту опись в одном из томов «Записок одесского общества истории и древностей»^{*}.

После всего этого естественно спросить: откуда же и каким путем все это богатство очутилось в церкви Никополя? Богатство это перешло в Никополь из церкви св. Покрова последней запорожской Сичи, теперешнего села Покровского, Екатеринославского уезда. Дело в том, что когда генерал Петр Текели уничтожил, по распоряжению русского правительства, запорожскую Сичу, то вслед за этим то же правительство озаботилось на развалинах Сичи устроить город. Город был устроен и назван Покровском; для удовлетворения религиозных потребностей народа туда отправлено было и духовенство. Но скоро положение духовенства в Покровском оказалось во всех отношениях безотрадным: оно совсем принуждено было оставить свою парашу в Покровске, потому что, вследствие бегства народа, не могло приискать себе никаких способов к существованию. И вот уже в 1780 году протоиерей Григорий Кремянский и вслед за ним священник Петр Терпило просят у митрополита Евгения о переводе их в провинциальный город Никополь, мотивируя свою просьбу тем, что «за расходом из Покровска людей в разные слободы, двум священникам в городе Покровске жить было нечем»^{**}. Просьба была уважена, и священники из г. Покровска переведены были в г. Никополь. Тут-то Кремянский, переходя из Покровска в Никополь, с разрешения новороссийского губернатора, Николая Даниловича Языкова, и перевез часть имущества сичевой церкви Покровска в соборную церковь Никополя. Это было в 1783 году; тогда же составлена была и подробная опись церковным вещам и

* Карелин И. Никополь // ЗООИД. Одесса, 1867. Т. 6. С. 535-538.

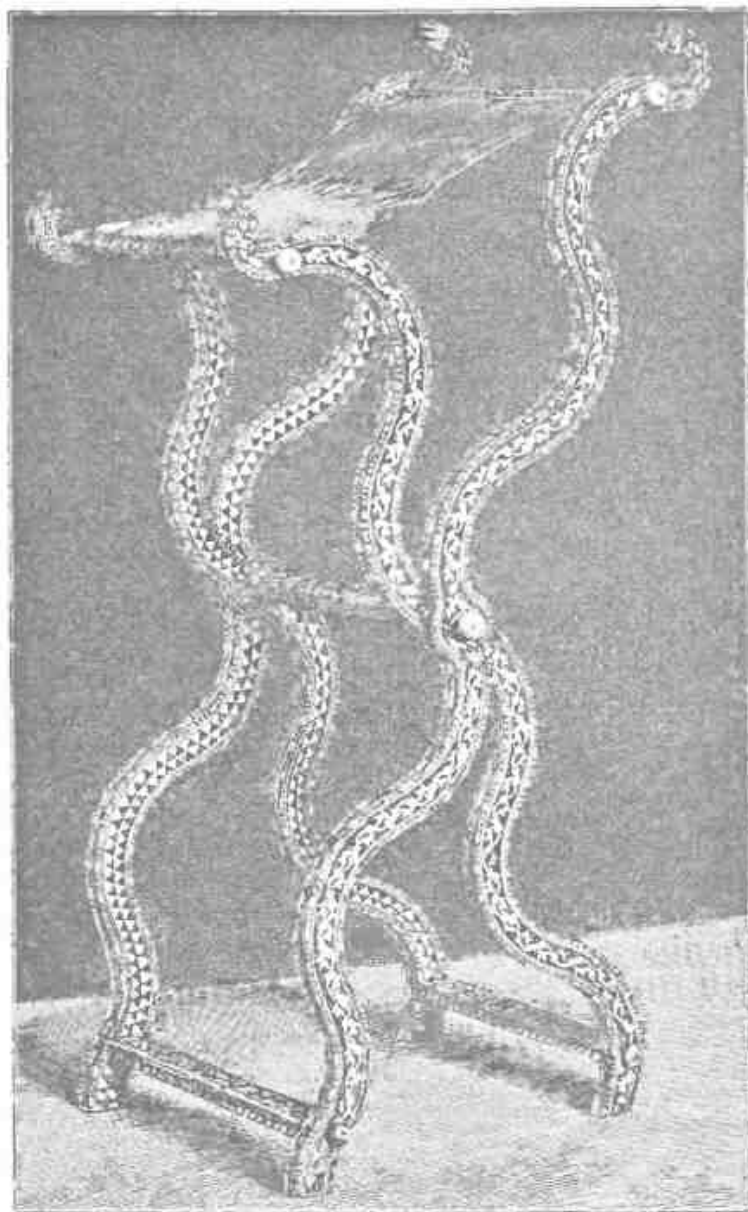
** Феодосий (Магдальский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Екатеринослав, 1880. Ч. 1. С. 65.

книгам, забраным в Покровске. Таково прошлое Микитина и Никополь.

Из древних делов в Никополе когда-то обращал на себя внимание лишь один Степан Яцковский или, по-уличному, Дужка. Но в настоящее время этот старик сделался таким дряхлым, что уже сам не может застегнуть и очкура в своих штанах. Ему за девяносто лет, это небольшая сморщенная сухая фигурка, с потухшими глазами, с желтоватыми и мягкими, как лен, на голове волосами, с маленькой чуть заметной заострившейся книзу бородкой. Он говорит тихо, постоянно переводя дух и все ниже и ниже понижая головой. Так и кажется, что вот-вот он свалится с ног и рассыплется, как глиняная кукла. Медленно поднимет он вверх голову, медленно окинет присутствующих своими мутными глазами и медленно наклонится к столу... «Ой, як міні важко!»

Трудно было что-нибудь узнать о запорожцах от такого дряхлого старика, каким оказался Степан Яцковский. На вопрос, не знает ли он чего-нибудь о жизни запорожских козаков, старик отвечал: «Як хочете знати об них що-небудь, то підіть до Орини Даниленкової: у неї є запорожський патрет і під тим патретом зроблений підпис. Отой підпис і покаже вам усе». У Орины Даниленковой действительно оказался портрет, он изображает запорожского гайдамаку-характерника: характерник сидит на земле и играет на бандуре; возле него, по обыкновению, стоит конь, привязанный к воткнутому в землю копыю, сбоку лежит опорожненная от горилки фляжка, тут же валяется снятая с головы папка, а за спиной стоит высокое ветвистое дерево, из-за которого высматривают пять ляхов, держащих в своих руках по ружьице и готовых выстрелить в гайдамаку. Но гайдамака не простой человек, он знаюка, характерник, его и пуля не берет, «кіба тільки срібна». От того-то он и сидит так невозмутимо... Картина рисована тушью и в самом низу имеет надпись: «Козак Мямай».

Из Никополья мне предстояло ехать прямо на запад, к месту бывшей, пятой по счету, запорожской Сичи, Чортомышской. По пути я завернул в деревню Лапинку, чтобы видеть здесь крестьянина Мокія Лося, потомка одного из запорожских козаков, у которого хранилось, как об этом сообщали мне раньше, запорожское платье. Мокія Лося я сыскал скоро, но только не скоро сошелся с ним по вопросу об уступке мне запорожского платья. И то сказать, запорож-

Ч. II. Рис. 16.

Запорожский аналой в Никополе.

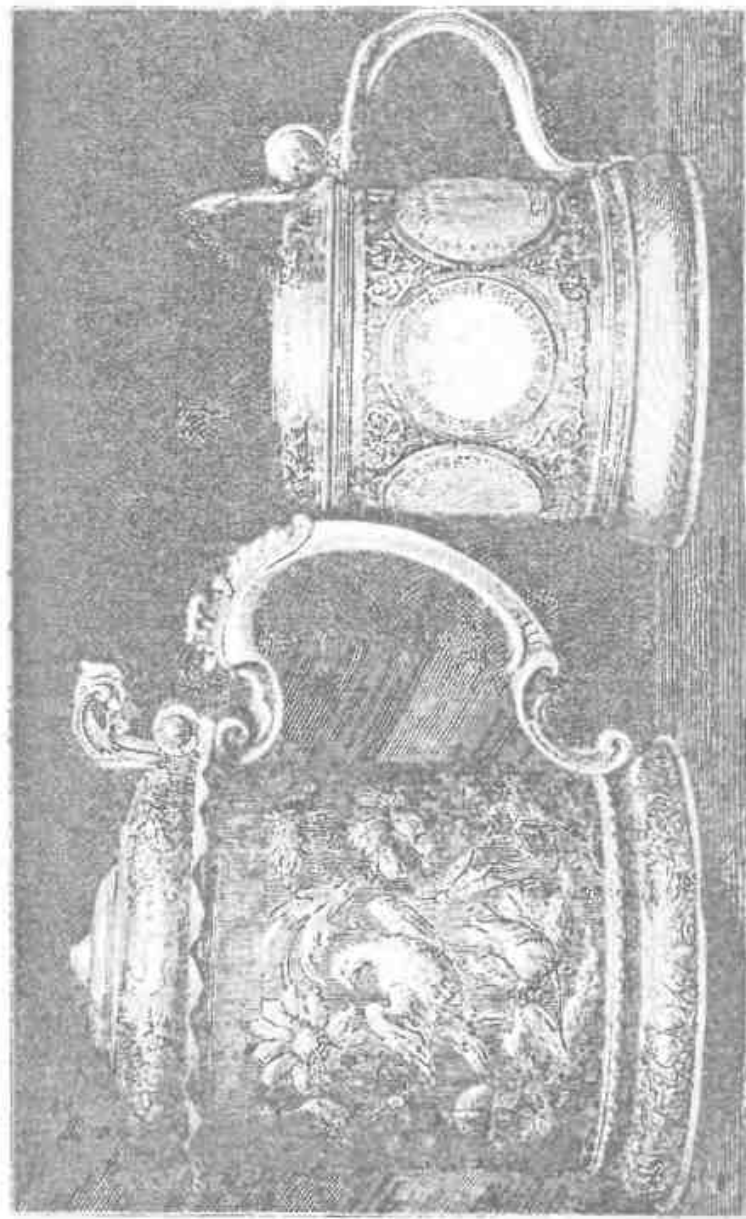

Ч. II. Рис. 17.

Икона Покрова с молящимися запорожцями.

ское платье в настоящее время считается такою редкостью, за которую можно было бы дать огромные деньги, чтобы только посмотреть на него. По крайней мере, что касается лично меня, то я шесть лет ездил по Запорожью, шесть лет упорно искал случая увидеть запорожское платье и только у Мокня Лося впервые увидел его, но и то все-таки не сполна. Мокня Лось сохранил два каптана и пояс запорожский. Оба каптана одинакового покроя, и разница между ними только в величине: один сделан для козака высокого роста, другой - для козака среднего роста. Оба сшиты из красного сукна буракового цвета, на клетчатой персидского изделия подкладке, оба очень просторны в плечах и очень узки в перехватах, оба застегиваются на груди при помощи шелковых петлей и шелковых же гудзиков. Рукава в каптанах, вообще довольно узкие, к концу еще более сужаются; в самом конце, с нижней стороны, против ладоней, каждый из рукавов имеет разрез в четверть длины, оттого-то эти концы легко отворачиваются назад (называются «закавраши»); они обложены темно-голубым бархатом и застегиваются в разрезах стальными галличками. С каждого бока кафтана между швов вделано по одному карману. Покрой кафтанов до некоторой степени напоминает кафтаны, которые теперь в употреблении у черноморских козаков. Из двух кафтанов больший сохранился лучше, меньший хуже: он весь почти изъеден молю. Это те каптаны, которые носились запорожцами под так называемой черкесской или под кунтушем, длинного и широкого платья с откидными рукавами или вылетами. Кроме двух кафтанов, у того же Лося я нашел и запорожский пояс, вытканый из шелкового сырца, ширины две с половиною четверти, длины одиннадцать аршин, темно-буракового цвета с позолоченными концами, в три четверти каждый, и с шелковыми плетеными шнурками, длины в аршин, прикрепленными к каждому из концов пояса. Из других запорожских вещей, найденных мной в деревне Лапинке, достойны внимания запорожская сабля и запорожский графин. Сабля в длину имеет два аршина, она немного искривлена, лезвие ее вкладывается в деревянные ножны, обтянутые кожей, ручка лезвия оканчивается головой птицы, сделанной из простого некрашенного дерева. Специалисты по части российских вооружений утверждают, что эта сабля имеет большое сходство с теми саблями, которыми турки сражались в последнюю русско-турецкую войну (1878 г.)^р. Однако на лезвии сабли стоит клеймо русской Императрицы Екатерины II.

Запорожский графин, найденный в той же Лапинке, сохранился также от времен козаков. Он сделан из тонкого зеленого стекла с ручкой и с мережками в виде правильных крутов с наружной стороны. Вместимость его — шесть стаканов.

Кружка козацкого Ивана Сирка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ¹

Та не розвивайся, ти зелений дубе,
 бо на завтра мороз буде!
 Та не звеселяйся, славне Запорожжа,
 бо до тебе москаль буде.
 Бережися, славне Запорожжа,
 ти од темного лугу:
 Іде Москви сорок тисяч –
 та на твою туту.

За Микитинскою Сичею следовала Чортомальцкая или, так называемая, Старая Сича, стоявшая при устье речки Чортомалька и от нее получившая свое наименование. По-видимому об этой самой Сиче распространяется словоохотливый, но не всегда точный и правдивый Боплан: «Несколько ниже речки Чортомалька, почти на середине Днепра, находится довольно большой остров с древними развалинами, окруженный со всех сторон более, нежели 10 000 островов^{*}, которые разбросаны неправильно... Эти многочисленные острова служат притоном для козаков, которые называют войсковою скарбницею, то есть казной»^{**}. Князь Мышецкий, перечисляя все запорожские Сечи, во второй главе своей истории о козаках говорит и о Чортомальцкой Сиче, стоявшей при речке Чортомальке и получившей свое начало в то время, когда запорожцы находились еще под властью польского правительства^{***}. Из актов южной и западной России узнаем, что Чортомальцкая Сича основана в 1652 году кошевым атаманом Лугаем с козаками и просуществовала до 1709 года. В тех же актах находим и описание самого местоположения Чортомальцкой Сичи: «Город Сеча стоит при

^{*} На всем Днепре в пределах запорожских вольностей островов было 265.

^{**} Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 26.

^{***} Мышецкий С. И. История о козаках запорожских. Одесса, 1852. С. 10; Миллер Г. Ф. Рассуждение о запорожцах М., 1847. С. 63.

устьях Чортотмыка и Прогной над рекою Скарбною; вокруг нее стоит земляной вал, в шесть сажен высоты; от Сумской стороны и от реки Базаваука в этом земляном валу устроены бойницы и набиты пали; от устья Чортотмыка и от речки Скарбной до того же вала сделаны деревянные, насыпанные землей, коши; внутри города, с поля, поставлена башня, мерою 20 сажен кругом, а в самой башне поделаны окна для пушечной стрельбы; кроме того, для прохода за водой на Чортотмык и Скарбную сделано восемь каалиток, называемых иначе фортками или пролазами, величины одному человеку пройти с водой, а у каждой каалитки поставлено по одной боевой башне; величина Сичи, с поля от речки Прогной до речки Чортотмыка, сто сажен; по правую сторону Сичи идет речка Прогной, а по левую – речка Чортотмык, которые падают в речку Скарбную, текущую позади города, подле самого рва; мерою весь город Сеча кругом – 900 сажен; строил ее кошевой Лутай с козаками в 1652 году; внутри Сичи стояли курени с окнами, имевшими особые «квартирки», т.е. форточки, и обращенными на сичевую площадь, а вне Сичи – так называемая греческая изба, особое, надо думать, помещение для иностранных послов, приезжавших к запорожцам*. Как кажется, эта самая Сича одно время перемещалась с Чортотмыцкого рога, куда-то в открытую степь; по крайней мере, в 1663 году об ней писалось, что Сеча «ныне у запорожцев на поле и крепости вокруг нее нет никакой»**. Сколько вмещала в себе Чортотмыцкая Сича – неизвестно; но в 1672 году об ней говорилось, что там одних кузнецов 100 человек, постоянно в Сиче живущих»***.

Кроме сказанного о Чортотмыцкой Сиче, акты 1659, 1664, 1673 годов свидетельствуют, что в ней существовала церковь во имя пресвятой Богородицы; решение о построении церкви на Чортотмыке поставлено было запорожцами на Романковом кургане во время общей войсковой рады; заведывание над работами возложено было на двух иеромонахов Самарско-

* Акты ЮЗР, СПб., 1879. Т. 11. № 5, 12. 351; Величко С. Летопись событий, К., 1851. Т. 2. С. 360.

** Там же, 1867. Т. 5. № 143.

*** Там же, 1879. Т. 11. № 13.

С. II. Рис. 19.

Запорожец Иван Шыба, рис. И.Е. Редина.

Николаевского монастыря, спасшихся от татар, вследствие чего постройка храма продолжалась всего лишь около полугода времени, с марта по сентябрь месяц, и накануне храмового праздника церковь была освящена и открыта богослужением^{*}. В 1664 году, однако, об этой самой церкви кошевой Иван Щербина писал гетману Ивану Брюховецкому, что она внезапно сгорела, так что духовенство сичевое не успело выхватить из нее и церковной утвари; оттого кошевой просил гетмана прислать в сичевую церковь триодь постовую, апостол и кадильницу, в противном случае в наставший пост не по чем будет и службу божественную править. В 1673 году в новую церковь Чортотомльцкой Сичи, на имя кошевого атамана Лукьяна или Лукаша Андреева, присланы были от царя Алексея Михайловича 12 книг Четь-Миней^{**}.

Видимо эту самую Чортотомльцкую Сичу посетили в 1682 году московские послы, дьяк Никита Моисеевич Зотов и стольник Василий Михайлович Тяпкин, когда ехали в Крым для заключения Бяччисарайского мира³ с татарами и турками: «Марта в 21 день пришли мы к Запорожью, на реку Базаваук, не дошед до Сечи около десяти верст. На реке Базавауке нас встретил с видимою радостью запорожский войсковой асаул с небольшим числом козаков; козаки перевезли нас в лодках на свою сторону. От реки Базаваука мы пошли к Сечи и, не дошед до нее за пять верст, божиею милостию, ночевали безопасно в открытой степи; с нами ночевали и войсковой асаул с козаками. На следующий день, 22 марта, перед обедом, мы пришли в Сечу и стали на лугу, перед городом, а потом, обменявшись послами, с кошевым пришли в самый город Сечь, и прежде всего направились в храм божий воздать молитву Господу. Придя в церковь пресвятой Богородицы, мы отслужили соборное пение за государское многолетнее здравие»^{***}.

Общий вид Чортотомльцкой Сичи представлен на одной весьма интересной гравюре, хранящейся в С. Петербургской

^{*} Феодосий (Мясаревский). Исторический обзор церквей. Екатеринослав, 1876. С. 35.

^{**} Акты ЮЗР. СПб., 1867. Т. 5. С. 228; 1879. Т. 11. С. 259, 355.

^{***} Список с статейного списку великого государя, его царского величества посланников / Публ. Н. Мурзакевича // ЗОИИД. Одесса, 1850. Т. 2. Отд. 2. С. 646.

Императорской публичной библиотеке, в отделении портретов Петра Великого, работы известного в XVII веке гравера Инокентия Щирского. Она сделана на холсте, длины 12, ширины $7\frac{1}{2}$ четвертей, имеет на самом верху надпись: «Богословский и философский тезис, поднесенный киевскою духовною академией царям Иоанну и Петру Алексеевичам 1691 года». Лицевая сторона гравюры вся испещрена ликами, разделяющимися на шесть рядов и помещена нами один ниже другого, сверху до низу. В первом ряду представлена Богоматерь; во втором – святой князь Владимир и ниже его – двуглавый орел, а по бокам Богоматери и Владимира – 12 фигур разных святых, кроме фигуры Спасителя и Бога отца; в третьем ряду представлен вид города Киева; в четвертом изображены – с левой стороны будинок, где сидят запорожцы и рядом с ними турки или татары на общей раде, по середине – группа козаков, размеряющих копьями землю, а с правой – запорожская Сича с клубами дыма над ней. Сича обнесена высоким валом, на котором стоят три пушки на колесах, за валом виднеются шесть куреней, а среди куреней возвышается маленькая трехглавая церковца. Ниже Сичи идет последний ряд фигур – византийских императоров Аркадия и Ганория, Василия и Константина, и русских царей Иоанна и Петра. Мысль, вложенная мастером в гравюру, очевидна: он представил главные моменты из истории Киевской Руси, в связи с историей запорожских козаков, и изобразил современное ему царское двоевластие в России, подкрепив последнее примером византийской империи.

Причина перенесения Сичи с Микитина-Рога на устье Чортомлыка, как кажется, стоит в зависимости от большого удобства местности при реке Чортомлыке, сравнительно с местностью при Микитин-Роге. Дело в том, что местность Микитина-Рога, довольно возвышенная и с трех сторон совершенно открытая, представляла большие неудобства в стратегическом отношении: татары, кочевавшие у левого берега Днепра, прямо против Сичи, могли следить за каждым движением запорожских козаков и предугадывать все планы их замыслов. Это-то неудобство и могло быть причиной того, что козаки оставив Микитин-Рог и перенеслись пониже, на речку Чортомлык, где представлялись гораздо большие удобства в стратегическом

Ч. II. Рис. 20.

Запороженец Яков Шыба, рис. П.Е. Ретина.

отношении, чем у Микитина: «А неприятельского прихода к Чортотамыцкой Сиче можно было ожидать, в летнее время, только с поля, от реки Базаваука, от крымской стороны, а с остальных трех сторон к ней тоже нельзя было подступить, вследствие разлива рек, окружающих Сечь. В зимнее же время запорожцы скалывают на тех реках лед вокруг Сечи и тем защищают ее»^{*}.

В настоящее время на месте прежней Сичи находится деревня Капулинка, как ее называют крестьяне, или Капыловка, как она пишется на официальных бумагах, Екатеринославской губернии и уезда^{**}. Она приписана к селу Покровскому и от Никополя отстоит ровно на 20 верст. Из Никополя в Капулинку ведет ровный, широкий шлях, начинающийся тотчас же за Никополем и оканчивающийся почти у самой деревни. Это превосходная гладкая и совершенно открытая дорога, с правой стороны окаймленная цепью курганов, а с левой охваченная широкой рекой, за которой тянется, по топким плавням, густой и высокий лес. Все это придает особенно своеобразный характер местности, на которой, кроме всего этого, выделяется линия курганов, идущая понад правой стороной шляха, в самом строгом порядке: один курган отстоит от другого на расстоянии четверти версты и притом так, что сперва большой курган, потом малый, затем опять большой и за ним снова малый и т. д. И когда шлях делает загиб справа налево, то и курганы делают такой же загиб. Таким образом эта цепь курганов приводит как раз к самому месту бывшей Чортотамыцкой Сичи. Но кроме этих указателей, на шляху есть еще так называемые мили, т. е. каменные четырехгранные столбы, свидетели проезда здесь императрицы Екатерины II.

Вдоль этого шляха тянутся: слобода Неплюева, с левой стороны, хутор Чортотамык, у одноименной с ним речки; слобода Новомихайловка, несколько вдали от дороги, и наконец деревня Капулинка, расположенная в береговой низменности речки Чортотамык, сидящая в небольшом «заулочке». На полторы версты выше д. Капыловки, на возвышенном, открытом выгоне, как раз против хаты крестьянина Ивана Коваля, стоит огромное земляное укрепление, так

^{*} Акты ЮЗР. СПб., 1879. Т. II. № 5, 14.

^{**} В названии Капыловки второе турецкое слово «кыну» — ворота, «капылы» — с воротами или много ворот.²

называемый сомкнутый редут с траверсами внутри. Южная линия этого редута имеет 1250 саж., северная — 780 с., восточная — 380, западная — 700 саж. Время сооружения этого укрепления всего естественнее³ отнести к 1709 году, когда против запорожцев посланы были Петром I российские войска для разорения их Сичи; войска эти должны были долгое время простоять у Сичи, и тогда, вероятно, сооружены были означенные земляные укрепления. К югу от укрепления, у самой деревни, бросаются в глаза два небольших холмика, в огородах крестьянина Семена Кваши, на первом из коих стоит высокий песчаниковый крест, с высеченною на нем надписью: «Зде(сь) опочивает раб б(о)жии Семен Таран козак куреня шкуринского преставися року 1742 м(еся)ца дека(бря) г (3) чис(ла)». На четверть версты ниже, в огороде крестьянина Коваля, стоит другой крест. С восточной стороны на нем сделаны начальные буквы: Ис, Хр, Н+КА, К+П, Т+Р, М+Л, Р+Б, с западной вырезана надпись: «Зде(сь) представися раб божии(й) Федор Товстони: куреня шербиновского козак погребен року 1770: нояб(р)я 4 дня».

На треть версты ниже двора крестьянина Ивана Коваля стоит двор крестьянина Николая Алексеича Мазая, в огороде которого находится третий запорожский памятник: намогильный камень над прахом знаменитого в истории запорожского козачества кошевого атамана, Ивана Дмитриевича Сирка; это уже не крест, а род узкой плиты, книзу более утолщенной и широкой, кверху несколько утонченной и как бы отрубленной. Он высечен из песчаникового камня и поставлен на небольшой, в виде пьедестала, также песчаниковый саркофаг. Этот памятник имеет высоты два аршина без полутора вершка, ширины снизу пять четвертей, сверху две четверти, толщины — одну четверть. Он взнесен на невысокий холм, обсаженный с трех сторон шестью шелковицами и с одной, восточной стороны, тремя серебристыми тополями. На самом верху имеет два небольших углубления, по всем соображениям, для бывшего некогда на нем креста; на восточной стороне памятника высечено обычное распятие Христа с обычными же при нем буквами І. Н. Ц. ІІ; ІС. ХС, НІ, КА, К, П, Т, Р, М, Л, Р, Б; а на западной стороне, в самом верху, высечен четырехконечный крест и ниже креста помещена следующая надпись: «Р Б ДХІІ МЛЖ Д ПРЕСТАВИСЯ РАБЪ БО ИОАНЪ СЫРКО ДМИТРОВИ АТАМАНЪ КОШОВИЙ ВОСКЪ ЗАПОРОЗСКОГО

ІІ СЛЖЕНИКЪ, ДЛА НЕПРІМІННОГО
ПОНЕМА СКАЩЕНОСЛЖЕНІА КЪ ЦРКВИ =
ПОКРОКЪ ПРЕСКАТІА КЦЫ, КЪ СІЧІІ ЗА-
ПОРОЖСКОІ ІМІЮЩЕМА, ПОСЛАЕМА.

Миротворі рабѣмъ =
Андрѣй Кіриловъ

Ч. II. Рис. 22

Запорожское платье, рис. И.Е. Ретина.

Ч. II. Рис. 23.

Запорожское платье, рис. И.Г. Рещина.

ЗА ЕГО... Ц П В ФЕОДОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПАМЯТ ПРАВЕДНАГО
СО ПОХВАЛАМИ.*.

То есть: «Року божого 1680 месяца августа 1 дня⁶ преставися раб бож(ий)⁷ Иоан Серько Дмитрович⁸ атаман кошовый воска запорожского за его... (Здесь в памятнике выбит кусок камня) ц. п. в. (царского пресветлого величества) Феодора Алексеевича(.) память праведного со похвалами»⁹.

Менее, чем скромная могила скрывает в себе более, чем великого полководца.¹⁰

По всему этому кошевой атаман Иван Дмитриевич сделался настолько известным в свое время, что на нем каждый малороссийский летописец и каждый малороссийский историк считает долгом так или иначе остановиться. В актах южной и западной России, начиная с пятого тома и кончая двенадцатым, то есть в течение лишь одного года (1675–1676), можно встретить имя Сирка чуть ли не на каждой странице. Кроме того, в разных малороссийских архивах (в Москве, Киеве, Харькове и Одессе) находится огромное количество дел, относящихся до личности Сирка. Так, в одном архиве министерства иностранных дел хранится более трехсот актов, касающихся личности Сирка.

Подвиги Сирка еще большее впечатление произвели на современников, что выразилось прежде всего в создании некоторых дум¹¹, песен об нем:

«Ой¹², як крикне старий орел, що під хмари в'єтця,
Гей, загуло Запорожжя та й¹³ до Сірка тнеться.
Ой, не вітер в полі грає, не орел літає,
Ото ж Сірко с товариством на Січі гуляє.
Старий Сірко перед стягом раду оглядає,
Козаченків привітає, стиха промовляє:
«Гей, молодці-запорожці, татарва ляска!
Не дрімайте, товарищі, бо в руки лапаса;
Збирайтеся до купоньки та сідайте коні,
Ті коні вороні, що ждуть на пригоні!»

* г. Скальковский, вместо слов «Память праведного со похвалами», прочел: «Памятник от всего посольства». См.: Скальковский А. А. История Новой Сечи. Одесса, 1885. Ч. 3. С. 262. Ничего подобного нет на памятнике; См. также нашу статью: Архивные материалы для истории Запорожжя // Киевская старина. 1886. № 7. С. 531. Здесь редакция произвольно сделала некоторые изменения.

Загудло Запорожжа, як те Чорне море,—
 Понесалися козаченки облявою в поле.
 Ой як свисне старий Сірко на конику сивім,
 То спивились запорожці, як сонечко сіло.
 Ой як крикне старий орел, на шпиль-гору сівши,
 Засмутились запорожці, коней погубивши:
 «Ой, батьку наш, отамане, що маєм робити?
 Без коней ми, наче орли, що в степу підлітати?»
 Ой як крикне наш отаман та й до козаченків:
 «Не журіться, запорожці, друзі молодесенькі!
 Ой, годі ж вам турбуватись, годі, панни-брати!
 А беріте в руки списи, руйнітьте гармати!
 То ж не вітер в полі грає, не орел вітає,
 Ото ж Сірко с товариством по степу літає»*.

Те же подвиги Сирка были¹⁴ причиною¹⁵ того, что об нем, уже тотчас после его смерти, стали ходить разные легенды. Так историк Мышецкий передает, что запорожцы, после смерти Сирка, пять лет возили в гробу тело своего атамана, чтобы тем устрашать врагов и обращать их в бегство, так как все козаки твердо верили, что с Сирком не страшно было идти на войну и тогда, когда он уже стал мертвым**.

Сирко умер в 1680 году, 1 августа, в собственной пасике, в Грушевке. Вот как об этом рассказывает малороссийский летописец Самуил Величко. «Того же лета (1680 г.), первого августа, представился от жизни сей, через некоторое время после болезни, в Грушевке,¹⁷ в своей пасике, славный кошевой атаман, Иван Сирко. Препровожденный водою до запорожской Сичи, он погребен честно всем войском низовым запорожским в поле, за Сичею, против московского окопа, где погребалось и другое запорожское товариство. Погребен он знаменито, 2 августа, со многою артиллериею и мушкетною стрельбою и с великою от всего низового войска жалостию, как и следует справному и счастливому вождю, который с молодых лет и до старости своей, прорабывая военными промыслами, не только удачно

Ч. II. Рис. 24.

Запорожский графин.

* Из песен, записанных мной в с. Покровском, Екатеринославского уезда.¹⁶ Киевская старина. 1893. Т. XI. С. 313; Исторические песни малорусского народа. К., 1874. Т. I. С. 153.

** Мышецкий С. И. История о кизаках запорожских. Одесса. 1852. С. 11.

Ч. II. Рис. 25.

Памятник конисового П.Д. Сирко.

воевал Крым и попалали в нем некоторые города, и не только громил в диких полях, по разным местам, татарские загоны^{*} и отбивал христианских пленников; но и, выплывши в Черное море лодками, в разных местах немалые шкоды и разорения чинил бусурмянам; а по самому морю громил корабли и каторги^{**}, плывшие из Константинополя в Крым, Азов и другие места, и с великою добычею счастливо с запорожским войском до своего коша возвращался; его все войско очень любило и за отца своего почитало. Похоронивши же его, как выше сказали, с жалостию, знатную высыпали над ним могилу и на ней каменный крест поставили с надлежащим именем и с подписом его делний»^{***}.

Много лет прошло с тех пор, как умер Сирко, а на Украине его и до сих пор не забыли. Говорят, что Сирко явился на свет божий совсем иначе, как являются обыкновенные люди. «От як він тільки родився, то баба взяла його на руки та піднесла до стола, а на столі стояли пироги з потрібкою. Сірко ухопив періг руками та й з'їв. Родився, бачете, з зубами та й і ввесь рік їв ворогів...» Говорят, что Сирку и сам чорт был не брат. Шел как-то он понад речкою, у которой стояла тогда Сича. Идет, аж гульк! в речке плещется чорт. Сирко выхватил из-за пояса пистоль и, не моргнув глазом, положил беса на месте. Оттого-то и речка стала называться Чортомлыком: «в ней чорт только м л ы к и у л^{****} вверх ногами, когда луснул его Сирко». Говорят, что равного Сирку не было, да не будет в целом свете, и ему сам Господь открыл это. Оттого, умирая, он дал завещание не хоронить выше себя никого. «Хто ляже нарівні зо мною, то ще брат, хто ж перед мене, той проклять». Говорят также, что Сирко даже и не умер, а где-то бродит по свету, незримо воюя с врагами.

«Ви думаете, паничку, - рассказывает старуха Зиновия Ивановна Нелипа, теща крестьянина Николая Алексеевича Мазая, в огороде

* В подлинном стоит «чамбули», что с турецкого языка («чангул») значит «загон», разбойничий и быстрый «наезд».

** По-турецки «гадрыга», судно по три паруса по три тента.

*** Величко С. Летопись событий в юго-западной России. К., 1851. Т. 2. С. 497-498.

**** На самом деле «Чортомлык» есть киргизское слово «чортам» - щука с окончанием^{IV} «млык», которое приставляется для образования отвлеченных понятий, преимущественно имен существительных от имен прилагательных, как, напр., «бай» - богатый, «бийлык» - богатство, для обозначения множества того, что означает собой корень; отсюда Чортомлык означает реку, обилующую щуками.

котрого стоить памятник Сирка, — ви думаете, що в цій могилі лежить Сірко? Ні, тут його одна тільки рука, а він сам ходє десь по світу і воює з ворогами... Як став, бачте, Сірко із Січі сходити¹⁸, то й каже запорожцям: «Хто тільки ощо мою праву руку буде носити, то буде він ворогів і день і ніч кришити». От небі б то і вмер він. Запорожці одріз[а]ли у нього руку, засушили її, сім год возили с собою на війну. Та все города брали. Оце яка немира, то вони зараз виставлять її вгору та й кричать: «Стойте, молодці, душа і рука Сірка з нами!» Так ті вороги, як зачують Сірка, та так як скажені і порозбігаються... Так отут та сама рука і похована, а сам Сірко і досі гуляє десь по світу: його, чуте, і земля не бере, бо він такий страшений воєка, що й земля його не сдерже. Нам він, хай над ним земля пером, щастить; то той, то той прийде — та все до нас... За те я його і в грамотку записала, щоб пан-отець поминав у церкві²⁰.

В деревні Капулівке ходить рассказ о седле Сирка, викопанном в земле крест'янином Прусенком. Крест'янин Прусенко копал землю близь плетня, чобы подвести под него podporu. Выкопал он яму не более, как в колено, вдруг видит, как будто что-то блеснуло. Стал копать дальше, видит — лошадиные кости; к костям, на них седло с блестящими «гайками». Стал он выбирать эти «гайки». Выбирал-выбирал и целый подситок набросал. «Шо воно таке? Блещить, наче золото, та чи золото?»²¹ Дай поїду в Нікополь к жида Оське; он ведь должен знать, что оно такое, золото ли или медь». Собрал Прусенко все гайки в женский рукав, — полнехонький рукав! — и пошел к жида. Пришел. «Здоров!» — «Здоров! А шо скажеш?» — «Та подишсь, Оська, что я выкопав». Оська посмотрел, повертел в руках, попробовал зубами, полизал языком и спрашивает: «А багато ти найшов цих штук?» — «Та цілий рукав!» — «Добре. Ти мені їх зостав, а я понесу до Іцки, так той нам і розгадає, шо воно таке есть, чи золото, чи, може, мідь. А ти, чоловіче, посидь тут у корчмі, за стойкою, щоб як хто прийде, отпустити йому горілки». — «Чом же не так?...» Жид ушел, а Прусенко остался за стойкой. Как забрался за стойку, тут ему и мат пришел: выпил сперва чарку, а на ту чарку другую, а на ту другую третью — и потом пошел писать... Да так целых три дня. Хватился уже на четвертый день, а Оськи нет. Продолжал еще два дня, а его все нет. Бросился тогда Прусенко к Ицке. «А шо, був у тебе Оська?» — «Ні, зроду він у мене не бував, та я його й знати добре не знаю...» Так Оська и исчез. Уже спустя много времени после этого

кто-то рассказывал, что видел Оську в Одессе. Тогда только Прусенко догадался, какого он зевка дал. Из всех «гаск» у него только осталось две, которые он дал поиграть детишкам. Понес он эти гайки к управлению экономией в село Покровское. «Да это, братец, чистейшее золото, да еще какое золото! Хочешь получить за эти две штуки пару самых лучших волов в экономии и к ним две кованых брички?» — «Та вже ж давайте, бо як не дасте, то й ці жида якийсь видуре». Этот рассказ подтвержден официальным показанием станового пристава, Н. П. Корнилова.

²² В той же деревне Капуловке можно найти у любителей малороссийской и запорожской старины следующее письмо, приписываемое кошевому атаману Сирку, посланное им турецкому султану Махмуду IV, потребовавшему от запорожских казаков полной покорности и грозившему им, в случае сопротивления, разрушением Сичи. В 1680 году султан написал запорожцам грозное письмо, в котором, называя себя братом солнца и луны, внуком и наместником Божиим на земле, владельцем македонского, вавилонского, иерусалимского и египетского царств, царем над царями, непобедимым рыцарем, утешением мусульман и смущением христиан, приказывал казакам немедленно покориться и впредь своими набегами не беспокоить ни Крыма, ни Турции. На это письмо, полное высокомерия, заносчивости и чванства, Сирко с товариществом отвечал, не стесняясь в выражениях, письмом, наполненным неподражаемого юмора и едкого сарказма. Хотя подобного письма мы не найдем ни у одного из малороссийских летописцев, но характер и дух его совершенно согласны с характером и духом запорожских казаков.

«Ти шайтан* турецкій, проклятого чорта брат, самого Люципира** секретарь, а не отаман! Який ти в чорта лицарь? Чорт викидає, а ти і твоє військо поїдає. Не будеш ти синів християнських під собою мати***. Твого війська не боїмось, — і водою і землею будем биття з тобою. Вавилонський ти ку-

* Шайтан — черт.

** Люциперс — Люцифер.

*** Мати — иметь.

харь*, македонській колесник, ерусалимській броварник**, александрійській козолуп, Великого і Малого Ягипту свинопас, армянська свиня, татарській сагайдак***, каменецькій кат, подольській злодій****, самого гаспида***** внук і всього світу і підсвіту блазнюк, чортячий шурин, а нашого Бога дурень, свиняча морда, кобиляча с - - ка, ризницька собака, нехрещена бісова голова, в тебе глазду нема*****, так та он як твою мати, а на тебе нам н - - - - - ть! От як тобі козаки відказали, поганий, плюгавий. Невгоден ти до нас вірних християн! Року не знаєм, бо календаря не маєм, місяць на небі, число у книзі, день такий у нас, як і в вас, - поцілуй же за те ось куди нас!» Кошовий отаман Сірко з усім низовим військом запорозьським».

Кроме могилы кошевого Сирка, в Капуливе есть две могилы козака Симеона и Даниила Борисенка, — обе в току крестьянина Марка Мирошниченка, по уличному Богатого. На каждой из могил стоит каменный крест с надписью: «Зде(сь) опочиває: раб божий(ий) Симеон ко... товариш куреня васюринского преставися: року 1728 года». «Зде(сь) опочиває раб б(о)ж(ий) Данило Борисенко: к(уреня) стеблиевского вышяго умре року 1709 м(е)сяца марта 4». Кроме того, за током под плетнем у Марка Мирошниченка лежит еще так называемая гробница, т. е. подставка под крест с надписью: «От рождества христова 172 г.: месяца июля 16». Молва гласит, что хозяин двора под вторым крестом нашел клад, почему из бедного человека сделался сразу богачом и воротилой всей деревни.

С западной стороны, близ самой деревни, находится так называемое старое запорозьское кладбище, на котором стоит четыре каменных креста с надписями. «Року 1728 месяца ноября дня 4 помяни господи душу ус(о)бшагося от Адама даже и до сего дне. Зде(сь) опочиває раб божий Даниил конеловского куреня козака». «Зде(сь) престався раб божий Лукиан товариш куреня медведевского року 1729 месяца сентеврия дня 17». «Зде(сь) опочиває раб божий Сидор

* Кухарь — повар.

** Броварник — пивовар.

*** Сагайдак — козел.

**** Злодій — разбойник.

***** Гаспид — льявол.

***** Глазд — ум.

знятий товариш куреня кисляковского преставися за атамана Евстафия Шкури. а року 1729 июня дня 20 Н. М. К.». «Помяни господи душу раба своего Ефрема Носевского куреня васюринского а преставися року 1728 ме(сяца) декаврия дня в 17».

Со старого кладбища открывается великолепнейшая перспектива на место самой Сичи, точно утопающей среди роскошной зелени и точно плавающей среди множества рек. Но чтобы близко рассмотреть Сичу, надо спуститься вниз с высокого кладбища и пройти улицей до реки Пидпильной. Тут прежде всего бросается в глаза довольно возвышенный, но отлогий, песчаный спуск, усеянный множеством мелких речных ракушек и усаженный толстыми ветвистыми вербами и осокорами; а ниже спуска, через реку, открываются необозримые сплошные плавни, местами затопленные водой, местами покрытые водой, но в том и другом случае поросшие густым лесом, из деревьев мягкой породы: осокорей, шелковицы, вербы, ивы, шелюги. С востока на запад лес тянется необозримо длинной полосой, с севера на юг он простирается на протяжении пятнадцати верст, до самого Днепра. Здесь-то, в виду векового леса, при слиянии осми²³ речек, стоит небольшой, но²⁴ возвышенный и живописный островок, кругом окаймленный молодыми деревьями и сверху поросший высоким и непролазным²⁵ бурьяном. Местоположение острова, при всей его поразительной красоте, кажется, однако ж²⁶, каким-то пустынным, наводящим уныние и тоску на душу человека; от него веет чем-то далеким-далеким, чем-то давно-давно и безвозвратно минувшим.

— Да не это ли Сича?

— Это она и есть!..

В настоящее время эта Сича стоит пустырем: на ней нет²⁷, и признаков человеческого жилья. Один²⁸ ветер низовой²⁹, свободно гуляет по ней да шевелит верхушками высокой травы, а кругом тишина,³⁰ точно на дне глубокой могилы... Глядя на этот унылый остров, невольно вспоминаешь то время, когда³¹ здесь кипела жизнь, и какая жизнь? Жизнь во всем просторе, во всем широком разгуле: тут и бандуры звенели, тут и песни разливались, тут же и лихие танцоры кружились таким вихрем, от которого пыль поднималась столбом, воздух стонал стоном, земля звенела звоном... А теперь что? Теперь гробовое молчание, теперь мертвая тишина, такая тишина, точно в заколованном темною силою царстве. Теперь...

что теперь? Лишь одни слабые намеки на то, что когда-то жило здесь полною, открытою, никем и ничем не стесняемою жизнью.

Вот, с левой стороны, к реке Пидпильной бежит река Чортомлык, а по правому берегу Чортомлыка видны остатки запорожского кладбища. По всем признакам, во время пребывания здесь запорожцев, оно было довольно обширно, но теперь большая часть его находится под деревней, а меньшая вся изрыта кладонисателями. Жажда золота и мертвым не дает покоя!.. К тому же и сам Чортомлык не щадит своей святыни: ежегодно разливаясь, он подмывает свой правый берег и выносит из него целые гробы с козацкими костями. Оттого на берегу реки или на самом дне ее, во всякое время года, в особенности же весной и осенью, можно видеть целые кучи валяющихся черепов и костей. А если взять в руки лопату и отвалить несколько кусков земли от правого берега Чортомлыка, то тут можно видеть и целые человеческие остовы, и куски разного платья, и длинные козацкие чубы, и оловянные пули, и целые куски свинцу, и большие круги дроту, и даже козацкое оружие. Грустно смотреть на эти немые остатки некогда кишевшей здесь живым ключом человеческой жизни! Грустно в особенности потому, что и самые остатки эти попираются ногами проходящих людей и нередко смешиваются с костями и мясом дохлых лошадей, коров, собак и кошек... И невольно вырывается в такой момент святой стих «лирного» поэта:

«Подивись на кладовище, де лежать мої сини:
Іх могили розмивас повідь [кож] ної весни!
Всім до тих могила байдує, і нема тії руки,
Щоб як свято поховала черепи і кістняки»^{*}.

Самый остров, на котором была славная и грозная Сича Чортомлыкская, представляется в настоящее время в таком виде. Весь он состоит из песку, разделен на две неровные половины: возвышенную на западе и низменную на востоке. Первая заключает в себе всего лишь 1050 квадрат. сажень, а вторая — две десятины и 1200 квадрат. сажень. Но собственно только возвышенную часть и можно назвать островом, так как она никогда не затопляется водой. Весь северный берег острова возвышенный, поднимающийся до четырех сажень над

Вид Чортомлыкской Сичи.

^{*} Щоголев Я. Ворскля. Харьков, 1883. С. 152.

уровнем вод; южный — отлогий, постепенно понижающийся и под конец покрытый лесьями; западный также возвышенный, но менее чем восточный, зато он крут, обрывист и в юго-западном углу покрыт лесом; восточный несколько выше западного, но не так крут и обрывист, зато он весь охвачен густыми и высокими деревьями. На этой возвышенной половине острова от запорожцев сохранились в настоящее время два рва с валами и пять ям, из коих три ямы находятся в северо-восточном углу острова, перед рвами, а две на западной стороне его, за рвами. Рвы расположены один возле другого, на расстоянии около сажени, и тянутся сперва с северо-востока на юго-запад, на протяжении четырнадцати сажень, потом, под прямым углом, поворачивают на юго-восток и тянутся на протяжении пятнадцати сажень, высоты имеют до четырех, глубины до трех сажень.

Что касается низменной части острова, то это есть собственно то, что в Малороссии называют левадой; возвышаясь над уровнем речных вод едва несколькими футами, она уже в небольшую воду затопляется; на ней растут великолепные высокие и ветвистые деревья, а между деревьев разбросаны громадные гранитные глыбы. Вокруг всего острова, и возвышенной и низменной его части, сходятся восемь речек: с севера Пидпильня; с востока Гнилая, в старых картах Прогной, и Скарбная^{*}; с юга Павлюк^{**}, приток Днепра, и прориз Бейкус, впадающий одним концом в Павлюк, другим — в Скарбную; с запада тот же Павлюк и та же Пидпильня. Кроме того, Скарбная принимает в себя рр. Лапишку^{***} и Скажену, идущие к ней по направлению от северо-востока к юго-западу, а Пидпильня — речку Чортомлык, бегущую к ней прямо с севера и дающую название самой Сичи^{****}. Уже из одного этого перечня речек видно, насколько описанная местность была удобна для построения на ней Сичи: со стороны крымской Сича была защищена широкими и непроходимыми плавнями и множеством водных протоков, со сторо-

* Скарбная идет из Днепра; имеет в длину 7 верст, в ширину от 6 до 4 саж.; она обязана своим названием тому, что в ней запорожцы притали свой скарб.

** Речка Павлюк названа от куренного атамана Павлюка, сподвижника Ивана Сирка; Павлюк в этой речке потопил отряд татар. Она имеет длины 4 версты, ширины от 80 — 30 саж.

*** Лапишка выходит из Днепра, под Никополею; длины имеет 13 верст, ширина до 10 саж.; впадает в лиман.

**** Чортомлык вытекает из балки Соленой или Чортомлыцкой, под Никополею, тянется на 100 верст и вливается в Лапишку.

ны польской — широкой болотистой речкой Чортомлыком, а еще ниже Чортомлыка — ветвистой и глубокой рекой Базавлуком, удаленной от Сичи верст на восемнадцать к западу.

Но спрашивается, таков ли был вид Чортомлыцкой Сичи во времена самих запорожцев? Далеко не таков. В настоящее время она представляется в виде небольшого, совершенно круглого острова; но во времена пребывания здесь запорожских козаков это не был остров, а только мыс или рог, наподобие мыса или рога Микитина. В этом убеждают нас, во-первых, приведенный выше «Указ кошевых о запорожских городах»^{*}; во-вторых, «План всей местности по Днепру от г. Никополя до Борислава»^{**}; в-третьих, «План старой Чортомлыцкой Сичи козаков», снятый в 1738 году^{***} с целью укрепить эту местность для возвращавшихся тогда из изгнания запорожских козаков и, наконец, рассказы и уверения стариков: Михаила Решетняка, жителя местечка Никополя, и Олярки Белой, жительницы деревни Капуливки, проживших около ста лет и много видевших на своем веку. «Чув я, як козакував у Новій Січі (последней по времени) от Фтомийча та от Білшського (кошевые атамань), що того острова (Чортомлыцкого) не було, а запорожці зробили рів і пропустили воду з Чортомлыка, щоб не диття москвіям (русским войскам). Був тоді наказний отаман Богущ Яким, гарний козак, на місто кошового Кості Гордієнка що з Мазепою змінив руському царю (Петру I-му); він одкопавсь от берега, зробив на шпиглі кріпость, поставив гармати і велів принести туди увесь козацький скарб»^{****}. От этого-то из рога и образовался остров. Однако Богущ не удержался в своем укреплении, и козаки, долго защищаясь, под конец должны были забрать свое имущество и удалиться вниз по Днепру, к туркам. Тогда их Сича, по распоряжению царя Петра, посланными им полковниками Яковлевым и Галаганом, была скрыта до основания. Но с тех пор р. Чортомлык стала нести свои воды не в Скарбину, а в выкопанный Якимом Богущем ров и, постепенно размывая его, превратила его в

* Акты ЮЗР. СПб., 1879. Т. II. С. 12.

** А. Несколько новых документов о Запорожской Сечи и ее землях // ЗООИД. Одесса, 1858. Т. 4. С. 468, табл. X.

*** Там же. Табл. XII.

**** Решетняк имел около 30 лет при уничтожении последней Сичи. Каретин Н. Запорожские городища // Там же. Т. 9. Одесса, 1875. С. 441.

широкую реку, соединившуюся с р. Пидпильней. Изменение местности так скоро произошло, что уже на карте 1745 года, напечатанной по-французски и хранящейся в румянцевской библиотеке в Москве, Чортотмыцкая Сича представлена в виде острова, омываемого с южной стороны Павлюком, а с северной — Пидпильней в соединении с р. Чортотмыком*. В таком же виде Чортотмыцкая Сича представлена и на карте 1798 года, хранящейся в эконопии великого князя Михаила Николаевича, в с. Грушевке, Херсонского уезда, которому в настоящее время принадлежат все места бывших Сичей Базавлуцкой, Чортотмыцкой и Пидпильнейской.

Вот все, что можно сказать о внешнем виде Чортотмыцкой Сичи в ее прошлом и настоящем. Не довольствуясь, однако, одним осмотром с внешней стороны Чортотмыцкой Сичи, я решил на возвышенной части острова произвести небольшую раскопку, имея целью, главным образом, отыскать место бывшей здесь запорожской церкви. Для раскопки взята была одна из ям средней величины, в юго-восточном углу Сичи, показавшаяся мне местом фундамента какого-то здания. Яма по виду была круглая, в окружности имела 10 саж., в глубину до 2 аршин. По очистке от травы и по снятии всего одной четверти аршина земли, в ней найден был сперва слой рыбьей шелухи, покрывавший все пространство ямы, кроме самого центра ее, на четверть толщины; ниже слоя рыбьей шелухи шел слой древесной золы, покрывавший также все пространство ямы, но на глубину полуторы четверти аршина; ниже слоя древесной золы следовал слой костей от разных животных и птиц; ниже слоя костей — слой битой посуды, прекрасно обожженной и сделанной из превосходной глины. После последующих пяти слоев обнаружился материк, который оказался крупным желтым песком, и тут, на глубине двух с половиной аршин от поверхности ямы, найден большой деревянный сундук, сбитый железными скобками, но от времени совсем развалившийся. Внутри сундука лежало несколько штук гвоздей, две черепковые хорошенькие трубки, одна красного, другая черного цвета, кусок железной подковы, кусок поддошки, кусок железного шкворня, суконная подпруга с железной пряжкой на ней, множество стекла, множество черепков от битой посуды, оловянная пуля для

* Recueil de toutes les cartes Publiées par l'Académie de Petersbourg à Paris, 1745.

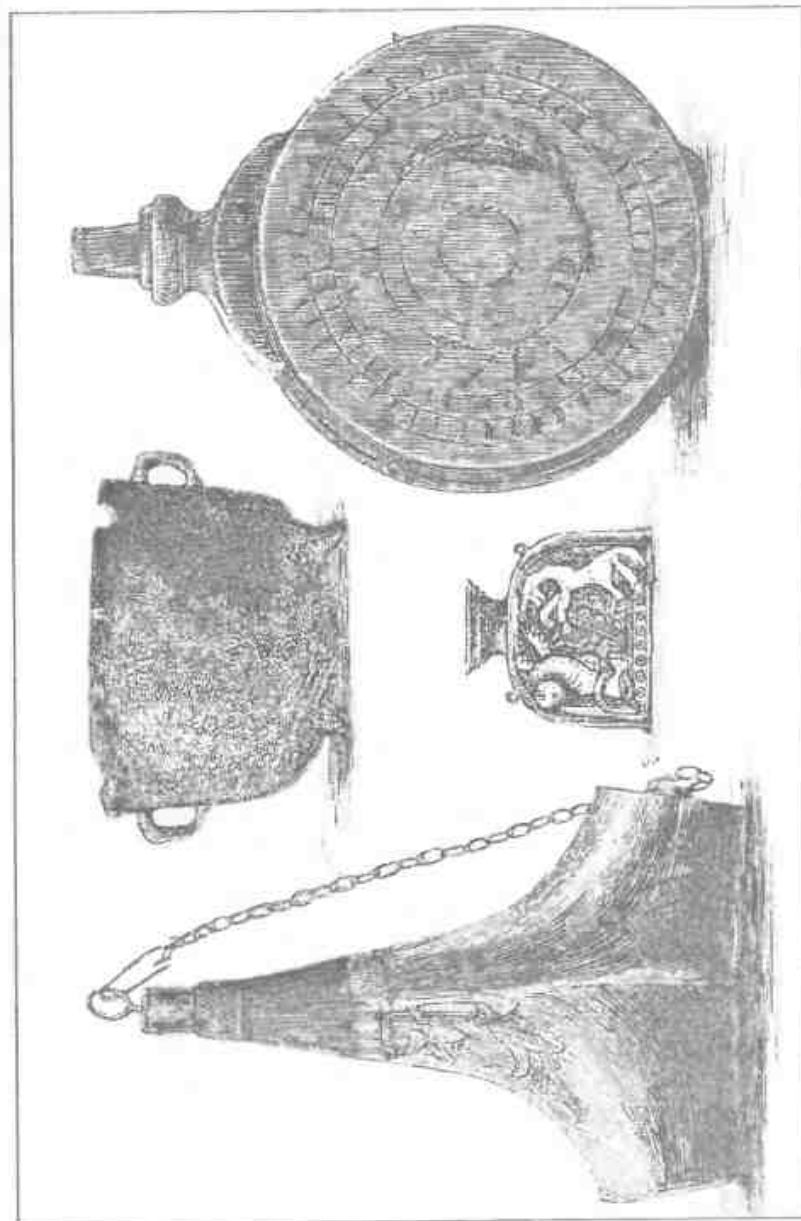
пистолета, небольшой надточенный брусок, медный перстень с печатью, свистун, имеющий подобие коня, черепковые грузки для рыбных снастей, костяная, в виде рога, с узорами, натрубка, чернильница, деревянная резная пороховница, чугунный казан. Последний вместимостью полтора ведра, имеет два ушка с боков и три ножки снизу, служащих ему вместо подставки. По всему этому видно, что вскрытая яма служила местом войсковой скарбницы, куда козаки клали разное свое добро, как теперь простой народ кладет его в каморки или пуньки.

Две остальные ямы были несколько больше первой: одна в окружности 15 сажень, другая — 12 сажень. Обе они оставлены мной нетронутыми, разрыты только вала. При раскопке вала взято было направление от севера к югу и разрыто небольшое пространство, всего лишь в полторы сажени длины. Легкость, с которой происходила разработка вала, показала, что он насыпан сравнительно в недавнее время, лет сто, полтораста тому назад. При раскопке вала в нем найдены остатки толстых и у самого конца обугленных палей, расставленных вдоль всего вала и служащих указателем, очевидно, того, как некогда укреплена была Сича: окопанная высоким валом и осторченная высеченными в лесу дубами, она представляла из себя первобытного вида крепость и была в истинном смысле слова Сича.

Покончив с раскопками на Сичи и собрав несколько древних вещей, хранившихся у крестьян*, я решил осмотреть, в несколько приемов, ближайшие места к Чортотмыцкой Сичи, в сопровождении опытных лесничих; сев в лодку, мы направились сперва к правому берегу речки Чортотмыка, на полверсты выше Чортотмыцкого острова, и тут увидели пять окопов от бывших запорожских куреней. Судя по этим окопам куреней, можно думать, что на острове помещались только главные постройки Сичи: церковь, будинок для кошевого атамана, домик для войскового скарба, да здание для войскового канцелярии, а самые курени козаков расположены были на теперешнем правом берегу речки Чортотмыка, причем причолки их выходили на берег реки, а боковые стены — на юг и север.

От Чортотмыка мы направились вверх по Павлюку к реке Днепру. Проплыв несколько Павлюком, который страшно быстро мчит

* На Чортотмыцкой Сичи, между прочим, находятся каменные молотки неолитического периода и фибулы бронзового века.

Казан, пороховница и чернильница.

свої води в Підпильну, ми той же час вискочили в Чортомлышское Днєприще. Промчавшись ще несколько по Чортомлышскому Днєприщу, ми очутились нарешті й у самого Днєпра. Все це время ми плавали между плаван, сплошь покритых густым и очень высоким лесом. От острова до Днєпра считается всего лишь три версты: полторы версты от Сичи до Чортомлышского Днєприща и полторы версты от Чортомлышского Днєприща до самого Днєпра.

— Скажи мені, добродію, — обратился я к одному из своїх лодочников, Прокопу Табуненку, — скільки воно оця Січа займала землі за козаків?

— За козаків вона займала землі більш, ніж тепер. Це її після козаків кругом обвалало: відшля вода ріже і відтіля, то вона і йде у воду. За козаків вона була, гаяли, коли не тисячу сажень кругом. Тоді не так воно було. Тоді і річки, що тепер коло Січі, совсім не так шли: вони всі вершались до Січі. Оця річка, то йде від Капулівки, Прогній (Гнилая), падала перш у Лапнику, а сама Лапинка умісті с Прогноем падала у Скарбну, а Скарбна уже йшла поза Січею, сажень на вісімдесят нижче, а потім сходилась с Павлюком, сам же Павлюк вилився у Підпильно. От як воно було. Як бачте, зовсім не так, ніж тепер: тепер і Прогной, і Лапинка, і Скарбна біжать перед самою Січею і падають у Підпильно, а не в Павлюк, бо тепер він уже сам собою іде. Тоді річка, що ми називаємо її Підпильною, не доходила до Січі: тут протів Січі була невеличка канавка, а через ту канавку лежала донечка, а по тій дощечці переходили, кому треба було, на саму Січу. Як ми були малими, то нам діди розказували, що б то по тій дощечці переходили люди на Січу до церкви, бо там, кажуть, стояла гарна церква, на камені змурована.

— Так от як воно було! Хто ж то оце все попеременяв?

— Самі ж запорожці! Відбивались вони від царичі та й зробили тут, від суші, проріз, а в проріз направили воду із річок; тоді вже вода пішла сюди перед Січею, а прежнее своє русло, поза Січею, залишила. Через нього-то і лежала дощечка, щоб переходити людям із слободи на Січу.

— Нашо ж то було людям переходити із слободи на Січу?

— Ловити рибу. Там, поза Січею, була, коли хочете знати, глибока яма, дуже глибока, а в тій ямі плодилась невидима сила риби. Так за тією рибою і ходили люди на Січу. Окрім того, ходили люди і за звіром; за Січею там же великі плавні, по тих плавнях звір усякий

водивсь, такий звір, що вже не припізняйся було, хлопче, з вівіями, а то не одної не зостанетця. Народу мало було та й слобіака мала була, може хат десять на всю Капулівку, а звіру, мабуть, удесятеро більш, ніж людей та хат.

— А води тоді більш було, ніж тепер?

— Ні, цього не скажу: воли, наче, тоді менш було; Підпальня була як тичієчка; от хіба Чортотмані? Цей глибокий був та й ширше, ніж тепер.

— А ліса добрі були?

— Ліса прямо несходими і невидими. От тільки округ самої Січі, там не було.

— Як не було? А тепер же який великий росте!

— Е, не так давно він повиріс!

— А як?

— С тих пір, як умер Грицько Горбатий.

— Хто ж воно єсть той Грицько Горбатий?

— Це наш тики капулівський чоловік. Богатиня був такий, що страх один! Та й не даром: йому чорти гроші возили. Їжи Богу, кажуть, що возили. Мій батько самі бачили тих чортів. Оце, кажуть, устанеш було ранком та й їдеш повз річки на плавні за кінями, а вони (чорти) уже й їдуть; два запряжені у тачку, а третій, падлющий-препадлющий, горбатий, увесь обідраний, с підбитим оком, сидить на передку та паня тими двома. А ці бідолахи аж у три погібелі згинаються та везуть; худкі такі, що аж ребра у їх повилазили. А батько оце порівняють з ними та й кажуть: «Здоров!» — «Здоров!» Не кажуть уже там: «Помагай Біг», бо того чорти не люблять, а тільки «Здоров», та й годі. «А кому везете золото?» — «Та тому клятому си-ну, Грицьку Горбатову! Неяк не настаним...» — «Ну, везіть, везіть, якщо не настаните...» То вони й попруть прямо у двір до Горбатого. А Грицько Горбатий вийде до них, поліче золото, висипе його у скриню, тоді вже зове чортів у хату обідати. А люди того й не бачуть. Та оце наварюють Грицьку казанище борщу, відер десять, або й більш, та й диваються, як то він те все поїсть. А їм і галки нема, що коло Грицька три чорти. Тільки що нальють борщу у казан, а його уже й не стало: «Хап! хап! хап!» Так усе і похопують. Сидять та чмихають як вівиці. «А що, нахрекались борщом?» — пита Грицько. — «Нахрекались!» — «Ну, тепер знову за роботу!» Та так вони, бідолахи, робили йому, може, год двадцять, коли не більш, а потім уже

якось і питають: «Доки ж ми тобі возитимим, Грицьку, те золото?» — «Аж поки не обсадите усю Січу молодягами та поки не засипете землею оту яму, що за Січею. Чули?» — «Чули!» У ту ж ніч як прийнялись чорти, як прийнялись, та так усю Січу і обсадили молодягом: де осоками, де вербою, а де шовковицею. А від ями, що була за Січею, і сліда не залишили: усю землею завалили. От с тих пор Січа і обросла лісом; с тих же пор і вода їй нічого не поробе, а то десь давно б уже рознесло.

— Ну, а скажіть мені, чи була таки тут церква у запорожців?

— Кажуть, що була; сами-то ми, по правді сказати, не бачили, а от кого не питаємо із старих людей, то всяке каже, що була.

— А де ж вона діялась?

— Та балачка є, що б то їй звела царниця Катерина.

Понаравилась, бачте, царниці Катерині запорожська земля. От вона й задумала звести з неї запорожців. Задумала та й прибігла сюди аж із самісенного Петенбурху та й стала отут саме, де стоїть у нас малі⁴ на горі. Стала і давай зазивати до себе запорожців, неби б то в гості. От вони й зібрались. А проміждо ними був один такий, що дещо знав собі, — так зналокою він і звався у них. Він і непоказний із себе був: такий невеличкий, хромий та ще й підсліпуватий. Шлявся десь по степах та лазив десь по плавнях, а лалі й почув, що козаки збираються до царниці. Де-як³² дошкандибав до Січі та зараз на май-дан; дивитця, аж там рада; він і собі до радн. «А куди це ви, панове-молоді, зібрались?» — «До царниці в гості!» — «Ось послушайте мене, панове, та не ходіте ви до тих клятих москвілів». — «А чому так?» — «А тому, що превелике буде вам лихо від них». — «Що за лихо? Та нема того на всім світі лиха, щоб ми його боялись! Підьмо, братці, що з ним базікати?» От і пішли. Приходять прямо до царниці, отдають їй чолом, чи я [к] там треба, а вона зараз і пита їх: «А чи всі ви, дітки, прийшли?» — «Усі, мамо!» — «А нікого на Січі не залишили?» — «А нікого, мамо, на Січі не залишили, окрім хіба тих, що хромі, або сліпі, або убогі». — «Ну, помоліться ж тепер Богу та попрощайтесь із своєю Січею, бо більш вам її не бачити. Не с тим я прийшла до вас, щоб ша[н]увати, а щоб руйнувати». Як тільки вимовила царниця ці самі слова, зараз же кинулись до запорожців москалі, позакували їх у кай-

* На север от места бывшей Сичи.

дани, поодбирали од них худобу та й поразсиляли кудись світ за очима. Як ось почули уже ті, що позаставались на Січі. Давай мерші збирати своє збіжжя, та сідати на каяки та тікати під турка. Вискочили уже геть-геть за Січу та й схаменились. «Ех, панове-молодці, усе ми гаразд зробили, усе ми добре вліяли, та тільки одно погано учинили, що церкву свою покинули. Ну, що ж тепер казати?.. Хай крне її Божа мати!» А тим часом москалі уже перев'язали запорожців, уже й кинулись до Січі, та тільки трохи опізнались. До неї, а там нікопсенько нема, стоїть одна церковця. «Ну, що ж, кажуть, нам і церква здається!» Та до неї, а вона від них; до неї, а вона під них; до неї, а вона від них... Потім отак ходила-ходила та й пішла скрізь землею перед самісенькими очима москалів. Уся, як єсть, з дзвоничею і с крестом, так і пірнула. Одна яма од неї тільки й зосталась... Наші батьки ще бачили хоч ту яму, а ми вже й ями не бачили: вода підмила. Це вже, мабуть, за наші тяжкі гріхи.

Рассказанное предание относится к 1709 году и должно быть связано с личностью не Екатерины II, а Петра I. Петр I, мстя запорожцам и их кошовому атаману Константину Гордеевичу Головку, за измену в пользу шведского короля, Карла XII, послал к Чортомлышской Сичи большой отряд московских войск, под начальством полковников Яковлева и Галагана, и велел разрыть её до основания или, как говорят малороссы, «у пень», а поляки – «лопценту». Приказание было исполнено в точности: разрушены были не только курени, но даже могильные памятники. Тогда же уничтожена была и сичевая церковь. А так как она построена была из дерева,³³ то от нее, разумеется, и не сохранилось никаких остатков до нашего времени.

— А хто ж воно, скажіть мені, оцю Січу розорив?

— Оцю Січ розорив якійсь Галаган; він зиввся з чортами, і як ще був він далеко од Січі, то якійсь-то хлопчик просив кошового атамана, щоб цей позволив застріляти Галагана у ліве око, – інакше нельзя було вбити; а кошовий і каже: «Не слідує проливати християнську кров». А як побачив, що Галаган уже близько, тоді й сам став просити хлопця, щоб він убив Галагана. Тільки тоді вже було пізно. Галаган був великий характерник і зробив так, що казалось, будто у нього не одна голова, а багато. Тоді й хлопчик уже не міг розлічити, де у нього настоянця голова. «Тепер бий сам, – каже він кошовому, – а я не можу знати, куди стріляти, бо у нього бач скільки голов...» Так той Галаган і розорив Січу. А як розорили Січу, то більша половина ко-

заків утекла в турецьку землю, посідавши на лодки, а тим, щ[о] побрали, москалі позрубували голови; більш усього досталося сидим, за те, що вони не хотіли покоритися*.

О Галагане сохранились предания и в других местах, но почему-то всегда в шутливом тоне:

Ти казав, пане Галагане,
Що в нас війська немає;
А як вийде на таракана,
Так як мак процвітає.

От Сичи я воротился в деревню к дядям Дмитру Сукуру и Семену Оникисенку. Помню, было около пяти часов вечера, когда я, прошед большую часть деревни, явился к дядям. Я взойшел прямо на ток Сукура и тут под высокой повиткой, возле большого чумацкого воза, увидел мясистого дядю, сидевшего лицом прямо против солнца, которое стояло как раз в упор повитки и, казалось, готово было спалить огнем все убогое строение старика. А между тем дядя спокойно сидел на своем ложе и спокойно держал на руках маленького ребенка, поднимая кверху голову и как бы нарочно вперив свой взор в раскаленное солнце. Я подошел ближе, поздоровался и тут только увидел, что дядя был слеп. Вот почему он и не отворачивал своего лица от солнца. Это был Сукур. Дядя Оникисенко был зрячий; он сидел против Сукура, подмостив под себя скамеечку, на которой отбивают крестьяне свои косы, и что-то убедительно доказывал своему собеседнику.

— Ей, ветхі ж діди!

— Не то що, пане, ветхі, а слабії. Шо за ветхі, як мені сімдесят шість, а оцему дідові, що протів мене, вісімдесят вісім? Шо це така за ветхість? Старі люди далеко більш за нас жили, а такі похилі, як оце ми, не були.

— А чого воно так, діди?

— Чого так? Того, що, бачите, не так важко жити було на світі.

— Це правда, діди, свята правда!

— А від чого воно, діди, тоді легше було жити, ніж тепер?

— Від того, що тоді простійші порядки були, ніж тепер.

* Записано от учителя Л. Капулики, А.П. Биянговского.

— Як же простійші? Та ж волюсть, та ж Капулівка, ті ж люди!

— Люди, та не ті!

— А які ж?

— Козаки, от які! Коли ви чували.

— Чувати-то чув, а знати не знаю.

— Де ж вам знати, як ви живете по городах та учитесь жити по книжках. Козаками вони звалися від того, що у їх начальник був козарь, — таке прозваніє, а прозваніє своє він получив за те, що кохався козами: у нього ціла тисяча кіз була.

— Он воно від чого! От ти тут і подумайся!

— Подумайся, аж поки тобі не скажуть.

— Як же цей народ, козаки, — народився?

— Як? Із дітвори! Тут як розказувати, так ціла сторія. Вони із маленьких дітей; їх усього було дванадцять чоловік. Якій од батька утече, якій од п'яна, якій не хоче пасти овежат, то покине своє кубло та й біжить світ за очима. Той украв у батька рушник, той — одержу, той ікону, — у батька вона була так собі негодяща: відро, може, накривав, або — що, а вони її підмалювали, підкропили водичею... іде! Ото зібрались, посідали, хто на буяголову, хто на лозинку, поначіпляли на їх личка, мотузочки, ремінчики, та й ну їздити. Поки їздили, поки не прокрасились. Якось поскладали ті лозинки у купці: які по рівчакам, а які по куріньцям, понакривали їх ланцем та й кажуть: «Ну, хлопці, глядіть же, щоб у нас воровства не було!» Трошки згодом якесь хлоп'я і прокрасилось. Давай тоді шукати вора, що чужу лозинку вкрав. Побігли по повіткам, найшли і присудили його висікти розками. Висікли та тим і суд установили. Треба тоді старшину обрати; обрали і старшину: постановили кошового, писаря, осавулу. Уже намножилось їх багато, давай обряжати військом, обрядили: «Ну, як же його назвати?» — «Назвати його запорожським!» Назвали. Ото й пішло: запорожці та й запорожці. Тепер треба і коней заводити, худобу добувати. Завели й коней, роздобули й худоби. Живуть собі і живуть. Коли це обновила у їх ікона; диваються, аж під нею і підпис: «Вам, запорожці, вам, славне низове військо, ця молитва написана. Як будете цю молитву знати, як будете її добре пам'ятати, то не преже світа, ні до кінця віка не буде нас ніякий огонь брати. Заведіть, запорожці, у себе сорок тисяч чоловіка, держіть сули, вибирайте старших, тоді ви будете славні однини і до віку». Ото вони й послушали. Зробили собі Січу. Сперше була вона у Стеблові, потім під

Росью^{*}; прожили вони там мало-багато, набралось їх уже чимало; тоді подались вони під Косий яр, у Йванівку, що коло Кременьчука. А там, під Косим яром, проживав собі чоловічек, сказати би гайдамака, Корж; у нього була своя шайка, така, що він її розсилав по різних шляхам. Так запорожці візьми та й кинься до того Коржа; прийшли і просять сісти коло Івановки. «Ну що ж? Коли хочете, то й сідайте». Сіли вони; жили-жили, не понаравилось і тут. «Ну як так, то справляю вас, хлопці, тули, куди знаю, — аж у Софіївку^{**}, до турків. Там на Дніпрі єсть острів, так там і живіть». Подались вони і до Софіївки: роздивились на той острів, понаравився; давай там поманеньку Січу отакувати. Зробили нову Січу та й живуть. Коли це набіг на їх лях, а потом турок. Бились-бились вони, ніяк не здоляють ляха, давай тоді прохати на поміч до себе Коржа. Корж скоро прибув із своєю ватагою до запорожців. Напали вони умісті на ляха, вибили його і загнали далеко аж за Случ. «Оце знай, ляше, поки твоє, а поки наше». Оне розбили звідцля ляха, тоді звідцля заняли турка; як нагнали його та аж до Дніпра, та так увесь Дніпро трупом і загатили; самі перейшли по трупу на той бік Дніпра, тричі насищали землю турецькою кров'ю, а салтана прогнали аж до Крима, тут і Перекіп зробили. От с тих пір турки і стали жити в Таврической губернії, а запорожці стали владіти Дніпром аж до Берислава і жити у двох губерніях: Катеринославської і Херсонської, аж поки царниця не скасувала їх Січі.

— А за віщо ж царниця скасувала їх?

— Не так царниця, як той Потьомка, Грицько Нечоса. Приходить, бачите, якось до царниці Потьомка та й каже: «Що ти єсть за царниця, як ти не знаєш своїх людей». — «Яких таких людей?» — «А он тих людей, що ні податей не платять, ні в якому состояннї не состоять». — «Де ж ті люди живуть?» — «Отам-то і там!» — «А як же вони прозиваються?» — «Прозиваються запорожцями». Запно стало царниці від цього. Давай їх до себе зазивати та у військо повертати, а того і не розшухувала, що вони військо і єсть. Повбирались запорожці, поналізали на себе саме найдорожше плаття, яке у їх було, а зверх понапили саме найскверніше, яке тільки найшли у себе, та й поїхали. Приїхали і прямо у дворець. **А округ дворця усе сторожа стоїть, нікого не пуска. То один запорожець підійшов до сторожи то-**

* Село Киевской губернии. Замічання! рассказчика.

** Херсонской губернии и уезда, близ с. Мелового.

ркнув його вусом, а той беркниць і впав! Торкнув другого другим вусом, а той і собі геп на земаю!.. Он які у їх були вуса! Може такі, що з дроту, чи ще міцніші... Дивляються на них пани, а вони такі собі чудакуваті: чудно зодягнені, чудно й балакають: тільки й балачки у їх, що «еге, атож, та ні». Погляд зовсім не людський. Боже храни, які страшенні! Як с ким балака, то й не глядить йому в вічі, а як же гляне, що наче варом обдасть. У всіх голови бриті, вуса аж на жупан звисають. «Давай, - каже цариця, - я з них посміюся». Ото зараз вийшла до них, а за нею й свита. Рясна та довга: усе хресні та янорали. «Здравствуйте, запорожники!» - «Здравствуй, наша вельможная мате!» - «Звідкіля ви, дітки?» - «Із Низу, мамо». - «А де ж той Низ?» - «Та там, де кінчається верх» - «Далеченько!» Баче цариця, що хлопці не промах, заідала тоді, щоб зварнали їм обід. Зварили їм обід, понаставляли усякої усячини, а вони дивляються на ту всячину та й кажуть: «Ні, мамо, ми такої страви не їмо». - «А яку ж ви їсте?» - «У нас усе тетеря, сита та риба». - «Ну, варіть їм тетерю та рибу, ситіть сити»: наварили їм тетері, наготовили риби, розситили сити: «Ну, сідайте обідати!» Помолились вони Богу, посідали за стіл, коли дивляться, за столом нема ложок: «Шо ж це воно таке? Дайте ж нам хоч одну ложку на всіх! Хіба у вас їдять жменями?» Принесли їм ложки, коли вони до тих ложок, а воно ложки не ложки, по півтора аршина кожна. Сказати би кій? Так ні, не кій, а здається ложки. Одному тільки отаманові і положена ложка, як ложка, тільки і та якась чудна: не з дерева, а вся з срібра зроблена. «Ну шо ж? Будем їсти?» Випили по чарці горілки, узялись за ложки; коли це отаман чин взяв, чин не взяв страви ложкою тією, як уже й кричить: «Гьфу, цур тобі з твоєю ложкою! Усі губи попик! І як ті пани у біса їдять цими ложками? А ну, хлопче, подай мені мій корячок, там десь у кишені лежить!» Угамув[а]вся отаман, їсть. «Еге, панове, - забалакали тоді вже козаки, - як же цими ложками їсти? Держальця у їх такі чималенькі!» - «Та як? Давай годувати один другого через стіл». - «І то правда! Давай!» Та так сидять та один другому через стіл і подають: ти сидиш протів мене, мені й подаєш, а я сидю протів тебе, тобі й подаю. Їдять вони собі та й їдять, а цариця там десь у проходку коде по кімнатах. Ходила-ходила, а далі й каже: «Піду ж я подивлюсь через двері, як то вони їдять». Пішла. А вони їдять собі та й їдять. От один їв-їв, а далі й каже: «Шо це воно, панове, за ложки, такі?» - «Та це ж ті, що мате дітей годує та приговарює: «агу, маненькі!» Тут один зовсім було

улопався, так другий його підправив... Здивувалась тоді цариця і одійшла собі геть. Зостались одні тільки генерали та князі; сміються вони с тих запорожців. «І де цей дурний народ нарождається?» - пита один генерал у другого, чи там по-німецькому, чи там по-хорватському. «А де? У Хохланді?» - одвіт дає другий. А запорожці все те добре розуміють, бо вони хоч з виду і такі собі були, а на разні язики уміли балакати. «О-е-ей, скільки панів!» Забалакав один. - «Та все розумні та великі!» - підхопив другою, «І де вони родяться, пане-брате?» - спитав третій. - «Та де? У Петенбурсі та в Москві!» - одвіт четвертий. «А де вмирають?» - пита п'ятий. - «У Камчатці та в Сибірі!» - гукнув шостий. Повтікали тоді й генерали; зостались запорожці одні. Ото попили, поїли, повставили із-за стола, помолились Богу, полякували царицю; тоді як поскидали с себе кожанки, то так усі хороми царські і засіяли³⁴ від їх одежі! Тут якійсь як ударе в бандуру, як понеслися же танцювати запорожці, так аж хресні усе повискакували та дивляться. Потім посідали на коней та й гайда на Січу. «Ну, шо, - пита Нечоса царицю, - чудний народ?» - «Чудний» - «Треба його скасувати!» - «Та й треба!» Ото зараз заслав він верхового у Січ. «Вислати мені стільки-то людей, - пише кошовому, - я узнаю, яка у вас єсть нужда, чим усе військо содержитця і скільки того війська». - «Ну шо ж? Вислати!» Вислали одного чоловічка. Приїхав він у Петенбурх, зараз до Нечоси. Увійшов до нього, прийняв та й каже: «Ось тобі, батьку, цибулка від пана кошового!» - «Яка така цибулка?» - «А так, цибулка та й годі!» - «С ким ти прийшов?» - «А так, не с ким, сам с собою!» - «А до кого прийшов?» «Та до Грицька Нечоси!» - «Шо ти за дурак такий? Хіба там на Січі умнішого не було, що мені такого дурня отрядили?» - «Та були, батьку, так умніших відіслали до умних, а мене до тебе». - «Геть звідкіль!» - крикнув Потьомка і вигнав його од себе... Тоді зібрав військо і пішов воювати запорожців. Приїшов; сам остановився у Мамай-Суриці, а військо у Красний-Кут отпранив: він тоді Красним-Кутом звався, а це вже тепер Покровським та Грушівкою дражнитця. Приїхав, давай скрізь копати вали, заставлять пушки, ловити запорожців та повертати у москалів. А вони собі сидять та й байдуже. Оце випале Нечоса із пушки, а вони позбирають заняс, понакладають його на вози та йому назад і везуть. «На, кажуть, більш буде». Або нахапають у жмені бомб, розмахують-розмахують та назад і пошпурляють: «На, кажуть, батьку, та не збавали запасу». А він усе пале та пале. Тоді вони збра-

ли всю свою худобу та за Дунай і подались, зосталось у Січі тільки два чоловіки: кошовий та писарь. Так і тих не взяв. Уже чого він їм не робив? А далі давай землю коло їх копати. Копав-копав, нічого не зробе: що викопя яму, а вона за ніч і завалитця. Догдався потім Потьомка, та піздно: «А ну, каже, ощо землю та в річку!» Згорнули ту землю у річку, коли до Січі, а вона пуста. Давай тоді збирати старих та немочних. Зібрав, показав та й пішов назад. Уже після того схаменився та давай писати до них; аж трьома нападами писав, усе підмовляв, щоб вернулись назад, давав їм і степи, і луги, і чотирі лимани, щоб ловили рибу та справляли жупани; так ні, кошовий одвітив йому так: «Ой спасибі, каже, тобі, Грицьку, та за твою ласку, що ми їли на Велик-день та гречану паску...» Бач, добре вже він залив їм за шкуру сала.

— Так отакі вони були?

— Отакі вони і були! Хоч і сила не дуже велика, а боялись їх дуже.

— А я вам скажу, діди, хоч ви і старійше за мене, що воно трохи не так було, як оце ви балакаєте! - несподовано вмешався в розговор третій дід, Аврам Лысенко, явившийся к диду Сукуру с такою-то просьбой. - Здорові були вам, діди, і вам, пане!

— Здорові і вам! Так кажеш, що трохи не так було...

— А не так! Їх ніяка куля не могла узяти, - он як! А тільки спис їх міг узяти. Цариця наслаа на їх війська такого, що й землі не знати. А вони поробили кріпості із комишу та й сидять у них, п'ють горілку, роми та й байдуже: ні як вона їх не розіб'є. Уже що вона їм не робила, так їх же, кажу, кулі не беруть. Баче цариця, що не те, тоді списками їх давай воювати, на штихи брать. Е, це вже діло погане! Давай тоді запорожці виходить у Турещину. Вийшли у Турещину та й там навели таку югу, що турки вийшли супроти їх битця та один одного і б'є. Далі вислали супроти їх кораблі. А вони і тут - кожний узав рубанця та рубанцями і порозбивали турецькі кораблі. «Ну, живіть же, каже уже тоді турок, у нас та воюйте за нашу землю». «Ми будем за вас воювати, а на білого царя не будем», - кажуть запорожці та так і зостались десь у Турещині.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

А в темному лузі явір зелененький,
Під явором коник вороненький,
На конику козак молоденький;
Спинився ж він та й став меркувати,
Взяв бандуру, почав вигравати.
Ой голосно ж бандурочка грає,
Струна струні стиха промовляє:
- Ой де ж ті козаки гуляють?
А де ж вони слави добувають?..¹

Из деревни Капуливіз я зновъ возвратился в местечко Никополь, где сел на пароход «Поспешный» и направился далее вниз по Днепру к следующей за Чортотмыцкою Сичею, Сиче Каменской. На этом пути мы миновали множество выток,² островов, забор и урочищ, более или менее замечательных в истории запорожских козаков. Первое, что бросилось нам в глаза, по выходе из Никополя, это правый приток Днепра, Лапинка, идущая с востока на запад, по направлению к реке Чортотмыку, затем остров Никитинский, теперь Осетровский, и забора этого же имени, остров Деев, расположенный параллельно Осетровскому, и против Деева острова река Конка, выходящая из Днепра.³

Близъ устья речки Конки стоят два большие селения Таврической губернии, Мелитопольского уезда, - село Знаменка, у самого берега Конки, и село Каменка (она же Малая Знаменка), несколько дальше от речки Конки, в степь, но оба у берегов большого озера Белого, смежно с песчаными буграми, называемыми по местному кучугурами. Селения эти замечательны в том отношении, что возле них находятся замечательные урочища - Каменный-Затон и два, следующих один за другим, городища - Белозерское и Мамайсурское.

Первое указание об этих городищах находим у Эриха Ласоты, германского посла, славшего в 1594 году к запорожским

козакам с целью воевать их в войну против турок. «Мы прошли мимо Каменного-Затона или залива Днепра на татарской стороне с каменистым берегом, объясняющим название этого затона. Здесь татары имеют обыкновение переправляться через Днепр зимою, когда река покрыта льдом. Здесь также производится у них выкуп (odkup) пленных и в этом месте начинается высокий вал, который тянется до Белозерки; подле этого вала лежит большой каменный шар, свидетельствующий, что тут некогда было большое сражение. Затем прошли мы мимо речки Белозерки, идущей из татарской степи и образующей перед своим впадением в Днепр озеро, при котором есть городище и валовая насыпь древнего большого города. Далее проехали мимо Мамай-Сурки, древнего городища или валовой насыпи древнего замка, находящегося на татарской стороне^{*}.

Второе указание о Каменном-Затоне, Белозерском и Мамай-Сурском городищах находим у князя Семёна Мышецкого; в этом указании перемешаны факты с легендами, действительные события с вымыслами, и потому к рассказу Мышецкого нужно приложить двоякую мерку. По словам Мышецкого, Каменный-Затон достоин внимания в двух отношениях: во-первых, потому что здесь русские, во время двукратной войны с турками, построили свои редуты, - в первый раз в 1696 году, в другой - в 1736; во-вторых, потому что здесь, на речке Белозерке стоял некогда большой и славный город Белозерка, построенный франками^{**}, обитавшими по нижнему течению Днепра; этих франков сменила владельница города Белозерская, жившая в городе до времени татарского хана Мамай; Мамай, шедший на Россию, так напугал Белозерскую, что она оставила свой город у левого берега Днепра и перешла на правый, где построила себе ниже Очакова новый город Белозерку и прожила в нем счастливо всю свою жизнь^{***}. Мамай же, разорив Белозерку, сам поселился ниже ее и построил на речке Сурке

собственный город Мамай-Сурку^{*}. Указание Мышецкого о построении русскими на Каменном-Затоне редутов в 1696 и 1736 подтверждается и другими, более надежными, источниками: у Соловьева о редуте в Каменном-Затоне говорится в первый раз в 1700 году; в 1736 году у него сказано, что на речке Белозерке стоял Миних со своей армией и держал совет, какой дорогой идти на Крым^{**}. Что же касается его рассказа о владельнице Белозерской и о ее бегстве от страшного Мамая, то на это нужно смотреть, лишь как на легендарное сказание, которое можно слышать и в настоящее время от древних стариков поднепровского Низовья. Это сказание нашло место и в записках современника Мышецкого, Христофора Манштейна, также упоминающего о городе Белозерке, имевшем собственного государя, потом разрушенного татарским князем XIV века Мамаем^{***}. На карте запорожских урочищ, означенных по левому берегу Днепра против местечка Никитина, Каменный-затон и лежащие близ него древние городища названы урочищем Святым^{****}. На карте запорожских и татарских земель Риччи Занони при устье речки Конки, против Никитина, означена крепость Каменный-Затон, выше Затона - селение Татар-Тегуду (проходить в брод), а выше Татар-Тегуду, у берега речки Крынки, притока Белозерки, селение Крынка^{*****}. У запорожских козаков против Каменного-Затона через реку Днепр существовала знаменитая переправа Каменнозатонская, известная татарам, туркам, полякам и русским; последние называли ее Каменским перевозом^{*****}. В первой половине XVIII века на месте теперешнего села Каменки (Малой Знаменки) у запорожцев было селение Камянное, называвшееся иначе Крымской Камянкой или просто Крымской, у татар известное под именем Крименды - базар; кроме того, по Белозе-

* Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 51.

** Точнее генуэзцев, до XIV в. живших в низовье Днепра.

*** Теперь ниже Херсона, в имени Г. Л. Сководского.

* Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 62.

** О редуте в Каменном Затоне говорится: Соловьев М. С. История России с древнейших времен. Т. 15. С. 81; Т. 20. С. 95.

*** Записки исторические о России. М., 1823. Т. 1.

**** ЗООИД. Одесса, 1858. Т. 4. С. 468.

***** Эварницкий Д. И. Вольности запорожских козаков. СПб., 1890, нл. 1.

***** Акты ЮЗР. СПб., 1869. Т. 6. С. 184.

рскому лиману и по балке Белозерской разбросаны были отдельные козацкие зимовники или хутора; в них жила козаки, смотревшие за перевозом через Днепр и взывавшие в пользу войска мостовое с презжавших купцов и путешественников^{*}.

Каменный-Затон есть ничто иное, как залив Днепра, представляющий собой совершенно естественное расширение одного из прежних притоков Днепра, имеющий около двух верст длины и от 200 до 300 сажен наибольшей ширины, теперь сильно засоренный в верхней, но совершенно годный для стоянки судов в средней и нижней частях. От вершины Каменного Затона по направлению к Белому озеру тянется длинная земляная насыпь, протяжением до 2200 шагов; у правого берега Каменного-Затона, почти против самой середины его, видны остатки сооруженного русскими войсками редута, и от редута вправо до Белого озера тянется огромная площадь, в 620 десятин, песчаных кучугур. У самого озера, там, где раскинулось огромное село Знаменка, т.е. между левым берегом Конки и правым берегом Белого озера, видны и остатки Белозерского города. По своему устройству он разделяется на Городок с несколькими курганами внутри при реке Конке и Городище при Белом озере. Первый представляет из себя правильный четырехугольник (900+900 сажен, 400+400 сажен ширины), устроенный вдоль левого берега Конки, огражденный тремя высокими (40 сажен через верх) валами и глубокими (до 10 сажен) с большим проездом на южной стороне рвами и сверх того, имеющий внутри три других вала, параллельных первым. Второе, т.е. Городище, представляет из себя гораздо большее пространство, чем Городок, огражденное валом и рвом, с несколькими перерывами с южной стороны, и заключающее в себе от берега Конки к берегу озера полторы версты протяжения^{**}. Нет сомнения, что как Городок, так и самое Городище представляют собой только обрывки большого городища Белозерского, начинающегося от правого берега Каменного-Затона и идущего до Белого озера, но в настоящее время более, чем наполовину засыпанного подвижными и летучими песками кучу-

гуров. Как в Городке и в Городище, так и в песчаных кучугурах находили и находят различные культурные пережитки человека, свидетельствующие о пребывании здесь человека уже в самые отдаленные от нас времена. Находки старины обнаружены здесь уже в 1772 году при существовании Запорожья. Об этих находках извещал в Сичь новороссийский губернатор Чертков от ноября 1772 года: «Близ Александровской и Никитинской (крепостей), на пространстве 30 верст, между реками Кучугумом и Конкою, по направлению к Великим пескам, найдены солдатами, на работах бывшими, скрытые в земле жженный кирпич и известь, тесаный и плитный камень и в одном кургане — мрамором выложенные покон, оставленные там прежде бывшими татарами и другими народами; но дабы скорее окончить постройку днепровских крепостей, прошу не только не воспрещать выбирать найденные уже материалы, столь драгоценные в этих пустынных местах, но еще поощрять отыскание других таких ям, за что предлагаю в награду по 5 рублей за кирпичный и по 10 рублей за известковый запас». На это письмо запорожский Кош отвечал, что запорожское войско уже давно обратило внимание на указанные развалины и извлекает из них материалы для постройки в Сичи вместо деревянной каменной церкви^{*}. В настоящее время на развалинах города Белозерки находят всевозможные остатки культурных пережитков человека, каковы: кремневые, зубные, бронзовые и железные стрелки; железные с бронзовыми рукоятками ножи; плитные тесаные камни; мраморные с человеческими костями гробницы; греческие, римские, турецкие, татарские монеты; золотые кольца, пуговицы и пряжки; золотые с различными изображениями пластинки; остроногие с ушками амфоры; куски кирпича, извести, посуды, свинцу, стекла и железа; остатки каменных помостов и литейной мастерской^{**}.

На основании всего этого можно думать, что Белозерское городище представляет из себя смесь разных культур, разных времен и народов. Это городище было объектом исследования

^{*} Журнал министерства внутренних дел. 1846. Т. 13. С. 66.

^{**} Киевская старина. 1891. Т. 35. № 12. С. 386.

^{*} Скальковский А. А. История Новой Сечи, или последнего коша запорожского. Одесса, 1846. С. 129.

^{**} Киевская старина. 1892. Т. 38. С. 234-237.

со стороны Уварова, Бруна, Терещенка, Спасского, Вертильяка, Чиркова, Падалки и Соколова. Из них Уваров считает Белозерку греческим городом Серимополи от VI до V века пред Р.Х. и во II веке по Р.Х.; Брун видит в нем греческий город Сорон, а Терещенко думает, что это остатки татарского поселения*.

Что касается городища Мамайсурского, то название его в разных источниках передается различно то Мама-Сура, то Мамай-Сурка, даже Мамасовка. Так или иначе, во всяком случае, это слово в двойном его случае имеет тюркский корень и могло быть усвоено в данной местности со времени ногайских татар, живших по реке Суре, левому притоку Днепра и управлявшихся мурзами Мамайского рода. На карте Риччи Занони, ниже огромного острова Белозерного, у правого берега реки Купшур Суры, стоит татарское селение Сура**.

На развалинах этого селения и нужно искать «древнего замка и валовой насыпи» Мамайсурского городища, отмеченного Эрихом Ласотю; что же касается горы Мамай-Сурки, находящейся у того же, левого берега Днепра и имеющей до 300 сажен общего склона, то на ней вовсе нет никаких следов древнего замка***.

Ниже р. Белозерки среди Днепра протянулась коса Сироштанка, а за ней два больших острова, Британ и Сулима, иначе Спорный, следующие один за другим и расположенные против сел Неплюева, с правой стороны, и Большой Знаменки — с левой. Остров Британ имеет в длину⁴ две версты, в ширину около двух, покрыт травой и небольшим лесом, принадлежит крестьянам местечка Никополя, хотя удален от них более чем на пятнадцать верст. На нем сохранились следы каких-то старинных укреплений. Сулима-остров имеет в длину около двух верст, в ширину около полуторы версты, покрыт травой и небольшим лесом, отделен от острова Британа протоком, Гришкиным рукавом. Гришкин рукав, в начале небольшой проток, с 1859 года сделался большой рекой, после весеннего разлива, по которой в настоящее время ходят даже пароходы. Остров Сулима был предметом долгого спора между жителями села Большой Знаменки

и местечка Никополя; несколько раз он переходил от одних владельцев к другим, но под конец однако закреплен за жителями Никополя.

За островом Сулимой впадает в Днепр река Павлюк, тот самый Павлюк, который бежит к Чортотмыцкой Сичи; ниже устья Павлюка протянулся понад правым берегом Днепра остров Холодный, покрытый превосходным лесом, имеющий более версты длины и около полуверсты ширины. По рассказам старожил, остров Холодный образовался лет сорок — пятьдесят тому назад и сперва был голым, островом, а потом покрылся небольшим лесом, с течением времени разросшимся до высокого и большого. Против Холодного острова, прямо на север, протянулся остров Андрушкия, охваченный с восточной стороны речкою Павлюком, с западной — речкою Чортотмыцким Днеприщем, с южной — заливом Днепра, Днеприщем, отделяющим Андрушкин остров от Холодного. Своим очертанием Андрушкин остров напоминает фигуру треугольника, вершиной на север, там, где сходятся реки Павлюк и Чортотмыцкое Днеприще, основанием — против острова Холодного. Видимо, остров Андрушкин некогда составлял одно целое с островом Холодным. В окружности остров Андрушкин имеет до восьми верст; оттого многие принимают его не за остров, а за плавню. Свое название он получил от какого-то арендатора Андрушки. Оба острова, Холодный и Андрушкин, принадлежат экономии великого князя Михаила Николаевича. Ниже⁵ Андрушкина острова⁶ идут: урочище Раков Уступ, остров Козацкий среди Днепра, длины полверсты⁷, покрытый травой и лесом, урочище Восторинское, остров Липский, длины несколько менее версты⁸, и речка Мамай-Сурка, впадающая в Днепр с левой стороны. Речка Мамай-Сурка имеет течения всего лишь десять верст и названа, по преданию, от имени хана Мамай, который построил здесь город своего имени, на десять верст ниже покоренного им города Белозерки*. Ниже реки Мамай-Сурки следует уступ Грузское, а за ним остров Хмельницкий, немного выше села Карай-Дубина, расположенного по левому берегу Днепра. Остров Хмельницкий имеет около полуторы версты длины и около версты ширины; с восточной стороны он охватывается уступом Грузским, с юж-

* Там же. С. 232-233.

** Там же. 1891. Т. 35. С. 389.

*** Эваринский Д. И. Вольности запорожских козаков. СПб., 1890, карта 1.

* Машецкий С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 62.

ной — речкой Конкой, которая подходит к нему в виде полулуны, и с западной — притоком Хмельницким. Ниже острова Хмельницкого следует остров Конский, остров совершенно круглый, имеющий в окружности до шести или даже восьми верст, покрытый лесом, омываемый с западной стороны рекой Конкой и расположенный как раз против села Карай-Дубина, Таврической губернии, Мелитопольского уезда. Лет двадцать тому назад этот остров считался за крестьянами местечка Никополя, теперь он считается собственностью казны. Ниже Конского острова тянется остров Пограничный, на старых картах Плохой, также круглый остров, покрытый лесом, имеющий в окружности около четырех верст, названный так потому, что западный конец этого острова **стоит против**⁹ раздельной черты между селениями Карай-Дубинным и Ушкалкой. Ниже острова Пограничного, с левой стороны Днепра, стоит село Ушкалка, а¹⁰ смежно с ней деревня Бабино; ниже¹¹ этой деревни протянулись среди Днепра острова Домашин, Пшеничный, отделенные между собой речкой Домахой и от левого берега рекой Конкой,¹² оба песчаные, безлесные, принадлежащие крестьянам деревни Бабиной. За Домашинным¹³ островом следует остров Просеред, в Кривом колене, против озера Федорова и речки Басанки, впадающей в Днепр, с левой стороны.¹⁴ Здесь Днепр делает несколько заломов чрезвычайно крутых и неправильных, вследствие чего пароход в этом месте Днепра то идет вперед, то возвращается назад, то опять идет вперед. Так, ниже¹⁵ острова Просереда он поворачивает назад под прямым углом с юга¹⁶ на север в широкий рукав и идет сперва мимо острова Скалозуба, находящегося в Днепре, против деревни Отмети, с правой стороны, потом мимо небольшого островка Отметского и, наконец, пристает к пристани Малых-Гирл, против маленького островка Гирловского. В этом же месте, против Днепра, с правой стороны, впадает в речку Скарбную река Базавлук. Ниже пристани Малых-Гирл, против деревни Фирсовки, изливается так называемый лиман Великих-вод, против которого впадает в Днепр, с левой стороны, река Скарбная, идущая из реки Пидпильной, находящейся пониже Чортотомыцкой Сичи.¹⁷ Ниже острова Скалозуба¹⁸ выделяется остров Рогатицкая-плавня, 12 верст длины и 6 ширины, а ниже Рогатицкой-плавни остров Царский, расположенный как раз против церкви села Малой Лепетихи и имеет всего лишь сто сажен длины. За Царским островом¹⁹ следуют три небольших ос-

тровка Лепетихинных, расположенных один подле другого на таком ничтожном расстоянии, что между ними образуется как бы Фермопильское ущелье*. За тремя Лепетихинными островками следует²⁰ пристань села Большой-Лепетихи. В этом месте в прежнее время впадала в Днепр с левой стороны речка Лопатиха, от которой, вероятно, и образовалось искаженное название села Лепетихи. Ниже²¹ села Большой-Лепетихи стоят в Днепре²², у устья р. Конки, идущей к селу Северным-Каирам, следуют два Каирских острова,²³ против речек Носоковки и Кушовки, с правой стороны. Здесь, по описанию Боплана, находились в Днепре два большие острова, Каир и Носоковка*. «Остров Каир, совершенно плоский, имеет в длину от пяти до шести миль; одна часть его покрыта камышом, а другая ветлою. Главный рукав Днепра течет к русской стороне, а потому восточный берег острова гораздо шире, но зато западный не потопляется разлитием Днепра»**. Через остров Носоковку у татар существовала так называемая малая переправа; она считалась неудобною, потому что в этом месте Днепр имел три четверти мили ширины, наполнен островами, зарос камышом и разделялся на множество рукавов, по которым татар подстерегали запорожцы и убивали. «Безлесный остров Носоковка, длиною около двух миль, потопляется весенним разливом. Через него и через остров Каир-Космак, имеющий в длину не более полумили, лежит татарская переправа. Между Носоковкою и русским берегом протекает рукав Днепра, называемый Космаком. Там скрываются козакки при выходе в Черное море, из опасения, чтобы не открыла их турецкая стража, которая всегда находится близ Исламова городка, на рукаве Таванс»***²⁴.

Ниже островов Каира и Носоковки, по правому берегу реки Днепра, раскинулось село Кочкаровка****. На семь верст от села Кочкаровки прямо по направлению от севера к югу стоит село Меловое, некогда принадлежавшее помещику Николаю Ивановичу Вертиляку. Село Меловое возникло на месте разрушенного города

* Об островах Носоковке и Каире см. наше сочинение: Вольности запорожских козаков. СПб., 1890. С. 107.

** Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 27.

*** Там же. С. 28.

**** С татарского «кочкар», что значит исколотый бирин.²⁵

Мелового; в нем, по преданию, стояла запорожская церковь, построенная из камыша и обмазанная глиной. В теперешней церкви села Мелового от времен запорожских козаков хранятся оловянная дарохранительница и двадцать две церковно-богослужебные книги, перешедшие из запорожской церкви. Дарохранительница имеет вид креста, с буквами вверху — І: Ц: Н: І: и по сторонам — ІС, ХС. При помощи шарнира, приделанного внизу, верхняя доска дарохранительницы открывается сверху вниз и обнаруживает четыре отделения с перегородками внутри: одно, самое большое, посредине, куда ставился флакончик с вином, два по бокам и одно внизу, под большим, — эти три назначались для частиц просфоры. Дарохранительница носилась монахом (запорожцам служили монахи) на шее, при помощи шурка, вдевавшегося в ушки, приделанные вверху ее. Из книг достойны внимания следующие: евангелие (Киев, 1712 года), двенадцать четъ-минеи (Москва, 1724 г.), последование вечерни (Киев, 1746 г.), служебник (Чернигов, 1747 г.), цветная триодь (Москва, 1750 г.), общия минеи (Москва, 1752 г.), ирмологион (Москва, 1758 г.), постная триодь (Киев, 1761 г.), часослов (Киев, 1764 г.), чин малой вечерни (Киев, 1768 г.).

На две с половиной версты ниже села Мелового стоит земляное укрепление на правом берегу Днепра, против села Горностаевки, расположенного на левом берегу его. По внешнему виду это так называемое открытое укрепление, состоящее из трех фасов с исходящими углами и такой же формы в горже укрепления редант. Направление главной линии с севера на юг. Северная линия укрепления представляет из себя бляку 150 саж. длины и 5 саж. наибольшей глубины; южная — 40 саж. длины и 10 саж. наибольшей глубины; западная — 60 саж. длины и два яруса наибольшей глубины. Восточная сторона укрепления упирается прямо в Днепр.

Тотчас ниже укрепления стоит хутор Консуловка или Разоровка. Здесь была²⁶ запорожская Сича, Каменская.²⁷

О том, что при устье речки Каменки была некогда запорожская Сича, свидетельствует подлинная записка кошевого атамана Ивана Малашевича — сколько лет запорожское войско под крымскою протекцией «мешкало» и в каких местах «сидение» Сичью имело. Из этой записки видно, что после разрушения Петром I запорожской Сичи на Чортомлыке, козаки сперва бросились к Алешкам и там устроили себе Алешковс-

кую Сичу; прожив этой Сичею 19 лет (1709-1728), они снова поднялись к Чортомлыку и здесь сидели Сичью два года (1728-1730); с устья Чортомлыка, после получения указа крымского хана Менгли-Гирея, спустились к устью речки Каменки и «сели Кошем выше Казыкермена над Каменскою, в третьем местцу», где оставались 4 года, 1730-1734^{*}. Акты второй половины XVIII века также свидетельствуют, что при устье речки Каменки «прежде у запорожских козаков была Сечь»^{**}. Историк запорожских козаков XVIII века, князь Мышецкий, в свою очередь уверяет нас в том, что при речке Каменке, на правой стороне Днепра, в 30 верстах выше города Кызыкермена (теперь Береслава) имелась у запорожских козаков Сеча^{***}. В «Поном собрании всех карт, изданных С.-Петербургскою академией наук»^{****} и напечатанном в Париже в 1745 году на карте Днепра означена и Каменская Сича, под именем «Старой Сичи»^{*****}; с тем же названием она обозначена на карте де-Боксета 1754 года^{*****} и на карте Антония Цатта 1798^{*****}. Автор записок о запорожских обычаях, протонерей Григорий Кремьянский, свидетель последних дней Запорожья, по поводу Каменской Сичи рассказывает следующее: «Когда Петр I разорил Сичу на Чортомлыке, то оставшиеся в живых запорожцы бежали под турка; турок принял и водворил их в Алешках. Потом запорожцы стали проситься у императрицы Анны Ивановны о принятии их снова в пределы Российской державы; и когда императрица позволила, то они поселились выше Кызыкермена^{*****} в Омиловом^{*****}; поживши здесь, как говорят, семь лет, они переселились в Красный-Кут (те-

* Киевские старин. 19892. № 12. С. 491, 492.

** Эварницкий Д. И. Сборник материалов для истории запорожских козаков. СПб., 1888. С. 93.

*** Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 71.

**** Recueil de toutes les cartes publiées par l'Académie de Petersbourg.

***** В собрании карт в Румянцевском музее, в Москве.

***** В собственном собрании карт и документов.

***** La Piccola Tartaria colla Crima. Venezia. 1798. Aut. Zatta.

***** Очевидно, о переселении запорожцев из Алешек к Чортомлыку Кремьянскому не было известно.

***** Омилово — близ Мелова, на 4 версты выше устья р. Каменки.

перь село Покровское)*, где пребывали Сичею до тех пор, пока Сича не была разорена императрицею Екатериною II**.

Причиной удаления запорожцев из Чортотмыль на Каменику, «на поля татарския, кочевья агарянския», в землю инноплеменников и даже заклятых врагов их был переход козаков от Петра I к Карлу XII в 1709 году перед Полтавской битвой. Это событие, по словам летописцев и историков, произошло следующим образом. Когда малороссийский гетман Иван Мазепа отступился от русского царя Петра I, тогда и запорожцы, забыв свою недавнюю неприязнь к Мазепе, горя ненавистью к Москве за порядки, введенные ею на Украине, за постройку русскими городков в самом Запорожье – на речке Самаре и на урочище Каменном-Затоне, за удержание войскового жалования, а главное, желая видеть «свою отчизну, милую матку, и войско запорожское, городское и низовое, не только в ненарушимых, а еще и в расширенных и размноженных вольностей квинтучую и изобилующую», решились отдаться в «непреламанную оборону найяснейшаго короля шведскаго, Карла» и выступить против русского царя Петра***. На ту пору у запорожцев был кошевым атаманом Константин Гордиенко, или Константин Гординский, иначе Головка****, по козацкому прозвищу Костя Крот*****, человек бесспорно храбрый, решительный, по своему времени образованный, – ибо он учился в Киевской академии и свободно изъяснялся по-латыни, любимый козаками и пользовавшийся громадным влиянием и популярностью среди запорожской и даже всей украинской черни*****. Побуждаемые этим самым Гордиенком, запорожцы вошли в соглашение с гетманом Мазепой и отложились от русского царя Петра. Напрасно царь писал им увещательные письма, напрасно посылал им денежные подарки, напрасно жаловал войсковыми клейнотами, напрасно отправлял к ним

духовенство со словом увещания – запорожцы, главным образом молодежь, остались непреклонны и, оставив в Сичи наказного атамана Якова Сомченка с некоторым числом войскового товарищества, двинулись к Мазепе в Диканьку, а оттуда, вместе с Мазепой – в местечко Будища к шведскому королю Карлу. В происшедшей вслед за этим битве под Полтавой счастье оказалось на стороне Петра, и тогда запорожцы понесли жестокое наказание за свой переход к шведскому королю: Сича их на Чортотмыльке была разрушена, артиллерия отобрана, имущество разграблено; сами козаки частью были истреблены, большею же частью бежали во владение крымского хана, от которого получили и жалованье и войсковые клейноты и земли вокруг Алешек*.

И так, после Чортотмыльской Сичи запорожцы сидели Сичами, сперва Алешковской, потом Чортотмыльской, затем Каменской.

В настоящее время на месте Каменской Сичи²⁸ стоит усадьба Консуловка или Разоровка, владельца М. Ф. Огаркова. Насколько помнит сам владелец, Консуловка сперва принадлежала помещику Байдаку, затем консулу Разоровичу, потом владельцу Константинову, далее помещику Эсаулову и, наконец, с 1858 года самому М. Ф. Огаркову. От второго владельца, консула Разоровича, хутор и теперь называется Консуловкой или Разоровкой. Он стоит у устья балки Каменки. В старину по балке Каменке протекала довольно большая речка того же имени, которая бралась из Малого-Ингульца в степи и шла на протяжении ста верст, впадая в Днепр с правой стороны, потеперешнему на полтора-два верста ниже экономического двора владельца, иначе против с. Больших или Нижних Каир, расположенных по левому берегу Днепра. В настоящее время эта речка Каменка имеет не больше шести верст длины в обыкновенное время года, в жаркое же лето и того меньше. По левому берегу ее расположена усадьба Михаила Федоровича Огаркова, а по правому, через реку, усадьба Ивана Прокофьевича Блажкова, вместе с хутором, состоящим из восьми дворов.

* В действительности, как мы видели, два года.

** ЗООИД. Одесса, 1867. Т. 6. С. 645.

*** Миркевич Н. История Малороссии. М., 1842. Ч. 4. С. 318.

**** Мышенский С. И. История о кизяках запорожских. Одесса, 1852. С. 34.

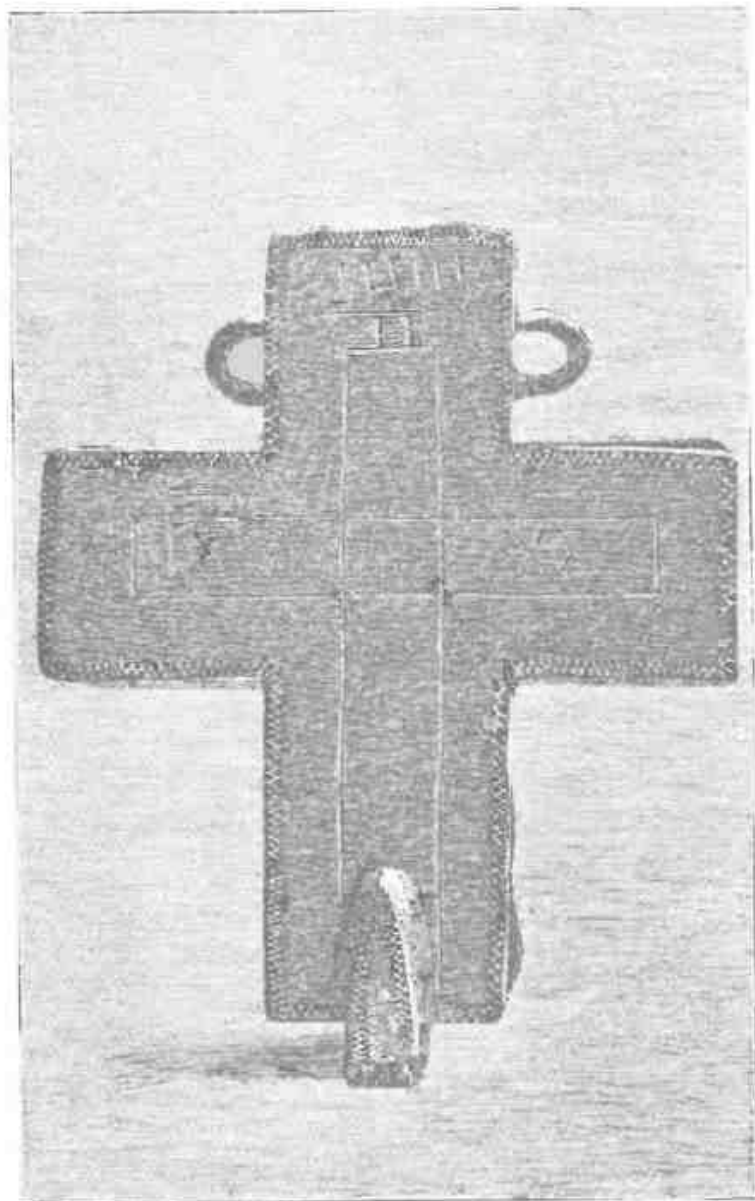
***** Южнорусские летописи, изданные Белозерским. Т. 1. С. 90.

***** Adlerfeld. Histoire militaire de Charles XII. Т. 2. С. 249 – 430.

* Костомаров Н. И. Мазепа. СПб., 1885. С. 509; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1881. Т. 15. С. 298.

При осмотре балка оказалась в высшей степени дикою, но зато и в высшей степени живописною. Русло ее относительно берегов очень низкое, самые же берега усеяны громадными²⁹ глыбами, между которыми растет разной породы лес, площевые деревья и дикий виноград. От этого по берегам балки да и в самом русле ее можно видеть такие причудливые беседки, такие густые, непролазные чащи, каких не выдумать и самой разнообразной фантазии человека. Местность поистине замечательная. Недаром она так восхищала путешественников! «Здесь в этом тихом уголке, между этими утрюмыми скалами, — говорит Афанасьев-Чужбинский, — любитель природы просидел бы несколько часов, предавшись беспечным думам и, может быть, надолго сохранил бы в памяти оригинальный дикий пейзаж из странствий по низовью днепровскому. А если этот странник малоросс, думы его будут стараться проникнуть смысл одной странички из русской истории»³⁰. Но еще лучше кажется этот уголок в ночное время, при мягком и серебристом свете луны.

Было как раз около десяти часов вечера, когда я, пройдя сухую вершину балки, добрался до реки. Здесь уже давно стояла приготовленная для меня лодка с двумя гребцами. Мы сели в лодку и пустились вниз по течению реки.³¹ Ночь была поистине³² очаровательная. Река, точно скованная дремотой, точно охваченная легким полусном, струилась до того тихо, что казалось, совсем замерла в своем течении. От этого наша лодка едва-едва скользила по поверхности воды. Гребцы уже давно вынули из воды свои весла, уже давно сложили их на дно лодки и, спокойно скрестив свои руки на груди, отдались течению реки. Пред нами постепенно раскрывались берега балки. Особенно живописен оказался правый берег. Тут сперва обрисовался прекрасный старый сад владельца И. П. Блажкова, за ним раскинулась роща громадных, вековых гигантов-дубов, за рощей выдвинулись массивнейшие гранитные скалы, поросшие черным мхом, окутанные дикими кустарниками различной породы деревьев. Весь этот берег, вообще, высокий, под конец еще больше того выпячивается. Здесь природа делает как бы последнее усилие и выдвигает громаднейшую скалу, сажень сорок или пятьдесят высоты, носящую название Пугачевой горы. У самого Пугача речка Каменка де-

Ч. II. Рис. 28.

Запорожская дарохранительница.

* Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Русь. СПб., 1863. Ч. I. С. 248.

лает крутой загиб с севера на юг и мчит свои воды в Козацкое Речиче, идущее понад правым берегом Днепра, на пространстве трех верст, и потом сливающееся с Днепром. Таков характер правого берега балки Каменки. Несколько иным представляется левый берег её. Здесь уже нет ни громадных вековых дубов, ни массивных гранитных скал, ни дикой, величественной горы Пугача, но зато тут самым берегом реки, в виде длинной канвы, картинно протянулся ряд молодых зеленых верб, которые тем становятся чаще, чем ближе река Каменка подходит к реке Днепру. И в то время, когда один рукав речки Каменки отделяется от общего русла и отходит к правому берегу балки и, поворотив с севера на юг у Пугача-горы, сливается с Козацким Речичем, в это самое время другой рукав той же речки Каменки отделяется от общего русла и отходит к левому берегу балки Каменки и отсюда, поворотив с севера на юг, сливается с тем же Козацким Речичем, протянувшимся здесь на четыреста сажен длины. Таким образом вся балка представляет собой как бы подобие вил, рукоятке которых будет соответствовать вершина её, а двум рожкам — устьям. В устье балки, между двумя рожками, стоит прекрасный остров Каирский, покрытый сплошь высоким лесом, имеющий в длину две версты, в ширину полверсты и разделенный между тремя владельцами: Огарковым, Блажковым и Полуединным. Таков характер левого берега балки Каменки.

Само Козацкое Речиче имеет также своеобразный характер. Это — в буквальном смысле слова панорама, устроенная природой из воды, живой зелени трав и молодого леса, охваченная с левой стороны высоким, по местам почти отвесным берегом реки, с правой — окаймленная длинным рядом верб, кудрявых, развесистых осокорей и тонкой, низко нагибающейся к воде лозой. Вола здесь до того чиста, что в ней, точно в зеркальной поверхности, со всеми подробностями отражаются и деревья, стоящие у берегов, и звезды, блещущие в небе, и луна, выплывающая из-за гигантских скал, и лодка, едва слышно плывущая по реке и, наконец, самые лица сидящих в ней пловцов. И в то же время какая замечательная тишь! Только и слышно, как иногда пронесется где-нибудь по верхушкам высоких осокорей низовой восток, зашумит-защрает между лоз, протянется тонкой полосой между молодых плакучих верб и снова затихнет, снова успокоится... «Гей, хлопцы, гей!.. А ну к веслам, ну!» — крикнул один из гребцов, завидя Днепр. Этот крик вызвал к действи-

ности как меня самого, так и моих спутников, невольно погрузившихся в глубокое молчание в виду царствовавшего безмолвия самой природы. Я вздрогнул и бросил взгляд вперед: передо мной вольно и плавно раскинулся широкий Днепр. Гребцы усиленно налегали на весла, и мы поплыли против течения реки понад правым берегом её. Берег оказался высоким, крутым и совершенно открытым. Я взглянул на самую вышку его и тут увидел большой каменный крест и подле него высокую, круглой формы, могилу. Тут гребцы сняли шапки и перекрестились.

— Это что такое?

— Запорожское кладбище.

— А нельзя ли добраться до этого кладбища?

— Отчего же нельзя?... Братцы, держите левей! Ряз-два-три! Вот и берег.

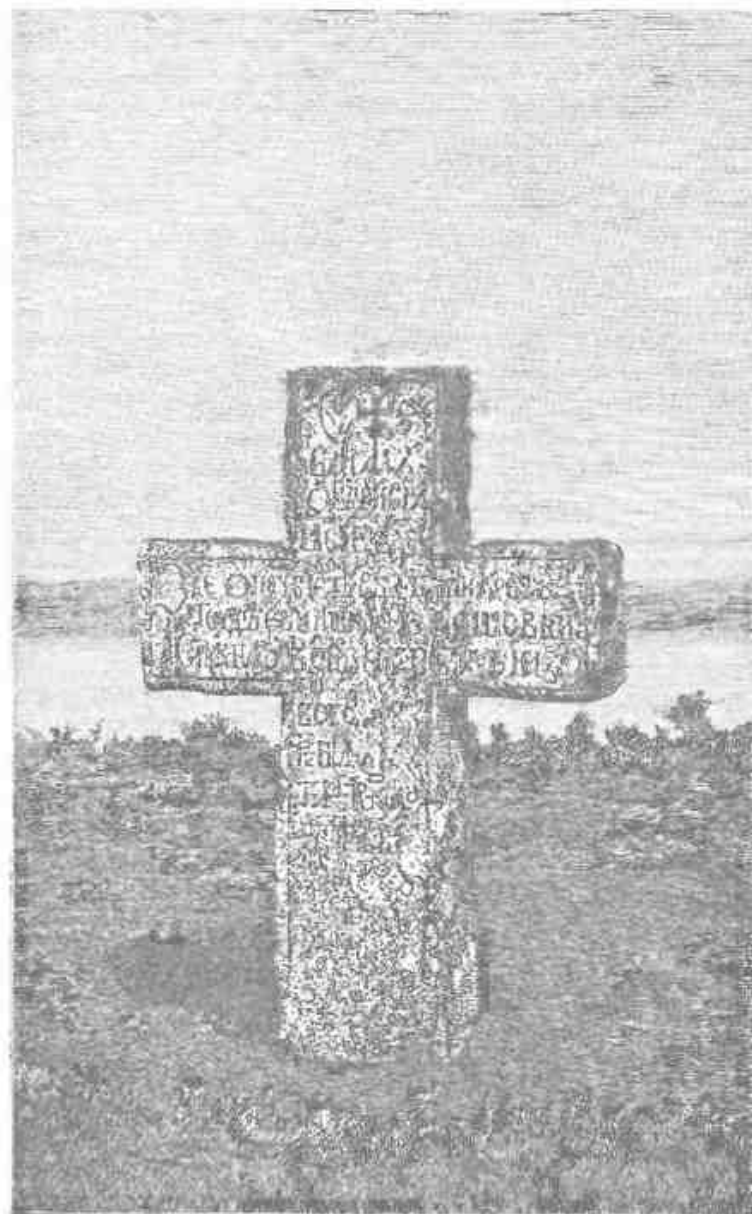
Поднявшись не без затруднений на берег реки, мы увидели здесь какие-то холмы и развалины.

— А это что за холмы?

— А это Запорожская Сича.

— Так вот она! Так вот те немые остатки славных и грозных «лыцарей», имя которых некогда гремело по всему свету и слава которых разливалась когда-то по всей Украине! И где-то все делось?! Страшную грустью повеяло на меня от этого кладбища.

Каменская Сича оказалась расположенною в том самом углу, у которого сходится речка Каменка с Козацким Речищем, отделяющимся от Днепра по направлению от севера к югу, и представляет из себя неправильный треугольник, протянувшийся с севера на юг понад правым берегом Козацкого Речища, основанием на север, вершиною на юг. Вся величина Сичи, по четырем линиям, определяется так: сто пятнадцать сажен с востока, шестьдесят шесть сажен с севера, сто двадцать три сажени с запада, тридцать шесть сажен с юга. Самая форма Сичи представляется в таком виде. По средине её, с севера на юг, идет площадь, ширины у северной окраины шесть сажен, у южной три сажени, а по обеим сторонам площади тянутся курени, числом сорок. Один ряд их идет вдоль Козацкого Речища с выходами на запад, а три ряда идут от степи, встречно р. Каменки, с выходами и на восток, и на запад. Между последними тремя рядами, также как и между первыми, тянется от севера к югу площадь, равная и по ширине и по длине первой. Каждый из куреней имеет двадцать

Ч. II. Рис. 29.

Памятник кошевого К.Г. Горбенко.

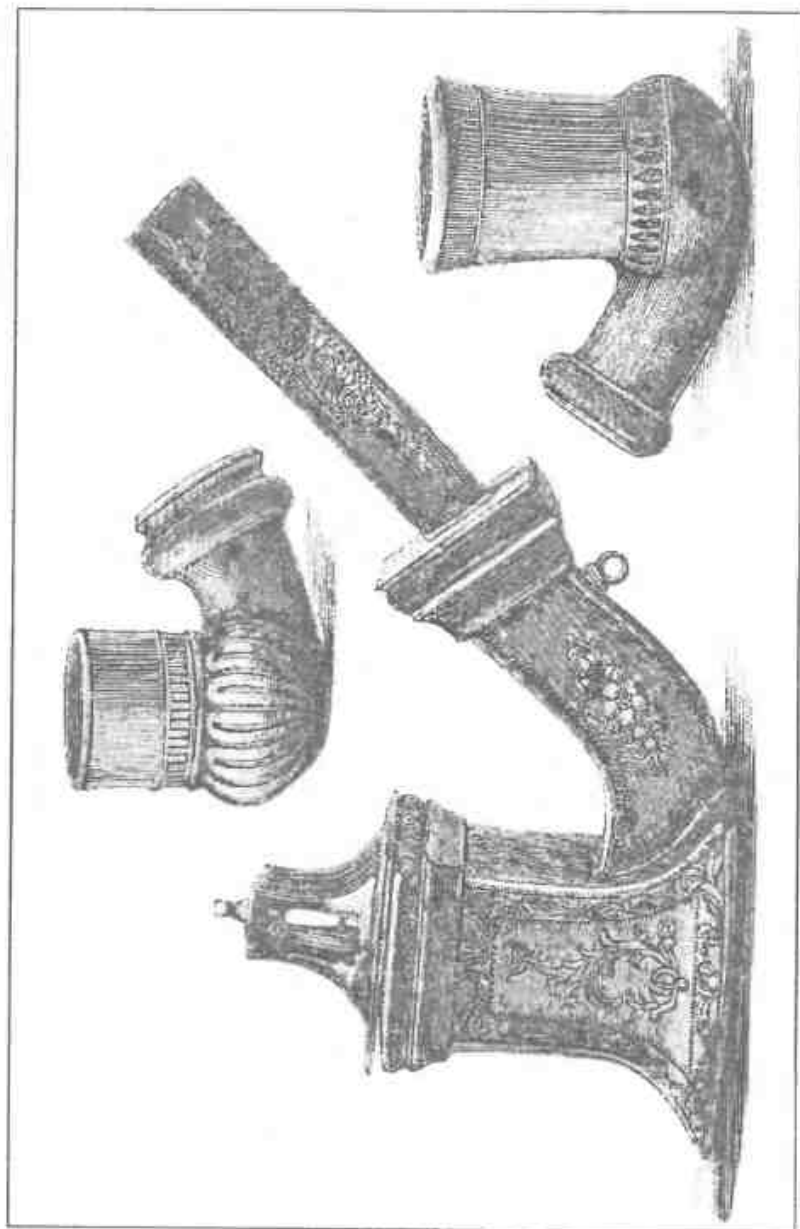
один аршин длины и двенадцать аршин ширины. Вся Сича обнесена была каменной оградой, от которой в настоящее время сохранились только кое-где небольшие камни. За оградой, у северной окраины Сичи, уцелели еще семь небольших крутых ям: три к востоку, четыре к западу, приспособленных к стратегическим целям и носивших у запорожцев название волчьих ям. Южная окраина Сичи, там, где сходятся Каменка и Козацкое Речище, отделена небольшою канавою, идущею от востока к западу, ниже которой, с наружной стороны, тянется ряд небольших холмиков, числом девять, в том же направлении, как и канава. Пространство земли ниже канавы к югу, до места слияния Каменки с Козацким Речищем, носит название стрелки и принадлежит владельцу И. П. Блажкову. Здесь тянется ряд холмов, числом восемь, с севера на юг, параллельно р. Козацкому Речищу, но перпендикулярно канаве, отделяющей южную окраину Сичи. Быть может, эти последние холмы служили у запорожцев базами для пушек, которыми они ограждали свою столицу с юга, как ограждали волчьими ямами с севера. Таков общий вид Каменской Сичи.

К этому нужно добавить лишь то, что на сто шагов от Сичи к северу находится еще запорожское кладбище, на коем в настоящее время сохранилось всего лишь четыре каменных креста, один целый и три разбитые в куски, с надписью, сделанною полувязью на каждом из них. Первый крест имеет высоты два аршина и три четверти, толщины поларшина; на нем, с западной стороны, вверху выбита фаза луны, возле неё крест и возле креста нечто подобное цветку, а ниже цветка помещена следующая надпись: «Во имя Оца и сына и сго дхл здѣ опочиваетъ рязъ ежій константи гордѣвич атаманъ кошовый: славнаго войска запорозкаго низового а куреня пятигорского претавися року аѳан мая дчисл». С восточной стороны креста высечено обыкновенное распятие, с обычными при нем буквами, а ниже распятия изображена козацкая арматура: копыя, сабли и пушки на колесах. У самого креста насыпана могила, высоты через вершину две с половиною сажени, в окружности двадцать сажен. Второй крест разбит на три куса, и потому на нем можно было прочесть лишь следующие слова: «Во имя пресвятия и живо(начальна) тройцы аминь. Зде(сь) опочивает раб божи(й) Васили(й) Иерофев³² отаман кошовый... а куреня тита-

ровского преставился в року 1731-м в месяце мае дня 23». Крест лежал возле небольшой могилки, близ которой он, видимо, когда-то стоял.

Приведенные надписи указывают на то, что под двумя крестами покоится прах двух кошевых: Василия Иерофеича и Константина Гордеевича. Из двух этих кошевых атаманов о первом нам ничего не известно, а о втором известно лишь то, что он был сын Гордея Головка, что он именовался собственно Константин Гордеевич Головка, что он занимал пост кошевого атамана уже с 1701 года, затем, отказавшись от своих «дедовских хуторов», перешел на сторону гетмана И. С. Мазепы, играл в одну руку с ним до тех пор, пока не увидел, что был обманут гетманом; тогда заключил союз с крымским ханом в местечке Будищах, теперешнего Полтавского уезда, передав ему в подданство и умер, как видно из приведенной надписи, в 1733 году. Остальные два креста настолько повреждены, что на них можно было прочесть лишь одни имена козаков Якова и Федора. Это и все, что нашел я на запорожском кладбище близ Каменской Сичи, а между тем, глядя на множество могил, можно думать, что здесь было довольно большое кладбище, от которого однако же в настоящее время уцелело лишь четыре неполных креста, о чем заявлял уже сорок три года тому назад покойный Н. [И]. Вертильяк. «Не более как лет за пятнадцать назад (Вертильяк писал в 1844 году) кладбище бывшей на реке Каменке Сечи запорожской усеяно было крестами и надгробными памятниками с надписями; даже крепостные валы сохраняли обшивку свою из тесаного камня. Теперь все это истреблено. На кладбище остается только четыре креста. Один из них вовсе без надписи*, на другом стерлась она от времени так, что ничего нельзя разобрать; зато надписи двух остальных обогащают нас весьма важными сведениями относительно истории Запорожья: первая определяет год смерти кошевого атамана Кости Гордиенка, о котором в «Истории последнего коша» г. Скальковского

* Это неверно: все четыре креста имеют надписи, но только на двух из них трудно прочесть, потому что они разбиты на несколько частей. Неверно также прочел г. Вертильяк и год смерти Гордиенка: не 1731, а 1733, на кресту стоит АЧЛГ, где из последней буквы Л слепо и Г, что и составит 33, а не 31, чего г. Вертильяк и не заметил.

Запорожские кресты.

сказано, что неизвестно, где он умер. Вторая дополняет список копеевых новым неизвестным именем Василия Ерофеева^{*33}.

Древностями Каменская Сича не богата, и из вещей, найденных здесь, можно назвать лишь одну стальную трубку с резьбой с наружной стороны и с крышкой наверху. Она имеет длины около четверти и найдена вместе с двумя черенковыми трубками и большим аметистом близ одной из запорожских могил, около Сичи. К трубке приделан стальной чубук, в который, видимо, вкладывался другой, деревянный, истлевший, однако, в земле. По оригинальности работы эта трубка — единственный экземпляр из множества нами виденных.

Следующим днем я оставил хутор Консуловку и, переправившись через речку Каменку, скоро очутился в хуторе Блажковом. Владелец хутора, Иван Прокофьевич Блажков, как и вся его семья, оказался и³⁴ гостеприимным, и³⁵ душевным человеком. В нем нашел я самое живое участие к своему делу.

Исходив вдвоем все заветные места по берегу балки Каменки, по столетней дубраве, гранитным скалам и большому среди Днестра острову Каирскому, мы под конец решили выбраться на скалу Путоч и немного отдохнуть на ней. Взойдя на самую вышку горы и бросив далекий взгляд вверх против течения Днестра, мы увидели здесь одну из симпатичнейших картин, какия раскрываются на нем только в летнее время, при полном расцвете природы и полном обилии вод. Помню, было около девяти часов утра, а Днестр все еще окутан был прозрачными водяными парами, легкой пеленою носившимися над ним. Солнце поднялось уже довольно высоко, и яркие лучи его начинали прорываться сквозь тонкий покров водяных паров и загораться миллионами огней по ровной поверхности чистых вод, пробуждая всю природу к жизни и все живущее на ней — к борьбе и деятельности. Вот из соседнего острова поднялась большая стая птиц. Она взлетела против самой середины Днестра, быстро закружилась над ним, потом шарахнулась в разные стороны и далеко-далеко разлетелась по сторонам. «Путу! путу!» — вдруг неожиданно раздалось где-то в лесу.

^{*} Вертильж Н. И. Надгробия кошевых Гордеев и Ерофеева // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. 1. С. 607.

— Это путач, старожил горы, от него-то она и название своё получила. Теперь довольно нам бродить, пора возвращаться и назад, к обеду. — Решено было возвратиться домой. Солнце уже страшно пекло, и мы, усталые, обливаясь потом, возвратились в хутор. Семья была в полном сборе, и стол уже давно был накрыт.

Солнце стояло как раз в зените, и жар был невыносимый, когда мы, покончив с обедом, оставили душевные комнаты и потянулись вниз к самому берегу Каменки, где раскинулся широкий и густой сад владельца. Войдя в сад, мы увидели здесь старика, Семена Герасименка, садовника и вместе сторожа сада. Сад раскинулся по взгорью балки и состоит большею частью из фруктовых деревьев. Мы выбрали самую тенистую яблоню и тотчас же растянулись под ней, на шелковой траве. Возле нас присел на корточки и сторож Семен.

— А шо, діду, чи багачько на світі прожили?

— Ні, не дуже багачько! Не більш, мабуть, як шістьдесят год!

— Не мало одначе!

— Та й не дуже то й багато!

— А все ж більш нас.

— І більш і не більш.

— Як так?

— А так, шо хоч я більш вас прожив, так менш вас знаю.

— Це вже хто його зна? От якби кого із нас запитали, шо воно есть за хрести такі, шо на стрільці стоять, по той бік Кам'янки, то з нас би ніхто того не доказав, а ви, гляди, і докажете.

— Та це-то невелике диво! Там стояла запорожська Січа, себто така столиця, де збирались козаки, а коло Січі заведено у їх було кладовище; від того там і хрести стоять.

— Ну, а церкви ж там не було?

— Церква була, та тільки не тут, а на баяльці Миловій, та яка церква? Комишова.

— Так значить запорожці християне були?

— Аякже? Вони нашої віри, а це оті чорти, турки, так ті нехрещені.

— А шо ж то кажуть, шо неби запорожці і турки однієї поведінці?

— Ні, це неправда! Вони й с погляду один на одного не схожі. Турки зовсім голову голять, а запорожці голили, та не всю: чуби зоставляли. Від них уже і у нас була поведінка чуби ті носити. Як були

ми малими, то нам було повистригують голови, а чубки позоставляють, так ми як заведемося битця та як повматасмо один одному руки у ті чубки, та так і водимось, як барани, аж поки хто не розведе або не візьме ножниця та не повідрізує чубів. Ми їх носили не то шо малими, а уже й великими, та ото як повернули нас із мужиков в улани,— це було год тридцять п'ять або й сорок назад,— то поніхали до нас стрижі та давай нам різати чуби, а ми утолос, їки Богу, та рева ревемо за ними. «Лучче б нас побили, ніж оце поодривали нам ковтуни...» Отак, як пропали наші чуби, то так пропали і запорожці с чубами: цариця Катерина скасувала. Бігла вона сюди Крим розбивати, розбила його з трьох сторін та за одним заходом і Січу зруйнувала.

— Та так Січа і пропала?

— Так і пропала!

— А десь, мабуть, гарно було жити тут запорожцям?

— Мабуть шо гарно, коли подивитися, шо тут за сторона була.

Тоді тут по плавнях та по скелях вовків, лисиць, зайців, диких свиней — прямо не пройдеши. Тоді вівці, товару — як хмара, а тепер і не зачепишся. Дикі кабани були пудів по десять, або й більш вісу: насилу шість чоловік на сани зложуть. Тут було такого звіру, шо верхових давали із города, чоловік сорок-п'ятдесят, щоб розгонити його. Так де тобі? Єго гоняють по степу, а він у плавні. Іздали з ружжамми та с шаблями по плавням та палили комині. Та вже тоді трохи налякали його, а то прямо і ввійти страшно. Риба, так та, сердешна, аж затхнеця, а раків штанами ловили. А шо птиці, так і казати нічого. Як підеш на охоту, то до дому несеш наче відра на коромислі. Стрепети, огарі*, лебеді так пішком і ходять. Трави високі-превисокі, аж по груди, а то ще й більш; а роса по траві, наче вода: як хочеш ідти по степу, то перш усього скинь штани, а то й не дотягнеш, як намокнуть. А скинеш штани, підбирай і сорочку, бо й ця замокне. Як ідеш у постолах, то вода тільки чвирк-чвирк! Ліс рос густий та високій: грушнія, калини, винограду дикого — не пролізиш. Нічю страшно було і ходити... А урожаї такі, шо тепер і не почуєш. Степ неораний, земля преотлична, родюча, скрізь сама тимчина! То-

* Огарь — большая рыжевато утка, величиною почти с гусем, *Anas rutila*.

ді ж і дешевина³⁶ на все була: пуд проса десять копійек, пуд пшеници сорок копійек, та ще й то дорого!..³⁷

Из хутора Блажкова мой путь лежал³⁸ к Бизюкову монастырю³⁹.

Второклассный григорьевский Бизюков монастырь находится в 90 верстах от гор. Херсона, в 17 верст. от г. Бериславля и в 6 верст. от хутора Блажкова, расположен по взгорью правого берега Днепра, среди открытой и довольно живописной местности. Основание ему положено архимандритом Феодосием Масловым, родом из Глухова, Черниговской губернии, бывшим настоятелем молдавской мирнополянкой пустыни, близ Дуная. Бежав в 1769 году из Молдавии, вследствие притеснений со стороны турок, в стан русских войск, воевавших в то время с турками, Феодосий снискал расположение у фельдмаршала их князя Потемкина и был отправлен в С.-Петербург, к императрице Екатерине II; здесь он получил назначение сперва в Софрониеву, находящуюся в 40 верстах от г. Глухова, а потом, в 1782 г., 23 мая, испросил позволение основать «собственное подворье» с тем же названием Софрониевского, у Днепра, ниже Херсона, на бывшей земле запорожских козаков. Для этой цели Феодосию отведен был участок земли по правому берегу Днепра, у балки Пропасной, в три тысячи двести сорок пять десятин земли да через реку, по левому берегу Днепра, более двух тысяч десятин земли так называемых плавен. Для монастыря Феодосий избрал место нагорнее, близ Пропасной балки; он обвел его земляным валом, построил внутри часовню, соорудил несколько келий и назвал все это место «подворьем Софрониевой пустыни». В следующем, 1783 году, построена была и церковь, деревянная, однопредстоянная, во имя священномученика Григория, епископа и просветителя великой Армении, патрона князя Григория Потемкина. Вскоре, однако, оказалось, что место, избранное для пустыни, вследствие своей необыкновенной крутизны, было неудобно для монастыря; тогда решили все постройки перенести ниже, но по тому же направлению. Возводя новые постройки, нашли возможным вместо деревянной церкви построить каменную, сохранившуюся и поныне под именем церкви Григория. Вскоре после этого Феодосий к 5000 земли получил еще 20718 десятин по р. Ингульцу, с левой стороны её, и с тех пор Софрониевское подворье стало именоваться уже Новоигригорьевскою пустынною; спустя десять лет после этого, в 1802 году, 9 декабря, ско-

нчался сам основатель её, архимандрит Феодосий, будучи восьмидесятилетним старцем. На следующий год после смерти Феодосия, по высочайшему указу, определено: бывшее Софрониево подворье, потом Новоигригорьевскую пустынь преобразовать в Григорьевский Бизюков монастырь на место упраздненного, за бедностью, в смоленской епархии ставропигиального крестовоздвиженского Бизюкова монастыря. Настоятелем нового монастыря назначен был архимандрит Иосиф, которого последовательно сменяли Досифей, Галактион и Никифор Звенигородский. При последнем в монастыре соружена была новая церковь, во имя Покрова Пресвятой Богородицы, возведена каменная ограда вокруг всей обители и построен странноприимческий дом для богомольцев. После кончины Никифора следовали архимандриты: Иаков Вечерков, посвященный потом епископом в Саратове, Анастасий, Иона, посвященный епископом в Екатеринбург, Поликарп, Геронтий и, наконец, в 1854 году Дионисий. Такова в кратких словах история Бизюкова монастыря*.

В настоящее время Бизюков монастырь представляется в таком виде: с наружной стороны он обнесен правильной четырехугольной стеной с башнями по углам, в которую ведут двое ворот: с востока и с запада. За стеной растет фруктовый сад; за садом стоят три каменные большие корпуса для братии, присежающих богомольцев; кроме того, палаты, конюшни, скотные дворы и т. п. Прямо к востоку от западных ворот стоят три церкви: трехсвятительская, григорьевская и покровская, все сделанные из камня, все очень прочные, хотя и маломестительные. Под монастырем считается 25963 десятины земли и, кроме того, два рыбных завода, один на Днепре, другой на Конке. По положению, всей братии в монастыре считается восемнадцать человек с настоятелем, которые получают, кроме монастырских доходов и доходов от земли, еще правительственного жалованья 758 руб. и 51 копейку.

Запорожских вещей в монастыре нет никаких. Да и вообще монастырь не богат древностями. В нем хранятся лишь пять грамот, три евангелия, крест и колокол, оставшиеся от древних времен. Из грамот одна относится ко времени царя Алексея Михайловича, другая — ко времени царей Иоанна и Петра Алексеевичей, третья — ко

* Для истории Бизюкова монастыря мы располагаем сочинением архимандрита Дионисия: Сведения о второклассном григорьевском Бизюковом монастыре. Одесса, 1852.

времени императрицы Анны Ивановны, четвертая — ко времени императрицы Елизаветы Петровны, — все четыре касаются разных прав, привилегий и земных угодий смоленского Бизюкова монастыря, и наконец пятая, писанная от имени митрополита Стефана Яворского о посвящении архимандрита для монастыря. Из евангелий одно напечатано в 1636, другое — в 1657, третье — в 1689 году, в Москве. Последнее имеет веса до двух пудов, высоты аршин, ширины две с половиной четверти, обложено медью с разными изображениями, с надписью по краям доски, с внутренней стороны: «Лета 7223 декабря 21. Сие святое евангелие построено при державе благочестивейших великих государей, царей и великих князей Иоанне Алексеевиче и Петре Алексеевиче вся великия и малыя и белыя России самодержавцев, а строи сие святое евангелие смиренны Варфоломе(й) архимандрит свято(й) и общежит(е)ль(а)но(й) обители симеоновско(й), а положено буде сие святое евангелие в том монастыре, где буду(т) мо(и) грешные кости страшного суда божия дожидаться». Крест, высоты две с половиной четверти, сделанный из меди, с изображением распятия на лицевой стороне и с вырезанными тут же словами: «Се есть сын мо(й) возлюбленный о нем же благоволих того послушайте». Колокол, повешенный на колокольне из четырех каменных столбов и перевезенный из смоленского Бизюкова монастыря. На нем, с внутренней стороны, вырезана следующая надпись: «Вылит се(й) колокол в царствующем граде Москве в лето от рождения христового 1765 году генваря 3 в ставропигиальный крестовоздвиженский Бизюков монастырь з дозволения коллеги экономии в бытность высокопреподобнейшаго господина отца архимандрита Иова Малеевского. Весу в не(м) 102 пу(да). Спаси Господи и помилуй раб своих строящих храмы божия и подающия им всякое благопотребное подаяние и даждь им господи царство небесное ради пресвятого имени своего. Лит в Москве на заводе Димитрия Пирагова».

За оградой монастыря, у самого берега Днепра, сделан так называемый предтеченский скиток, попросту сказать, беседка. Чудное местечко! Представьте себе возвышенный берег Днепра и на этом берегу небольшой мысок, далеко вдавшийся в реку. Вот на этом-то мыску и построен так называемый предтеченский скиток или беседка, с выведенной над ним крышей на больших кирпичных отштукатуренных и выбеленных колонках. С беседки перед зрителем откры-

вается прелестный вид на Днепр и раскинувшиеся по левому берегу его села Малыцево и Вольные или Нижние Каиры, а по самой реке — остров Сандажаровский. В одной версте от этого скитка, в скале, над самым Днепром, есть небольшая пещера, состоящая из двух келлий, ископанная, по преданию, каким-то архимандритом монастыря. В настоящее время она стоит необитаема, но чтится народом, как великая святая.

Следующим днем я оставил Бизюков монастырь и возвратился назад мимо Блажовки, Каменки, Софиевки и Мелового, по битому тракту, к пристани Кочкаровка, чтобы здесь вновь сесть на пароход и вновь продолжать свой путь вниз по Днепру, к³⁹ Алешковской Сичи. Тотчас ниже Кочкаровки⁴⁰ у берега Днепра, с правой стороны, раскинулось село Меловое, вдоль балки того же имени, потом хутор Консуловка или Разоровка и против неё одиноко стоящий крест у могилы Константина Гордиенка, а ниже могилы Гордиенка, против устья речки Каменки, остров Каменской, на планах XVIII века называемый Коженным, островом, в настоящее время принадлежащий трём владельцам — Огаркову, Блажкову и Полуденному. Против острова Каменского, между левым берегом Днепра и рекой Конкой, протянулся длинный остров (30-40 вёрст) Каир, известный Боплану, Исленьеву, Шмидту, Пушкину и называемый у них Каиром, Каирской и Меловой плавней⁴¹. Название его заимствовано от стоявшего против острова, на левом берегу Днепра, города Каир — мечети, получившего в свою очередь свое название от арабских слов Хайр мясджиди (Хайр равно Хаир, Хаир равно Каир, мясджиди равно мечети), что на русский язык значит «Мечеть, выстроенная на благотворительные средства («хайр» — благотворение, «мясджид» — мечеть)⁴². Существование крепости Каир-мечети на левом берегу Днепра, против острова Каира, подтверждается картой Риччи Занони, на которой она по-польски означена «Каир-Muzet», а по-татарски «Хайр-мазчит»⁴³. От острова Каменского или Коженина к острову Каиру через Днепр у запорожских козаков была Каирская или,

³⁹ Эварницкий Д. И. Вольности запорожских козаков. СПб., 1890, карта 1.

⁴⁰ Противоположен еще от татарского «кайри» — песок, киргизского «кыра» — берег.

⁴¹ Эварницкий Д. И. Вольности запорожских козаков. СПб., 1890, карта 1.

так называемая, Старая переправа, очень удобная с правого берега на левый, по течению реки, и довольно затруднительная с левого на правый, против течения; от того обозы, шедшие с товарами сверху вниз по течению Днепра, переправлялись у Каирской переправы, а обозы, шедшие снизу вверх, против течения Днепра, переправлялись ниже Каира, в Кызыкермене. Как кажется, к этому же городу Каир-мечети нужно приурочить и тот неизвестный большой татарский город, стоявший при устье речки Конки и разоренный самими же татарами потому, что «в оном городе пауки, по-турецкому званию мармуки или тарантулы, людей поседали»^{*}. Конечно, причина удаления татар из города Каир-мечети могла быть другая, чем страх от пауков, в этом всяк может усомниться; но факт существования города в показанном месте не может быть подвержен сомнению, если только Каир-мечеть при устье Конки и неизвестный город при устье Конки один и тот же город. В настоящее время против острова Каира стоит село Любимовка, у левого берега Днепра, против устья речки Конки, с остатками какой-то крепости.

Ниже речки Каменки, у правого берега Днепра, стоит деревня Рогулина, а ниже деревни Рогулиной падает в Днепр балка Пропасная, на которой некогда стоял город Пропасный^{**} и ниже которой в настоящее время стоит Бизюков Григорьевский монастырь. По народному преданию балка Пропасная получила своё название от того, что в ней скрывались разбойники, часто грабившие проезжавших людей из Кременчуга в Кызыкермень, и потому делавшие путь мимо Днепра очень опасным. Естественнее, однако, думать, что название балки Пропасной произошло от самого свойства её, так как она представляет из себя пропасть или провалье с обвалившимися боками и страшно глубоким дном. На левой стороне Днепра, против балки Пропасной, на карте Риччи Занони поставлена крепость Стан-Кермень.

Ниже балки Пропасной, с правой стороны, соединяется с Днепром лиман Великие-Воды, «открытое, чистое простран-

во Днепра, лежащее между немногими обрывами, против Осокоровки»^{*} и означенное на карте Риччи Занони под именем Дарсмали чашма^{**}, а рядом с Великими-Водами – речка Дремайловка, впадающая в Днепр на десять верст выше города Кызыкерменя и имевшая всего течения по одним 3, по другим 20 верст^{***}.

Ниже речки Дремайловки с левой стороны Днепра стоит местечко Каховка, против урочища Лысой горы или высшей головы Космахи^{****} на правом берегу. Местечко Каховка получила свое название от первого владельца её, Василия Васильевича Каховского, первого правителя, второй половины XVIII века, Таврического наместничества. Каховские оставались владельцами Каховки до 1800 года, после чего она перешла в собственность Овсяннико-Куликовских; в настоящее время принадлежит купцам Пянкевым. На одну версту ниже теперешней пристани в Каховке, против мельницы Паравасва, стоял в Днепре какой-то остров с развалинами на нем турецкой крепости; в 1848 году, во время большой воды в Днепре, остров этот снесён был течением, а крепость его рушилась на дно реки; остатки её и теперь можно видеть в воде, остров, защищенный крепостью, может быть, устоял бы в Днепре и в 1842 году, если бы владелец Каховки, Овсяннико-Куликовский, не распорядился перед этим брать из крепости острова камни для постройки в местечке церкви.

Несколько ниже Каховки, у правого берега реки Днепра, стоял известный в истории запорожских козаков остров Тавань, получивший, по гадательному толкованию филологов, свое название от турецкого слова «таван» – потолок, крыша, палуба. Что подало повод дать прозвание острову «Тавань» и действительно ли название этого острова связано с турецким словом «тавань» в точности неизвестно. По Боплану длина острова простиралась до двух французских миль, ширина – около одной трети мили, по карте Днепра 1777 года длина его 15,

* Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 24.

** Дарсмали – Дремайловка (Дресминовка), чашма – источник.

*** Запорожский Д. И. Вольности запорожских козаков. С. 127.

**** Мышенский С. И. История о казаках запорожских. С. 64, 71.

* Мышенский С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 64.

** Там же. С. 71.

ширина 5 верст; высшая голова этого острова доходила до теперешнего местечка Каховки, нижняя голова его простиралась до так называемой Голой-Пристанн, означенной с этим названием на генеральной карте Исленьева 1779 года^{*}. На высшей голове острова Тавани стояла турецкая крепость Ослан, иначе называемая Алан или Ислам-Кермень, правильное Арслан-Кермень, т. е. Альвиная крепость («Арслан» - собственное имя, что значит лев, «кермень» - крепость), т. е. крепость Арслана, на карте Риччи Занони (Арслан-Олу), (Арслан - собственное имя, огул, огул - сын); на этой же карте, так же как на карте Шмидта 1777 года, крепость Арслан поставлена не на острове Тавани, а на берегу материка, против острова^{**}. Акты XVII века не дают на этот счёт точного указания и в самом подробном из них об этом городе говорится лишь следующее: «Татары в перевоз ездили через Днепр в Тавань, против «Ислам-городка»^{***}. На нижней голове Тавани стояла турецкая крепость Тавань, на три версты ниже Арслан-Керменя. «А Хмельницкий (Юрий) судами морскими пришел из Царягорода в город Таваню, который на острове»^{****}.

Остров Тавань имеет свою историю. В 1556 году крепость этого острова Ислам-Кермень взята была у турок князем Дмитрием Вишневецким и запорожскими козаками вместе с дьяком Ржевским и путивальскими козаками. В 1558 году тот же князь Вишневецкий простоял три дня у Таванской переправы, близ Ислам-Керменя, а потом провел целое лето в этой крепости. В 1559 году мимо острова Тавани плыл со своими ратниками окольный Даниил Адашев, разгромивший потом Крым и счастливо вернувшийся вверх по Днепру до мыса Монастырька, против Ненасытского порога^{*****}. В 1665 году у острова Тавани запорожцы разбили несколько турецких судов, которые собирались здесь с целью идти на Сич. В 1670 году на острове Тавани одно время стоял с морскими судами гетман Бог-

^{*} Эварницкий Д. И. Вольности запорожских козаков. СПб., 1890, карта II.

^{**} Там же. С. 110, карта II.

^{***} Акты ЮЗР. Т. 10, С. 587.

^{****} Там же. Т. 9. С. 265.

^{*****} Летопись по Никоновскому списку. СПб., 1791. С. 266, 272-275, 293-298.

дан Хмельницкий, ожидавший здесь своего союзника крымского хана. В 1673 году кошевой атаман Иван Сирко «взял взятъем» и разорил бывший на острове Тавани город Ислам-Кермень в виду того, что раньше от этого города запорожским козакам была «теснота великая». В 1679 году тот же кошевой атаман Иван Сирко с запорожскими козаками и русскими ратниками ходил разорять Тавань и Кызыкермень, в тот же год устроенные турками^{*}. В 1736 году на острове Тавани, во время русско-турецкой войны, построен был «от российских войск ретраншемент»^{**}; в 1739 году здесь построен был русскими Таванский редут; тут же стоял турецкий замок Шангирей, от которого получил свое название стоявший на берегу Днепра выше острова Тавани Шангирейский ретраншемент, построенный русскими в 1771 году для содержания магазина и прикрытия производимых транспортов в Крым, и означенный на атласе Днепра 1786 года на три версты ниже Кызыкерменя, у левого берега Днепра; от замка Тавани видны были укрепления еще в 1774 году^{***}.

Против острова Тавани, на правом берегу Днепра, стоял турецкий город Кызыкермень, теперь город Берислав Херсонского уезда; от города Кызыкерменя до крепости Тавани, через реку Днепр, протянуты были железные цепи, с тою целью, чтобы не дать возможности никому из неприятелей, в ночное время, пройти через турецкие границы; такие же цепи были протянуты и от крепости Ислам-Керменя к Кызыкерменту, через реку Конку устроены были ворота, на которые наведены были из обеих крепостей пушки. Если кто пытался проехать мимо острова Тавани, то турки стреляли из пушек и тем останавливали всякую попытку со стороны врагов пробраться через границу их владений. Затея эта, сама по себе очень хитрая, оказывалась, однако, для запорожских козаков сущим пустя-

^{*} Акты ЮЗР. Т. 9. С. 265.

^{**} Сборник летописей южной и западной России. К., 1888. С. 32; Бондан Г. Л. Описание Украйны. СПб., 1832. С. 64; По Миллерскому этот ретраншемент построен в 1738 г. и назывался Андреевским; Мышечный С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 64.

^{***} ЗОИИД. Одесса, 1868. С. 178, прим. 50.

ком и они, несмотря на все меры турок, в большинстве случаев ухитрялись счастливо проходить мимо острова Тавани: не доезжая крепости Ислам-Керменя, козаки вырубали толстое с ветвями дерево и потом, войдя в речку Космаху, которая шла понад самым Кизикерменем, пускали это дерево к цепям; как только дерево ударит в цепи, и как только эти цепи забренчат, турки поднимают из пушек пальбу и стреляют до тех пор, пока не выпалит весь запас; а запорожцы меж тем, пользуясь темнотою ночи и пальбою из пушек, спорачивают к левому берегу, входят в р. Конку, перетаскивают свои чайки через греблю поза плавней и выходят снова в Днепр, ниже о. Таваня. Иногда, впрочем, запорожцы проходили и без этой хитрости, проплывая так тихо, что турки и не замечали их движения по Днепру⁴¹. В настоящее время на берегу Днепра, под горою, где стоял Кызыкермень⁴², существуют развалины двух стен, в два арияина толщиной каждая. Стены из местного известняка, кладки на извести, расстояние между ними — десять шагов. В этих стенах и теперь видны правильные четырехугольные дыры, идущие далеко во внутрь. В самом Днепре, против города Кызыкерменя, стоит небольшой остров Денисенков, длины одна верста, ширины полверсты, с остатками каменной крепости, ежегодно смываемый водой в весеннее время. Это и есть остатки острова Тавани. На нем находят очень много всевозможного оружия, в особенности железных бердышей XVI века, очевидно занесенных русскими ратниками дьяка Ржевского и окольников Адашева. В эти дыры и были, вероятно, закреплены концы цепей; остатки этих цепей видны были еще лет 50 тому назад. У татар между островом Таванью и берегом Днепра существовала самая лучшая переправа Таванская; она весьма удобна была потому, что находилась не далее одного дня пути от Крыма и потом состояла из двух рек, из коих одну, Конку, переходили вброд, а другую, Днепр, переезжали вплавь, так как он имеет здесь всего 600 шагов. Существование переправы у Кизикерменя не нравилось запорожцам, потому они просили русское правительство через крымского хана запретить татарам переправу у Кизикерменя и перенести ее к Никитину-Рогу. Остатки переправы и теперь видны между островом Денисенковым и плавней, в виде гребли и вбитых в песок свай.

Город⁴³ Кызыкермень построен был, около 1450 года, на правом берегу Днепра, вместе с крепостями Арслан-Керменем⁴⁴ и

Шагин-Керменем⁴⁵, на левом берегу, и назван Кызы-керменем⁴⁶, потому что⁴⁷ считался турками недоступным для врагов, как недоступна девушка для большинства («Кызы» — девица, «кермень» — крепость). Здесь производился торг пленниками, в особенности пленницами, девушками, захваченными на Украине и Польше татарами. Русские несколько раз пытались вырвать этот город из рук турок, но это удалось им только после четвертого раза. Впервые Кызыкермень взят был русскими в 1695 г. 31 июля, при царе Иоанне и Петре Алексеевичах; потом вторично, в 1736 г., при императрице Анне Ивановне, фельдмаршалом Минихом; далее, в третий раз, при императрице Екатерине II, графом Шереметевым и, наконец, в четвертый и последний раз, в 1771 году, отрядом войска князя Долгорукого-Крымского, после чего он переименован был в город Бериславль и с 1774 года утерял свое значение крепости. В 1787 году Бериславль ознаменован был пребыванием в нем императрицы Екатерины II: 18 мая и 1 июня она имела здесь ночлег, когда ехала в Крым и обратно.

В г. Бериславле есть несколько древностей, оставшихся от времени запорожских козаков. Из них часть находится в теперешней соборной воскресенской церкви, часть — в частных руках. Еще лет сорок тому назад в Бериславле стоял рубленый деревянный собор, находившийся прежде в козацкой крепости Переволочне, но потом перенесенный, по приказу князя Потемкина, в г. Бериславль⁴⁸. В нем-то и хранились разные запорожские древности. Теперь собор этот снесен, и все вещи, находившиеся в нем, перешли в настоящий собор. Из⁴⁹ этих вещей сохранились⁵⁰ следующие. Евангелие обыкновенного формата, в лист, киевской печати 1687 года с надписью, сделанною на переплетном листе: «Сию книгу именуемую Евангелие на престольное ндаал его милость пан Никита Фоменков козак з (с) сечи запорожской куреня менского до храму церкви св. Воскресения Христова, за пресвитера человеколюбца отца Иоанна Григорьевича Стринского в том же храму вишечерченном при людех(,) за умерших родних(,) а особливе при Остапу Филиповичу Тараненку в том же храму будучому(,) в той час ктиторови Иосифу Яковлевичу знатному товаришеви сотне переволочанской, и при иных людех на

* Всеволожский. Путешествие. М., 1839. С. 48; ЗОИИД. Одесса, 1844. Т. I. С. 606.

тот час згодившихся Року 1706 июля 9 дня. Помини господи души чада своих: Филимона, Фому, Екатерину». Евангелие, московской печати 1730 года, поступившее в церковь в 1790 году «от черноморского поручика Семена Шкляревского». Евангелие, московской печати 1735 года, поступившее из крепости Переволочной в 1783 году. Напрестольный крест, серебряный, позлащенный, высоты полторы четверти, с надписью: «Сей крест с мощами святых печорских чудотворцев Лаврентия Затворника, Нестора, Анисия, Моисея, Тита, Ипатия, Мортіра, Агафонта, Зиновия. Мощи святых невиских печерских чудотворцев положил в сей крест по обещанию stolnik и полковник Степан Иванович Янов. 1766⁵⁰ года, вес 1 ф. и 6 зол.». Напрестольный крест кипарисовый, оправленный в серебро, высоты три с половиной четверти, с серебряным подножием, весу 3 ф. 57 зол. Кроме этих древностей, в церкви г. Берислава хранятся еще несколько высочайших указов, повелений св. синода и распоряжений епархиальной консистории с 1721–1734 года, рукописный нотный ирмолон, «написанный в Нежине трудолюбием Леонтия Глобацкого с 1730 года»; истолкование молитвы Господней Иоанна Златоуста, рукописная книжка 1748 года; беседы Иоанна Златоуста, напечатанные в Москве в 1767 году.

Из древностей, находящихся в частных руках, интересны запорожские вещи⁵¹ в собрании И. П. Шила. Иван Парфентьевич Шило, запорожец по происхождению, купец по профессии, человек во всех отношениях замечательный; в нем сочетались все лучшие черты малорусского характера: это большой хлебосол, остроумный собеседник, тонкий юморист, глубокий самородок-философ, замечательный оратор и превосходный знаток малорусской литературы, как в её прозе, так и в стихах. Свято храня память о своем деде, запорожце Шиле, Иван Парфентьевич много собрал у себя запорожского боевого оружия, не желая ни продать, ни даром передать его в чужие руки. Из редкостей этого рода у И. П. Шила⁵² сохранились: превосходной работы рушница (ружье), прекрасный пистоль; священный гайдамацкий нож; длинный вместе с древком спис; стальной, чеканной работы, келеп; стальная, без ручки, сабля; кроме того, две серебряные, с изображениями, чарки и несколько фамильных бумаг, доказывающих несомненное происхождение И. П. Шила от запорожца Шила.

Бериславский старожила Трофим Пономаренко рассказывает следующее о происхождении фамилии Шило. Однажды во время похода козаков в Польшу три запорожца заехали к одной «господыне» в гости. Лошадей оставили во дворе, а сами зашли в хату погулять. «Господыня» приняла их сперва очень приветливо, но потом, под каким-то предлогом, вышла из хаты, заперла дверь и сама побежала дать знать, кому следует, о своих гостях. Бросились запорожцы к дверям — заперты; туда-сюда — нет выхода! Под конец нашли отверстие в сенях, но оно оказалось так мало и так высоко, что выбраться чрез него не было никакой возможности. Тогда два запорожца подсадили одного из своих товарищей, высокого и сухоощавого, и он, как шило, проскочил в отверстие и отпер дверь для оставшихся в сенях. Запорожцы уехали, но с тех пор сухоощавого товарища прозвали Шилом⁵³. Этот Шило и был родоначальником теперешнего бериславского купца И. П. Шила⁵⁴.

На пять верст ниже города Берислава следует остров Козацкий, 15 верст длины, против ветки Козацкой с правой стороны, и вслед за Козацким островом остров Писаревский, видимо некогда составлявший одно целое с Козацким, теперь отдаленный от последнего протоком Домахой и имеющий полторы версты длины и около одной версты наибольшей ширины. Ниже острова Писаревского идет остров Бургунский, получивший своё название от мыса Бургуна, названного в свою очередь от турецкого слова «бургу» - буров, т.е. мыса острого, как буров.

Он находится ниже реки Бургуни, выше села Тягинки, расположенных с правой стороны Днепра, имеет в длину около полумили, затопляется полноводием⁵⁵. Здесь у татар была переправа Бургунская, где они должны были переплывать реку Конку и два раза глубокий Днепр. На полторы версты ниже острова Писаревского, на таврическом берегу, стоит⁵⁶ так называемый Корсунский монастырь⁵⁷.

⁵¹ В XVII в. большою известностью пользовался в Запорожье войскового ясула Иван Шило, сподвижник знаменитого кошевого Сирка: Акты ЮЗР. Т. 9. С. 284; Т. 13. С. 95, 424, 432, 451.

⁵² Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 29.

Корсунский монастырь возник уже после падения Запорожья; начало ему положено было в 1784 году архимандритом **Никодимом и князем Г. Потемкиным**.⁵⁶ Сперва он основан был близ села Большой-Знаменки, а потом перенесен на теперешнее место, на сорок верст выше Херсона, на сорок семь выше Алешек и на двадцать верст ниже Берислава; под монастырь отведено было 14000 десятин земли. Он заложен во имя Корсунской Божией Матери, строился целых три года и назначался сперва исключительно для старообрядцев, но потом, с 1845 года, по распоряжению архимандрита херсонского и таврического **Иннокентия**, стал принимать к себе и православных иноков. В настоящее время он исключительно православный монастырь. В нем шесть церквей: соборная Корсунской Божией Матери с отдельного трехъярусного колокольного, николаевская архиерейская, михайловская трапезная, дмитриевская и кладбищенская, каменная, весьма красивой архитектуры. Монастырь обнесен каменною стеной, высоты три сажени, ширины аршин с четвертью, с башнями на четырех углах с осьмиконечными на них крестами. Кроме церквей, в монастыре есть еще несколько зданий для архимандрита, братии, дом для архиерея, для трапезы, богомольцев; здания для служб, постройки для скота, склады для запасов и т. п.; затем два сада, цветник, огород. Всех иноков в нем считается 22, послушников — 12. Запорожских древностей в нем нет решительно никаких, зато есть много старообрядческих редкостей: иконы московско-суздальского письма, кресты, облачения, чаши, книги и др.⁵⁷

Ниже реки Конки, с правой стороны, идет село Тягинка, **протянувшееся**⁵⁸ по балке Тягинке, и тут же у правого берега Днепра четыре островка Тягинских, расположенных параллельно один другому от востока к западу и отделенных от правого берега Днепра речкою Тягиною; из этих островов первый от берега имеет длины версту, второй — версту с четвертью, третий — полверсты, четвертый — четверть версты. Все они как бы удалены от Днепра и находятся скорее в устье балки Тягинки, чем в самой реке; все⁵⁹ покрыты лесом и на одном из них возвышается высокий курган. По словам⁶⁰ Мышешского, при реке Тягинке, у самого Днепра, находился городок Тягинка с треугольным замком и с круглыми башнями; в длину этот

городок имел одну версту, а в ширину несколько более полуверсты; он построен был на каменном фундаменте немецкими народами франками (т. е. генуэзцами), а потом, в 1738 году, русские построили здесь свой замок⁶¹. Теперь от реки Тягинки остался один ручей, в три версты длины, и сухой овраг в тридцать верст длины.⁶² Против села Тягинки, с левой стороны, впадают в Днепр реки⁶³ Конка и Крымская Татарка, а ниже их образуется так называемый Дубовый лиман.

На семь верст от села Тягинки, на почтовом шляху, около екатерининской мили, стоит большая могила, о которой у местных старожилов существует такого рода предание. Однажды задумали раскопать эту могилу запорожцы, прослышавши о скрытом будто бы в ней кладе. Разрыли и нашли в ней гроб, на крышке гроба позолоченную бляху, на бляхе изображение Георгия Победоносца. Вскрыли гроб и увидели в нем нетленное тело богато убранной панночки с дорогим перстнем на пальце правой руки. Тогда один из кладовщиков бросился к этому перстню, но, не могши снять его руками, взял перстень вместе с пальцем в рот и так сильно рванул его зубами, что он проскочил ему в горло. Хищнику грозила опасность умереть. Но тут к нему подскочили товарищи, привели к жизни, перстень вынули, вновь надели на палец панночки, а могилу зарыли. Нетленность панночки они объяснили ее праведностью.

Ниже села Тягинки⁶⁴ следует Глухой лиман с левой стороны,⁶⁵ а ниже Глухого лимана — село Козачьи-Лагери, Таврической губернии, Днепровского уезда, с той же левой стороны Днепра.

По объяснению старика Федота Анищенко, Козачьи-Лагери получили свое название оттого, что здесь, на полторы версты выше села, где теперь городище, стояли лагерем запорожцы; тут у них была и церковь из камыша, стоявшая на толоке. Это было в то время, когда русские брали крепость Кинбурн⁶⁶ (1787 года, под начальством А. В. Суворова). «Тогда запорожцы перед вели москалям, показывали мисыцю». Сперва москалям и запорожцы понаделали батарей и паланок в Алешках, а потом стали лагерем, близ теперешнего села Козачьих-Лагере. «Мой дядько Карпо Кобзарь добре знал и те батареи и те паланки, потому что он был сам запорожец. Тут, рассказывал

* ЗООИД. Одесса, 1881. Т. 12. С. 405⁵⁷.

* Мышешский С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 72.

дьябло, очень опасно было стоять: турки одолевали. Раз как-то всю святую неделю москали и запорожцы стояли с пистоллями: разнеслась чутка, что турок паски не даст... И долго так тут пришлось стоять запорожцам. А как перебрались они в Черноморию, то так оно и пошло: Лагери да Лагери. Тогда сюда поприходили литвины, волохи, греки и кое-кто из села Митиневки, тощо".

Против с. Козачьих-Лагерьей, с правой стороны, идут деревня Понятовка или Банова, село⁶⁵ Никольское, или Репнинка⁶⁶, остров Дидов, иначе Понятовский⁶⁷, длины восемнадцать верст⁶⁸, разделенный на одной трети Ериком, в направлении от востока к западу. Ниже о. Дидова⁶⁹ следуют р. Конка (Лагерная), выходящая в Днепр из-под Козачьих-Лагерьей с левой стороны, и река Ингулец⁷⁰ с правой стороны⁷¹; при устье речки Ингульца раскинулось прекрасное село Фалеевка-Садовая.

" Село Фалеевка стоит на правом берегу Днепра, при самом впадении в реку Днепр речки Ингульца, на 18 верст выше губернского города Херсона и почти на столько же выше уездного города Алешек, Таврической губернии. Местность, на которой раскинулась Фалеевка, замечательна и по своей красоте и по своим археолого-историческим данным. Открытая, возвышенная, охваченная с одной стороны ветвистой и извилистой речкой Ингульцом, с другой опоясанная широким и светлым Днепром, с его зеленеющими островами и роскошнейшими плавнями, местность села Фалеевки, утопая в зелени прекрасных садов, по справедливости может считаться самою красивейшею на всём протяжении правого берега реки Днепра, начиная от его порогов и кончая впадением в него реки Буга. Обилие воды, множество рыбы, богатство леса и зелени в плавнях обеих рек уже издавна привлекали, как и теперь привлекают, человека в этот приятный и замечательный уголок степи, где сходится Ингулец с Днепром. Отсюда немудрено, почему, уже с самых отдаленных времен, место слияния Ингульца с Днепром сделалось местом обитания человека.

Местность эта занята была человеком уже в доисторические времена каменного века, когда люди не знали ещё никакого металла и употребляли в домашнем и военном быту каменные орудия.

Первым доказательством этого служат находимые близ Фалеевки разные изделия каменного века: молотки, ножи, скребки, пилаки, пращи, долота и т. п. Против этого не может служить серьёзным возражением отсутствие находок каменных орудий в самой местности Фалеевки, — такие орудия находятся (на поверхности степи и курганах) близ Фалеевки — у Кинбурна, Николаева, речки Белозёрки по левому берегу Днепра, Таврической губернии, Мелитопольского уезда*, у самого Херсона, около Белозёрки по правому берегу Днепра и в других местах. Если же мы не знаем подобных находок в самой Фалеевке, то это лишь значит, что их там никто и не пытался искать.

Другим доказательством пребывания человека в каменном веке в Днепро-Ингульском углу служит присутствие естественных пещер в правом каменистом берегу речки Ингульца, близ Фалеевки; присутствие пещер даёт прямой повод думать, что в них не могло не жить первобытное доисторическое время человечество, привлекаемое сюда всеми удобствами местности. Всех таких пещер близ села Фалеевки пять, но из них самая замечательная пещера нижняя, на 10 верст выше устья речки Ингульца, между балками Драпачихой и Ворониной. По всем видам пещера эта относится к типу, так называемых, естественных пещер, устроенных самой природой во время всеобщего формирования земного шара; но нельзя не заметить в ней и следов рук человека: видимо человек, воспользовавшись ею, как готовым жильём, вместе с тем, в виду некоторых удобств жизни, расширил её устье, углубил основание и поднял потолок. Пещера эта идет под толстым слоем известняка, сложенного пластами, один над другим, в четверть аршина приблизительно толщины каждый пласт, в направлении от северо-запада к юго-востоку, т. е. от правого берега Ингульца в степь к могиле Буцовой, и имеет считанных 63 аршина в длину; по рассказам, однако, старожилов, вся длина её доходила до одной версты, а вершина оканчивалась у могилы Буцовой, где выход пещеры был будто бы прикрыт когда-то

* Ушров А. С. Каменный век в России. М., 1881. С. 81, 146.

большим камнем. Пещера начинается большим устьем, 4 аршина высоты и 3 аршина ширины, но после 7 аршин длины постепенно суживается и потом переходит в настоящую нору, по которой можно пробраться вдоль, лишь вытянувшись пластом. На половине всей её 63-х-аршинной исследованной длины имеется куполообразный свод, поднимающийся больше 3 аршин вверх, в котором человеку свободно можно встать, выпрямиться во весь рост и поднять руку вверх.

После незначительных археологических изысканий, в устье этой пещеры найдены были: фаланга человеческой руки, остатки костей разных степных птиц, несколько костей рыб, костяная, первобытных времён, игла, несколько углей и целые кучи золы. Случайные обстоятельства не позволили исследователю сделать основательных археологических изысканий близ устья пещеры, куда первобытный человек обыкновенно выносил разные отбросы из своего естественного жилья; но уже один внешний осмотр этой пещеры даёт полное основание думать, что если человечество могло жить в данной местности ещё в каменный век, то оно не могло оставить без внимания Ингульскую пещеру и не могло не укрываться здесь в дождь и в холод летом, а также не могло не жить здесь в стужу и в мороз зимой.

В расстоянии 25 верст от этой первой пещеры, по тому же правому берегу Ингульца, вверх от села Фалеевки, у деревни Федоровки, имеются ещё 4 пещеры, но они не так длинны (10, 12, 15, 18 аршин); идут не в одном, а в разных направлениях и построены не в один, а в два и даже три этажа. Здесь видно уже гораздо больше искусства, чем в первой пещере. Оттого разобраться в них довольно трудно, хотя ходить по ним гораздо свободнее, потому что высота их восходит от 3 до 10, а ширина от 2 до 5 аршин. Как кажется, все они некогда соединены были одним общим ходом и имели для вылазки с двух противоположных концов отверстия. Все они расположены параллельно правому берегу Ингульца, во многих местах обвалены землей и в настоящее время служат притоном для лисиц и волков. Разработка их потребовала бы слишком много времени и ещё больше того средств, но зато, вне всякого сомнения, она могла бы привести изыскателя старины к любопытнейшим открытиям.

И так, указанные археологические данные приводят к заключению, что местность села Фалеевки уже в доисторические времена обитаема была человеком.

Переходя от доисторических времён к историческим, мы встречаемся прежде всего с свидетельством отца истории, Геродота, жившего в V веке до Р. Х. Геродот, поднимаясь по Борисфену, т. е. по реке Днепру, вверх против её течения, даёт самые ранние исторические указания о поселенцах Днепровско-Ингульской местности. Применяя показания Геродота к данной местности и сообразуясь с картой Европейской Скифии, мы видим, что приблизительно в местности теперешней Фалеевки жило племя скифов-пахарей (*σχυδαί ἀρατρῆες*), сидевших в соседстве с алазонами, но отделившихся от них речкою Эксампасом, то есть, как полагают, речкою Мертвоводом*. Об этих скифах-пахарях отец истории говорил следующее: «Над алазонами обитают скифы-пахари, сеющие хлеб не столько для употребления в пищу, сколько для продажи»**.

Впрочем, касательно того, какое из скифских племен жило в местности между устьем Ингульца и низовьем Днепра существует несколько толкований: на карте Геродотовой Скифии Мищенко названное место совсем оставлено незаселённым; на карте Скифии Надеждина в местности между Ингульцом и Ингулом помещены скифы-кочующие; у Бруна здесь же поставлены скифы-земледельцы, а у Житецкого к местности Днепровско-Ингульской приурочены скифы-пахари, жившие, по его толкованию, по правую сторону Днепра, от его нижнего течения до вершины Буга и Днестра***.

Но из этих четырёх толкований толкование Житецкого кажется наиболее правдоподобным и наиболее согласным с действительною топографией той части Европейской Скифии, которая составляет теперь Херсонский уезд. Отсюда нам кажется правдоподобнее в местности теперешней Фалеевки

* Мищенко Ф. Г. Геродот. М., 1888. Т. 2, С. 449.

** Там же. С. 17.

*** Там же. Приложение; Надежин Н. И. // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. 1, карта; Брун Ф. К. Черноморье. Одесса, 1880. Ч. 2, карта; Житецкий И. Смена народностей в Южной России // Киевская старина. 1883. № 5. С. 15.

искать скорее следов скифов-пахарей, чем следов других каких-либо скифских племен.

На смену скифов-пахарей в Днепровско-Ингульском бассейне явилось одиннадцать других народностей, в течение времени от I по XI век, то временно проходивших здесь (как авары, болгары), то в течение многих лет обитавших в этих местах. Это были: геты, народ фракийского происхождения, в I веке по Р. Х.; роксоланы, народ сарматского происхождения, во II веке; ост-готы, народ германского происхождения, в конце II же века; гунны, народ славяно-тюркского происхождения, в IV веке; венеды, народ, как кажется, славянского происхождения, в VI веке; болгары, народ тюркского происхождения, в VI-VII веке; авары или обры, того же происхождения, в VI-VII веке; хозары или козары, в VIII веке; лугичи и тиверцы, народ славянского происхождения, в XI веке: «А улугичи (и) стиверцы сидяху по Бугу и по Днепру оди до моря»^{*}. Далее следовали народы исключительно тюркского происхождения: угры, иначе мадьяры или венгры, проходившие здесь в IX веке; печенеги или узы, жившие по обеим сторонам нижнего Днепра уже в X веке и разделившиеся на отдельные племена: торков, берендеев, турпеев, коуев или куев, касипеев, бабреев и бастеев, называвшихся впоследствии одним общим именем черных клобуков; наконец, половцы, иначе, кипчаки или куманы, появившиеся в южной России в XI веке и кочевавшие по Днепру от реки Самары до Черного моря^{**}.

С XIII по XV век главные места по нижнему течению Днепра, особенно в урочище Олешках, заняты были генуэзскими колониями, оставившими здесь следы своего пребывания в виде развалин разных крепостей и замков, кое-где уцелевших и по настоящее время^{***}. Судя по карте Риччи Занони XVIII века, в том месте, где сходится речка Ингулец с речкой Днепром, как раз на месте сада теперешнего владельца Фалеевски, на правом берегу Днепра, поставлена генуэзская крепость св.

Александра — «Aios Alexandri Kalasi»[†]. Но, по более достоверным сведениям, крепость св. Александра, или Александр-Шанцы, стояла на месте теперешнего города Херсона; она возведена была в 1737 году, во время русско-турецкой войны, и расположена на 17 верст ниже устья речки Ингульца, т. е. как раз на таком расстоянии, на каком находится теперешний Херсон от Ингульца^{**}. Впрочем, если верить князю Семену Мышецкому (1736-1740), то при устье Ингульца действительно некогда стоял какой-то городок, но кем он был построен и когда разрушен, осталось неизвестным^{***}. Находимые здесь в настоящее время человеческие скелеты, в различных видах погребения (даже стоя), показывают, что при устье Ингульца действительно некогда имелось какое-то поселение. Из актов XVIII века можно думать, что это была крепость Джан-Кермень: «А тот Ага-Акмяли перевез её через Ингул реку в лодке сам — осьмь под турским городом Джан-Керменем». В 1641 году эта крепость была взята вместе с Арслан или Асаян-Керменем, запорожским кошевым Михайлом Ханенком^{****}.

Господство генуэзцев в низовьях Днепра, а, следовательно, и при устье Ингульца, окончилось в 1475 году, вместе с завоеванием главного их города в Черноморском побережье, Кафы, турецким султаном Магометом II^{*****}.

На смену генуэзцев выступили в XV веке татары. Это была часть ногайских татар, так называемая джедиданская, едиданская или очаковская орда, получившая своё название от татарских слов «еди» — есмь и «сан» — счет, т. е. семисчетная орда. Кочевья этой орды приходились в теперешнем Херсонском уезде, т. е. как раз там, где сливается Ингулец с Днепром, при селе Фалеевке. Центральным городом едиданской орды считался город Очаков; это была самая многочисленная орда из всех ногайских орд, кочевавших в наших новороссийских степях: в

* Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871. С. 7.

** Житский И. Смена народностей в Южной России // Киевская старина. 1883. № 7. С. 437, 439, 440, 443.

*** Брун Ф. К. Черноморье. Одесса, 1880. Ч. I. С. 198, 199, 205, 206, 213, 217, 223.

† Эваринский Д. И. Вольности запорожских козаков. СПб., 1890, карта.

** ЗОИИД. Одесса, 1868. Т. 7. С. 166.

*** Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 72.

**** Акты ЮЗР. СПб., 1884. Т. 13. С. 457; 1877. Т. 9. С. 448.

***** Брун Ф. К. Черноморье. Одесса, 1880. Ч. I. С. 236.

1766 году в ней считалось около 40.000 кибиток^{*}; она управлялась несколькими мурзами, над которыми стоял один сераскер из рода крымских Гераев.

Следы татарских поселений близ теперешнего села Фалеевки сохранились ещё и по настоящее время: они разбросаны вдоль правого берега речки Ингульца, начиная от устья её и далее вверх. Типичным образом такого поселения может служить бывший аул на 12 – 15 верст выше устья Ингульца, в 50 – 60 саженях от берега речки к востоку. На месте этого аула видны следы нескольких ям с небольшою площадью посредине. В общем, по всем четырём сторонам, этот аул имеет около 250 сажен и представляет из себя продолговатый четырёхугольник, направлением от востока к западу. Остатки различных, находящихся здесь пережитков, в особенности весьма типичных глиняных кувшинов восточного изделия, с клеймами татарских и турецких начертаний, дают главное основание считать указанное пепелище и подобные ему за татарские аулы. Кроме того недалеко от места этого аула, у берега речки Ингульца, набросано несколько камней, с высеченными на них татарскими буквами. На основании этих указателей, означенное пепелище близ речки Ингульца всего естественнее отнести ко времени пребывания здесь татар едисанской орды.

Нужно также полагать, что со времени господства татар, если не раньше, в местности теперешней Фалеевки и самая речка получила своё наименование: Ингулец, Ангулец, Малый Ингул на тюркском языке произносится «иенкул», что значит «обширное озеро». Такое название как нельзя более оправдывается самым свойством речки; речка эта при своем устье имеет правый берег скалистый, возвышенный, левый редко возвышенный, большею же частью низменный, непременно покрытый густым и высоким камышом, течет коленами или уступами, под конец более, чем на версту расширяется и сходится с Днестром не прямо, а посредством Ингульской ветки, идущей параллельно Днестру две версты и окончательно сливающейся с ним у южного конца большого острова Дедова, протянувшего

гося вдоль Днестра на 16 1/2 верст. Устье Ингульца, при большой воде, имеет до 6 футов глубины, отчего в это время по нём могут подниматься вверх небольшие пароходы и большие лодки^{*}.

Татар сменили в местности Фалеевки запорожские казаки. Насколько знает история, татары существовали своими аулами в местности Днепро-Ингульского кута до 1774 года^{**}: с 1774 года, после мира России с Турцией в Кучук-Кайнарджи, обладателями этого места сделались запорожцы. Тогда Ингуло-Днепровский угол вошел в состав так называемой Ингульской или Перевизской паланки, т. е. Ингульского уезда или военного округа запорожских казаков; здесь, в открытой степи близ Ингульца, заведены были для семейных запорожцев так называемые зимовники, т. е. постоянные хутора или фольварки, а у самого Днестра устроен был перевоз для переправы шедших из Польши и Украины через Запорожье и Крым купцов и промышленников за солью и разного рода товарами. У этого перевоза, как у всякого другого, всегда находилась так называемая паланочная старшина, а именно – полковник, штафгар и писарь, которые ежегодно сменялись войсковою радой в Сичи и обязаны были взимать с проезжавших известную плату за перевоз через Днестр, вести приходо-расходные книги, выдавать купцам паспорта, разбирать между ними ссоры и тяжбы и назначать провожатых для обозов в местах небезопасных от разбойников и грабителей. Для помещения этих должностных лиц при перевозе имелось всегда несколько деревянных изб: большие для главных и малые для низших чинов. Место запорожского перевоза через Днестр указывают старожилы, на 2 версты ниже дома владельца Фалеевки, вниз по течению Днестра, в урочище Перевизке, где растет старый прекрасный сад, насажденный здесь ещё в XVIII веке, но уже после падения Запорожья. Если предание верно с действительностью, то лучшего места для переправы в данной местности трудно и придумать; правый берег Днестра, постепенно понижаясь, имеет здесь прекрасный спуск до самой реки, левый же представляет из

^{*} Чернявский, В. кн.: Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 88.

^{*} Запорожский Д. И. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890. С. 128.

^{**} Там же. С. 17.

себя низменную равнину, покрытую в летнее время густою и сочною травой, так необходимою для пастбы лошадей и волов на время остановок у перевоза. Как бы в подтверждение некогда существовавшего здесь перевоза, в урочище Перевизке и теперь находят деньги времени польского короля Сигизмунда III, XVI века, и русской императрицы Екатерины II, большие медные пятаки, конца XVIII века.

После падения Запорожья, в 1775 году, 4 июня, место при слиянии Ингульца с Днепром, под именем Ингульской дачи, «отведено» было, в 1780 году, 6 июля, «премьер-майору» Михаилу Леонтьевичу Фалееву. Был ли здесь до этого времени какой-нибудь посёлок, достоверно неизвестно; однако, из того обстоятельства, что Фалеев называет в духовном завещании это своё имение Ингульской дачей, можно думать, что оно даже и в это время оставалось незаселённым.

М. А. Фалеев — замечательная личность в истории Новороссийского края. Это был один из деятельных, энергичных и умнейших сотрудников князя Г. А. Потёмкина, умевший всегда угодить «светлейшему», вовремя «уклониться» от его частых вспышек гнева и крайней нетерпеливости, и потому всегда пользовавшийся громадным доверием «светлейшего». По происхождению он был купец из города Елисаветграда, Херсонской губернии; но, по данной власти Потёмкину, получил сперва штатский чин, а потом произведен в чин военный, последовательно майора, бригадира, наконец полковника, и сделан был «адмиралтейским обер-кригс-комиссаром» для заведывания всеми денежными расходами по судостроению днепровско-черноморской флотилии. Заслуга М. А. Фалеева состоит в том, что он был главным и самым деятельным сотрудником князя Потемкина в деле развития днепровско-черноморского флота, построения военно-портового города Николаева и сооружения каналов в днепровских порогах. К судостроению днепровско-черноморской флотилии Фалеев приступил в 1788 году, 29 июня, по случаю осады русскими войсками турецкой крепости Очакова.

По званию обер-штер-кригс-комиссара на Фалеева возлагалась масса самых разнообразных, больших и мелких, обязанностей, всегда с энергией и самоотвержением исполнявшихся

им, каковы: сооружение в городе Николаеве собора, основание Спасо-Николаевского мужского монастыря, построение кадетского корпуса, солдатских казарм, разных магазинов, мастерских, кузниц, токарен, турецких бань, холодных купален, канатных заводов, речных плашкоутов, мраморных для фонтанов бассейнов (в Николаеве и Богоявленске), водяных и адмиралтейских машин (на бугских порогах), ружейных заводов (там же), открытие водных источников, приискание для крещёных турок помещений, насаждение (около Николаева и ближайших к нему сёл) леса, садов и виноградников, культура «на английский манер» земледелия, сеяние хлеба, разведение поваренных растений (капусты, чечевицы, моркови и др.), изыскание в донских дачах каменного угля и шифера, промеры речек, изготовление плутов, население городских окрестностей и т. п.*.

Собственные средства, служба, милость светлейшего князя Потёмкина дали возможность М. А. Фалееву составить огромное состояние, в виде денежного капитала и недвижимых имений в разных местах разных губерний: 1) села Вольного с деревней Михайловской, на речке Самаре, близ теперешнего города Новомосковска, Екатеринославской губернии, доставшегося ему, по купчей крепости, от князя Григория Александровича Потёмкина; 2) деревни Андреевки, приобретённой, по купчей крепости, от князя Андрея Николаевича Щербатова; 3) несколько деревень в Бахмутском уезде той же губернии, купленных им от князя Григория Александровича Потемкина, генерал-майоров Василия Степановича Попова и Сергея Лаврентьевича Львова; 4) земли по какой-то речке Боровой, дарованной ему в виде пожалования; 5) несколько деревень в Костромской губернии, Бувеского уезда, купленных им в московском магистрате с аукциона; 6) деревни Архангельской, доставшейся ему, по купчей крепости, от князя Григория Петровича Гагарина, но неизвестно где находившейся; 7) дачи Ингульской,

* ЗОИИД. Олесея, 1858. Т. 4. С. 363, 364, 369, 371, 372; 1881. Т. 12. С. 256, 352; 1883. Т. 13. С. 182, 183, 187.

на балке Ворониной, при слиянии речки Ингульца с рекой Днепром с существовавшим здесь винокуренным заводом[▲].

Михаил Леонтьевич Фалеев умер неженатым и погребён в городе Николаеве, у алтаря соборного Николаевского храма. На его могильном памятнике сделана следующая надпись: «Обер-штер-крюгс-комиссар флота бригадир и кавалер Михаил Леонтьевич Фалеев. Муж чести и добра, ревностный помощник князя Потёмкина-Таврического в деле образования черноморского флота. Скончался 18 ноября 1792 года, в 6 часу по полудни, после десятидневной болезни»^{▲▲}.

После смерти Фалеева последнее из его имений, Ингульская дача, досталась надворному советнику Фёдору Савельевичу Комстадиусу. В завещании Фалеева от 1790 года, 22 февраля, на этот счёт сказано: «Забыл упомянуть о даче моей Ингульской, которую отдаю в вечное и потомственное владение давнему приятелю моему Комстадиусу, с тем, чтобы он выдал служившему у меня прапорщику Митрофану Свиягину три тысячи рублей». В этом завещании, однако, не говорится, сколько десятин заключала в себе Ингульская дача, дарованная Фалеевым Комстадиусу; но из завещания самого Фёдора Савельевича видно, что дело шло о 4.500 десятинах; из других же фамильных документов оказывается, что часть Ингульской дачи завещана была Фалеевым ещё родной племяннице его от умершего брата подполковника Петра Фалеева, Авдотье Петровне Родзянкиной и что последняя продала свою половину, состоявшую из 4.500 десятин удобной и 3.606 с 991 кв. саж. неудобной, по купчей крепости 1793 года, 17 сентября, надворному советнику Фёдору Савельевичу Комстадиусу за 3.000 рублей ассигнаций. К 8.100 десятинам Фёдор Савельевич Комстадиус, в 1795 году, июля 22 дня, приобрёл ещё 6.000 десятин земли от бывшего сенатского обер-секретаря, действительного статского советника Лашкевича; кроме того, за ним числилось ещё

3.800 десятин пашен на левой стороне Днепра «по границу речки Конки», что все вместе составляло 17.916 десятин.

Получив в собственность Ингульскую дачу, Фёдор Савельевич Комстадиус населил ее выходцами из Полтавской и Черниговской губерний и назвал в воспоминание фамилии своего благодетеля Фалеевкой; но прекрасные сады, разведённые здесь Фёдором Савельевичем, подали повод местным крестьянам называть Фалеевку Саловой, с каким названием это село известно в настоящее время как на языке простого народа, так и на официальных бумагах.

Род Комстадиусов идет от 1585 года, что можно видеть из рукописного труда Форзандера «Истории родов Смоленской провинции», писанного на шведском языке и хранящемся в городской библиотеке Векшио. От 1636 года сохранились в той же библиотеке города Векшио⁷² [...] профессора [...] Петра Бенедикта Комстадиуса, родом из города Комстат[▲].

Фёдор Савельевич Комстадиус, как видно из его фамильных бумаг, состоял в дворянском звании «с самодревнейших времён». Прадед его был Карл Комстадиус, женатый на Марии Велямовской; отец был Савелий или Савва, женатый на Апполонии Одяницкой; о первом, кроме его имени, нам ничего неизвестно, о втором известно лишь то, что он «состоял батальонным адъютантом при артиллерии в Стральзунде». Сам Фёдор Савельевич родился лютеранином в польской деревне Любовичах, Радомского повета, служил в польской армии и в 1791 году, при короле польском Станиславе-Августе, получил чин надворного советника, хотя уже дед его, Карл, имел у себя старый польский герб Наленч, существовавший здесь от 968 года, со времени короля Мечислава. Ещё в Польше Фёдор Савельевич сошёлся с главными деятелями масонской ложи и уже там получил от них грамоту, помеченную 1772 годом в Варшаве, на звание брата общества — «Bruder Friedrich Comstadius». В это же время, состоя в польской службе, Фёдор Савельевич познакомился с русскими офицерами в Молдавии, в компанию 1770 — 1774 годов и тогда же решил поступить на службу в Россию.

[▲] В 1790 году Фалеев предлагал Потёмкину 13000 ведер палки по 3 р. 40 к. за ведро для уплаты долга, взятого им из университетской суммы. См.: ЗООИД. Одесса, 1875. Т. 9. С. 251.

^{▲▲} Там же. 1883. Т. 13. С. 294.

[▲] Эти сведения добыты владельцем Фалеевки Н. Н. Комстадиусом во время специальной поездки его в Швецию в 1892 году.

Приехав в Россию, он каким-то образом попал на юг, познакомился с Л. М. Фалеевым и сделался его верным другом и сотрудником до самой смерти последнего.

Из фамильных документов Комстадиусов видно, что Фёдор Савельевич, перейдя на службу из Польши в Россию, старался упрочить свои родовые права и в новом отечестве; так, в 1806 году он был утверждён в дворянском звании в городе Киеве, хотя по вероисповеданию оставался по-прежнему лютеранином. Из тех же документов видно, что Фёдор Савельевич был женат на Доротее Дёринг (страстно любил и обожал её, прожив с ней 21 год, пока не лишился «дорогой жены и истинного друга» вследствие несчастных родов её), с которой имел 13 детей. Но из тринадцати законных детей его оставалось в живых до зрелого возраста 5-три сына и две дочери: Август, Карл, Антон, Елена и Каролина. По духовному завещанию 1813 года, 21 июня, он разделил свое имущество между своими детьми следующим образом: 6.300 десятин для на трёх сыновей — Августу — Садовую с Перевизкой, Карлу — Дарьевку, названную от имени жены Фёдора Савельевича, Доротен, Антону — Тягинку, от которого она потом стала называться Антоновкой^{*}; Елене 2.100 десятин земли в Киевской губернии, Уманского повета, купленные Фёдором Савельевичем в 1809 году, на которых основана была деревня Еленовка; Каролине также 2.100 десятин земли, смежно с землёй сестры, где осажена была деревня Фёдоровка. Кроме того, от отца Фёдору Савельевичу, Савелия Карловича, оставались ещё в Швеции, в провинции Смоланде, в губернии Энгспинге, половина деревни Гилари и четвертая часть деревни Боартопоша, «где отдают на службу в пехоту рекрут».

Из трёх сыновей Фёдора Савельевича, Августа, Карла и Антона, важную роль играл в служебном и административном поприще старший, Август Фёдорович. Он родился в лютеранской вере, в 1777 году. Из его послужного списка видно, что он служил сперва в военной службе; потом, по увольнении из неё, избран был предводителем дворянства Херсонского уезда; в

1821 году назначен херсонским гражданским губернатором, управляя одно время (с 28 января по 25 марта 1822 года) «совокупно» Херсонскою и Екатеринославскою губерниями. В этой должности он произведён был сперва в статские, потом в действительные статские советники. В 1828 году был уволен от должности херсонского гражданского губернатора, но зато вскоре после этого назначен управляющим полевого комиссариата во время действовавшей тогда русской армии против турок[†], и с армией был при переправе через Дунай и при переходе через Балканы; в следующем году Август Фёдорович назначен был генерал-интендантом той же армии и произведён в тайные советники, потом, 21 сентября того же года, по расстроенному здоровью, уволен от службы с содержанием 6.000 рублей в год, «вперед до поступления на службу по выздоровлении».

Август Фёдорович Комстадиус женат был на дочери майора Василия Ивановича Синельникова, Авдотье Васильевне, и имел от неё двух дочерей и двух сыновей, Николая и Фёдора. Наследником [...] ⁷⁴ В настоящее время село Фалеевка принадлежит сыну Николая Августовича, Николаю Николаевичу Комстадиусу[‡].

Ниже села Фалеевки следует урочище Перевизка, потом деревня Антоновка — Широкая, затем монастырь Перепелицын и наконец город Херсон[§].

Город Херсон основан князем Г.А. Потемкиным в 1778 году, как кажется, на месте крепости Александршанца, построенной русскими войсками в 1737 году, при впадении р. Кошевой в Днепр. При основании Херсона устроены были крепость, верфь, адмиралтейство, арсенал, монетный двор^{*}, пароводная пристань, второклассная таможня и пр. Предполагалось сделать Херсон торговым и военным портом. Но эту роль он выполнял недолго. С основанием в 1788 году г. Николаева, на Буге, и г. Одессы в 1795 году, на Черном море, Херсон должен был уступить первому свое значение военного порта, а второму — значение торгового рынка. После этого и черноморский флот (в 1795 г.) и адмиралтейство (в 1826 г.) перешли в

^{*} Остров Тягинка на реке Днепре зашедши был пополам Августу и Антону; теперь деревня Тягинка от балки, на устье которой она стоит, называется Широкой.

^{*} Верфь — ниже теперешней учительской семинарии; адмиралтейство там, где теперь архиепископский дом; арсенал, где теперь тюрьма; а монетный двор — ниже тюрьмы.

Николаев, а крепость (с 1835 г.) совсем упразднена, и Херсон с 1803 года оставлен только губернским городом.

Из запорожских вещей в Херсоне сохранилось немного. Все они хранятся в церкви св. Екатерины, построенной в крепости на северной окраине города. Евангелие московской печати 1748 года, с надписью: «Сие Евангелие сооружено запорожцем славного войска Низового куреня Дядьковского знатного товарища Андрея Кичкина; коштом и старанием его. Серебра в нем полпята фунта и лот. На позолоту его вышло червонцев шесть. Делал же шпук-мейстер Симеон Золотар в богоспасаемом граде Киеве». Евангелие московской печати 1785 года, с надписью: «Запорожская Сичь Екатерининскому собору». Крест кипарисовый, обложенный серебром, полторы четверти высоты, с надписью: «Сей крест до церкви Сичевой Покрова Пресвятыя Богородицы серебра церковного с тщицем Онисыа Горбика». Кроме названных вещей в той же церкви хранятся еще четыре ризы, дар запорожских козаков: одна с изображением сошествия Св. Духа, другая с изображением Крещения, третья с изображением Успения Богородицы и четвертая с изображением Троицы.

Из Херсона я направился шаландою в город Алешки, Таврической губернии, Днепровского уезда, где была у запорожцев Сича, Алешковская.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ой піднявся орел з Великого-луту
Та й почав склякати орлянти до кругу:
Злігайтеся, діти, годі вже сидіти!
Чи така ж година? Ой як важко жити!
Полинемо, братіі, на рідні могили,
Бо ті могили славу нашу вкрили...¹

Алешки очень древний город. Нумидийскому географу Эдрисии он известен был под именем Алеска, у итальянцев он назывался Елехе, или Елехе, что подало повод известному путешественнику Иосафату Барбаро XIII в. назвать и самый Днепр именем Елеси, тогда как другому путешественнику, Плано Карпини, это же самое подало повод назвать Днепр именем Laresse. Профессор Брун доказывает, что местоположению теперешнего города Алешек соответствует прославленная Геродотом лесная область Гилея*. Возникши на месте или близ греческой колонии Александры, Алешки становятся известными под именем Олешья уже со второй половины XI столетия и служат промежуточным пунктом в торговле между Киевом и Царыградом. «В се-же лето (1084) Давид зая грекы в Олешьи... Бышю же граду велику, пойдюша возы к плаву, божию же милостию придоша лодии из Олешья, и приехаша в них на Днепр, и насытшася рыб и вина»**. Но затем с XIII века, со времени нашествия татар, Олешье как бы совершенно исчезает и появляется уже в начале XVIII века, под именем Алешек; с 1784 года они делаются уездным городом Таврической губернии, Днепровского уезда. Город стоит при двух реках: Конке и Чайке, в 17 1/2 верстах от Херсона, если на-

* Брун Ф. О позднейших названиях древней Гилеи // ЗООИД. Одесса, 1858. Т. 4. С. 236—239.

** Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871. С. 320, 346, 357.

ти к нему по Конке, и в 12, если идти по Овдинову ерику^{*}; с трех сторон он окружен глубокими, бело-желтоватыми песками, известными у местных жителей под названием кучугур. Кучугуры — страшный бич для Алешек; они давно бы покрыли собою город, если бы жители не пришли к счастливой мысли разорать окрестности города и засадить их красной шелюгой, которая одна в состоянии удержать зыбкий песок на одном месте.

Для занимающихся историей запорожского козачества Алешки важны, как место бывшей здесь Сичи, основанной «на полях татарских, кочевьях огарянских» кошевым атаманом Константином Гордиенком². Алешки было некогда местом запорожской Сичи, когда запорожцы жили за татарами; в русско-турецкую войну XVIII века в нем был устроен магазин, обнесенный ретраншементом, а для зимнего помещения войска вокруг того ретраншементы покопаны были землянки³. Трактатом 1712 года в Константинополе Россия отказалась от своих прав на Запорожье и признала его улусом турок, а запорожцев — райими⁴ Порты⁵, в команде ханских сераскиров⁶. «Его царское величество весьма руку свою отнимает от козаков с древними их рубежами, которые обретаются по сю сторону Днепра и от сих мест и земель, и фортец, и местечек, и от полуострова Сечи, который сообщен на сей стороне вышеупомянутой реки». Запорожцы так постепенно ушли из своих владений во владения турок, что едва только успели захватить с собой свои походные церкви, сделанные в виде холщевых и кленчатых палаток; духовенство явилось к ним уже после, частью из Польши, частью из Афона, а частью из Иерусалима и Константинополя. Так, в это время настоятелем войскового духовенства в Алешках был архимандрит Гавриил, родом грек, и только с 1728 года прибыл к ним православный русский священник Дидушинский. В Алешках запорожцы испытали много кривд и притеснений со стороны татар и турок. У них отнято было отведенное им вначале низовье Днепра до его порогов; их продавали в рабство на турецкие гадриги или морские суда, их принуждали воевать с своими соотечественниками малороссийски-

^{*} Ерик впадает в Конку, а Чайка в Караванский лиман. За запорожцев Чайка исходилась з Конкою, а теперь Чайка сама собі, а Конка сама собі».

^{**} ЗОИИД. Одесса, 1867. Т. 6, стр. 53

ми козаками. Вдобавок к этому и в России не забывали об измене запорожцев: «Козаков изменников, — сказано было в инструкции 1725 года на имя генерал-майора Чернышева, губернатора Азовской губернии, — козаков изменников-запорожцев и прочих ни с товары, ни для каких дел в губернии и никуда в великороссийские города, также и из той губернии и ни откуда чрез ту губернию туда на Запорожье с товары, ни за добычею и ни с чем отнюдь не пропускать»^{*}.

«Ой Алешки, довго ми вас будем⁴ знати, —
І той лихий день і ту лихую годину;
як тяжку личину
Будем довго споминати»⁵.

В настоящее время в Алешках от более чем двадцатипятилетнего пребывания здесь козаков осталось очень немного памятников, чтобы не сказать ничего. Жители Алешек даже и не знают о том, что на месте их города была некогда запорожская Сича. В местной церкви никаких остатков старины не сохранилось. Если что и уцелело от запорожцев в Алешках, так это небольшое земляное укрепление; оно находится на полторы версты выше города к востоку и состоит из длинных, полузасыпанных песком канав с высокими валами. В общем оно представляет из себя форму бастиона с тупыми углами, с воротами с южной стороны, примененного к местности⁶. На 250 сажен западнее от укрепления, против впадения в реку Конку речки Лазнока⁷, старожилы показывают место бывшей Алешковской Сичи. По рассказам стариков, Феоктиста Горбатенка, Василия Кирияша, Афанасия Плохого и Данила Бурлаченка, Сича оставалась вцелое до 1845 года, когда, по распоряжению правительства, в виду опасности от песчаных кучугур, грозивших засыпать весь город Алешки, была разорана и засажена красной шелюгой вместе с ближайшими окрестностями ее. Насколько помнят названные старики,

^{*} Свод законов Российской империи. Т. 6. № 4700. 1725, апр. 22.¹

^{**} О запорожских укреплениях нужно сказать, что они весьма часто отличаются исправленным характером построения, но зато изобилуют громадным умением козаков приспособиться к условиям местности. Впрочем, это всегда бывает там, где предоставляется большая самостоятельность сдвигам, чем массам.

^{***} Устье Лазнока служило у запорожцев пристанью. Лазнок берет свое начало в плавнях, тянется на протяжении трех верст, глубины имеет до трех сажен.

Потемкин, охватываемый с правой⁷ стороны Новым или Ольховым Днепром, с левой⁸ — Старым — Днепром⁹ и речкой Конкой с Кардашинским лиманом, и имеющий длины четыре версты, ширины две с половиной. На острове Потемкинском, там где в Днепр впадает Прогной (на земле Герцы), против речки Конки, за сенокосом и небольшой впадиной, на большой поляне, имеются высокие бутры пепла, из которых кое-где торчат человеческие кости. Местное предание говорит, что эти кости принадлежат запорожцам, сожженным здесь однажды, вместе с куренями, татарами: татары внезапно напали на запорожцев в первый день Пасхи, когда козаки беспечно предавались веселью, и всех их, до единого, положили на месте. Это предание подтверждается остатками человеческих костей, в беспорядке разбросанных по поляне острова; между этими костями попадаются иногда и целые скелеты. Против южного конца острова Потемкина¹⁰ за речкой Конкой раскинулось большое село Голая Пристань, известная в источниках XVII и XVIII века. Далее следуют острова Галухин и Запорожский между рекой Кошевой справа и Ольховым-Днепром слева, против деревни Арнаутки, что у правого берега Днепра. Ниже острова Запорожского, по тому же берегу, соединяется с Днепром Бело-озеро. Против Бело-озера, с левой стороны, стоит женский монастырь, а за ним село Белозерка или Шкаловка, с 1784 года принадлежавшая генерал-поручику Ивану Абрамовичу Ганнибалу, а затем перешедшая к графу Александру Андреевичу Безбородку^{*}, и после него поступившая в собственность подполковнику Балтазару Балтазаровичу Скодовскому. Ниже Бело-озера и села Белозерки впадает в Днепр, с правой стороны, речка Кошевая, а против ее устья, среди Днепра, стоит большой остров Погорелый, длины десять, ширины шесть верст, ниже которого, с правой стороны, идет речка Корабелка. Речка Корабелка¹¹, у запорожских козаков Коробка, или Коробская. Ниже Корабелки, с левой стороны, следуют село Голая-Пристань, река Серединка; с правой — хутор Глиншце¹², остров Касперовский, село Касперовка¹³ с чудотворной иконой Касперовской Божией матери, реч-

* В 1787 году, 14 мая, в Белозерске останавливалась императрица Екатерина II, по время своего путешествия по Новороссии. Здесь она обедала у графа А.А.Безбородка. Журнал путешествия Екатерины II. М., 1787. С. 68; Дневник Храповицкого. СПб., 1874. С. 35.

ка Пидпильна, впадающая в Днепр чрез Дилово озеро и гирло Ревач, с правой стороны. Ниже Касперовки идут села: Кизимыс (т. е. Девичий мыс, теперь произносят Кизий-мыс) бывшая турецкая крепость, построенная турками для содержания в ней милиции на случай набегов запорожцев; далее село Софиевка, принадлежащее владельцу Русову¹⁴, село Збурьевка, у Збурьевского лимана, по левому берегу Днепра; рукава¹⁵ Днепра, с левой¹⁶ стороны, Белогрудовский и¹⁷ Збурьевский, пристань Глубокая, деревня Широкая¹⁸, с правой стороны¹⁹, остров Янушев²⁰, остров Вербки²¹, и, наконец, местечко Станислав, с правой²² стороны, у устья Буга.

У устья Буга кончались владения запорожских козаков; отсюда они шли уже понад левым берегом реки вверх до впадения в нее р. Синюхи. Первое село на этом пути — Александровка или Штыхова, — имение владельца Е. И. Милорадович. Близь этого села есть два замечательных места в истории запорожских козаков: место, где погребен запорожец Коношко, и место, где пребывал Семен Козарь, так называемый «Семенов-рип». Крест стоит в одной версте от усадьбы владельца, над проезжей дорогой; он обнесен деревянной оградой, по мысли управляющего имением Л. В. Скубы, и с южной стороны имеет такую надпись: «Бывшего войска запорожского козак куреня платнеревского zde(сь) опочивает раб божий(ий) Василии(ий) Коношко блаженно памяти 1782 году месяца генваря 21 дня». Семенов-рог* находится на двенадцать верст ниже села Александровки, на полторы версты ниже хутора Хаблова, и представляет из себя небольшую площадку, у самого берега реки, отгороженную с востока и запада естественными обвалами, а с севера — небольшой канавой с валом, длины 150 шагов. Судя по тем холмикам и ямкам, которые кое-где разбросаны на месте Семенова-рога, можно думать, что тут действительно было какое-то жилье, но какое и когда именно, этого без основательной раскопки сказать, конечно, нельзя. Место Семенова-рога замечательно тем, что на нем многие летописцы, как малороссийские, так и польские, полагают начало запорожского козачества. Был в Польше какой-то воин Семен; в 948 году, «для битвы диких коз», кабанов и разной дичи, он оставил место своей родины, пришел на устье реки Буга, выбрал здесь самое лучшее место, косу

или рог, и стал промышлять на нем. Так прожил он здесь год и возвратился на родину. Но, побывав на Буге раз, он захотел побывать на нем и в другой раз; теперь уже Семен отправился не один, а с ватагой более чем в сто человек промышленников, избравших его своим атаманом. На этот раз ватага прожила много лет на Буге, сшила себе кафтаны и штаны из кож диких коз и так прославилась потом, что сделалась воинством, получившим название козар или козаков*.

Выше Семенова-рога идут деревни Лупарева-балка, Зайцева, иначе Евфимовка, и село Кисляковка. В последней обращает на себя внимание небольшая каменная, но весьма оригинальная церковь. Из церковной описи видно, что эта церковь, во имя Спаса, построена еще во второй половине прошлого столетия (1772 года) запорожскими козаками. Стены ее сделаны из дикого камня и имеют до двух аршин толщины. Внутренняя обстановка церкви уже несколько раз изменялась после запорожцев. Колокольня, также каменная, построена отдельно от церкви и не с западной стороны, как принято строить, а с юго-восточной; она имеет вид четырехугольной, несколько удлиненной, башни в два этажа, с амбразурами, двумя широкими дверьми, одна против другой, с востока на запад, и двумя камерами внутри. Колокольня поставлена таким образом, что одна дверь ее стоит направлением вдоль реки Буга, а другая — вдоль Днепровского лимана. Отсюда очевидно, что она приспособлена была архитектором к боевым целям.

От времени запорожцев в церкви осталось несколько книг, икон и утвари. Из утвари сохранилось два малых серебряных ковчега и одна серебряная позлащенная чаша, а из книг — полное собрание четь-минеи киевской печати 1750 года, апостол, октоих, триодь шестая, — все киевской печати 1765 года, — и собрание поучений без обозначения города, но в царствование императрицы Екатерины II. Из икон интересны местные: иконы Спасителя и Богоматери, длины 7 четвертей, ширины 4 четверти; рисунок превосходный. Обе находятся в колокольне. Там же стоит прекрасной работы аналой, несколько хоругвей, крестов, камильниц, столиков и т. п. Выше Кисляковки идет город Николаев, стоящий при впадении реки Ингула в реку

* У Боляна Семенов-рог известен под именем *Seменовrug'a*. Болян Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 30.

* Милорадович С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 1-2.

Буг и основанный уже после падения запорожской Сичи, в 1788 году, за Николаевом следуют села: Арнаутówka, Новоигорьевка, Булгарка, далее река Мертвовод, с притоками Арбузинкой и Костоватой, и при устье её город Вознесенск, у запорожцев Соколы. За Вознесенском — небольшое село Александровка и за Александровкой **небольшой хутор**²³ Кременчук. Здесь, между этими двумя селами, через реку Буг, у запорожцев существовал небольшой брод Чортайский. «Ниже оного гарду в несколько верст на той реке Бугу имеется брод прозванный чортайский, но чрез оный брод никакого проезда иметь невольно и не допускается, а бывало прежде козаки сичовие верхом лошадей чрез тот брод проезжают за какою-либо их добычей и то разве скритным образом, да той переезд чрез оный брод верхом лошадей бывает в самое время малой воды и то с опасностию от быстрого течения воды, так что и возы и коня свалит, но во время великой воды никакому проезду бить невозможно»²⁴. По-видимому, это тот же самый брод, о котором упоминает и князь Мышецкий, «на Буг реке, к Мертвым водам, где купцы из Польши, Малороссии и прочих мест хаживали в Очаков и из Очакова»²⁵.

За селом Кременчуком следует местечко Константиновка Елисаветградского уезда, за речкой Малым-Ташлыком. Близь Константиновки замечательны три места в истории запорожских козаков: гард, бывшая переправа и пороги. Гард находится на три версты ниже Константиновки в реке Буге и представляет из себя ни больше, ни меньше, как греблю или «китень» для ловли рыбы. Он устроен из двух перегородок наподобие лестниц, положенных боком одна против другой в воде между камнями и немного полурастворенных, чтобы в них могла проходить без особого затруднения плывущая вверх рыба. Этот гард устроен в том именно месте порога, где река суживается с обеих сторон камнями и имеет небольшую «тычию» (струю) близ правого берега Буга. Таких гардов на Буге два: старый или козацкий и новый или архиерейский. Последний находится ниже первого на версту и называется архиерейским потому, что со времени поселения в Екатеринославском наместничестве архиерея, он отошел для архиерейского двора. Рыбы здесь ловилось чрезвычайное множество: в несколько часов ею нагружали пять-шесть и

даже больше возов, и то брали лишь большую, а малую вновь бросали в реку. Теперь в архиерейском гарде ловля рыбы совсем воспрещена.

Тотчас ниже гарда, среди Буга-реки, стоит остров Гардовый, ликий, скалистый и по краям заросший густою травой и высокой лозой. На одном из камней Гардового острова показывают место, где стояла у запорожцев церковь, разрушенная козаком-ренегатом Саввою Чалым, о котором еще и теперь поют песню наши слепцы-бандуристы...

«Ой був в Січі старий козак,
прозванієм Чалий,
Вигулював сина Саву
козакам на славу.
Ой не скотів та пан Саву
в Січі пливати,
Та поїхав він у Польщу
ляхів захищати...
Пішов же він до ляшеників
слави добувати,
Та з ляхами ж святу церкву
в німч повертати.
І до Гарду козацького
насунув з ляхами,
Зруйнував він славі місце
понад берегами».

У левого берега Буга, против Гардового острова, стоят три огромнейших скалы: Сова, Брама и Пугач, возвышающиеся над берегом реки наподобие отвесных стен и имеющие около двадцати пяти сажен высоты. На камне острова Гардового, против скалы Пугача, сделано подобие подковы, а среди степи, против того же Пугача, на сером граните, выбита человеческая рука, в коей одна кисть имеет семь с половиной четвертей, а большой палец — три четверти. Прямо против руки, только на сто сажен южнее в степь, насыпана небольшая, но живописная могила. Такие указатели, как скалы Пугач, подкова, рука, могила, послужили живой канвой для создания следующей легенды:

* Из актов собственного собрания. 1753, 20 мая.

** Мышецкий С. И. История о казаках запорожских, Одесса, 1852. С. 21.

Это было еще тогда, когда здесь жили запорожцы. Страшный народ был! У каждого по семь пудов голова, у каждого такие ушища, что бывало как возьмет он их в обе руки да как расправит один ус туда, а другой сюда, так и в дверь не влезет, хоть бы в нее целая тройка с повозкой проскочила; они умели на двадцати языках говорить, они могли из воды сухими выходить, они умели и сон насыщать, и людей замовлять, и котами перекидываться, и в речки переливаться; они имели у себя такие «зерцала» (зеркала), через которые за тысячу верст видели, они были такими искусниками, что, бывало, только дотрется который-нибудь из них до «скрыни» (сундук), то она так сама собою и «одчинится». Вот какой народ был! «Вельглюди, знаюки, у, яки знаюки! На всяки примусни способни...» Вот и задумала их «звести царя». Но что она им ни делала, а вреда не принесла никакого: пробовала «и в арканы убираться», и в воде вытопить, и бомбами выбить, так нет, и не вбрала, и не вытопила и не выбила. Он вот это схватит в голую «каменю» бомбу да и смотрит на нее, а она «ж шкварчить, а ему и байду же». Потом подержит-подержит, поднимет вверх, размахает-размахает да и шпурнет назад «миз москалив». Наконец и самим запорожцам опостылела такая жизнь: все от них бегут, все их боятся. Тогда они собрались вот тут, где стоит могила и против нее лежит камень-гранит, и с общего согласия решили броситься в реку Буг. Сперва выехал на коне кошевой, снял шапку, перекрестился на все четыре стороны, слез с коня, подошел к камню, ударил по нему рукой, и вышла точь-в-точь рука атамана: «Нехай знают, який кошевой був у запорожців!» Сел на коня и отъехал в сторону. За ним выскочил есаул. Подъехал к камню, снял шапку, перекрестился на все четыре стороны, слез с коня, ударил рукой по камню, и вышла рука есаула. «Батьку кошовый, а подивись, чи й я такий?»

За есаулом судья, за судьей писарь, а за писарем уже простые козаки. Все попрощались с светом, посадились на коней и помчались. Впереди летел атаман. Как разыгрался он на коне, как разыгрался, да так и вскочил на могилу! А оттуда как разогнался, как разогнался да прямо на двадцатипятисаженную скалу! А со скалы как шархнется вниз на остров. «Пугу-пугу!» да и пошел вместе с конем на дно реки, от коня только след на острову... «Пугу-пугу!» — вскрикнули все остальные козаки и бросились вслед за кошевым... И теперь они где-то плавают под водою, на самом дне Буга-реки... А «скала Пугач» стоит

одинокое и уныло смотрит в бесконечную пропасть и ревушей и стонущей реки...

На четверть версты ниже скалы Пугача и козацкого гарду существовала у запорожцев старая переправа через реку Буг, к которой вела, с левой стороны, балка Паланская. В этой балке, против бывшей переправы, в настоящее время сохраняются запорожское кладбище, место кузницы и тридцать пять ям, расположенных по взгорью Паланской балки и свидетельствующих о несомненном пребывании здесь запорожцев.

Во время запорожцев от Сичи к гарду вели два тракта: низший и высший. Первый шел на рр. Солоную, Базавлук, Каменку, Малый-Ингулец, Добрую-Висунь, село Балацкое, реку Великий-Ингул*, безводными степями на протяжении семи миль, речки Кудый-Еланец, Сухой-Еланец и Великий-Еланец**, село Белоновку, р. Мертвовод и Малый-Ташлык, отсюда в гард. Второй шел на рр. Солоную, Базавлук, Каменку, Саксагань, Малый-Ингулец, Боковую-Висунь, Великий-Ингул, Костоватую, Камышевскую, Гарбузинку, село Бановку и р. Малый-Ташлык. Это так называемый Гардовый шлях; он замечателен своею прямою и на пространстве 300 верст шел без всяких извилин и уклонений; теперь он не существует. Обе дороги, особенно нижняя, пролегали через край дикий, пустынный, малонаселенный и малолесный. «На речки Малом Ингуле, по Саксагане и от Саксагане(-и) на низ Ингульца миль на десять(и) а на Великом Ингуле до верку Балацкого, которое от Гарду вниз до десяти миль состоит, зимовники запорожские имеются, а ниже Балацкого никаких зимовников нет, в лето ж хоча по над лиманом для рыбных ловель и друтих добит звериних козаки живут(и) почему все выходят как зимовники; да между тем трактом от Сечи до Гарду идут чрез все ж те места между речками Днепром, Бугом и лиманом простирающимися(и) к турецкой стороны никаких поселений нет; и есть тот степ дикий и от поселений Российской империи состоящий в далеком разстоянии(и) лесов никаких нет, кроме на Громоклен, которая выше Балацкого впадает в Ингул, имеет байрак лесной разстоя-

* «Ингул» по-татарски «иен-кул» — обширное озеро.

** «Еланец» по-татарски «елан» — лужайка, поляна.

нием от Балацкого с милою; да на речки Малом Ингулу, Балацком и по Буту терновники и чащники малые бедно имеются»^{*}.

Бугские пороги начинаются как раз против Константиновки и идут выше её; всех их здесь семь: Теплицкий, Пышенинский, Лопатовский, Подорожнинский-первый, Строцкий-первый, Строцкий-второй, Подорожнинский-второй. Между этими порогами стоят четыре острова: Константиновский-первый, Константиновский-второй, Кирияковский и Подорожнинский, из коих первый покрыт громадным дубовым лесом.

Выше Константиновки идет колония Новая-Линдау, против которой впадает в Буг р. Малый-Ташлык^{**}, потом село Семеновка, бывшее военное поселение, против которого в Буге стоят новые семь порогов: Палиенковский, Лысенковский, Давидинский, Розидоровский, Войстриженский, Македонцовский и порог Чернечий, и между семью порогами четыре острова: Барановский, Наумовский, Мисниковский и Семеновский, из коих первые три названы по именам владельцев, а последний по имени села Семеновки.

За Семеновкой следует село Мигин, против которого в Буге возвышаются еще четыре порога: Мигинский-первый, Запорожский, Мигинский-второй и Компанийский. Из четырех особенно замечателен Запорожский порог. Этот порог совсем не то, что порог на Днестре. Представьте себе огромнейшую скалу, высоты сажен около пятнадцати, ширины сажен около десяти, которая, подобно искусственному мосту, перекинута с одного берега реки на другой, и это будет Запорожский порог на Буге. Вода, бегущая по реке, встретив на своем пути неодолимое препятствие, в виде Запорожского порога, бросается направо и налево, в оба берега, размывает себе небольшие жолобы между скал и с страшным ревом устремляется вперед. Для полного представления о Запорожском пороге, представьте еще себе огромнейшую скалу, вдвое выше той, которая протянулась поперек реки, стоящую у левого берега Буга, против самого порога и носящую название Протичанской скалы. С неё, как с высоты птичьего полета, открывается великолепнейший вид на всю эту страшную пучину, которая называется Запорожским порогом. На ней же можно видеть подобие подковы и звезды, выбитые на скале Бог весть

кем и Бог весть в какое время. Против Компанийского порога стоит замечательная скала Компанийская, на которой показывают две пещеры, — одну длины 15 арш., которая носит название «Кузни», потому что в ней находят много углей, а другую длины 2 арш., в нее можно влезть только животом, и одно так называемое Гайдамацкое сидение, род естественного дивана, сделанного на скале и имеющего 11 арш. длины, 3 четв. ширины и 6 четвертей высоты (спинки). Против Компанийской скалы стоит в Буге длинный остров с тем же названием, покрытый сплошным дубовым лесом.

Выше Мигин идут последние два порога, за которыми впадает в Буг р. Синюха, где сходятся вместе три города: Ольвинополь (у запорожцев Орлик), Голта и Богополь. При впадении Синюхи в Буг, с проведением так называемой новой Днепровской линии крепостей, устроен был город Екатерининск, имени императрицы Екатерины II^{*}.

Выше Ольвинополя впадает в р. Синюху р. Черный Ташлык при деревне Калмазовой. В старое время р. Черный Ташлык, начиная на две версты от устья её вверх, покрыта была лесом, состоящим из клена, орешника и чагарника. На пять верст выше д. Калмазовой стоит село Синюхин-Брод, на р. Синюхе, где у запорожцев был известный Синюхин-Брод.

Берега р. Синюхи большею частью голы, скалисты; наибольшая ширина реки — 70 саж., наибольшая глубина — 6 арш.; против села Синюхина-Брода в реке стоит шесть островов, покрытых лозою и камышом. Между береговых скал есть несколько естественных пещер: такова пещера ниже хаты кр. Алексея Мирянова, имеющая полтора аршина длины и два с половиной высоты; такова пещера Змиева, несколько ниже села, высоты до трех аршин, вместимостью на десять человек, и др.^{**} В настоящее время через р. Синюху, против села Синюхина-Брода, существует восемь бродов: Пархоменков, Пятрин, Конубальский, Степановский, Гладкий, Македонский, Мартыновский и Кремшовский. У запорожцев был здесь только один брод, по-теперешнему между Степановским и Гладким, против двора кр. Павла Жука. Здесь у них стоял деревянный столб, в три ар-

^{*} Из документов²⁴ собственного собрания. 1753 года, 20 мая.

^{**} Слово «Ташлык» татарского происхождения, — по-русски это значит «каменистый».

^{*} Мишлер Г. Ф. Рассуждение о запорожцах. М., 1847. С. 42.

^{**} На одной из береговых скал р. Синюхи, против опорода крестьянина П. Жука, выбиты две чашки и сапог 2 вершка величины.

шина высоты и два толщин, который служил маяком для переправляющихся через реку. Теперь этого брода не существует. Во время запорожцев самые берега реки Синюхи покрыты были небольшим лесом, большею частью кленом и орешником, от которого в настоящее время не осталось также ни пня.

Выше с. Синюхи-Брода идут села: Олышанка, Остички, Добринка, местечко Добровеличково, при впадении р. Сухого-Ташлыка в р. Синюху, село Тишковка, при впадении р. Выси в р. Синюху*. В сторону от села Тишковки стоит местечко Хмелевое, бывшее поместье Кириякова, где у запорожцев был большой лес, под которым «гайдамаки робыли хунгузию». Близь местечка Хмелевого раскинулось село Плетеный-Ташлык, на речке Плетеном-Ташлыке. Речка Плетеный-Ташлык берет свое начало около д. Гапсиной и впадает в р. Черный-Ташлык под д. Зверевой. Плетеным он называется потому, что вода в нем идет «в переплет, загородами, або плесами; виняче нарощено порысованный». Всего течения его, по изгибам — 30 верст; в старину это была речка глубокая, «потому что она шла одним корытом»; берега её окаймлены были живописными плавнями. Близь р. Плетеного-Ташлыка растут леса: Спурный, Круглый, Чумацкий, Чоботок, Крачек, Маноилов, — всего до 300 десятин; они состоят из дуба, осины, граба, клена, принадлежат казне и ежегодно увеличиваются от посадки. Рядом с с. Плетеным-Ташлыком стоит с. Аникиевка, близь которого также растет большой лес; за селом Аникиевкой следуют деревня Гапсина или Александровка, а за деревней Гапсиной с. Малая-Выська, на р. Малой-Выси. Речка Малая-Высь начинается под д. Лутовкой, на девять верст к северу от с. Малой-Выськи, и впадает в р. Высь между Николаевкой и Петроостровом.

Недалеке от с. Малой-Выськи расположено местечко Большая-Выська, на р. Большой-Выси. Речка Большая-Высь берет свое начало у села Аникиевки, а впадает в р. Высь около Новомиргорода.

Город Новомиргород основан на запорожской земле выходцем из Сербии, Иваном Самойловичем Хорватом, в 1752 году, у реки Выси и озера Лонго; сперва он был простым шанцем, а потом, с 1764 года, переименован в город. С течением времени он последова-

тельно исполнял назначение таможни, уездного города, губернского города Вознесенского наместничества (1775 г.), заштатного, военного поселения и вновь (1860 г.) заштатного. Для человека, занимающегося историей запорожских козаков, Новомиргород интересен тем, что в нем находится могила генерала Петра Абрамовича Текели, уничтожившего, по повелению императрицы Екатерины II, столицу запорожских козаков, Сичу, в 1775 г. Текели погребен в соборной церкви Новомиргорода, под спудом, у правой стены, тотчас по входе в церковь, о чем свидетельствует следующая надпись, сделанная золотыми буквами на холсте и вставленная в деревянную раму пяти четвертей длины и четырех без вершка ширины: «Генерал-аншеф Петр Абрамов сын Текелий нации славено-сербской родился венгерского королевства в городе Ароде 1720 года будучи в римской императорской королевской службе по 1747 год в том году вступил в российскую императорскую военную службу и продолжая оную с усерднейшим и похвальнейшим образом и отличаясь мужеством и храбростию во всю прусскую войну в польской экспедиции и в двух прошедших турецких походах при истреблении запорожской Сечи и при усмирении бунтующихся разных горских народов, достиг до сего достопохвального и знаменитого чина заслужил от ея императорского величества монарший благоволения и разные жалование ему императо[r]ские (sic) ордени а именно Александра Невского св. великомученика и победо[но]сца (sic) Георгия второй (степени) св. равноапостольного князя Владимир(и)ра (sic) первой степени и великогерцогского голштинского святыя Анны сего 1792 года апреля 25 дня в 11 часу по полунощи на 73 году от рождения скончался».

Близь Новомиргорода стоят леса Черный-лес и Чута. По точным сведениям, собранным на месте, Черный-лес имеет 7000 десятин, а Чута — 3077 десят., но между ними есть еще Чута, которая принадлежит частному владельцу, что все вместе составляет 21 тысячу десятин леса. С западной стороны к Чуте примыкают леса Пугач и Бакай, за которыми начинается знаменитый Мотренинский лес. Уже из одного цифрового показания видно, почему Черный-лес и Чута играли такую важную роль в истории гайдамачества. Лес состоит из дуба, клена, береста, осин и т. п. дерев; в нем водятся волки, лисы, зайцы, дикие кабаны, дикие козы и проч. Много существует преданий, связанных с Черным-лесом и Чутой; много есть, по

* Всех Высей три: просто Высь, Малая-Высь и Большая-Высь.

рассказам лидов, в лесу таких мест, в которых скрыты гайдамаками несметные богатства, драгоценные оружия, много есть в нем пещер, ходов, разных других тайников, где имели свои пристанища удалые гайдамаки.

Далеко ниже леса Чорного и Чуты стоит местечко Кривой Рог и близ него хутор Дубовая-Балка, имение владельца Александра Николаевича Поля, расположенное вдоль р. Саксагани.

На этом пути, близ станции «Ингулец», стоит огромнейший и чрезвычайно грандиозный курган, называемый Царской могилой. И по внешнему виду, и по величине Царская могила напоминает Царскую могилу в Керчи. С севера и запада она совершенно отвесна, с востока и юга несколько поката. При 350 саженьх в основании она имеет 200 саж. через вершину. От такого неравномерного сочетания основания с высотой могила и кажется колоссальным сооружением. К тому же она стоит на чрезвычайно ровной и открытой степной местности. Могила составляет собственность крестьянина Лихмана и, как гласит предание, названа Царской потому, что около неё стоял лагерь какой-то польский царь. Как бы в подтверждение этого говорит и целая система укреплений с бастионами по углам, к востоку от могилы.

Хутор Дубовый стоит в устье балки Дубовой и правого берега реки Саксагани*.

Саксагань начинается двумя рожками: один берет начало близ д. Любомировка, другой близ д. Малой-Александровки, потом они сходятся под селом Погоровкой и впадают в местечке Кривом Роге, Херсонской губернии, Елисаветградского уезда, в р. Ингулец. Всего течения её по изгибам 200 верст; по прямому направлению — 95 верст, наибольшая глубина её — две с половиной сажени, у села Шмакова.

Балка Дубовая покрыта сплошь, от вершины и до конца, дубовым лесом. В нем попадаются дубы, имеющие в обхвате до шести аршин; они растут между огромнейших скал, разбросанных по обе стороны балки, и придают ей необыкновенную дикость и с тем вместе удивительную прелесть и величие.

Картина оживляется тем, что среди балки течет небольшой ручей чистой и очень прохладной воды с примесью разных минералов, а вершина и устье ее покрыты ковром зеленой травы и цветов. Для человека, ищущего везде следов древности, Дубовая балка интересна в том отношении, что здесь он может видеть несколько пещер, находящихся в массивных скалах её. Таких пещер владелец насчитывает до 30; из них особенно замечательна так называемая Гайдамацкая конюшня и близ неё Гайдамацкая хата. Гайдамацкая конюшня представляет из себя огромнейший навес, отделяющийся с правой стороны балки (если идти от вершины к устью) от кварцитной стены, в котором, по преданию, были вбиты несколько бронзовых колец для призывания к ним лошадей. О бок с Гайдамацкой конюшней устроена Гайдамацкая хата, — это огромнейшая пещера, «выклеванная» в скале и могущая вместить в себе до двадцати и даже более человек. По рассказам местных стариков, в этой пещере имели свое пристанище гайдамаки, скрывавшиеся здесь от преследования поляков. Говорят, что у гайдамаков эта пещера обита была красным сукном, а после их ухода долго скрывала в себе оставленные ими сокровища, пока ее не открыли какие-то кладонскатели. Судя по находимым орудиям и по могилам, открытым в балке Дубовой, можно думать, что как самая Гайдамацкая хата, так и другие пещеры, открытые в ней, относятся к отдаленнейшему от нас времени, ко времени каменного периода, и гайдамаки воспользовались ими, как уже готовыми, для своих целей. Местность Дубовой балки настолько интересна, что привлекает к себе множество путешественников в летнее время. Кто исходил балку от устья и до вершины, тот не мог не заметить на самой вышке её, с левой стороны, песчаникового шестиконечного креста, великолепно возвышающегося среди густой зелени вековых лесов. А кто приближался к этому кресту, тот, без сомнения, и пытался прочесть сделанную на нем надпись: «Зде(сь) опочивает раб божий Кирило и с ним товарищи войсковии Миклифор и Михайло Пуция бывшего низового войска запорожского куриня дялзиского Кирило Молценский преставися году 1779 месяца ноября 4 дня. ІС ХР. Сей крест сооружен рабом божием Федором Губою. Брат его Логин асаул войсковый погребен был у Самары».

Распростившись с гостеприимным, обязательным и незабвенным владельцем Дубовой балки, А. Н. Полем, я поспешил к месту

* Слово Саксагань по-татарски «сык-сык» — значит легкий, быстрый.

последней Запорожской Сечи, теперешнему селу Покровскому, Екатеринославской губернии и уезда.

4. И. Рогов. 31.

Дубовая балка и запорожский крест.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ой з-під города, з-під Єлисавета, сизі орли вилітали,
 А в городі, та в Єлисаветі, все пани собирались,
 Пани сенатори, пребольші генерали, вони думали-гадали.
 «Ой як би нам, панам сенаторам, запорожську землю взяти?
 Ой як би ж нам, ой як би ж нам їх вольності одібрати?»
 Ой одібрали всі вольності запорожські, начали лани ділити.
 Ой одібрали та всю запорожську землю, тепер самі овладають,
 А до запорожців, низових молодців, часто листи посилають,
 А запорожці, та добрі молодці, усе теє та гаразд знали,
 Посідали вороні коні та під турка втікали.¹

Незавидна была жизнь запорожских казаков под властью крымских ханов: за каждым шагом, за каждым движением их зорко следили; они не смели держать при своей Сичи пушек, они должны были отдавать все имевшиеся у них боевые снаряды, они не могли строить никаких укреплений, они обязаны были содержать множество турецких чиновников, они принуждены были оделять разными подарками пашей, мурз, беев, приезжавших в Сичь по поручению крымского хана. «Оных казаков житие под крымскою властью было зело трудное... Однажды некоторые козацкие рыболовы нечаянно на крымской стороне в отмытом от полои воды береге реки Днепра, в урочище Карайтебені, усмотрели одну пушку малую и пришед об оной объявили кошовому, на что кошевой, взяв несколько казаков, пришед оную пушку вырывать стали и в том месте нашли их числом пятьдесят; которые пушки взяв и

содержали в одном зимовнике потаенно, не объявляя об них никому, опасаясь, дабы татары от них оных пушек не отобрали»^{*}. Вдобавок к этому и русское правительство не переставало преследовать запорожцев: по российской границе расставлены были крепкие караулы, которые должны были хватать, вешать и казнить запорожских козаков. Много раз запорожцы обращались с просьбой к русским царям о помиловании, но эта просьба долго оставалась «гласом вопиющих в пустыне». Наконец в царствование императрицы Анны Ивановны, в 1734 году, 7 сентября, при посредстве генерал-майора графа Вейсбаха, запорожцам дозволено было возвратиться в Россию и поселиться на родных им пещелищах.

«Гей, братці, як би воно не було,
А краще християнської царині служити,
Ніж в Олешках нам жити,
Під кримським ханом у ярмі ходити».

Самый переход запорожских козаков из-под власти крымского хана под власть русской императрицы произошел следующим образом. В 1733 году у русских с поляками началась война¹; поляки обратились с просьбой к крымскому хану о присылке им на помощь запорожских козаков. Татары нашли нужным удовлетворить просьбе поляков, и запорожцы пошли в поход против русских. Но тут запорожцы и решили воспользоваться благоприятным моментом. Они отправили от себя посланца к русской императрице с просьбой принять их под скипетр российской державы. Императрица согласилась и отправила² от себя посла³ для приведения запорожских козаков к присяге, вручив с этим вместе тому же послу⁴ и несколько тысяч рублей для раздачи запорожцам на постройку новой Сичи. В то же время турецкий султан, узнав о намерениях запорожских козаков перейти на сторону России, в свою очередь, прислал от себя полномочного посла с богатыми дарами, желая склонить запорожцев вновь на свою сторону. У запорожцев был в то время кошевым атаманом Иван Малашевич. Кошевой собрал войсковую раду и тут, на войс-

ковой раде, все запорожцы единогласно отвергнули предложение султана и присягнули российской императрице. Турецкий посланник, возвратясь к султану, сообщил ему об этом лично. Тогда султан издал приказание схватить еще оставшихся в пределах Турции запорожских козаков и отдавать их в тяжкие работы; запорожцы тоже не оставались в долгу и много изрубили турок⁵.

Итак, возвратившись из-под власти татар, в 1734 году, запорожцы⁶ устроили себе Сичу, «ладно и крепко сели своим кошем» между рек Пидпильной и Базавлуком, который в то время отделял собой Кодацкую паланку от паланки Ингульской, а теперь служит разделяющей линией между губерниями Екатеринославской и Херсонской. «Новая Сичь» расположена была вдоль правого берега р. Пидпильной^{**} в том именно месте, где она дала от себя луку, против так называемой «великой плавни», по которой с юга, встречно Сичи, текла речка Старая Сысиня^{***}, а с востока, из-под Чертомлыцкой Сичи, речка Скарбная^{****}. «Пидпильня — мате Днипра, бо вона Сисею корме його, а Скарбною зодягає»^{*****}. Нужно взглянуть на Пидпильную Сичу по направлению от севера к югу, на расстоянии трех-четырех верст вдали, чтобы видеть, насколько удобно она была расположена в стратегическом отношении: она сидела в низкой котловине, защищенная с востока, юга и запада громаднейшей плавней, 26 тысяч десятин, которая даже в настоящее время покрыта непроходимым лесом, изрезана многими реками и речками и покрыта шестидесятью семью большими озерами, кроме множества малых. Что представляла из себя «Великая плавня» во время запорожцев, можно судить по тому, что в ней даже в настоящее время теряются и едва не погибают лесные охотники, хорошо освоившиеся с местностью Пидпильной. Как-то один забрался в эту плавню и целых три

* Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 27—30.

** Пидпильня впадает в Санданку под Грушевской, Херсонского уезда.

*** Старая Сысиня впадает в р. Базавлук, под дер. Кутом; есть еще и Новая Сысиня, но она образовалась недавно.

**** Течет на протяжении 40 верст, впадает против с. Малых-Гирей; наибольшая ширина до 3 саж.

***** По берегам Скарбной растет громадный лес, одевающий рску.

* Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 26.

дня бродил, отыскивая выхода из неё, чуть не сделавшись добычею голодной смерти. Уже под конец третьего дня он увидел какого-то крестьянина и вместо того, чтобы спросить, как ему выбраться из плавен, бросился к мужику, схватил его за руку и стал просить у него, чтобы тот дал ему немедленно хоть кусок, хоть крошку хлеба.⁷ Под прикрытием таких-то плавен, которые тянулись на сотни верст вправо и влево от Сичи и на десятки верст прямо на юг от неё, запорожцы могли быть совершенно безопасными от своих исконных врагов, татар и турок.

Самое устройство «Новой Сичи» представлялось в таком виде.⁸ Сича лежала на правом берегу Пидпильной, углубившись в луку или дугообразный извив её, и разделялась⁹ на три части – кош внутренний, кош внешний и цитадель.

Внутренний кош, называвшийся иначе замком или крепостью, по виду представлял из себя совершенно правильную форму круга в 200 сажен окружности; через самый центр внутреннего коша шла обширная, гладко выровненная и всегда в большой чистоте содержащаяся площадь, на которой происходили войсковые рады по разным вопросам первой важности; в восточном конце внутреннего коша, на той же войсковой площади, возвышалась однаглавая «изрядная» деревянная церковь без ограды, крытая тесом, основанная во имя Покрова пресвятой Богородицы, в 1734 году, при кошевом атамане Иване Малашевиче, и снабженная богатейшею церковною утварью, ризницей и «убором», лучше которых в нашей тогдашней России трудно было сыскать^{*}; в некотором отдалении от церкви стояла большая высокая колокольня, также деревянная, с тесовою, в два яруса, крышей и с четырьмя окнами для пушек, чтобы отстреливаться от неприятеля и салютовать из орудий в большие праздники – Крещения Господня, Пасхи, Рождества и Покрова. Близ сичевой церкви выделялись: пушкарня или артиллерийский «большой обширности» цейхауз с большим и глубоким подвалом, в котором хранились пушки, ружья, боевая аммуниция, и который с

тем вместе служил войсковой тюрьмой или секвестром для содержания разных преступников; далее войсковая скарбница или «замок» для войсковой казны и козацкого добра, всегда оберегавшаяся особым дозорцем по наряду от войска; затем особое жилище для сичевого духовенства и отдельный «станок» или помещение, около десяти футов величины, для кошевого атамана, на котором всегда развивалось белое знамя в случае пребывания кошевого в Сичи и с которого снималось оно в случае отсутствия его^{*}; наконец, вокруг всей площади, наподобие подковы, расположены были тридцать восемь куреней и возле куреней – куренные скарбницы и частные домики войсковой или куренной старшины.

Внешний кош отделен был от внутреннего особым валом, на самой середине которого, с юга на север, устроены были широкие ворота с высокою из дикого камня у левой половины их «баштою», снабженною пушками и боевыми снарядами; ворота вели из внутреннего коша во внешний и всегда охранялись особыми часовыми^{**}, так называемыми «вартовыми» козаками. Внешний кош назывался иначе форштатом, т.е. предместьем, гассан-базаром, т.е. торговым базаром, слободой запорожских козаков, и занимал 200 сажен в длину и 70 сажен в ширину; на нём было до 500 куренных козацких домов и домов торговцев и мастеровых-кожевников, слесарей, кузнецов, умевших, кроме своего дела приготавливать порох для войска; все эти люди, «по их козацкому манеру и обыкновению», свои работы исполняли платно и числились в куренях наравне с прочими козаками^{***}; кроме дворов тут же имелось 100 лавок, несколько торговых рядов и простых яток, в которых продавались хлеб, мука, крупа, мясо, масло и проч., и сверх того

^{*} ЗОИИД. Одесса, 1868. Т. 7. С. 176, прим.; Устное повествование Никиты Коржа. Одесса, 1842. С. 39, 40.

^{*} Срезневский И. И. Запорожская старина. Харьков, 1833. С. 114; Рондо // Киевская старина. 1889. № 11. С. 445; Мыщенский, однако, говорит, что кошевой жил в общем со своими козаками курене; быть может, это противоречие можно согласить тем, что в одно время кошевой жил обще с козаками, в другое – отдельно от них.

^{**} Устное повествование Никиты Коржа. Одесса, 1842. С. 41.

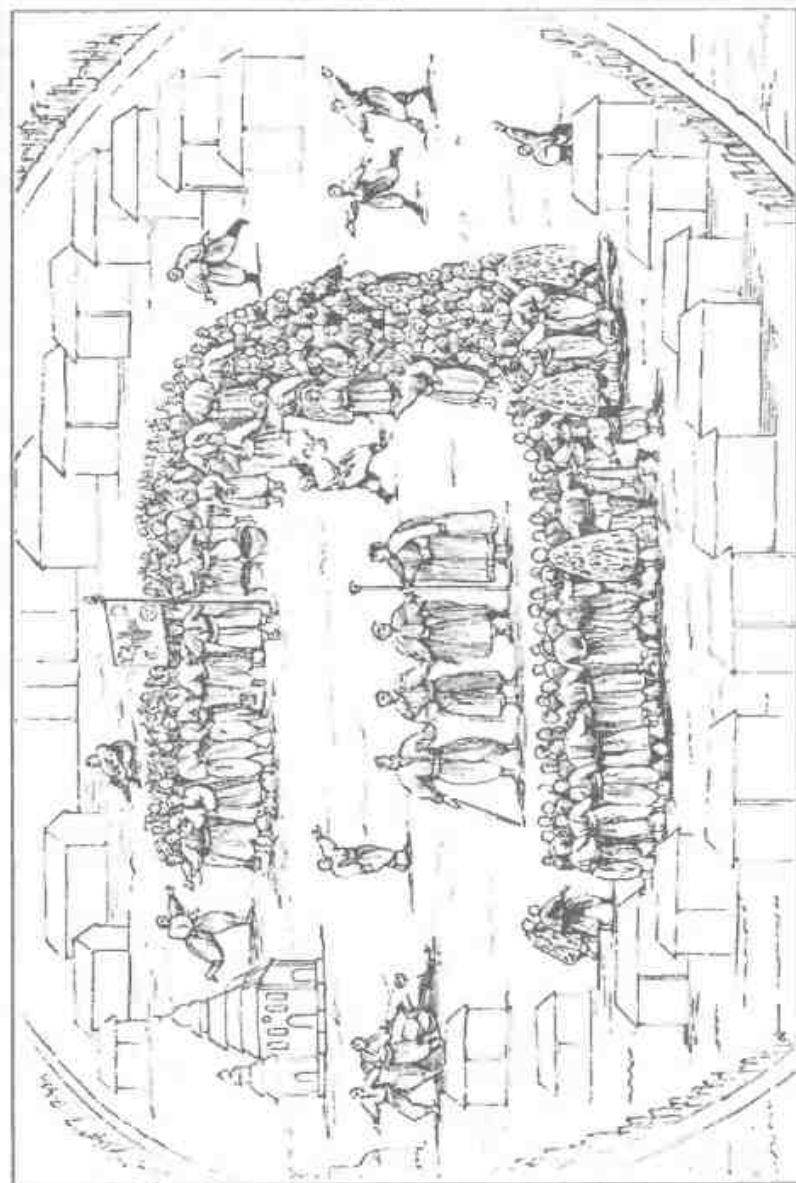
^{***} Мыщенский С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 48, 81.

несколько шинков, с виноградным вином, горилкою, пивом, медом и другими напитками; лавки, ряды и шинки или составляли собственность войска и только арендовались купцами, или же совсем принадлежали купцам, приезжим малороссиянам, армянам, татарам, жидам, полякам; торговые люди, так же как и мастеровые, если только они были православные, причислялись к куреням и жили как настоящие сичевые козаки, но строевой службы не отбывали «ради своего ремесла»^{*}; для надзора за порядком и добросовестною продажей товаров в Сичи заседали базарный атаман и войсковой кантаржей, т.е. хранитель образцовых весов и мер, жившие в особо устроенных для них помещениях. Внешний кош, так же как и внутренний, запирался широкими воротами, стоявшими от запада к востоку, параллельно Подпильной, а не от юга к северу, встречной ей, как во внутреннем коше.

Цитадель, или так называемый Новосиченский ретраншемент, устроена была в юго-восточном углу внешнего коша и представляла из себя небольшой четырехугольник около 85 сажен длины и до 50 сажен ширины, с небольшими воротами во внешний кош; цитадель, вместе с внешним кошем, окопана была глубоким рвом и обнесена высоким земляным валом. Она устроена была в 1735 году по распоряжению русского правительства с видимою целью защищать запорожских козаков от татар и турок, но в действительности с целью «исправнейшего произведения тамошних дел и смотрения пропусков за границу, а наипаче для смотрения за своевольными запорожцами, дабы их хотя некоторым образом воздерживать, и от времени до времени в порядок приводить»^{**}. Запорожцы, понимая тайную цель настроя Новосиченского ретраншемента, выразились на этот счет образно: «Засіла нам московська болячка в печінках!...» В цитадели устроены были — комендатский дом,

^{*} Максимович Л. М. Новый полный географический словарь Российского государства или лексикон. М., 1788. Т. 2. С. 7—44; по смыслу описания 1774 года выходит, как будто, торговые лавки находились не во внешнем, а во внутреннем коше, но это едва ли возможно. ЗООИД. Одесса, 1868. Т. 7. С. 176, стр. 42.

^{**} Эварницкий Д. И. Сборник материалов для истории запорожских козаков. СПб., 1888. С. 124, VIII.

офицерские, инженерные и артиллерийские помещения, пороховые погреба, солдатские казармы и гауптвахта; в ней всегда стояли две с 6-ю орудиями роты солдат из крепостных батальонов киевского гарнизона, назначавшихся по воинскому штату в крепость св. Елизаветы и отсюда посылавшихся в Новосичевский ретраншемент; здесь они жили под начальством коменданта, русского штаб-офицера, присылавшегося в Сичу также из Киева, по распоряжению киевского генерал-губернатора*.

С внешней стороны все место Новой Сичи окопано было рвом и обведено общим земляным довольно высоким валом, который, делая разные углы и выступы, упирался двумя концами в ветку Подпильную; по валу стоял высокий частокол, сделанный из толстых бревен, сверху заостренных и снизу осмоленных смолой.

К западу от Сичи, за общим рвом, вдоль ветки Подпильной, тянулись запорожские зимовники или «хаты»**, а к юго-востоку от них, через Подпильную, чернели волчьи ямы, засады, окопы, ложементы, устроенные около Сичи во время бывшей русско-турецкой войны в 1736 году***. Наконец, против внутреннего коша, на берегу Подпильной, устроена была речная пристань, куда приходили из Черного моря лиманом, Днепром, Павлюком и веткою Подпильною, в то время довольно глубокою и довольно широкою, козацкие чайки, греческие и турецкие суда с разною бакалейю – изюмом, винными ягодами, лимонами, сорочинским пшеном, орехами, кофеем, различными заморскими винами и дорогими шелковыми материями, уходя обратно с чугуною посудой, железом, пенькой и другими товарами****. С сухопутной стороны к Новой Сичи проложены были два шляха – один на Микитино и Хортицу, другой в Украину на Переволочну.

* Шмидт А. Несколько новых документов о Запорожской Сечи // ЗООИД. Одесса, 1858. Т. 4, С. 469; Там же. 1868. Т. 7. С. 146, пр. 42.

** Так названы на карте де-Боксета. См.: ЗООИД. Одесса, 1858. Т. 4, табл. XI.

*** Там же. С. 469.

**** Там же. Т. 7. С. 176, пр. 42.

В таком-то виде представлялась Сича, устроенная запорожскими козаками на р. Пидпильной. В таком виде дошел до нас и снимок с неё, представленный в известном «Летописном повествовании о Малой России» А.И. Ригельмана. Ригельман жил два года в Сичи, с 1740 по 2 июня 1743 года, и оставил для поколения рисунок «Запорожской Сечи», в которой происходит «избрание коневого атамана». Есть еще один снимок «Церкви, рады и куреней запорожских», 1773 года, найденный в губернском архиве г. Екатеринослава полковником генерального штаба Шмидтом и напечатанный им в его сочинении «Материалы для географии и статистики»⁴; но на этом снимке нет ничего, напоминающего запорожскую Сичу, нет ни малейшего намека на сичевых козаков. Перед вами церковь великороссийского стиля, рубленая, с зубчатой резьбой, с так называемыми кокошниками на самой церкви и на её приделах; за церковью, также великороссийского стиля и характера, избы, рубленные, длинные, со множеством высоких деревянных, с покрышками в виде голубятен, труб, с четырехугольными, в одну линию, окнами; перед церковью круг козаков, также великороссийских, с бородами, в круглых шляпах или без шляп, с небритыми головами и без всякого признака чуприн, в коротких кафтанах с разрезами назад и с капюшонами на спине. Нигде решительно и ни в чем нет намека на запорожскую Сичу и запорожцев. Даже знамя, стоящее у колокольни, не имеет никакого сходства с запорожскими знаменами; даже число старшины и самое расположение её на радной площади не запорожское, не говоря уже о саблях и не говоря уже о том, что вы видите перед собой на рисунке типичнейших великороссов, с огромнейшей дубиной, с длинными густыми бородами и с большими космами на голове. Что же тут запорожского? Да это просто круг донских козаков, а никак не запорожских. Но грустно, что этот же рисунок вдруг, ни с того, ни с сего, попал в «Историю новой Сечи» г. Скальковского, только что изданную третьим изданием⁵. Неужели почтенный автор «Истории» нашел в этом рисунке что-нибудь запорожское? Очевидно, да, потому что иначе зачем же было бы ему перепечатывать снимок? А в то же время, по-видимому, и

нет, иначе зачем же нужно было автору переделывать лица, обстановку и даже костюмы, представленные на рисунке, на запорожский лад? Возьмите в руки рисунок, напечатанный самим Шмидтом, и рисунок, напечатанный Скальковским, и посравните их. У Шмидта на первом плане снимка, с правой стороны, стоят два довольно неуклюжих козака с малахаями на головах, с толстыми дубинами в руках, спинами к зрителям; у Скальковского они нарисованы в полуоборот, в прекрасных шляпах, по последней петербургской моде, в изящных костюмах, в изящной позе, один с тоненькой тросточкой в левой руке, а другой с левой ногой, заложеной за правую. Это два барина. Далее, у Шмидта на том же первом плане, но с левой стороны, представлены также два очень типичных великороссиянина, один с лицом круглым, без усов и без бороды, в русском зипуне, другой с громаднейшим макогоном на правом плече, с космами на голове; у Скальковского оба сделаны типичнейшими запорожцами с маленькими усиками, с подстриженными по-малороссийски волосами и совсем без макогона на плече. Затем у Шмидта, в левом углу рисунка, между четырьмя фигурами стоит одна выразительнейшая фигура великоросса с целым стогом волос на голове, с длинной окладистой бородой, с благодушным выражением лица, обращенным к своему ближайшему товарищу; у Скальковского из этой же самой фигуры изображен тощий запорожец, с усами без бороды, с лицом, поднятым вверх и как бы прислушивающимся к голосу всей рады. Наконец, у Шмидта представлено всех фигур 76, у Скальковского 141; у Шмидта они стоят в одну линию перед церковью, у Скальковского целым кругом; у Шмидта они сделаны более или менее отчетливо, так что вы видите здесь настоящих великороссов, у Скальковского они изображены безличными пепками, конечно, для того, чтобы скрыть настоящий облик их и выдать непременно за запорожцев, чем они никогда не были. Но, скажем от себя, одни мертвые срама не имут, и вновь возвратимся к ним.

Основанная на р. Пидпильне Новая Сича существовала недолго: едва прошло сорок лет с небольшим, как она уже и покончила свое историческое существование. Это было в 1775 году, 4 июня, при кошевом атамане Петре Ивановиче Калнишевском, в

⁴ Шмидт. Материалы для географии и статистики. СПб, 1863. Ч. 1-2.

царствование императрицы Екатерины II. Что же за причина была уничтожения запорожской Сичи?

Кто более или менее знаком с историей запорожских козаков, того неминуемо должен был занимать вопрос о причине уничтожения Запорожья. В самом деле, Запорожье, в свое время игравшее такую огромную роль и наполнявшее своим именем чуть ли не всю Европу, было почему-то разорено и уничтожено московским правительством. Говорят обыкновенно, что Запорожье изжило свой век, что оно сыграло свою роль, что оно оказалось лишним и т. п. Но все это, на наш взгляд, не больше, как пустые, ничего не значущие и ничего не объясняющие фразы. Мы смотрим на это дело несколько иначе. Уничтожение Запорожья вытекало органически из самого хода русской истории. Объяснимся. Еще Иван Данилович Калита, прототип русских князей-собирателей, наметил себе две цели в политике: централизацию и единовластие. С тех пор эта идея сделалась для преемников его тем жизненным нервом, из которого они выходили в начале царствования, около которого они ходили в течение его и к которому возвращались в конце его. Великим московским князьям, а потом и московским царям на этом пути пришлось встретить массу различных препятствий: внутри — со стороны целого сословия удельных князей, отдельных, сильных своим положением, личностей, со стороны сословия духовных особ¹⁰, во вне России — со стороны литовцев, польских королей, турок и татар. При всей в то время слабости нашего отечества, при всей раздробленности его частей, при всем давлении со стороны сильных соседей, русское государство все-таки достигло намеченного князем-собирателем пути — централизации и единовластия. Однако, почти параллельно с ходом этого развития русского государства, в нем развивалась неизвестная в других странах сила, козачество, сперва малороссийское, потом запорожское, донское, яицкое и др. Козачество в течение трех веков играло в России громадную, чуть ли не колоссальную роль, на которую, впрочем, наши историки еще довольно мало обращали и обращают внимание. Начавшись в конце XV века, оно в течение XVI-го уже совершенно сложилось в определенные формы и наметило себе совершенно определенные задачи, но такие именно формы и задачи, которые шли прямо в разрез с централизацией и

единением русского государства. Это были два крайних полюса: южный и северный, никогда не сходявшиеся и никогда не могшие сойтись. Всего резче эта разница выступила в царствование императрицы Екатерины II. В самом деле, императрица Екатерина II, как и все её предшественники, помимо новых идей века, стремилась к той же исконной цели, намеченной великим князем-собирателем: она шла в этом случае, так сказать, в одну ногу с самой историей — направлять свою деятельность от центра к окружности и не давать возможности выдвигаться областной обособленности. И что же видит она? Видит то, что у неё тут же под боком существует такого рода община, которая только по имени признает свою зависимость от русского правительства, на самом же деле и знать не желает никакой опеки над собой: самовольно выбирает себе старшину, самовольно воюет со своими соседями, самовольно казнит и милует преступников, самовольно принимает к себе искателей разных приключений и ко всему этому самовольно заводит у себя такие порядки, которые служат началом уже настоящего государства. Это — община запорожских козаков. Прежде, бывало, запорожцы знали только войну, а теперь они помимо войны занимаются земледелием, заводят школы, дают определения для всего войска, и все это на правах полного равенства между всеми членами. И в то время, когда в центральной России при Екатерине II крепостничество достигло своего максимального развития, в то время, когда в центральной России помимо власти императора не было другой власти, в это самое время в южной России, в Запорожье, господствует совершенное равенство и полное народоправление. Таким образом выходило, что в русском монархическом государстве существовало другое государство чисто демократического характера. От этого в одной и той же России и в одно и то же время происходили такие явления. Недоволен, положим, крестьянин каким-нибудь распоряжением своего правительства или ближайшего своего начальства. Что же?¹¹ Можно обойти такое распоряжение. Стоит только добежать до Запорожья; там дадут и землю, и лугов, и скота, и плугов. Садись, ори, живи, и, если ты способен, начальствуй в паланке, курене, а не то и во **всём Запорожье**¹². Но могло ли это гармонировать с тою задачей русского государства, к которой оно стремилось веками? Само собою нет, и в этом-то состоит главная

и существенная причина уничтожения Запорожья. Конечно, к этому следует прибавить еще и те мелкие проступки, как нападения на татар, донцев, как грабежи и разорения, которыми нередко проявляли себя запорожцы. Но это было только поводом к уничтожению Запорожья, а не причиной, так как в те времена никем и никогда грабежи и разорения серьезно не считались проступками, а скорее удальством и молодечеством. Сущность вовсе не в том.

Решив покончить с Сечью, Екатерина II однако сделала это не сразу. Первый шаг к уничтожению Запорожья был намечен ею уже в 1764 году, когда она принудила графа Кирилла Григорьевича Разумовского сложить с себя звание гетмана Малороссии. С тех пор украинский сепаратизм перестал пугать императрицу; но для того, чтобы уничтожить и тень страха, нужно было еще разрушить гнездо запорожских козаков, Сичу. И вот в 1775 году, 4 июня, отдано было приказание русским войскам занять главные места Запорожья. В «Манифесте о разрушенном войске запорожском», изданном от имени императрицы, насчитывается шесть причин, за которые московское правительство находит нужным раз навсегда покончить с запорожцами. «Во-первых, начали они, лет за десять тому назад, да и в самое новейшее время, гораздо далеко простирать свою дерзость, присвоая и требуя, наконец, себе, как будто достояние их собственности, не только всех тех земель, которые нами через последнюю войну от Порты Оттоманской приобретены, но даже и занятых селениями Новороссийской губернии, предъявляя, будто им и те и другие издревле принадлежали... Во-вторых, в следствие такого себе присвоения Новороссийской губернии земель, дерзнули они не токмо препятствовать указанию от нас обмежеванию оных, воспрещая посылаемым для оного офицерам явною смертию, но заводить и строить на них самовластно собственные свои зимовники, а сверх того уводить еще из тамошних жителей и из поселенных полков, гусарского и пикнерного, мужеска и женска пола людей... В-третьих, пограбили и разорили они, запорожцы, у одних обывателей Новороссийской губернии в двадцать лет, а именно с 1755 года, ценою на несколько сот тысяч рублей. В-четвертых, не утрастились еще самовластно захватить зимовниками своими, приобретенные мирным трактатом новые земли между реками Днепром и Бугом, присвоить и подчи-

нить себе новопоселяемых там жителей Молдавского гусарского полку... В-пятых, как же они принимали к себе, не смотря на частые им от правительства наших запрещения, не одних уже прямо в козаки вступающих беглецов, но и людей женатых и семейных, через разные обольщения уговорили к побегу из Малороссии для того только, чтобы себе подчинить и завести у себя собственное хлебопашество, в чем довольно уже и предусловили... В-шестых, наконец, те же запорожцы стали распространять своевольные присвоения и до земель, издревле принадлежащих нашему войску донскому..., делая и сим донским козакам запрещение пользоваться оными землями, которые уже долговременно в их обладании состоят. Всякий, здраво рассуждающий, может тут легко проникнуть как лукавое намерение запорожских козаков, так и существенный от оного государству вред. Заводя собственное хлебопашество, разторгали они тем самым основание зависимости их от престола нашего и помышляли, конечно, составить из себя, посреди отечества, область совершенно независимую, под собственным своим неистовым управлением, в надежде, что склонность к развратной жизни и к грабежу будет, при внутреннем изобилии, беспрестанно обновлять и умножать их число... И тако, по необходимому уважению на все вышеиз(ло)женное, сочли мы себя ныне обязанными пред Богом, пред империей нашей и пред самим вообще человечеством, разрушить Сечу запорожскую и имя козаков, от оной заимствованное. Вследствие того, 4 июня, нашим генерал-поручиком Текеллем, со вверенными от нас ему войсками, занята Сечь запорожская в совершенном порядке и тишине. Возвещая нашим верным и любезным подданным все сии обстоятельства, можем мы в тоже время им объявить, что нет теперь более Сечи запорожской в политическом её уродстве, следовательно же и козаков сего имени. Место жилища и уголья тамошние оставляем мы для постоянных и отечеству наравне с другими полезных жителей»^{*}.

Перечисленные шесть причин можно свести только к двум — присвоению и захвату чужой собственности и стремлению создать независимое управление. Важнейшая из этих причин — вторая;

^{*} Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России. М., 1847. Ч. 3. С. 83.

первая же относится к таким причинам, без которых в сущности ни запорожское, ни другое какое-либо войско, жившее с ничтожным жалованьем, не существовало и не могло существовать. Оттого правительство до Екатерины II никогда или почти никогда не обращало особенного внимания на «разбой и грабежи» запорожских козаков. «Татарины не убить, ляха не пограбить, так и не жить», — говорили запорожцы сами себе и своим соседям. Самое слово «воевать» еще в недавнем прошлом значило жечь, палить и уничтожать. Екатерина II понимала это больше, чем кто другой, и если она указывала на грабежи запорожцев, как на причину уничтожения Сичи, то это только потому, что такие действия всего нагляднее толпе, всегда мало понимающей истинные стремления своего правительства.

Итак, Запорожье должно было окончить свою политическую жизнь. Генерал Текели исполнил возложенное на него поручение уничтожения Сичи изумительно быстро. Прибыв к корпусу русских войск, стоявшему тогда у крепости св. Елисаветы, генерал Текели отъехал обратно в Кремснуг к князю Прозоровскому, командиру корпуса, и принял от него начальство над войсками. Быстро разделив войска на отряды, Текели с главной частью корпуса двинулся прямо на Сичу. Чтобы предупредить слухи о своем движении, Текели «положил скорейший марш, и на 4-е число к Сечи прибыл пред светом». Оставив главную силу войск в лагере, недалеко от Сичи, Текели с полковником Яковлевым, орловского пехотного полка, и бароном Розеном, полковником небольшой части конницы, двинулся прямо на слободы и укрепления запорожцев, «никем за их сном необозрим, так что и часовые при их артиллерии в том упражнении были». Оставался незанятый только кош, при котором стояли «не спящие караулы». Чтобы покончить дело без кровопролития, Текели послал от себя в кош подполковника Мисюрева с предложением сдаться. Мисюрева сперва не приняли в кош, но потом, когда узнали, что вся Сича, и вся артиллерия, и все суда, стоявшие на р. Подпильной, в виду Сичи, были уже заняты московскими войсками, решили выпустить Мисюрева в кош; после этого сам кошевой и вся старшина его выехали навстречу Текели, оставив в коше трехтысячное козачье войско; тогда московские войска заняли кош, пороховые погреба, канцелярию, и все войсковые принадлежности оцепили

караулами, а самого кошевого и всю его старшину арестовали. Так доносил об этом горестном для запорожцев событии сам генерал Петр Абрамович Текели, 1775 года, 6 июня, из лагеря при Сичи^{*}. К этому очевидец события, Корж, добавляет, что после разрушения запорожской Сичи донцы, калмыки и москалы топорами вырубали царские ворота в сичевой покровской церкви, вылитые из чистого серебра, и посрывали шаты и привески с икон^{**}.

Какая же участь выпала на долю печальных свидетелей этой драмы, кошевого атамана Петра Ивановича Каалнишевского и его ближайших сподвижников, судьи Павла Головатого и писаря Ивана Глобы, а вместе с ними и всего войска Запорожского? Что касается массы запорожского войска, то одна часть ее осталась в пределах России и составила из себя так называемое Кубанское козачье войско; другая часть ушла под власть турок и прожила там до 1828 года, последовательно переменяя пять Сичей: Устьдунайскую, Банятскую (в Австрии), Старосейменскую, Котирлезскую и Дунавещую^{***}. Что же касается главных начальников запорожского войска, то судьба их была более, чем печальна: все они были отправлены в ссылку в отдаленные места, где прожили до самой своей смерти, без близких и друзей. Иван Яковлевич Глоба был сослан в Сибирь, в город Туруханск, где скончался в местном монастыре около 1790 года. Павел Фролович Головатый был отправлен в ту же Сибирь, в город Тобольск, где прожил в Знаменском монастыре 20 лет и скончался на 80 году от рождения. При жизни над ним учрежден был двойной надзор: военный и монастырский. «В инструкции, данной архимандриту Илье, сказано между прочим, что Головатому запрещается не только посещать и принимать посторонних людей, но и ходить в церковь. В последствии времени, по его желанию, разрешено было ему посещать церковь в сопровождении часового солдата, неотлучно при нем находившегося, но с тем, чтобы Головатый стоял в церкви на особом от народа

^{*} ЗООИД. Одесса, 1853. Т. 3. С. 587.

^{**} Изустные предания Коржа / Изд. Стороженко. С. 152.

^{***} См. об этом: Кондратович Ф. Задунайская Сечь // Киевская старина. 1883. № 1. С. 27-66; № 2. С. 269-300; № 4. С. 728-773.

месте, не оглядываясь назад и по сторонам, и при входе ни с кем не разговаривал. На содержание его назначено было из казны в год по сто рублей ассигнациями, которые выдавались ему ежемесячно, в получении же их, по его безграмотству, расписывались другие»^{*}.

Но тяжелее всех пришлось главному начальнику запорожской Сичи, Петру Ивановичу Калнишевскому. Он также отправлен был в ссылку, но куда именно — до последнего времени не знали, несмотря на сообщение историка Станислава Зарульского, указавшего, более или менее точно, на следы пребывания как самого Калнишевского, так и его товарищей^{**}. Это более удивительно, что труды Зарульского были напечатаны уже в 1848 году на русском языке^{***}. Историк «Новой Сечи», А.А. Савельевскому, место ссылки Калнишевского совсем не было известно, и он гадательно высказал предположение, что, после разорения Сичи, последний кошевой её отправлен был куда-то на Дон.

«Ой полети ти, черная галко,
та на Дін риби їсти;
Та принеси, та принеси ти, черная галко,
от Калниша нам вісті!
— Та вже ж мені не літати
на Дін риби їсти,
Та вже ж мені не носити
од Калниша нам вісті!»¹³

Но в семидесятых годах текущего столетия П. С. Ефименку удалось напасть на след Калнишевского в Соловецком монастыре, о чем он и сообщил своевременно в «Русской Старине»^{****}. С тех пор стало известным, что последний кошевой атаман, после падения Сичи, с берегов полуденного Днепра отправлен был в красную обитель на Соловецком острове, где прожил целых 27 лет,

до самого конца жизни. Весной 1887 года нам удалось посетить Соловецкий монастырь и на месте собрать сведения о Петре Ивановиче Калнишевском. По указу императрицы Екатерины II, писанному 1776 года, июня 10 дня, за № 1419, Калнишевский отправлен был в ссылку на постоянное жительство в Соловецкий монастырь. Его сопровождал секунд-майор Александр Пузыревский, первого московского пехотного полка, с одним унтер-офицером и пятью рядовыми. Путь шел через Москву в Архангельск. Арестанта везли под строгим инкогнито и крепким караулом, не называя нигде ни его имени, ни фамилии. Кorteж состоял из девяти подвод: на трех подводах помещался конвой с арестантом, на четырех имущество отправляемого в ссылку. Конвой с арестантом прибыл 11 июля в г. Архангельск; здесь губернатор Головин, заменив бывшую команду новой, из четырех человек, отправил Пузыревского вместе с арестантом через Белое море в Соловецкий монастырь на судне, нанятом у купца Воронихина. Судно, два раза садившееся на мель, было повреждено и простояло несколько времени в устье р. Северной Двины. Уже 29 июля Калнишевский прибыл в Соловецкий монастырь и представлен был архимандриту его, Досифею. По рассказам богомольцев, крестьян села Ворзгор, Архангельской губернии, посещавших Соловецкую обитель и несколько раз слышавших там о кошевом, когда его только что привезли в Соловки, то он казался человеком среднего роста, чрезвычайно здоровым и широкоплечим, одет был в красный кафтан, говорил «не так чисто по-русски», но потом сделался худ и стар, носил седые осекшиеся волосы, короткую седую бороду, одевался в китайчатый синий спортик с маленькими оловянными пуговицами в два ряда.

В монастыре, так же как и в пути, с Калнишевским обращались строго. В архиве монастыря хранятся несколько ведомостей о содержащихся колодниках, где против каждого из них выставлено, как следует обращаться с арестантом. В ведомости 1780 года, под № 14, против фамилии Калнишевского записано: «1776 года, июля 29 дня по указу святейшего правительствующего синода во исполнение высочайшей Ея Императорского величества на всеподданнейшем генерал-аншефе военной коллегии вице-президента Астраханской, Азовской и Новороссийской губерний генерала губернатора и кавалера Григория Алекса-

* Киевская старина. 1887. № 7. С. 586.

** Калнишевский — в Соловецкий монастырь, Головатый — в Тобольский монастырь, Глоба — в Белозерский монастырь.

*** Чтения Московского общества истории и древностей. М., 1848. № 8. С. 24.

**** Русская старина. 1878. Т. XIV. № 11.

ровича Потемкина докладе конфирмации велено бывшего Сечи запорожской кошевого Петра Калнишевского содержать безвыпускно из монастыря и удалять не только от переписок, но и от всякого с посторонними людьми обращения за неослабным караулом обретающихся в соловецком монастыре солдат^{*}. Эта прописка, с некоторыми изменениями, повторяется во всех ведомостях о содержащихся колодниках из года в год.

По преданию, помещение для Калнишевского сперва отведено было в камере Головленковой Архангельской башни, а потом в камере башни Прядиленной. Всех башен в монастыре восемь: Корожная или Флацевая^{**}, Успенская или Оружейная, Прядиленная, Никольская, Квасоваренная, Кухонная, Архангельская и Белая. Из них в пяти башнях устроены отдельные камеры для помещения преступников: в Корожной — одно в нижнем этаже, в Прядиленной — одно в среднем этаже, в Никольской — два, в амбразуре нижнего этажа, в Архангельской — одно, во втором и третьем этажах. Все камеры башен похожи одна на другую и разнятся лишь одним размером. Вот устройство камер в двух башнях, где сидел Калнишевский. Каждая из них сделана в стене среднего этажа башни, имеющей девять аршин толщины, с внутренней стороны. Если пробраться во двор монастыря и потом войти через широкие ворота в средний этаж башни, то тот же час налево можно увидеть небольшое отверстие; это и есть камера. Если же переступить порог камеры, то можно увидеть и самое устройство её. Она имеет вид большой печи, сделана аркой, длиною в четыре с половиной аршина, шириною в два с половиной, высотой в два с небольшим, без топки и без окон, если не считать оконном небольшой, сделанной в стене, щели, имеющей высоты 5 вершков, ширины 2 вершка^{***}. Камера запиралась двумя дверьми: внутренней железной и наружной деревянной, обитой войлоком, замыкавшихся огромным двухпудовым замком. Если взять во внимание то, что стена башни, в которой сделана камера, выходит во

двор, обнесенный крутом высокими стенами, если взять во внимание то, что против башни во дворе стоит старинное здание, почти совершенно заслоняющее собой всю стену её, если принять во внимание то, что к самой стене башни приделан широкий коридор с очень наклонной деревянной крышей, от которой падает мрачная тень на всю нижнюю половину стены и если, наконец, принять в расчет и то, что стена, в которой устроена щель, имеет толщины аршин и три четверти, то можно положительно сказать, что в камеру за 400 лет её существования никогда не попадал ни один луч солнца. Не забудем еще и того, что на всем Соловецком острове бывают не только целые дни, но и целые месяцы, когда люди солнца праведного «и в глаза не видят».

В этой тюрьме Калнишевский сидел около 12 лет, надзор за ним до того был строг, что его не выводили из тюрьмы для физических потребностей, отчего долго после него оставался слой нечистот, около аршина толщиной. Но около 1788 года Петр Иванович Калнишевский был переведен из камеры в келью, сперва 15-ю, потом 14-ю; всех келий было в то время 29, и на долю арстанта кошевого пришлось далеко не последнее помещение. Может быть, перевод его из камеры в келью состоялся вследствие того, что он жил смирно, не причиняя никому беспокойств и не имея никаких мыслей о побеге. Живя в камере, а потом в келье, Калнишевский получал содержание по 1 рублю в день, или 365 — 366 рублей в год. Если взять во внимание то, что при существовании запорожской Сечи кошевой атаман получал жалованья всего лишь 70 рублей в год, а вся сичевая старшина, кроме куренных атаманов, получала 165 р., и если принять в соображение то, что один рубль прошлого столетия стоил чуть ли не больше десяти настоящего, то положение Калнишевского покажется более, чем обеспеченным. Но это объясняется тем, что деньги, определенные на содержание Калнишевского, выдавались из собственного его имени, поступившего в секвестр. Лишенный звания, но не лишенный состояния Калнишевский мог делать и такие расходы, как расход на сооружение великолепного запрестольного креста, пожертвованного им в соборный храм монастыря в 1794 г. Крест в вышину больше аршина, серебряный, позлащенный с надписью: «Сей крест сделан вкладом Петром Ивановым Кошевым 1794 года. Вес

* Полугодовая черновая ведомость о монашествующих и о содержащихся арстантах. № 121.

** На ней выставляли флаг.

*** Это — камера в Прядиленной башне; камера в Архангельской башне имеет 5 арш. в квадрате; окно 7 вершк. в квадрате.

тринадцать фунтов (48) сорок восемь золотников». Лишенный свободы, Калнишевский, однако, мог выходить из тюрьмы для говенья, в Великий и Успенский пост. Из ведомостей о колодниках, бывших в исповеди, видно, что с 1777 г. и по 1792 г. Калнишевский говел если не по два раза в год, то непременно один раз.

При всем этом положение узника не изменилось до 1801 г., за ним по-прежнему наблюдали очень строго; караульные солдаты, следившие за ним, были исключительно великороссы. «Пришли мы в трапезу, — рассказывает очевидец крестьянин Лукин, — перед обедом, дожидали монахов с порцией. Приходит человек незнаемый, за караулом три солдата с ружьями, и спрашивает нас любопытно: «Кто царем теперь? Как цари живут нынче и какие благополучия на Руси тепереча?» Мы отвечали, что царем Александр Павлович; живут по-прежнему все, слава Богу, благополучно и хорошо. Он бы и больше расспрашивал, да солдаты не позволили. «От этого человека, говорили они, отойдите прочь, с этим человеком не приходится говорить вам». И монахи тоже запрещади. «Архимандрит увидит, сказывали они, так нехорошо вам за это будет». Архимандрит пришел, и он подошел к благословению. «Древен ты еси, землею пахнешь», сказал архимандрит тому человеку. И точно, он очень древен был: тут он и жизнь кончил. Опосля монахи сказывали, что это какой-то кошевой атаман»^{*}.

В таком положении находился Калнишевский до 1801 года, когда на российский престол возшел император Александр I. Тогда манифест императора повелевал: «всех находящихся теперь и до сего самого дня под следствием и судом по разным местам чиновников и великого звания людей, по делам, не заключающим в себе важных преступлений, как-то: смертоубийства, разбоя и лихоимства, учинить от суда и следствия свободными»^{**}. В числе прощенных в одном из списков, под № 28, показан и «Петр Иванович Калнишевский, подольский шляхтич, бывший запорожский кошевой атаман, в Соловецком монастыре»^{***}. В действи-

тельности родиной Калнишевского была Пустовойтовка, село Полтавской губернии, в 8 - 10 верстах от города Ромен^{*}.

Калнишевский принял весть о своем освобождении с величайшей радостью и в память этого соорудил превосходнейшее евангелие, в серебряной позлащенной оправе, весом два пуда, двадцать фунтов, сделав на нем такую надпись: «Во славу божью устроено святое евангелие во обитель святого преображенне (ия) и преподобных отец Зосимы и Савватия соловеских чудотворцев что на море окыяне при архимандрите Ионе и радением и коштом бывшего запорожской сечи кошевого Петра Ивановича Калнишевского 1801 года а всего весу 34 фу(нта) 25 зо(лотников)^{**} всен суммы 2435». К этой подписи на застёжках евангелия прибавлено. «Старанием и трудами: соловецкого монастыря: наместником: перемонахом: Вениамином: святое евангелие: заелана: московской третей палате купец: серебряных: дел мастер: Владимир: Андреевич».

В настоящее время циркулирует между монахами монастыря по поводу освобождения Калнишевского такой слух. Император Александр I, во время посещения Соловецкого монастыря, увидев тюрьму в которой содержался Калнишевский, пришел от неё в ужас и потом, желая облагодетельствовать невинного страдальца, спросил его, какой ему надо награды за все понесенные им страдания. «Ничего мне, государь, не надо, кроме одного: вели построить острог для подобных мне страдальцев, чтобы они не томились в таких же заключениях, в каком томился я». И государь приказал построить острог. Но этот слух, как слух, не оправдывается уже тем, что острог построен за три года до вступления Александра I на престол (в 1798 году), как это видно из соловецкого летописца^{***}. Ходит также слух, что, когда Калнишевского освободили из тюрьмы, то он оказался уже слепым. Это возможно, но вопрос отчего: от темного ли помещения или от старости? Нужно сказать, что по освобождении из тюрьмы Калнишевский был уже в довольно преклонном возрасте, около ста лет от роду. Так или иначе, но, получив свободу, Кални-

^{*} Русская старина. 1875. Т. XIV. С. 412.

^{**} Копия с указа хранится в монастырском архиве.

^{***} Полное собрание законов. Т. XXVI. № 19. С. 784.

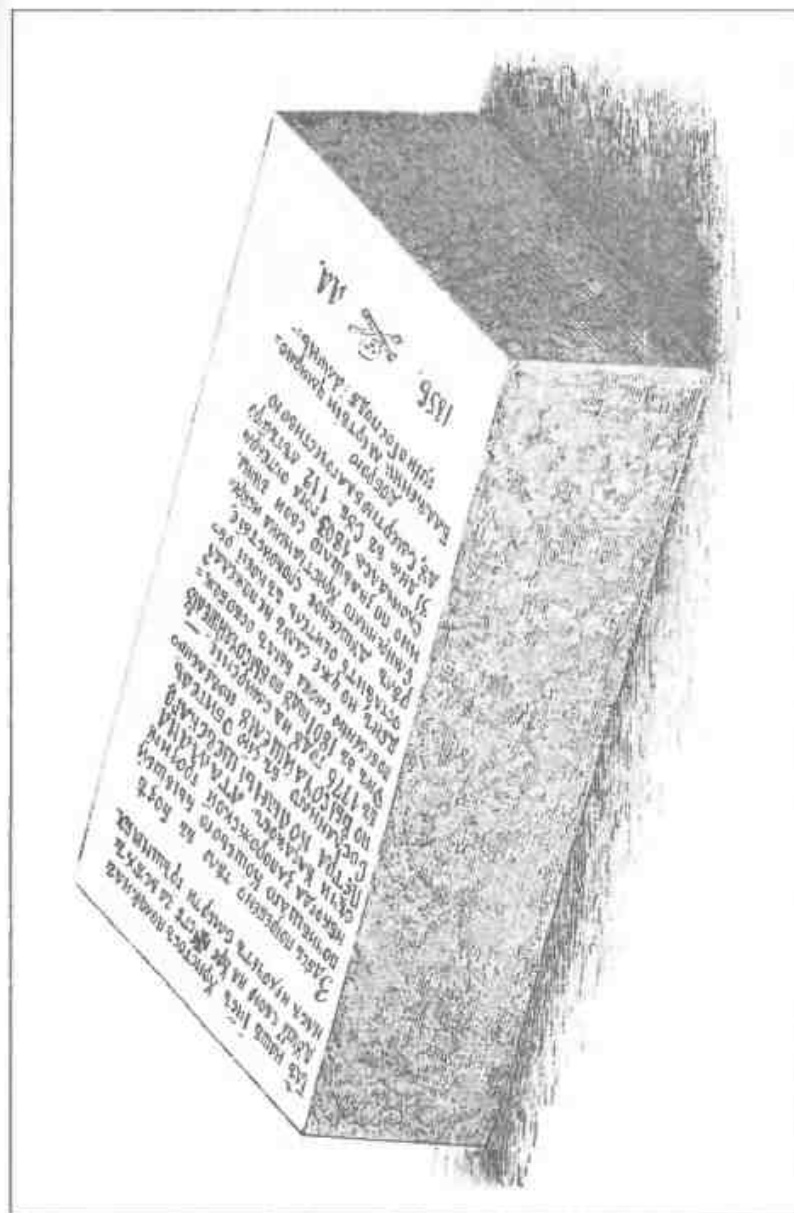
^{*} Киевская старина. 1892. Т. XXXVII. С. 272, 275.

^{**} Без бумаги, дерева и бархата.

^{***} Летописец соловецкий. М., 1883.

шевский уже не пожелал оставить Соловецкой обители, сделался простым послушником и, прожив два года на свободе, скончался. Умершего похоронили на самом лучшем месте монастыря, во дворе, близ алтаря соборного храма св. Преображения, с южной стороны, с одной стороны близ могилы архимандрита Феодорита, с другой близ могилы знаменитого деятеля в смутную эпоху, Авраамия Палицына. Спустя 53 года после смерти Петра Ивановича Калнишевского, над его прахом сооружена была плита архимандритом Александром Павловичем, впоследствии полтавским епископом, со следующей надписью: «Господь наш Иисус Христос положил душу свою на кресте за всех нас не хочет смерти грешника. Здесь погребено тело в Бозе почившаго Кошевого бывшей некогда запорожской грозной Сечи козаков, Атымана Петра Калнишевского, сосланнаго в сию обитель по высочайшему повелению в 1776 году на смирение. Он в 1801 году по Высочайшему повелению снова был освобожден, но уже сам не пожелал оставить обитель в коей обрел душевное спокойствие смиреннаго христианина, искренно познававшего свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня в Суб. 112 лет от роду, смертью благочестивою доброю. Блаженн мертвии умирающи о Господи: Аминь. 1856 Л. А...». Но точно ли Петр Иванович Калнишевский умер 112 лет от роду? Нам кажется, приводимое показание несколько сомнительным в виду того, что в самых исповедных росписях против имени Калнишевского число лет его нигде не показано, тогда как число лет других арестантов везде точно определено. Очевидно отсюда, что и сам кошевой не знал числа своих лет. В противном случае монах, ведший исповедные росписи и обязанный заносить лета всех арестантов, знал бы и число лет Калнишевского. Что же касается надгробной эпитафии, то она сочинена пятьдесят три года после смерти Калнишевского, и числовая дата в ней показана, нужно думать, по преданию. И в самом деле, трудно допустить, чтобы 85-летний старец управлял вольною ватагою запорожских козаков. Но так или иначе, а событие совершилось: началось на Днепре, кончилось на Белом море.

Свята брама одчинилась,
Козака впустили;

Плита кошевого П. П. Калнишевского.

І знов брама зачинилась,
Навік зачинилась
Козакові...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Та ще не світ, та ще ні світ, та ще не світас,
 А вже ж москьял Запорожє та крутом облягас.
 Ой облягше Запорожє, став степ межувати,
 Ой став городи, панськї слободи по річках сажати...
 Наступала чорна хмара, настала ще й сива:
 Була Польща, була Польща, та й стала Росія!

Было ровно два часа дня, когда я, после долгих переездов от города к городу, от села к селу, приблизился наконец к местечку Покровскому, где некогда была так называемая Новая, по времени последняя, Сича на р. Пидпильной. Солнце пекло страшно. Я подъезжал к Покровскому с северной стороны, и потому оно представилось мне во всем виде, как на ладони. Покровское расположено по правому берегу р. Пидпильной*; с юга оно окаймлено лесом, идущим на бесконечное пространство в длину и верст на двадцать пять в ширину; с запада частью охватывается рекой Пидпильной, частью переходит в открытую степь, с востока граничит с экономическим полем, а с севера замыкается широким и довольно возвышенным выгоном, имеющим вид склона или подошвы небольшой горы, постепенно спускающейся к правому берегу реки Пидпильной. Самое село сидит на низком спуске выгона. В истории Новой Сичи место выгона достопримечательно тем, что на нем в 1775 году решена была участь политического бытия Запорожья. Генерал Текели, получивший высочайшее повеление атаковать запорожскую Сичу, исполнил приказание в точности: он внезапно явился у Сичи, выстроил главную часть своих полков на теперешнем выгоне села. Это место, действительно, весьма удобно для стратегических действий.

* Слово «Пидпильня» одни производят от слова «пидпилювати», потому что она своим течением подпиливает собственный правый берег; другие от слова «поле», т. е. текущая полами; последнее, кажется, вероятнее, потому что есть речка «Видпильня».

Ч. П. Рис. 31.

Намогильний крест атамана Кашиса.

Окинувши взором все это пространство и вдоволь налюбовавшись прекрасным видом, открывающимся отсюда на все четыре стороны, я спустился ниже, к самому селу, представшему передо мной во всей его прелести, с каменною заново побеленною пятиглавою церковью и обширными зеленеющими садами. Уже возле первой хаты села я увидел большой песчанниковый крест и выкопанную около него яму.

— Что это такое?

— Да это запорожское кладбище!

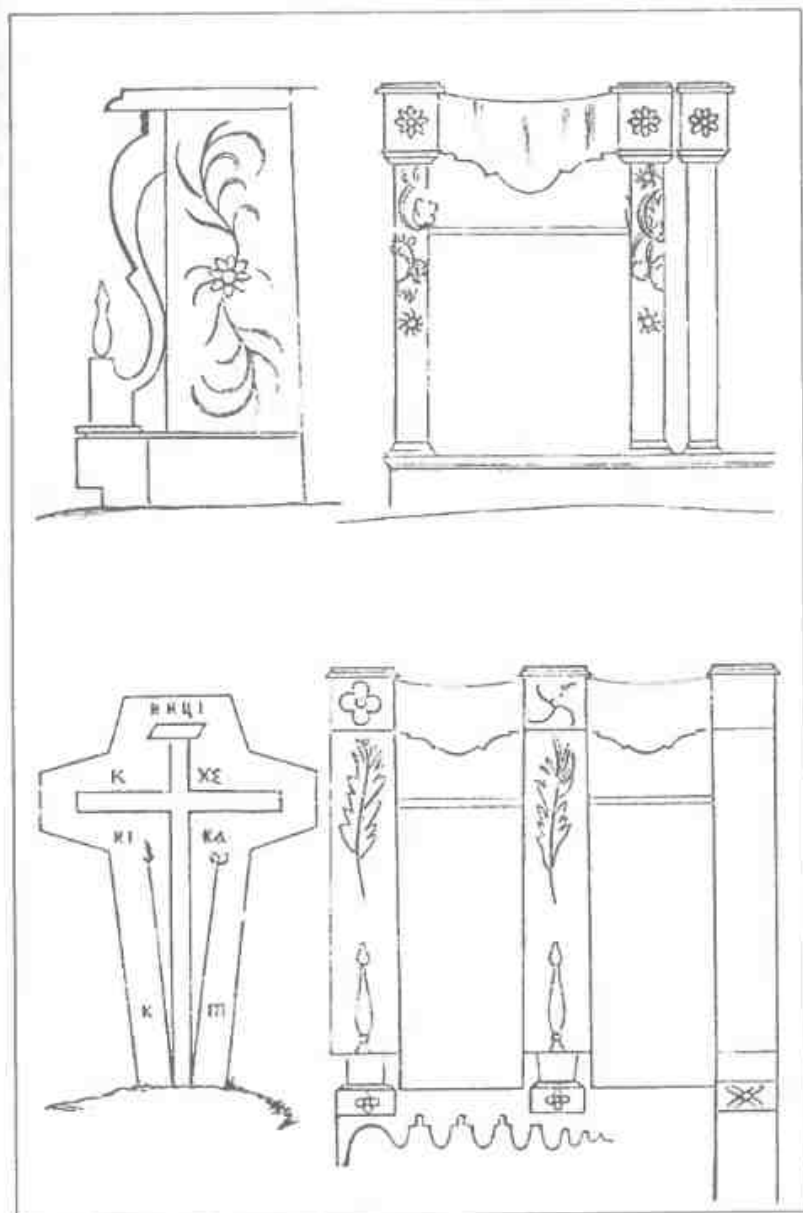
Я остановился и приблизился к кресту. С восточной стороны на кресте сделано было обыкновенное изображение, распятие Христа, а с западной выбиты следующие слова: «Зде(сь) опочивает раб божий(ий) Иоан Капис куреня сергиевского атаман и преставися 1779 года месяца декабря дня». Яма, вырытая у креста, была делом рук искателей кладов. «У нас на этот счет, — рассказывал крестьянин Кондрат Голуб, — это дело обыкновенное. Вот стоит крест; под ним насыпь; стоит он иногда много лет и никто его не трогает, но вдруг кто-нибудь прослышит, что под этим крестом зарыт клад. Тогда он дожидется самой темной ночи, возьмет заступ, идет к заветному месту и роет на нем землю. Случается, что и находит что-нибудь, но больше уходит ни с чем. Только поутру люди смотрят, а у креста яма, и возле неё насыпана свежая земля... Случилось и мне пробовать это, когда я был парубком. Однажды отправился я с двумя товарищами на поиски. Начали рыть. Я копаю, а они стерегут, чтобы кто-нибудь не подсмотрел. Уже выкопал я глубокую яму; спускаюсь в нее. Страшно... Я делаю крестное знамение и снова принимаюсь за дело. Копнул раз, копнул два, копнул и три. Вдруг слышу что-то как-будто зазвенело. «Хлопны, клад!» — «А ну, подавай его сюда!» Я выбросил. И что же? Большой человеческий череп! Смеху было после того...»

По рассказам старожиллов, запорожское кладбище занимало довольно большое пространство: по крайней мере, 300 сажень. На нем стояло еще в недавнее время несколько намогильных крестов с надписями, теперь уже разобранных экономией для фундаментов под дома и магазины. Уцелело только четыре креста с надписями: «Зде(сь) опочивает раб божий Данило Борисенко к: с: п. лн. вского бывшего андро. року 1729 месяца марта 4 дня».

«Зде(сь) опочивает раб божий Иван Чапля знатный товариш куреня поповичевского(,) преставися за атамана Максима Кулька. 1728 года сентября 4». «Зде(сь) поставленни (ый) крест благородия сго пана Стефана а т а м а н а бывшего ко ш о в о г о(,) куреня уманского но он положен ест по церквою Пресвятия Богородици преста(вися) в ро (року) 1747 у маю дня 13». Последняя надпись гласит о том, что под крестом лежит прах кошевого атамана Стефана Гладкого, отца Даниила Гладкого, также кошевого атамана.

Кроме надгробных крестов, в селе Покровском сохранилось довольно много остатков запорожской старины. Таковы прежде всего четыре сволока с надписями, уцелевшие еще от прошлого столетия от запорожских хат. У крестьянина Корня Забары: «Благословением отца и поспешеством сына и совещением святого духа создася сей курень васюрынского войска васюринским обществом за атамана Антоном Годовка 1710 году мая 24 дня». Сволоок был протянут через весь курень, но теперь урезан и имеет всего лишь 9 аршин. У крестьянина Клима Пироговского (по-уличному Абдулы): «Божни(м): изволением и помощью создася дом сей а старанием Якимом Игнатовым товарищем куреня вишестеблевского 1746 года месяца июня 9». Вся хата была рублена из осокоря, вербы и дуба, теперь от неё сохранились только верхние венцы. У крестьянина Митрофана Черного (по уличному Пануши). «Благословением отца: изволение: сына и содествием святого духа аминь: создася дом сей а коштом пана Василия Григориевича знатного товарища куреня менского 1747 года: месяца августа 13». Хата стояла близ запорожской церкви; в ней, по рассказам дедов, запорожцы держали советы. У священника Георгия Ващинского: «Благословением отца и изволением сына и совершением святого Духа создася дом сей рабом Божиим Григорием Комишаном 1765 году месяца мая 10». Кроме сволоков в огороде крестьянина Андрея Лойка стоит памятник, устроенный на месте бывшей запорожской церкви, с надписью: «Сей крест поставлен на (над) престолом покрови пресвятыя богоматере: старанием Гурисем(-рия) Булгар(-ом) 1835 го(да)».♦ В

♦ Гурий Булгар — крестьянин с. Марынского, Херсонского уезда.

Ч. II. Рис. 35.

Надгробный крест кошевого О. Гладкого и запорожские сволоки.

цакого атамана Василь Шило 1769 года июля 10 дня». Икона родословия Спасителя с тремя отцами церкви, изображенными без бороды и усов⁴. Две ризы, одна зеленого бархата с шитым оплечьем, с изображением Богоматери Спасителя, апостолов и евангелистов, а другая — малинового бархата с изображением Богоматери и ветхозаветных патриархов. Два епитрахия зеленого бархата с разными ликами. Две хоругви, зеленого цвета, на высоких древках, с изображениями. Евангелие, без обозначения года, в простом коленкоровом переплете с надписью: «Лавры киевопечерския Архимандрит Роман Копя, высокопочтенному Его милости Пану Иоанну Малашевичу войска запорожского низового Кошовому сподобившемуся христовых евангельскую книгу в дар приносить». Четыре книги триодей, напечатанных: одна в 1743, другая в 1747, третья в 1748, все три в Киеве, и четвертая в 1760 г., в Москве; на последней сделана следующая надпись: «Сию книгу Триоду куплено в церковь сечевую Покрова Богоматери атаманом куреня васуринаского Хомою Малим. За денги покойного Романа Белого 1760 июля 19». Шесть книг миней, четыре киевской печати 1750, две московской 1769 года; книга пятидесятницы, московской печати 1750 года; три книги служебников, все киевской печати, 1746 года, и одна 1754 года; книги молебного чина, киевской печати 1754 года; две книги послелования в преславный день воскресения Господа нашего Иисуса Христа, киевской печати, одна 1754 года, другая 1756 г.; книга октоих московской печати 1760 г.; книга акафист великомученице Варваре, киевской печати 1766 года; писанный требник с надписью: «Экспрессент Иеромонах Геласий Машковский»; наконец, реестр членов императорской фамилии. Блюдо цинковое с надписью: «Дана в церковь сечевую Максима Кулика»; блюдо другое цинковое, с надписью: «Дано в церковь 1710 года Василя Сича» (Сыча); блюдо третье цинковое с буквами: С, П, Б, Г, Б, Ц; блюдо красной меди, без надписи; чарочка серебряная, с тремя ножками и с двумя буквами снаружи: Э. I.; кружка красной меди с крышккой, вместимостью на четыре стакана; два больших похоронных креста, в три аршина длины каждый, с надписью: «Сей запорожский крест обновил в сподобившуюся окраску и визоло-

⁴ Все эти иконы находятся в алтаре, кроме двух последних, которые помещены в передней части храма.

М. II. Рис. 36.

Икона из алтаря с двумя запорожцами.

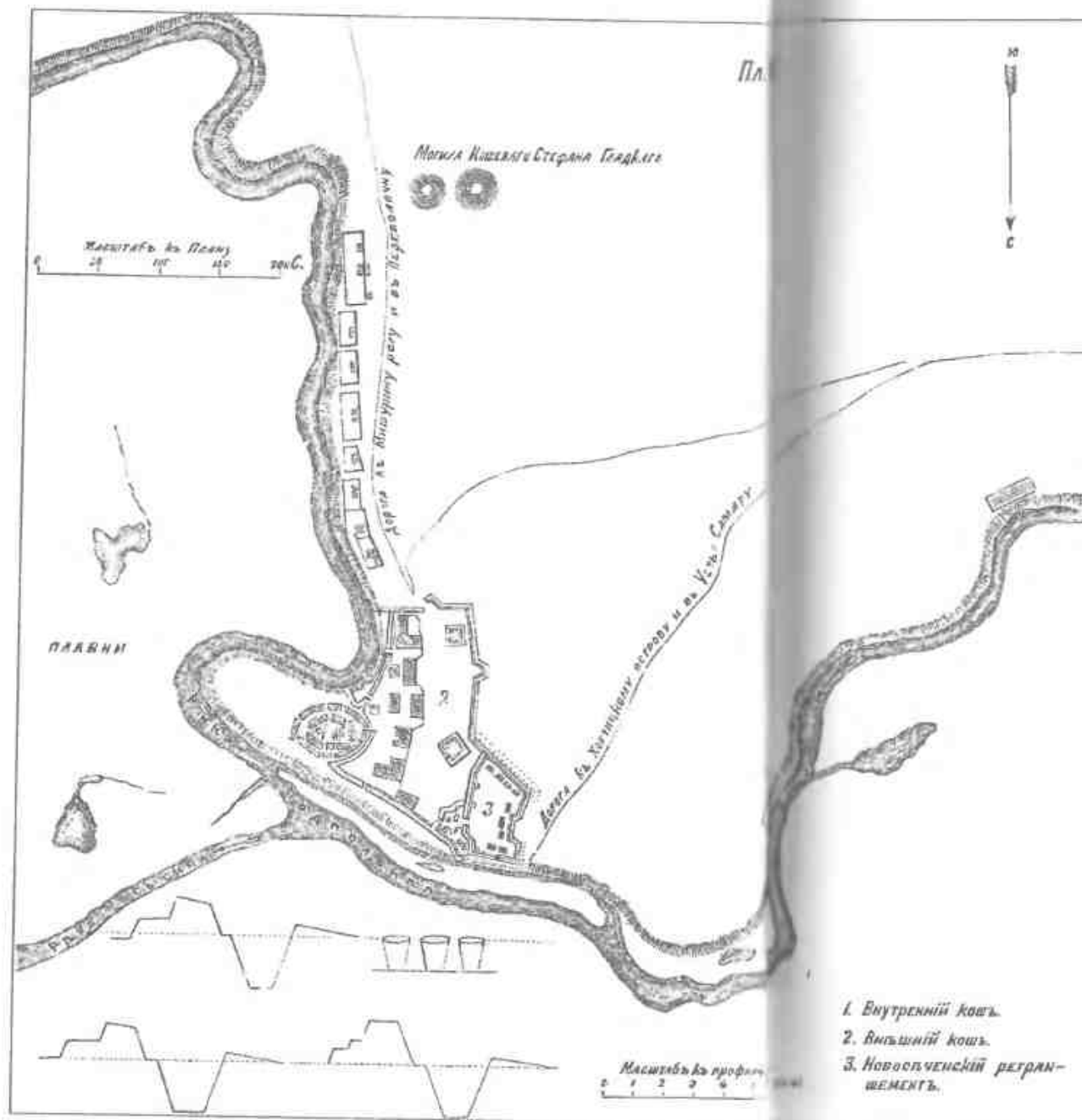
тку покровский житель Данило Рубенко 1834 года месяца июня»; десять бокун или стасидий для запорожской старшины, пять некрашенных, сделанных из липы, и пять выращенных в зеленую краску, сделанных из дубового дерева, обитых прекрасной резьбой. Бокуны — это вместе и стойки и сидения, весьма распространенные в монастырях; в них можно и облокотиться на высокую перегородку, отделяющую ее от другой бокуны, и прислониться спиной к стенке, и совершенно свободно сесть на укрепленную внизу, (с) помощью шарниров, дощечку. Последняя может, в случае надобности, откидаться назад, и тогда молящийся может вновь стоять. Паникадило, висящее среди церкви, из тонкой белой жести с стеклянными шарами, в которые вставлены разные крестики резной работы; купол с жертвенника, бывшего в алтаре сичевой церкви, высоты без четверти сажень, сделанный в два яруса, с девятью фальшивыми окнами, соснового дерева, обитый холстиной и по холстине покрашенный белой краской и обитый резьбой; гробница или сундук для положения плащаницы, из соснового дерева с резьбой, обитый холстиной, раскрашенный зеленой краской, с изображением разных ликов; аналой, высоты аршин с четвертью, покрашенный ярко-зеленой краской, с резьбой и со вставленной на нем иконой, на которой представлена Богоматерь с покровом, держащая под ним несколько фигур: на первом плане царя Иоанна и царевну Софью, архиереев и монахов, а на втором — запорожцев; последние представлены без шапок, с бритыми головами, на которых виднеются чубы. Наконец, весь иконостас, хранящийся на хорах церкви со множеством икон прекрасной греческой работы, отличающейся необыкновенною натуральностью; тут же, вместе с иконостасом, хранятся фонари, затянутые слюдой вместо стекла, оловянные тарелки, кадила, орлецы, хорутви, божницы, деревянные лопатки с наклеенной на них ектенией, ставники, кресты, ноты с надписью: «О тебе радуется благодатная тварь...», и наконец запорожское войсковое знамя, сделанное на холсте*. В старой сичевой церкви, говорят, был ещё колокол времен запорожцев, такой величины, что под ним могли сидеть восемь человек и такой высоты, что под

* Приобретено В. В. Тарновским.

ним мог стоять человек во весь рост. Этот колокол при постройке новой церкви разбили и из его кусков вылили несколько других колоколов, меньшего размера, которые и теперь висят на колокольне.

Кроме перечисленных остатков запорожской старины, сохранившихся на месте бывшей Новой Сичи, уцелели еще земляные укрепления в виде рвов и высоких, больше двух сажен, валов. Общая схема этих укреплений, с внешней стороны, включает в себе всего лишь три линии: с восточной стороны, по направлению от севера к югу, встречно Пидпильной, идет наклонная линия сто сажен длины; с северной окраины, по направлению от северо-востока к юго-западу идет неправильная ломанная линия, под тупым углом, на протяжении двухсот двадцати сажен; с западной стороны, по направлению от севера к югу, под прямым углом, идет совершенно правильная линия на протяжении семидесяти сажен до самой р. Пидпильной. Основанием для этой фигуры укреплений, с южной стороны, служит сама р. Пидпильна. Таков вид укреплений извне; к этому нужно добавить лишь то, что на северной линии его сохранились еще три редуты и широкие ворота, ведущие во внешний кош, а у юго-западного конца, уже за речкой Пидпильной, уцелело так называемое городище, имеющее вид совершенно отдельного укрепления из четырех канав^{*}: с запада в семьдесят четыре сажени, с востока в тридцать сажен, с севера восемьдесят и с юга в сорок глубины до трех сажен каждая. В последнем укреплении, «городище», по рассказам стариков, у запорожцев стояли хаты, погребца, тут же они хоронили своих покойников². В настоящее время это городище представляет из себя совершенно³ ровную, как будто утрамбованную или выбитую цепями площадь, в самой середине которой стоит вековая развесистая груша, а с трех сторон — южной, западной и восточной, высятся громаднейшие вербы и еще громаднее осоко́ри, между которыми переплелся непролазный терновник. Внутри укреплений, с восточной стороны, по направлению от севера к востоку, идет еще один ров, в виде наклонной линии, на протяжении семидесяти четырех сажен, прямо к р. Пидпильной,

^{*} По местному «из четырех боков».

а в середине укреплений, у правого берега реки, видны рвы, отделяющие от внешнего коша внутренний; они начинаются у самого берега реки, идут сперва от юга к северу, потом⁴ под тупым углом поворачивают от востока к западу и оканчиваются⁵ так называемым «оступом» или бухтой, служившей у запорожцев пристанью, куда они заводили свои галеры и чайки⁶. Длина рвов последнего укрепления имеет всего лишь сто десять сажен, по прямой линии, с небольшим пропуском на северной линии, очевидно, для ворот.

По всем этим укреплениям, кроме городища, разбросаны в настоящее время хаты крестьян с. Покровского. Оттого, чтобы измерять все укрепления новой запорожской Сичи и чтобы составить себе цельное об них представление, нужно проходить через многие огороды, лазить через плетни, заглядывать под сараи, идти через сады подниматься на крыши крестьянских хат и тогда только можно уследить направление всех валов и насыпей. Многое, разумеется, из того, что сохранялось в целе лет сорок и даже двадцать тому назад, теперь уже разрушено и едва узнаваемо, а многое даже и совсем истреблено. Однако, остатки старины и теперь очень часто находятся, и всего больше скелеты: задумает ли крестьянин выкопать яму для какой-нибудь постройки, или разровнять место для сада, или просто вспахать землю для посева, он непременно найдет если не череп человека, то кости рук или ног. Даже дети, играя в грядки и вскапывая землю палочками, находят часто человеческие черепки и без всякой боязни надевают их себе на головы, — так уж они привыкли к подобного рода находкам. «Впервые, когда я здесь поселился, — рассказывал мне местный священник, отец Андрей Барышпольский^{**}, — то я никак не мог завести у себя деревьев в палисаднике: что посажу, а они и засохнут, что воткну в землю, а они и пропадут. Долго я не мог понять, отчего это происходит; наконец, однажды я стал копать землю в палисаднике и тут под первым слоем её увидел множество человеческих костей и между ними страшную массу лягушек, я был просто поражен этим, но тогда же⁶

⁴ Теперь бухта эта имеет всего лишь триста саж. в окружности, а тогда — до 500 с. У запорожцев она называлась «Царской пристанью».

^{**} Теперь уже покойник.

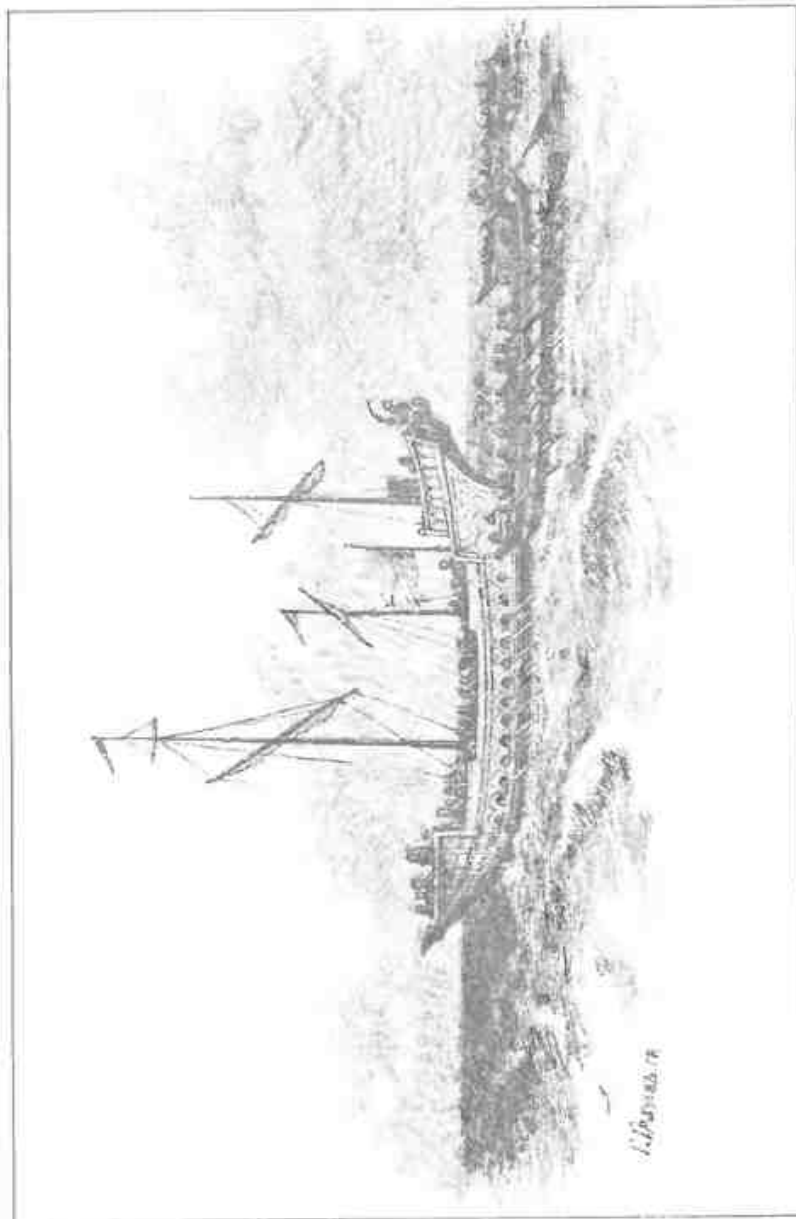
понял, отчего не принимались у меня деревья. Удалив кости и очистив место от лягушек, я вновь насадил несколько деревьев, и с тех пор они растут превосходно».

Кроме черепов и костей, на месте бывшей Сичи находят множество разных вещей: пистолеты, кинжалы, ножи, сабли, ружья, пушки, ядра, пули, куски свинцу, крути дроту, кувшины, кафли, казаны, графины, чугуны, бутылки, штофы, кольца, перстни*, тарелки, кубки, целые бочки смолы**, слои углей, склады сухарей, кучи пшеницы, гуздыки или пуговицы, пряжки, бубенцы, мониста на дроту, деньги, трубки-носогрийки или люльки-буруньки (от турецкого «бурун» — нос), разрисованные разными «фигурами» и окрашенные разными красками. Много раз и нам случалось находить здесь разные вещи, но из множества их всего любопытнее была находка двух запорожских чаек или лодок, затопленных в р. Скарбной. Одна из этих лодок стояла поперек реки и имела около шести сажен длины и трех ширины, с палубой, сосновыми кокорами и дубовым дном из одной доски; другая, меньшая по размерам, привязана была к первой, с кокорами из пяти сосновых досок, и с дубовым дном из цельной доски; обе плоскодонные. К моему большому сожалению, вытащить эти лодки из воды не было возможно, так как это требовало значительных расходов.

В новой Сичи произведена была мной и раскопка запорожских могил, но только в последней, седьмой по счету, находившейся в огороде крестьянина Семена Мирошниченка, открыты были интересные находки. На могиле стоял небольшой песчаниковый крест с надписью: «Раб божий Иоанн... титаровского куреня». Углубившись в могилу на одну сажень, я нашел в ней сосновый гроб, длины одиннадцать с половиной четвертей, а в гробу открыл совершенно сохранившийся скелет запорожца, с чубом на голове, три раза обмотанным близ того места, где было левое ухо, с длинными рыжими усами на верхней полости зубов, с суконной шапкой из бирашковой околиды, в четыре пальца ширины, и темного вершка полторы четверти высоты, с медными, внутри пустыми, на шелковых шнурках, пуговицами, с шалевым зеленым поясом и с двумя монетами в кармане, одной русской,

* Из завитков, на весь палец.

** В пристани.

Запорожские галеры и майки по Ровинскому и Богдану.

медной, другой серебряной, турецкой. Русская монета, полушка, помечена 1731 годом. Во второй могиле, находившейся во дворе священника Барышпольского, я нашел другой скелет запорожца, еще лучше сохранившийся, чем скелет в могиле Семена Мирошниченка, но он имел всего лишь одну монету времен Екатерины II, 1763 года, и одет был не в кафтан, а в простой кожанок. В остальных могилах кроме скелетов и иногда медных пуговиц, я ничего не находил. Пробовал еще разрыть редуту, находящуюся в огороде кр. Петра Балыхина, и разрыл в длину пять саж., в ширину две с половиной, но кроме пуль и ядер, ничего в ней не нашел.

Из всех старожилов села Покровского только три: Андрей Балыхин, Савва Самардак и в особенности Иван Чавунный, рассказывают кое-что о запорожцах. Последний был запорожского «заповиту». «Окрім оцього діда, Чавунного, тут і нема другого із запорожського колла: його дід із запорожців; він був за Дунаєм, та знову вернувся. Як пала Січа, так тут зоставалось ще два чоловіки із запорожців: Вилькодворець і Піскун; вони жили, бідолахи, у вербових дуплах, на плавні. Інколи вийдуть було із плавні, випросіть собі хліба на селі та ві'ять і подадуться у плавні. Там лесь і по-вмирали, там десь і кісточки їх погнали».

— А чого ж ті запорожці позастав[а]лись тут?

— Суму запорожську берегли. Ту суму, що було зібрали на церкву. Чули, як воно було?

— Ні, не чув.

— Як не чули, то я вам розкажу. Збирає, значить, якоесь коштовий отаман своїх козаків на раду. Ударили в бубен, позіходились, постановились на майдані, жають. «А нащо я вас, добрі молодці, зібрав?» — «А нащо, батьку?» Тоді казали усе «батьку» та й годі, це вже теперь хто якого чину заслуже, то так його і звуть, а тоді «батьку» тай більш нічого, — простійш вимовляти. «А нащо, батьку?» — «Можете ви прожити чотирі годи без жалування?» — «Можемо, батьку, можемо!» — «Можете?» — «Можемо!» — «Ну так видайте ваше жалування міні. А чи знаєте нащо?» — «Ні, батьку, не знаємо!» — «Хочу построїти на Січі монастирь та такий, щоб вік був найкращий над усіх монастирів і на всім світі. А чи гаразд, пани-молодці?» — «Гаразд, батьку, дуже гаразд!» Ото й почали вони гроші собирати; зібрали велику суму; ото почали

було й строїти монастир, коли це вийшов від царіці такий лист, щоб зигнати запорожців геть звідшля. Прислано, скільки там сот, і москалів на Січу. Тоді запорожці бачуть, що лихо, давай тікати. Тільки трудно було їм піднятися з ґришми. Що з ними робити? «Давай їх закопаєм!» — «Давай!» От і давай їх закопувати, та отут, де тепер у нас ікономичицькій сад, і закопали, а двом запорожцям, Вилькодворцеві та Піскунові, приказали гадати ту суму. Уже давно помирали і той кошовий, і ті запорожці, і ті сторожі, а гроші і тепер десь лежать; я й сам бачив, як вони перечищались, год десять тому назад, під Різдво: так і горять, так і горять: уперше, як свічка, удруге, як валок сіна, а утретє, як полом'я з високою шапкою зверху.

— Так, значить, у запорожців монастиря і не було?

— Так і не було!

— А церква ж була?

— Церква була, і дзвіниця коло неї була. Дзвіницю ще й ми бачили, бо й усього год тридцять, як прийняли; висока-висока була, а зверху залізний хрест. Бачили ми і каністас, той, що в запорожської церкви стояв; він теж високий-високий був, аж під самий купул. Якійсь-то архиєрей хотів підновити той каністас, так майстри дуже лор(о)го брали.

— Ну, а грошій тих, що в саду закопали, ви не шукали?

— Де вже не шукати? Шукали! Раз я орав коло саду. Орю собі та й байдуже, коли це зирк, аж передо мною п'ятак, старинний п'ятак, а на ньому ще й кінь вишитий. Стой! Випряг я волів та й давай копати череслом землю; рив-рив череслом, тоді давай сокирою рубати; рубав-рубав та аж до самісенького вечора догавсь; така думка, що ось викопаю, клада, так де тобі? Сім грошів найшов та з тим і пішов.

Вот и все, что нашел я на месте последней запорожской Сичи, в теперешнем селе Покровском, Екатеринославской губернии и уезда. Самое село возникло уже после падения Сичи в 1775 году и заселено было разными выходцами из старой Малороссии. В 1778⁷ году, по распоряжению новороссийского губернатора, Матвея Васильевича Муромцева, данному первому екатеринославскому губернатору Синельникову⁸, Покровское названо городом Покровском с «провинциальной» канцелярией⁹ «Славянским духовным правлением»⁹. Но такое значение Покровское сохра-

няло за собой недолго¹⁰: в том же году Синельников получил новое поручение — перевести из Покровского провинциальную канцелярию в бывшее селение Никитино с переименованием последнего в Никополь, а Покровское обратить в местечко; с 1784 года оно становится слободой; в настоящее же время Покровское именуется то местечком, то селом. После падения Сичи все угодья, находившиеся близ не⁸, пожалованы были императрицей Екатериной II князю Вяземскому, от князя Вяземского они перешли к барону Николаю Ивановичу Штиглицу, брату известного в истории барона Любима Ивановича; по смерти Николая Ивановича, перешли в род Любима Ивановича, от этого рода, по ку[п]чей — к великому князю Михаилу Николаевичу.

Солнце давно поворотило за полдень, когда я выехал из села Покровского. Я ехал медленно, как бы не желая расстаться с прекрасною местностью села. Голова моя работала, мысли роились толпой, переносилась от настоящего к давно минувшим, но заветным дням запорожского козачества. Еще в раннем детстве сторул я страстью видеть святое для меня место Сичи запорожских козаков. Теперь я видел его, теперь я измерил, исходил, истоптал ногами его... Так вот она та Сичь-мате, Сичь славных низовых рыцарей, Сичь грозных запорожских козаков! Так вот та всеобъемлющая колыбель, орлиное гнездо, львиное логовище! Вот та запорожская Сича, которая спасла Россию, Польшу, Литву и соседние с ними страны от страшного наплыва турок, поглотивших всю византийскую империю, обезличивших все¹¹ славянские государства, грозивших перевернуть вверх дном всю Европу, раздавить, уничтожить и даже стереть с лица земли всех её обитателей христиан! Вот та Сича, которая расшатала, ослабила и окончательно добила то дикое, кровожадное и свирепое племя, которое именовалось крымской ордой, ногайским улусом, и которое долго и как Дамоклов меч тяготело над нашей многострадальной Украиной! Вот та Сича, откуда вылетали¹² такие крепкие духом и умом, сильные волей и рыцарскими доблестями, как достопамятный¹³ Петро Ковашевич Сагайдачный и бессмертный¹⁴ Дмитро Байда-

* Покровское, Капулинка, Александровка и Перевизка.

Вишневецький; такіє **стоглавіє ораи**, **мощніє богатыри**¹⁵, такіє **отважніє**, **неустрасиміє**, такіє **завзятіє**, **никем недоля-тиє**¹⁶, такіє **закаленніє** и **никем не побежденніє**, как **Иван Сир-ко**, **Филон Лихопой**¹⁷, **Василий Сыч**¹⁸, **Григорий Лантух**, **Ан-тон Головатый** и **Петро Калнишевский**¹⁹, **этот человек светлого ума**, **железной воли** и **замечательных военных способностей!** Вот та Сичь, которая служила твердым оплотом не только одной русской народности, но и самого православия против всех хитро-сплетенный и адских каверз ненавистных иезуитов, этих демонических слуг его «святейшества непогрешимого» римского папы. Вот она, запорожская Сичь, это «вечно юное сердце Украины, эта горня искра ее», — та Сичь, где свято исполнялись все предковские обычаи украинского народа, где никогда не умирала козацкая воля и молодецкая удаля, где складывались²⁰ **глубоко прочувствованные думы**, **истинно юмористические рассказы**, **едко-сатирические пословицы**, **присловья** и **предания**²¹ и где искони и до последних дней её исторического существования **распева-лись** **задушевные**, **мелодичные** и в высшей степени художественные **песни**.

Світ великий, край далекий, та ніде прожити:
Славне військо запорожське хотять погубити.
Ой царця загадала, а Грицько пораїв,
Щоб згнати запорожців та аж до Дунаю.
Вже ж на річці Базавлуці і москалі стояли,
Славні ж хлопці-запорожці пили та гуляли.
Ой вже ж москаль Запорожжє кругом облягає,
А наш батько Калнишевський того й не гадає.
Ой із Низу, із лиману вітер повіває,
А вже ж москаль, а вже москаль Січу обступає.
Васюринській козарюга не п'є, не гуляє
Та всего свого отамана рано пробужає.
«Та встань, батьку-отамане, кличуть тебе люде,
Ой як станеш ти на башти, москаля не буде!»
А москалі не дрімали, запас отбирали,
А московські старші церкву грабували:
Та беруть срібро, та беруть золото, військові свічі,
Ой заплакав пан кошовий з старшиною в Січі.
Ой взійшов же пан кошовий та на круту гору:
«Ой та не руйнуйте, люде добрі, хоч божого дому!»

А запорожські отамани як орли літали
Та свого батька кошового вірненько блятали:
«Та дозволь, батьку, дозволь, батьку, із штихами стати,
Не одному генералу с пліч голову зняти!
Не дозволиш із штихами, дозволь з кулаками,
Ой щоб слава не пропала поміж козаками!»
А вже ж уступила одна дивізія та серед самої Січі,
Ой взяла ж вона січові гармати, всі козацькі злобичі.
Ой крикнув же а Калниш кошовий у покровській церкві:
«Прибирайтесь, славі запорожці, як би к своїй смерті!»
Ой крикнув же та Калниш кошовий на покровській дзвіниці:
«Ой кидайте ж ви, славі запорожці, і пістолі й рушниці!»
Ой плаве шука с Кременчука, розбита із лука.
«О тепер же нам, Калниш кошовий, та с тобою розлука!»
Ой пішли, пішли славі запорожці, а не пішки, дубами,
Ой як оглянутця до славної Січі, умиютьця слезами.
А вже ж уступили та дві дивізії та в покровські базари,
А вже ж, уже славі запорожці п'яти показали...
Та встань, батьку, з домовини, кличуть тебе люде!
Ой як підеш на Україну, по-прежньому буде.
Ой піди ж ти до столиці прохати цариці,
Чи не вступе царстві-землі по прежні гриниці.
«Ой царице, наша мате, змилуйся ж над нами!
Отдай же нам наш землі з темними дугами!»
«Не на тее ж, запорожшо, москаля заслала,
Ой щоб твої луги й землі назад повертала!»
Текла річка із-під салу та й упала в кручі:
Заплакав же пан кошовий, від цариці йлуче.
Текла річка, мала-невеличка, заросла лозами,
Заплакав же пан кошовий дрібними слезами.
«Ой великий світ, царице, і всім ти владаєш,
А вже ж ти нас, запорожців, з містцями спомішаєш,
Та все ж ти тих вражих панів та все награждаєш»*.

* Из песни собственного собрания, записанных в с. Писарске Харьковского уезда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вітер ніс, повіває, по полю гуляє,
 На могилах кобзарь сидить та на кобзі грає,
 Крутом його степ, як море широке, синє.
 За могилою могила, а там тільки мріє.
 Сивий ус, стару чуприну вітер розвіває,
 То приляже, то послуха, як кобзарь співає.
 Т. Шевченко¹

От последней Сичи мой путь лежал в восточные степи Запорожья, главным образом в бывшую Калмиусскую и часть Самарской паланки, где жили семейные козаки, так называемые «гниздюки или сыдны». По-теперешнему, это большая часть Александровского и некоторая часть Новомосковского уездов Екатеринославской губернии, — та именно часть, которая ограничена с юга р. Конскими-водами, с востока р. Калмиусом, с севера рр. Волчьей и Ганчулом*, с запада прямою линией, проведенной от половины р. Ганчула через верховье р. Жеребца к вершине р. Конских-вод.

Много пришлось сделать переездов, много пришлось перенести разных неудобств, прежде чем я добрался до первого большого села, Конских-Раздор, Александровского уезда.

Село Конские-Раздоры стоит на р. Конке (иначе Конские-воды), которая, начавшись в шести верстах выше, при самом селе разделяется или раздвигается на два отдельных рукава, чтобы снова в полуверсте ниже села слиться в одну реку; здесь же Конка принимает в себя и речку Жеребца. Под Раздорами Конка представляет из себя очень ничтожную реченку, сплошь покрытую густым высоким камышом и очень высокими зарослями; берега её здесь совсем не живописны.

Проехав мост и поднявшись на гору, мы очутились в самом селе Раздорах. Село очень многолюдное и обширное; сразу же вид-

* По-татарски «нен — чёл», что значит «обширное пространство, степь».

но, что здесь процветает торговля при посредстве, впрочем, евреев; улицы широкие, чистые, чему, может быть, способствует возвышенное местоположение и каменистая почва села. В Конских-Раздорах бывают очень часто ярмарки, каждый воскресный и праздничный день базары; здесь имеют свое местопребывание мировой судья, судебный следователь, становой пристав и другие административно-полицейские власти.

Совсем стемнело, когда я подъехал к хате крестьянина Ивана Быдла, на которого мне указали как на гостеприимного человека, у которого можно было остановиться и передохнуть.

Ранним утром я оставил село Конские-Раздоры и направился в слободу Воскресенку. Слобода Воскресенка — одна из людных и больших слобод, а местность её — одна из красивейших. Она тянется длинной вереницей понад речкой Сухой-Конкой и стоит почти вся в зелени; главная улица её хотя и несколько узкая, но зато довольно чистая; хаты везде высоки, хорошо выбелены. В общем вся слобода производит какое-то отрадное, успокаивающее впечатление.

Всегда умея подыскать себе приятного спутника, какого-нибудь «дила» или «дядька», на этот раз от села Воскресенки я должен был ехать с небольшим «хлопцем». И это тот же час сказалося. От слободы Воскресенки до ближайшего поселка, что называется, рукой подать. Но, благодаря неопытности хлопца, нам пришлось долго кружиться по различным межам,воротам и проселочным дорогам, прежде чем выбраться на открытый шлях.

— А як цей шлях зветися?

— Муравський, кажуть.

Любо было посмотреть на этот шлях! Что за ровнота! Что за широта! Недаром об нем говорят в Малороссии, «лежить гася — простягася, а як устане, то й небо достане...» Но мне было не до того, чтобы любоваться дорогой. Зной, нестерпимый зной одолевал меня. Солнце было как раз в зените, и температура доходила до 40 градусов. Воздух был настолько нагрет, что, казалось, он шел прямо из раскаленной железной печи. Грудь захватывает; дышать нечем... Вся природа, в другое время полная жизни и разнообразия², теперь, под пылящими лучами

неумолимого солниці, превратилась как бы в застывший острів. Ни ветерок не шелохнет, ни травка не шевельнется, ни степной кузнецик не затрещит, не застрекочет. Все точно прибито, припбилено, все как бы чувствует на себе страшную духоту и совершенно отдається апатии; а самая степь точно заколдована, точно погружена в тяжкую дремоту. Не видно в ней ни хуторка, ни кустика, ни пригорка, ни ручейка, ни одной версты для разнообразия, для определения пространства... Одна бесконечная равнина, сливающаяся вдаль с небосклоном, одна необъятная гладь широкой дороги, извирающейся несколькими полосами взад и вперед. Не на чем утомленного глаза остановить. Тихо вокруг. Жажда страшно одолевает... Но вот, на далеком горизонте этой мертвой, сожженной солнцем степи, неожиданно обрисовывается синеватое озеро, окаймленное деревьями и живописно обставленное домиками, церквями и колокольнями.

— А что это? село?

— Нет, это мана!

— Да, это мана, мираж!.. Но вот криница. Это, уже кажется, не мираж.

— Да, это криница, настоящая криница.

— Ну, стой! Дальше ехать нет сил!..

...Оставив криницу и миновав несколько хуторов, деревень и колоний, мы добрались до местечка Гуляй-Поля, и здесь я должен был переменить лошадей, чтобы ехать дальше, в глубь Александровского уезда. Гуляй-Поле стоит на возвышенном песчаном месте, при р. Ганчуле, имеет две церкви, еврейскую синагогу, почтовую контору, несколько лавок и подвалов. Словом, это многолюдное, и даже, можно сказать, достаточно культурное местечко с преобладающим, однако, еврейским населением. Из всех сооружений замечательно в Гуляй-Поле еврейское кладбище, обнесенное прекрасной оградой вокруг и наполненное хорошими памятниками в середине. На мой вопрос, почему местечко носит название Гуляй-Поля, мне ответили, что в то время, как вся «округа», т. е. близ лежащие к слободе места, уже давно была занята помещиками, это самое место или Поле, что под слободой, долго лежало пустырем и потому прозвалось «Гуляй-Поле».

— А отчего ж это поле так долго лежало пустырем?

— А від того більш, що тут були великі трави та комші, а між ними жили великі злодії та розбойники, — відповідав мені крест'янин Евдоким Косяк.

— І великі такі трави тут були?

— Такі трави та бур'яни, що з них і не вилізиш було. Старі люди розказують за ті трави таке, що й вірити не можна. От тут, у Наковальні* був один дід прозвищем Залізник; йому було год сто двадцять, як він умер, — не брешу. Так той Залізник розказував, що то воно тут робилось у старовину. «Тут, каже, цього звіру, тут, каже, ті птиці, так видимо й невидимо: так пішком по степу і ходять. Приїхали, каже, ми з своєю панєю у ці місця, де тепер Наковальня, — вони, бач, одійшли їй по наслідству, — приїхали, каже, ми та й дивимось, аж тут ні хатинки, ні куріньця, один степ та ковила. Що тут казати?» — «А що? Рубай очерет та копай дернину та роби курінь». «Давай я рубати очерет, давай копати дернину. Нарубав, поставив, обсилав землею; ото, бач, хижка є. Ну, що ж тепер їсти? Ну, їсти уже, що хоч, те й їж: є й птиця, є й звір степовий». — «Так що міні, — каже паня, — та птиця та звір степовий? Ти поїдь та пиймай міні дике поросля!» Ну, що ж поросля, так і поросля! Сідаю на коня, беру малахай** та й їду до річки, де було бирло*** диких свиней. Та ото приїду та й їду, поки свині підуть пастиись у степ, а порослята залишаться самі; видивлюсь, та зараз туди; ухоплю поросля та навтікача; та вже біжу, та вже біжу, що єсть духу, а воно кричить, як скажене! Та що ж ви думаєте? Як почують гаспидови свині, та до мене, так і лізуть, так і лізуть під ноги коневі; та так біжать аж до самого куріня та якби не малахай, то й розірвали б... От що воно було у старовину! Зовсім не те, що тепер. Тепер хоч би сказати нащот урожая. Хіба він такий був і у старовину? Куди вам! У нашої пані було сімейства сім чоловіка, а вона більш тридцяти сажень ніколи не сіяла. Оце було заволоче прямо протів куріня, посіє пшенички та й їде. Так вона як уроде, то й стебла не видно: самий колос пошпи та ще такий товстий, наче веретено. Це, бач, хліба такі були. А трави, так і казати нічого. За

* Село Новомосковського уезду.

** Длинный кнут.

*** Берлога.

травою і землі не побачиш: як рядно або кожух поверх землі лежить. Тоді, бач, мало хто косив її, так вона підніметься угору та вп'ять назад і падає та й лежить, наче рядно; викохаетця було така, що чоловіка і верхи на коню не видно. От які трави були».

Чтобы сообщение Евдокима Косяка не показалось преувеличенным, приведу несколько примеров из писателей прошлых веков о нашей Малороссии. Боплан, описывая старую Малороссию, останавливается, главным образом, на двух паланках: Коданкой и Самарской, и описывает их богатство в таких красках. «Там находятся многие озера, столь изобильные рыбой, что она, умирая от тесноты, заражает гниением своим воздух и стоячую воду озер. Места сии называются Самоткань... Выше Самоткани протекает речка Домоткань, в которой водится множество больших раков, в девять дюйм длиною... Обильнее всех рыбою Орель, текущая в Днепр с московской стороны: я видел, как на устье ее рыбаки в одну тоню вытащили более 2.000 рыб, из коих самые мелкие были около фута величиною... Самара река весьма обильна рыбой, а окрестности ее замечательны чрезвычайным богатством в меде, воске, личине и строевом лесе, так что едва ли какое-либо место может сравниться в сем с окрестностями Самары. Оттуда доставляем был лес для построек на Кодаке... Козаки называют ее святою рекою^{*}, может быть, за счастливое богатство»^{**}. «И бысть нам сие путное шествие,— пишет раскольничий поп Лукьянов в 1710 году,— печально и уныльно, бяше бо видети ни града, ни села... Пустыня велика и зверей множество: козы дикия, и волцы, лоси, медведи. А земля зело угодна и хлебородна; и овощи всякого много; сады что дикий лес: яблоки, орехи воложские, сливы, дули... Не погрешу эту землю назвать златою, понеже всего много в ней родится»^{***}. «Малороссия, пространство земли от Словечны до Днепра, от Клевели до Орели и

от обеих Галиций до Северного Донна; по сознанию всех путешественников и естествоиспытателей, ее посещавших, есть одна из прекраснейших стран Европы, богатая Днепром и пастбищами, на востоке и юге она изумляет безбрежностью плодородных степей, на севере изобилует лесами, на западе пленяет множеством холмов, потоков и рек. Цвет ее неба напоминает путешественникам Италию, климат ее благодатнейший, растительность изумительная и произведения земли столь разнообразны, что знаменитый Линней предполагал ее колыбелью после потопа»^Δ. «То, что писано современниками об этой земле, текущей молоком и медом, представляется ныне невероятным. Опалинский говорил, что всякое зерно, брошенное в землю, взрыленную деревянной сохой, давало урожай баснословный; а Ржончинский приводит один случай, что из посева 50 корцев собрано жита 1500 коп. Травы были так высоки, что огромные волы скрывались в них почти по самые рога, а плуг, оставленный на поле, в несколько дней покрывался растительностью. По свидетельству того же писателя, плодородие земли, душистость злаков и обилие цветов до такой степени благоприятствовали в Украине пчеловодству, что пчелы водятся там не только в лесах и деревьях, но и по берегам рек и просто в земле; что там поселяне истребляют скитающиеся рои пчел для защиты от них роев оседлых и что образовавшиеся случайно в земле ямы часто бывают наполнены медом, так что огромные медведи, добравшись туда, околевают от обжорства. В окрестностях Подольского-Каменца Ржончинский знал одного пасичника, у которого 12 ульев дали в одно лето 100 роев, из коих 40 было сохранено, а остальные побиты ради меду; а Опалинский, говоря об обилии пасик в Червонной Руси, упоминает об одном земле-владельце, который собирал ежегодно по пяти тысяч бочек медовой десятины. Подобным образом, по словам Опалинского, один из крупных украинских землевладельцев собрал в один раз десять тысяч волов десятины со стяд; а когда семилетний сбор по-

^{*} Автор «Исторического обзора Еватеринославской епархии» говорит, что название р. Самары «священною или святою» ведет свое начало еще от времени сармат-козар и сармат-роксолан, у которых на р. Самаре было святилище. Еватеринослав, 1871. С. 15.

^{**} Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 16—18.

^{***} Путешествие в святою землю московского священника Иована Лукьянова. М., 1862. С. 16.

^Δ Маркевич Н. История Малороссии. М., 1842. Т. 1. С. 4.

головщины был заменен ежегодным, то ему каждый год приходилось по тысяче волов с его имений»^{*}.

«Славно жить на Кошу:
Я земли не паху,
Я травы не кошу,
А парчу все ношу,
Сыпано золотом...
На войне не тужу,
А на смерть колочу,
Без войны я кучу,
Да кучу, как хочу,
В свою голову»

Много лет спустя после этого Малороссия рисуется все в таких же ярких красках, как и несколько столетий тому назад. «Обширное пространство плодородных и тучных земель, которые прежде бывшими запорожцами оставлены были в небрежении непонятном, возделывается; помещики, взявшие дикопорожние дачи, обрабатывают оные прилежно и населяют людьми, да и казенные поселяне с довольным рачением трудятся в земледелии, опущая очевидно труды свои сугубо награждаемыми. Качество земли производит всякого рода хлеб: рожь, пшеницу... из огородных овощей: арбузы отменно сладкие и великие, красные и белые дыни... В недрах находятся: алебастр, мел пишущий и мел годный к жению извести... А чаятельно, что и другого роду камни и руды сыскаться могли бы, если б к тому употребить надлежащие меры. В разсуждении пространных степных мест великое заведено скотоводство, лошадиные, рогатого скота и овечьи заводы суть главнейшим предметом, зажиточнейшим к получению изрядного прибытка. Скотоводство здесь содержать тем удобнее, что скот, особливо рогатый и лошадей почти чрез целую зиму могут себе в поле сыскивать пастбу... В реках и озерах вода сладка и здорова и к продовольствию жителей служащая; рыбы находятся изобильно разного рода... и промышленниками ловится довольно. В лесах хотя недостаток, однако в отращивание оного вырастаются ныне

и посевом и рассадкою разные деревья: дуб, клен, вяз... Сверх того разводятся фруктовые сады: виноград, тутовые деревья и волосские орехи; к разведению же виноградных, вывезенных из Крыма, греки и армяне по склонности их и званию в том, подают немалую надежду... Звери в лесах и степях водятся, медведи, волки, чикалки, дикие козы, кабаны... Из диких птиц: орлы, дрофы, фазаны, журавли и другие роды»^{*}.

После всего сказанного о Малороссии, легко поверить и тому, что рассказывал нам о Запорожье Евдоким Косяк, да и раньше его старик Федор Степанович Заброда, Иван Игнатович Россолада, старик Семен Иванович Герасименко и другие.

Из Гуляй-Поля, миновав д. Варваровку, хуторы Полешка и Кригера, мы добрались до д. Екатериновской того же Александровского уезда, на р. Ганчуле, имения Василия Осиповича Гладкого, сына кошевого атамана Осипа Михайловича, выведшего запорожцев из-за Дуная в 1828 году. Здесь я на время остановился, желая собрать данные для личности Осипа Михайловича Гладкого. Сын кошевого атамана принял меня до известной степени приветливо. Говорю «до известной степени» потому, что этот человек, представляя собою и по виду и по характеру выразительнейший тип запорожца, отличается большою суровостью. Жизнь его мало чем разнится от жизни запорожца. Ему уже больше 70 лет, но он не только бодр, а страшно здоров; он еще и теперь в зимнее время отправляется на засадки против волков, и где-нибудь в яме или во рву проводит всю ночь на стороже, с ружьем в руках. В летнее же время его всегда можно видеть если не во дворе с топором, то в саду с лопатой: «То пая такой, шо так с сокиркою і ходе скрізь: усе сам робе». Он понастроил в саду несколько куреней и каждый день переходит из одного в другой. С виду Василий Осипович представляет из себя фигуру среднего роста, плечистую и коренастую, на голове по вискам у него седые пушистые волосы и большая, от макушки ко лбу лысина, на верхней губе длинные сивые усы, над светлыми глазами густые нависшие брови. Говорит он мало, смотрит сурово. О своем отце, Осипе Михайловиче, кроме того, что уже сказано нами

* Кулиш П. А. Польская колонизация юго-западной Руси // Вестник Европы. 1874. № 3. С. 16.

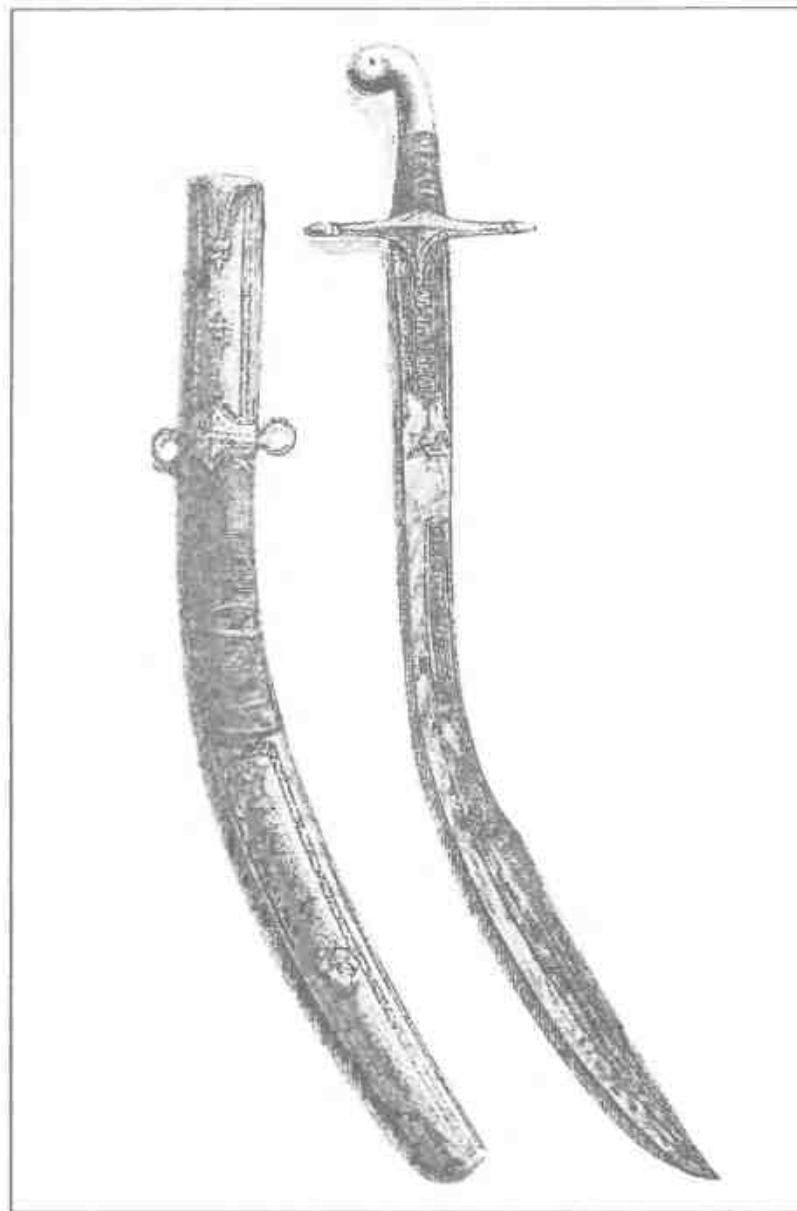
* Муравьев Н. Описание городов и уездов Азовской губернии // ЗООИД. Одесса, 1853. Т. 3. С. 302.

о нем, он мало чего знает^{*}. Осип Михайлович, по словам сына, не любил распространяться о своем прошлом. Почему же? Может быть потому, что оно напоминало ему низменное происхождение его, а может быть и потому, что самый поступок его с запорожцами был не совсем честный. Не грызла ли его совесть за то, что он, ради собственного интереса, чтобы получить высокий чин и блага земные, отдал массу запорожского войска на убой туркам, а с остальным незначительным числом запорожцев, искавших также, может быть, личных выгод, перешел на сторону России?^{**} Все это может быть, но так ли оно было в действительности — это знает один Бог сердцеведец.

Еще меньше сохранилось у Василия Осиповича от его отца вещей. Рассчитывая найти здесь и платье запорожское, и оружие, и посуду, я нашел только саблю да жалованную Осипу Михайловичу на дворянство грамоту[†]. Сабля подарена кошевому еще в бытность его за Дунаем турецким султаном. Она сделана из стали, на которой вырезана надпись по-арабски из корана, ручка в ней вырезана из слоновой кости, ножны обложены снаружи массивным с чернью серебром. Грамота же пожалована Гладкому императором Николаем Павловичем, 1829 года. Вот она буква в букву: «Божиею поспешествующею милостию, мы Николай первый, император и самодержец всероссийский, и проч... Объявляем всем вообще и каждому особливо чрез сию нашу жалованную грамоту, что хотя мы по самодержавной от всемогущего Бога нам данной императорской власти и по природной нашей милости и щедроте, всех наших верных подданных честь, пользу и приращение всемилостивейше всегда защищать и споспешествовать им желаем; однако ж наипаче к тому склонны, чтоб тех наших верных подданных и их роды честно, достоинством, також и особенною нашею милостию по их состоянию награждать, повышать, и надлежащими преимуществами жаловать и во оных подтверждать, которые по всеподданнейшей своей к службе нашей ревности нам и государству нашему отменные пред прочими услуги и верность показывают. А как мы верноподданного нашего Иосифа

^{*} См. также: Гладкий В. О. Осип Михайлович Гладкий: кошевой атаман Задунайской Сечи. 1789 – 1866 // Русская старина. 1881. № 2. С. 381 – 391.

^{**} Кондратович Ф. Задунайская Сечь // Киевская старина. 1883. № 2. С. 286.

М. И. Рил. 38.

Сабля кошевого О.М. Гладкого.

Гладкова бывшего кошевого, переведшего Задунайскую запорожскую Сечь в Россию, а нынешнего командира Дунайского козачьего Полка, высочайшим нашим приказом отданным мая 27 дня 1828 года в присутствии нашем в лагере при Сатунове, за отличие в сражении противу турок пожаловали в наши полковники; но на дворянское достоинство диплома и герба от нас пожаловано ему еще не было. То мы в воздаяние ревностных его Полковника Иосифа Гладкова заслуг, також и по нашей императорской склонности и щедроте, которую мы для награждения добродетелей ко всем нашим подданным имеем, и по дарованной нам от всемогущего Бога самодержавной власти, всемилостивейше соизволили помянутого нашего верноподданного полковника Иосифа Гладкого в вечные времена в честь и достоинство Нашей империи дворянства, равно обретающемуся в нашей всероссийской наследной империи царствах, княжествах и землях прочему дворянству, возвести, постановить и пожаловать, яко же мы сим и силою сего его Гладкова в вечные времена в честь и достоинство нашей империи дворянства возводим, постановляем и жалуем и в число прочего всероссийской империи дворянства таким образом включаем, чтоб ему и потомству его по низходящей линии в вечные времена всеми теми вольностями, честно и преимуществом пользоваться, которыми и другие нашей всероссийской империи дворяне по нашим правам, учреждениям и обыкновениям пользуются. Для вящего же свидетельства и в признак сей нашей императорской милости и возведение в дворянское достоинство, жалуем ему Гладкову нижеследующий дворянский герб». Герб этот состоит из щита, разделенного на две половины: в верхней половине на голубом поле вверху изображен орден Георгия Победоносца, внизу — лодка с поднятым флагом и российским гербом; в нижней половине на красном поле изображена луна с крестом над ней и с двумя бунчуками по бокам креста. Сверху щит увенчан дворянской короной, а по бокам — обыкновенным дворянским шлемом. В заключение в грамоте говорится о том, что Гладкий может употреблять означенный герб «во всех честных и пристойных случаях», а самому владельцу герба «обид и препятствия отнюдь и ни под каким видом не чинить». «А для вящего уверения мы сию нашу жалованную грамоту нашею собственною рукою подписали и государственною нашею печатью укрепить повелели. Дана

в Александрии близ Петергофа месяца Августа в четвертый день, в лето от Рождества Христова тысяща осьм сот двадцать девятое, государствования же нашего четвертое. Николай. Управляющий министерством юстиции К(нязь) Александр Долгоруков. В сенате в книгу записан под № 836. При запечатании в коллегии иностранных дел № 7218».

Оставив деревню Екатерининскую, я скоро прибыл в хутор Черноземный, именно Г. А. Синегуба. Здесь я на время остановился, желая познакомиться с владельцем хутора, который ведет свой род от запорожца. Но, к моему неудовольствию, Г. А. Синегуба я не застал дома; тем не менее в его запорожском происхождении я убедился на основании следующего документа, предложенного мне его женой. «Ее Императорского Величества Малая Россия обеих сторон Днепра и войск запорожских гетман... граф Кирилл Разумовский. Господам генеральным малороссийским старшинам, полковникам, бунчуковым товарищам, полковым старшинам, войсковым товарищам, сотникам, значковым товарищам и всем, кому о сем весть надлежит, объявляется. Бывший в Сечи запорожской куреня сергиевского козак Леонтий Синегуб подад нам доношение, показуя: о продолженных пред нами его чрез многие годы службах, и что де и сам он с 1743 по 1758 года в войску низовом запорожском отправлял по нарядам войсковые службы и разные посылки и в случавшихся партиях поступал как принадлежит по верноподданной должности; о чем при оном своем доношении и данном ему от атамана Кошевого запорожского Даниила Стефанова с старшиною и товариством атестате с заведательством, что он Синегуб там находился и службу войсковую отправлял верно и радательно, представил добавляя притом, что он ныне желает отправлять войсковую службу в Малой России по примеру предков его; и просил об определении его в чин войскового товарища. Нашего рассмотрения. А понеже об оном Леонтие Синегубу в прошлом 1758 году октября 3 и от нашей Генеральной Войсковой канцелярии представлено к нам со удостоением его к получению того чина, и что он грамотной и к службе в том чине войсковых товарищей надлежной; того ради мы Гетман и Кавалер по оному нашей Генеральной Войсковой канцелярии об оном Синегубе удостоению и притом усматривая в нем к службе войсковой згонор и способность, данною нам от Ея

Императорского Величества властию реченного Синегуба определяем войсковым товарищем и сим нашим Универсалом предлагаем, дабы господа генеральные старшины, полковники, бунчуковые товарищи, полковые старшины, войсковые товарищи, сотники, значковые товарищи и прочие чины о таком нашем определении ведаи, признавали означенного Синегуба войсковым товарищем. Он же войсковой товарищ о нарядах и отправлениях принадлежащих по его чину по примеру прочих войсковых товарищей должен состоять в ведении нашем нашей генеральной канцелярии, в верной Ее Императорскому Величеству службе к присяге приведен от нашей Генеральной Канцелярии; для чего ему войсковому товарищу Синегубу и сей наш Универсал за подписанием нашим и с приложением национальной Малороссийской печати Дан в Глухове Генваря 26 дня 1761 году. Гетман Граф К. Разумовский. Печать Ея Императорского величества малороссийскаго запорожскаго войска». (Козак с мушкетом через плечо).

Из хутора Черноземного приехал в с. Покровское. Село Покровское есть «древнейшее из запорожских займищ, старожитная козацкая маестность»; уже в 1730 году здесь сидел зимовником обштованный, т. е. отставной запорожский старшина Головка*. В настоящее время Покровское — довольно значительное торговое село; здесь имеют свое местопребывание мировой судья³, доктор, судебный следователь, ветеринарный врач и становой пристав. Село раскинулось по правому берегу р. Волчьей; у левого берега Волчьей, против Покровского, стоит деревня Александровка, иначе Гнидина, названная по имени владельца Тита Гниды.

Следующим днем я оставил Покровское. Проехав деревню Гнидину по направлению от востока к западу, я сразу очутился на широком шляху. С правой стороны я увидел хутор Солошин, затем Стрильцеву могилу, с левой — пять незначительных могил, Каменатую балку и Острую могилу. За объяснением названий я обратился к шестидесятипятилетнему старику Евсевию Головурному, жителю хутора Солошина.

— Скажи, Овсёно, як цей шлях зветця?

* Феодосий (Макренский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Екатеринослав, 1880. Ч. 2. С. 312.

— Бог його святий знає! Ми його зовем Гайдамацьким, а чи він так і в книгах пишеться, цього вже не знаєм.

— А чого ж ви звете його Гайдамацьким?

— Та того, що тут саме засідали гайдамаки.

— Як так?

— А от як. Іде, приміром, по шляху чумаки, а гайдамаки уже й прочув. Зараз прокине серед шляху повсть, утисне ратище в землю, а сам сховастися в траву та й жде чумака. От іде чумаки, баче, стоїть ратище, а коло нього лежить повсть; то вжо він і кладе на ту повсть: або сухарів, або пшона, або хліба, або грошей. А як же не положе, то ото йому й капут. Приємний народ був ті гайдамаки!

— Ну, що ж ти скажеш за Каменовату баяку? Чого вона так зветися?

— Від дикого каміння! За запорожців тут водились дикі коні^{*}. Іде я та й то зазнаю їх. Вони із себе невеличкі, а тільки товсті та кріпкі; на масть мишасті. Мій батько і ловив їх, так що ж? Вони або повтікають, або подохнуть: не можуть, бач, жити у неволі; по степу їм бігати, то це так. Оце було іде чоловік по шляху кобилою, а дикі коні пасуться у Кам'януватій балці. То жеребець зараз вискоче на могола та й шуха, чим той чоловік іде, чи кобилою, чи конем. Як почує, що кобила, тоді пиши, чоловіче, що пропало; поб'є і оглоблі, поламає і вози, займе с собою і кобилу... Так по тому шляху колеса, обіддє, оглоблі та драбини з возів і валяються: то все шкода диких жеребців.

Сообщение Евсевия Головурного находит себе подтверждение в словах писателя XVII века Боплана. «По степям украинским,— пишет Боплан,— разгуливают целыми стадами олени, лани, сайги... Дикие лошади колят табунами от 50 до 60 голов; нередко они заставляли нас братья за оружие, издали мы принимали их за татарскую конницу. Впрочем, дикие лошади неспособны ни к какой работе, и хотя жеребят могут сделаться ручными, но также ни к чему не годны, разве только для пиши. Мясо их чрезвычайно вкусно и даже нежнее телятины... Дикую лошадь усмирить невозможно. Впрочем, дикие кони разбиты на ноги: копыта их разрастаются, делаются толстыми, ибо их никто не об-

резывает, и не дозволяют лошади быстро скакать»^{*}. «Тут, по цій Кам'януватій балці, та такі колись росли ліса, що й не просушились було поміж ними; був тут і дід якийсь, — чи він із запорожців, чи він із гайдамаків, Бог його зна, а тільки у того діда була тут і пасіка, і біля пасіки — колодязь. То було як йдуть чумаки по нашому шляху, то й зайдуть до того діда, щоб води у нього взяти, а дід з роду без грошей води не дасть, — копійку за баклаг! Ото якось приходе до того діда один чумаки за баклажком та й давай прохати у нього набор води, — грошей у нього не случилось. А дід і не дай йому води. Чумаки і так і сляк, а дід і не дивитися. «Ну, більше ж ти не питимеш із свого колодязя води...» Сказав та й подався собі далі. Коли так: приходять на другий день інші чумаки за водою, у що саму баяку, — дід є, а води нема: уся повтікала кудись із колодязів»^{**}.

Сделав две-три версты по шляху от села Покровского, я наконец очутился в деревне Богодаре, на Ганчуле, имении Федора Ивановича Михеева. Деревня Богодар для меня заветное, святое место. Ни Богодаря, ни его владельца я никогда не забуду и не могу забыть. «Забвения буди десница моя, аще забуду тебя...»

На следующий день по приезде в Богодар мне представили слепца Фому Провору в качестве знатока старины и прекраснейшего игрока «на сопельцах». В короткое время мы очень подружались. Много-много услышал я от Хомя про дела давно минувших дней; казалось, что этот человек никогда не может истощиться, и голова его по справедливости может назваться лабиринтом с бесконечными ходами и переходами. Хомя не любил никогда повторяться. Сегодня он расскажет мне былинку об Илье Муромце, завтра — повесть о Егоре храбром, послезавтра — легенду «о вовкулаках», а там начнет потешать тем, «як кацапський Бог та боровся с казацьким», или как происходит обычай сватанья у кацапов, и что в это время делает невеста... С Хомя я любил более всего предпринимать ночные прогулки в степь, в лес, на реку, на курган и пр. При этом мы всегда шли под руку и дружелюбно о чем-нибудь беседовали. Ночь, около одиннадцати часов; мне не спится.

* Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 93.

** Крестьянин д. Солошиной Степан Цыплик, 30 лет.

* Иначе называемые тиршны.

- Хомо!
- Агу!
- Подаюсь на могилу!
- А що ж? І подаюсь!

Я беру ружье, Хома сонялку, и мы подаемся... Идем «на-впростець» по бур'янам, через канави, глухою степю и добирас-мися до могили.

- А скажи, Хома, як ця могила зветця?
- Стрільцева!
- Від чого так?
- Від того, що тут жив такий козак, що добре стріляв.
- Гаразд, а хто ж на ній оці ямки поконав?
- Це такі людиці, що гроші шукали.
- І найшли ж?
- Цілий казан, кажуть.
- Як же воно було?

— Як воно було, я цього сам не бачив, а чув від діда Івана Хотюна; він був приставлен підпаском до панської череди. «Ми,— каже дід,— телята пасли. От-от соничко зайде, а ми пасемо. Коли не ідуть якісь-то три козаки; переїхали через балку, повставали с коней, ідуть пішком; ідуть і несуть разгорнуту бамагу: дійшли до Стрільцевої, два взібралось⁴ на неї, а третій коло дороги стоїть. Стояли-стояли, ідуть до нас. «Здорові!» — «Здорові!» — «А що, хлопці, це у вас Стрільцева могила?» — «Стрільцева!» Подивились вони, повернули назад та й потягли собі. На другий день женимо ми телят; догнали до могили, аж телята і давай земаю розривать ногами та кидати її. Мичать та кидають. Ми туди; дивимось, аж там земля розрита. «Оце ж ті козаки, мабуть, що гроші шукали!» Давай і собі шукати. Шукали-шукали та й найшли одного мідного п'ятака. Видно було, що тут стояв цілий бочонок з грішми: сліди от обручей позаставались. Людиці поживились, а ми подивились.

- Хомо!
- Агу!

— А хто цим іменієм владів преже, до теперашнього пана Михеєва?

- Пан Солоха.
- А до пана Солохи?
- Пан Гнида.

- Козаки запорожці владіли.
- А куди ж вони звідпіля поділись?
- Цариця Катерина пропівалась на них, так вони кудись і помандрували.

— І далеко помандрували?

— Та одні за Дунай-річку, а другі під Кальчик річку.

— Ну!

— От ну! Та ото ті, що пішли під Кальчик, виробились у лугарів, або харцизів: такі були разбойники, що страсть одна. Оце було як сонце низько, то вже й не їдъ мимо них, а то або вб'ють, або заріжуть. Одно слово, таке стали робити, що і страшно казати.

— От як!

— Коли ж так!

— А де ж ті, що пішли за Дунай?

— Ті вернулись, кажуть, уп'ять назад та тут десь знову і за-напали себе.

— Хомо!

— Агу!

— А бідові людиці були ті запорожці?

— Такі бідові, що ни боялись ні людей, ні чортів, ні мерт-вяків.

— А як так?

— А от як. Якось ішов запорожець побіля кладовища та й зайшов на гробки. Дивитця, стоїть хрест; підійшов він до хреста, винняв із-за голянища ріжок та й стука їм об хрест, стука та ще й приговарює: «Покойнички-старички, а-ну лиш вста-вайте, у ріжки постукаєм, табачку понюхаєм». — «А давай, коли що єсть!» — шось озвалось ззаді запорожця. Обернувся козак назад, аж воно мертвяк — замість очей ямки, а замість носа дірка; протяг кикті до запорожця та й каже: «А давай-давай, коли що єсть нухати...» А запорожець не робкого десятка був. «На, каже, нюхай!» Постукали в ріжок, понюхали табак. Тоді мертвяк і каже: «Ну, ходім тепер зо мною». — «Ходім», — каже запорожець. От пішли. Прийшли на слободу, підійшли до першої хати. Дивитця мертвяк на хату, аж там перехрещено. А то, бач, як люди лягають спати, то христять і вікна та двері, щоб нечиста сила в хату не влізла. «Ні, сюди не йдім, — тут пе-

рехрещено». Пішли до другої хати. Подививсь мертвяк і каже: «Ні, і сюди не йдім, бо й тут перехрещено». Пішли до третьої. «І сюди не йдім, бо й тут перехрещено». Прийшли до четвертої. Мертвяк і каже: «Осюди йдім, — тут не перехрещено». Увійшли у хату, а там лежить дитина у колисці, а на столі стоїть пів-відра горілки. Мертвяк заколов дитину, наточив відро крові та й сів за стіл. Сів і запорожець. Сидять і п'ють: запорожець горілку, а мертвяк — кров. Сиділи вони, сиділи, аж поки не повипивали: мертвяк відро крові, а запорожець пів-відра горілки. «Ну, одведи ж тепер мене туди, де взяв», — каже мертвяк запорожцю. Запорожець повів. От прийшли вони до кладовища; найшов мертвяк ту могилу, звідкіля вийшов, та й давай лізти в гроб. Сам пірнув туди та й запорожця за каптан ухопив, — хотів і його с собою утягти. Баче запорожець, що лихо, та шаблею як сіконе по каптану, то так пола і зосталась у руках мертвяка: пішов мертвяк з полою на той світ. Якби не одірвався запорожець, так мертвяк був би втяг і його в гроб. Приходить уранці запорожець до козаків, а вони й питають його: «А де це ти був?» А він каже: «Отака та он яка міні причта була». Вони не повірили, — повели до кошового. Прийшов запорожець до кошового, розказав і йому про свою причту. Кошовий теж не йме йому віри. «Що ж, — каже козак, — якщо міні не вірите, то одкопайте могилу того мертвяка та подивіться на нього, то може й повірите». Пішли вони до кладовища, одкопали мертвяка, дивляться, аж воно так: лежить він у гробу і полу в зубах держить та ще й посміхується. Тоді повірили. От так-то: не займай мертвяків. Це в старовину було; тоді мертвяки ходили, а тепер не ходять, бо їх закликають; тоді і чортів бачили було, а тепер вони в Омерики десь провалились.

— Добре, Хома, добре! А чи не засвистіти нам на свисті-льці?

— Чом же не так? І засвистим.

И Хома наладилася; он сел на кургане, на корточках, а я прилет поодаль от кургана в траве. И что за картина вышла! Высокий, покрытый густой травой, с небольшим на середине углублением, курган; на самой вершине кургана с открытой лысой головой Хома; он гладко выбрит, на нем белая тонкая полотна сорочка и синие средней величины шаровары, на ногах «добрі шкапові чо-

боти»; Хома сидит как-то особенно важно, подняв кверху голову, и в зубах держит сопилку. Вокруг невозмутимая тишина. Только изредка, да и то чуть заметно доносится до моего уха отдаленный лай собак да одиночный голос какого-нибудь хлопца, уводящего на ночлег в степь лошадей; изредка же дохнет ночной ветерок и наклонит к земле белый, подобный морской пене, шелковистый ковыль... Повсюду темь; звезды едва-едва мреют в небесном пространстве; чуть заметно в отдалении блестит водная полоса Волчьей реки... И в это самое время Хома насвистывает старую козацкую песню:

«Та чорная хмара наступає, став дощ накрапати.
Ой, благослови, отамане, намет напинати.
Гей, усі пани, усі дуки в наметі сіли,
Наша ж браття — голотонька та й не посміли,
А взяли квартиру, другу с жарту, на дощі сіли.
Гей, веселя беседонька, де голода п'є,
А ще краще, а ще краще, де отаман є.
Ой, хоч він не п'є торілоньки, порядок дає.
Як прийшов батько, пан-отаман, стало ему жалі:
Ой, скинув с себе синій каптан, намет розіслав.
Аж іде богач, та іде дукач та в порозі став,
Гей, із нашої голотоньки та сміятись начав.
Уже ж багач, та уже дукач насміхається:
«Ой, за що ж тая голотонька напивастися?»
Ой як крикне ж пан-отаман а на свою голі:
«Гей, візьміть дуку за чуб, за руку та й виведіть воні!»
Ой, один бере за чуб, за руку, другий в шію б'є:
«Гей, не йди, не йди, превражій дуче, та де голода п'є!»
Як пішов багач, як пішов дукач та й не оглядався,
Гей, десятому заказував, та щоб не сміявся,
Як пішов дукач, як пішов богач крутим бережком,
Гей, розчісує чорні кудрі та густим грибішком».

И какая характерная песня! Как живо она вызывает на память то время из истории малороссийского козачества, время Ивана Самойловича и Ивана Мазепы, когда вся войсковая малороссийская старшина стала отделять от себя чернь и присваивать себе разные права и привилегии в ущерб простым козакам и когда в козацкой среде, с одной стороны, всплыли так называемые дуки

— богачи, а с другой обозначались так называемые голота — бедняки, и когда, вследствие этого, на Украине в самом сословии козацком, «возникло взаимное недоверие, возродилась вражда, а потом возгорелась и самая ненависть со всеми ужасающими последствиями этой страсти»⁴⁵.

Хома давно уже кончил свою песню; он сыграл уже и другую; начал и третью, а мне все мерещатся дырявые сапоги, рваное платье козаків, их жалкий убогий вид. «Хомо! Хомо! Эх, если бы ты видел, как три зирочки покатались по небу?» — «Та то козацькі душі усміхаються нам!» Песня прервана, и скоро мы возвратились в хутор.

Однажды мне захотелось осмотреть реку Ганчул на том ее месте, где она впадает в реку Волчью, образуя собой очень высокий, влающийся в реку нос и отделяя во времена козачины Камниусскую паланку от паланки Самарской. Было под вечер, когда я, в сопровождении дяди Данила Нелипы, отправился к Ганчулу и сел в лодку. Мы поплыли по течению реки с юга на север. Лодка наша шла точно в панораме, имея с левой стороны берег, усеянный громадными гранитными глыбами, а с правой — берег, окутанный высоким камышом и густою рощею деревьев, частью осин, частью татарского клена, частью дикого терновника. Скоро подплыли мы к тому самому месту, где Ганчул, в виде правильной полулути, поворотив с запада на восток, с стремительною силою мчится в Волчью реку. У места слияния этих рек из материка образуется небольшой мыс, по обеим сторонам окаймленный густою, непролазною чащей и высоким, больше 3 сажен, камышом. Берега мыса, подмываемые с той и другой стороны водой, представляются настолько отвесными и настолько высокими, что вскарабкаться на них нет никакой возможности. Несколько ниже мыса, по реке Волчьей, от множества наклоненных к воде деревьев, образуется род естественного павильона. Взобравшись под этот павильон, мы немного передохнули, но потом вновь продолжали свое плавание. По левую руку от нас шли наделы крестьян села Покровского, по правую — владения Ф. И. Михеева. Скоро мы добрались до большого выступа, с правой стороны.

⁴⁵ Киевская старина. 1882. Т. 4. № 10. С. 135.

— Діду!

— А що, паничу!

— Що це за виступ такий?

— Це Зміїв кут.

— Що ж воно таке? Змій тут жив, чи що?

— Ні, не змій, а козак такий, як змій.

— Як це так?

— А так, що він орудував дуже великою силою, та отут зробив собі печерю та й живе, а як плыве було татарюга по Вовчий, то він зараз буц та й вб'є його. Ото узнали люди про його хист та й прозвали Змієм, а по ньому уже і кут Зміїв.

— Так от як!

— Так саме!

— Ну, а теперь скажи мені, що воно оце за ямки, коло цього куза.

— Та це от які ямки. Літ сорок тому назад виїздив сюди із якогось города чиновник шукати тут клада. Приїхав, дивитця на це місце, аж тут камінь; підняв він той камінь на блоки, туди, а там вода; вибирав-вибирав воду, нічого нема. Давай вертіти свердлами; вертів-вертів, теж нічого нема. Тоді він і каже чоловіку, що коло нього ходив: «Поведи мене, спасибі тобі, ще у той густий терен, там, я чув, закопано двадцять бочек казни». Повів той чоловік його у терен; так що ж? Копав-копав і там нічого не найшов. С тим і поїхав. «Ні,— каже,— сюди треба не такого знаюку, як я».

Мы поднялись еще дальше по реке и увидели небольшой островок с правой стороны от нас.

— Що це таке за острів?

— Птичий.

— Чого ж він так зветця?

— Того, що на ньому птишня була.

— А хто ж ту птишню заводив тут?

— Пан Гнида.

— Що це воно все Гнида та Гнида, оце вже у якій раз я чую про того Гниду. Скажи, пожалуйста, чи він великий був пан, чи так собі панок?

— Він-то великий, та тільки із маненьких виїшов.

— Як це так?

— Та от як. Діло це було за запорожців. Приходить раз до запорожців хлоп'я та й проситця, щоб вони прийняли його до себе. «А що ти у батька та у матері робив?» — «Свині пас!» — «А будеш у нас сини пастир?» — «Буду!» — «Добре, яке б же йому мення дати?» Подивились на нього, а на ньому гнид, а на ньому гнид, наче на свині!.. Ото зараз і дали йому прізвисько Гнида*. Химерні люди були!.. Живе воно між запорожцями; коли це вийшов від царіші такий лист, щоб не було запорожців. «Теперь, хлопці, біжіть, хто куди піймав!» Як розійшлись запорожці та й бросили Гниду; так він справив собі шкапіячку, купив віз, набрав повні віз горшків та й повіз у Луспенівку; а у Луспенівці тоді було, може, хат десять, а не більш як п'ятнадцять. Повіз у Луспенівку та й не продай; везе назад, коли ось назустріч йому сусіль старий запорожець!.. Давай балакати з ним, давай балакати та й сказав, де гроші закопані, у якому майдані вони лежать. Так він під'їхав до майдану, перевернув горшки, забрав суми та й голі горшки продавати; купив у Куту за землі п'ятнадцять тисяч, женився та й давай прилаштовувати на свою землю людей. Оце як ідуть які чумаки або косарі, то він до них: «Діть, каже, до мене, у мене степ як дим». Та отак він і набрав людей білих ста сім'ей та тоді вже і зашороборив... Ото й діти у нього підросли; три сини у нього було, він їм і землю поділив; та два ж із них вийшли путні, а один п'яниця. Старий як умер, а він давай гуляти; гуляв-гуляв та догулявся до того, що й участок свій продав Солосі, оце, де тепер наш Богдар,— продав, а сам подався у Київ. Навпосля якось прихолов, приніс мірку вошії с собою; подивився та й назал. Так отакій той Гнида. Старий то ще не забував свого прежнього звання: він частенько показував і той самий майдан, де перекинув віз з горшками. Наші батьки балакають, що ще й вони бачили черепки от тих горшків».

Из фамильных бумаг 1788 и 1802 годов владельца части земли, некогда принадлежавшей Гнидам, поручика Николы Захарьевича Мухортова видно, что первый владелец из Гнид был полковой асаул Антон Павлович, сын его хорун-

жий Даниил Антонович, сын Даниила Антоновича Тит Данилович, сын Тита — Дмитрий Титович.

Было уже за полночь, когда я велел повернуть лодку назад и плыть за течением р. Волчьей. Река Волчья есть приток реки Самары, впадающей в Днепр. Она берет свое начало в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии; длина её — 220 верст, ширина от 15 до 25 саж., глубина от 1 фута и до 1 саж. В истории древней Киевской Руси она известна тем, что по ней шел естественный путь из Киева в Константинополь и обратно уже с IX века по Р. Х., когда только что основалось Русское государство. «Если плавание через днепровские пороги вниз, по течению воды, представляло много трудностей и неудобств, то вверх, против течения воды, оно было уже совершенно невозможно; а переправлять барки и лодки, суда и струи по суше мимо всех порогов, на расстоянии 40 или 50 верст,— превышало силы человеческие. Поэтому-то шедшие или возвращавшиеся из Константинополя в Киев держались уже большею частию другого пути, именно: из Черного моря пускались Керченским проливом в Азовское море, из этого моря плыли рекою Миусом; отсюда около версты шли волоком в Волчью воду (реку Волчью), из нее в р. Самару, а из Самары уже в Днепр. Нынешние степные реки Миус, Волчья и Самара с своими притоками в древние времена были огромны и глубоки; даже в конце XVII века они были еще судоходны. С половины IX века, по основании на юге России русского Тмутараканского княжества⁵, этот путь, как из Киева в Тмутаракань, так и обратно, для всех путешественников, особенно русских, был общеизвестным и самым обыкновенным... Самарою поддерживались и скреплялись в то время все политические связи, все родственные и торговые сношения и сообщения между Русью Киевскою и Черниговскою, с одной стороны, и Тмутараканскою — с другою»⁶.

Был как-то прекрасный июльский день. Солнце уже сошло со своего зенита и склонялось к западу. Я вышел из своего «кубежища» и направился по луку на баштан. Пройдя четверть часа по открытой ровной степи, я спустился в луг и тут, почти у самого берега р. Ганчула, увидел небольшой куренек и около него

* Феодосий (Макаревский). Историческое обозрение церквей Екатеринославской епархии. Екатеринослав, 1876. С. 16—17.

* Сравни у Стальковського: Історія Нової Сечі. Одеса, 1846. Ч. I. С. 318—319.

дида-сторожа, Івана Хотюна. Об нем уже давно доносили мне, как о человеке, который умеет «брехати» про запорожцев. Я подошел к куреню, поздоровался с дилом, сел на траве, скинул с себя фуражку и расположился как дома. Дид вытащил превосходную ароматичную дыню, достал из кармана нож, сделанный из обломка косы и представляющий из себя скорее шило, нежели настоящий нож, разрезал этим ножом дыню и стал угощать меня ею.

- А знаєте, діду, чого я прийшов до вас?
- А чого?
- Послухати про запорожців. Наказали мені, що ви дуже добре про них балакаєте.
- Це вже, мабуть, Хома вам доніс? Де вже я там добре балакаю, як я їх не знаю і не бачив.
- Так, може, чули, коли самі не бачили.
- Як малим ще був, то так кой-які басні чув.
- Що ж ви чули?
- Чув, що б то вони знали з нечистими. Ото б то, кажуть, чорт біг іскушать дівку та й на дорозі замерз. Біг-біг та й забіг до запорожців у кіш, такий, бач, невеличкий на сохах, курінь, де вони печуть та варють. Забіг, сховався у миску та й лоскотить ложками: їсти хоче. Лоскотить та й лоскотить, а запорожцям і не в догад. «Що воно таке лоскотить? Що ти таке єсть, що ти ложками цокотиш?» — «Я, — каже, — лукавий». — «Що ж тобі треба від нас?» — «Та так-то й так: біг я іскушати дівку, та по дорозі і замерз, а тепер забіг до вас, одігрівся, так їсти хочу. Готовьте, спасибі вам, більш, то я вам у пригоді стану». — «Ну, що ж, хлопці, варіть більше, готовьте доволно, нехай уже й він їсть». От стали вони варити. Оце понаварюють казанів десять, понаставляють йому, а він так усе і повилиже. І, пішло тим запорожцям добро таке, що куди вам! У хлівах ні одного кізачка, а воли як із води, аж стегна їм повиперало. Таке їм пішло добро! «Варіть, хлопці, варіть!...» Ого дождались весни; як дождались весни, так він, сучій син, як почув весну, так і кришу зірвав: утік!..

- Значить, запорожці жили не по-божому?
- Не по-божому, а по-бурлацькому. Тоді так було, хто виривався відкіль, то все біжить у Запорожжя; вони всякого приймають, тільки признавайся, чи є жінка, чи нема. Ото прийшов раз до

них жонатий чоловік, городовик, та й проситця, щоб прийняли його до Січі. «А жонатий ти, чоловіче?» — «Ні, не жонатий!..» — «Ну, запишися у курінь». Записався він. Живе. Прийшла велика п'ятниця. «А возьми, хлопче, калок та поїдь повикидай їтери із озер та із річок, бо у страшну п'ятницю рибу гріх держати у запрудах». Поїхав той городовик риби ослобонити. Ждять-пождять, його нема. А у нього була жінка, та жінка не проста, а волшебниця, так вона його і смикнула аж у городи. Тоді січовики до кошового. «Так-то і так-то, батьку, отакого-то козака нема». Кошовий подивився, куди там треба, та й каже: «Е, дуже далеко теперь він від нас, — верстов, може, за триста... Потягла його до себе жінка. Ну, добре ж хоч то, що він поплав у каюці; хоч і потягла, то не велика ще біда, а якби пішов пішки, то вона б його тягла до себе на голій с-аці!.. Ну, дарма: він як розговітця, то приїде на Богородицю». Коли це так: на Богородицю їде він у Січ. Зараз до кошового і повинився. «Я ж вам казав, еретичі сини, признавайтесь ви, чи у вас є жінки, чи нема. Дурний, що не признався. Я б зробив так, що не ти до неї, а вона до тебе б їхала та ще чим? Тим, чим сидить». — «Прости, батьку, мою жінку! Ось вона за те прислала тобі сорочку тонкого полотна на гостинець». Так він узяв ту сорочку, розіп'яв над багаттям, дивився-дивився та й каже: «Ні, волшебства ніякого нема, та й надів. «Ну, спасибі ж твоїй жиньці за гостинець!»

— Чув я, що будете ви, діду, розказуєте ще про якогось Семена Палія та Грицька Сагайдака; хто вони такі були?

— Семен Палій, — це той, що ослобонив Гетьманщину од ляхів⁶. Про нього от яка єсть балачка. Орав якомсь у степу один чоловік і виорав голову, та таку здоровенну, як казан. Виорав та й каже: «Це, мабуть, голова якого-небудь лицаря: дай-ка озьму її додому та попрося батюшку окропити свяченою водою та поховати її, як слід, по християнському закону». От і взяв. Узяв, привіз додому, уніс у хату, положив на лаві супроти печі та й каже жиньці: «А-ну лиш, жінко, лагодь вечеряти». Жінка узяла рогац, витягла із печі горщик, обернулася спиною до печі та й ставе той горщик на лаву; ставе горщик, дивитця на голову та й каже: «Мабуть же оця голова та й попоїла на своєму віку». А та голова і каже: «Попоїла, та ще попоїм!..» Жінка так і впусти-

лась од переляку: «Іх, міні лихо!..» Баче чоловік таку штуку та й каже жінці: «Ну, жінко, ростопи ти піч та вкинь цю голову у жар, а як вона згорить, то вигреби попіл та й геть викинь за вітром». Жінка ростопила піч, укинула туди голову; спалила її, вигрибла попіл та й каже сама собі: «Як міні цей попіл геть за вітром викидати, то краще його москалям на поташ продати». Зібрала його у хустку та й положила на полицю, а сама лягла собі спати. Ось скоро недовго прибігла з вечерниць дочка того чоловіка та жінки. Прибігла, ускочила в хату та й давай лапач по полиці, щоб найти чогось та з'їсти, — а вона, бач, нагайнувалася за хлопцями, так що аж їсти схотілось їй. Давай лапач, давай лапач, — налапала шматок хліба; тоді давай ще й соли шукать. Найшла хустку, ту, що попіл у неї зав'язаний був, узяла з неї пучку попелу та й давай їм хліб солить. Посолила і з'їла, з'їла та й заваготіла, — не од того, бач, заваготіла, що з хлопцями бігала, а того, що попелу од голови покуштувала. Через скільки там місяців і сина собі привела. Як привела собі сина, назвала його Семеном та й вигудувала, а потім того послала його в Січу. І став жити той Семен у Січі. Сперш воно ледащо було; так у дурнях собі жив; усе у попелі валявся, від того і прозваніє получив: «Попільник». Отак він лежить між запорожцями та й лежить, нічого не робе, а вони то все турка розгоняють, то поїдуть Польщу розоряти; наберуть по дванадцяти коней та й хода; доскочуть собі грошей, сукон, усякої усячини, приїдуть до дому та й почнуть дувати між товариством. Дойде черга і до Семена. «За що йому давати? Він тільки валяється у попелі, а робити нічого не робе, так нащо ж йому давати?» — «Е, ні, каже кошовий: не обходьте, панове, і його, у ньому є прок». Ну, от дадуть і йому що-небудь. А він усе розверне попел під куренем, — а куріні у їх великі, чоловік на шістьдесят, — розверне попел та там і лежить... От раз кошовий з козаками і одлучився кудись. А Семен лежав-лежав, надохло; далі взяв рушницю та й потяг до річки качок бити. Дойшов до річки, аж дивитця, у березі скеля, велика скеля; сів він на тій скелі та й сумує, що нема чого їсти. Коли це так хмарка за хмаркою виступає, став дощик бризкати, де не взявся і качки. Одна по одній, одна по одній, та як налетіли, хмара хмарою! Прицілився Семен, пустив

із рушниці, а тут його щось товк під руку!.. Він і промахнувся. «Ех, матері твоєї ковінька!..» Сидить, уп'ять журитця. «Що ж воно мене товкнуло?» Подивився кругом, нема нікого. Тоді взяв прикрив рушницю штанами, щоб дощ не замочив, ліг боком на скелю та й дріма. Дріма собі та й дріма. Коли це розкрив очі, гульк; аж по тім боці річки лежить щось голе до голічєрва та й трієтця протів сонця. Що воно таке? Очі блещать, кикті як у собаки, тіло червоне, мотузкою пузо підперезано, хвостиком вертить та ще й пе-дить... Ах, ти, сретича луша! Як же ти смієш перел запорожцем хвостом вертїти та ще й пе-дїти? Постой же, я тебе поверто!» Коли ось вискочило воно із води, стало задом протів Семена та хвостиком верть! А Семен його буц із рушниці! Та й і вбив. Убив і всіх качок розігнав. Шо ж тепер казати? Потяг до куріня. Іде до куріня, аж Господь послав йому назустріч анголя. «Здоров, Семене!» — «Здоров, божїй чоловіче! Шо ти єсть таке?» — «Я анголь з неба!» — «Анголь?» — «Анголь». Семен зняв шапку. — «Шо ж тобі треба, божїй анголю?» — «Не міні треба, а шо тобі треба од Бога за те, шо ти побідив лукавого?» — «Хїба то лукавий?» — «Лукавий. Ти його побідив, так Господь і послав мене до тебе, щоб я дав тобі, чого ти забажаєш у Господа». — «Гьфу! Міні не те, шо воно лукавий, а те, шо як воно сміє передо мною хвостом вертїти та ще й пе-дїти?.. Одначе, постой же, шо б його попрохати? Як би його гарно видумати? А!.. От що: хочу я небагато од Бога: щоб скілько я об'їхав, стілько й побідив та щоб стілько я жив, скілько живе місяць: місяць старий і я старий, місяць молодий і я молодий!» Долетів анголь до Бога. — «От так і так; того-то і того хоче Семен». — «Ну, шо ж? Хай буде йому так, як він хоче...» А Семену уже й гадки нема: шкобиртає собі до куреня; одно тільки горе: їсти хочетця. Ходив-ходив округ куреня, найшов гнилу рибину, давай вогонь розводити; розводив-розводив, та й запалив курінь. Коли це приїжджають з добічі запорожці. «Хто це курінь спалив?» — «Семен Попільник!» Давай вони його лаяти. Лаяють та приговаривають: «Палїй ти, сякій та такий сину!» Ото і став із Попільника Палїй, Семен Палїй. Проїшло скілько там времені, збираютьця уп'ять запорожці у Польщу. Обрали собі ватажка, ловлять коней. А Палїй лежав-лежав та й каже: «Дайте ж і міні коня, може і я поїду?» — «Куди тобі, сякій та такий сину, їхати?» — «Та нехай їде, — каже кошовий, — може, й він здастця». —

«Ну, коли хочеш, то пиймай собі там де-нибудь на степу коня та й їдь». Пішов Семен, пиймав самого першого лошака та й веде до куріня. А запорожці аж ахнули: «Дивись,— кажуть,— якого лошака пиймав?» — «Дайте ж мені і зброю: сідло та вуздечку!» — «Бери, бери, хлопче, яку любав». Ото зібравлись. «Ну, панове, вас дванадцять, а я буду тринадцятий». Посідали верхи, у кожного по два коня. Сів і Палій на свого лошака. Сів, не струснувся, не здвигнувся, аж усі дива дались. «Ми скільки, кажуть, муштруємо своїх коней, та й то так не поїдем, а він одразу сів та й поїхав». Поїхали, подрали Польщу, нябрали добра, чого там бажали: грошей, сукон, зайців, лисиць, та й їдуть. Коли це за ними погоня: скопилось чоловік сорок ляхів. Ось-ось догонять. «А що, панове, пахохо нам прийде-тьця: догонять іродови ляхи, голови познімають». — «Що ж тут казати? Порадь, батьку отамане!» — «Ех, панове-молодці, і порадиш би, так сам не знаю, що робити». — «А я знаю, що», — обізвався тоді Палій: — «уставайте ви с коней та беріть їх під борода та й стійте, не ворухтесь, а я буду сидіти верхи,— я одведу очі ляхам». Повставали вони с коней, держуть їх під борода, а Палій сидить верхи. Коли це добігають ляхи; дивлятьця, аж поперед їх наче якийсь куц. «Що це воно стоїть?» — «Та це куц терну, а на ньому чи сорока, чи гавя; наче гавя». Подивились та й поїхали назад. Тоді той ватажок у ноги Палію: «братіку, каже, рідний, якби не ти, то ми б усі пропали». Приїхали до Січі, розказали кошовому про свою оказію, а кошовий вислухав та й каже: «Молодець, Семен, не дав ти запакувати душі козацькі ляхам; будь же ти с цього времені полковником». І став Семен Палій полковником.

От і живе собі Палій на Запорожжі. Аж ось їде царь Петро шляхом запорожским, коли їдуть куми: «Що ви несете?» — «Хлопчика» — «А який сьогодні день?» — «Сьогодні день Мазепи». — «Ну, везіть до попа: хай він дасть мення хлопцеві Мазепу». — «Повезли до попа, піп і прозвав хлопця Мазепу. І став той Мазепа великим чоловіком у Гетьманщині, більшим, ніж Палій на Запорожжі, тільки Семен Палій був сильніший за Мазепу та й форкуватійш трошки. Прочув Мазепа, що Семен Палій форкуватій чоловік та й давай його зазивати до себе у гості. «Приїдь-таки та приїдь та погуляємо с тобою». А він і приїхав. От і давай Мазепа брататця з Палієм. «Давай,— каже,— поміняймося перстинями: ти мій возьми собі, а я твій возьму собі». — «Ну, що ж? і поміняймося». І

помінялись вони. Тоді давай Мазепа напувати Палія. Напував-напував та впоїв його добре та тоді взяв та й замурував у стіни у Полтаві. «Ну, тепер він у моїх руках; боявся я його кріпко, а тепер аж не капельки не боюсь». Та й давай прохати царя Петра,— а Мазепа був у царя у великій славі,— та і давай прохати царя: «Стреби мені, каже, оцього чоловіка, потому я його ненавидав, бо він уредний царству». — «Стреблю,— каже царь,— якщо він уредний моему царству». — «Стреби, непременно стреби та пришли мені перстинь, що в нього на руці, тоді я повірю, що він погіб». — «Добре, стреблю». От вивели Палія із стовба, щоб то казати. «Ой, царю, не стреляй ти мене, бо я тобі колись-то здамся! Я буду тобі у великій пригоді». — «Як же-ж? мені зробити, що я вже пообіщав Мазепі?» — «А от як зведи мене с цих міст, замість мене казни мого вродника, а перстинь мій відшли Мазепі». — «Ну, хай буде так, подивимось, що с того вийде». Ото найшли вродника, казнили, Палія скрили, а його перстинь відіслали Мазепі. Подививсь Мазепа на перстинь та й каже: «Мій, настояще мій; тепер я бачу, що Палія вже на світі нема, от тепер я й за царя візьмусь». Зараз зговоривсь він із шведом та з ляхом та й открив по царя войну. Задумавсь царь. Коли хтось і натекни йому: от якби тепер Семен Палій, то той би мог против Мазепи оружитця. Царь снова спомнив про Палія, послав за ним по всій державі, де його найти. Суток за шестеро чи за семеро найшли його; привели, кинулись до нього, а він увесь заріс, вошій на ньому, страсть дивитьця. «Дайте мені спочити!» Дали йому спочити, потім привели до царя. А царь і давай йому жалуватця, що Мазепа устає против його воювати. Палій, чувше те, та й каже: «Дій біди, царю, ще можно допомогти: проси, царю, Мазепу на двоє суток обождати з войною, тоді й починай». Послухавсь царь. А Палій сів на коня та й давай обїзжати нічю войська Мазепи. Як обїхав кругом, так і засмутив Мазепину рать. А Мазепа й негадки: жде двох суток. Ждав-ждав, давай по чарці пити, щоб-то, бач, виїзжать откривати войну. А Семен Палій, не дождавши вістової оруді, та й вистриляв із свого ружжа та якраз у чарку Мазепи так і влучив. Пуля тільки джи!..а чарка так і випала із рук. «Ох мені лихо! Хто б то воно такий? Так може стріляти один Семен Палій... Тільки його на світі нема. Хлопче, а піді подивись, чи стоїть на могилі що-небудь?» — «Стоїть». — «А яке воно єсть?» — «Стоїть

як спис». — «А яка на ньому муніція? чи не біла?» — «Біла». — «А на муніції що, чи не хрест?» — «Хрест» — «То Палій, він як перехресте, то й амінь, а як об'їде кругом війська, війська заміша». І правда: як замішались війська, давай самі себе істреблять. Тоді Мазепу піймали, ноги одрубали, руки одрізали, а самого прив'язали до коня та й вигнали в степ; після того і закляття положили, щоб ніхто один одного не називав Мазепою. А Семен Палій живе собі як місяць: місяць старий і він старий, місяць молодий і він молодий.

— Ну, скажіть тепер, діду, що ви знаєте про Грицька Сагайдака.

— Про Грицька Сагайдака розказує було все Березолуцькій; він жив у Покровському та його батько був із запорожців, служив колись хлопцем при кошовому. Раз якось пішли запорожці за здобичею та й заблудились, zostавсь один кошовий на всю Січу. Нема козаків та й годі. Уже й ніч настала, уже й сонечко сходе. Ото кошовий устав уранці та й каже: «Е, хлопче, сьогодні якась буде потуга!» — «Яка ж, батьку, потуга?» — «А побачиш тоді; заряджайка ружка та не забудь і пістолів! А у куріні сот дві, може, пістолів та й курінь здоровий такий. Позаряджував він ружка, поналагодив і пістолі. От кошовий нависив на себе вісім пістолів та й вийшов із куріня. «Ну, гляди ж ти, яка немира, подавай міні ружка; коли б ти успівав тільки, а я уже одіб'юсь». Не успів кошовий вийти із куріня, коли глядь, а їх іде тьма-тьмуша, хмара хмарою: турок наголо!.. Несуться як скажені, а в тороках усе сириця. Не добігли скільки там сажень, може тридцять, а може й двадцять, а кошовий як вискоче та як крикне: «Стої! Хто такий?.. Не нахось, переб'ю!» Вони й скасувались у водно. Вискочили два начальника, у бузументах, підходять до кошового: «Зрастуй тва!» — «Зрастуй мій!»⁸ А що скажете?» — «Пропусти нас, спасибі тобі, на Самарь!» — «Просим сперше у гості, а потім уже будем балакати об ділові». Прийшли вони; а ті, що під ними, стоять і не з міста. «А розстилай, хлопче, бурку», — каже кошовий. Хлопець розіслав. Виняв кошовий вина, понаставляв усякої всячини. «Сідайте!» Посідали вони, випили, закусили, побалакали. «Ну тепер їдьте!» — Як посідали ті начальники на коней та як майнули, то за ними так усі і заклекотали. «Ну, слухай, — каже хлопцеві кошовий, — буде плач, стон великий, отто наших вес-

тимуть турки у полон». Так, дні через два женуть. Й... плач такий, що, Господи милостивий! Нав'язали сот по п'ять, а може й по тисячі кожний та й женуть. Та дівчат та жінок так собі на свободі, а мужиків та парубків пов'язали сирицями та й гонять повз майдана по марнопольському шляху. Догнали до кошового. «Й, батьку, що як би цих людей та ослабонить?» — «Я, каже, на те й важив! Хоч і багато їх, та вже ж будим битця!» І вибив, усіх, як єсть, вибив, а його не взяли; він знаючий був: його ні пуля не брала, ні шабля не рубала, він такий був, що із води виходив сухим, із вогню — мокрим; він знав усі броди і всі средства; одно слово, він був знаючий чоловік. Ото раз царь пита у його: «Де твоє, каже, вісько?» — А де? Воно, каже, родитця та й і вмере, а як умре, то знову рождається».

Оцей Сагайдак та Семен Палій були у запорожців самі головні кошові; як вони повмирали, то й Запорожжя вмерло. Тоді котрі із запорожців пішли за Дунай, котрі на Кальчику посідали, а котрі пішли на Кубань обробляти землю. Це вже їх царця Катерина разгонила. Вона як руйнувала їх, так запорожські гармати йшли на Тонку у Перекіп. Тоді скрізь були тут зимовники, а сел і чутки не було. Так то запорожці і повезли свої гармати та худобу усяку: відра, кострулі, кварта, півкварта, стакани, мідь. Довезли до того міста, де Воскресенівка, — тоді ще її не було, — та й закопали свою худобу на Лисій могилі. Уже геть після того там ходив чабан з вівцями; та ходє та палочкою і штрика, коли це гульк, аж там кострулька. Тули, аж там цілий склад усякого посуду. Він собі не дурак: діждав вечера, прийшов додому, запряг шкапу у віз та й поїхав забирати той посуд. Зложив усе на віз та того ж дня і поїхав у Марнополь^{*}. Тільки що вивіз у базар, аж ось йому назустріч жид. «Шо ти вивіз?» — «Та тут сяке-такє!» — «Ну, уже шо єсть, покажи, на те ж ти приїхав у базар». — Подививсь він. «Ого! — каже, — скільки тобі дати за нього?» — «А Бог його зна, я й сам не знаю, шо воно стоє». — «Ну, от шо: паняй ти до мене у двір, там звісім усе, скільки воно зтягне, я тобі і заплачу». Приїхав у двір. «А знеси його у амбар!» Той зніс. «А де ти його взяв?» — «Та я найшов його у Лисій могилі». — «Брешиш, ся-

^{*} Марнополь, Екатеринославской губернии, уездный город.

кій-такій сину, ти украв його у кого-небудь! Ти ворюга!» Та за нього... Він отказується, а той жид тягне його до начальства, а чоловік упирається, та христиться та божиться. Та як виривався, та дай, Боже, ноги! Утік і покинув жидові усю свою кладь.

О на тій же Лисій горі, де чабанець найшов посуд, там, кажуть, були закопані і гроші. Запорожці, як подуваних було між собою яке добро, то зараз кожний іде та або хова кудя-небудь, або закопує. Та як закопа та ще й клятву положе. Оце найде де-небудь камінь, наверне його на кладь, а потім пійма баранця, з'яже ему усі чотири ноги дротом, положе на той камінь та й пече живого вогнем: «Оце, каже, як цьому ягняткові нудно та пекельно, так хай буде нудно та пекельно тому, хто візьме одцю кладь...» Так отам же, кажу, на Лисій горі закопан був і запорожський клад. Це снастив міні яврей Островський, — він у нас шинок держав. Бачите, ішов собі запорожець, старий-старий, аж вилискуєця. Ішов та й зайди у Солошин шинок, до Островського. Якраз підійшла субота, шабаш; от той яврей сам справляє шабаш, а місто себе поставив якогось чоловічка. Увійшов у той шинок запорожець так собі повагом; поздоровкався; сів. Дивитця шинкар, запорожець, настоящій запорожець: на ньому каптан, чотири рукава, широчезні штани, чуприна, — усе як слід. «А усип, — каже, — осьмушку!» Той усипав. Запорожець випив, утерся, сидить собі і мовчить. «А що, — пита шинкар, — далеко були, дідуно?» — «Далеко, під Марнополем, чоловіче». — «А чи проходили там Лису могилу?» — «Проходили, чоловіче». — «А чи чули, що там чабан найшов запорожське добро?» — «Чути не чув, а знаю, що воно повинно там бути». — «А чи знаєте, де він його дів?» — «Не знаю, чоловіче!» — «Повіз у Марнополь, а там його обдурив жид». — «Погано, а більш нічого він там не находив?» — «Ні, нічого...» — «Дурний! Там протів тієї могили, у балці, на кінці слободи суми багачко закопано». Тільки сказав це та й замовк. А той чоловік і давай тоді допитуватця: «А скажіть же, діду, чи по той бік слободи, чи по цей бік закопана та сума?» — «Прощайте!» Знявся та й пішов, так і не сказав, у якім місяці. Так що вже той чоловік попокопавсь землі! Чи вже найшов він, чи не найшов тих грошей, Бог його святий знає; та хоч би й найшов, так заклятими грішми не поживеш.

Из деревни Богодаря я направився в степ на северо-запад и, проехав мимо хутора Анновки, поселка Овдворского,

через реку Верхнюю-Терсу⁹, село Ново-Николаевку, через Среднюю-Терсу¹⁰ и Нижнюю-Терсу¹¹, село Славгород, затем, миновав множество хуторов, колоний и слобод, очутился в Павлоградском уезде, в селе Краснопавловке, а отсюда перешагнул в так называемую Слободскую Украину, теперешнюю Харьковскую губернию.

Украина! Сколько и грустных и веселых воспоминаний встает в моем воображении при одном этом слове. Только одно слово, но какое богатое и глубокое! Найдется ли где-нибудь в нашей обширной матушке России столь многозначительный своим прошлым и вместе столь чарующий своим настоящим уголок, как та тихая, далекая и широкая Украина? Путник, остановись: здесь священная почва!.. Да, здесь почва священна, трижды священна! Здесь, что ни шаг, то намек на славное прошлое наших славных предков. Сколько подвизалось здесь достойных в нашей истории героев? Сколько завязывалось и развязывалось здесь громких побед? Сколько раз оглашался здесь воздух воплем и стоном убиваемых, песнями и кликами побеждающих? А сколько раз поливалась здесь земля кровью христианскою, сколько раз, засеивалась она костями человеческими, покрывалась доспехами ратными? Многострадальная и великая Украина!.. Что то было здесь в страшную, тяжелую безысходную татарскую годину, когда тяжкая мгла окутывала нашу Украину, когда стоном сама земля стонала, когда «бедные невольники своими тяжкими кайданами повсюду брязчали, долю свою горькую кляли-проклинали?» Что то было тогда на Украине?

«Зажурилась Украина, що ніде прожити;
Витоптала орда кінями маненькі діти;
Ой маненьких витоптала, великих забрала,
Назад руки постягала, під хана погнала».

А что было здесь в «веселые часы людских банкетов», когда католики попирали веру наших предков, когда человеческие права нашего народа объявлены были нечеловеческими, когда христиан унижен был до положения скота, когда он получил кличку «быдло, пся кровь», когда наши храмы божии отданы были в руки жидам, когда школы украинские сделались притоном ненавистных

иезуитов, заклятых врагов всей русской народности и всей православной веры? Что было тогда с Украиной?

«Встає хмара з-за лиману,
А друга з поля,
Зажурилась Україна,—
Така ї доля!
Зажурилась, заплакала,
Як мала дитина...
...Як та галич поле криє
Ляхи, уїїти
Налітають,— нема кому
Порянокі дати...»

Но вот для спасения Украины в её недрах зарождается могучая и неведомая доголе сила. То было грозное и ничем не одолимое, никем не победимое козачество. Тогда, как бы по мановению высшей силы, вся Украина заколосилась козацкою пажитью, заволодела козацкою нивою. Крепкое телом, сильное духом, низовое козачество, подобно летучей комете, бурно пронеслось по всей широкой Украине, везде оставляя за собой кровавый след и всюду мстя страшною мстью вратам своей предковской веры и противникам своей русской народности, какими были кровождаемые мусульмане и ненавистные католики... И разлилась та слава козацких подвигов далеко-далеко, наполнив собою сердца не только близких, но и отдаленных потомков низового «лыцарства»... И до сих пор слепцы-кобзари, слепцы-бандуристы разносят по Украине ту славу великих козацких подвигов...

Но время козачков на Украине уже давно миновало; страсти уже улеглись, кровь перестала литься и на месте великих деяний остались только высокие курганы, называемые на живописном малороссийском языке могилами, которые звучат лишь одним тоном некогда бывшей здесь жизни. Замолкли козацкие подвиги, сами козаки сошли со сцены, старое прежнее поколение сменилось молодым, новым. Но природа осталась на Украине все та же. Род приходит, род проходит, а земля стоит. Все то же небо, синее-синее, точно в теплой Италии, все тот же воздух, чистый, живительный, все та же растительность, свежая и

роскошная, все те же леса, тенистые и прохладные, все те же речки, тихо изливающие свои серебристые струи и едва скользящие по безмерным и в летнее время душистым лугам. Чудный край! Немудрено, что прошлое Украины нашло своих талантливых певцов в лице наших великих творцов слова, поэтов. Так, уже в XII веке наша Украина воспета даровитым создателем «Слова о полку Игореве», а потом в наше время прославлена гениальным Пушкиным, одновременно с ним Гоголем и вслед за ними А. Толстым.

«О, Донче, Донче, немало ты величия:
Ты волнами князя ублаживала,
Стада ему траву зеленую
По серебряному берегу,
И под тенью дерева роскошного
Одевал ты мглой теплою;
На воде стерег ты его гоголем,
На струях лелеяла его чайками»¹².

С понизовья ветер веет,
Повеваєт,
Ветер лодочки лелеєт
И качает.
Гей, хлопцы, живо, живо!
В Сечи подка, в Сечи пиво...
Будем отдыхати!
Дружно в весла! Чайкой чайку
Обгоняйте!
Про Подкову, Наливайка
Запесвайте!
Гей, хлопцы, пойте песни,
Словно птиці в поднебєсьи
Вольныя понут.

УКАЗАТЕЛЬ МАЛОРОССИЙСКИХ СЛОВ*

Б

- Бавовна, бавина — хлопчатая бумага, вата.
 Багаття — огонь, костер, кострище.
 Базкати — болтать, переливать из пустого в порожнее.
 Байдуке — нет нужды, безразлично, все равно.
 Байрак — овраг, поросший лесом.
 Бялать — говорить, беседовать; бялячка — молва, разговор.
 Бачить — видеть, зреть.
 Башта — башня, взято с турецкого.
 Біг-має; от «Бог» и «иметь» в смысле «нет, не имеется».
 Бідоляха — бедняк, несчастный человек.
 Білі — около, возле, близ.
 Благи — просить, упрасивать, умолять.
 Брама — ворота, в особенности крепостные и монастырские.
 Броварня — пивоварня.
 Булинок — строение, дом, замок.
 Булиголова — болотистое дудчатое растение.
 Буркун — степное колючее сорное растение.

В

- Важить — взвешивать, весить, уvažать.
 Варена — водка с медом, пряными кореньями, подогретая на огне.
 Вар-кипяток, жар, духота.
 Вдіяти — сделать, совершить.
 Весілля — свадьба; весільний — свадебный.
 Вдиріти — увидеть, усмотреть, узреть.
 Віділя — отсюда, с этой стороны.
 Війя — оглобля в воловом возу.
 Вибачати — извинять, прощать.
 Вимовлять — выговаривать, высказывать.

Г

- Гадка — думка; гадаки немає — нет мысли, намерения, заботы.
 Гаківниця — пушка.
 Гачирка — тряпка, ветошка.
 Галяк — стальной крючок для одежды.
 Гаразд — хорошо, прилично.
 Гарба, гарбичка — все равно что арба — большой воз для сена или снопов.
 Гарний — хороший, красивый.
 Гаспа — демон, дьявол; гаспаський — демонский.
 Геть — прочь, вон, убирайся.
 Гілля — ветви, в собирательном смысле.
 Гірко — горько; гірш — горше.
 Глек — кувшин; уменьшительное глечик.
 Годі — довольно, достаточно, полно.
 Годувать — кормить; нагодувать — накормить.
 Годувать — владеть, господствовать, повелевать.
 Городовик — житель городов старой Малороссии.
 Готувать — варить, стрипать, приготовить.
 Гудзик — пуговка, взято с польского.

Д

- Дернина — дерн, дернина.
 Дещо — кое-что.
 Дзвиниця — колокольня, звонница.
 Димарь — дымовая труба в хате, в курене.
 Діяти — делать, предпринимать.
 Дму, в третьем лице «дме» — надуваю, надымаю.
 Догайтись, от гайти — замедлять, задерживать.
 Драбина — лестница, преимущественно подвижная.

Ж

- Жах — испуг; жахатися — пугаться, страшиться.
 Жодний — каждый, всякий.
 Журитися — печалиться, горевать, тосковать.

* Словник український Д. Яворницьким.

Забажать — пожелать.
 Завбільшки — величиною с кого или чего.
 Залізний — железный.
 Запас — боевой снаряд, принадлежность.
 Заплющити — закрыть глаза, зажмуриться.
 Залпо — совестно, неловко.
 Збіговище — собрание, съезд.
 Збіжжя — движимое имущество.
 Збудувати — построить, соорудить.
 Звідкіля — откуда, с какой стороны.
 Здобич — добыча.
 Здолати — одолеть, побороть.
 Зігнати — улаять, пропнать.
 Злодій — злодей, вор, разбойник.
 Зляцязьти — облениться, опуститься.
 Знаюка — большой знахарь.
 Золятичний — одетый.
 Зробити — сделать; зроблений — сделанный.
 Зруйнувати — разрушить, раскопать, зруйнування — разрушение.
 Зузуля — кукушка.
 Зупинитись — остановиться.
 Зїсти — съесть.

И

Иж-Богу — ей-Богу.
 Ізтяти — снять, срезать.
 Ізмялку — с малолетства.
 Інакше — иначе, иным способом.
 Іжжир — винные ягоды.

К

Кабіця — подвижной из камней очаг.
 Казан — котел; казанок — котелок.
 Кайдани — кандалы, окопы.
 Каністас — иконостас.
 Капут — конец, смерть.
 Качка — утка; от слова «качаться».

Кізяк — засохший навоз.
 Кій, кійок — дубина с головкой на конце.
 Килим — ковер малорусской ткани.
 Кимлашня — калмыки в собирательном смысле.
 Кісто — тесто.
 Кишеня — карман.
 Кишло — место, где что-нибудь кишит.
 Кодло — род, племя, фамилия, гнездо.
 Кожанок — тулуп из овечьей кожи.
 Колки — увеличительное от «кол».
 Колись — когда-то, некогда.
 Комашня — муравьи в собирательном смысле.
 Коряк, корячок — деревянный ковш.
 Кохаться — любить, лелеть, жить: «кохаться козами».
 Куля — пуля.
 Куптуш — верхний суконный кафтан с откидными рукавами, носимый козаками.
 Купонька, купа — кучка, куча, толпа.
 Кубло — гнездо.
 Куфа — бочка, бочонок.
 Крадіжка — воровство, мелкая кража.
 Крамарь — мелкий торговец.
 Круча — отвесный обрыв.
 Крига — лед; по кризі — по льду.

Л

Ланець — кожа для прикрытия чего-нибудь от дождя; ремень.
 Лаяти — бранить, ругать.
 Ліска — плетень, изгородь.
 Лякати — пугать, страшить.
 Ліповник — липовая посуда.
 Лелека — аист, черногуз.
 Лядський — польский.
 Льох — каменный походной погреб.
 Люлька — трубка.
 Лимпач — кирпич, сделанный из земли и соломы.

М

Мандрувати — уходить, убегать.

Майдан — площадь, ровное место.
 Майстро — мастер, ремесленник.
 Махан — баранье мясо, употребительное слово в Новороссии.
 Мення — имя, звание.
 Мерщій — скорее, быстрее.
 Мечеть — мусульманская молельня; печь для печения хлеба.
 Мицний, мицненький — крепкий, крепенький.
 Млин — мельница.
 Молодняга — молодые деревья.
 Москаль — солдат.
 Моторошно — жутко, душно, тошно.
 Мотузочок — веревочка.
 Муравний, мураваний — сложенный из кирпича.

Н

Набудувать — настронть.
 Навткача — навтек.
 Надя — надежда.
 Наме — третье лицо от надуть, надымать.
 Найкращий — наилучший, самый красивый.
 Намиста — мониста.
 Наскрізь — сквозь, насквозь.
 Неби, неби б то — как будто, якобы.
 Небога — бедняга.
 Недоузлок — уздечка.
 Немає, у нас немає — у нас не имеется.
 Неміра — неустойка.
 Ніж — в смысле «ножа» и «нежели, чем».
 Ногайва — ногайша, в собирательном смысле.
 Ночви — корыто для стирки белья.

О

Обидя — ободья.
 Оболонь — оконная рама.
 Обкерешувать — обделать, обмотать, обойти.
 Одружитися — ожениться.
 Ожеледця — гололедця.
 Окаряч — раком, на четвереньках.
 Окрім — кроме, исключая.

Олійниця — маслобойня.
 Олія — постное масло.
 Опанчона — епанча, полсть.
 Опізнитися — опоздать.
 Оселя — село, селение, селитьба, изба.
 Ослон, ослін — скамья.
 Отакувать, отакуватися — облагать, стронть.
 Оттачелазний — увеличительное от «такой».
 Оттягнуть — оттащить.
 Оцей, оця — вот этот, вот эта.

П

Падло — палая, сквернота.
 Палшниця — хлеб из пшеничной или гречневой муки.
 Пампушки — пшеничная или гречневая пышка.
 Пан-отець — пан-отец; всего больше к священнику.
 Патючонки — опорки, осметки, вероятно от «ботинок».
 Паскудний — мерзкий, гнусный.
 Печера — пещера.
 Петрівський — петровский, петровского поста, петровок.
 Підмовлять — подговаривать.
 Підліска — подлоска для оси колесной.
 Підпирізатися — подпоясаться.
 Пірнуть — нырнуть.
 Пістоль — піштоль — пистолет.
 Письмак — ученый человек.
 Пішки — пешком.
 Пищальки — пищивы, свистелки.
 Пляшка — фляжка, бутылка.
 Повз — около, понад, мимо.
 Податись — деться, (податься куда-либо).
 Подякувать — поблагодарить; немецкое «danken».
 Покуть — красный угол в избе, под образами.
 Полатти — поругать, выбранить.
 Полічити — лечить и считать.
 Подуниця — земляника.
 Понапинать — понатягивать.
 Поринать — погружаться в воду, нырять.
 Постоли — обувь из кожи без подошв и каблук.
 Потрібка — начинка, мясо, которым начиняют пироги.

Потуга — причина, насилие, беда.
 Поцупить — потянуть.
 Похилый — хилый, слабый, немощный, сгорбленный.
 Пустопаш — без пута, свободно.
 Піхва — ножны; то, во что [вкладывают] сабли.
 Привітати — здороваться, приветствовать.
 Пронца — путешествие к св. местам.
 Прудитця — вытопить из белья блох или ишей.
 Призвисти — произвести, сделать.
 Припона — прсткловление, задержка.
 Пристібувати — пристепают.
 Причілок — угол; причілком — двумя углами узкой стеной вперед.

Р

Рада — совещанье; радитця — совещаться.
 Рало — плуг; то, чем орут.
 Ратице — копье; то, чем ратятся.
 Ретяз — веревка, ремень.
 Річка — ручей.
 Різдво — Рождество.
 Рогеля — снасть для ловли рыбы, наподобие сака.
 Розшукувати — разобрать, понять, расшелопать.
 Розколюка — расщелина.
 Розперезатыця — распоясаться.
 Руїнувати — разорить, обращать в руины.
 Рушниця — ружье.
 Рясний — обильный, густой, многолистный.

С

Сал'яни, сал'яниця — сафьяновые сапоты.
 Сарана — саранча.
 Сіромаха — бедный, сырый, убогий человек.
 Сварка — ссора, брань.
 Сверло — буряв.
 Світанок — время на рассвете.
 Своліна — ствол в ружье.
 Скасувати — скосить, уничтожить.
 Скарб — имущество, клад, находка.
 Скрізь — везде, всюду.

Скриня — сундук; латинское «scrinium».
 Слабий — больной, недужный.
 Спис — копье.
 Спідниця — юбка женской одежды.
 Спинитись — остановиться.
 Стегна — бедра.
 Стяг — знамя, куда стигинаются войска.
 Страна — гнища, еда.
 Стрічка — ленточка для косы.
 Суремка, сурма — музыкальная труба.
 Схаменутися — спохватиться.

Т

Тиліпатыця — болтаться, мутаться.
 Тіпатыця — трепаться, болтаться.
 Тирса — степная трава, подобная осоке и камышу.
 Тнутця, тнетця — тянуться, вытягиваться.
 Товарики, товар — рогатый скот.
 Торік — прошлого года.
 Трапиться — случаться, бывать.
 Треба — нужно, потребно.
 Трісочка — палочка, щепочка, щеп.
 Трохи, трошки — немного, немножко.
 Тричі — в третий раз, трижды.
 Турбуватися — заботиться, беспокоиться, тревожиться.
 Тичія, тичієчка — струя, течение, теченийце.

У

Угамоватися — успокоиться, усмириться.
 Укупі — вместе.
 Улітку — летом, в летнее время.
 Улопатыця, улопавсь — попасть в просак.
 Уперше — в первый раз.
 Утекти, утече — уйти, уйдет.
 Устилька — встилка в сапог под подошву.
 Ухопити от хопати — схватить, поймать.

Х

Хапать — схватывать, ловить.
 Характерник — чародей, знахарь.
 Харшиз — разбойник, душегубец.
 Хіба — разве.
 Хитжа — хитрина, лачужка.
 Хист — удаль.
 Хисткий — неустойчивый, опрокидывающийся.
 Хвиля — волна.
 Худоба, худобина — имущество, рогатый скот.
 Худкий — худой, тощий.
 Хутро — подклаака, подбой.

Ц

Цинок — палка.
 Цюра — слуга, с турецкого языка.
 Цуритись — чуждаться, отрезаться.
 Цутико — крепко, сильно.

Ч

Ченци — монахи, чернецы.
 Черво — чрево, живот.
 Чепурный — опрятный, чистый.
 Чересло — пояс, перевязь для снопов.
 Черница — монахиня, черница.
 Чимчикувать — [быстро] идти.
 Чутка — слух, молва.

Ш

Шалевий — сделанный из шали; прилагается к поясу.
 Шарпати — рвать, драть.
 Шафарь — с польского (szafarz) — ключник, эконом; у запорожцев — собиратель податей.
 Шибениця — виселица.
 Шматок — кусок, ломоть.
 Шкапа — лошадь; шкапячка — лошадевка.
 Шкода — порча, вред, убыток, изъясн.

Шкода — напрасно, тщетно, жалко.

Я

Який — какой.
 Якийсь — какой-то.
 Якось — как-то.
 Як — как.

ОГЛАВЛЕНИЕ*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Мнения летописцев и историков о происхождении козаков. Указания на время появления слова «козак». Первое появление запорожских козаков на Низу; основание Сичи с тридцатью семью куренями; разделение всего Запорожья на паланки и время продолжительности истории запорожских козаков. Первый и последний кошевой. Запорожье в настоящее время; села: Каменно-Потоцкое, Троицкое, Плавтинка, Дериевка, Куцеловка, Шошиновка, Аулы, Романково, Каменское, Тритузное, Карнауховка, Таромское, Сухачевка, Дневка, Новый-Кодак и Половища; краткая история каждого из них, описание островов, лежащих против сел на Днепре, и указание на оставшиеся предметы древности в церквях. Путешествие императрицы Екатерины II. Собрание древностей А. Н. Поля в г. Екатеринославе.

ГЛАВА ВТОРАЯ. История города Самары и предания об основании в ней запорожского собора, теперь Новомосковского; оставшиеся предметы древности в нем; портрет запорожского гайдамаки. Река Самара, ее окрестности, паланка и переправа Самарская. Самарский Пустынно-Николаевский монастырь. Краткая его история, остатки древностей, портреты дикого пола и полковника А. Ф. Колпака.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Села от Самарского монастыря вверх: Вольное, Афанасьевка с остатками древностей в ее церкви, Котовка. Река Орель с ее окрестностями и рядом крепостей: Св. Парасквы, Орловской, Св. Иодина, Бельсовской, Козловской, Св. Феодора, Рязской, Васильковской, Лявенской и Борисоглебской. Собрание древностей Г. П. Алексева. Село Чернетчица и находящийся в ее церкви синодик Нехворощанского запорожского монастыря. Села: Магдалиновка, Королевка, Поливановка, Очеретоватое и Спасское. Дядь Самойло Прус и его рассказы о запорожцах. Село Старый-Кодак с остатками земляных укреплений.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Переправа через Днепровские пороги: на плоту и на простой лодке. Ночлег в Чертовой хате. Проход Волчьего-Горла, колония Павло-Кичкас, Крайняя переправа, колония Кичкас, пепелище Сагайдака, Середняя скеля, Дурная скеля, кресло Сагайдака, Столпы и Стоги, Запорожская мыска.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Город Александровск, колония Шенвиз; могила кошевого атамана О. М. Гладкого, краткая биография и поколение его. Переезд на о. Хортицу. Путешествие от г. Александровска вверх по левому берегу Днепра мимо скелю Дзвиницы, пещеры Школы, деревни Павло-Кичкаса. Дядь Дмитро Бут; предания о запорожцах. Чугунная плита с обозначением времени сооружения порогов в Днепре. Острова: Большой-Дубовый, Малый-Дубовый; порог Вильный, села: Андриевка, Петровское; порог Волнига, пещера и балка Россохвата и деревня Воронал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Острова от города Екатеринослава: Монастырский, Становой, Самарский, Кодачек. Первый порог Кодачский. Что стоило сооружение каналов в Днепре? Заборы, камни, острова, балки ниже Кодачского порога. Сурской, Лоханский и Знонецкий пороги. Камни Богатыри. Пещера в огороде крестьянина Я. Заскоки. Заборы, камни, балки и острова ниже Знонецкого порога. Скеля Монастырько и страшное место Пекло. Предание о пребывании на Монастырьке императрицы Екатерины II. Порог Ненасытец. Спуск через него флотилии Екатерины II. Острова ниже Ненасытеца. Янтарь на острове Песковатом. Остров Дубовый и следующие за ним острова, заборы, камни, балки. Порог Волниговский. Острова Таволжанский и Перун. Острова, заборы, камни и балки ниже Перуна. Острова: Кухарев, Малишевские, Пурисов, Вербовый, Каменюватый.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Остров Хортица. Древнее название его. Первая Сича. Основатель ее А. И. Вишневецкий. Расположение Хортицы. Змея пещера. Мыс Свиный голова; Царская пристань; укрепления на материке против переправы на Хортицу. Остров Малая-Хортица. Балки, скелю и малые острова вокруг Большой-Хортицы. Знакомство с учителем на острове Хортице, Я. Я. Купцом, и ночлег у него. Укрепления с северной и южной части Хортицы. Время переселения немцев на Хортицу. Рассказ о змеях на Хортице. Курган Потемкин; предание о запорожце Дворниенке; рассказ старика немца, Гильдебрандта. Хортица в настоящее время. Село Вознесения. Отплытие из Александровска.

* Зміст укладений Д. Яворницьким.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Степи бывшего Дикого поля. Что такое Запорожский копей? Как жили запорожцы? Где они делись? Река Базанчук. Хутора Перевязские и запорожская хата. Запорожское кладбище. Гряды Калышниха. Вторая Сича. Местоположение ее. Прибытие в нее германского посланника Эриха Ласоты. Цель его поездки. Посольство папы Григория XIII; патер дон Александро Комулео и его свидетельства о запорожцах. Посольство от запорожцев к германскому императору. Село Грушевка с остатками в ней запорожских древностей. Село Шолохово.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Колония Шенни; речка Кушугум, Великий лут. Села: Николаевка, Балабино, Большая-Катериновка, Кушугумовка, Малая-Катериновка и Красный Кут. Зиборы, острова, балки ниже о. Хортицы. Лысая гора, село Бельское и его история. Острова, балки ниже Бельского, Гульбище, село Выше-Тарасовка и его история. Острова Гийный, Крутой и Варавин. Река Конка с ее окрестностями. Село Голая-Грушевка с ее достопримечательностями Сиркивкою и Калитиным-Рогом. Третья Томаковская Сича. Описание острова Томаковки и пребывание на нем Богдана Хмельницкого. Остатки пребывания запорожцев на Томаковке. Окрестности острова Томаковки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Село Чернышовка. Стошестидесятилетний старик И. И. Россолода. Биографические сведения о нем. Подлинный рассказ Россолоды о природе запорожских степей и о жизни запорожских казаков, начиная с поступления казака в Сичь и кончая его смертью. Куда девались запорожцы? Балка Каменка с запорожскими надгробными крестами. Новопаоловский лиман, Лысая гора и запорожское кладбище на ней с одним надгробным крестом.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Четвертая Сича, Никитинская. Сведения о ней и время основания. Пребывание на ней гетмана Богдана Хмельницкого. Никитино в настоящее время. Смытие Сичи водой. Укрепления и остатки древностей в местной церкви и у частных лиц. Старик Степан Яцковский. Крестьянин Мокний Лось, внук запорожца. Два кафтана, пояс и сабля, сохранившиеся у Мокния Лося от времени запорожцев.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Пятая Сича, Чортотмыцкая. Сведения об ней и время построения церкви на Сичи. Почему запорожцы оставили Сичу на Никитине и перешли на Чортотмыцкую? Укрепления близ бывшей Сичи. Могилы

казака Тарана и кошевого И. Д. Сирка и исторические сведения о его личности. Год смерти и место погребения Сирка. Местоположение Сичи и прежний ее вид. Находки вещей на Сичи. Предания о посадке вокруг Сичи деревьев. Предание о запорожской церкви, о разорении Сичи. Рассказ дядов Сукура и Ониксенка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Острова, речки, балки ниже местечка Никополь. Острова Носоконка и Каир. Села Кочкарровка и Меловое с его достопримечательностями. Шестая Сича, Каменская. Сведения об ней. Вид ее в настоящее время. Развалины куреней, кладбище, могила кошевого К. Г. Головка и В. Иерофеенча. Причины оставления запорожцами Каменской Сичи. Хутор Блажков. Рассказ старика С. Герасименка. Бизюков монастырь и сведения о нем. Острова, балки и речки ниже села Кочкарровки. Села Сомово, Мальцово и Каховка. Города Кизикермень и Тавань. Остатки древностей в городе Бериславле в церкви и у частных лиц. Острова, речки, переправы и села ниже города Берислава; Корсунский монастырь. Села Тягинка, Козачин-Латери и город Херсон с остатками в нем запорожских древностей.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Седьмая Сича, Алешковская. Сведения о ней и местонахождение. Рассказы старожилов Горбаченка, Кирияша, Павлого, Бурлаченка. Села ниже города Херсона. Река Буг. Село Александровка, место Семенова-Рого; село Кисляковка и запорожская церковь. Чортыйский брод через Буг. Село Константиновка, запорожский гард, остров Гардовый; предание о кончине Запорожца. Бугские пороги. Реки Синюха и Высь. Город Новомиргород. Могила генерала П. Текеля. Черный лес и Чута. Хутор Дубовый на р. Сахсагани. Гайламанский конюшня и гайламанская пещера.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Причины перехода запорожцев из-под власти турок под власть России и поселение вновь в Сичи Каменской, а отсюда в Сичи на Пидпильной. Последняя Сича, Новая, ее местонахождение и общий вид. Причины уничтожения Запорожца. Участь Ивана Глобы, Павла Головатого и Петра Калышневского. Двадцатисемилетнее пребывание его в Соловецком монастыре, кончина и оставшиеся после него предметы древности и надгробная плита.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Село Покровское; надгробные кресты куренного атамана Катиса и кошевого атамана Степана Гладкого. Запорожские хаты со сволоками. Древности, сохранившиеся в местной церкви. Укрепления, оставшиеся от времени запорожцев. Находки древностей. Рассказы старика И. Чакунного. Общее заключение.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Восточные степи Запорожья. Село Конские-Раздоры и Воскресенка. Степь в летние месяцы. Село Гуляй-Поле. Рассказ Евадокима Косяка. Характер степи по описанию польских историков. Деревня Екатиришинская, имение В. О. Гладкого. Сведения о кошевом Гладком. Г. А. Синегуб. Село Покровское; предание о Гайдамацком шляхе и диких конях. Деревня Богодар. Рассказы слепца Ф. Проворы, Д. Нелипы и дядя И. Хотюта. Украина.

ОГЛАВЛЕНИЕ РИСУНКОВ*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- Памятник кошевого И. Д. Сирка. В начале [книги].
1. Пушки, собрания А. Н. Поля.
 2. Запорожцы со статуткой, собрания А. Н. Поля.
 3. Группа запорожцев, собрания А. Н. Поля.
 4. Новомосковский собор.
 5. Играющий на бандуре гайдамака, собрания Я. П. Новицкого.
 6. Самарский собор.
 7. Полковник Афанасий Колпак, собрания Г. П. Алексева.
 8. План крепости Кодака.
 9. Вид Ненасытцкого порога.
 10. Камень Дзвиниця.
 11. Забора Волошинова.
 12. Камень Богатырь.
 13. Камень Монастырько.
 14. Канал Ненасытцкого порога.
 15. Камень Перун.
 16. План Малой Хортицы.
 17. Ангел из церкви с. Грушевки, рис. И. Е. Репина.
 - I. План Хортицкой Сичи.
 - II. План Базавлуцкой Сичи.
 - III. План Томаковской Сичи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. Портрет шестнадцатилетнего старика И. И. Россолоды.
2. Обчиска трубка.
3. Запорожская бандура, рис. И. Е. Репина.
4. Запорожский лагерь и возы.
5. Запорожский зимовник.
6. Запорожские баклажки, собрания Я. П. Новицкого и И. Е. Репина.

* Уложено Д. Яворницким.

7. Ружье, кинжал и сабля.
8. Копья, келепа и якырьци, собрания Г. П. Алексеева.
9. Запорожские войсковые клейноды: бунчук, булава, литавра, печать.
10. Сволоки и лутки запорожского куреня, рис. И. Е. Репина.
11. Икона Богоматери в Никополе.
12. Напрестольный крест в Никополе.
13. Запорожская плащаница в Никополе.
14. Запорожская риза в Никополе.
15. Запорожская риза в Никополе.
16. Запорожский аналой в Никополе.
17. Икона Покрова с молящимися запорожцами.
18. Кружка кошевого Ивана Сирка.
19. Запорожец Иван Шиян, рис. И. Е. Репина.
20. Запорожец Яков Шиян, рис. И. Е. Репина.
21. Расписка архиепископа Рафаила.
22. Запорожское платье, рис. И. Е. Репина.
23. Запорожское платье, рис. И. Е. Репина.
24. Запорожский графин.
25. Памятник кошевого И. Д. Сирка.
26. Вид Чортотомыцкой Сичи.
- IV. План Чортотомыцкой Сичи.
27. Казань, пороховница и чернильница.
28. Запорожская дарохранильница.
- V. План Каменской Сичи.
29. Памятник кошевого К. Г. Гордиенко.
30. Запорожская трубка.
- VI. План Алешковской Сичи.
31. Дубовая балка и запорожский крест.
32. Вид Новой Сичи по Рингельману.
33. Плита кошевого П. И. Калнышевского.
34. Намогильный крест атамана Каписы.
35. Намогильный крест кошевого О. Гладкого и запорожские боюны.
36. Икона на аналое с двумя запорожцами.
- VII. План Новой Сичи.
37. Запорожские галеры и чайки по Ровинскому и Боплану.
38. Сабля кошевого О. М. Гладкого.
- VIII. Общий план запорожских владений. В конце [книги].

ПРИМІТКИ

Передмова

¹ Закреслено: «и краткие наметки».

² Закреслено: «обстоятельная и фактическая история сичевых козаків изложена в известном ученому миру труде А. А. Скальковского «История Новой Сечи».

³ Закреслено: «оке».

⁴ Закреслено: «хотя также».

⁵ Закреслено: «каждой из восьми Сичей: Хортицкой, Базавлуцкой, Томаковской ...».

⁶ Закреслено: «в большей степени».

⁷ Закреслено: «и в менее значительной степени».

⁸ Закреслено: «Считая неудобным вводить в настоящее сочинение особенно большое количество песен и актов, автор нашёл более целесообразным напечатать последние отдельными изданиями, - песни в количестве тысячи и акты в количестве семидесяти номеров, ещё никак не обнаруженных».

⁹ Закреслено: «пятьдесят пять картин, семь ...».

¹⁰ Закреслено: «Издание с таким количеством иллюстраций повлекло за собой немалые расходы, и если оно явилось в несколько более, чем обыкновенном виде, то автор обязан этим просвещённому содействию известного южнорусского собирателя древностей, Василия Васильевича Тарновского, которому и приносит свою живейшую и искреннейшую благодарность. С этим вместе автор не может не выразить полной признательности глубокоуважаемому Илье Ефимовичу Репину, доставившему для настоящего сочинения несколько рисунков из собственной коллекции и не отказавшему в добрых советах при выборе их для издания».

Частина I

Розділ перший

¹ Закреслено: «А между тем происхождение их составляло, да и теперь для многих составляет загадку, вслушную к различным умозаключениям. Откуда же пошло слово «козак» и что этим словом обозначалось? На этот вопрос мы имеем целую массу ответов, в которых, точно в лабиринте, может поте-

ряться не только неспециалист истории, а даже и тот, кто посвятил себя изучению прошлых времён человечества. Производили слово «козак» от «косы», намекая на козачью остроту и отвагу, косившую всё на своём пути, или же указывая на то, что козаки жили на «косах» рек, добывая там для пропитания себе рыбу^{*}. Сближали слово «козак» со словом «коза» или потому, что козаки одевались в козлиные шкуры, или потому, что они были легки на войне как козы^{**}. Объясняли слово «козак» «кзерогом» — небесным зодиаком, «потому что козаки ходят с рогами, в которых насыпан порох и, как на высоком небе поднимается козерог, так козаки, проходя поля и море, поднимаются на стены и валы бусурман и насыпают из своих рогов порох в самоналы, из которых стреляют в неприятеля»^{***}. Производили слово «козак» от «каспиум» и «сацы» (каспиум, сацы или саци), каким именем у Плиния называлось одно из племён скифского народа. отождествляли козаков с половцами, печенегими, торками или черными клобуками^{****}. Думали, что козаки суть те же козари, поселившиеся сперва на Днепре и оттуда распространившиеся уже по соседним с ним странам^{*****}. Видели в козаках древних черкесов или косоков, вышедших будто бы из Гиркании (на Кавказе), поселившихся близ Днепра и получивших своё название или прямо от слова «косог» или же от слова «козёл», так как самая Гиркания происходит от латинского слова «hircus», что значит козёл^{*****}. Считали козаков остатками велико-княжеской дружины, уцелевшей ещё в IX или X веках в южнорусском Поднепровье^{*****}, остатками древнеславянских общин^{*****}, сбродом всяких проходивцев^{*****}, сословием туземного южнорусского населения, занимавшегося то разными промыслами, то войной^{1*}.

Кому же из этих мнений надо верить предпочтительно? Некоторым совсем нельзя, некоторым только отчасти. Те, которые основаны на чисто случайном сходстве слов («коса, коза и козак»), те представляют из себя только образцы филологических курьёзов, не больше. Те, которые допус-

кают связь между разными кочевыми народами и козаками («козари, косоги, каспо-сацы, печенегии, половцы, торки, клобуки и козаки»), или устанавливают связь между древнеславянскими дружинами и общинами, малоперейтны потому, что без всякого исторического основания связывают козаков с такими народами или сословиями, которые за целые столетия до появления козаков почилирали, сошли со сцены или же окрасились в иной колорит. Остальные мнения или совсем не дают представления о постепенном развитии козачества («козак» — «сброд»), или же объясняют его появление односторонне («козаки-проходивцы»).

Слово «козак» не русского происхождения. Пересматривая все списки наших летописей в дотатарский период, мы нигде не встречаем этого слова в обращении. Впервые это слово появляется на страницах русских летописей вместе с появлением в нашу землю татар. Кажется, что оно сперва приносилось «койсак» и приобрело некоторую известность со времени Батая, у которого «койсак» производили перепись русского народа, с целью более или менее правильного собирания с него дани^{*}. Значительно позже, польские писатели знают уже целую орду татарских козаков. Орда козачья не признавала над собой никакой власти, кочевала там, где находила удобным и считалась между татарами самой отважной^{**}. В 1492 году крымский хан Менгли-Гирей уведомил московского князя Ивана III, что войско, возвращавшееся из похода под Киев, встретилось с «ордынскими» козаками и было ими ограблено. В это время особенную известность приобрели азовские козаки. «Поле нечисто от азовских козак», писалось часто Ивану III. Вслед за ними становятся известными перекопские козаки (1510 г.), вместе с ними (1510 г.) белгородские (на Днепре), потом крымские. В Крыму все сословия татар делились на князей, уланы и козаков. Князья принадлежали к верхнему слою, уланы — к среднему, владевшему поземельной собственностью и выходящему, в случае надобности, на войну, козаки — к низшему, не имевшему поземельной собственности, но зато постоянно воевавшего и от этого получавшему добычу. Скоро явление татарского козачества отразилось и на русской почве. Из русских козаков летопись знает первых рязанских (1444 года), которые добровольно отправлялись на южные окраины тогдашней России и составляли из себя род пограничной стражи. Вслед за рязанскими появляются мещерские козаки (1498 г.), потом торопецкие (1530 г.), жившие в тогдашней Смоленской области и занимавшиеся там земледелием, за торопецкими идут путивальские. В 1564 году в Московском

* Мнение Мышцего.

** Мнение Пясецкого и Каховского.

*** Мнение Галитовского. См. у Костомарова. Русская история в жизнеописаниях. СПб., 1874. Т. 2. С. 375.

**** Мнение Миллера, Броневского, Самчевского, Карамзина, Соловьёва.

***** Мнение Ригельмана и Грабянина.

***** Мнение Татищева и Симоновского.

***** Мнение Тумасова и Карпова.

***** Мнение Дашкевича.

***** Мнение Соловьёва и Полевского.

1* Мнение Богдана, Мартиня Бельского, Самойла Вельюка и Н. И. Костомарова.

* У Герберштейна упоминается о целой орде койсакской. Записки о Московии. СПб., 1866. С. 139.

** Кулиш П. А. Польская колонизация юго-западной Руси // Вестник Европы. 1874. № 3. С. 16.

государстве являются волостные и деревенские козаки, которые отличаются от остального населения крестьян тем, что не платят податей, живут в отъезде и занимаются продажей соли. В 1582 году являются козаки на Волге, — это вольные работники, а вслед за ними — козаки, в смысле военного сословия, служившие в разных местах Приволжского края. Таким образом, перешед из татарской почвы на почву великороссийскую, слово козак раздвоилось в своём понятии: козаки-хлебопашцы, промышленники, или вольные работники, и козаки-военные, или, как тогда говорили, служилые люди.

В таком же двойном смысле перешло это татарское слово «козак» и в Южную Русь. Здесь, прежде всего в Червоной Руси^а, в 1491 году, под именем козаков разумелись крестьяне, восставшие в 1491 году^б за свободу своих прав, погнанных крепостничеством. Вслед за этим, в 1499 году, становятся известными днепровские козаки — промышленники, занимавшиеся ловлею рыбы «на низу» и привозившие её для продажи в Киев. В 1501 году в Литве упоминаются козаки в смысле иррегулярного войска. С 1503 года идёт ряд козаков — пограничников, организованных по мысли польского правительства, для защиты границ Польши от набегов татар, и руководимых так называемыми старостами, т. е. заместниками разных южнорусских городов. Эти козаки часто носят название по тем старостам, князьям или воеводам, у которых они находятся в подчинении. «Козаки князь-Дмитрия, козаки князь-Вишневецкого» и др. Спустя семь лет являются известия и о вольных, независимых ни от кого, козаках. С конца первой половины XVI века уже можно себе составить и точное понятие о том, что такое южнорусские козаки. Из «Описания замков украинных» (1545 и 1559 годов)^в видно, что козаки составляют совершенно отдельное сословие от шляхтичей, мещан, посполитых и холопов. Они живут в городах или сёлах, занимаются разными промыслами и составляют общины для постоянной обороны против татар. Так это было в воеводствах: Каневском, Брацлавском, Черкасском и др. Это и есть уже так называемое малороссийское, городное или черкасское козачество. С течением времени, частью под влиянием постоянных войн с татарами и турками, частью вследствие давления со стороны польско-литовского правительства, особенно после так называемой религиозной или Люблинской унии^г, бывшей в 1569 году, малороссийское козачество до того усиливается, что польское правительство находит нужным сократить его число и урегулировать. Является на польском престоле князь-политик, Стефан Баторий (1574 — 1587). Для ограничения числа козаков он придумывает реестр или список. Только внесённые в этот список, числом 6000 человек, признаются легально козаками; они разделяются на полки,

сотни, курени, околицы, управляются гетманом^д, есаулом, сульёй, писарем и пр. Остальная масса козаков, числом около 34000, должна была составить посполитых козаков и отчислялась к крепостному сословию.

Но, как и следовало ожидать, эта мера не привела к желанным результатам: она раздражила не внесённых в реестр козаков, произвела множество войн на территории польско-русских земель и потом заставила непринятую законом массу искать себе новых мест, ниже польской Украины, за порогами Днепра, на Низу, где «была воля вольная, приволье раздольное». На Низу, то там, то сям, группами или спорадически, сидели уже скотари, бродили рыболовы, звероловы, овчары, коневоды. Это было около 1530 года; а в начале второй половины XVI века здесь устроено было уже и временное укрепление, на знаменитом острове Хортице, знаменитым князем Дмитрием Вишневецким. В 1568 году с ними уже считается польское правительство, которому не нравятся эти побег и которое приказывает беглецам возвратиться назад в воеводства и замки. Новые места козаков мало-помалу усваивают название Запорожья, мало-помалу в них заводятся разные порядки, устанавливаются разные традиции. Далёкое расстояние от родины, близость страшных врагов, пустыньность самой местности не позволяют выходцам брать с собой ни жён, ни детей, требуют от них жизни одиночной, холостой, подвижной. На новых местах возникает столица козачества, Сича, в которой устраивается 38 куреней^е, в последствии времени 8 паланок, т. е. военных округов или уездов^ж, четыре по левую сторону Днепра, четыре — по правую, несколько тысяч зимовников^з. Так просуществовало Запорожье почти 250 лет. Первым его кошевым, сколько известно из самых ранних памятников, был Богдан Миколшинский, последним — Пётр Калнишевский^и.

В настоящее время на месте бывшего Запорожья возникли две губернии, Екатеринославская и значительная часть Херсонской, кроме трёх её уездов: Анянзевского, Тираспольского и Одесского, находящихся от правого берега реки Буга к югу и составлявших некогда земли Турецкой империи.

² Закреплено: «олин».

^а Это слово один производит от собственного имени литовского князя Гедимина: Гедимин, Гедиман, Гедман, Гетман, а другие от немецкого Hauptmann — капитан.

^б От слова «курить», т. е. дымить. Когда затопят курени, то из них поднималось «курено» — дым.

^в Проточанская, Орельская, Самарская, Калмынская, Кодяцкая, Бугогардовская, Ингульская, иначе Перевизская, и Прогновинская.

^г От 1736 — 1740 их было 4000.

^д О происхождении козачества см.: Антонович В. Б. История малороссийского козачества (лекции).

³ Закреслено: «у правого берега».

⁴ Закреслено: «Против села Плехтинки, среди Днепра, протянулись, один за другим, пять больших островов: Байдак, разделяющийся на собственно Байдак и Насыпь, оба длины до шести вёрст, покрыты мелкими кустарниками и травой; остров Хвостиков, сто восемьдесят четыре десятины величины, был покрыт громадным осокоровым и вербовым лесом, теперь считается спорным между крестьянами Плехтинки и Келеберды; остров Пукалий, длины около версты, расположенный близ правого берега Днепра; остров Домашка, среди Днепра, и остров Бешка, до двух вёрст длины».

⁵ У 1-му вид.: «Литвинов».

⁶ Закреслено: «Поихалы».

⁷ Закреслено: «Жаль, что».

⁸ Закреслено: «только что приведенный рассказ».

⁹ Закреслено: «Серетовку».

¹⁰ Закреслено: «Против села Купеволовки, сверху вниз по Днепру идут: забор Тройницкая, острова Зайчий, Жарков, Великий-камень, длины около версты, забор Уступ и остров Спорный».

¹¹ Закреслено: «(Миша-ур-я)».

¹² У 1-му вид.: «Кизижермень».

¹³ У 1-му вид.: «Ново-Сербия».

¹⁴ У 1-му вид.: «... а кто бы сию книгу взять до иной церкви отдавши или захотел украсти, то тот осудится во ономъ месте прелестнымъ судомъ. А отана на руки в сохранении тоей церкви иерею Василию Григореву Попельницкому при ктитору Хасдору Григоренку».

¹⁵ У 1-му вид.: «копыта».

¹⁶ Закреслено: «Объяснение, может быть, и правдоподобное».

¹⁷ Закреслено: «Копыто государственным...».

¹⁸ Закреслено: «и не означала ли буква...».

¹⁹ Закреслено: «Острова и заборы следуют здесь в таком порядке».

²⁰ Закреслено слово «ними», заменено на слово «заборами».

²¹ Закреслено: «у левого берега Днепра».

²² Закреслено: «у правого берега реки, длины четверть версты».

²³ Закреслено: «начинающийся верхним концом между двумя названными островами».

²⁴ У 1-му вид.: «Днепро-Каменка».

²⁵ Закреслено: «Речка Омельник, несправедливо названная Сухим, у Ласоты Омельник Ворскальский*, берёт своё начало близ села Хорошева, Верхнеднепровского уезда и идёт через сёла Байдаковку, Лиховку, Красный Кут, Калужино и, дойдя до Днепра, впадает в озеро Каменку, против церкви села

Днепрово-Каменки; из Каменки вытекает в речку Кривец, из Кривца в озеро Долгое, из озера Долгое идёт особым протоком в Днепр. Всего течения Сухого Омельника 65 вёрст. По Боплану, в ней волилось очень много раков*».

Когда и кем основано село Днепрово-Каменка, неизвестно; известно лишь, что в 1755 году при речке Каменке существовало большое село с деревянною церковью во имя святителя Николая. В 1791 году в нём устроена была вторая церковь, существующая и по настоящее время, выстроенная местным землеместом Василием Лиманом, старанием прихожан и священника Моисея Зосимовича. Из вещей, сохранившихся в теперешней церкви и перешедших в неё из старой, следует отметить запорожское кадило, увешанное бубенцами, оловянное блюдо с надписью по-татарски: «хозяин его (т. е. блюда) Халжи-Али»; три чаши без надписи, четырнадцать церковно-богослужебных книг и три евангелия, из коих последнее напечатано в Москве, в 1753 году, с надписью по листам внизу: «Сие священное евангелие отменил в церковь каменскую николаевскую козак куреня калниболотского Андрей Топичей 1756 года мая 10». Но что всего интереснее, это писанные документы, относящиеся ещё ко времени царствования в России императрицы Елизаветы Петровны. Вне церкви, за оградой её, с западной стороны стоит каменный известковый крест над могилою запорожца Мартюка, о чём свидетельствует следующая сделанная на нём надпись, уже сильно выветрившаяся от времени. «Во имя отца и сына и святого духа аминь... козак Мартюк куреня... старанием раба божия Дмитрия унука Мартюка 1748 году сентября». Против села Днепрово-Каменки, в Днепре, следуют один за другим острова: Дискиский, длины около двух с половиной вёрст, Видмирский, такой же величины, Верхний Беловод, длины около полутора версты, принадлежащий частью крестьянам местечка Переволочины, частью владельцу Котельникову. Против последнего острова впадает в Днепр с левой стороны р. Ворскла».

²⁶ Закреслено: «Из островов, находящихся на Днепре против г. Верхнеднепровска и ниже его, замечательны по древности Жуков, расположенный как раз против устья р. Самоткани, к левому берегу, Рыбальский, против деревни Губиной, Мартынов, Паньков, четыре версты длины, против дома М. Н. Корбе, Москалев и Фурсин, находящийся ниже Жукова, у левого берега Днепра, и принадлежащий графу Ностицу».

²⁷ Закреслена назва острова: «Сидловский».

²⁸ Закреслена назва острова: «Шелоговатый».

²⁹ Закреслено зноску: «Татарское слово: «аул» — что значит «деревня». Остаток слово виправлено Д.Яворницким на слово: «селение».

* Ласота Э. Путевые записки. СПб., 1873. С. 54.

* Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 15.

³⁰ Закреслено: «один за другим».

³¹ Закреслено: «алины двести сажень».

³² Закреслено: «с правого берега Днепра».

³³ Закреслено: «Один только автор».

³⁴ У 1-му вид. Було: «б мая».

³⁵ Викреслено послання: «В «Дневнике» Храповицкого (С Пб., 1874. С. 34) сказано, что это было 7 числа утра».

³⁶ У 1-му вид.: «...храм апостолов Петра и Павла».

Розділ другий.

¹ У 1-му вид. був такий епіграф:

«А вже літ більш двісті як козак в неволі
Понад Дніпром ходє, викликає долю:
«Гей ти доле, вийди із воли,
Визволь мене, серденько, з тяжкої біди!» —
«Не вийду, козаче, не вийду, соколе!
Ой рада б я вийти, так сама в неволі,
Гей у неволі, у ярмі,
Під великим калауром, у тюрмі».
Народная песня.

² У 1-му вид.: «В 1688 году».

³ Закреслено: «Намереваючи».

⁴ У 1-му вид.: «зложени».

⁵ Закреслено: «Этот указ сообщен был малороссийскому гетману Ивану Степановичу Мазепе и севскому воеводе Леонтию Романовичу Неплюеву. Оба поспешили исполнить царское приращение и, явившись с козаками и ратниками весной на указанное место, заложили «на устье реки Самари, в Днепр впадающей, обаче оподоль от Днепра, город знаменитый и нарекли его Новобогородицкий град»^{*}. «Там (в городе) при вшеляких запасах, людом московским осаждали военным, немалым комонником и пешими»^{**}.

⁶ У 1-му вид.: «может быть, подполковником персидское «Гольден» — «розовый палисадник».

⁷ У 1-му вид.: «попод-есяулий».

⁸ У 1-му вид.: «Село в 30 верстах от Харькова».

⁹ У 1-му вид.: «с девятью куполами».

¹⁰ У 1-му вид.: «церковь на деле имела только девять».

¹¹ У 1-му вид.: «пожурить».

^{*} Летопись Самонія Величича. К., 1855. С. 61.

^{**} Летопись Самовидца. М., 1846. С. 61.

¹² У 1-му вид.: «автор».

¹³ У 1-му вид.: «Гречь» — особый способ битвы, на саблях.

¹⁴ Закреслено: «Atx Sautomaris, vulgo vocatur Samaris cum ejusmodem nominis flumine».

¹⁵ Закреслено: «во время похода кн. Василия Голышина».

¹⁶ Закреслено: «после смерти Елизаветы Петровны».

¹⁷ Закреслено: «При восшествии на престол императрицы Екатерины II, он держал сторону супруга её, императора Петра III».

¹⁸ У 1-му вид.: «Екатерина II, перед отправлением своим в Крым».

¹⁹ У 1-му вид.: «оставил и Сичу».

²⁰ У 1-му вид.: «Уж».

²¹ Закреслено: «во время наставших турецких войн и после заключения мира».

²² Викреслено послання: «Шинесев».

Розділ третій

¹ У 1-му вид. був такий епіграф:

«Як іду я шляхом, всюди позираю,
Стрінеться оселя, я її минаю;
Іхатимуть люде, й те мені байдуже,
Бо й з людьми стріватись я люблю не дуже.
Як же що могла де забовнуваніє,
Зараз в мене серце так і звеселіє.
Лину я до неї, наче до родини,
Сиду, уклонюсь близько до вершини,
Степ і синє небо поглядом окину,
Бачу ж мою неню, бачу Україну!»
Я. Щоголев.

² Закреслено: «основан, насколько можно судить по синодику его, около 1714 года и просуществовал до 1799 года».

³ Закреслено: «Ниж».

⁴ У 1-му вид.: «Савул каже: «Така висока?»

⁵ У 1-му вид.: «Там же, стр. 24».

Розділ четвертий

¹ Закреслено: «По степени опытности и ловкости лоцманы делятся на три класса с ятаманом во главе в каждом классе. Лоцман за свою оплошность штрафуется собственным ятаманом. Но прежде чем сделаться лоцманом,

каждый должен держать экзамен в присутствии выборных лицманов и начальников».

² Закреслено: «и деньги берёт не на себя лично, а на всю лицманскую общину».

³ У 1-му вид.: «По рассказам весьма компетентного лица».

⁴ У 1-му вид.: «до сорока и даже более трупов».

⁵ Закреслено: «ни одного слова соседа».

⁶ Закреслено: «исторического лица».

⁷ Закреслено: «предводимая фельдшером Буриашовым и псаломщиком Кирилловым».

⁸ Закреслено: «Два с половиной года тому назад, летом, в конце августа, на скеле Средней произошла такого рода печальная драма. Некто К. П. П., по занятию коммерсант, по происхождению грек, женился, по слепой любви, на только что окончившей курс екатеринославской гимназии девице Е. И. Г.; мужу было сорок лет, жене едва шестнадцать. Брак, по видимому, состоялся по расчёту. В течение полугода муж издержал на прихоти жены одиннадцать тысяч и потом, не будучи в силах удовлетворять дальнейшим капризам её, бросился со скалы Сагайдака в Днепр... Невольно скажешь: «О, времена! О, нравы!» Сагайдачный «проминя» жинку на тютюн та люльку», а П. через эту самую жинку бросается со скалы, носящей имя Сагайдачного. Впрочем, и то сказать, - две противоположные натуры: закалённый запорожец и пылкий грек».

Розділ п'ятий

¹ У 1-му вид. був такий епіграф:

«Сонце гріє, вітер віє на степу козачім.
На тім степу скрізь могили стоять та сумують;
Питають у буйного: «Де наші панують?
Де панують, бенкетують, де ви забарились?
Вернітесь!..»

Т. Шевченко.

² У 1-му вид.: «пятого июля».

³ У 1-му вид.: «Первый».

⁴ Закреслено: «в имени своей жены Беллевой; он...».

⁵ Закреслено: «Согнувшись, что называется в три погибели».

⁶ Закреслено: «Возбранись».

⁷ Закреслено: «Тут грозит большая опасность застрять между скал и остаться навсегда в пещере; опасность увеличивается ещё от того, что второй...»

⁸ Закреслено: «не имеет внизу пола и...»

⁹ Закреслено: «Кажую минуту можно было ожидать, что вот-вот соскользнет рука, и тогда прости-прощай всё, что любо-дорого!.. Страшна была именно пропасть».

¹⁰ Закреслено: «иметь смелости, а ещё больше того ловкости».

¹¹ Закреслено: «Гей ты, доле, видай із води,

Визноль мене, серденько, з тяжкої біди...»

Розділ шостий

¹ У 1-му вид. був такий епіграф:

«Ой Дніпре мій, Дніпре,
Прихильний та ширий!
Богато ти, друже, у душу мою
Перелив своєї теплої, палкої,
Бравої душі!
Розположав мрії,
Зогрів мої душі,
І в серцеві хворім розбудив налі!».

² Закреслено: «Монастырский остров достался князю А. А. Прозоровскому».

³ У 1-му вид.: «его».

⁴ Закреслено: «и предполагал устроить на нём ботанический сад для университета».

⁵ Закреслено: «стоял остров Чертов^{*}, у правого берега Днепра, длины полторы версты, ширины одна осьмая версты, теперь совершенно смытый водой. Ниже того места, где был Чертов остров».

⁶ Закреслено: «он имеет в длину три с половиной, в ширину одну с осмью версты».

⁷ Закреслено: «забора Пундыкова, а за Пундыковой заборой».

⁸ Закреслено: «камни Мокрые Трояны, Близнючки (первые), против балки Середней или Череповатой, с правой стороны, и ниже камней Близнючковых».

⁹ У 1-му вид.: «Кодячек».

¹⁰ Закреслено: «под именем Козацкого острова».

¹¹ У 1-му вид.: «Кодячком».

¹² Закреслено: «следует балка Домашняя, с правой стороны, забора Шерстюкова, камень Байдужив, у левого берега реки, забора Пундыкова, у самого берега Днепра, с левой стороны, камни Близнючки (вторые), Сухие

* Второй с этим же названием; первый был выше Монастырского.

Трояны. Горбатый против Байдушева, Верхний или Большой Плоский. Сидач, Близиючки (третьи), Нижний или Малый Плоский. Здесь уже...»

¹³ Далі закреслено: «камень Буц, заборы Пурысова...»

¹⁴ Далі закреслено: «длины сто, ширины двадцать пять сажень».

¹⁵ Далі закреслено: «длины двести пятьдесят, ширины двести сажень».

¹⁶ Далі закреслено: «числом два, посреди Днепра».

¹⁷ Далі закреслено: «длины полторы версты, ширины одна пятая версты».

¹⁸ Далі закреслено: «длины полторы версты, ширины одна четверть версты, против балки Демской, с правой стороны, за ним следуют заборы Яцева и Пурысова, а за балками...»

¹⁹ Далі закреслено: «камень Селезень, к правому берегу, и против него Чаун, к левому, затем Гернець, Кулик...»

²⁰ У 1-му вид.: «рассуждает».

²¹ Далі закреслено: «сто сажень длины, шестьдесят три ширины».

²² Далі закреслено: «Старые люди рассказывают, что это произошло вот отчего».

²³ Далі у зносі закреслено: «но слышано и мной от лопмана Ивана Костыри, с небольшой вариацией».

²⁴ Далі закреслено: «длины полверсты, ширины одна седьмая версты».

²⁵ Далі закреслено: «длины полверсты, ширины одна шестая версты».

²⁶ Далі закреслено: «длины полторы версты, ширины около полуверсты».

²⁷ Далі закреслено: «длины три четверти версты, ширины одна шестая версты».

²⁸ Далі закреслено: «камень Раковец».

²⁹ Далі закреслено: «или Билов, длины полверсты, ширины одна седьмая версты; Солонча, Раковы, Витки или Жидицкие; балка Жучина, с правой стороны, камни Рваный, Зеленый, Служба, * Остренький-Верхний, Остренький-Нижний».

³⁰ У 1-му вид.: «в 1780 году».

³¹ У посилянні закреслено: «Исторический вестник. 1887. № 5».

³² Закреслено: «хлебу-солнцу».

³³ У 1-му вид.: «Следующим днем, 10 мая».

³⁴ Закреслено слово: «карком».

³⁵ Далі закреслено: «Впрочем, нередко люди обращали свое внимание на Монастырько совсем с другою целью: на нем, года три тому назад, застрелился директор херсонской гимназии З. И. Марков. Почти за год до смерти перед тем, как покончить с собой, З. И. Марков, будучи еще инспектором екатеринославской гимназии, отправился в компании посмотреть на Нена-

* Камни Зеленый и Служба расположены один против другого: первый справа, второй слева.

сытец. Возбравшись на Монастырько и стоя на самом возвышенном месте его, Марков, восхищенный великолетним видом, открывающимся со скалы на порог, как бы в шутку заметил: «Если мне случится умереть, то я умру именно здесь». В то время никто, конечно, не придавал словам Маркова особенного значения. Но прошло около года и слова, сказанные, может быть, со значением, а может быть и без всякого значения, сбылись. З. И. Марков приехал из Херсона к порогам, взобрался на Монастырько и, ставши на северной окраине его, выстрелом из револьвера покончил с собой, каким-то чудом однако удержавшись на скале. Несчастного самоубийцу сняли со скалы и погребли на кладбище села Николаевки, где на могиле покойного поставлен был деревянный крест А. В. Васильевым, живущим теперь в с. Ивановском, Таврической губернии, Мелитопольского уезда».

³⁶ Далі закреслено: «с правой стороны, впадает в Днепр балка Домашня, а по самому Днепру идут камни: Крутецкий, Рогозин, как раз против Пекла, камень Долгополый, Барыни, Мышатины, Бочка, Сухие Клади, Чесуха».

³⁷ Далі закреслено: «числом два, длины одна треть и ширины одна десятая версты каждый».

³⁸ Далі закреслено: «заборы Кривая, Лоская, Беляева, получившая название от того же Беляя, и Воронова, балки Войсковая, ниже д. Войсковой, Ключинкова, ниже д. Варваровки и против д. Войсковой, обе с левой стороны, наконец...».

³⁹ Далі закреслено: «ниже Ненасытеца».

⁴⁰ Далі закреслено: «камень Копя, забора Кривая, камень Халыта, забора Данилеева, камень Данилей, у правого берега Днепра; забора Песковатая, ниже южного конца Песковатого острова».

⁴¹ Закреслено послання: «Теперь принадлежит немцу-колонисту И. И. Нефельду, купившему ее у владельца Добрынина».

⁴² Далі закреслено: «забора Подовжня, против д. Времьевки, между о. Песковатым и левым берегом Днепра, на восемь верст ниже Ненасытеца, заборы Галузина, названная по имени рыбаки Галузы, у левого берега Днепра, против северного конца с. Петровского, Плоская».

⁴³ Далі закреслено: «с боковыми Филиппенковой, Шаповой и Губиной, по которой в старину шли р. Сухая Осокоровка».

⁴⁴ Далі закреслено: «с боковыми Березиной, Широкой и Скотоватой».

⁴⁵ Далі закреслено: «заборы Скубова, Кокайка, Дидькова».

⁴⁶ Закреслено послання: «Для меня это была роковая пещера; в ней я впервые сломал себе левую руку, которую потом еще пять раз ломал».

⁴⁷ Далі закреслено: «Лет двадцать тому назад остров Дубовый принадлежал генералу Свистуну. Но генерал Свистун, играя однажды в карты, проиграл остров двум своим соседям, Синельникову и Милорадовичу. С того

времени и по настоящую пору островом Дубоным владеют Синельникины и Милорадовичи».

⁴¹ Далі закреслено: «заборы Петренкова, против двора кр. Нечипора Кайст-ра, Кляшина, против двора кр. Айтона Чупрыны, Млынова, в конце села, балка Хомина, названная по имени двух могил, стоящих в вершине ее, - все с левой стороны; балка Дымская, на полверсты ниже балки Скубовой, Кривошыйна, - с правой стороны, забора Береговал, балки Голая, Слободские-Россошки, с левой, отаедающие крестьянский надел от надела церковного; заборы Дубовая и Червоная, с правой стороны, забора Коростева и Свиная, с левого берега реки; далее идут камни Щербина, Перейма, Коростий, балки Гончарка, Легкого с боковыми Глинной, Липовой, Криничной, Лисконой и Болванкой, - с правой стороны; забора Забачева или по-старинному Крячина, на середине Днепра, против южного конца («прихвиста») острова Дубоного; остров Забач, забора Рядовенька, д. двести сажен ниже Дубового острова, камень Тарасов, камни Зори (два), острова Киселевы (два), на триста сажен ниже камня Переймы, забора Кривая, балка Дилекова, остров Диденков, имеющий в окружности 60 сажен, балка Гайбеева с боковыми Чернопаской, Осиковой и Волчьим-Хвостиком, - с правой стороны перед селом Волнигами, камни Днрхтур, Зарог, острова Росчистка и Полтавка, и наконец рог Волниговский».

⁴² Далі закреслено: «камни Близнючки, Плоский, против волниговских мельниц, Рваны (два), «то одині строї с Плоским, тільки нище его», балка Балчанская, против экономической рыбальни, с левой стороны, балка Сухенька, с правой, разделяющая село Волниги пополам, камни Перейма, Гроза, балка Каменоватая, - слева; камень Кобыла, забора Курчина с камнем Савраном посредине ее, камни Лоша, Млны, остров Песковатый, скеля Разбойники, на сухом месте левого берега Днепра, камни Цапрыга; как раз против Разбойников, камень Крутько, забора Деглярева, камни Галжол, Шереметев, у самого берега с правой стороны, Тыри (две), там же балка Башмачка, камни Буд, Польский, балка Будилка, с правой стороны, и наконец...»

⁴³ Далі закреслено: «у которого при чистке канала всегда».

⁴⁴ Далі закреслено: «несколько».

⁴⁵ Далі закреслено: «Трутова или Рединова с правой стороны».

⁴⁶ Далі закреслено: «Сазоновы, Колесники, балки Рябого, Кяцперская, с правой стороны, камень Червоный, острова Червоный и Осокорватый, иначе Скауб или Рыбачий, против деревни Федоровки (Языковой) на правом берегу, камни Службы, балки Квитяня, Щербина, балка Куценька, у правого берега, выше деревни Августинówki (Смольщи), балки Калинова, Глодовы (две); камни Черенко, Черевиния».

⁴⁷ Далі закреслено: «длины полтора сажен».

⁴⁸ Далі закреслено: «и за балкой Орловой».

⁴⁹ Далі закреслено: «потом следуют Камень Таран, балка Безкровная, с правой стороны, балка...»

⁵⁰ Далі закреслено: «Можно думать, впрочем, весьма гадательно, что об этой самой переправе и об этом же самом острове говорит и польский писатель Мартин Бельский, называя Таволжанский остров островом Коханым. По крайней мере, название «Коханого» ни к какому другому острову между порогами Днепра нельзя применить, кроме острова Таволжанского. «Между иными островами есть там один остров, который называется Коханым (Kochanie, т. е. островом любви), между порогах, на 40 миль ниже Киева, занимающий несколько миль в длину... С этого острова можно (może zabronić) охранять два брода, Кременецкий и Кушманский, которыми посполитые переправляются к нам. Есть и другой остров, близ того, называемый Хорчика (Choczuka, очевидно Хортница)»^{*}.

⁵¹ Далі закреслено: «камень Ревун, против о. Перуна, забора Крячина - первая, там же два камня Головкины, о. Белый, на полторы версты ниже о. Перуна, но как раз против балки Верхней-Скотоватой, к левому берегу, длины двести, ширины пятьдесят саж, балка Аврамова, о. Аврамов, иначе остров Несчетного, к правому берегу реки, против камней Головкиных о. Сторожов, иначе Спорный, посредине реки, против д. Пихотинского, балки Верхняя-Скотоватая, Нижняя-Скотоватая, с левой стороны, балки Запаяня, Крылова, Петерса, Лесная, Бырадина и Клобуковская, с правой стороны; остров Клобуковский, длины верста с четвертью, ширины одна десятая; у самого берега Днепра, с правой стороны, против деревни Бырадина, забора Скаляная, камень Марченко, у южного конца о. Клобуковского, остров Бобров, иначе Рыбальский, Кучугурный или Стрелица, к левому берегу, против Клобуковского, у вершины о. Кухарева; балка Крутая с левой стороны, остров Лозоватый, как бы продолжение Клобуковского, немного выше церкви д. Бердеевой, забора Крячина - вторая, у северного конца о. Кухарева, забора Самойлова, против острова Лозоватого, камень Кузьмич, балка Аншняя, с левой стороны, и наконец...»

⁵² Далі закреслено: «камень Бути, за камнем Буцем».

⁵³ Далі закреслено: «Шереметев, Десятин, Чортова голова, оо. Лишний, Кленовый».

⁵⁴ Далі закреслено: «длины полторы, ширины одна пятая версты».

* Zbiór pisarzew polskich. Cyse szosta, tom XVIII, kronika polska. M. Bielskiego. Warszawa, 1832. С. 192. Близ Хортницы может быть Таволжанский, или Кухарев, или Большой-Дубовый или Вербовый остров, «несколько миль длины». Также трудно разгадать, такие именно разумеет Бельский броды под бредами Кременецкого и Кушманского. Не есть ли Кучманский и Кичкасский?

⁶¹ Далі закреслено: «длины две с четвертью, ширины одна шестая версты, Смирный, иначе Ржаной — отрывок от Гавиня; бляки Лишиня, Сухенька, Вила и Чернявского, — все с правой стороны, Кошарна и Вильна, — с левой стороны; оо. Селевны, Стрелец, Похилый против хутора Корниа Корниевича».

⁶² Далі закреслено: «камни Похилый и Корябель, нижонец...»

⁶³ Далі закреслено: «камни Плоские, Белый Бучок, Перейма, прямо против канала порога, Крачок, Сиренький, Шинкарь, забора Крячина; островки Крячинов, Скворцов, камни — Волчье горло».

⁶⁴ Далі закреслено: «(теперь Плоские — два и Явленный)».

⁶⁵ У 1-му вид.: «три огромнейших камня».

⁶⁶ У 1-му вид.: «два камня».

Розділ сьомий

¹ У 1-му вид. автор зазначений у підрядковому посилянні: «Кобзарь. Т. Шевченко. СПб., 1883. С. 69».

² З початку розділу і до цього абзацу текст був Д. Яворницьким перероблений і доповнений. У 1-му виданні текст був такий: «Остров Хортица — самый большой и самый величественный из островов Днепра на всем его протяжении. Первыми сведениями об этом острове мы обязаны греческому императору Константину VII Багрянородному (905-959). У Константина Багрянородного Хортица именуется островом Св. Григория: «Прошед Крайнийский перевоз^{*}, они (руссy) причаливают к острову, который называется именем Св. Григория^{**}. На этом острове они совершают свои жертвоприношения: там стоит огромной величины дуб^{***}. Они приносят в жертву живых птиц; также втыкают кругом стрелы, а другие кладут куски хлеба и мяса и что у кого есть, по своему обыкновению. Тут же бросают жребий, убивать ли птиц и есть или оставлять в живых»^{****}. В русских летописях имя Хортицы («Хортич») впервые упоминается под 1103 годом, когда великий князь Святополк Изяславич, в союзе с другими князьями, отправился походом против половцев: «И поидоша на коних и в лодях, и придоша ниже порог и стаща в протолах и в Хортичим острове»^{*****}. Из русских же летописей узнаем, что на острове Хортице съехались все

* Теперешний Кичкас.

** Μετα δε το διελθεν τοιούτων τοπων την νησον την επιλεγομενην ὁ ἅγιος Γρηγόριος καταλαμβάνουσιν.

*** Εκείσε τοταύθον καμνὸν ἐστὶν δρυς.

**** De administr. imper., cap. IX. Издан. Бон.

***** Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871. С. 183.

русские князья и их пособники, когда в 1224 году отправлялись на первую битву против татар. Остров назывался тогда Варяжским. «Придоша к реке Днепру и выдоша в море; бе бо людей тысячи, и воидоша в Днепр и возведоша пороги и стаща у реки Хортице на броду у протолач»^{*}. Эрих Ласота (1594) о Хортице говорит, что она лежит в полу-миле от Кичкаса, прекрасна, высока и приятна, в длину имеет две мили и разделяет Днепр на две равные части^{**}. Боплан (1620-1637) называет Хортицу настоящим ее именем и говорит, что остров очень высок, почти со всех сторон окружен утесами; в длину имеет более двух миль. А в ширину около полу-мили, а в некоторых местах и меньше того^{***}. Из «Истории» Мышецкого узнаем, что некогда Хортица не была островом, а представляла лишь мыс материка. «Сказывают, в то время оный Хортич не был остров, но соединенная степь, а уж потом от сильных вешних вод, в низких местах сильною водою прорыло и учинило Хортишким островом»^{****}. В книге Большого чертежа (1552-1600) Хортица именуется Хортицей^{*****}, в «Путешественных записках» Зуева (1781-1782) Хортишом^{*****}, в атласе Днепра (1784) — Хитрицким островом, принадлежавшим к дяде светлейшего князя Потёмкина^{*****}, у Ригельмана (1785-1786) — Хордешким^{*****}. Объяснение самого названия острова нахожу у профессора Бруна. «Хордешким он (остров) мог быть потому, что Русы X века имели обыкновение приносить на нем жертвы своим богам, а подобными жертвами могли у них служить, faute de mieux, молодые собаки, которых они легко могли назвать хордешами, т. е. именем, напоминающим финское слово hirtti, означающее волка и известного вида собаку, известную у эстов под названием hart, у латышей kurtis, у литовцев kurtas, у поляков chart, т. е. под именем наших борзых собак. Что эти именно собаки высоко ценились в России еще гораздо позже, это видно из описания Герберштейном охоты, в которой сам он участвовал, в присутствии великого князя Василия Ивановича mit reschen Hunden die sie Kurtzen nennen. По крайней мере, можно полагать, что австрийский посланник (Герберштейн) под своим неразгаданным словом Kurtzi, просто разумел хортош»^{*****}.

* Там же. С. 495 — 496.

** Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 30.

*** Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 24.

**** Мышецкий С. И. История о козках запорожских. Одесса, 1852. С. 24.

***** Книга, сглаженная Большой чертёж. М., 1846. С. 100. (1781-1782 г.).

***** Зуев В. Путешественные записки. СПб., 1787. С. 261.

***** Русов А. А. Русские тракты. К., 1876. С. 132.

***** Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России. М., 1847. Ч. 1. С. 20.

***** Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 85.

Таковы первые сведения об острове Хортице. К этому нужно прибавить лишь то, что в некоторых списках сочинения Багрянородного, «Об управлении империи» («De administrando imperio»), Хортица именуется островом не Григория, а Георгия. Но это или простая замена слова, которая показана уже в наших летописях (Георгий, Гюрга, Гюрний, Григорий)*, или звуковое изменение, происшедшее по известному закону перехода буквы х в г (Хорт-иц-а, Хора-иц-а; Гюда, Гюрни, Георги, Георгии). Для изучающего историю запорожского козачества Хортицкий остров важен тем, что на нём была первая по времени Запорожская Сича. Впрочем, нельзя при этом не сказать о тех летописцах и исследователях, которые полагают, что до того времени, пока запорожцы оселись на Хортице, они имели будто бы уже три Сичи: в Седневе, местечке, отстоявшем от Чернигова на 30 вёрст, при р. Снове, впадающей в Десну; Каневе, теперь уездном городе Киевской губернии, на правом берегу Днепра, и Переволочне, теперь местечке Полтавской губернии, на левом берегу Днепра**. Но против такого утверждения говорит, во-первых, самая этимология слова «запорожец». Запорожцами, запорожскими козаками, в собственном смысле, назывались только те из днепровских козаков, которые, оставив свою родину «данибуды» в Малороссии, Литве, Польше или за пределами их, селились, основывали себе жилища за порогами Днепра, начинающимися, равным счётом, на восемь вёрст ниже бывшей у козаков деревни Половницы, у нас губернского города Екатеринослава. Вот какие из днепровских козаков назывались и потому должны называться запорожскими козаками; те же из них, которые жили выше днепровских порогов, и так называемой старой Малороссии, в теперешних губерниях Киевской, Черниговской и Полтавской, те козаки носили название черкасских (от города Черкас, Киевской губернии, бывших одно время ядром этого козачества), малороссийских, гетьманских, украинских, городовых, реестровых, или семейных козаков. А как Седнево, Канев и Переволочна находятся выше днепровских порогов, то и считать их Запорожскими Сичами едва ли возможно. Если же пребывание запорожских козаков в означенных местах и допускается, то это интересно скорее в том отношении, что показывает нам место возникновения запорожского козачества: запорожцы не выходцы из Польши и не переселенцы из прикавказских областей, как думали некоторые из историков, а истинные сыны Малороссии, «плоть от плоти и кость от костей её». Впрочем, пребывание запорожцев в названных местах, хотя бы то и не Сичами, могло от-

носиться к тому моменту их исторического бытия, когда они ещё не обособлялись от малорусских козаков и, живя в старой Малороссии, составляли с ними одно целое. Это во-первых. Но затем, кроме этого общего соображения, не позволяющего назвать Седнево, Канев и Переволочну Запорожскими Сичами, мы не можем именовать их так ещё и потому, что не имеем никаких документальных подтверждений о пребывании в них запорожцев Сичами. Документально, и то лишь в смысле временного укрепления или замка, становится известным только Хортицкая Сича. Вот что говорят на этот счёт летописец «Того ж месяца (сентября) 1557 года» приехал (в Москву) ко царю и великому князю Ивану Васильевичу (Грозному) всея Руси от Вишневецкого князя Дмитрея Ивановича бити челом Михайло Исковнич, что (б) его (т. е. князя Вишневецкого) Государь пожаловал, и велел себе служить, а от короля из Литвы отъехал и на Днепре на Хортицком острове город постановил против Конских вод у крымских кочевий. И царь и великий князь послал к Вишневецкому детей болгарских Ондreja Щепотева да Нечая Ртищевя, да того ж Михаила с опытною грамотою и з жалованьем*. Об этом же самом «городке» на Днепре говорит и посланник германского императора Рудольфа II, Эрих Ласота: «Четвёртого июля прошли мы мимо двух речек, названных Московками и текущих в Днепр с татарской стороны... Затем пристали к берегу ниже, близ лежащего острова Малой Хортицы, где лет тридцать тому назад был построен замок Вишневецким, разрушенный потом турками и татарами»**. С свидетельством Эриха Ласоты совпадает и свидетельство Мартина Бельского: «Есть и другой остров близ (Коханого), называемый Хорчина (Chorczyka), на котором Вишневецкий пред этим жил и татарам очень вредил (на wielkiej przeszkodzie był), так что они не смели через него так часто к нам вторгаться; немного ниже его в Днепр впадает р. Тисменица, 44 миль от Киева»***. Вот этот-то городок или замок на Днепре, на Хортицком острове, и следует считать первою по времени запорожскою Сичею. Он (т. е. остров Хортица) высок, — говорит один из данных русских историков, — берега его скалисты, непоколебимы наводнением и изобилует дубовым лесом. Имея все удобства, непоколебим наводнением и изобилует дубовым лесом. Имея все удобства к заселению, сей прекрасный остров оставался очень долго необитаемым; орды кочующих народов, которые с незапамятных времён бродили здесь по обеим сторонам реки, подвигали непреодолимое препятствие всякому прочному на оном заведению. В начале только XVI стол., сколько нам

* Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871. С. 187, 205, 208 и др.

** Мышцетский С. И. История о козаках запорожских. Одесса, 1852. С. 9; Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России. М., 1847. С. 2; Бантыш-Каменский Седнево совсем исключает, полагая Сичи в Каневе, Черкасах и Переволочне; см.: Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М., 1842. Т. 2, примечание 29.

* Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1791. Ч. 7. С. 272.

** Ласота отправлен был к запорожцам в 1594 году; место Сичи он полагает на острове Малой Хортицы, по-теперешнему Кинтерском острове; время же возникновения ее определяет, очевидно, приблизительно. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 53.

*** Zbiór pismów polskich. Cyse szonja. Warszawa, 1832. T. XVIII. S. 191-193.

известно, занят он запорожскими козаками и сделался их сборным местом для воспрещения татарам переходить здесь». «На острове Хортице, — говорит другой, также очень давний историк, — они (т. е. запорожские козаки) сделали себе укрепленное место, по их Сечь называемое. Но сие место их пребывания иногда по обстоятельствам переменялось»^{***}. Князь Мишешевский считает Хортицкую Сичу также одною из древнейших, хотя не первую по времени. «Против оных трёх рек — Сухой, Великой и Нижней Хортице — в реке Днепре имеется великий остров, называемый Хортиц, на котором издревле была Запорожская Сечь»^{****}.

«Чтобы иметь базис для наступательных действий против Крыма, а вместе с тем защиту от татар, — замечает в своих лекциях о козаках профессор Антонович, — Вишневецкий строил передовые укрепления, далеко выдвигая их в степь. Первое такое укрепление временное было построено им на левом течении Днепра, на острове Хортице, немного ниже порога. Устройство этого укрепления относится к четвёртому десятилетию XVI века. Вначале это укрепление не имело постоянных жителей, сюда вводилась гарнизон, когда была необходимость, обыкновенно летом, а на зиму удалялся»^{*****}.

При этом естественно спросить: кто же был названный здесь Дмитрий Вишневецкий? Дмитрий Иванович Вишневецкий происходил из волынских князей Гедиминовичей; он был человек православной веры, владел многими имениями в Кременецком повете; каковы: Подгайцы, Окимны, Кумины, Лопушня и другие и имел у себя трёх братьев: Андрея, Константина и Сигизмунда. Имя князя Вишневецкого, вначале непопулярное, становится известным только с 1550 года, когда он назначен был польским правительством на должность черкасского и каневского старосты (губернатора). Но должность эту Вишневецкий нес лишь до 1553 года, когда, получивши отказ от короля Сигизмунда-Августа в каком-то пожаловании, по старому праву добровольного отъезда служилых людей от короля, ушёл на службу к турецкому султану. Тогда король, обеспокоенный тем, что турки приобретут в лице Вишневецкого отличного полководца, каким он действительно и был, теперь врага польскому престолу, снова привлёк князя к себе, дав ему опять те же Черкасы и Канев в управление. Но владея этими городами, князь хотя и доволен был королём, но не доволен был собственным положением: душа его жаждала биты, опасностей войны. И вот он

приходит к такой мысли: уничтожить крымскую орду и, если возможно, завладеть черноморским побережьем. План свой Вишневецкий старался выполнить последовательно и уже с 1556 года. В 1556 году Вишневецкий, вместе с русскими козаками дьяка Ржевского, запорожскими козаками атаманов Мамынского и Михайла Есковича и своими тремястами черкасско-каневскими ходил против татар и турок под Ислам-Кермень и Волам-Кермень «и тут кони и многую животину отгонили», затем добрался до Очакова «и у Ачакова острог взяли и турок и татар побили и языки поймали. А как пошли прочь и за ними ходили сапичаки очаковской и тягинской со многими людьми, и дьяк на них учинил в тростнику у Днепра подсадку и побил ис пицалей многих людей, и сам отшел здорово со всеми людьми, да как пришел под Исламкермен и тут пришел к Исламкермену царевич Калга крымской, а с ним весь Крым и князи и мурзы; и дьяк стал противу его на острове, и бился с ним ис пицалей шесть дней, да отогнал ночью дьяк у крымцов стада конные да на остров к себе перевез и по заднепрью по литовской стороне вверх пошел и разошелся с царевичем ис пицалей поранил и побил людей многих»^{*}. В 1557 году, в сентябре месяце, Вишневецкий присылал к Ивану Грозному Михайла Есковича с выражением желания поступить в подданство к московскому царю, на что и получил дозволение; с тем вместе Вишневецкий извещал царя об устройстве «на Днепре, на Хортицком острове города»^{**}. В том же году, 16-го октября, Вишневецкий чрез своих послов Андрея Щепотева, Печая Ртищева, князя Семена Жижемского да Михайла Есковича извещал царя Ивана Грозного, «что он (т. е. князь Вишневецкий) холоп Царя и великого князя, и правду на том дал, что ему ехать ко Государю; а потом воевати крымских улусов и под Исламкермен служачи Царю и великому князю»^{***}. Производя набег на татарские области, князь Вишневецкий должен был, наконец, испытать то же самое и от татар. В 1557 году, в мае месяце, Вишневецкий писал царю, что крымский хан Девлет-Гирей с сыном и со многими крымскими людьми приходил под его город, что на Хортицком острове («Городешкой остров»), осаждал его двенадцать четыре дня; но божьим милосердием и именем и счастьем царя, Государя и великого князя, он, Вишневецкий, отбил от хана, побив у него даже много лучших людей, так что хан пошел от Вишневецкого с великим соромом и настолько обессилил, что Вишневецкий отнял у крымцев многие из их кочевий^{****}. Но уже в 1558 году, в октябре месяце, хан снова подступил к городу на Хортице; причём он привёл с собою многих

* Лерберг. Исследование к объяснению древней российской истории. С. 278.

** Мишешевский Г. Ф. Историческое сочинение о Малороссийском народе. М., 1847. С. 2.

*** Мишешевский С. И. История о козаках запорожских. Одесса, 1852. С. 68, 69.

**** Антонович В. Б. История малороссийского козачества. Киев. Читано в 1882-83 авд. году.

* Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1791. С. 266.

** Там же. С. 272, 273.

*** Там же. С. 274.

**** Там же. С. 266.

людей турецкого султана («турского царя») и волошского господаря. Вишневецкий, как должно думать, долго отбивался, но, наконец, из Днепра с Хортицкого острова пошел потому, что корму не стало у него и козаки у него разошлись... И он за кормом не шел в городе, а пришел за Черкасы и Каневом*.

Царь понял положение Вишневецкого, и потому велел ему, оставив Черкасы и Канев, ехать в Москву на службу. В ноябре месяце того ж года Вишневецкий прибыл в Москву; здесь царь назначил ему жалованье, дал в отчину город Белев со всеми волостями и сёлами, «да в иных городах государь назначил князю подклестные села и великими жалованы устроил; князь же за всё это каялся животворящим крестом верно служить царю на веки и добром платить его государству**». В том же 1558 году, в декабре месяце, царь Иван Грозный отпустил Вишневецкого на крымские улусы, «да с ним черкасского (черкесского) мурзу кабартинского князька Канукова — в Кабарту в Черкасы (в землю черкесов), а велел им собраться идти всем ко князю Дмитрею на пособ, а отпущен в Черкасы на Казань да на Астрахань судном, из черкас им идти ратью мимо Азова; да со князем Дмитреем же брат отпустил... иных татарянов с козаки да сотских с стрельцы; велел ему Государь идти прямо, а после велел суды поделати и с запаси идти на Днепр, и велел Государь князю Дмитрею стоять на Днепре и беречь нал крымским царем сколько ему Бог поможет***.

В том же 1558 году, месяца мая, Вишневецкий доносил уже и о самом результате предпринятого похода. Простояв под Перекопом и не встретив ни одного врага крымца, князь пошёл к Днепру, к Таванской переправе, «которая находится на полтретыхцать верст» ниже Ислам-Кермента; на перевозе он простоял ещё три дня, а крымцы все не являлись к нему, и это, говорили, оттого, что крымский хан был в осаде. От Таванской переправы Вишневецкий поднялся к Хортице («Ортинский остров») и здесь соединился с дьяком Ржевским; встретив его выше порога, велел оставить все кони с запасами здесь же, на Интрском (?) острове; а из детей боярских, которые изнурены были походом, отослал к царю, оставив у себя только небольшое число боярских детей, козаков да стрельцов, с которыми отправился летовать в Ислам-Кермент; цель князя была — захватить Перекоп и Козлец. Сам же хан крымский, извещенный о замыслах русского царя польским королём, сылал все свои улусы с Днепра и перенёсся за Перекоп. Таким образом Вишневецкий должен был проводить время в бездействии, а потому царь, отправив посла к князю с жалованьем, самому ему велел

ехать в Москву, оставив на Днепре Ширяя Кобыкова, дьяка Ржевского да Андрия Щепотева и с ними немного детей боярских да стрельцов, да с козаками Даниила Чулкова и Юрия Булаткова*. Это было в 1558 году; но уже в 1561 году Вишневецкий снова оказывается на Днепре, и хлопочет о том, чтобы опять передаться польскому королю. Что побудило князя к этому, неизвестно: во всяком случае, остановившись в урочище Монастырище, между островом Хортицей и городом Черкассами, Вишневецкий отправил к королю гонца с просьбою, чтобы он снова принял его к себе на службу и выслал бы, по обыкновению и прежде всего, так называемый гаситоватый, т. е. охранитель, лист для свободного просла из Монастырища в Краков. Король охотно принял князя, и в 1563 году Вишневецкий считался уже на службе польскому престолу; расположение короля к Вишневецкому выразилось между прочим тем, что он прислал князю своего медика для излечения болезни, которою страдал князь ещё в юношеские годы, отравленный каким-то ядом. Впрочем, тот же король при случае не преминул осведомиться у русского царя и о причине отъезда князя Вишневецкого из Москвы. «Пришел он как собака и утек как собака; а мне, государю, и земле моей убытка никакого не причинил», отвечал царь Иван Грозный королю Сигизмунду-Августу. В это время Вишневецкий сделался настолько дряхлым, что едва мог садиться на коня, но дух героизма в нём не угасал. Так, находясь в Кракове и подружившись там с польским магнатом Лясным, который владел молдавскою крепостью Хотиним и надеялся и всю Молдавию присоединить к Польше, Вишневецкий, под влиянием этого поляка, задумал мыслью добиться молдавской короны. С этой-то целью он и отправляется, в 1564 году, в Молдавию. Но это же дело было последнею лебединою песнею князя. Дело в том, что в Молдавии в это самое время боролись два претендента за обладание престолом: господарь Яков Василда, иначе Иракля, и боярин Томажа, иначе Стефан IX. Томажа осаждал Василда в Сучавском дзоре, когда явился передовой отряд Вишневецкого и потребовал молдавской булавы для своего князя. Томажа по-видимому охотно согласился на это притязание и лично пошёл встречать славного героя. Князь не ожидал такой скорой развязки и с небольшой дружиной двинулся к Сучаве, но здесь внезапно был схвачен сторонниками хитрого Томажа и пленён. Этого мало. Пленного князя Томажа передал туркам, злейшим врагам его, и те решили предать его жесточайшей казни: бросить живым с высокой башни на один из железных гакв (крюков), которые вделаны были в стену у морского залива, по дороге от Константинополя в Галату. Князь был брошен, зацепившись ребром за крюк и в таком виде висел несколько времени, оставшись живым, нося имя султана и охуляя его му-

* Там же. С. 292, 293.

** Там же. С. 293.

*** Там же. С. 295, 296.

* Там же. С. 308-309.

сулманскую веру, пока не был убит турками, не стерпевшими его злословий. Народ сохранил в своей памяти величественный образ князя и воспел его трагическую кончину в готовой уже песне о козаке Байде. Песня рассказывает, что Байда настолько был славен, что сам султан (Селим II) предлагал ему свою дочь в жены; но Байда настолько же был предан православно-славной вере, что с омерзением отверг это предложение, глумясь над всем, что было священно и простому муслемину и самому хану и решился даже убить этого последнего. Жестокая казнь следовала за этим глумлением. Польский писатель Несецкий прибавляет*, что у повешенного князя было вынуто из груди сердце; предав его огню, турки всыпали пепел его в кружки с вином и выпили, желая от этого заразиться таким же мужеством, каким отличался во всю свою жизнь князь Вишневецкий.

«У Царьграді та на риночку
Там н'є Байда мед-горілочку;
Ой н'є Байда та не дєнь, не два,
Не одну нічку та й не годиночку;
Ой н'є Байда та не киваєтєй,
На турського царя похваляєтєй;
Ой н'є Байда, та ще й палюєтєй
А турецькій царь єго підмовляє:
- Ой ти, Байдо, та славнесенькій,
Буль міні лицарь та вірнесенькій,
Покінь, Байдо, та шити-гуляти,
Бери дочку та йди царювати!
Бери в мене та й царівночку,
Будеш паном на Україночку!
- Твоя, царю, віра проклята,
А дочка твоя, царю, поганая.
Крикнув салтан та своїм гайдукам:
Візьміть Байду того добре в руки,
Візьміть Байду кріпко ізв'язіте,
Та на гак ребром добре почепіте.
Ой висить Байда та й не дєнь, не два
Не одну нічку та й не годиночку.
Ой висить Байда, про себе гадає
Та й на свого шору зорю споглядає,
Та на свого шору, шору молодого
І на свого коня, коня поронного.

Ой ти, шоро ж мій молоденькій!
Подай мені лучок, лук тугенькій,
Подай мій, шоро, тугий лучок
І стрілочок шлий пучок!
Ой бачу я, шоро, та три голубочки,
Хочу я їх вбити за дла царської дочки.
Де я мірю, там я вибілю,
Де ж я ваяку, там я вражу.
Ой як стрілив, та й царя вибілив,
А царівно та в потилицю,
А єго доньку прямо в головушчу.
Не вмів, царю, та ти Байди бити,
За це ж тобі, царю, та й у землі пріти.
Було б тобі, царю, конем під'їзжати
Та було б Байди голову ізтяти,
Було б тіло Байди в землю поховати
А його ханця собі підмовалити».

Таким образом, Вишневецкий не удержался на Хортице, и основанный им притон или Сича, для помещения на острове козаков, также рушился: основав Сичу в 1557 году, князь должен был оставить её уже в 1558 году. Но прошло более шестидесяти лет, и Сича на острове Хортице снова возникает. Теперь устройство её принадлежит гетману малороссийских и вместе кошевому атаману запорожских козаков Петру Конашевичу Сагайдачному. «Как полки шли войною на Россию в 1630 году*, - замечает князь Мышенский, - тогда запорожские козаки были под Польшею, и один запорожский воин, прозванный Сагайдачный, на оном острове (Хортице) построил фортецию, а по их званню окоп»**.

«В начале XVI столетия, сколько нам известно, - пишет Лерберг, - занят он (Хортицкий остров) запорожскими козаками и сделан их сборным пунктом... Но заселение это продолжалось недолго, столь же мало, как и бывшее в 1630 году, в котором сии козаки заложили здесь крепость (Сичу); поселику Боплан, бывший на сем острове в 1639 г., советует сделать здесь заселение»***. «Остров сей (Хортицкий), - пишет Устрялов в одном из примечаний к «Описанию Украины», - известен у Константина Багрянородного под именем острова Св. Григория. Там древние руссы, переплыв

* Мышенский впадает в небольшую погрешность: дело было в 1618 или 1620 годах, но ни в каком случае не в 1630 году, так как Сагайдачный умер уже в 1622 году.

** Мышенский С. И. История о козаках запорожских. Одесса, 1852. С. 68.

*** Лерберг: Исследование к объяснению древней российской истории. С. 278-279.

благополучно пороги и отразив неприятелей, приносили жертвы; там в начале XVI столетия запорожцы имели Сечь свою, оставляли её, в 1620 году возобновили и вскоре вновь покинули»⁴.

«Хортица, — замечает наконец Григорий Славский, — один из больших днепровских островов... Первыми поселенцами здесь были запорожские козаки... В начале XVII ст. гетман Сагайдачный приказал жилища их обвести земляным окопом и деревянным тыном или засекою, от чего, может быть, получило тогда это укрепление и название Сечи, сохранившееся и при переходе запорожцев на другие места, до самого окончательного их рассеяния»⁵.

³ Далі закреслено: «После всего этого является вопрос: кто же был виновником сооружения оставшихся теперь на острове Хортице укреплений? Можно думать, что начин сооружения названных укреплений принадлежал сперва князю Дмитрию Ивановичу Вишневецкому, как в том убеждает нас свидетельство летописца^{***} и слова посланника Эриха Ласоты^{****}. Но кроме Вишневецкого на острове Хортице делали укрепления ещё Яков Шах^{*****}, затем гетман малорусских козаков и кошевой атаман запорожских, Пётр Конашевич Сагайдачный, в 1618 и 1620 году^{*****}, и русские войска, в 1738 году. «В 1738 году на Хортицком острове сделан от России великий ретраншемент со многими редутами и флешами, на котором Российская армия и флотилия, вышед из Очакова, долгое время стояла»^{*****}.

⁴ У 1-му вид.: «За обедом последовало».

⁵ Далі закреслено: «да такую страшную, которая».

⁶ Далі закреслено: «Если это предание достоверно, то...»

⁷ У 1-му вид.: «во второй Базавлуцкой Сичи».

⁸ Далі закреслено: «Я решил пройти всё это пространство пешком, отослав свои вещи вперёд к одному из обывателей города Александровска»^{*****}.

* Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 150, прим. 97.

** Книга, глаголемая Большой Чертеж. М., 1846. С. 258, прим. 125.

*** Русская летопись по Никоновскому списку. СПб., 1791. С. 272, 273.

**** Ласота Э. Путевые записки. Одесса, 1873. С. 53. См. также: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1819. С. 252; Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М., 1842. Т. 2. С. 113; Маркевич Н. История Малороссии. М., 1842. Т. 1. С. 45.

***** Яков Шах, сперва генеральный есаул, а потом, с 1582 г., гетман малорусских козаков. Семенов. История Малороссии. М., 1874. Т. 1. С. 71.

***** См. указания выше.

***** Мищенский С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 68.

***** Это секретарь мирового съезда, Н. И. Федоровский, один из питомцев Харьковского университета, человек во многом очень обязательный.

⁹ У 1-му вид.: «но совсем не древним селом».

¹⁰ Далі закреслено: «В Вознесенке есть церковь, волость и школа, учителю которой, Трофиму Евфимовичу Дешке, я так много был обязан в деле своих разысканий на острове Хортице».

¹¹ У 1-му вид.: «и».

¹² У 1-му вид.: «в настоящее время».

¹³ Вилесено зноску: «Из стихотвор. Я. И. Щоголева. Харьков, 1883 г., декабря 12».

Розділ восьмий

¹ У 1-му вид. був такий варіант епіграфа:

«Ой гук, мятє, гук, де козаки н'ють,
І веселя ти доріженька, куди вони йдуть.
Та куди вони йдуть, то луги гуають,
Та поперед себе вражих ляхів облавою пруть.
А отаман йде, як голуб гуде,
Та під явором зелененьким голову кладе.

Народна пісня».

² Далі Д. Яворницький хотів викреслити частину тексту й подати новий текст, але цей новий текст не зберігся, тому далі подається текст 1-го вид. з попередньою авторською корекцією.

³ У 1-му вид.: «визивами».

⁴ У 1-му вид.: «красные-красные».

⁵ У 1-му вид.: «длинные-длинные».

⁶ У 1-му вид.: «вот».

⁷ У 1-му вид.: «с курчавыми головами и как-бы».

⁸ У 1-му вид.: «тысячи».

⁹ Далі закреслено: «которые мало-помалу своим свистом и пением начали оглашать широкие окрестности степи». Замість цього тексту Д. Яворницький хотів ввести новий текст, а саме: «превративших степь, по-видимому за несколько минут перед этим совсем мертвую и безжизненную, в целое море жизни и движения». Але потім учений викреслив цей текст.

¹⁰ У 1-му вид.: «Здесь находилась тогда Сичь козаков».

¹¹ Закреслено: «пятью по времени».

¹² У 1-му вид.: «Путевые записки Эриха Ласоты. Одесса, 1873. С. 30».

¹³⁻¹³ Цей фрагмент тексту Д. Яворницький хотів викреслити. Залишаємо, щоб зберегти логіку авторського тексту.

¹⁴ У 1-му вид.: «на Базавлуцкую Сичу».

¹⁵ У 1-му вид.: «в самой Сичи жаял кошевого атамана другой посланний».

¹⁶ У 1-му вид.: «на Базавлуцкой Сичи».

¹⁷ У 1-му вид.: ця вставка була у шарпаківському посланні.

¹⁸ У 1-му вид.: «Прибыв в Сичу...»

¹⁹ У 1-му вид.: «о Базавлушской Сичи...»

²⁰ У 1-му вид.: «запорожской Сичи».

²¹ У 1-му вид.: «После падения Сичи...»

²² У 1-му вид.: «как и земля трёх бывших Сичей».

²³ Далі закреслено: «на острове Базавлуке».

²⁴ Закреслено слово: «обязательным».

Розділ дев'ятий

¹ У 1-му вид.: «Ой які ж».

² Викреслено підпис: «Народная песня».

³ У 1-му вид.: «Кушугум по-татарски «кузун» – ворон».

⁴ Далі закреслено: «Нижє Великої Забори стоїть острів Старик, к лівому берегу Дніпра, имеющий две с половиной версты длины и одну ширину. За островом Стариком следуют заборы...»

⁵ Далі закреслено: «остров Каневской или Кашивнов. Последний имеет в длину одну версту и принадлежит удельному ведомству. Против острова Разумовского, заборы Терловской и острова Каневского, у правого берега Дніпра».

⁶ Далі закреслено: «На полверсты ниже Каневского острова идет забора Домаха, потом остров Крутойрский, против урочища Крутого-Яру, меньше версты в длину, принадлежит П. М. Миклашевскому. За Крутойрским островом начиниется...»

⁷ Далі закреслено: «Против урочища Наалпача, среди Дніпра, торчит забора Просередовская и близ неё возвышается прекрасный остров Просеред, иначе Баранив, на три версты ниже Крутойрского, имеющий до четырех верст кругом, покрытый отличным лесом, среди которого скрываются три живописнейших озера, обилующих рыбою и множеством дичи».

⁸ Далі закреслено: «Идут в Дніпре острова, сперва Мариничин или Солдатский остров, в окружности триста сажень, образовавшийся всего лет 15 или 20 тому назад; еще недавно к этому острову можно было свободно ходить с берега Дніпра; илова солдата Маринича, живущая у самого конца села, часто ходила на этот остров собирать дрова, оттого и остров прозвали Мариничин или Солдатский. Ниже Мариничина острова следует остров Никоновский, в окружности всего 100 сажень, ежегодно смываемый водой и находящийся против заборы Никоновской, деревни Новой-Слободки, иначе Порт-Мишеля, и речки Музурмана, впадающей в Дніпр с левой стороны. Ниже Никоновского острова торчит из-под воды забора Пенюковская, а за Пенюковскою заборой...»

⁹ Далі закреслено: «иначе Табунинов или Рыбачий».

¹⁰ У 1-му вид.: «следует».

¹¹ Далі закреслено: «на протяжении около двадцати пяти верст».

¹² Далі закреслено: «на Дніпре стоят два острова, Великий и Тарасовский. Великий остров начинается тогда за косой, примыкающей к острову Струкову, он имеет в длину до трех верст, расположен у левого берега реки, покрыт прекрасным лесом и насыпан в очень давнее время, еще за запорожских козаков. Остров Тарасовский отделен от острова Великого прорезом».

¹³ Далі закреслено: «стоит остров Клейновский, полверсты длины, а близ него...»

¹⁴ Далі закреслено: «острова Клейновского и...»

¹⁵ Далі закреслено: «истом забора Рыбкова, с левой стороны».

¹⁶ У 1-му вид.: «и за ней».

¹⁷ Далі закреслено: «Как самое название урочища – «Сиркишка», – так и то обстоятельство, что это урочище издавна служит местом пасения, дают повод думать, что именно на этом месте и в этой самой Грушевке окончил своё земное существование знаменитый в истории запорожских козаков кошевой атаман Иван Дмитриевич Сирко. «Того-ж лета (1680 г.), – пишет о нём летописец Самона Величко, – Иван Серко, славный атаман копейный, в Грушовине насиле своей, чрез несколько время поболелши, представился от жизни сев»*.

¹⁸ Текст закреслено: «длины две с половиной, ширины полторы версты».

¹⁹ Текст закреслено: «Проризной, ишче».

²⁰ Текст закреслено: «по левому берегу Дніпра, вновь начинаются плавни, а вместе с плавнями и небольшой лес, идущий до так называемого Затона, что пониже местечка Никополя. Ниже Конки стоит остров Крутай, у левого берега Дніпра, песчаный, безлесный, покрытый лишь ничтожными кустарниками; потом...».

²¹ У 1-му вид.: «далее».

²² Далі закреслено: «где была у запорожцев третья по времени Сича, Томаковская».

Возникновение Томаковской Сичи можно относить к двум моментам: или к тому времени, когда впервые основана была и Хортицкая Сича, или же ко времени после основания Базавлушской Сичи. В первом мнении утверждает нас автор «Истории Малой России», когда говорит о князе Д. И. Вишневецком, укрепившем не один только остров Хортицу, но и остров

* Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке. К., 1855. Т. 2. С. 497.

Томакову^{*}. Второе предложение является на том основании, что если бы Томаковская Сича была основана после Хортицкой, то о ней не преминула бы сказать Ласота; проезжая мимо о. Томаковки, он и словом не заикнулся о том, была ли здесь Сича или нет, между тем как о Хортице он подробно рассказывает, кто и когда здесь сделал укрепление. Но когда же именно возникла Томаковская Сича?

²³ У 1-му вид.: «На этот вопрос утвердительно ответить мы не можем. Правда Н. И. Костомаров...».

²⁴ Далі закреслено: «продолжает Боплан».

²⁵ Далі закреслено: «(pizowi kozacy micszkiwaia)».

²⁶ Далі закреслено: «(Томаковки)».

Частина II

Розділ перший

¹ У 1-му вид.: «На лирах».

Розділ другий

¹ Закреслено підпис: «Народная песня».

² Закреслено: «...следующая после Томаковской Сичи...».

³ Закреслено текст: «Но почему запорожцы оставили свою Сичу на Томаковке и перенесли на Микитин-Рог — об этом ни Дзевович и никто другой не дает нам указаний. Однако...».

⁴ У 1-му вид.: «На Микитин-роге».

⁵ Закреслено текст: «...и весьма достоверных писателей...».

⁶ У 1-му вид.: «На Микитин-роге».

⁷ Закреслено текст: «...Мышецкий, представляя порядок запорожских Сичей, между другими, говорит и о Микитинской, «которое урочище состоит на правой руке берегу, против Каменного затону...»^{**} При оной реке (Пилпильной или Орловой) имеется урочище Микитино, где в древние годы бывали запорожские Сечи. При оном урочище имеется ретранкемент, построенный от россиян в прежнюю турецкую войну...»

* Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М., 1842. Т. I. С. 113; то же повторяет и Маркевич в своей «Истории Малороссии». М., 1842. Т. I. С. 39.

** Теперь сл. Малая Зименка или Каменка, Таврической губ. Мелитопольского уезда, в двух верстах ниже Никполя.

⁸ Закреслено текст: «То же свидетельство подтверждает и Ригельман в своем «Летописном повествовании о Малой России»^{*}; это же принимает и Бантыш-Каменский^{**}, а вслед за ним и Маркевич^{***}».

⁹ У 1-му вид.: «Вера наша святая поругана...»

¹⁰ Закреслено зноску: «Марковин. Очерк истории запорожского казачества. СПб., 1878. С. 52. См. также рассуждение о запорожцах Г. Миллера. Москва, 1848. С. 51».

¹¹ У 1-му вид.: «1782».

¹² У 1-му вид.: «Вследствие отсутствия положительных данных, нельзя ничего сказать о том, была ли на Микитине еще при существовании там Сичи постоянная церковь или нет. Предание, впрочем, разрешает этот вопрос в смысле положительном».

¹³ Закреслено текст: «См. назад стр. 57, табл. 1».

¹⁴ У 1-му вид.: «Гордеевич Головка».

¹⁵ Закреслено текст:

— Православные, кому вы молитесь?

— Богу, ваше преосвященство!

— Кому вы молитесь? страшивно.

— Богу, ваше преосвященство!

— Не Богу, а запорожцам! Что это? Идолосклонство? Убрать немедленно!

Розділ третій

¹ Закреслено текст:

«Сумно сонце з неба сить, степ безкрайний тонне в мгаі...

Мате-Сича, поклонитись я прийшов твоїй землі!

І молюсь тобі, як святу: покажи тепер міні

Свій гассан, свій кош, крямивші,

Церкву і башти, й курії...

...Чую, стих могильний галас, вітер віє округи,

І хлюпошуть по пісках Чортоманка береги.

Я. Щоголев

За Микитинською Сичею сласовала Чортоманська или так называемая Старая Сича. По-видимому, об этой самой Сиче распространяется словоохотливый, но не всегда точный и правдивый Боплан (1620—1637). «Не-

* Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России. М., 1847. Ч. I. С. 2.

** Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М., 1822. Т. 2, прим. 10.

*** Маркевич Н. История Малороссии. М., 1842.

сколько ниже р. Чортотмыка, почти на середине Днепра, находится довольно большой остров с древними развалинами, окруженный со всех сторон более, нежели 10 000 (?) островов, которые разбросаны неправильно... Спито многочисленные острова служат притоном для козаков, которые называют их войсковою скарбиною, т. е. кизной^{*}. Князь Мышецкий, перечисляя все запорожские Сичи, во второй главе своего сочинения «История о козаках запорожских», говорит: «Старая Сечь, которая состоит близ Днепра, на речке Чортотмык. Она Сеча начатие свое имеет, как еще запорожцы за поляками жили»^{**}.

Чортотмыцкая Сича устроена была в 1652 году, как в этом убеждает нас следующий акт: «Город Сеча, земляной вал, стоит в устьях у Чортотмыка и Прогною над рекою Скарбиною; в высоту тот вал шесть сажен; с поля от Сумской стороны и от Базовлука, в валу устроены пали и бойнищы, и с другой стороны от устья Чортотмыка и от реки Скарбиной до вала, сделаны коши деревянные и насыпаны землею. А в том городе башни с поля, мерою кругом 20 сажен, а в нем окна для пушечной стрельбы. Да для ходу по воду сделано на Чортотмык и на Скарбиную восемь форток (пролазов), и над теми фортками бойнища, а шириною де те фортки только одному человеку пройти с водою. А мерою тот городок Сеча с поля от речки Прогною до речки Чортотмыка сто ж сажен, да с правой стороны речка Прогной, а с левой стороны речка Чортотмык, и впади те речки в речку Скарбиную, которая течет позади города, подле самой ров. А мерою де весь Сеча город будет кругом с 900 сажен. А строили этот город Сечу кошевой атаман Лутай с козаками тому 20 лет»^{***}.

Вот год основания Чортотмыцкой Сичи. Видимо, эту же самую Сичу посетили в 1682 г., 21 марта, и московские посланцы, аяз Никита Моисеевич Зотов и стольник Василий Михайлович Тяпкин, когда отправлялись в Крым для заключения бахчисарайского мира с турками и татарами. «Марта в 21 день пришли мы к Запорожью, не дошел до Сечи верст с десять, на Базавлуку реку. Тут нас запорожские козаки приняли с радостью и перевезли нас в ляхах на свою сторону... Мы пошли з Базавлуку реки к Сече и, не дошел верст зя пять, ночевали на степи, милостиво божиею от всякого неприятеля безопасно; с нами ж на том месте ночевал запорожский войсковый есаул с козаками, в небольшом числе людей, который нас по приказу кошевого атамана Ивана Стигайла встретил и принял на Базавлуку реку.

Марта, в 22-й день, пред обедом, пришли мы в Сечю, и стали под городом, в лутах и, обослався с кошевым атаманом, поехали в город Сечю»^{*}.

Говоря о возникновении и устройстве запорожской Сичи у р. Чортотмыка, мы не можем не сказать и того, что здесь, на этой Чортотмыцкой Сичи, была впервые устроена у запорожцев и войсковая церковь. Много раз случалось нам проезжать по бывшим владениям запорожских козаков, много раз нам приходилось видеть столицу этих низовых рыцарей, Сичу, и много раз нам приходилось убеждаться, что сичовики, в выборе места для построения своего кишла, руководились не только стратегическими соображениями, но и художественным чувством и не менее того чувством религиозным. Стоит только бегло взглянуть на каждую из осьми Сичей и на различные вещи домашнего и церковного обихода, уцелевшие до нашего времени от запорожцев, чтобы убедиться в этом. Выискивая какой-нибудь величественный остров среди Днепра, или высмотрев какой-нибудь возвышенный рог на берегу его, устроив на нем сперва внешний, а потом из внешнего отделать внутренний кош, запорожцы затем выбирали в последнем самое красивое и самое открытое место и на нем прежде всего строили церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а потом уже возводили будинки для кошевого атамана и домики для войсковой канцелярии. «Пусть красуется храм Божий в небесной высоте и пусть святые молитвы с открытого места несутся об нас прямо до престола Господа Бога». Церковь всегда и при самых тяжких положениях составляла главнейшую заботу сичевых козаков.

Но является вопрос: когда же именно и на какой из осьми Сичей устроена была у запорожцев первая церковь? С полным основанием можно сказать, что первая постоянная церковь основана была у запорожцев именно на Сичи Чортотмыцкой, близ р. Базавлука. «В марте месяце 1659 года, на Романновом кургане, — говорит автор «Исторического обзора церквей екатеринославской епархии», — была общая рада всего бывшего в Запорожье налицо козацкого войскового товарищества; на сей раде между прочим решено было устроить церковь в Сечи, на Чортотмыке, как на месте, уединенном, далеком от татар, поляков и русских, и потому весьма безопасном. Усердие козаков к построению церкви было искреннее и живое; при работах присутствовали и ими заведовали два спасшиеся от татар иеромонахи Самарского монастыря, вследствие чего работы шли успешно и в сентябре окончились; церковь освящена была в честь Покрова пресвятой Богородицы

* Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 26.

** Мышецкий С. И. История о козаках запорожских. Одесса, 1852. С. 10. То же самое говорит и Гр. Миллер в «Рассуждении о запорожцах». М., 1847. С. 63.

*** Акт помечен 1672 годом; вычитая отсюда 20 лет (1672 — 20), получим 1652 год, год возникновения Сичи. Агты ЮЗР. СПб., 1879. Т. II. С. 12. № 5.

* Статейный список. Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1850. Т. 2. Отд. 2. С. 646.

и накануне храмового праздника открыта богослужением»^{*}. «Марта в 22-й день», — пишут в своем «Степном списке» дьяк Никита Зотов и стольник Василий Типкин, — марта в 22-й день, пред обедом, пришли мы в Сечу и стали под городом, в лугах и, обослався с кошевым атаманом, поехали в город Сечю, к церкви Б о ж и и помолитца... А пришел в церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, помолились, и за государское многолетнее здравие было соборное пение»^{**}. Для нас приведенные слова имеют значение слов первостепенной важности, так как они, во-первых, основаны на показаниях архивных актов и на свидетельстве очевидцев, а во-вторых, совершенно совпадают с показанием одной весьма интересной гравюры, хранящейся в Петербурге в императорской публичной библиотеке, в отделении портретов Петра Первого, работы Леонтия Щирского. Она изображена на холсте, длины 12-ть четвертей, ширины 7 1/2, и имеет в самом верху такую надпись: «Богословский и философский тезис, поднесенный киевскою духовною академией царям Иоанну и Петру Алексеевичам 1691 года». Она вся написана ликами, разделенными на шесть рядов и помещенными один ниже другого, от самого верха и до самого низа. В первом ряду представлена Богоматерь; во втором — святой князь Владимир и ниже его — двуглавый орел, а по бокам Богоматери и Владимира — 12 фигур разных святых и, кроме них, фигуры Спасителя и Бога Отца; в третьем ряду представлен вид г. Киева; в четвертом — изображены: с левой стороны будинок, где сидят запорожцы с поляками (а может быть и турками или татарами: гравюра сильно попорчена) на раде, посредине — группа козак, размеряющих копытами землю, а с правой стороны — запорожская Сича с клубами дыма над ней. Сича обнесена высоким валом, на котором стоят три пушки на колесах, за валом виднеются шесть куреней, а среди куреней возвышается маленькая, трехглавая деревянная церковь. Ниже Сичи идет ряд фигур: византийских императоров Аркадия и Гонория, Василия и Константина, и русских царей Иоанна и Петра. Мысль, вложенная художником в гравюру, очевидна: он представил главные моменты из истории Киевской Руси, в связи с историей запорожского козачества, и изобразил современное ему царское двоявластие в России, подкрепив последнее примером Византийской империи.

Таковы данные, касающиеся Чортомлышской Сичи. Здесь у места спросить: почему же запорожцы оставляли свою Сичу на Микитином-роге и перенесли ее на речку Чортомлык? Ответ на этот вопрос заключается в сравнительном удобстве одной местности с другой. Дело состоит в том,

что местность Микитина-рога, как довольно возвышенная и с трех сторон совершенно открытая, представляла большие неудобства в стратегическом отношении. Это-то неудобство и могло быть причиной того, что козаки оставили свою Сичу на Микитином-роге и перенеслись пониже, за речку Чортомлык, где в этом отношении представлялось большое удобство. «А неприятельского приходу к нему (укреплению на Чортомлышской Сичи) летом чаять с одну сторону полем, от крымской стороны, от реки Безовлука, а с трех сторон, за реками, некоторыми мерами промыслу никакова учинить под ним нельзя. А в зимнее время на тех реках лед запорожцы кругом оканывают безпрестанно и в осеннее время Сечю город шти тысячам человеком одержать мочно, а что людей и всяких запасов и пушек будет больше, то и неприятелю будет страшно. А многолюдных турков и татар до Сечи перенять не мочно, потому что прилегла степь и в степи их не удержит»¹.

Устроенная в 1652 году Чортомлышская Сича на этот раз существовала до 1709 года, пока не была разрушена русским царем Петром I.

² У 1-му вид.: «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. XI, № 5. С. 14.»

³ Закреслено: «легче».

⁴ У 1-му вид.: «Зас(ь) опочивает раб божии Семен Таран козак куреня шиуринского преставился року 1742 м(еся)ця дека(бри) 3 чис(ла)».

⁵ У 1-му вид.: «МАЯ».

⁶ У 1-му вид.: «мая 4я».

⁷ У 1-му вид.: «бо(жй)».

⁸ У 1-му вид.: «амитрови(ч)».

⁹ У 1-му вид. текст лал(а) подается без абзана.

¹⁰ Закреслено текст: «Кошевой атаман Иван Дмитриевич Сирко — колоссальнейшая и вместе с тем типичнейшая личность славного запорожского козачества. У современников он был предметом общего удивления, а у людей последующего поколения он служил примером самого ревностного и самого живого подражания. По преданию, Сирко родился в с. Мерсфе, теперешней Харьковской губернии и уезла». Выступив сперва в должности календикого^{**} полковника, Сирко потом, с 1663 г., был избран кошевым атаманом и занимал этот высокий у запорожцев пост в течение восьми лет, чего до него из века веков не было, так как запорожцы выбирали всю старшину свою только на один год, а в случае надобности и меньше, чем на год. Мужественный, храбрый, удивительно отважный, замечательно предпримчивый, в высшей степени подвижный, Сирко вечно воевал если не с

* Феодосий (Макаревский). Исторический обзор церквей Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1876. С. 35.

** ЗОИИД. Одесса, 1850. Т. 2. Отд. 2. С. 646.

* Акты ЮЗР. СПб., 1879. Т. II. С. 14. № 5.

** Село Калынк, Киевской губ., Липовецкого уезда, на берегу р. Соба.

турками, то с татарами, если не с татарами, то с поляками, а если не с поляками, то с русскими. И враги страшно боялись его. На татар, например, он наводил такой страх, что они от него, точно зайцы от гончей собаки, бежали без оглядки. «Собака! чистая собака! Сирко! настоящий Сирко!» — говорили об нем сами казаки-запорожцы. «Шайтан! урус шайтан — чорт! русский чорт!» — кричали в испуг крымские и белгородские татары, зная Сирка и старшие скрываться от него в ущелья, кустарники и непроходимые леса; а туркам он так уелся, что сам султан издал указ молиться в мечетях о погибели Сирка. Словом, это был такой человек, который при достаточном числе войска мог сделаться Тамерланом или Чингиз-ханом, т. е. великим завоевателем. Но отличаясь таким редким бесстрашием, Сирко считал всякое сражение игрушкой и шел на войну с малым количеством казаков; повоевавши же врага, он отказывался от всякой добычи, гнушаясь корыстолюбием, и никогда не преследовал слабого врага, так как был великодушен. Оттого всю свою добычу он раздавал казакам; оттого же к нему обращались на суд даже сами враги его: «Как Сирко рассудит, так тому и быть!» Враги находили защиту у Сирка даже и в том случае, когда у других и соотечественники не могли найти правды. Однажды запорожцы пограбили татарский аул и угнали из него скот. Тогда в стан Сирка пришла татарка и стала жаловаться ему на то, что у нее нечем кормить детей, потому что казаки увели ее корову. Сирко велел немедленно возвратить весь скот аулу, а в том числе и корову татарки; мало того, он приказал даже, чтобы аул, когда не станет молока у коровы татарки, кормил бы сам ее детей; кроме того, Сирко подарил несколько штук материи для детей татарки и мирно отпустил ее в аул.

Отличаясь редким мужеством и примерным великодушием, Сирко, как истинный малоросс, да еще запорожец, вместе с этим отличался и необыкновенною склонностью к юмору, а нередко и большою глубокомысленностью. «Когда бы и черт, пане гетмане, помогал людям в крайней их нужде, то брезговати тем не годится; бо кажутъ люди: пужда и закон змине. А когда мы, живя с татарами по-соседски, помогаем один другому, то сие умному ни мало неудивительно, а то нам только дивно, що ти, пане гетмане, багато коло нас хархируеш, мов твій покійник батьошка на хватурах с парашиванами у Зинькови, чего мы и вам упрійме бажаєм»*. В этом же ответе Сирка сказались характерная черта и всего Запорожья: оно было гულливо, как морская волна, свободно, как степной ветер, непостоянно, как капризная красавица.

«Иван Сирко — человек знаменитый в истории Малороссии. В продолжение двадцати лет с лишком, от смерти Богдана Хмельницкого до его

кончины, мы беспрестанно встречаем его в звании кошевого атамана, хотя он носил это звание непостоянно, напротив, несколько раз его заменяли другие избранные лица; даже он не раз не ладил с запорожцами и уходил от них с досадою, но потом мирился и снова был избираем в кошевые атаманы. Мы не сделаем ошибки, сказавши, что этот человек был истинный тип запорожца, что он своею личностью как бы выражал все свое запорожское общество. Его светлые и темные стороны были характерными чертами запорожской общины. Любил напиться, как и все запорожцы, и в пьяном виде показывал особенный задор, какого бы не показал в трезвом; действовал по минутному увлечению и потому часто, одумавшись, поступал совершенно противно тому, как обещал прежде. Он был храбр и отважен на войне, а каждый запорожец по своему призванию должен был отличаться этими качествами, и потому Сирко был истинным образцом для сичевиков: оттого-то его так и уважали, и почему-нибудь не поладивши с ним, все-таки снова к нему обращались и добровольно поступали под его начальство. Всю жизнь свою он был заклятым врагом бусурман, особенно крымцев; много раз воевал запорожцев на Крым, жег улусы, истреблял без милосердия и старых и малых и наводил на татар такой страх, что татарки-матери его именем пугали своих детей. Наводить страх на бусурман было идеальное призвание запорожца. На то и славила Сича существовала на свете, чтобы бороться с мусульманами. Всегда, когда воевал Сирко с татарами, выручал он из неволи христиан, которых было тогда у татар много; и это был также нравственный долг запорожца. Не отличался Сирко постоянством, как и вся Сича запорожская им никогда не отличалась: мы видим Сирка усердным слугою то царя московского, то короля польского, то он был другом и сторонником Дорошенки, выручал его из беды, то поддерживал Дорошенковых соперников, Суховиенку и Ханенку, а потом, когда этих соперников не стало, опять сблизился с Дорошенком. Такое непостоянство всегда было в характере запорожцев. Политический идеал Сирка был исключительно запорожский: у каждого запорожца в душе таилась мысль, что славное Запорожье должно распоряжаться судьбою Украины*. Оттого Сирко, хотя был и кошевым атаманом, но вместе с этим стремился сделаться и малороссийским гетманом. Одно время, после падения Многогрешного, он едва не достиг своей цели, но его оклеветали сторонники Ивана Самойловича: Сирка схватили, отправили в Москву, из Москвы в Сибирь, но потом, однако, по просьбе запорожских казаков и польского короля, воротили назад в Чортотаманскую Сичу.

История сохранила нам известие о подвигах Сирка, даже на самом зате его жизни. В 1679 году, против запорожцев, державших тогда сторону

* Конский Г. История Русов. М., 1846. С. 174.

* Костомаров Н. И. Самозванец Симсон // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 2—3.

Москва, выступили татары в союзе с янычарами⁶. Пользуясь ночным временем, они бросились было на Сичу; но Сирко, узнав вовремя о нападении врагов, бросился против них, отбил все приступы и потом двинулся даже в Крым с пятнадцатью тысячами запорожцев, разорил множество татарских аулов и, захватив в плен четыре тысячи татар, благополучно возвратился в Сичу. Вслед за этим отправил письмо крымскому хану, в котором, как нигде лучше, обрисовалась его страшная отвага и неодолимое мужество. «Для одержания победы над нами, постыдным образом истронились вы ночью в наши жилища и понесли поражение. Бог-сердцемеленц помог нам лучше гостить в панстве крымском, нежели вашим орадам около кучки сичевой. Если же пребывание наше немного обеспокоило вас, то это оттого, что козаки, происходя не от одной матери, имеют также различные нравы и обычаи: иной стрелял вправо, другой влево, третий просто, - только все попадали в цель. Но когда и засим дерзните вы тревожить наш кош, ведайте, что не одни границы, а вся отчизна ваша почувствует силу оружия, на самый даже Стамбул ужас наводившего. Теперь поспешите выкупить ваших пленных; в противном случае, через полтора месяца отправим мы их к доброму и богатому его царскому величеству, который шверно вознаградит нас из казны своей за такую важную присылку»⁷.

¹¹ Закреслено: «разных».

¹² У 1-му вид. після вигуку «Ой» поставлено кому.

¹³ Було: «та».

¹⁴ Закреслено: «ятем».

¹⁵ Закреслено: «из».

¹⁶ Закреслено: «Песни, видимо, не народного склада».

¹⁷ Зноска знята: «Нам кажется, что это - Голая-Грушевка, село Екатеринославского уезда; по крайней мере, там и теперь у владельца Шинкина есть целое урочище, Сиркинка, где у него от предков существует пасишка».

¹⁸ Закреслено: «умирати».

¹⁹ У першому виданні: «На самом деле слово «Чортомая» сложено из двух слов, русского «чорт» и татарского окончания «мая».

²⁰ Закреслено текст: «Сравнивая вышеприведенную надпись на памятнике Сирка с свидетельством летописца Величка, мы находим небольшую разницу в показании времени смерти Сирка. Намогильная надпись гласит, что Сирко скончался 1680 г., 4 мая, между тем как Величко утверждает, что Сирко умер 1680 года, 1 августа. Чему верить предпочтительнее? Как ни странно, но нам кажется, что в данном случае больше веры можно дать Величку. Дело в том, что показание Величка совершенно совпадает с показанием

преемника Сирка, кошевого атамана Ивана Стыпайла, заключающемся в письме его к полковнику Василию Перхурову, «о смерти кошевого атамана Ивана Сирка, первого августа впоследствии»⁸. Что же касается показаний памятника, то в данном случае остается предположить, что это совсем не тот памятник, который поставлен был Сирку тутчас после его смерти и о котором упоминал Самойла Величко; нужно думать, что первый памятник был разрушен русскими войсками в то время, когда они осаждали Чортомаяку Сичу, под начальством полковников Яковлева и Галагана. В то время много было разрушено вещественных памятников запорожских, а в том числе мог быть разрушен и памятник Сирка. Последующее поколение, восстанавливая памятник, могло ошибиться в числе и месяце смерти Сирка, не имея перед собою подлинника.

²¹ В першому виданні: «Что оно такое? Блестит, точно золото, но золото ли на самом деле?»

²² Закреслено початок вставленного рукописного тексту: «Желаем вашей ханской мосце доброго здоровья и счастливой жизни Вашей ясненькой ханской мосце доброжелательные приятели Иван Сирко, Атаман кошовый со всем войска низового запорожского товариществом»⁹.

Этот поход Сирка в Крым и истребление им в Сичу янычар так озлобили турецкого султана Мухаммеда IV, что он в 1680 году».

²³ Закреслено: «...опоясанный множеством рек и...».

²⁴ Закреслено: «довольно».

²⁵ Закреслено: «густым».

²⁶ У 1-му вид.: «однако».

²⁷ Закреслено: «...кроме небольшой экономической хаты да немногих крестьянских огородников, нет никаких...».

²⁸ Закреслено: «вольный».

²⁹ Закреслено: «ветерок».

³⁰ Закреслено: «пищия».

³¹ Закреслено: «А между тем когда — то...».

³² У 1-му вид.: «Кой-як...».

³³ Закреслено текст: «...что подтверждает и гравюра Ширского 1791 года, хранящаяся в императорской публичной библиотеке в С.-Петербурге».

³⁴ Закреслено: «всина».

* Подлинник письма у Ригельмана. Летописное повествование о Малой России. М., 1847. Ч. 2. С. 168 - 170.

* Письмо это открыто мной в Москве, в архиве иностранных дел, под 1680 годом, августа 9, за № 20, в связке № 55.

** Величко С. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке. К., 1851. Т. 2. С. 355 - 382.

¹ Закреслено: «Народная песня».² Закреслено: «речка».

³ Закреслено: «...и тут же, против заборы Осетровской или села Малой Знаменки на таврическом берегу вновь впадающая в него. У запорожцев здесь была переправа через Днепр, называемая Каменно-затонскою, от каменного берега и русла Днепра, затоненного или загроможденного дикими камнями. Об ней упоминает еще Эрих Ласота в своих записках^{*}. Против Каменного затона, на левом берегу Днепра, как раз у устья реки Конки, русскими построена была в 1696 году Каменно-затонская крепость, а в 1736 году ими возведен был здесь Каменно-затонский редут. В настоящее время Каменный затон известен у лопманов под именем Каменской заборы, достойной внимания в том отношении, что она составляет последнюю забору на всем протяжении Днепра от севера к югу. На десять верст ниже Каменного затона, с левой стороны, впадает в Днепр речка Белозерка. Она берет начало в Таврической губернии, Мелитопольского уезда, течет на протяжении около 200 верст и впадает в Днепр посредством Белозерского лимана, между селами Малой и Большой Знаменок. На этой реке между XIII и XIV веком построен был генуэзцами город Белозерка. Потом, когда генуэзцы ушли в Италию, на месте Белозерки поселилась владетельница, прозванная Белозерскою. Эта владетельница оставалась в своем городе до нашествия татарского хана Мамая. Перепуганная нашествием Мамая, владетельница Белозерская сошла вниз по Днепру, на правую сторону его^{**}, и здесь поселилась на реке, дав ей название новой Белозерки. Пришедший Мамай разорил покинутый город, и только в 1736 году здесь построен был русскими ретраншемент с редутами^{***}».

⁴ Закреслено: «...около четырех верст...»⁵ Закреслено: «Против...».⁶ Закреслено: «...тнутся, один за другим, острова Шиповатый и Сереловый, а за ними, с правой стороны...».⁷ Закреслено: «...ширины четверть версты...».⁸ Закреслено: «...ширины около четверть версты...».⁹ Закреслено: «служит».

* Ласота Э. Путевые записки. СПб., 1873. С. 51; А. А. Русов видит в Каменно-затонской переправе Никитинскую («Русские трактаты», стр. 123), но стоит только обратиться к Ласоте (стр. 51), чтобы убедиться, что Каменно-затонская переправа и Никитинский переход не одно и то же.

** Теперь — имение Г. Л. Скодовского, Херсонского уезда.

*** Мышлецкий С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 62.

¹⁰ Закреслено текст: «а против, среди Днепра, раскинулся остров Верхний Ушлякский, длины около одной версты, ширины около полуверсты, покрытый лесом, принадлежащий крестьянам села Ушкалка. Смежно с селом Ушкалкой стоит...».

¹¹ Закреслено: «а...ее, среди Днепра...».¹² Закреслено: «...затем Верхний и Нижний острова...».¹³ Закреслено: «Нижним».¹⁴ Закреслено: «...за Просередом островом — остров Песчаный, небольшой, обжитый, недавнего происхождения».¹⁵ Закреслено: «Песчаного».¹⁶ Закреслено: «прямой».

¹⁷ Закреслено текст: «У Малых-Гирл пароход поворачивает с севера на юг и вновь идет мимо острова Отметского, деревни Отметы, острова Скалосуза и отсюда уже в настоящий Днепр. Тут, с правой стороны, в Днепр падает балка Золотая или Лютая, на картах прошлого столетия — Лурная долина, ниже которой начинается деревня Золотая, потом деревня Леонтьевская. Против деревни Леонтьевской стоит в Днепре остров Леонтьевский, ниже которого впадают в Днепр, с левой стороны, речки Ревун и Татарка, а ниже р. Татарки слева и деревни Бакановки справа протянулся остров Лысый, длины две версты, ширины около версты, а за островом Лысым раскинулся громадный остров Колоброд, омываемый Днепром и его притоком Колобродом, находящийся против деревни Михайловки и имеющий около 15 верст длины».

¹⁸ Закреслено: «Колоброд впадают в Днепр реки Царская и Конка, с левой стороны, против которых стоит в Днепре остров Царский».¹⁹ Закреслено: «Ниже Царского острова...».²⁰ Закреслено: «...остров Просеред и за ним...».²¹ Закреслено текст: «Как раз против середины...».²² Закреслено: «...два небольших острова, расположенных один ниже другого, с названием Песчаных, а ниже Песчаных островков...».²³ Закреслено: «...и за ними островок Рахманов, длины около 200 сажень...».²⁴ Закреслено текст: «По старым картам^{*}, остров Каир расположен был параллельно острову Носоковки, причем выходило так, что Каир находился у левого берега Днепра, а Носоковка у правого. Последний по сравнению с первым представлен на картах, по крайней мере, вчетверо меньшим».²⁵ Закреслено: «баран».²⁶ Закреслено: «шестая по счету».

* Карта «Typus Generalis Ukrainae sive palatinum podoliae, niwiensis et brazlaviensis terras nova delineatione exhibens». Хранится в С.-Петербурге в частном собрании Павла Яковлевича Дашкова.

27 Закреплено текст: «На оной реке Каменке* имелась Запорожская Сеча, ныне Кизикермен (Берислава) в 30 верстах, на правой стороне Днепра»^{***}. «А караулам быть по самой границе, застав по той стороне реки Днепра, где ныне войскового перевоз да в Усть-Каменке, где прежде Сечь была, а отсюда до гирду»^{****}. Каменская Сича устроена запорожцами в бытность их под протекцией Крыма, «на полях татарских, кочевьях агарянских», с 1710 года и по 1734 год. Причиной удаления запорожских козаков из родных мест в места иноплеменников и даже заклятых врагов их был переход их от Петра I к Карлу XII в 1709 году перед Полтавской битвой. По словам летописца, это произошло так. «В 1709 году король Карл XII шел с своею армией в Россию и когда пришел к малороссийским границам, тогда кошевой^{*****} со своими запорожскими козаками, по согласию с малороссийским гетманом Мазепою, изменил российскому престолу и присоединился к шведской армии и пошел войной на Россию. Но когда русские разбили наголову под городом Полтавою шведское войско и пленили там людей, то названный запорожский кошевой Константин Гордиенков с малюю дружиною и шведским королем бежал в турецкую область, в провинцию Бендеры. А русские, после той победы, послали войско разорить Сечу, за измену запорожцев; войско, пришед, атаковали запорожских козаков, и хотя козаки очень жестоко оборонялись от них, но Сечь своей не могли отстоять; многих из них русские порубили, многих в плен взяли, за их себе измену, многих вешали на плотах и пускали вниз по Днепру, всю имевшуюся у них артиллерию, более ста пушек, взяли с собой и отъезжали в Россию, а самую Запорожскую Сечу до основания разорили. Оставшиеся же из запорожцев несколько тысяч человек спасли себе жизнь бегством; бежав, они отдались в подданство крымскому хану, от которого получили себе бунчук, булаву и прочее, и поселились при реке Каменке, где русские вновь, пришедши с войском, выгнали их из названного места Каменки; тогда они, удалившись, поселились при урочище Алешках, у реки Днепра, на крымской стороне... А как запорожские козаки, под командою крымского хана, ходили на черкесов (ив черкесы)^{*****}, числом в несколько тысяч, то запорожские же козаки, те, которые живут при реке Самаре, собравшись большою силою, пошли вооруженною рукою на Запорожскую Сечу, к урочищу

* На близке Каменке течет речка Каменка.

** Мышенский С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 71.

*** Из актов собственного собрания; указ имп. Елизаветы Петровны 1754 г., 27 сентября. См.: Эваринский Д. И. Сборник материалов для истории запорожских козаков. СПб., 1888. С. 93.

**** Константин Гордеевич Головки.

***** По характерному выражению Ригельмана, «во множественном числе».

Алешкам, и всю ее разбили и разгромили, людей множество перерубили и перевешивали; все это они делали за то, что запорожцы держали их у себя как подданных и многие им насилия и обиды наносили. И когда кошевой возвратился с запорожскими козаками из похода на черкесов и увидел разорение своей Сечи, то собрал всех запорожцев и переселился из упомянутого урочища Алешек в старую Сечу Каменку, о которой выше в нескольких пунктах упомянуто»^{*}.

Итак, после Чортомылькой Сичи запорожцы сидели сперва Сичами Каменской, потом Алешковской и потом снова Каменской. Так, по крайней мере, свидетельствует князь Мышенский. Тот же Мышенский дает повод думать, что запорожцы держались в Каменке до самого того момента, когда, оставив крымско-турецкие владения, вновь перешли в пределы России, что совершилось в 1734 году, в царствование императрицы Анны Ивановны^{**}. С этим свидетельством автора «Истории о казаках запорожских» вполне совпадает свидетельство и автора «Записок о запорожских обычаях», протоиерея Григория Кремянского, современника последней Запорожской Сичи на р. Пидпильной. «По разорении Петром I Старой Сечи (на р. Чортомыльке), — пишет Кремянский в 1836 году, октября 17, запорожцы оставшиеся бежали на лодках под турки, где турок принял и водворил их в Алешках. А потом просились запорожцы у императрицы Анны Иоанновны о принятии их опять под Российскую державу, коим и позволено. То запорожцы поселились выше Кизикерменя (теперь город Бериславль, Херсонской губернии) в О м и л о в о м и, проживши там, как говорят, семь лет, переселились в Красный кут, что ныне село Помровское, где, устроив Сечь свою, жили до последнего их разорения великою императрицею Екатериною II^{***}. На карте «La Piccola Tartaria colla Grima, Venezia, 1798. Presso Antonio Zatta» Каменская Сича названа St. Sicza, т. е. Старая Сича и поставлена против Каир мечети^{****}. С таким же названием Каменская Сича занесена и на карту «Recueil de toutes les cartes publiees par l'Academie de Peters-

* Мышенский С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 18 – 20. То же см. у Ригельмана. Летописное повествование о Малой России. М., 1847. Ч. 3. С. 96. Приведенные слова из Мышенского переданы с заменой устаревших слов современными.

** Мышенский С. И. История о казаках запорожских. С. 23 – 27. Ригельман по этому вопросу колеблется: в одном месте он говорит, что запорожцы имели свою Сичу в Алешках беспрепятственно до 1733 года, а в другом держит указания Мышенского: Летописное повествование о Малой России. Ч. 3. С. 96, 139.

*** ЗОИИД. Одесса, 1867. Т. 6. С. 645.

**** В собрании П. Я. Дашкова, в С.-Петербурге.

bourg. A. Paris, 1745»⁴. То же название «Старой Сечи» Каменская Сича сохраняется на карте Де-Боксета 1751 года⁴⁴.

Упомнутое урочище Омилово есть не что иное, как балка Меловая с названным выше селом Меловым, находящимся на четыре версты выше балки Каменки и некогда принадлежавшим помещику И. И. Вертиляку, а теперь составляющим собственность владельца М. Ф. Огаркова. Таким образом свидетельство кн. Мышецкого о пребывании запорожских козаков Сичею в Каменке до 1734 года совершенно совпадает со свидетельством протоиерея Кремлевского, несмотря на то, что этот последний вместо Каменки называет Омилово, но Каменка и Омилово — смежные места, в ту пору, да и теперь часто не различаемые одно от другого. Эти показания достойны гораздо большего доверия с нашей стороны, нежели свидетельства Ригельмана, уверения г. Скальковского⁴⁵ и повторения г. Марковича⁴⁶. «Сочинитель запорожской истории, г. Скальковский, — говорит по этому поводу Н. И. Вертиляк, — полагает, что Каменская Сечь была только один год; не разделяя его мнение я имею много причин. Значительное пространство кавказца (запорожского) не могло никак составить в один год; большое количество надгробных надписей, указывающих годы смерти до 1736 года многих кошевых, войсковых писарей и войсковых судей, не было делом случайности⁴⁷; наконец, многие изустные предания и эти записки (князя Мышецкого) утверждают меня в моем мнении. Сила русского оружия, после полтавской битвы, заставила трепетать изменников-запорожцев и вынудила их переселиться на крымскую сторону, в Алешки; но несчастный прутский мир, по которому вся страна между Днепром и Бугом была уступлена туркам, служит достаточным ручательством безопасности вторичного водворения запорожцев в Каменку; это место они предпочитали и потому, что оно охраняло их, по своей местности, от внезапных набегов татар, которым они всегда не доверяли⁴⁸. Таковы исторические данные о прошлом Каменской Сичи. Теперь на месте...»

²⁸ Закреслено: «...её, как сказано...».

²⁹ Закреслено: «гранитными».

³⁰ Закреслено: «В то время...».

³¹ Закреслено: «самая».

³² Було: «дерофеви».

⁴ В собрании гравюр и карт в Румянцевском музее, в Москве.

⁴⁴ В собственном собрании.

⁴⁵ Скальковский А. А. История Новой Сечи. Одесса, 1846. Т. 2. С. 40–45.

⁴⁶ Маркович. Очерк истории запорожского козачества. СПб., 1878. С. 68.

⁴⁷ Н. И. Вертиляк писал в 1852 году, но почти то же самое можно сказать и теперь.

⁴⁸ Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 22, прим. 35.

³³ Закреслено текст: «Каменская Сича, как уже сказано, существовала недолго. «Когда скоро об оном (о том, что запорожцы поселились в Каменке) известно стало, то через посланную партию их (т. е. запорожцев) опять согнали (россияне) и кош их разорили. Тут запорожцы должны были пройти за Днепр на крымскую сторону и, по приказанию крымцев, построились еще ниже, близ Днепра же, в урочище Алешках⁴. Но из Алешек запорожцы вновь возвращались на некоторое время в Каменку. По объяснению кн. Мышецкого, это произошло по следующей причине: «Как запорожские козаки, под командою хана крымского ходили на черкесы в нескольких тысячах, то запорожские козаки ж, которые живут при р. Самаре, собравшись во многой силе, и пошли военною рукою на Запорожскую Сечу, в урочище Алешки, и оную всю разбили и разграбили, и людей множество перерубили и вешали, и потом оную всю выжгли; и зато они то чинили, что запорожцы подданными у себя имели и многие им насиствия и обиды чинили. И как кошевой с запорожскими козаками из черкес возвратился и увидел разорение своей Сечи, собрал всех запорожских козаков и переселился из того урочища, Алешек, в старую Сечу, Каменку⁴⁴. Таким образом запорожцы снова возвратились в Каменку и жили здесь до 1711 года, когда «гетман Скоропадский, вместе с генералом Бутурлиным и восемью всероссийскими полками, охранявший близ Каменного Затона⁴⁵ границы от нападения неприятеля, разорили Сечь у речки Каменки. Запорожцы поселились тогда на восточном берегу Днепра при урочище Алешках⁴⁶».

³⁴ Закреслено: «очень милым».

³⁵ Закреслено: «даже чрезвычайном».

³⁶ Було: «дешевист».

³⁷ Закреслено текст: «Может быть няня беседя продолжалась бы на несколько часов, если бы мне не нужно было спешить дальше...»

³⁸ Закреслено: «по направлению».

³⁹ Закреслено текст: «...куда я имел проехать в тот же вечер. Возвратившись в дом, я простился с гостеприимными хозяевами, сел в экипаж и быстро помчался по направлению к Бизюкову монастырю».

^{39a} Закреслено: «сельмой Сичи».

⁴⁰ Закреслено текст: «...впадает в Днепр, с правой стороны, речка Литоватка, и против неё протянулся большой остров Керсин-первый, длины до пяти верст, ширины больше одной версты, песчаный, покрытый лесом, и ниже

⁴ Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России. М., 1847. Ч. 3. С. 96.

⁴⁴ Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 23.

⁴⁵ Теперь с. Каменка или Малая Знаменка, Таврической губ., Мелитопольского у.

⁴⁶ Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М., 1822. Ч. 3. С. 125.

его Керсин-второй, значительно меньше первого, расположенный параллельно первому; далее — остров Кочкаровский, песчаный, покрытый густым лесом. Ниже острова Кочкаровского, у берега Днепра, с правой стороны, раскинулось село Меловое, в балке того же имени, потом хутор Консуловка или Разоровка и против неё одиноко стоящий крест у могилы Конштина Гордасевича Головка; далее, с левой стороны, судоходная речка Быстрик, а против Быстрика, с правой стороны, в устье р. Каменной, остров Каирский, длины две версты, ширины полторы версты, разделенный между тремя владельцами: Огарковым, Блажковым и Полуленным. У татар и запорожцев против балки Каменки и острова Каирского через Днепр существовала Каменская или Каирская переправа, с правого берега на левый, по течению реки, очень удобная, но с левого на правый, против течения, довольно затруднительная; оттого обозы, шедшие сверху вниз, переправлялись у балки Каменки, а обозы, шедшие снизу вверх, — в Кизикирмене. Ниже о. Каирского впадает в Днепр с правой стороны речка Козацкое-Речиче, ниже его стоит деревня Блажкова, далее идут: села Горностаевки, Большие или Нижние Каиры, речка Волошка с левой стороны, д. Новопаоловка, остров Полуленный, образованный лет сорок тому назад, остров Санжаровский, насыпанный лет пятьдесят тому назад, коса Штаны, среди Днепра, деревня Роголина, балка Пропасная, на которой, по сказанию Мышенского, когда-то стоял город Пропасный*, потом Бизюков монастырь, Левковское озеро, с левой стороны, затем так называемая Старая переправа. Большой лиман или Великие воды, «чистое, открытое пространство Днепра, лежащее между немногими островами, против Осокоровки**»; далее остров Костырка, длины три версты, ширины верста, и за ним речка Костырка, против колонии этого же имени, с правой стороны, и так называемое Волчье-горло — с левой; остров Бешенный, длины почти верста, ширины полверсты, против южного конца острова Костырки и против озера Серебряного, что среди плавен на левом берегу Днепра. Еще ниже идут колония Клостендорф, против того же о. Костырки, колония Старавицкая с островом Старавицким против неё, около версты длины и около полуверсты ширины, острова Попчин, параллельно один другому, около версты длины и четверть версты ширины, речка Кладовая, с правой стороны, деревня Сомова или Любимовка, с левой, с остатками турецкой крепости против нее, у устья Конки, впадающей в Днепр с левой стороны. По свидетельству кн. Мышенского, «тут при Конских водах, в древнее время, имелся татарский великий город, как именовался, того неизвестно, который от самых татар разорен за тем, что в оном городе науки, а по турецкому званью мармуки,

* Мышенский С. И. История о казаках запорожских. С. 71.

** Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 27.

или тарантулы, людей поедали; ково оные ни ужалят, тот уже не будет жив»*. В самом Днепре, как раз против устья р. Конки, показывают место затонувшего дуба, т. е. большой лодки, имеющей подобие запорожской чайки.

Ниже деревни Сомовой следует село Малыцево и против него, среди Днепра, остров Домаха, длины верста, ширины треть версты, остров возвышенный, покрытый лесом, а ниже острова Домахи, с правой стороны, начинается так называемое урочище Лысая-гора, в старину остров Лысый** и против Лысой-горы, с левой стороны, местечко Каховка с развалинами большой крепостцы, находящейся между Каховкой и берегом Днепра. Образование Каховки относится к концу прошлого столетия; она получила свое название от первого владельца, второго правителя Екатеринославского наместничества и бывшей Таврической области, В. В. Нечуй-Каховского; вторым владельцем Каховки с 1800 года сделался Овсяннико-Куликовский.

Против нынешнего местечка Каховки на острове, близ левого берега Днепра, у турок была устроена крепость Ослан, как о том свидетельствует кн. Мышенский. «А понижее от оного города Шиниерея одна верста чрез речку Конскую, на острове Днепра реки был турецкий город, именуемый Ослан, а в 1738 году на оном месте построен от россиян Андреевский редут***. В настоящее время против Каховки, на одну версту ниже Конки, нет никакого острова, но он был до 1848 года и находился ниже теперешней пристани, против мельницы Параваява, на нем была и турецкая крепость; в 1848 году, во время большой воды, островок этот был снесен течением, а крепость его рушилась на дно реки; остатки её и теперь можно видеть в реке****. В 40 гг. близ Каховки крестьяне нашли медную турецкую пушку и продали ее на сплав купцам города Оболни, Курской губернии.

Ниже Каховки, с левой стороны, против того места, откуда выходит из Днепра река Конка, лежат остатки крепостцы Кизикирмен, сооруженной русскими в 1736 году*****, а ниже крепостцы впадают в Днепр, с правой стороны, речки Речиче, Космаха с остатками крепости Космахи, на правом берегу её*****, и тут же идет большая песчаная коса, против устья р. Космахи, а за косой открывается остров Космак или Каир-Космак, длины до

* Мышенский С. И. История о казаках запорожских. Одесса, 1852. С. 64.

** У Мышенского, урочище Высшей головы Космахи, с. 71.

*** Мышенский С. И. История о казаках запорожских. С. 64.

**** Причиной разрушения крепости был не столько самый Днепр, сколько приказ владельца Каховки Овсяннико-Куликовского, брать с нее камни для постройки церкви.

***** Мышенский С. И. История о казаках запорожских. С. 71.

***** Там же. С. 71.

пятнадцати верст, отделенный от правого берега Днепра речкой Космаком и начинающийся северным концом своим как раз против Шведской колонии.

Часть этого острова (точнее плавни) принадлежит жителям Берислава, часть — жителям Шведской колонии, а часть — казне. Об этом острове упоминает еще Боплан. «Остров Канр — совершенно плоский, имеет в длину от пяти до шести миль; одна часть его покрыта камышом, а другая — ветлами. Главный рукав Днепра течет к русской стороне, а потому восточный берег острова гораздо шире, но зато западный не затопляется разлитием Днепра»⁴¹. Ниже острова Космака стоит город Бериславль, расположенный с правой стороны Днепра, на три с половиною версты ниже местечка Каховки. В настоящее время против этого города, в Днепре, есть небольшой остров Денисенков, длины в одну версту, ширины в полверсты, с остатками каменной крепости и большого леса по берегам. Этот остров, называемый по-турецки Тавань⁴², видимо, был продолжением того острова, который находился против местечка Каховки и который теперь смыт водой.

На этом острове, у северной окраины его, был построен у турок упомянутый город Ослан, а у южной — город Тавань. Между этими городами через Днепр, от берега к крепости, турки протягивали железные цепи, чтобы затруднить козакам проходить ночью по Днепру; для этой же цели у берегов реки устроены были ворота и на них навешены были из городка пушки. Однако запорожские козаки ухитрились счастливо проходить мимо этих укреплений: не доходя городка, они...»

⁴¹ Закреслено: «По вятии русскими г. Кизикерменя, на острове Тавани, в 1739 году, построен был Таванский редут⁴³».

⁴² Було: «Кизикермень».

⁴³ Закреслено: «...Бериславль, у греков Мелитополь, у русских Белая-вежа, возобновлен был...».

⁴⁴ Було: «Аслан-Эрдак».

⁴⁵ Було: «Шагин-кермень».

⁴⁶ Було: «Кизи-керменем».

⁴⁷ Закреслено: «...значит «крепость девицы...».

⁴⁸ Закреслено: «Впрочем; «ИЗ» — исправлено з великої літери.

⁴⁹ Закреслено: «только».

⁵⁰ Исправлено дату: «1566».

⁵¹ Закреслено: «древности».

⁵² Було: «Шило».

⁴¹ Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 27.

⁴² По-русски это значит «потолок, пшуба».

⁴³ Боплан Г. Л. Описание Украины. СПб., 1832. С. 64.

⁵³ Закреслено текст: «На пять верст ниже г. Берислава идет в Днепре остров Козацкий, против него впадает речка Козацкая, а против реки Козацкой стоит деревня Козацкая, именуя князя Трубещкого; остров имеет в длину одиннадцать верст, кончается против колонии Львова, покрыт лесом, состоит из песку. На острове Козацком есть озеро Заманиха и небольшой пролив, называемый Ериком, идущий от востока к западу, впадающий в речку Козацкую и разделяющий остров двумя третями к северу и одной третью к югу. Против острова, несколько севернее южного конца его, к таврическому берегу есть еще Аликоский ерик или Штаны. Ниже острова Козацкого, с левой стороны идет село Малая Каховка, и против нее впадает в Днепр за длинным выступом Писаревским, против середины села Британов, река Конка, затем самое село Британна, с той же левой стороны, и против села остров Британ, параллельно Козацкому, длины полторы версты, ширины верста, покрытый лесом. Ниже острова Козацкого и Британов следует остров Писаревский, полторы версты длины и около версты ширины, видимо, оторванный от острова Козацкого, отделенный от южного конца его рекой Домахой и покрытый прекрасным лесом. По всем соображениям, остров Писаревский есть тот самый, который у Боплана и на разных картах Днепра известен под именем Бургунского острова».

⁵⁴ Закреслено: «расположен».

⁵⁵ Закреслено: «понад речкою Каменкою, выходящею из Днепра; тут же деревня Дядьковка и против нее в Днепре о. Дядьковский, длины две с половиною версты, ширины полторы версты; ниже острова, с правой стороны, река Козацкая, далее еврейская колония Львова, затем деревня Красный Бургуи или Карагун на десять саж. ниже колонии Львова, обе на красной горке; далее слева небольшой, но чрезвычайно красивый корсунский скиток и рыбный завод, стоящий у самого берега Днепра; а потом на полверсты ниже Корсунского скитка река Конка, выходящая из Днепра и идущая понад селом Козацкими лагерями».

Как Корсунский скиток, так и самый...»

⁵⁶ Було: «...Запорожская. Начало возникновения монастыря относится к ... по инициативе архимандрита Никодима и по воле князя Потёмкина».

⁵⁷ Закреслено зноску: «О Корсунск. монастыре см.»

⁵⁸ Закреслено: «расположенное».

⁵⁹ Закреслено: «они».

⁶⁰ Закреслено «кн.»

⁶¹ Закреслено: «Село Тягинка когда-то принадлежало помещику Энгельгардту, в настоящее время оно составляет собственность владельца Волохина».

⁶² У 1-му вид.: «фр.»

⁶³ Закреслено: «следуют: остров Дидов...»

⁶⁴ Закреслено: «...деревня Драная, Новоселовка, устье р. Малого-Ингульця — все с правой стороны, и против него остров Ингульский, а против острова Ингульского, с левой стороны...»

⁶⁵ Закреслено: «...д. Бановка, бывшая Терноватка...»

⁶⁶ Закреслено: «...бывшее Понятковка, и против нее...»

⁶⁷ Закреслено: «Понятковский».

⁶⁸ Закреслено: «...принадлежащий частью владельцу Тропину, частью крестьянам Полятовки и...»

⁶⁹ Закреслено: «Понятковского».

⁷⁰ Було: «Ингуль».

⁷¹ Закреслено текст: «о. Сомов, длины две с половиной, ширины полверсты, река Конка, выходящая снова из Днепра, под Алешками, два раза: впервые выше Гульбища, вторично ниже Гульбища; потом с. Садовая Фалеевка, бывшее имение графа Коф[стальуса, и ниже с. Фалеевки нижний рукав р. Малого-Ингульця, урочище Гульбище, д. Широкая, иначе Антоновка, с правой стороны; р. Раскопанка, идущая в Алексеев лиман и из-под Алексея лимана в р. Конку; слобода Тындийка и против нее остров Точковой (правильнее мыс), длины полторы версты: далее, хутора Тындийские, дача Терешенка, женский монастырь Перепелицын, основанный священником Перепелицыным, военный госпиталь и, наконец, город Херсон, против лимана Кардашинского и ниже города Алешек».

⁷² Дакі рукописний текст пошкоджено, прочитати неможливо.

⁷³ Дакі рукописний текст пошкоджено, прочитати неможливо.

⁷⁴ Дакі рукописний текст пошкоджено, прочитати неможливо.

Розділ п'ятий

¹ Закреслено: «Народная песня».

² Закреслено: «Гординовичем Головком».

³ Закреслено зноски: «Марковин. Очерк истории запорожских казаков. СПб, 1878. С. 68».

⁴ Закреслено: «будем».

⁵ Закреслено:

«Ох, будем долго пам'ятати,

Тую погану вашу личину».

⁶ Закреслено: «На одну четверть версты... Алешкою».

⁷ Закреслено: «левой».

⁸ Закреслено: «правой».

⁹ Закреслено: «...или так называемом Гологрудовским рукавом...»

¹⁰ Закреслено: «...выходит из Днепра река Конка, называемая здесь Збурьевским рукавом, а против реки Конки тянется остров Галухин, имеющий во-

семь верст длины и семь ширины, отделенный с правой стороны рекой Ольховым Днепром, с левой - Старым Днепром, расположенный почти против села Голой-Пристани, стоящей на таврическом берегу. Западнее от острова Галухина, через Ольховый Днепр, стоит остров Запорожский, иначе Ольховый, отделенный с правой стороны рекой Кошевой, с левой - Ольховым Днепром и расположенный...»

¹¹ Закреслено текст: «...получила свое название уже со времени основания города Херсона, когда по ней плавали к Херсону корабли, ходившие до 1855 года, пока англичане не затопили речки обломками старых судов».

¹² Закреслено: «село Гинилище, у озера Гинлухи».

¹³ Закреслено зноски: «Имение владельца Сербинова».

¹⁴ Закреслено: «...Скоропадскому, колонии Розенталя, по правому берегу Днепра...»

¹⁵ Було: «рукав».

¹⁶ Було: «правой».

¹⁷ Закреслено: «...рукав Днепра, с левой стороны...»

¹⁸ Закреслено: «обе».

¹⁹ Закреслено: «...села Богоявленское, Протной, Виземка, все с левой стороны...»

²⁰ Закреслено: «...длины около версты, ширины около полуверсты, ниже Виземки, деревня Бузовая слева...»

²¹ Закреслено: «...село Солоня-Пристань, с левой стороны...»

²² Закреслено: «той же».

²³ Закреслено: «село».

²⁴ Закреслено: «актов».

Розділ шостий

¹ Закреслено: «Народная песня».

² Закреслено: «послала».

³ Закреслено: «офицера».

⁴ Закреслено: «офицеру».

⁵ Закреслено текст і зноски: «Но, спрашивается, где же после этого оселись запорожцы своего Сичею? Ответ на этот вопрос дает современник события, Григорий Кремянский. «По разорении Петром Первым старой Сичи (на р. Чортомлыке), запорожцы оставшиеся бежали на лодках под турка, где турок принял и водворил их в Олешках. А потом просились запорожцы у императрицы Анны Иоанновны о принятии их опять под российскую державу, коим и позволено. То запорожцы и посе-

лились выше Кизикермена (т. е. Берислава) в Омиловом⁴ и поживя там, как говорят, семь год, переселились в Красный-Кут, что ныне село Покровское, где устроив Сечь свою, жили до последнего их разорения великою императрицею Екатериною II, чрез генерала Текелая, который 1775 года июня 3 дня Зеленой недели, в среду против четверга, ночью и взяли Запорожскую Сечь, по несопротивлению оных, без всякого кровопролития. Кошевого ж Петра Колышца, судью Павла Косака (Головатого) и писаря Глобу, по взятии Сечи, отправлено сокрыто в Петербург⁴⁴.

⁶ Закреслено: «...жили сперва Сичею в Омиловом, на балке Камешке, а потом поднялись выше и...»

⁷ Закреслено зноску: «Это был один из фельдшероу села Покровского».

⁸ Закреслено: «собственно».

⁹ Закреслено текст: «...на внутренний и внешний кош. В первом среди площади возвышалась одноглавая деревянная церковь, крытая тесом, основанная при кошевом атамане Иване Малашичце, в 1734 году, 3 апреля, и снабженная богатейшею церковною утварью; подле церкви стояла небольшая, также деревянная, колокольня с тесовой крышей в два яруса. Под конец своего исторического существования запорожцы задумали было построить себе каменную церковь из мрамора и тесового камня, взятого ими на развалинах старых мечетей татарских городков, но этому не суждено было исполниться. Ближе сичевой колокольни выделялись: будинок для кошевого атамана, скарбница или замок для войскового добра, дом для войскового канцелярия, а вокруг всей площади сичевой расположены были тридцать восемь куреней, поставленных крутом по окраинам внутреннего коша. В центре куреней, тут же во внутреннем коше, при церкви, отведена была широкая, гладко выровненная площадь, на которой происходили войсковые рады для выбора новых старшин, дележа земель, для объявления неприятелям размира и для заключения с ними мира. Внутренний кош отделен был от внешнего особым валом, через который, по направлению от юга к северу, шли во внешний кош широкие ворота. Во внешнем коше, вдоль р. Пидпильной, тянулись так называемые слободы запорожских козаков, а севернее от них, в юго-восточном углу, стояли комендантский дом, офицерские и инженерные квартиры, солдатские казармы, артиллерийские склады, пороховые погреба и солдатская тауптвахта, составлявшие так называемый Новосеченский ретраншемент. Ретранше-

мент устроен в Сичи русским правительством с видимою целью помогать запорожцам в их войне с турками, а в действительности со скрытою целью держать их в своих руках. Запорожцы прекрасно понимали цель построения русским правительством Новосеченского ретраншемента, выражая это иносказательно пословицей: «засіла нам московська болячка в пичінах». В Новосеченском ретраншементе стоял всегда батальон русских войск, под начальством русского офицера. Впервые это было применено в 1735 году киевским генерал-губернатором Леонтьевым. С внешней стороны Сича обведена была общим земляным валом, который, делая разные углы и выступы, упирался обоими концами в реку Пидпильну; по валу стоял высокий чистокот из толстых бревен, заостренных сверху и осмоленных снизу. К западу от вала, вдоль реки Пидпильной, тянулись запорожские зимовники; а севернее от них чернели волчьи ямы, засады, окопы, ложементы, устроенные на случай набегов неприятелей».

¹⁰ Закреслено: «...крымцев, оранских татар...»

¹¹ Закреслено: «Ну; далі слово з великої алтери».

¹² Закреслено: «...в Сичи...»

¹³ Закреслено зноску: «Из песен собственного собрания; записано в Александровском уезде, Екатеринославской губернии, в д. Богодаре».

Розділ сьомий

¹ Закреслено: «Народная песня».

² Закреслено текст: «Сообщение из Сичи через Пидпильну с городищем не представляло тогда никаких затруднений, так как в то время речка была настолько мелка, что ее переходили вброд...»

³ Закреслено: «фвнуто».

⁴ Закреслено: «и».

⁵ Було: «оканчиваясь».

⁶ Закреслено: «той же час».

⁷ Було: «1777».

⁸ Закреслено: «...и к нему определено...».

⁹ Було: «Славянское духовное правление».

¹⁰ Закреслено: «...под конец того же года оно именуется уже не городом, а только местечком...».

¹¹ Закреслено: «многие».

¹² Закреслено: «...такие стоголавые орлы, как Сашко Туровець и Самийло К(и)шка...».

¹³ Закреслено: «бессмертный».

¹⁴ Закреслено: «достопамятный».

⁴ В Балке Меловой, где с. Меловое, Херсон, у.

⁴⁴ ЗОИД, 1867. Т. 6. С. 645.

¹⁵ Закреслено: «...как Ясько Сулима и Иван Лутай; как...»

¹⁶ Закреслено: «...гроза турок, слава запорожцев, Иван Сирко...»

¹⁷ Закреслено: «...как Иван Стигайло, Денис Кривонос и Петро Сорочинский...»

¹⁸ Закреслено: «...Малашевич, Яков Тукало, ... Павло Козелецкий; такие молчаливые, мало говорящие, как Степан Гладкий...»

¹⁹ Було: «Петр Иванович».

²⁰ Закреслено: «целые тысячи».

²¹ Закреслено: «анекдотов».

Розділ восьмий

¹ Закреслено: «Т».

² Було: «разнообразная».

³ Закреслено зноску: «Сын Василя Осиповича, внук Осипа Михайловича Гладкого, Осип Васильевич».

⁴ Було: «взбралось».

⁵ Закреслено текст: «Как живо эта же песня рисует нам серую запорожскую голь! Ту именно голь, которой все ни почем и к которой вполне можно применить слова попа Лукьянова: «А все голубь безпорочная; а на ином и клока рубашки нет; страшно зело, голы, что бубны, черны, что арапы, лизы, что собаки; из рук рвут^{***}». Несчастлива голь! Это та самая знаменитая «сиромашня», на которой «ни чобит, ни штанив, ни сорочки не было; а на иншому сами рубцы высьть. Мов той циган иде, пятами свите...»^{***}

⁶ Закреслено: «Він був, коли хочете, сперше не Палій, а Семен Пошльник. Ледащо було...»

⁷ Було: «Як-жо».

⁸ Закреслено: «мій».

⁹ Закреслено зноску: «Татарское слово: «терес» — сор, навоз». Верхняя-Терса впадает в Среднюю, выше с. Ново-Николаевки...»

¹⁰ Закреслено зноску: «Средняя или Степная-Терса впадает в р. Волчью под д. Берберовкой».

¹¹ Закреслено зноску: «Нижняя или Малая-Терса впадает в Стенную-Терсу под д. Штимовай, именем Письменного».

¹² Закреслено текст:

«Ты знаешь край, где всё обильем дышит,

Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишнёвых рощах топят хутора,
Среди садов деревья гнутся долу,
И до земли висит их плод тяжёлый,
Шумя тростник над озером трепещет,
И чист, и тих, и ясен свод небес;
Косарь поет, коса звенит и блещет,
Вдоль берега стоит кудрявый лес,
И к облакам, клубясь над водою,
Бежит дымок спящей струей?
Ты знаешь край, где нивы золотые
Испещрены лазурью васильков,
Среди степей курган времен Батая,
Валяла стада пасущихся волов,
Обозов скрип, ковры цветущей гречи,
И вы, чубы, остатки славной Сечи?
Ты знаешь край, где утром в воскресенье,
Когда росой подсолнечник блестит,
Так звонко льется жаворонка пенье,
Стада белят, а колокол гудит,
И в Божий храм, увенчаны цветами,
Идут козачки пестрыми толпами?
Ты помнишь ночь над спящею Украиной,
Когда седой вставал с болота пар,
Одет был мир и сумраком, и тайной,
Блестал над степью искрами стожар,
И миновало нам: через туман прозрачный
Несутся вновь Палей и Сагайдачный?
Ты знаешь край, где с Русью билась ляхи,
Где столько тел лежало среди полей?
Ты знаешь край, где некогда у плахи
Мазепу калял упрямый Кочубей?
И много где пролито крови славной
В честь древних прав и веры православной?
Ты знаешь край, где Сейм печально воды
Меж берегов осиротелых льет?
Над ним дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросший ход,
Над дверью щит с гетманской булавою...
Туда, туда стремясь в душою!»

* Путешествие в Святую землю. М., 1862. С. 15.

** Киевская старина. 1883. Т. V. С. 763, 764.

КОМЕНТАР

Частина I

Розділ I

* Євангеліє — загальна назва для перших чотирьох книг новозавітної частини Біблії. Слово «Євангеліє» походить від грецького «радісна звістка» і надається цим книгам тому, що в них викладено «радісну звістку» про життя та вчення Христа. Найранішим вважається Євангеліє від Матфія; друге — від Марка; третє — від Луки; четверте — від Іоана.

† У 1787 р. імператриця Катерина II, в супроводі великої свити, здійснила подорож на південь Російської імперії. Про це див.: Киевская старина. 1891. №№ 4–7; Корольков К. Н. Столетний юбилей города Екатеринослава (1787–9-го мая 1887). Екатеринослав, 1887. С. 12–15.

* Жовтий гусарський полк (назва від кольору уніформи; стара назва полку — Пандурський) був поселений, разом з Чорним гусарським полком, на території Єлизаветинської провінції Новоросійської губ., що її було створено у 1764 р. До складу цієї провінції ввійшли також Єлизаветградський пікінерський полк й пізніше додано ще два гусарські полки: Молдавський та Бузький.

† Нова Сербія, Новосербія — адміністративно-територіальна одиниця на запорозьких землях (смуга в 60 верст по всьому кордону на землях Бугогарлівської і Кодзької паланок та задніпровських місцях), що була створена у 1752–1764 рр. для поселення сербських переселенців, з метою створення міцного бар'єру татарським та запорозьким нападам. Центром Нової Сербії була фортеця Єлизаветград, заснована у 1754 р. (нині м. Кіровоград). Поселенців очолював генерал-майор Іван Самійлович Хорват Откуртіч (Horwat od Kurticz). У 1764 р. Нова Сербія ввійшла до складу Новоросійської губ.; була поділена на роти, або шанці. Головним осередком був Новомиргород.

За указом від 29.05.1753 р. була утворена Слов'яносербія для переселенців — здебільшого залунайських слов'ян під проводом сербських полковників австрійської служби Івана Шевича та Райка де Прерадовича. Переселенці оселялися за Українською лінією, між Сіверським Дінцем й річками Бахмутом і Луганню (майбутні Слов'яносербський та Бахмутський пов. Катеринославської губ.). У 1764 р. Слов'яносербія ввійшла до складу Новоросійської губ.

Про ці адміністративно-територіальні утворення див.: Посунько О. М. Історія Нової Сербії та Слов'яносербії. Запоріжжя, 1998.

* Псалтир — книга псалмів; одна з біблійних книг Ветхого Завіту; складається з 150, а в грецькій та слов'янській Біблії з 151 пісень (псалмів). Автором книги вважають царя Давида.

†† Тріодь (від грецьк. - трип'ятець) — дві богослужбові книги, що містять послідовність молитвослов'їв, що змінюються, для богослужіння рухомих днів річного кола, коли співають неповні канони, а такі, що складаються з двох, чотирьох, але частіше — з трьох пісень; тріодь пісн — великоп'ястний цикл; тріодь цвітін — пасхальний цикл.

Цей стародрук зберігається в Дніпропетровському історичному музеї; див.: Старопечатные кириллические издания в Днепропетровском историческом музее. 1574–1800 гг.: Каталог. Днепропетровск, 1988. № 58.

† Служебник — книги, що використовуються священиком та дияконом в православній церкві; містять головні церковні служби — літургії, окрім того, в Служебнику іноді вміщено «Статут священослужіння і доповнення інших чинів та молитвослов'їв».

* Прутський мирний договір між Росією та Туреччиною був підписаний 12 (23) липня 1711 р. у військовому таборі на р. Прут під м. Яси; він завершив Прутський похід Петра I (період російсько-турецької війни 1710–1711 рр.). Після поразки 9 (20).07.1711 р. російських військ поблизу м. Яси Петро I змушений був піти на підписання миру. За Прутським трактатом Росія повертала Туреччині Азов з прилеглою територією, зобов'язувалася зруйнувати фортеці — Таганрог на Азовському морі, Кам'яний Затон на Дніпрі й Новобогородицьку в гирлі р. Самари, а також зобов'язувалася не втручатися у справи Речі Посполитої й відмовалася від Запорожжя й Правобережної України.

† Требник — богослужбова книга, що використовується у приватних чи особливих випадках; містить священодіїства та молитвослов'я, що здійснюються за потребою одного чи кількох християн в особливих умовах місця і часу. Ці священодіїства та молитвослов'я позначаються загальною назвою треб.

* Октоїх, «восьмогласник» (від грецьк. слів: вісім і голос) — богослужбова книга Православної церкви; містить послідовування з молитвослов'ями, що змінюються для рухомих днів богослужіння тижневого кола.

† Апостол — богослужбова книга Православної церкви; містить послання та діяння апостолів, що розподілені на «лїчачки» та «розділи». Цей текст призначений для читання у церкві під час богослужіння.

† П'ятидесятниця, День Святої Трійці — дванадцять свято Православної церкви, що відзначається на п'ятидесятний день по Великодню (Воскресінню Христовому). За переказом, цього дня в Ієрусалімі відбулося сошествя Свя-

того Духа у вигляді «вогнених язиків» на апостолів, що надало їм сили для проповіді учиння Христа й хрещення тих, хто вірував в нього.

⁶ *Минея*, *Мінеї* (давньогрецьк. – місяць) – назва кількох богослужбових книг Православної церкви. *Мінея* загальна містить загальні молитви для усіх святих одного «місяця» і співні та молитви окремому святому. *Мінея* місячна містить молитви і церковні співні на честь окремого святого чи особливого свята Господня й т. ін., які викладені за місяцями та днями.

Мінеї-Четї чи *Четї-Мінеї* – твори церковно-історичної та духовно-учительної літератури, в яких за порядком місяців та днів кожного місяця викладені оповіді про життя святих Православної церкви.

⁷ *Діскос* – одна з головних священних посудин, що використовується під час літургії в Православній церкві. Це невелике блюдо, на підставці, на якому виготовляється, освятчується і розробляється святий агнець, тобто частина головної проскури (тіла Христа в таїнстві Євхаристії).

⁸ Йдеться про перший Азовський похід Петра I у 1695 р. Цей похід, як і другий (1696 р.), відбувся під час російсько-турецької війни 1686–1700 рр., коли Росія вела боротьбу за вихід в Азовське та Чорне моря. Перший похід закінчився невдахою для Петра I, а у другому Азов був взятий. Азов – міцна турецька фортеця; остаточно була підкорена Росією у 1774 р.

⁹ Полтавська битва – генеральна битва між російськими та шведськими військами під час Північної війни 1700 – 1721 рр.; відбулася 27.06 (8.07).1709 р. У цій битві шведський король Карл XII зазнав поразки. Українські війська під орудою гетьмана Івана Мазепи, в тому числі й запорозькі козаки на чолі з кошовим Костянтиним Гордієнком, що перейшли на бік Карла XII, взяли участь у битві на боці шведського короля. В історичній літературі вже відзначалося, що Д. Яворницький був «одним з перших дослідників, хто намагався об'єктивно оцінити діяльність гетьмана І. Мазепи». (Див. коментарі Г. .Я. Сергієнка до кн.: Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. К., 1990. Т. 1. С. 498).

¹⁰ Російсько-турецька війна 1735–1739 рр., в якій перемогла Росія й повернула Азов та ін. міста. Ця війна відбулася через загострення суперечностей між двома країнами у війні за «ітольську спадщину» 1733–1735 рр. Офіційно Росія оголосила війну Туреччині 12 квітня 1736 р., а воєнні дії розпочалися ще восени 1735 р. походом на Крим російської армії під орудою М. Леонтьєва. Тут йдеться про воєнні події 1736 р., що їх вели Донська армія на чолі з П. П. Лассі під Азовом і Дніпровська армія під проводом Б. Х. Мініха в Криму.

Похід 1737 р. був третій від початку війни; у ньому брали участь гетьманські, слобідські та запорозькі козаки (разом бл. 50000 людей). Це був похід на Очаків та Азов. Українців загинуло 5000 людей. Хвороби, які по-

ширювалися у війську, змусили армію відступити; під час відступу загинуло ще кілька тисяч українських козаків та бл. 40000 коней, узятих з України.

¹¹ *Акафіст* (від грецьк. – несидалийний) – у Православній церкві таку назву мають хвалебні співні на честь Ісуса Христа, Божої Матері і святих; ці пісні виконують стоячи.

¹² Цей стародрук зберігається в Дніпропетровському історичному музеї. Див.: Старопечатные кириллические издания в Днепропетровском историческом музее. № 36.

¹³ *Ірмолотій* – богослужбова книга Православної церкви, що містить ті молитви, котрі призначаються для співу (а не для читання) під час богослужіння. *Ірмолотій* – потна богослужбова книга (див.: Ясинський Ю. Українські та білоруські нотолінійні Ірмолотії XVI–XVIII століть: Каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження. Львів, 1996).

¹⁴ *Чортоманицька Січ* (1652–1709) започаткована колишнім осавулом реєстровців, кошовим отаманом Лутасем у «тирлах біля Чортоманика і Прогною на рікою Скарбною». З цією Січчю пов'язана діяльність видатного діяча запорозького козацтва кошового Івана Дмитровича Сірка (поч. XVII – 1680), якого обирали кошовим не менш ніж 15 разів.

Зруйнування Чортоманицької Січі пов'язане з подіями 1709 р., коли кошовий отаман Костянтин Гордієнко і його прибічники на залик гетьмана І. Мазепи виступили на боці шведського короля Карла XII в його війні проти Росії. За це Петро I наказав зруйнувати Січ. 14 травня 1709 р. царські війська зруйнували Січ, вивезли артилерію, захопили у полон 300 козаків. Див.: Апанович Олена. Чортоманицька Запорозька Січ: До 345 річниці з'ясування. К., 1998; Мишук Ю., Станіславський В., Щербак В. Чортоманицька Січ (1652–1709) // *Козацькі Січі* (нарис з історії українського козацтва XVI – XIX ст.). К.; Запоріжжя, 1998. С. 86–108.

¹⁵ Ця книга зберігається в Дніпропетровському історичному музеї. Див.: Старопечатные кириллические издания в Днепропетровском историческом музее. № 72.

¹⁶ Ця книга зберігається в Дніпропетровському історичному музеї. Див.: Там само. № 98.

¹⁷ У 1783 р. Азовська і Новоросійська губ. були об'єднані в Катеринославське намісництво. У 1796 р. після ліквідації Катеринославського намісництва більша частина його території ввійшла до складу новоствореної Новоросійської губ., яку в жовтні 1802 р. було поділено на три губернії: Катеринославську, Херсонську (Таврійську) та Миколаївську.

¹⁸ Дніпровський пікінерський полк – збройне формування військових поселенців у Новоросійській губ. у 1764–1783 рр. Окрім Дніпровського, існували ще Єлисаветградський, Донецький та Луганський пікінерські полки, що

формувалися з козаків Миргородського та Полтавського козацьких полків і військових поселенців Нової Сербії та Слов'яносербії.

⁴ Д. Яворницький помилився, треба читати: «Чирковим». Див. в іменному покажчику: «Чирков А. П.».

⁵ Симфонія чи Конкорданція (грецьке *συμφωνία* — співзвуччя; латинське *concordia* — згода); книга, в якій зібрані фрагменти з одного чи кількох творів, що складаються з тих самих слів (тобто конкорданція слів), чи містять той самий зміст (так звана реальна конкорданція). Біблійні Симфонії чи конкорданції — зібрання в алфавітному порядку усіх слів, висловів та фраз, що трапляються в Святому писанні із зазначенням місць, де вони знаходяться.

⁶ Маргарит — збірник слів Іоанна Златоуста визначеного складу.

⁷ Гайдамаки (від турецьк. — нападати) — учасники народно-визвольних рухів на Правобережній Україні у XVIII ст., яких підтримували селяни та козаки Лівобережної України. Найбільш значним повстанням гайдамаків стала Коліївщина 1768 р.

Тут — розбійники.

⁸⁻¹⁰ Трикирій (грецьк. три і віск, свічка) — свічник з трьома свічками, яким архієрей і архимандрит, яким надано на це право, благословляють народ. Трикирій символізує триєдність Бога.

¹¹ Колекція Олександра Поля закладала підвалини Катеринославського музею його імені, що був відкритий у 1902 р. (нині Дніпропетровський історичний музей ім. Д. Яворницького). Про О. Поля див.: Орлов О. С., Орлова Г. С. Колумб Придніпров'я: Біографічний нарис до 165-річчя з дня народження О. М. Поля. Дніпропетровськ, 1997; Платонов В. П. Человек-легенда: Александр Поля. Днепропетровск, 2002; Кочергин І. О. Александр Поля: мрії, справи, спадщина. Дніпропетровськ, 2002.

Розділ 2.

¹ 6 грудня 1637 р. селянсько-козацьке військо П. Павлюка та К. Скидана зазнало поразки від карателів М. Потоцького під Кумейками; пізніше С. Лаш обложив військо Павлюка у м. Боровиці між Черкасами й Чигирином. 10 грудня 1637 р. відбувся бій; П. Павлюк був зрадинцями заарештований карателями, відправлений до Варшави і страчений. Повстання зазнало поразки; 14 грудня 1637 р. повстанці капітулювали; 29.07.1638 р. була підписана мирна угода, внаслідок порушення якої з боку карателів чимало повстанців загинуло.

² У травні 1709 р. за наказом Петра I була зруйнована Чортомлицька Запорозька Січ за те, що запорожці підтримали гетьмана І. Мазепу, який пішов на союз із шведським королем Карлом XII проти Росії. Вигнані із Січі козаки залишили Україну і перейшли у володіння турецького султана; частина рушила в напрямку Бендер; частина заклала Кам'янську Січ (1709-1711);

згодом запорожці, за наказом Петра I, були злиті з Кам'янської Січі й перебралися далі — до Олешок, де заснували Олешківську Січ (1711-1728), яка була розташована в межах Кримського ханства і знаходилася під юрисдикцією Туреччини.

³ За царювання Анни Іоанівни (1731-1741) відбулася російсько-турецька війна 1735-1739 рр., під час якої запорожці брали участь у бойових діях, зокрема у походах: Очаківському, Дністровському, Хотинському, у боях за Перекоп та ін. Завершив війну Белградський мирний договір 1739 р., за яким Росія повернула собі Азов та інші міста.

⁴ Ретраншемент (від франц. *retancher* — відсікати, знищувати) — в XVI-XVIII ст. допоміжні фортифікаційні споруди, які розміщувалися в тилу головних укріплень чи позицій і були другою лінією оборони. За часів Нової Січі російські війська практикували побудову ретраншементів на запорозьких землях.

⁵ Редут (франц. *redoute* — сховище, опорний пункт) — змінене польове укріплення прямокутної чи багатокутної форми, що застосовувалося для групової оборони в XVII-XIX ст.

⁶ Українська укріплена лінія — система укріплень, побудованих у 1731-1733 рр. від впадіння р. Орелі у Дніпро до Сіверського Дінця для охорони південних кордонів Російської імперії від турецько-татарських нападів. Загальна довжина лінії становила 285 км. В системі було побудовано 16 фортець і 49 редутів. Лінія відмежовувала землі Вольностей Війська Запорозького Низового від Гетьманщини та Слобідської України, перешкождала втечам на Запорожжя. Будівництво лінії не було закінчене ще й у 1740-х рр. Див.: Пірю В. О. 250-річчя з часу спорудження Української лінії // Укр. істор. журн. 1986. № 8. С. 139-142.

⁷ Азовська губернія існувала у період 1775-1783 рр.; губернське місто: 31.08.1775-1778 рр. — Белівська фортеця; з 20.07.1778 — 1783 рр. — м. Катеринослав І.

⁸ Троїцький собор в Новомосковську — шедевр української дерев'яної церковної архітектури XVIII ст., збудований майстером-самоукою з м. Водолаги Яковом Погребняком. Цей пам'ятник, як символ духовності українського народу, оспівується в романі видатного українського письменника Олеса Гончара «Собор».

⁹ Самарський Пустинно-Миколаївський монастир — єдиний монастир на території Вольностей Війська Запорозького Низового, духовний та культурний центр козацтва. Перші згадки про нього датуються 1576 р.; щороку отримував пожертви козаків; приписаний до Києво-Межигірського монастиря. Див.: Липман І. І. Церковний устрій Запорозьких вольностей (1734-1775 рр.). Запоріжжя, 1998.

¹ Ієромонах — чернець, що має сан священника; ієрей — грецька назва пресвітера, що перейшла до християнської церковної термінології з античних грецьких культур; у буквальному перекладі — жрець, священник.

² Києво-Межипіський Спасо-Преображенський ставро-піпійний чоловічий монастир («Білий Спас»; поблизу Вишгорода під Києвом, за 15 км на північ від Києва) — один з найдавніших монастирів; за переказами заснований у 988 р. грецькими ченцями; 1240 р. зруйнований монголо-татарами, але згодом відбудований; з 1609 р. став релігійним центром запорозького козацтва; утримувався запорозьким коштом; постачав священників на Запорожжя; йому підпорядковувалися інші монастирі, що розміщувалися на запорозьких землях; після зруйнування Січі (1775) монастир, за наказом Катерини II (1786), перенесено у Таврію, де він проіснував до пожежі 1787 р. Див.: Герасименко Н. О. До історії Межипі'я // Укр. істор. журн. 1990. № 12. С. 90–99; Лиман І. І. Церковний устрій Запорозьких вольностей. С. 41–57.

³ Помилка; князя Г. Потьомкіна на той час вже не було, він помер у 1791 р.

⁴ Ця книга зберігається в Дніпропетровському історичному музеї. Див.: Старопечатные кириллические издания в Днепропетровском историческом музее. № 30.

⁵ Ця книга зберігається в Дніпропетровському історичному музеї. Див.: Старопечатные кириллические издания в Днепропетровском историческом музее. № 48.

⁶ Помилка; треба: «На полотні».

⁷ Портрет «Дикого попа» — портрет священника Кирила Миколайовича Тарловського (Тарах-Тарловського). Цей портрет Д. Яворницький знайшов в архієрейському будинку Самарського Пустинно-Миколайівського монастиря. Зараз копія цього портрета кінця XIX ст. з оригінала 1784 р. зберігається в Дніпропетровському історичному музеї. Музейна копія виконана живописцем П. Окуловим на замовлення Д. Яворницького. Опис та репродукцію цього портрету див.: Белецький П. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981. С. 123–126. Портрет К. Тарловського був й в соборі м. Козельця (див.: Горностаев Ф. Ф. Дворцы и церкви Юга М., 1914. С. 44.).

⁸ Ці події відбувалися під час російсько-турецької війни 1768–1774 рр. У 1771 р. козаки брали участь у штурмі Перекопу, переслідували татарську кінноту в Криму, входили до складу загону, що прикривав російську армію під час її просування вглиб Кримського півострова; загін запорожців під орудою полковника Колпака здобув Кафу; 25 серпня 1771 р. козаки захопили в бою чотири турецькі галери та чимало інших дрібних човнів тощо.

⁹ Знищення Січі готувалося раніше, ще під час російсько-турецької війни 1768–1774 рр. 5 червня 1775 р. генерал П. Тевелі вступив у Січ, а маніфест про «провини» запорожців і знищення Запорозької Січі з'явився через два місяці після атакування Січі — 5 серпня 1775 р.; в маніфесті перераховувалися

причини, що спонукали уряд до скасування Січі, стовідалося про знищення Коша і навіть самого імені «Війська Запорозького Низового». Див.: Скальковський А. О. Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. Дніпропетровськ, 1994. С. 552–566.

¹⁰ Нехворощанський Успенський оріальський монастир, заснований одночасно із селом Нехворощею, згодом — сотенне містечко Полтавського полку. Монастир стояв на землях Оріальської паланки Війська Запорозького Низового, його прочанами та ченцями були запорозькі козаки. 1786 р. монастир було ліквідовано.

¹¹ Книга зберігається в Дніпропетровському історичному музеї. Див.: Старопечатные кириллические издания в Днепропетровском историческом музее. № 26.

Розділ 3

¹ Йдеться про Українську лінію фортець. Див.: примітку «с» до розділу № 2.

² Митрополіт (грец. — столичний) — один з вищих санів церковної ієрархії, єпископ великого міста і прилеглої великої церковної області — митрополії, який має замісників — вікарних єпископів. Згодом митрополитами стали зватися архієреї, що управляли великими єпархіями.

³ Єпископ — священослужитель 3-го вищого ступеня церковної ієрархії; здійснює усі 7 таїнств і усі церковні служби за давньою традицією; у сан єпископа висвячують тільки священників, що прийняли чернецький чин, — архимандритів. Єпископ називається також архієреєм чи ієрархом, тобто священноначальником. Сан єпископа в адміністративному відношенні має 5 ступенів: вікарний єпископ, єпископ, архієпископ, митрополит, екзарх.

⁴ Архимандрит — сан пресвітера в чорному (чернецькому) духовництві; настоятель монастиря (першого класу) та інші чернецькі особи, що посідають вищі адміністративні посади (наприклад, ректор семінарії); вища посада священника з чорного духовництва. У білому духовництві сану архимандрита відповідає сан протоієрея (протопресвітера).

⁵ Ігумен (грец. — правлячий, керівний) — старший з пресвітерів-ченців, настоятель монастиря 2-го та 3-го класів (в жіночих обителях — ігуменія). Сан ігумена відповідає протоієрею, протопресвітеру в білому духовництві.

⁶ Курінь — основна адміністративно-господарська та військово-організаційна одиниця Запорозької Січі, на чолі з курінним отаманом. У XVIII ст. на Запорозькій Січі існувало 38 куренів.

Розділ 4

¹ Лоцмани — провідники суден та плотів через Дніпрові пороги. Див.: Бойко А. В. До історії дніпровських лоцманів // Південна Україна XVIII — XIX

століття. Вип. 1. Запоріжжя, 1996. С. 34–39; Козар П. Лодмани дніпрових пороїв. Дніпропетровськ, 1996.

⁶ Тут – колонія німців-меннонітів Ейналаге на схід від сучасної вулиці Каховської (м. Запоріжжя) на правому березі Дніпра.

* Перші німецькі й меннонітські колонії з'явилися на Катеринославщині у 1789 р.; в наступному 1790 р. існувало 8 колоній: Хортицька, Розенталь (Канцерівка), Острів Хортиці, Ейналаге (Кічкас), Кросвейде (Владимирівка), Нейенбург (Малашівка), Нейендорф (Широке), Шенторст (Воляна).

Меннонітизм – один з напрямків анабаптизму – антикатолицького руху селянсько-плебейського крила Реформації в Західній Європі, що відмовляв Церкві у статусі державного інституту. У 60-ті рр. XVI ст. один з напрямків анабаптизму очолив колишній католицький священник з Фрисландії Менно Симонс, від імені якого цей напрямок здобув назву “меннонітизм”. Запозичив з анабаптизму ідею свідомого навернення до віри (пізніє хрещення), Менно Симонс зробив акцентацію на повному обособленні общинного життя від світського й, головне, повній відомості від застосування сили як засобу нападу, місіонерської діяльності й навіть захисту.

Сьогодні існує кілька концепцій етногенезу меннонітів. За німецькою концепцією: усі менноніти були за походженням німцями; за нідерландською: переважав голландсько-фламандський елемент. Остатнім часом висунуто концепцію, згідно з якою менноніти вважаються самостійною етнічною суцільністю особливого типу – етноконфесійною, що не мала етнічної й консолідувалася з нідерландських утікачів XVI – XVII ст. на території Привісленського Помор'я. Дня.: Очерки истории немцев и меннонитов Юга Украины (конец XVIII – первая половина XIX века) / Под ред. С. И. Бобылевой. Днепрпетровск, 1999.

Розділ 5

* Нова Дніпровська лінія фортець, Дніпровська укріплена лінія – система прикордонних укріплень, збудована за розпорядженням російського уряду для захисту від турецько-татарських нападів під час війни з Туреччиною (1768–1774), а також з метою встановлення контролю за запорозькими землями. Лінія простягалася на 180 км від Дніпра до Азовського моря вздовж рік Кінської та Берди; складалася з 7 фортець. Побудова цієї лінії завершилася процесом оточення Воляностей Війська Запорозького Низового російськими поселенцями і впанула на подальшу долю Запорозької Січі. Дня.: Пірко В. Днепровская укрепленная линия // Вопросы истории СССР. Харьков, 1989. Вип. 34. С. 91–98; Він само. Заселення Степової України в XVI – XVIII ст. Донецьк, 1998. С. 74–77.

⁶ Мається на увазі російсько-турецька війна 1828–1829 рр., що закінчилася перемогою Росії й заключенням Адрианопольського договору, за яким Росія отримала узбережжя Чорного моря до північного кордону Абхазії.

* Катеринославська губерніська класична гімназія урочисто відкрилася 1 серпня 1805 р. Вона була створена на базі головного народного училища, що існувало з 1793 р. Першим директором гімназії (до 1831 р.) був Дмитро Тимофійович Мізко (1772–1848). Дня.: Локоть Ф. В. Столетие Екатеринославской классической гимназии. 1805–1905. Екатеринослав, 1908; Мирончук В., Чередики О. До історії освіти на Катеринославщині (Д. Т. Мізко) // Під знаком Каїю: На пошану Олени Апанович: Зб. статей. Дніпропетровськ, 1995. С. 81–83.

⁷ Про Й. М. Гладкого також див.: Яворницький Д. Кошовий отаман Осип Михайлович Гладкий. (Матеріали до біографії) // Ювілейний збірник акад. М. С. Грушевському. К., 1927. С. 295 – 305; Маленко А. М. Йосип Гладкий: Людина і діяч // Південна Україна XVIII – XIX століття. Запоріжжя, 1999. Вип. 4 (5). С. 240–251; Вона само. Азовське козацьке військо (1828–1866). Запоріжжя, 2000.

⁸ Про життя та творчість Я. П. Новицького див.: Бровко А. С., Бровко Б. А. Яків Новицький та його імениті предки. Запоріжжя, 1997; Матеріали перших Новицьких читань. Запоріжжя, 2002.

⁹ Мається на увазі російсько-турецька війна 1735–1739 рр.

Розділ 6

* Канал, що був споруджений у 1780 р. в Ненайтецькому порозі на кошти і під керівництвом прем'єр-майора М. Фалеева, сподвижника князя Г. Потьомкіна. За спорудження цього каналу М. Фалеев дістав особисту поляку від Катерини II і орден св. Володимира.

⁶ Дружина правителя Катеринославського намісництва І. Синельникова (1741–1788; правитель у 1784–1788) – Євдокія Василівна (уроджена Стряхова) була двоюрідною небогою російського поета Г. Державіна.

Розділ 7

* Помилка; ця битва сталася 31 травня 1223 р. на березі р. Калка (територія сучасної Донецької обл.); в битві проти татар виступили кияни, чернігівці, волиняни, галичани, смоляни і половці; проте серед них не було єдиного командування і спільного плану, тому вони зазнали страшної поразки. За літописом, загинуло мало не сто тисяч русичів. Князь Данило Романович був поранений, чимало князів потрапили у полон.

⁶ «Кам'яні баби» – кам'яні скульптури передусім середньовічні половецькі статуї південноукраїнських степів; назва «баби» походить від тюркського «вава» – прелок, дід. Одна з найбільших колекцій «кам'яних баб» (80 статуй) зберігається в Дніпропетровському історичному музеї ім. Д. Яворницького;

основна частина колекції була складена за часів Д. Яворницького й завдяки його зусиллям. Дяк: Эварницкий Д. И. Каменные бабы // Исторический вестник. 1890. № 12. С. 794-798; Чурилова Л. М. Кам'яні баби // Народне мистецтво. 1999. № 3-4. С. 9-10.

* За часів правління Катерини II відбулося дві російсько-турецькі війни: 1. 1768–1774 рр., яка закінчилася перемогою Росії і підписанням Кючук-Кайнарджійського миру 1774 р.; 2. 1787–1791 рр., яка також закінчилася перемогою Росії і підписанням Ясського миру 1791 р. Внаслідок цих війн Росія остаточно укріпилася в Криму, Північному Причорномор'ї й на Чорному морі.

† Мається на увазі Кримська (Східна) війна 1853 – 1856 рр.; спершу це була російсько-турецька війна за панування на Близькому Сході з лютого 1854 р. на боці Туреччини воювали Англія і Франція, з 1855 р. – Сардинське королівство. Головні операції відбувалися на Кримському півострові, найголовніша – оборона Севастополя (25.09.1854 – 8.09.1855 рр.). Російські війська і флот під орудою віце-адмірала В. Корнілова та П. Нахімова 349 днів героїчно обороняли Севастополь від переважаючих сил Франції, Великої Британії, Туреччини, Сардинії. Коли усі можливості були вичерпані, російські війська залишили південну частину міста. У цій війні Росія зазнала поразки. Війна закінчилася Паризьким миром 1856 р.

Частина 2

Розділ 2

* Помилка; треба: у 1667 р. Андрусівське перемир'я (30.01.1667 р., с. Андрусове поблизу Смоленська) – перемир'я між Росією і Польщею, яким було завершено російсько-польську війну 1654-1667 рр. Польща (Річ Посполита) визнала за Росією Смоленськ, Чернігово-Сіверщину і об'єднання Лівобережної України та Києва з Росією.

† Кафа (Каффа) заснована у другій половині XIII ст. генуезцями як торгова факторія поблизу Феодосії, яка перебувала під владою татар. У зв'язку із швидким зростанням факторії у XIV-XV ст. назва Кафа стала загальновищого. Колишню назву – Феодосія – місто одержало лише після приєднання Криму до Росії у 1783 р.

* Кіот, кінот (грец. ящик, ковчег) – невеликий ящик, чи спеціальна шафа під склом, в яку ставляться ікони.

† Фунт – міра ваги в Росії і на Україні, що дорівнювала близько 409 г.

† Золотник – старовинна російська міра ваги; дорівнювала 1/96 фунта або 4,267 г.

* Ризи – металеве покриття ікон; та частина окладу ікон, що прикриває зображення одягу на іконі.

* Хори – в християнському храмі верхня галерея (балкон), розташована у західній частині храмового приміщення; тут мали змогу стояти і молитися присутні на богослужінні.

* Аналой (від грец. – підставка для книг) – високий чотирикутний стіл зі спадистим верхом; використовувався під час богослужіння.

† Пашанниця – велика чотирикутна хустина з полотняної, шовкової чи оксамитової тканини із зображенням зняття з хреста тіла Спасителя, знарядь страстей і святих Йосипа й Николіма, які здійснили поховання Христа. Наприкінці вечірньої Великої П'ятниці пашанниця виносить з олтаря на середину храму для загального поклоніння, а під час пасхальної служби (опівночі) повертається до олтаря.

† Під час російсько-шведської (Північної) війни (1700-1721) запорожці підтримали ліву гетьмана Івана Мазепи на відрив України від Росії й союз із шведським королем Карлом XII. У зв'язку з цим, за наказом Петра I, на поч. листопада 1708 р. гетьманську столицю Батурин було знищено, а у травні 1709 р. зруйновано Запорозьку Січ. Частина запорожців разом з І. Мазепою пішла до Бендер; частина осіла на землях, що перебували під протекторатом Порти, заснувавши спочатку Кам'янську (1709-1711), а потім Олешківську Січ (1711-1728).

† Зараз оригінальні портрети (1784 р.) братів Шияєв зберігаються в Одеському історико-краснознавчому музеї. Фоторепродукції й опис портретів див.: Белецкий П. Украинская портретная живопись XVII – XVIII вв. Л., 1981. С. 124–128. Копії з оригіналів, що їх на замовлення Д. Яворницького виконав у 1916 р. живописець і археолог Василь Стромченко, зберігаються в Дніпропетровському історичному музеї.

† Ктитор (від грец. – засновник) – церковний староста, який обіймався параклією на 3 роки для порядкування церковним майном. Ктиторами церков Запорозжя були як старшини, так і рядові козаки.

† Мається на увазі російсько-турецька війна 1787–1791 рр., в якій перемогла Росія й результати якої закріпив Ясський мир (29.12.1791), за яким було підтверджено Кючук-Кайнарджійський договір 1774 р., акт 1783 р. про приєднання Криму і Кубані до Росії. Новий російсько-турецький кордон було встановлено на південному заході по р. Дністер. Цей договір закріпив панування Росії на північному Чорноморському узбережжі й зміцнив її політичні позиції у стосунках з Туреччиною.

* Фелон – культовий одяг священослужителів у вигляді накидки (без рукавів); виготовлявся з коштовних тканин і багато прикрашався.

* Підризник – нижній богослужбовий одяг священників та єпископів, що одягався на підризник (основний нижній повсякденний одяг духовництва і ченців); виготовлявся з легкої білої тканини.

* Поручі – приналежність богослужбового вбрання – манжети з хрестом та поворозкою; одягаються на рукава підризника; диякони одягають їх на рукава підризника; мають алегоричне значення тих пут, якими були зв'язані руки Спасителя під час суду над ним.

* Єпитрихиль – богослужбове вбрання священника, що одягалось на шию; символ благодаті священника; без цього вбрання священник не може правити ані жодного богослужіння.

* Стихар – довга сорочка з виколом біля горла й широкими рукавами; зазвичай парчева; деталь православного вбрання церковнослужителів.

* Воздух – покровець, що клася зверху священник сосудів на літургії.

* Йдеться про російсько-турецьку війну 1877–1878 рр., що викликала піднесення національно-визвольного руху балканських народів. Ця війна завершилася Сан-Стефанським миром (19.02 (3.03) 1878 р.), який було переглянуто Берлінським конгресом (1.06 – 1.07. 1878 р.). Основний результат війни – визволення Болгарії від турецького панування.

Розділ 3

* Бахчисарайський мирний договір був підписаний у 1681 р. між Росією і Туреччиною. Остання визнала об'єднання Лівобережної України і Києва з Росією.

Розділ 4

* Фермопільська ущелина (Фермопілі) – гірський прохід на південь від Фессалійської рівнини, що з'єднує райони Північної та Середньої Греції. Під час грецько-перських війн, у 1480 р. до н.е., 300 спартанців на чолі з царем Леонідом мужньо обороняли Фермопілі від персів й усі загинули.

* Кінбурн – фортеця на Кінбурнській косі, яка з 1774 р. належала Росії. Під час російсько-турецької війни 1787–1791 рр. турецький флот висадив десант на Кінбурнській косі, що був розгромлений російськими військами під орудою О. Суворова.

** Цей фрагмент взято з книги: Эваринский Д. И. История села Фалеевки-Садовой Херсонской губернии и уезда. СПб., 1892. С. 1 – 16.

* Мається на увазі російсько-турецька війна 1828–1829 рр., що розпочалася в зв'язку з національно-визвольним рухом у Греції проти турецького панування. Росія перемогла в цій війні. За Адрианопольським трактатом 1829 р. Росія здобула узбережжя Чорного моря до північного кордону Аджарії.

* Про М. М. Комстадіуса й взагалі генеалогію цієї гілки роду Комстадіусів див.: Абросимова С. В. Книга Д. І. Яворницького «Історія села Фаліївки-Садової» та генеалогія родини Синельникових-Комстадіусів // Письма потомков Ивана Максимовича Синельникова – первого губернатора Екатери-

нослава. Вип. 1. Одеса, 1999. С. 7–11; [Родовід Комстадіусів] // Там само. Вип. 3. Одеса, 2002. С. 71–79.

Розділ 5

* За Константинопольським російсько-турецьким договором, що був підписаний 12 (23) квітня 1712 р., за Росією залишався тільки Київ з прилеглою територією. Росія зобов'язувалася протягом 3-х місяців вивести війська з Правобережної України й Польщі.

* Райя (від араб. «ті, кого пасуть», піддані); 1. У Туреччині у XV – XVII ст. назва всього залежного сільського населення; з XVIII ст. так називали лише підданих християн, мешканців міст і сіл Османської імперії; 2. У Задунайській Січі називали населення, яке не належало до козаків.

* Висока Порта, Бейскача Порта – назва уряду Османської імперії, що вживалася в європейській літературі та документах у середньовіччі та у новий час.

* Сераскір – 1. Головнокомандуючий, сераскір-паша – військовий міністр в Османській імперії; 2. Намісник кримського хана і головнокомандуючий у титарських оралах поза межами Криму.

Розділ 6

* Мається на увазі війна за «польську спадщину» (1733–1735 рр.). В основі цього міжнародного конфлікту, який торкався й інтересів України, була тривала боротьба за польський трон між Станіславом Лещинським і Августом III Саксонським. Перший спирався на підтримку Франції і обіцяв гетьману Пилипові Орлику свою підтримку у визволенні України з-під влади Росії. Проте польським королем став прихильник Росії Август III Саксонський, що означало провал задуму Пилипа Орлика, якому так й не вдалося залучити на свій бік запорожців, які в березні 1734 р. знову перейшли під протекторат Росії. Ці події загострили російсько-турецькі відносини, що призвело до війни 1735–1739 рр.; воєнні дії велися в основному на півдні України.

* Йдеться про вид.: Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Извлечение из собственного Запорожского архива. Изд. 3-е. Одесса, 1885. Попередні вид.: 1-е. Одеса, 1841; 2-е. Одеса, 1846. У 1994 р. в Дніпропетровську видано 4-е, україномовне видання цієї книги у перекладі Т. Завгородньої й за науковим редактуванням професора Г. Швицького.

Розділ 7

* Мається на увазі участь запорожців у російсько-турецькій війні 1768–1774 рр., під час якої Запорозьке військо входило до складу кінноти російської

армії, сторожової охорони, відзначилось у морських походах, у штурмі Перекопу, блокаді Очакова, Кінбурна та ін. операціях.

⁶ Ця книга зберігається в Дніпропетровському історичному музеї. Див.: Старопечатные кириллические издания в Днепропетровском историческом музее. № 91.

* Точніше: правителю Катеринославського намісництва. Див. іменний анотований покажчик у даному виданні, а також: Эварницкий Д. И. Первый Екатеринославский губернатор // Истор. вестник. 1887. № 6. С. 630-638; Він само. Иван Максимович Синельников, первый Екатеринославский правитель (1784-1788 гг.) // Екатеринославские губернские ведомости. 1889. № 8, 9, 11; Він само. Очерки по истории запорожских казаков и Новороссийского края. СПб., 1889; Він само. И. М. Синельников перед судом истории // Истор. вестник. 1896. № 4.

Розділ 8

* Ця грамота зберігається в Дніпропетровському історичному музеї. Див.: Пам'ятки писемності в збірці Дніпропетровського історичного музею: Каталог музейної колекції актових джерел XVII – XIX ст. Дніпропетровськ, 1993. № 150.

⁶ Тмутараканське князівство – давньоруське князівство на Таманському півострові з кінця X ст. зі столицею в м. Тмутаракані. Внаслідок боротьби з половцями та Візантією припинило своє існування на початку XII ст.

КОМЕНТАР ДО РОЗДІЛУ “ПРИМІТКИ”

Частина 1

Розділ 1

* Червона Русь – історична назва Галичини; вживалась у писемних джерелах, переважно польських, у XVI – XVIII ст. для визначення Галицького князівства; інколи цю назву поширювали і на східні українські землі.

⁶ Селянське повстання під проводом Мухи в Галичині 1490 – 1492 рр. проти шляхти і польського уряду; почалося на Покутті у 1490 р.; повстанці зазнали жорстокої поразки під Рогатином (1490); Муха втік до Молдавії; 1491 р. повстання знову вибухнуло на Покутті під проводом Андрія Баруля, який був схоплений поляками і ув'язнений у Кракові, де й помер.

* “Опис” (люстрації) українських замків, що того часу входили до складу Великого князівства Литовського, відбувся у 1545 та 1552 рр.

⁷ Д. Яворницький помилився. Люблінська унія була не релігійною, а об'єднавчою; 1.07.1569 р. на сеймі в Любліні відбулося об'єднання Литви й Польщі в неподільну державну цілість Річ Посполиту. До Польщі було прилучено Підляшшя, Волинь, Поділля, Брацлавщину й Київщину. Релігійною була Берестейська унія 1596 р.

Частина 2

Розділ 3

* Новітні дослідження українських істориків довели, що отаман Іван Сірко народився не на Харківщині, а в Східному Поділлі, в місті брацлавського полку Мурафії (тепер це село Жванов Винницької обл.); див.: Борисенко В. Де народився Іван Сірко? // Наука і суспільство. 1989. № 11. С. 74; Мищик Ю. Отаман Іван Сірко. Запоріжжя, 200. С. 5.

⁶ Яничари – регулярна турецька піхота (2-а пол. XIV ст. – 1826 р.), яка комплектувалася з юнаків-рабів, згодом – з примусово навернутого в іслам християнського населення підкорених країн.

ГЕОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК

Августинівка (Смольши), с. I – 178; II – 248
 Аврамов, о-в II – 249
 Аврамова, балка II – 249
 Австрія I – 237; II – 161
 Азия I – 87
 Азов, м. I – 35, 89; II – 59
 Азов, фортеця I – 116, 197; II – 256
 Азовская, губ. I – 75, 76, 97, 98, 103, 182, 246, 247; II – 131, 163, 191
 Азовское, море I – 140, 141; II – 205
 Акимовка, с. I – 46
 Алеска, с. I – 181
 Александрия (поблизу Петергофа), м. II – 194
 Александровка (Гнидана), с. II – 195, 231
 Александровка (Штихова), с. II – 134, 136, 181
 Александровск, м. I – 119, 136, 137, 139 – 141, 144 – 148, 157, 162, 164, 198, 217, 226, 242, 244 – 246; II – 31, 229, 260
 Александровская, пристань I – 147, 204
 Александровская, фортеця I – 141; II – 83
 Александровский, пов. I – 27, 32, 100, 129, 144, 145, 157, 176, 177, 252; II – 184, 186, 191, 287
 Александриянц, фортеця II – 119, 127
 Александры, грецька колонія II – 129
 Алексеев, лиман II – 284
 Алексеевская, фортеця I – 141
 Алешин (Алеска, Олешин), м. II – 88, 89, 91, 112 – 114, 128 – 132, 284
 Алешин, ур. II – 118, 276, 277, 279
 Алешковская Сичь I – 25; II – 88, 89, 91, 103, 128, 131, 132, 231, 234, 277
 Алисовский Ерик (Штаны), протока II – 283
 Алюгузов, о-в I – 43
 Апаньевский, пов. II – 239
 Апитолия, обл. II – 36
 Андреевка, с. I – 46, 157, 158; II – 123, 229
 Андреевская, крепость I – 245
 Андрусово, м. II – 33
 Андрушан, о-в II – 85
 Антикеевка, с. II – 142
 Анненское-Нечаево, с. I – 256
 Анновка, х. II – 214
 Антоновка, с. II – 284

Арбузинка, р. II – 136
 Армения I – 185
 Арнаутова, с. II – 133, 136
 Арслан-Кермен, фортеця II – 108, 119
 Арслан-Эрджак, фортеця II – 282
 Архангельск, м. II – 163
 Архангельский, вежа II – 164
 Архангельский, губ. II – 163
 Архангельское, с. II – 123
 Архирейская, загора I – 166
 Архирейская, капища I – 166
 Астраханская, губ. II – 163
 Астрахань, м. I – 193; II – 256
 Аулы, с. I – 49; II – 228
 Аульская, загора I – 49
 Афанаевка, с. I – 100, 102 – 104, 120; II – 228
 Афон, гора I – 87; II – 130
 Ахтырка, м. II – 3

Бибинно, с. II – 86
 Бабичев, о-в I – 254
 Бажаківка, загора I – 167
 Бажановка, с. II – 275
 Базавлук, о-в I – 225, 234 – 239; II – 262
 Базавлук (Бозовлук), р. I – 230, 233 – 236, 239, 241, 262; II – 52, 53, 55, 66, 86, 139, 149, 182, 230, 266, 267, 269
 Базавлукская Сичь II – 233, 235, 241; II – 33, 67, 233, 235, 260 – 263
 Базалук, о-в див.: Базавлук
 Байлак, о-в II – 240
 Байдаковка, с. II – 240
 Байдуки, капища II – 245, 246
 Бакай, м. II – 2, 143
 Баябинно-Покровское, с. I – 244; II – 230
 Бялицкое, с. II – 139, 140
 Балка, с. I – 250
 Балканы, гори II – 127
 Балчанская, балка II – 248
 Банатская Сичь (Австрія) II – 161
 Бановка (Терноватка), с. II – 139
 Банковка, с. II – 288
 Баранів, о-в II – 262
 Барановский, о-в II – 140
 Баранчикова, о-в I – 58
 Баратов, о-в I – 42
 Барыш, капища II – 247
 Басанка, р. II – 86

Батурин, м. I – 35, 61
 Бахмутский, пос. I – 166; II – 123, 205
 Башмачка, балка I – 204, 217; II – 248
 Базовдук, р.; днв. Базавдук
 Безпята, балка I – 59, 60
 Бейкус, р. II – 65
 Бейкуш, лиман I – 234 – 236
 Белая, вежа II – 164, 282
 Белая, лабора I – 57
 Белен, м. I – 193, 194; II – 256
 Беленькая, р. I – 246, 247
 Беленькое, с. I – 244, 246, 248; II – 230
 Беловод, о-в I – 42
 Белогрудовский, рукав Днепра II – 134
 Белое, озеро II – 79, 82, 133
 Белое, море II – 163, 168
 Белозерка (Шкловка), с. II – 116, 133
 Белозерка (Серинополь), м. II – 84
 Белозерка (Соронг), м. II – 81 – 83, 85, 274
 Белозерка, р. II – 80, 84, 115, 274
 Белозерный, о-в II – 84
 Белозерская, балка II – 82
 Белозерский, м. р. II – 162
 Белозерское, городище II – 79, 80, 82, 83
 Белоновка, с. II – 139
 Белоусов, м. I – 138
 Белый, м. II – 36
 Белый, о-в II – 239
 Белый Бучок, камнь II – 250
 Бельсовская, фортца I – 106; II – 228
 Белева, лабора II – 247
 Белевы, о-ви I – 176
 Бендеры, м. II – 276
 Берберовка, с. II – 288
 Берда, р. I – 143
 Бердесва, с. II – 249
 Береговая, лабора II – 248
 Березноватая, балка II – 247
 Берислав (Мелитополь, Белая Вежа), м. II – 75, 100, 107, 109 – 112, 231, 277, 282, 283, 286
 Бескровная, балка II – 249
 Бессарбская, овл. I – 29
 Бешка, о-в II – 240
 Бешеный, о-в II – 280
 Библса, о-в II – 246
 Билюков Григорьевский, м. р. II – 100, 102 – 104, 231, 279, 280

Битый, м. I – 89
 Бляжковка, с. II – 103, 280
 Бляжков, х. II – 97, 100, 231
 Ближновки, лава I – 177
 Близиночки, камнь II – 245, 246, 248
 Блаква, балка I – 205
 Бовартопаша (Швеця), с. II – 126
 Бобров, о-в II – 249
 Бобырена (Крутецкая), балка I – 166
 Богатая, р. I – 100, 103
 Богатырева, балка I – 183
 Богатыри, камнь I – 170, 171; II – 229, 233
 Богатырская, лабора I – 170
 Богатырская, лава I – 171
 Богодар, с. II – 197, 204, 214, 232, 287
 Богодаровка, с. I – 47
 Богодухив, м. II – 3
 Богомазова, балка I – 115
 Богомазова, м. I – 113
 Богополь, м. II – 141
 Богородицкая, фортца I – 74
 Богоявленское, с. II – 123, 285
 Богуслав, м. II – 144
 Богуша, пустошь I – 247
 Боковая Висунь, р. II – 139
 Болянка, балка II – 248
 Большая Бигулиня, балка I – 179
 Большая Вербовая, балка I – 205, 208, 221
 Большая Виська, с. II – 142
 Большая Вись, р. II – 142
 Большая Знаменка, с. II – 84, 112, 274
 Большая Катериновка, с. I – 244; II – 230
 Большая Лепетиха, с. II – 87
 Большая Московка, р. I – 140
 Большая Мелавелица, сиф'я I – 148
 Большая Перебонина, р. I – 251
 Большая Хортица, о-в I – 138; II – 229
 Большие Капры (Нижние Капры), с. II – 91, 280
 Большое, море I – 236
 Большое Днеприще, р. I – 255
 Большой, лиман днв. Великие Воли
 Большой Дубовый, о-в I – 155, 177, 181, 182; II – 229, 249
 Большой Глоцкий, камнь II – 246
 Большой Татарчук, о-в I – 169
 Большой, м. I – 89
 Бондарева, лава I – 169

Борзенский, *пов.* II - 39
 Борисоглебская, *фигурка* I - 106; II - 228
 Борислав (Бериславль), *м.* II - 66
 Борисфен, *р.* (Днестр) I - 133, 237; II - 117
 Боровая, *р.* II - 123
 Бородаевка (Срмляк), *с.* I - 43 - 45, 106
 Бородаевка, *ур.* I - 43
 Босфор, *протока* II - 36
 Бочка, *калина* II - 247
 Брама, *стела* II - 137
 Брацлавское, *востокство* II - 238
 Британ, *о-в* II - 84, 283
 Британцы, *с.* II - 283
 Брунева, *забора* I - 184
 Брякуче, *озеро* I - 243
 Бут, *р.* I - 47; II - 114, 117, 118, 127, 134 - 141, 158, 231, 239, 278
 Бутай, *р.* I - 249, 251, 255, 259
 Бугоградская, *паланка* II - 239
 Будилка, *балка* I - 177; II - 248
 Будилковский, *періс* I - 128, 177
 Будинцы, *м.* II - 91, 96
 Буевский, *пов.* II - 123
 Бужиню, *с.* I - 257; II - 32
 Бузулук, *р.*; див. Базавлук
 Бузовая, *с.* II - 285
 Бузовка, *с.* I - 98
 Бузонлук, *р.*; див. Базавлук
 Бузулук, *р.*; див. Базавлук
 Буяховка, *с.* I - 98
 Булгар, *калина* I - 171
 Булгарка, *с.* II - 136
 Булгарская, *лава* I - 171
 Буравленная, *лава* I - 171
 Бураковский, *о-в* I - 164
 Бурвалда(с), *каменная колонна* I - 198, 203
 Бургунка, *р.* II - 111
 Бургунская, *переправа* II - 111
 Бургунский, *о-в* II - 111, 283
 Бургунский, *мис* II - 111
 Бутинское, *ур.* I - 30
 Бутц, *калина* I - 171; II - 246, 248, 249
 Буцона, *могила* II - 115
 Бущок (Томасовка, Горолашце), *о-в* I - 258, 263; II - 33
 Бунское, *ур.* I - 38, 39
 Бырання, *балка* II - 249
 Бырання, *с.* II - 249

Быстрик (Ревунец), *р.* I - 259, 260, 263; II - 280

В

Валахия I - 238
 Варавия, *о-в* I - 243, 252; II - 230
 Варваровка, *с.* I - 162; II - 191, 247
 Варшава, *м.* I - 117; II - 125
 Варяжский, *о-в* II - 251
 Васильевка, *с.* I - 98, 162, 172
 Васильковская, *фигурка* I - 106; II - 228
 Васторинское, *ур.* II - 85
 Векшино, *м.* II - 125
 Великая Молодыня, *балка* I - 210
 Великая, *забора* I - 245; II - 262
 Великая, *могила* I - 112
 Великая, *стела* I - 205
 Великая Хортица, *р.* I - 202; II - 254
 Великий, *о-в* I - 39, 43, 49, 52, 248, 252; II - 263
 Великий Еланец, *р.* II - 139
 Великий Ингул (Ингул), *р.* II - 139
 Великий Камень, *о-в* II - 240
 Великий Луг I - 124, 242 - 244, 246, 253; II - 129, 230
 Великая, *пашня* II - 149
 Великие Воды, *пашня* II - 86, 104, 105, 280
 Великие пески II - 83
 Великороссия I - 39, 141; II - 33
 Венгрия I - 238, 239
 Вербки, *о-в* I - 183; II - 134
 Вербовый, *о-в* I - 181, 182; II - 229, 249
 Верхнеднепровск, *м.* I - 34, 47, 48; II - 241
 Верхнеднепровский, *пов.* I - 28, 46, 233; II - 240
 Верхний, *калина* II - 246
 Верхний, *о-в* II - 275
 Верхний Беловод, *о-в* II - 241
 Верхний Ушкельский, *о-в* II - 275
 Верхняя Береза, *с.* I - 105
 Верхняя Лапка, *р.* I - 234, 235
 Верхняя Орель, *р.* I - 105
 Верхняя Скотовая, *балка* II - 249
 Верхняя Терса, *р.* II - 215, 288
 Верхняя Хортица, *с.* I - 138, 198, 201
 Вершеч, *с.* I - 29
 Вершинно-Каменка, *м.* I - 34
 Видавский, *о-в* I - 42; II - 241
 Византийская, *литерия* II - 268
 Вила, *балка* II - 250
 Вильма, *балка* I - 132, 133; II - 250

Вильный, *поріг* I – 129, 133, 153, 155, 181, 182; II – 229
 Витки, *о-в* II – 246
 Вишневец, *масток* I – 190
 Вишнькова, *лава* I – 167
 Внук-порог (Вовнига), *поріг* I – 128, 158
 Вовнига, *поріг* (Внук-порог) I – 122, 129, 157, 177
 Вовча, *забора* I – 57
 Вовча (Волчья), *р.* II – 203
 Вовчок, *скала* I – 184
 Водоляни, *с.* I – 77
 Воляное, *с.* I – 256
 Вознесенка (Нешкребинка), *с.* I – 139, 140, 198, 204, 206, 214, 217, 223, 225, 226; II – 132, 229, 261
 Вознесенск (Соколы), *м.* II – 136
 Вознесенское, *намістництво* II – 143
 Войсковая, *балка* II – 247
 Войсковое, *с.* I – 172; II – 247
 Войстриченский, *поріг* II – 140
 Войцеховская, *балка* I – 66
 Волам-Керметь, *фортеця* I – 191; II – 255
 Волга, *р.* I – 87; II – 238
 Волнига, *поріг* II – 229
 Волниги, *с.* I – 177; II – 249
 Волниговский, *поріг* I – 128, 158, 159; II – 229
 Волниговский, *риг* II – 248
 Волошинова, *забора* I – 168; II – 233
 Волошка, *р.* II – 280
 Волошское, *с.* I – 61, 169, 170
 Волчий Хвостик, *балка* II – 248
 Волчье Горло, *каминь* II – 250
 Волчье Горло, *лава* I – 133, 181; II – 229
 Волчья, *р.* I – 88; II – 184, 195, 201, 202, 205, 288
 Вольное, *с.* I – 87 – 89, 102; II – 123, 228
 Волытые (Нюкные) Кайры, *с.* II – 103
 Волытые Хутора, *с.* I – 47
 Вольный, *брид* II – 73
 Вольный, *поріг*, *див.* Вильный
 Вонючки, *х.* I – 59
 Ворогор, *с.* II – 163
 Вороная, *с.* I – 162, 164; II – 229
 Вороная, *р.* I – 162, 171
 Воронезская, *суб.* I – 172
 Воронина, *балка* II – 115, 124
 Воронова, *забора* II – 247
 Вороновка (Купеволовка), *с.* I – 33
 Воронцовский, *о-в* I – 166

Ворота, *скам* I – 223
 Ворская, *р.* I – 42, 43; II – 241
 Воскресенка, *с.* II – 185, 232
 Воскресенка, *с.* I – 98, 99; II – 213
 Вощина, *скам* I – 205, 209
 Времьенка, *с.* I – 162, 176, 177; II – 247
 Выр, *каминь* I – 169
 Вырна, *протина* I – 202
 Вырлач, *о-в* I – 252
 Высшая, *ска* I – 57
 Высшей головы Космажи, *ур.* II – 281
 Высь, *р.* II – 142, 231
 Выше-Тарасовка, *с.* I – 96, 247, 249, 250; II – 230
 Вяземка, *с.* II – 285

Гавин, *о-в* I – 181; II – 250
 Гаджол, *каминь* II – 248
 Гадючий, *тур* I – 129, 133, 155
 Гадючья, *балка* I – 181
 Гаялович, *лав.* I – 247
 Гавч, *м.* I – 61
 Гайбеева, *балка* II – 248
 Гайдамыцкая, *балка* I – 183
 Гайдамыцкая Конюшня, *печера* II – 145
 Гайдамыцкая Хата, *печера* II – 145
 Гайдамыцкий, *м.тес* II – 196, 232
 Гайдамыцкое Снажение, *печера* II – 141
 Гаята, *м.* I – 196; II – 257
 Галилея, *обл. в Палестині* I – 86
 Галиция I – 236; II – 189
 Галузья, *забора* II – 247
 Галузин, *о-в* II – 284, 285
 Гашковская, *балка* I – 205, 216
 Гапчул, *р.* I – 145; II – 184, 186, 191, 197, 202, 205
 Гапсина (Александровна), *с.* II – 142
 Гарбузинка, *р.* II – 139
 Гарловый, *м.тес* II – 139
 Гарловый, *о-в* II – 137, 231
 Гелверина, *балка* I – 179
 Гендриковна, *с.* I – 166
 Генеральская, *балка* I – 203
 Георгия св., *о-в* II – 252
 Германия I – 236
 Гернедь, *каминь* II – 246
 Гетманщина I – 41; II – 207, 210
 Гесфеманский, *сад* I – 240

Гийный, *о-в* I – 251, 252; II – 230
 Гиркани II – 236
 Гирловский, *о-в* II – 86
 Гияри, *с* II – 126
 Гилей, *лісова обл.* II – 129
 Гладкий, *фід* II – 141
 Глиннице, *х.* II – 133
 Глинское (Домотізіл), *с.* I – 45, 46
 Глицина, *балка* I – 184; II – 248
 Глодны, *балка* II – 248
 Глубокая, *пристань* II – 134
 Глубокий, *ліс* I – 38
 Глубокое, *озеро* I – 243
 Глухая, *лава* I – 171
 Глухов, *м.* II – 100, 195
 Глуховский, *миса* I – 89
 Глухой, *лісин* II – 113
 Глушковое, *озеро* I – 92
 Гигдана, *с.* II – 195
 Гнилая (Прогной), *р.* I – 260, 263; II – 65, 69
 Гнилице, *с.* II – 285
 Гнилуха, *озеро* II – 285
 Годая, *балка* II – 248
 Голая, *коса* I – 49
 Голая Грушевка, *с.* I – 89, 249, 252, 254, 255, 259; II – 230, 272
 Голая Пристань, *с.* II – 106, 133, 285
 Голова, *місцевість на о-ві Хортиця* I – 137
 Головковское, *озеро* I – 218
 Головкины, *камінь* II – 249
 Головленкова, *печера* II – 164
 Гологрудовский, *рукав* II – 284
 Голосаев, *о-в* I – 171, 176
 Голосинский, *ліс* I – 38
 Голта, *м.* II – 141
 Голубинная, *печера* I – 177
 Голубинная, *скала* I – 178
 Голубовка, *с.* I – 96
 Голубы, *скала* I – 183
 Голухи, *о-в* II – 133
 Голый, *о-в* I – 155, 182
 Гончарка, *балка* II – 248
 Горбатый, *камінь* II – 246
 Горильчанская, *забора* I – 28
 Горностаевка, *с.* II – 88, 280
 Городецкий, *о-в* I – 185; II – 255
 Городище, *м.* II – 83

Городище (Томановка), *о-в* I – 251, 256, 258, 260, 261; II – 33
 Горошок, *ур.* II – 83
 Гречаный, *о-в* I – 54
 Григорик св., *о-в* II – 250, 252, 259
 Григорьевка, *с.* I – 49
 Григорьевская, *фиртеця* I – 141
 Григорьевский Бизюков, *м-р* II – 101
 Гришневское, *с.* I – 29
 Гришкин Рукав, *р.* II – 84
 Роза, *камінь* II – 248
 Роза, *скала* I – 129
 Розная, *лава* I – 177
 Громокля, *р.* II – 139
 Громушина, *балка* I – 202, 209
 Грузское, *озеро* I – 243
 Грузское, *устье* II – 85
 Грушевка (Голая Грушевка), *с.* I – 233, 235, 239 – 242, 257, 262; II – 58, 67, 77, 149, 230, 233, 263
 Грушевка, *ур.* I – 254
 Губина, *балка* II – 247
 Губино, *с.* I – 49; II – 241
 Губиниха, *р.* I – 112
 Гудык, *камінь* I – 184
 Гульбище, *гора* I – 249; II – 230
 Гульбище, *ур.* II – 284
 Гуляй Поле, *м-ко, сс.* II – 186, 191, 232

Давидинский, *порт* II – 140
 Данилеса, *забора* II – 247
 Даниловка, *с.* I – 62
 Даница, *м.* I – 135, 219
 Дар'івка (Дариевка, Дериевка), *с.* I – 32; II – 126
 Девичий, *о-в* I – 235
 Демитин, *камінь* II – 240
 Деятрева, *забора* II – 248
 Деев, *о-в* II – 79
 Демека, *о-в* I – 169
 Демская, *балка* II – 246
 Денисенков (Тавань), *о.* II – 108, 282
 Дериевка, *с.* I – 32, 33, II – 228
 Десна, *р.* II – 252
 Джан-Кермен, *фиртеця* II – 119
 Дзвиница, *камінь* I – 183; II – 233
 Дзвиница, *скала* I – 149; II – 229
 Диван, *камінь* I – 138
 Дилетков, *о-в* II – 248

Дилеикова, балка II - 248
 Дилёвка, с. I - 58, 59; II - 228
 Дил, порог I - 122, 123, 127, 129, 158
 Дилово (Понитовское), озеро II - 134
 Дилово, о-в II - 114, 120, 283
 Дитятка, с. II - 91
 Дикое поле I - 230; II - 230
 Директур, камыш II - 248
 Дия, ур. I - 58
 Дмитров, о-в I - 171
 Днепр (Днипро), р. I - 26 - 30, 32 - 35, 37 - 39, 42 - 44, 46 - 50, 52 - 54, 57 - 61, 65, 67, 68, 72, 73, 75, 86 - 88, 90, 92, 106, 115 - 117, 119, 120, 123, 124, 126 - 141, 146 - 151, 154 - 162, 164 - 192, 194, 195, 198, 200, 202 - 205, 207, 209, 211, 214, 216 - 218, 220 - 223, 225 - 229, 231, 233 - 235, 237, 238, 242 - 257, 259, 260, 262, 263; II - 10, 21, 23, 29 - 32, 35 - 39, 51, 54, 63, 65, 66, 68, 69, 75, 79 - 82, 84 - 89, 91, 93, 94, 97, 100 - 108, 111 - 115, 117 - 122, 124 - 130, 132 - 134, 139, 140, 147, 153, 158, 162, 168, 188, 189, 194, 205, 228, 229, 236, 239 - 242, 244 - 257, 262, 263, 266, 267, 274 - 276, 278 - 285
 Днеприне, р. I - 251; II - 29
 Днепро-Ингульский, бассейн II - 117, 118, 121
 Днепро-Каменка, с. I - 41 - 43; II - 240, 241
 Днепро-Камени, п. II - 113, 128, 129
 Днепровская линия, форте II - 141
 Днепр, р. II - 117, 237
 Добрая Висунь, р. II - 139
 Добровелчково, м. II - 142
 Добрянка, с. II - 142
 Довга, могила I - 163
 Довгалевка, передмістя Нікити II - 34
 Долгая, балка I - 66
 Долгая, с. I - 250
 Долгенькое, озеро I - 243
 Долгое, озеро II - 241
 Долгое-проваля, лис I - 38
 Драгополю, озеро I - 171
 Драгополь, камыш II - 247
 Должик, балка I - 169, 171
 Должик, лис I - 38
 Домайский, о-в I - 169
 Домыха, забор II - 262
 Домыха, озеро I - 218, 219
 Домыха (Домашин), о-в II - 86, 281
 Домыха, р. II - 86, 111, 283
 Домашин, о-в, дит. Домыха
 Домашка, о-в II - 240
 Домашняя, балка II - 245

Домутань, р. I - 45, 46; II - 188
 Домутань, с. I - 45, 46
 Дор, р. I - 92, 191, 214; II - 162
 Дорской, меле I - 184
 Дорский, о-в I - 169
 Драная, с. II - 284
 Драпачиха, балка II - 115
 Дремляков, р. II - 105
 Дрыгальской, лис I - 38
 Дубова Балка, х. II - 144
 Дубовая, балка I - 177; II - 145
 Дубовая, забор II - 248
 Дубович, о-в I - 177
 Дубовый, лиман II - 113
 Дубовый, (Пурмын), о-в I - 153, 158, 177, 204 - 206; II - 229, 247, 248
 Дубовый, х. II - 144, 231
 Думна, озеро I - 205, 206
 Думная (Лысая), озеро I - 87, 88
 Дунайская Сечь II - 161
 Дунай, р. I - 115, 142, 143, 214, 236; II - 28, 36, 78, 100, 127, 179, 182, 191, 192, 199, 213
 Дурна, забор I - 39
 Дурна, озеро I - 136, 137, 184, 211; II - 229
 Дурной Кут, о-в I - 28
 Дымская, балка II - 248
 Дьяко, камыш I - 177
 Дьякова, забор II - 247
 Дьяковская, с. II - 283
 Дьяковский, о-в II - 283
 Европа I - 191, 236; II - 156, 181, 189
 Европейская Скифия II - 117
 Египет I - 69, 143; II - 62
 Екатеринбург, м. II - 101
 Екатерининск, м. II - 141
 Екатерининская, с. I - 145; II - 191, 194, 232
 Екатерининская, озеро I - 173
 Екатерининск, м. I - 46, 48, 53, 54, 57, 58, 60 - 64, 67 - 69, 71, 75, 76, 80, 82, 87, 90, 94, 96, 105, 108, 116, 119, 141, 144, 164 - 166, 172, 173, 254; II - 35, 39, 47, 54, 154, 188, 195, 205, 228, 229, 252, 268
 Екатерининская (Катеринославская), р. I - 27, 28, 48, 75, 98, 100, 105, 139, 141, 144, 145, 166, 176, 233, 252; II - 31, 55, 75, 123, 127, 146, 149, 180, 184, 205, 239, 287
 Екатерининская, озеро II - 75
 Екатерининский, нов. I - 49, 56; 75, 89, 96, 103, 106, 142, 223, 241, 244, 247, 256, 262; II - 13, 31, 47, 55, 58, 146, 272
 Екатерининское, намісництво I - 64, 68, 100; II - 136, 281

Еленовка, *с. II* - 126
 Еленское, *с. I* - 240
 Елизавет-Семёновка, *с. I* - 46
 Елизаветы св., *фортеця II* - 153, 160
 Елисаветград (Славск), *м. II* - 122, 147
 Елисаветградский, *нов. II* - 144
 Енкеллинг (Швеция), *губ. II* - 126
 Ерель (Орель), *р. I* - 105
 Ерик, *протока II* - 114, 283
 Ефрат, *р. I* - 87

Жарков, *о-в II* - 240
 Желобок, *озеро I* - 243
 Желтые Воды, *р. II* - 35
 Жеребцы, *р. II* - 184
 Жидловские (Жидановские), *о-ви I* - 171; *II* - 246
 Жмура, *о-в I* - 171
 Жуков, *о-в I* - 48; *II* - 241
 Жураванский, *лиман I* - 234, 235
 Жучинка, *балка II* - 246

Забяч, *о-в II* - 248
 Забачева, *забор II* - 248
 Задунайская Сечь *I* - 145, 146; *II* - 161, 192, 193
 Зайцева (Юхимовка), *с. II* - 135
 Закалятое, *озеро I* - 243
 Зализня, *балка I* - 179
 Залитейный, *с. I* - 99
 Заломный, *о-в I* - 248
 Заманька, *озеро II* - 283
 Западная Европа *I* - 191
 Западная Россия *I* - 60; *II* - 57, 107
 Западной, *ли I* - 38
 Западня, *балка II* - 249
 Запорожская Миска, *скеля I* - 138; *II* - 229
 Запорожская Сечь (Сечь) *I* - 51, 53, 92, 135, 136, 141, 143, 144, 173, 187, 211, 213, 233, 256, 257; *II* - 32, 33, 54, 66, 94, 128, 146, 153, 154, 252 - 254, 262, 276, 277, 279, 286
 Запорожский (Ольховый), *о-в II* - 133, 285
 Запорожский, *поріг II* - 140
 Запорожье (історичне) *I* - 25 - 27, 32, 35 - 37, 49, 55, 61, 74 - 76, 82, 87, 89, 92, 98, 106, 116, 117, 150, 151, 176, 183, 239, 244 - 246, 258; *II* - 3, 34, 36, 49, 50, 53, 57, 58, 83, 89, 90, 96, 111, 112, 121, 122, 130, 131, 156 - 158, 160, 170, 182, 184, 191, 206, 210, 213, 228, 2331, 232, 239, 266, 270, 271, 283
 Зарог, *камінь II* - 248
 Зигон, *р. II* - 263
 Захарьевская, *фортеця I* - 141

Заячий, *ли I* - 38
 Заячий, *о-в II* - 240
 Збурьевский, *лиман II* - 134
 Збурьевский, *ретраншамент I* - 63
 Збурьевский, *рукав II* - 134, 284
 Збурьевка, *с. II* - 134
 Зверева, *с. II* - 142
 Звонецкий, *балка I* - 171
 Звонецкий, *поріг I* - 123, 171; *II* - 229
 Зевьяк, *камінь I* - 132
 Зелёный, *камінь II* - 246
 Зелёный, *ліст I* - 88
 Зелёный, *о-в I* - 184
 Земули (Зимун), *с. I* - 29
 Зимун (Плахтеевка), *с. I* - 29
 Зиньков, *м. II* - 270
 Змиева (Зменция), *печера I* - 169, 179, 180; *II* - 229
 Змиевский, *нов. I* - 105
 Змійв кут, *виступ II* - 203
 Знаменский, *м-р II* - 161
 Знамянка, *с. I* - 86; *II* - 79, 82
 Золотая, *балка* (Лютая Балка, Дурята Долнина) *II* - 275
 Золотая, *с. II* - 275
 Золотоноша, *м. I* - 146
 Золотоношский, *нов. I* - 142
 Зори, *камінь II* - 248

Ивановка, (Ивановка, Иваница) *с. I* - 51; *II* - 75
 Ивановское, *с. I* - 47, 176, 243, 244, 251, 252; *II* - 247
 Игнатьева, *с. I* - 181
 Иерусалим, *м. I* - 91, 228; *II* - 130
 Изман, *м. I* - 143
 Изман, *фортеця I* - 143, 144
 Изюмская, *провинция I* - 100
 Изюмский, *нов. I* - 86
 Изюмский, *шлях I* - 89
 Ингул, *р. II* - 117, 119, 135, 139
 Ингулец, *заїтинська станція II* - 144
 Ингулец (Ангунец, Милый Ингул), *р. II* - 100, 114 - 122, 124, 144
 Ингульская, *доли II* - 122 - 125
 Ингульская, *палатка I* - 233; *II* - 121, 149, 239
 Ингульский, *о-в II* - 284
 Ингульский, *нов. II* - 121
 Иптрский, *о-в I* - 185; *II* - 256
 Иовина св., *фортеця I* - 106; *II* - 228
 Ислам-Кермень, *фортеця I* - 191, 192, 194; *II* - 106 - 108, 255, 256

Исламов, *м.* II – 87, 106
Испания I – 236
Италия I – 236, 253; II – 189, 216, 274
Иудей, *обл. у Палестин* I – 86

Кабарта (Кябарла) I – 193; II – 256
Кавказ II – 236
Казаны, *забора* I – 183
Казань, *м.* I – 197; II – 256
Казенцова, *леса* I – 171
Казикермен, *м.* II – 89
Каир, *о-в* II – 87, 103, 231, 275, 282
Каир-Космак, *о-в* II – 87, 281
Каир-мечеть, *фортца* II – 103, 104, 277
Каирская, *переправа* II – 103, 104, 280
Каирская, *плоск.* II – 103
Каирские, *о-ви* II – 87, 93, 97, 280
Калитова, *балка* II – 248
Калитин-Рог, *часть с. Голой Грушовки* II – 230
Калиты, *риг* I – 255
Калка, *р.* I – 186
Калмазова, *с.* II – 141
Калмиус, *р.* II – 184
Калмиусская, *паланка* II – 184, 202, 239
Калмиусский, *милес* I – 89
Калмышниха, *село* I – 233, 234; II – 230
Калужино, *с.* I – 39 – 41; II – 240
Кальник, *с.* II – 269
Кальчик, *р.* II – 199, 213
Каменница I – 237
Комстат, *м.* II – 125
Каменец-Подольский (Подольский – Каменец), *м.* II – 189
Каменка, *балка* I – 241; II – 28, 29, 91, 93, 97, 230, 276, 278, 280, 286
Каменка, *озеро* II – 240, 241
Каменка, *р.* II – 88 – 98, 103, 139, 241, 276, 279, 280, 283
Каменка, *с.* I – 61, 121; II – 103
Каменка (Малая Знаменка, Каменное, Крымская Каменка, Крименда), *с.* I – 41, 53; II – 79, 81, 267, 278, 279
Каменка Красная, *с.* I – 27
Каменно-Потоцкое, *с.* I – 26 – 30; II – 228
Каменоватая, Каменовата (Кам'янувата балка), *балка* II – 195 – 197, 248
Каменоватый (Скалистый, Князев), *о-в* I – 167, 182; II – 229
Каменноватонская, *переправа* (Каменский, *перев.*) II – 81, 274
Каменноватонский, *редут* II – 81, 274
Каменный, *х.* I – 41

Каменный Затон (Каменская забора, Малая Знаменка, Камышка), *м.*, *фортца* II – 81, 264, 274
Каменный Затон, *затона* II – 82
Каменный Затон, *ур.* II – 79, 80, 90, 279
Каменская, *забора* I – 28; II – 274
Каменская Сачь I – 25; II – 79, 88, 89, 91, 94 – 97, 231, 234, 276 – 279
Каменской, *о-в* I – 60
Камчатка, *п-ов* II – 77
Камышевская, *р.* II – 139
Камыши, *с.* I – 247
Каменское, *с.* I – 53, 54, 62, 63, 67; II – 228
Канев, *м.* I – 29, 191, 193; II – 44, 252 – 254, 256
Каневской, *о-в* II – 262
Каневский, *нов.* I – 190
Каневское, *восходство* II – 238
Каняцов, *о-в* I – 247; II – 262
Кашчеровка, *изметка колоний* I – 198, 203, 221
Кашчерская, *балка* II – 248
Кашчерский, *о-в* I – 187, 202, 203, 222; II – 253
Капральский Просерд, *о-в* I – 204
Капулянка, Капуловка (Капулянка), *с.* I – 235; II – 55, 60, 62, 66, 69, 70, 73, 74, 79, 181
Капустинная, *балка* I – 177
Карагути, *с.* II – 283
Карай-Дубина, *с.* II – 85, 86
Карайтебель, *ур.* II – 147
Каракайка, *балка* I – 203, 209
Караитинский, *о-в* II – 132
Карасвое, *озеро* I – 218
Кардашинский, *лиман* II – 130, 133, 284
Карлова, *забора* I – 184
Карнаузовка, *с.* I – 54 – 57, 63, 118; II – 228
Карсон (Херсон), *м.* I – 154
Касперовка, *с.* II – 133, 134
Касперовский, *о-в* II – 133
Катериновка, *с.* I – 103
Кяфа, *м.* II – 36, 119
Каховка, *м.* II – 105, 106, 231, 281, 282
Качановка, *с.* II – 39
Квасоваренная, *вежа* II – 164
Кашеварица, *о-в* I – 181
Квигица, *балка* II – 248
Келеберда, *м.* I – 32, 40, 41
Келеберда, *с.* I – 33, 34; II – 240
Керси первый, *о-в* II – 279
Керси второй, *о-в* II – 280
Керченская, *притока* II – 205

Керчь, *м.* I – 75; II – 144
 Киев, *м.* I – 28, 35 – 37, 40, 41, 44, 53, 73, 96, 97, 102, 108, 116, 119, 136, 137, 150, 171, 176, 219, 220, 241, 245, 256, 263; II – 3, 26, 32, 35, 52, 54, 57 – 59, 88, 126, 128, 129, 153, 174, 204, 205, 237, 238, 242, 249, 251, 253, 254, 263, 268, 273
 Киево-Межигорский, *м.р.* I – 91, 93
 Киево-Печерский, *м.р.* I – 97
 Киевская, *губ.* II – 32, 44, 75, 126, 252, 269
 Киевская Русь II – 54, 205
 Кизинермень (Берислав), *м.* II – 231, 240, 276, 277, 280, 286
 Кизинермень, *фортеця* II – 36, 108, 281, 282
 Кизимыс (Кизий-мыс, Девичий мыс), *фортеця* II – 134
 Киланское, *г.р.* I – 143
 Килань, *м.* I – 239
 Кильченя, *р.* I – 63, 67, 76, 112
 Кинбурн, *фортеця* I – 75, 164; II – 113, 115
 Кинбурнская, *коса* I – 100
 Кинбурнский, *рефугиум-метан* I – 63
 Кипська, *балка* I – 183, 184
 Кирилловка, *с.* I – 247
 Кирилловская, *фортеця* I – 141
 Кириковский, *о-в* II – 140
 Киселевы, *о-ви* II – 248
 Кислая, *балка* I – 39
 Кислицины, *балка* I – 52
 Кислицины, *сряда* I – 251
 Кислий, *мг.* I – 38
 Кислюковка, *с.* II – 135, 231
 Кичкас, *мг.* I – 134
 Кичкас, *місцянка каляна* I – 133, 135, 137, 138, 148, 183, 202, 211, 219, 220, 223; II – 229
 Кичкас (Кичкасская), *первіс* I – 134, 135, 184, 186; II – 250, 251
 Кичкасовка, *р.* I – 133
 Кичкасская, *балка* I – 183
 Кичкасская, *г.р.* II – 249
 Кладовая, *р.* II – 280
 Клейшовский, *о-в* II – 263
 Клеповая, *балка* I – 66
 Клейсовый, *о-в* II – 249
 Клеповатое, *озеро* I – 243
 Клебуковская, *балка* II – 249
 Клебуковский, *о-в* II – 249
 Клостендорф, *місцянка каляна* II – 280
 Ключиница, *балка* II – 247
 Клятина, *забор* II – 248
 Князев, *о-в* I – 167
 Кобеляки, *м.* I – 33, 43, 58, 61
 Кобяна, *балка* I – 32

Кобыля, *каляна* II – 248
 Кобыльчине, *вино* I – 243
 Кобылячья, *забор* I – 49
 Кобылячья, *лава* I – 171
 Кодак, *м.* I – 116
 Кодак, *поріг* I – 167
 Кодак (Кудак, Койлак, Кдак, Кайлак), *фортеця* I – 60, 87, 115, 116; II – 32, 188, 233
 Кодак, *г.р.* I – 116
 Кодакская, *паланка* I – 61, 233; II – 149, 188, 239
 Кодацкий, *поріг* I – 117, 122, 123, 168; II – 229
 Кодачек (Коцацкий), *о-в* I – 167; II – 229, 245
 Кодачек, *поріг* I – 167
 Коженни, *о-в* II – 103
 Козацкое, *с.* II – 283
 Козацкий, *о-в* I – 115, 167; II – 85, 111, 245, 283
 Козачья Лагерь, *с.* II – 113, 114, 231, 283
 Козацкое Речисце, *р.* II – 93 – 95, 280
 Козелец, *м.* I – 96; II – 256
 Козелецкий, *нов.* I – 96
 Козелецкий дівочий, *м.р.* I – 96
 Козлов, *о-в* I – 120, 171, 172
 Козловская, *фортеця* I – 106; II – 228
 Козловский, *каляна* I – 183
 Козырева, *балка* I – 57
 Кокляка, *забор* II – 247
 Колесники, *каляна* II – 248
 Колоброд, *о-в* II – 275
 Колоброд, *р.* II – 275
 Колодежная, *балка* I – 136
 Колодовка, *с.* I – 32
 Колодтеево, *с.* I – 29
 Колпаковка, *с.* I – 100, 163
 Компанійская, *схем* II – 141
 Компанійский, *о-в* II – 141
 Компанійский, *поріг* II – 140
 Конка (Конские Вола), *р.* I – 242, 243, 252, 253, 255, 256; II – 79, 81, 82, 86, 87, 101, 103, 104, 107, 108, 111 – 114, 125, 129 – 131, 133, 184, 230, 263, 274, 275, 280, 281, 283, 284
 Конотоп, *м.* I – 58
 Конские Вола (Конка), *р.* I – 187, 192, 252, 253; II – 184, 253, 280
 Конские Раздоры, *с.* I – 252; II – 184, 185, 232
 Конский, *о-в* I – 167; II – 86
 Константиновка, *м.* II – 136, 140, 231
 Константиновский-первый, *о-в* II – 140
 Константиновский-второй, *о-в* II – 140
 Константиноградский, *нов.* I – 103

Константинополь, *м.* I – 164, 196, 236; II – 42, 59, 130, 205, 257
 Консуловка (Разоровка), *ж.* II – 88, 91, 97, 103, 280
 Копта, *камень* II – 247
 Копилково, *озеро* I – 243
 Корабелька (Коробка, Коробочка), *р.* II – 133
 Корибель, *камень* II – 250
 Корабль, *океан* I – 125
 Корбе, *ж.* I – 49
 Корбовка, *с.* I – 102
 Корнейчиха, *балка* I – 203
 Корнетов, *о-в* I – 203
 Корничева, *балка* I – 204, 217
 Коробка, *р.* II – 133
 Корсания, *ветка* II – 164
 Королевка, *с.* I – 112; II – 228
 Коростева, *загора* I – 129; II – 248
 Коростий, *камень* II – 248
 Корсунский, *м-р* II – 111, 112, 231, 283
 Корсуль, *м.* I – 165
 Кортинский (Хортинца), *о-в* I – 185
 Косий, *л-р* II – 75
 Космак (Каир-Космак), *о-в* II – 281, 282
 Космак, *р.* II – 87
 Космаха, *о-в* II – 105
 Космаха, *р.* II – 108, 281
 Космаха, *фортеця* II – 281
 Косова, *загора* I – 52
 Костина, *балка* I – 204, 217
 Костоватая, *р.* II – 136, 139
 Костромская, *зуб.* II – 123
 Костырка, *козачья* II – 28
 Костырка, *о-в* II – 280
 Костырка, *р.* II – 280
 Косый, *л-р* I – 38
 Котельников, *о-в* I – 42
 Котовка, *м.* I – 104 – 107, 112, 176; II – 228
 Котово, *озеро* I – 243
 Котырлезская Сичь II – 161
 Коханий, *о-в* I – 187; II – 249, 253
 Кочережки, *с.* I – 97, 98
 Кочкаровка, *с.* II – 87, 103, 231
 Кочкаровский, *о-в* II – 280
 Кошария, *балка* II – 250
 Кошария, *р.* II – 127, 132, 133, 285
 Коцубальский, *брод* II – 141
 Краков, *м.* I – 195; II – 257

Крарийский, *перев.* I – 134, 186; II – 229, 250
 Красножизница, *с.* I – 142
 Крапц, *о-в* I – 42
 Краснокамень, *с.* I – 41
 Красный, *о-в* I – 255, 256
 Красный Буртун (Карагун), *с.* II – 283
 Красный Кут (Красный Кут, Покровское, Грушівка), *с.* I – 142, 236, 243, 244; II – 3, 77, 89, 230, 240, 277, 286
 Красногавловка, *с.* II – 215
 Крачок, *л-р* II – 142
 Кременешкий, *брод* II – 249
 Кременешкий, *нов.* I – 190; II – 254
 Кремичуг, *м.* I – 26 – 29, 33, 60; II – 75, 104, 160, 183
 Кременчук (Кременьчук), *с.* II – 136
 Кремповский, *брод* II – 141
 Кресты, *загора* I – 28
 Кривая, *загора* I – 169; II – 247, 248
 Кривец, *о-в* I – 42
 Кривец, *р.* II – 241
 Кривое колесо II – 86
 Кривое, *озеро* I – 243
 Кривой Рог, *м.* II – 144
 Кривошия, *балка* II – 248
 Кригер, *ж.* II – 191
 Крименды, *с.* II – 81
 Криничья (Безьята), *балка* II – 248
 Кришчиний, *л-р* I – 38
 Крынка, *р.* II – 81
 Крынка, *с.* II – 81
 Кротова, *загора* I – 37, 39
 Крутая, *балка* II – 249
 Крутанк, *л-р* I – 244
 Крутанк, *о-в* I – 252
 Крутой, *л-р* II – 142
 Крутой, *о-в* II – 230, 263
 Крутенка (Бобирева), *балка* I – 66
 Крутенский, *камень* II – 247
 Крутой Яр, *л-р* II – 262
 Крутовровка, *балка* I – 32
 Крутовский, *о-в* I – 247; II – 262
 Крутык, *камень* II – 248
 Крылова, *балка* II – 249
 Крым I – 28, 35, 36, 73, 87, 89, 98, 113, 141, 190, 191, 192, 194, 196, 201, 263; II – 34, 37, 53, 59, 61, 75, 81, 99, 106 – 109, 121, 191, 237, 243, 254, 255, 256, 271 – 273, 276
 Крымская Тятарка, *р.* II – 113
 Крымский, *п-т* I – 236

Крымский, *м. I* – 89
 Крыпычка, *ур. I* – 183
 Крыпычкая, *балка I* – 59
 Крюков, *м. I* – 26, 27, 46, 48, 57, 60
 Крючек, *о-в I* – 251
 Крячина, *забора II* – 248 – 250
 Крячинов, *о-в II* – 250
 Крячок, *камень II* – 250
 Крячок, *о-в I* – 183
 Кубань II – 213
 Кузюшый, *лс I* – 38
 Кузня, *печера II* – 141
 Кузьмич, *камень II* – 249
 Кулик, *камень II* – 246
 Кулюк, *о-ви I* – 169, 170
 Кулюковская, *лава I* – 170
 Кульмичевская, *забора I* – 57
 Кумин, *мосток I* – 190; II – 254
 Кураслова, *с. I* – 115
 Курская, *губ. I* – 92; II – 281
 Курцемаль, *городище I* – 243
 Курчина, *забора II* – 248
 Кусманский, *брод II* – 249
 Кут, *с. I* – 233, 234, 262; II – 149, 204
 Кутшгур-Сура, *р. II* – 84
 Кухарев, *о-в I* – 180, 181; II – 229, 249
 Кухонная, *вежа II* – 164
 Кутая, *балка I* – 201, 210, 221
 Куцеволонка (Воронюка), *с. I* – 33, 34, 37, 39; II – 228, 240
 Куцелька, *балка II* – 248
 Куцутовка, *с. I* – 33
 Кушый Еланец, *р. II* – 139
 Кучманский, *брод II* – 249
 Кучугум, *р. II* – 83
 Кучугурный, *о-в II* – 249
 Кушугум, *р. I* – 242; II – 230, 262
 Кушугумовка, *с. I* – 244; II – 230
 Кушовка, *р. II* – 87
 Кызыккерт, *м. I* – 35; II – 89
 Кызыккерт, *м. II* – 89, 104, 105, 107, 109
 Кючук-Кайнарджы, *м. II* – 121

Лагерная, *р. II* – 114

Лазюк, *р. II* – 131

Лаштукровский, *о-в I* – 132, 181

Латинка, *предмесья Николая II* – 34

Латинка, *с. II* – 48 – 50
 Латинка, *р. II* – 65, 69, 79
 Ластивина, *скала I* – 177
 Лазново, *озеро I* – 243
 Левковское, *озеро II* – 280
 Левшин (Маркусин), *о-в I* – 155, 181
 Легкого, *балка II* – 248
 Лемешов, *с. I* – 96
 Лесонтьевская, *с. II* – 275
 Лесонтьевский, *о-в II* – 275
 Лепетихины, *о-ви II* – 87
 Лесная, *балка II* – 249
 Лещина, *лс I* – 38
 Ливония I – 194
 Ливоватка, *р. II* – 279
 Лиман, *р. I* – 260, 263,
 Лиман, *с. I* – 105
 Липова, *балка I* – 204, 217; II – 248
 Липовая, *забора I* – 54
 Липовецкий, *пос. II* – 269
 Липовый, *лс I* – 38
 Липский, *о-в II* – 85
 Лиса, *гора II* – 214
 Лиса, *могила II* – 213, 214
 Лискинский, *о-в I* – 42; II – 241
 Лисковая, *балка II* – 248
 Литва II – 181, 238, 252, 253
 Литовка, *с. I* – 39; II – 240
 Литовлятов, *забора I* – 39
 Лишиний, *о-в II* – 249
 Лишиний, *пос. I* – 128 – 130, 133, 181
 Лишняя, *балка II* – 249, 250
 Лозоватое, *озеро I* – 218
 Лозоватый, *о-в II* – 249
 Лонго, *озеро II* – 141
 Лопатиха, *р. II* – 87
 Лопатовский, *пос. II* – 140
 Лопушна, *мосток I* – 190; II – 254
 Лоская, *забора II* – 247
 Лоханская, *балка I* – 170
 Лоханская Стрелица, *о-в I* – 170
 Лоханский, *о-в I* – 169
 Лоханский, *пос. I* – 122 – 124, 169, 170; II – 229
 Лощанская Клеменка, *с. I* – 65, 119, 167, 174
 Лоща, *камень II* – 248
 Лубенский Мгарский, *лс I* – 52

Луковатое, *озеро* I – 92
 Лупарева Бялка (Евфимовка), с. II – 135
 Лустенивка, с. II – 204
 Лутовка, с. II – 142
 Лыса Гора, *ур.* I – 260, 263; II – 105, 230, 281
 Лысая (Думная), *гора* I – 87
 Лысая (Красная), *гора* I – 245; II – 29, 30, 230
 Лысенковский, *пос.* II – 140
 Лысый, *лс* I – 38
 Лысый, *о-в* II – 275, 281
 Любимовка, с. I – 245, 247; II – 104, 144, 280
 Любимовская, *забор* I – 168
 Любимичи, с. II – 125
 Львоя, *коляска* II – 283
 Лявская, *фортеця* I – 106; II – 228

Мягдалиновка, с. I – 112; II – 228
 Мазиничное, *озеро* I – 92
 Мазовский, *отруба* I – 96
 Майора, *балка* I – 171
 Майстров, *о-в* I – 171
 Македонский, *брод* II – 141
 Македонцовский, *пос.* II – 140
 Маля Александровка, с. II – 144
 Маля Бицулина, *балка* I – 179
 Маля Вербовая, *балка* I – 205, 208
 Маля Вась, *р.* II – 142
 Маля Васька, с. II – 142
 Маля Знаменка (Каменка), с. II – 79, 81, 264, 274, 279
 Маля Катериновка, с. I – 244; II – 230
 Маля Каховка, с. II – 283
 Маля Лепетиха, с. II – 86
 Маля Россия I – 38, 73, 108, 186; II – 154, 194, 251, 252, 260, 263 – 265, 272, 277, 279
 Маля Самара, *р.* I – 86
 Маля Терновка, с. I – 98
 Маля Терса (Нижняя), *р.* II – 288
 Маля Хортица (Канперовка), *о-в* I – 187, 202, 203, 222; II – 229, 233, 253
 Малишевские, *о-ва* I – 181, 182; II – 228
 Малое Днеприще, *р.* I – 256
 Малороссия I – 66, 86, 92, 116, 117, 140, 141, 189, 250; II – 33, 65, 90, 136, 158, 159, 180, 185, 188 – 191, 252, 253, 260, 264, 265, 270
 Малые Гирля, *пристань* II – 86
 Малые Гирля, с. II – 149, 275
 Малый-Дубовый (Пурисов), *о-в* I – 155, 157, 181, 182; II – 229
 Малый Ингул, *р.* II – 120, 139, 140
 Малый Ингулец, *р.* II – 91, 139, 284

Малый Титарчук, *о-в* I – 169
 Малый Ташлык, *р.* II – 136, 139, 140
 Мальцево, с. II – 103, 231, 281
 Мамай-Сурка, *гора* II – 84
 Мамай-Сурка, *р.* II – 85
 Маминсурковка (Мамы-Сура, Мамай-Сура, Мамасовка), с. II – 77
 Маминсурское, *городище* II – 77, 79 – 81, 84
 Мандрыковка, с. I – 166
 Манойлов, *лс* II – 142
 Марьяновка, с. I – 34
 Мариенталь, *х.* I – 133
 Мариничи, *о-в* II – 262
 Мариуполь (Марнополь), *м.* II – 213, 214
 Маркусов, *о-в* I – 155
 Маркусовка, с. I – 133, 151, 154, 183
 Маркуши, *берег* II – 132
 Мартанов, *о-в* II – 241
 Мартанова, *скала* I – 205
 Мартановский, *брод* II – 141
 Марченко, *камень* II – 249
 Марьевка, с. II – 29
 Марьинское, с. II – 172
 Матвеевка, с. II – 114
 Матня, с. I – 259, 260
 Матронинский, *лс* II – 143
 Махня, *х.* I – 101
 Медведовка, с. I – 28
 Медвежье, *речище* I – 52
 Мекшигорский, *м-р* I – 116
 Мезиречье I – 98
 Мелитополь, *м.* II – 282
 Мелитопольский, *пос.* I – 243, 251; II – 79, 86, 115, 247, 264, 274, 279
 Меловая, *балка* II – 89, 98, 278, 286
 Меловая, *платня* II – 103
 Меловое (Милосе), с. II – 75, 87, 88, 103, 231, 278, 280, 286
 Мельники, с. I – 142
 Мерефа, с. I – 77, 269
 Мертвые Воды (Мертвовод), *р.* II – 117, 136, 139
 Мигин, с. II – 140, 141
 Мигицкий-первый, *пос.* II – 140
 Мигицкий-второй, *пос.* II – 140
 Микитина, *заплата* II – 31
 Микитин, *перев.* II – 31, 33
 Микитин Рог, *м.* I – 262; II – 31, 32, 35, 54, 66, 264, 268, 269
 Микитине (Нюпиль), *м.* II – 31 – 35, 48
 Микитино, *ур.* II – 55, 264

Микитинка, *предмесья Николая* II – 34
 Микитинская, *перетрава* II – 36
 Микитинская Сичь (Микитинская) II – 31 – 33, 35 – 37, 51, 264, 265
 Микитинский, *о-в* II – 79, 153
 Минсун, *с* I – 34
 Миус, *р.* II – 205
 Михайловка, *м.* II – 123, 275
 Михайловский, *лис* I – 38
 Мишурин Рог, *м.* I – 34 – 39, 42, 43
 Мишуринорогский, *ретрашимент* I – 34
 Мавны, *каминь* II – 248
 Мамнова, *лабора* II – 248
 Многопольный, *ж.* I – 251
 Мокрая Московка, *р.* I – 242
 Мокрая Сура, *р.* I – 169
 Мокрые Кляны, *лава* I – 171
 Мокрые Трояны, *каминь* II – 245
 Мокрый Омельник, *р.* I – 32
 Молодши I – 36, 196, 236, 239, 250; II – 100, 125, 257
 Молодяга, *балка* I – 205
 Монастырище, *уф.* I – 195; II – 257
 Монастырский, *о-в* I – 66, 67, 164 – 16; II – 229, 245
 Монастырько, *каминь* II – 233
 Монастырько, *лис* I – 173, 175, 195; II – 106, 246, 247
 Монастырько, *скеля* I – 171 – 176; II – 229
 Море-озеро I – 243
 Моржановка, *с.* I – 29
 Москалев, *о-в* II – 241
 Москалева, *могила* I – 163
 Москва, *м.* I – 27, 35 – 39, 46, 48, 49, 65, 73, 76, 80, 82, 86, 87, 92, 101, 106, 108, 159, 180, 185, 186, 188, 189, 192 – 195, 257; II – 26, 41, 43, 51, 57, 67, 77, 81, 88 – 91, 102, 109, 110, 115, 117, 141, 159, 162, 163, 167, 174, 188, 189, 241, 242, 251 – 257, 260, 264 – 266, 270 – 273, 278, 279, 288
 Московия I – 192; II – 237
 Московка, *р.* I – 141; II – 253
 Московский, *о-в* I – 167
 Муарига, *лабора* I – 168
 Музурман, *р.* II – 262
 Муравный, *каминь* I – 181
 Муравный, *о-в* I – 169
 Муравский, *жук* I – 89, 202; II – 185
 Мыс Доброй Надежды, *с.* I – 251
 Мышатные, *каминь* II – 247
 Мышная, *лава* I – 167
 Мышниковский, *о-в* II – 140

Наковальня, *с.* II – 187
 Наливач, *уф.* I – 245, 246; II – 262
 Насыпной, *о-в* I – 60, 249, 251
 Наумова, *балка* I – 202
 Наумовский, *о-в* II – 140
 Недоступов, *лабора* I – 57
 Нежин, *м.* II – 110
 Немецкий, *о-в* I – 169
 Ненжора, *р.* I – 251
 Ненасестский, *перг* I – 68, 120, 122 – 128, 138, 158, 171 – 176, 195; II – 106, 229, 233, 247
 Ненасестский, *ретрашимент* I – 62
 Неплюева, *самова* II – 55, 84
 Несчетный, *о-в* II – 249
 Нехворотанский Успенский, *м-р* I – 101, 107 – 110; II – 228
 Нечаев, *о-в* I – 256
 Нечевка, *с.* I – 263
 Нечаев(о), *с.* I – 256
 Нешпрёва, *с.* I – 139, 140, 226
 Нижне-Тарасовка, *с.* I – 249
 Нижние Капры (Большие Капры), *с.* II – 91, 103, 280
 Нижний, *каминь* II – 246
 Нижний, *о-в* II – 275
 Нижний Павский, *каминь* II – 246
 Нижний Тагил, *м.* I – 145
 Нижняя Голова, *лис, скеля* I – 204, 218
 Нижняя Липка, *лиман* I – 234
 Нижняя Орель, *р.* I – 105
 Нижняя Скотоватая, *балка* II – 249
 Нижняя Терса, *р.* II – 215, 288
 Нижняя Хортица, *палеумка колония* I – 198, 203, 245
 Нижняя Хортица, *р.* I – 202; II – 254
 Низ I – 97; II – 81, 182, 228, 293
 Никитин Рог, *м., див. Николай*
 Никитин Рог, *о-в* I – 258; II – 33
 Никитино, *с.* I – 63; II – 39, 81, 181, 230
 Никитинская, *фортиса* I – 141; II – 83
 Никитская Сечь (Сичь) I – 25; II – 230
 Николаев, *м.* II – 115, 122 – 124, 127, 128, 135, 136
 Николаевка, *с.* I – 172, 244, 259; II – 142, 230, 247
 Никольская, *вежа* II – 164
 Никольское (Понятонка, Никольское, Решнина), *с.* II – 114
 Никоновская, *лабора* II – 262
 Никоновский, *о-в* II – 262
 Никополь (Nikopolis-город победы, Микитин-рог)

Микитин перевоз, Микитина застава, Микитино), *м.* I – 50, 246, 262; II – 4, 29, 31 – 39, 41 – 48, 55, 60, 65, 66, 79, 84 – 86, 108, 181, 231, 234, 263, 264
 Новая-Липдау, *намеюка каменная* II – 140
 Новая Самара, *м.* II – 76, 89
 Новая Самарь (Самарчик), *р.* I – 86, 90
 Новая Сич (Нова Січ, Новая Сечь) I – 63; II – 57, 66, 83, 149, 150, 153, 155, 162, 170, 176, 204, 234, 235, 278
 Новая Слобода, *с.* II – 262
 Новая Сысина, *р.* II – 149
 Новобогородицкая, *фортеця* I – 67; II – 73 – 76
 Новобогородицкий, *м.* I – 73, 74; II – 242
 Новогригорьевка, *с.* I – 47, 48; II – 136
 Новогригорьевская, *путь* II – 100, 101
 Ново-Днепровская линия, *фортеця* I – 141
 Новониколаевка, *с.* II – 215, 288
 Новониргород, *м.* II – 142, 143, 231
 Новомихайловка, *с.* II – 55
 Новомосковск, *м.* I – 71, 75, 76, 80, 81, 83, 98; II – 123
 Новомосковский, *нов.* I – 67, 88, 96, 98, 100, 104, 106, 107, 162, 171, 176, 250; II – 184, 187
 Новомосковский, *собор* I – 81, 82, 86; II – 228, 233
 Новопавловка, *с.* I – 260, 263; II – 28 – 30, 280
 Новопавловский, *лиман* I – 256; II – 230
 Новопетровка, *с.* I – 106
 Новопетропавловка, *ж.* I – 144
 Новороссийская, *уб.* I – 47, 66, 182, 246, 247; II – 34, 158, 163
 Новороссийский, *нов.* I – 247
 Новороссийский, *кряш* I – 25, 107, 108, 135, 140, 173, 220; II – 122
 Новороссия I – 43, 64, 86, 172; II – 133
 Новоселня (Самара, Самарчик, Самарчук), *м., с.* I – 75, 80, 82
 Новоселка, *с.* I – 98
 Новоселовка, *с.* I – 76, 83; II – 284
 Новосербия I – 36; II – 240
 Новосеченский, *репарационный* II – 152, 153, 286, 288
 Ново-Степсовка, *станция* I – 144
 Новые Володаги, *с.* II – 77
 Новый Кодак, *м.* I – 58, 60 – 64, 67, 94, 172
 Новый Кодак, *с.* I – 50, 59, 60, 65; II – 228
 Носоконка, *о-в* II – 87, 231, 275
 Носовка, *р.* II – 87
 Носулина, *забора* I – 168
 Носулина, *о-ва* I – 169

Обоянь, *м.* II – 281

Обрезной (Шелковый, Спорный), *о-в* I – 249, 252

Овлинков Брик, *р.* II – 130

Овидиополь, *м.* I – 201

Огренъ, *с.* I – 75, 115, 166

Олесса, *м.* I – 32, 35, 61, 75, 86, 90, 134 – 136, 141, 162, 172, 173, 178, 180, 181, 185 – 189, 200 – 203, 238, 243, 245, 246, 257, 261; II – 29, 32, 35, 37, 39, 44, 45, 47, 51, 53, 57, 58, 66, 80, 81, 83, 85, 89, 90, 97, 101, 104, 107, 109, 112, 113, 117 – 120, 123, 124, 127, 129 – 131, 135, 136, 148 – 153, 161, 191, 204, 251 – 254, 259 – 261, 266 – 268, 274, 276 – 279, 281

Одесский, *нов.* II – 239

Одниківка, *с.* I – 67

Одницова, *дзвз* I – 171

Однотаворского, *с.* II – 214

Одзидны, *масток* I – 190; II – 254

Олешки (Алесса, Олешши), *м.* II – 89, 118, 129, 131, 148, 277, 285

Олешки, *ур.* II – 279

Ольвинополь (Орлик), *м.* II – 141

Ольховый Днепр, *р.* II – 133, 285

Ольшанка, *с.* II – 142

Омельник, *р.* I – 33; II – 240

Омельник Ворсклянский (Сухой Омельник), *р.* II – 240

Омельник Песелский (Мокрый Омельник), *р.* I – 32

Омельницкая, *балка* I – 30

Омельничкоє (Лиховка), *с.* I – 39

Омерика (Америка) II – 200

Омелово, *с.* I – 63; II – 89

Омелово, *ур.* II – 277, 278, 286

Орель, *р.* I – 100, 103, 105 – 107, 165; II – 188, 228

Орелька, *р.* I – 105

Орельская, *на-вѣтка* II – 239

Ореховое, *озеро* I – 243

Орлов, *о-в* I – 179; II – 31

Орлова, *балка* I – 31, 179; II – 249

Орлова (Пидпальня), *р.* II – 31, 35, 264

Орловская, *уб.* I – 92

Орловская, *фортеця* I – 106; II – 228

Орлик (Борозлеви), *с.* I – 43, 44

Ортинский, *о-в* I – 185; II – 256

Орчик, *с.* I – 99

Осестровская, *забора* II – 274

Осестровский, *о-в* II – 79

Осипова, *балка* II – 248

Осички, *с.* II – 142

Ослах (Алах, Ислам-Кермен, Аслам-Кермен), *фортеця* II – 106, 281, 282

Осокоревый (Осокорный), *о-в* I – 181; II – 248

Осокоревая, *балка* I – 183

Осокоревка, *р.* I – 177

Осокоревка, *с.* II – 280

Осокоритное, *озеро* I – 218
 Остер, *м.* I – 96
 Остер, *р.* I – 96
 Острай, *могила* II – 195
 Остренькая, *лава* I – 167, 171
 Остренький Верхний, *камень* II – 246
 Остренький Нижний, *камень* II – 246
 Остров-Хиртицкая, *памятник колонии* I – 213
 Отмесь, *с.* II – 86, 275
 Отметский, *о-в* II – 86, 275
 Отчешковская, *балка* II – 29
 Очаков, *м.* I – 89, 187, 191, 200; II – 36, 45, 80, 119, 122, 136, 255, 260
 Очереватое, *с.* I – 112; II – 228

Павловка, *с.* I – 47
 Павлоградский, *пос.* I – 88, 97, 98, 106, 171, 177, 247, 250; II – 215
 Павло-Кичкас, *с.* I – 133, 151, 183; II – 229
 Павлышская, *с.* I – 32
 Пявалок, *р.* II – 65, 67 – 69, 85, 153
 Паланская, *балка* II – 139
 Палестина I – 86, 91
 Палиенковский, *пос.* II – 140
 Палинская, *забора* I – 254
 Паливиштина, *ур.* I – 243, 252 – 254
 Палий, *камень* I – 254
 Панково, *с.* I – 98
 Пантинетова, *могила* I – 37
 Пашков, *о-в* II – 241
 Параскевы св., *фортца* I – 106; II – 228
 Парюк, *м.* II – 89
 Пархоменков, *брод* II – 141
 Патериллов, *лс* I – 38
 Патрин, *брод* II – 141
 Пекло, *частини Неволитетского порога* I – 125, 127 – 129, 171, 173, 175; II – 229, 247
 Пеньковская, *забора* II – 262
 Перевал, *балка* I – 167
 Перевизка, *с.* II – 126, 181
 Перевизка, *ур.* II – 121, 122, 127
 Перевизская, *паланка* II – 121, 239
 Перевизские, *х.* I – 233; II – 230
 Переволока, *перевоз* I – 43
 Переволочна, *фортца* I – 35, 42; II – 109, 110
 Переволочна, *м.* I – 35, 61; II – 153, 241, 252, 253
 Перейма, *камень* II – 248, 250
 Перейма, *лава* I – 133, 181
 Перекон (Перекон), *м.* I – 61, 194; II – 75, 213, 256

Перся, *обл. у Палестин.* I – 86
 Пермская, *зб.* I – 145
 Перен (Перун), *о-в* I – 179
 Перепелишин, *м-р* II – 127
 Перун, *о-в* I – 179, 180; II – 229, 233, 249
 Пески, *с.* I – 98, 106
 Песковатая, *забора* II – 247
 Песковатое, *озеро* I – 243
 Песковатый, *о-в* I – 169, 171, 176, 177; II – 229, 247, 248
 Песчаная, *лс* I – 206
 Песчаная Самара, *фортца* II – 75
 Песчанка, *с.* I – 101
 Песчаные, *о-ви* II – 275
 Песчаный, *о-в* I – 43, 46; II – 275
 Петербург (С-Петербург, Петенбург), *м.*; див. Санкт-Петербург
 Петергоф, *м.* II – 194
 Петерса, *балка* II – 249
 Петренкова, *забора* II – 248
 Петриновки, *с.* I – 50
 Петровская, *фортца* I – 141
 Петровское, *с.* I – 129, 157, 176, 177, 179; II – 229, 247
 Петро-остров, *с.* II – 142
 Пивнева, *забора* I – 39
 Пидмежевий, *о-в* I – 57
 Пидпильны (Пидпильны, Орлова), *р.* I – 141, 152 – 155, 160, 170, 176, 233 – 235, 239; II – 35, 36, 63 – 65, 67, 69, 70, 86, 134, 149, 150, 264, 277, 286, 287
 Пидпильненская (Новая) Сечь (Сич, Сича) I – 25, 66; II – 41, 67, 231
 Писаревка, *с.* II – 183
 Писаревский (Бургузский), *о-в* II – 111, 283
 Письяч, *о-в* I – 181
 Пихотинца, *балка* I – 167
 Пихотинского, *с.* II – 249
 Плавный, *о-в* II – 29
 Плестный Тяшлык, *р.* II – 142
 Плестный Тяшлык, *с.* II – 142
 Плахтенка (Успенское), *с.* I – 29, 30, 32; II – 228, 240
 Плоская, *забора* II – 247
 Плоская, *лава* I – 167, 170, 171, 177, 181
 Плоский, *камень* I – 171, 176; II – 248, 250
 Плоское, *озеро* I – 243
 Плохой, *о-в* II – 86
 Побережия, *балка* I – 183
 Поговорка, *с.* II – 144
 Погорельный, *о-в* I – 57; II – 133
 Пограничный, *о-в* II – 86
 Подгайцы, *ластик* I – 190; II – 254

Подкружное, *озеро* I – 218
 Подовжия, *забора* II – 247
 Подовская, *забора* I – 255
 Подовские, *о-в* I – 255
 Подорожженский, *о-в* II – 140
 Подорожженский первый, *порог* II – 140
 Подорожженский второй, *порог* II – 140
 Покровск, *м.* II – 47, 48, 180, 181
 Покровское, *с.* I – 63, 144, 235, 240; II – 13, 38, 47, 55, 58, 61, 77, 90, 146, 170, 172, 173, 176, 180, 181, 195, 197, 202, 212, 231, 232, 252, 277, 286
 Полешка, *ж.* II – 191
 Полыняновка, *с.* I – 112; II – 228
 Половица, *р.* I – 66
 Половица, *с.* I – 58, 63 – 67, 166; II – 228, 252
 Полтава, *м.* I – 43, 56, 61, 62, 75; II – 211, 276
 Полтавка, *о-в* II – 248
 Полтавская, *уб.* I – 26, 27, 39, 41, 99, 102, 103, 105, 142, 247; II – 4, 125, 167, 252
 Полтавский, *двор* II – 96
 Полтавский Крестовоздвиженский, *м.р.* I – 62, 94
 Полторацкого, *ж.* I – 174
 Полуединый, *о-в* II – 280
 Польский, *камень* II – 248
 Польша (Польция) I – 36, 66, 70, 89, 202, 190, 196, 236, 250, 258; II – 10, 25, 44, 109, 111, 121, 125, 126, 130, 134, 136, 137, 170, 181, 208 – 210, 238, 259
 Помыишца, *дана* I – 177
 Пономарева, *балка* I – 177
 Понятков (Банове), *с.* II – 114, 284
 Понятковский, *о-в* II – 114
 Попиланушка, *р.* I – 1-5
 Попова, *скала* I – 183, 184
 Попово, *озеро* I – 243
 Попичин, *о-в* II – 280
 Поровай (Спорный), *о-в* I – 58
 Порт-Мишель, *с.* II – 262
 Порга (Туреччина) I – 142; II – 158
 Потемкин, *курбан* I – 217, 218; II – 229
 Потемкин, *о-в* I – 164; II – 132, 133
 Потемкин, *сад* I – 164
 Поток, *м.* I – 27
 Поцилая, *дана* I – 133, 181
 Похляй, *камень* II – 250
 Похляй, *о-в* II – 250
 Почеплавский, *о-в* I – 39
 Приволжский, *край* II – 238
 Пристень, *забора* I – 49
 Пристень, *скала* I – 206

Прогной, *с.* II – 285
 Прокониская, *паланка* II – 239
 Прогой, *озеро* I – 218
 Прогой (Протий), *р.* I – 29; II – 29, 52, 65, 69, 133, 266
 Прозоровский, *о-в* I – 166
 Пропасная, *балка* II – 100, 104, 280
 Пропасный, *м.* II – 104, 280
 Прорык, *протока* I – 136
 Прорина, *балка* I – 204
 Проризной (Чернышовский), *о-в* II – 263
 Просерд, *коза* I – 256
 Просерд, *о-в* I – 54, 204, 247; II – 86, 262, 275
 Просердовская, *забора* II – 262
 Протичанская, *скала* II – 140
 Протовчанская, *паланка* II – 239
 Протолача, *р.* I – 192
 Пруссия I – 105
 Пруссия, *о-в* I – 181
 Прут, *м.* I – 74
 Придлеленная, *вежа* II – 164
 Псков, *м.* I – 105
 Птичий, *о-в* II – 203
 Пугач, *камень* I – 177
 Пугач, *лиг* II – 143
 Пугач (Пугачева), *скала* II – 92, 93, 97, 137 – 139
 Пугачева, *пещера* I – 177
 Пугачи, *скала* I – 183
 Пукалий, *о-в* II – 240
 Пуцлякова, *забора* II – 245
 Пурысов (Дубовый), *о-в* I – 153, 155, 181, 182; II – 229
 Пурысова, *забора* II – 246
 Пустовойтовка, *с.* II – 167
 Пуштинский (Пушинный), *о-в* I – 247, 248
 Пушкаровка, *с.* I – 46
 Пшеничный, *о.* II – 86
 Пшенинский, *порог* II – 140
 Радомский, *пос.* II – 125
 Радута, *забора* I – 29
 Радутка, *скала* I – 183
 Разбойники, *камень* I – 134, 183
 Разбойники, *скала* II – 248
 Разоровка, *ж.* II – 91
 Разумовская, *забора* I – 245
 Разумовский, *о-в* II – 262
 Разумовское, *с.* I – 245, 247

Ракон Уступ, *ур.* II – 85
 Раков, *о-в* I – 171
 Раковец, *камінь* II – 246
 Раковы, *о-ви* II – 246
 Раскопанка, *р.* II – 284
 Рахманов, *о-в* II – 275
 Рваная, *забора* I – 57
 Рваная, *лава* I – 171
 Рваный, *камінь* II – 246, 248
 Ревач, *сирло* II – 134
 Ревун, *камінь* II – 249
 Ревун, *р.* I – 256, 259, 260, 263; II – 275
 Ревунец, *р.* I – 263
 Ревунча, *р.* I – 259, 263
 Ревуча, *забора* I – 28
 Редина, *балка* II – 248
 Речницкая, *забора* I – 54
 Речные (Старый Днепр), *р.* I – 198, 199, 210, 214, 215, 255, 256, 258 – 263; II – 29, 280
 Ржаной, *о-в* II – 250
 Рыбачий, *о-в* I – 247
 Рим, *м.* I – 68
 Роблеца, *могила* I – 59
 Рогатая, *лава* I – 171
 Рогатинская Плавня, *о-в* II – 86
 Рогожина, *лава* I – 171
 Рогоза, *скел.* I – 201
 Рогозин, *камінь* II – 247
 Рогунца, *с.* II – 104, 280
 Розенталь, *німецька колонія* I – 198, 203, 214
 Розенталь, *німецька колонія* I – 203, 285
 Розиласовский, *торі* II – 140
 Романков, *куртан* II – 52
 Романков, *о-в* I – 52
 Романково, *с.* I – 49 – 53, 62; II – 228
 Романов, *куртан* I – 49, 50; II – 267
 Ромны, *м.* I – 102; II – 167
 Россия I – 28 – 30, 34, 35, 62, 73, 86, 91, 102, 112, 141 – 143, 162, 173, 185, 189 – 191, 236; II – 51, 54, 80, 81, 89, 91, 102, 115, 121, 125, 126, 130, 131, 139, 147, 148, 150, 152, 156, 157, 161, 170, 171, 192, 193, 205, 215, 231, 237, 241, 251, 253, 259, 260, 268, 276, 277
 Россоховатая, *балка* I – 160, 161; II – 228
 Россоховатое, *озеро* I – 243
 Россоховатый, *ліс* I – 38
 Ростебин, *о-в* I – 148, 204, 205
 Ростюковка, *с.* I – 58
 Росчистка, *о-в* II – 248

Рось, *р.* II – 75
 Русь I – 66, 134, 180, 192; II – 166, 190, 205, 237, 289
 Рыбальский, *о-в* II – 241, 249
 Рыбачий, *о-в* II – 248, 263
 Рябинин, *о-в* I – 164
 Рябкова, *забора* II – 263
 Рябкого, *балка* II – 248
 Рябок, *р.* I – 251, 252
 Рясная, *лава* I – 133, 181
 Рясвенська, *забора* II – 248
 Рясовой, *ліс* I – 38
 Рижская, *фуртиця* I – 106; II – 228
 Рижское, *с.* I – 105
 Рясная могила, *куртан* I – 162, 163

 Савран, *камінь* II – 248
 Савромара, *м.* I – 87
 Сагайдак, *підліс* I – 202
 Сагайдачного, *ур.* I – 135, 136, 184, 202, 211
 Саловая, *с.* II – 126
 Сажавка, *балка* I – 167, 174
 Сазонова, *лава* I – 177
 Сазоновы, *камінь* II – 248
 Сакмар I – 86
 Саксагань, *р.* II – 139, 144, 231
 Саксаганський, *пос.* I – 66
 Самара, *м.* I – 73 – 76, 79, 80, 89; II – 228
 Самара, *м. на Єфраті* I – 87
 Самара, *м. на Волзі* I – 87
 Самара (Самарь), *р.* I – 63, 67, 72 – 76, 82, 86 – 89, 92, 97, 102, 165, 167; II – 90, 118, 123, 188, 205, 228, 276, 279
 Самара, *скел. на горі Афон* I – 87
 Самария, *обл. у Палестині* I – 86
 Самарская, *палатка* I – 89; II – 184, 188, 202, 228, 239
 Самарские Пруды, *с.* I – 86
 Самарский Пустынно-Николаевский, *м.р.* I – 62, 75, 76, 79, 86, 89 – 96, 98 – 102, 108, 166, 244; II – 52, 228, 233, 267
 Самарский, *о-в* I – 86, 167; II – 229
 Самарчик (Новоселница), *м.* I – 75
 Самарчик (Новая Самарь), *р.* I – 86
 Самарчук (Новоселница), *м.* I – 75
 Самарчук, *р.* I – 86, 87
 Самарь, *м.* I – 72
 Самарь, *р.* I – 86; II – 212, 242
 Самойлова, *забора* II – 249
 Самогати (Самогати), *р.* I – 46 – 48; II – 188, 241

Самые, *городище* I – 243
 Сандаалка, *р.* I – 234, 235; II – 149
 Санкт-Петербург, *м.* I – 31 – 33, 36, 43, 44, 46, 47, 50, 52, 57, 74, 87, 96, 97, 107 – 110, 115, 116, 134, 135, 138, 165, 167, 178, 181, 185 – 188, 190, 217, 220, 233, 250, 253, 257, 258; II – 25, 26, 33, 51 – 53, 55, 66, 71, 77, 81, 84, 87, 89, 91, 92, 100, 103, 106, 107, 111, 118, 119, 121, 129, 133, 134, 152, 154, 188, 197, 236, 237, 240 – 242, 250 – 253, 255, 260, 265, 266, 268, 269, 273 – 280, 282, 284, 286
 Салджаровский, *о-в* II – 103, 280
 Саратов, *м.* II – 101
 Сатуново II – 193
 Сафроново, *подир'я* II – 101
 Свиция, *забора* II – 248
 Свищича голова, *ріг о-ва* I – 200, 204; II – 229
 Свистуново, *с.* I – 157, 159, 161, 177
 Святс, *ур.* II – 81
 Свячиста, *забора* I – 39
 Северная Двина, *р.* II – 163
 Северный Донец, *р.* II – 189
 Северные Капри, *с.* II – 87
 Селенево, *м.* II – 252, 253
 Сейм, *р.* II – 289
 Селесень, *о-в* II – 250
 Селесень, *камень* II – 246
 Семеновка, *с.* I – 252; II – 140
 Семенов Рог II – 134, 135, 231
 Семеновский, *о-в* II – 140
 Сербия II – 142
 Сервин, *р.* I – 256
 Сергиев городок, *фортиця* I – 102
 Серебряная Коса, *забора* I – 166, 167
 Серебряное, *вєро* II – 280
 Серезинка, *р.* II – 133
 Серезиня, *балка* I – 167; II – 245
 Серезиня, *забора* I – 183
 Серезиня, *скеля* I – 136, 137, 184, 202, 211; II – 229, 244
 Серезинк, *камень* I – 167
 Сереловый, *о-в* II – 274
 Серенькая, *лава* I – 133, 181
 Серетовка (Скототка) II – 240
 Серимонали (Белозерка), *м.* II – 84
 Сечь, *м.* II – 51
 Сибирь I – 86, 87, 252; II – 77, 161, 271
 Сидлач, *камень* II – 246
 Сидловский, *о-в* II – 241
 Сиканов, *о-в* I – 251
 Сигеалыткова, *забора* I – 168

Синоп, *м.* II – 36
 Синоха, *р.* II – 134, 141, 142, 231
 Синохин Брод, *с.* II – 141, 142
 Сиретский, *камень* II – 250
 Сиритка, *ур.* I – 255; II – 230, 263, 272
 Сироштанка, *княз* II – 84
 Сичова Гора, *ур.* I – 59
 Сичь (Сича, *Сич*) I – 25, 26, 42, 46 – 48, 50, 58, 61, 66, 85, 92, 97, 98, 100, 101, 105, 114, 116, 119, 135, 142, 143, 166, 188, 192, 201, 224, 229, 234, 239, 240, 242, 243, 246, 250, 251, 258; II – 3, 6, 7, 10, 12 – 15, 17, 23, 25, 27, 28, 34, 35, 38, 43, 46, 47, 53 – 57, 59, 61, 63, 65 – 75, 77, 78, 83, 88 – 91, 94 – 96, 98, 99, 106, 121, 130 – 132, 136, 137, 139, 143, 147 – 154, 156, 158 – 162, 164, 165, 168, 176, 178 – 184, 194, 207, 208, 210, 212, 217, 229 – 231, 239, 243, 252 – 254, 259 – 262, 264 – 267, 277 – 279, 285 – 287, 289
 Скаженя, *р.* II – 65
 Скалистый, *о-в* I – 155, 167, 170
 Скалсуб, *о-в* II – 86, 275
 Скарбия (Скарбия), *р.* I – 233; II – 52, 65, 66, 69, 86, 149, 178, 266
 Скворцов, *о-в* II – 250
 Слуб, *о-в* II – 248
 Скельки, *с.* I – 242
 Склянина, *забора* II – 249
 Скотинская, *скеля* I – 205
 Скотоватая, *балка* II – 247
 Скотоватый, *ліс* I – 38
 Скотовка, *с.* I – 32
 Скубова, *балка* I – 177; II – 248
 Скубова, *забора* II – 247
 Скубова, *скеля* I – 177
 Славгород, *с.* I – 144; II – 215
 Славянск, *м.* I – 63
 Славянская, *пропация* I – 66
 Слободка, *с.* I – 140, 204, 217, 226
 Слободская, *уб.* I – 140
 Слободская Россоха, *балка* I – 161
 Слободская Украина II – 215
 Слободские Россошки, *балка* II – 248
 Служба, *камень* II – 246, 248
 Служба, *лава* I – 171
 Слюсарев, *о-в* I – 53
 Сметановка, *с.* I – 32
 Сметановская, *балка* I – 32
 Смирный, *о-в* II – 250
 Смолапа (Швеців), *пропация* II – 125, 126
 Смоленск, *м.* I – 119
 Смоленская, *обл.* II – 237
 Смольца (Августинівка), *с.* I – 178; II – 248

Смолар, *виш* I – 171
 Сновъ, *д* II – 252
 Соб(а), *р*. II – 269
 Сова, *села* II – 137
 Совута, *мне* I – 206
 Совутина, *балка* I – 205
 Совутина, *села* I – 206, 221
 Соловьевская, *с.п* II – 30
 Соловьевский, *о-в* II – 262
 Соловья (Чертомашевская), *балка* II – 65
 Соловьевский, *м.р* II – 162, 163, 166 – 168, 231
 Соловьевский, *о-в* I – 94; II – 162, 165
 Соловья, *р*. I – 144, 241, 247; II – 139
 Соловья Пристань, *с*. II – 285
 Соловьино, *виш* I – 259
 Соловья, *о-в* II – 246
 Соловьи (Гайдамацкий), *с*. II – 195
 Соловьи, *с*. II – 197, 214
 Сомов, *о-в* II – 284
 Сомова (Любимовка), *с*. II – 231, 280, 281
 Сомовка, *лабара* I – 57
 Сомонки, *лапка* I – 57
 Сорок Байраков, *ур*. I – 73
 Сорокки, *м*. I – 58
 Соронт, *м*; *днв*. Белозерка
 Софиевка (Софийка), *с*. II – 75, 103, 134
 Софрониева, *пустынь* II – 100
 Спасо-Николаевский, *м.р* II – 123
 Спасское, *с*. I – 112, 113, 115; II – 228
 Спорный (Шелковий, Обреший), *о-в* I – 46, 58, 252; II – 240, 249
 Спорный, *мне* II – 142
 Средний, *о-в* I – 39
 Средняя, *села* I – 138
 Средняя Лапка, *лапка* I – 234
 Средняя Терса (Степная Терса), *р*. II – 215, 288
 Стамбул, *м*. II – 272
 Станислав, *м*. II – 134
 Становой, *о-в* I – 75, 166; II – 229
 Стань-Кермет, *фортеця* II – 104
 Старая, *перетрава* II – 104, 280
 Старая Самара, *м*. I – 75, 89
 Старая Самарь, *р*. I – 86, 89
 Старая Сысина, *р*. II – 149
 Старливецкая, *калоша* II – 280
 Старливецкий, *о-в* II – 280
 Старо-Коданский, *капал* I – 168

Старо-Речинше, *р*. II – 29
 Старов, *о-в* I – 46
 Старосамарский, *рефраншмент* I – 74
 Старосейменский Сичь II – 161
 Старая Самара, *фортеця* I – 75
 Старик, *о-в* II – 262
 Старик, *протка* I – 251
 Старуха, *протка* I – 167
 Старые Водолаги, *с*. I – 77
 Старый Днепр, *р*. I – 138, 198, 214, 215, 221; II – 133, 285
 Старый Дил, *порі* I – 172
 Старый Колык, *с*. I – 62, 63, 65, 71, 115 – 117, 119, 169; II – 228
 Старый Кронштейн, *каменюк камені* I – 183
 Стеблів, *м*. II – 74
 Стеблевский, *лапка* II – 132
 Степановский, *брод* II – 141
 Степовка, *с*. I – 29
 Степная Терса, *р*. II – 288
 Столпы (Столпы), *села, камені* I – 137 – 139, 184, 211, 223; II – 229
 Стоги, *села* I – 137, 184, 211; II – 229
 Сторжков, *о-в* II – 249
 Стральзут, *м*. II – 125
 Стрелец, *о-в* II – 250
 Стрелица, *о-в* I – 184; II – 249
 Стрельчатый, *о-в* I – 170
 Стрильцева, *могила* II – 195, 198
 Стрельчый, *балка* I – 171
 Стрельчый, *лабара* I – 170
 Стрешний первый, *порі* II – 140
 Стрешний второй, *порі* II – 140
 Струков, *о-в* I – 249; II – 263
 Стулка, *камені* I – 183
 Султан (Спорный), *о-в* II – 84, 85
 Сумская сторона II – 52
 Сумской, *аслах* I – 89
 Сура, *р*. II – 84
 Сура, *с*. II – 84
 Сура, *р*. II – 80
 Сурской, *порі* I – 123, 169; II – 229
 Сурской, *о-в* I – 169
 Суслик, *с*. I – 41
 Суслыска, *с*. I – 41
 Сухачевка, *с*. I – 58; II – 228
 Сухая Котка, *р*. I – 252; II – 185
 Сухая Осокоровка, *р*. II – 247
 Сухая Сура, *с*. I – 51

Сухая Хортица, *р.* I – 202; II – 254
 Сухепька, *балка* I – 120; II – 248, 250
 Сухие Клады, *каменья* II – 247
 Сухие Трояны, *каменья* II – 246
 Сухой Байрак, *балка* I – 66
 Сухой Еланец, *р.* II – 139
 Сухой Омельник, *р.* I – 39, 41; II – 240, 241
 Сухой Ташлак, *р.* II – 142
 Сухойван, *село* I – 184
 Сучава, *м., фортца* I – 196; II – 257
 Сучавский, *малай* I – 196; II – 257

Табунцов, *о-в* II – 263
 Таван(ь), *о-в* I – 253, 257; II – 105, 107, 108, 282
 Тавань, *м., фортца* II – 106, 107, 231, 282
 Тавань, *р.* II – 87
 Таванская, *переправа* I – 194; II – 106, 108, 256
 Таванский, *редут* II – 107, 282
 Таволжанка, *балка* I – 179
 Таволжанская, *лобара* I – 178
 Таволжанский (Таволжанка), *о-в* I – 178 – 180; II – 229, 249
 Таволжанский, *пори* I – 178
 Таврическая, *суб.* I – 243, 251; II – 75, 79, 86, 105, 113 – 115, 128, 129, 247, 264, 274, 279, 281
 Тарак, *камень* II – 249
 Тарак, *ж.* I – 155, 181
 Тарас, *р.* I – 249; II – 29
 Тарасов, *камень* II – 248
 Тарасовка, *с.* I – 249, 250
 Тарасовская, *лобара* I – 249
 Тарасовский, *о-в* I – 250; II – 263
 Тарасовское, *ур.* I – 249, 250
 Тарентский Рог, *гора* I – 57
 Таромское, *с.* I – 55, 57, 58; II – 228
 Таромское, *ур.* I – 57
 Татария I – 133
 Татарка, *балка* I – 169
 Татарка, *р.* II – 275
 Татар-Терулу, *с.* II – 81
 Тахтанский, *о-в* I – 39
 Тверь, *м.* I – 108
 Теляче-Тырло, *ур.* I – 183
 Темрюк, *р.* I – 252
 Теплицкий, *пори* II – 140
 Терноватка, *с.* II – 284
 Технический, *пори* I – 171

Тивальзон, *о-в* I – 178, 180
 Тимчихин (Бабычса), *о-в* I – 254
 Тираспольский, *нов.* II – 239
 Тисменица, *р.* II – 253
 Тишковка, *с.* II – 142
 Ткачев, *о-в* I – 171
 Тмутаракань II – 205
 Тобольский, *м-р* II – 162
 Токмачи, *р.* I – 252
 Томаковск, *р.* I – 256, 257, 259, 263
 Томаковск, *с.* I – 25, 251, 252, 259
 Томаковка (Бушон, Горолмше), *о-в* I – 251, 256 – 258, 260, 262, 263; II – 29, 30, 33, 230, 264
 Томаковская Сичь (Сечь) I – 256, 257, 262; II – 33, 230, 233, 235, 263, 264
 Точковой, *о-в* II – 284
 Точковой, *мис* II – 284
 Трансильвания I – 236
 Трапезонт, *м.* II – 36
 Тритузное, *с.* I – 54; II – 228
 Тронское, *с.* I – 27, 29, 30; II – 228
 Тронское, *ур.* I – 33
 Тройницкая, *лобара* I – 33; II – 240
 Тройницкая, *с.* I – 33
 Тройницкий, *х.* I – 33
 Трутова, *балка* II – 248
 Туруханск, *м.* II – 161
 Турция I – 30, 35, 89, 91, 141, 143, 190, 191, 236, 238; II – 35, 61, 78, 121, 149, 239
 Тыцкая, *с.* II – 284
 Тыцкая, *х.* II – 284
 Тыри, *камень* II – 248
 Тырица, *лобара* I – 177
 Тысмен, *р.* I – 257
 Тягивка, *балка* II – 112
 Тягивка, *о-в* II – 112, 126
 Тягивка, *р.* II – 112, 113
 Тягивка (Антоновка, Широка), *с.* II – 111 – 113, 126, 231, 283
 Тягивская, *балка* I – 171
 Тягивская, *лобара* I – 171

Угол (Орель), *р.* I – 105, 165
 Украина (Украйна) I – 46, 47, 49, 50, 52, 57, 87, 92, 107, 115, 134, 135, 140, 142, 165, 167, 180, 181, 185, 187 – 189, 197, 230, 253, 256 – 258; II – 32, 33, 51, 59, 87, 90, 94, 105, 107, 109, 111, 121, 134, 182, 183, 188, 189, 197, 202, 215 – 217, 232, 239, 241, 243, 259, 260, 266, 271, 280, 282, 289
 Украинская линия, *фортца* II – 75
 Уманский, *нов.* II – 126

Успенская (Оружейная), *вежа* II – 164
 Успенское (Плехтинское), *с.* I – 29
 Уступ, *забора* I – 33; II – 240
 Усть-Лунайская Сичь II – 161
 Усть-Каменка, *с.* II – 276
 Усть-Самарская, *фортеця* II – 75
 Ушкалка, *с.* II – 86, 275

Фалесевка-Саловая, Фалесевка, *с.* II – 114 – 121, 125, 127, 284
 Фалесевский, *канал* I – 173, 175
 Федоришин, *о-в* I – 184
 Федоришина, *балка* I – 184
 Федорова, *озеро* II – 86
 Федоровка, *с.* II – 126
 Федоровка (Языковая), *с.* I – 178; II – 248
 Феодора св., *фортеця* I – 106; II – 228
 Фермопильское, *ущелина* II – 87
 Фессы, *р.* I – 257
 Филалпенкова, *балка* II – 247
 Фирсовка, *с.* II – 86
 Флащевая, *вежа* II – 164
 Фурсин, *о-в* II – 241

Хаблов, *с.* II – 134
 Халява, *камень* II – 247
 Харьков (Харків), *м.* I – 77, 145, 206, 258, 262; II – 3, 57, 64, 151, 242, 261
 Харьковская, *зуб.* I – 86, 105; II – 215, 269
 Харьковскій, *пос.* II – 183, 269
 Хвостиков, *о-в* II – 240
 Хвостов, *о-в* I – 248
 Херсон, *м.* I – 64, 123, 134, 138, 154, 175, 233; II – 31, 80, 100, 112, 114, 115, 119, 127 – 129, 132, 231, 247, 284, 285
 Херсонская, *зуб.* I – 27, 29, 32, 239, 241; II – 75, 122, 127, 144, 149, 239, 277
 Херсонскій, *пос.* I – 233, 241, 262; II – 39, 67, 75, 107, 117, 119, 126, 149, 172, 274, 285
 Хиртица, *о-в* I – 185
 Хитрицкий, *о-в Хортиця* I – 186; II – 251
 Хмарта, *сел.* I – 183
 Хмарное, *озеро* I – 243
 Хмелевое, *м.* II – 142
 Хмельницкий, *притока* II – 86
 Хмельницкий, *о-в* II – 85
 Холодная, *балка* I – 205
 Холодный, *о-в* II – 85
 Хоминь, *балка* II – 248
 Хорлецкий, *о-в Хортиця* I – 186; II – 251
 Хоршево, *с.* II – 240

Хортица, *о-в* I – 185; II – 153, 250, 251, 254
 Хортица, *м.* I – 25, 192
 Хортица, *о-в* I – 124, 137, 141, 146, 147, 182, 184 – 190, 192 – 195, 198, 201, 202, 204, 205, 211, 213, 214, 217 – 221, 223 – 225, 228 – 230, 246, 247, 257, 262; II – 229, 230, 239, 249, 250 – 257, 259 – 261, 263, 264
 Хортица, *р.* I – 202
 Хортица Верхняя, *німецька колонія* I – 223
 Хортицкая Сичь (Сечь) I – 187, 190; II – 33, 233, 235, 253, 254, 263, 264
 Хортич, *о-в Хортиця* I – 185; II – 250
 Хорчик, *о-в* I – 185, 187; II – 249, 253
 Хотин, *фортеця* I – 196; II – 257

Цапрыга, *камень* II – 248
 Царева, *балка* I – 171
 Царград (Царгород, Царыград), *м.* I – 106
 Цариград, *озеро* I – 243
 Царицын Кут, *с.* I – 243
 Царицына, *сел.* I – 171, 173
 Царичанка, *с.* I – 65
 Царская, *могила* II – 144
 Царская, *пристань* I – 200, 201, 203; II – 177, 229
 Царский, *р.* II – 275
 Царский, *о-в* II – 86, 275
 Царьград, *м.* I – 164, 186, 196, 197; II – 36, 106, 129, 258
 Цвистина, *балка* I – 32
 Циканши, *о-в* I – 251

Чайка, *р.* II – 129, 130, 132
 Чайчип, *о-в* I – 58
 Чашан, *с.* I – 75, 115
 Чаун, *камень* II – 246
 Чекуха, *камень* I – 123; II – 247
 Чекуха, *сел.* I – 129
 Червица, *р.* I – 256
 Червица, *р.* II – 30
 Черевиния, *камень* II – 248
 Червоная, *балка* I – 248, 249
 Червоная, *забора* II – 248
 Червоная Русь, II – 189, 238
 Червоный, *камень* II – 248
 Червоный, *о-в* II – 248
 Червено, *камень* II – 248
 Череповатая, *балка* II – 245
 Черспаха, *камень* I – 170
 Черепашина, *лава* I – 170
 Черкасский, *пос.* I – 190

Черкасское, *воссоединение* II – 238
 Черкасы, *м.* I – 148, 191, 193, 195; II – 252, 254, 256, 257
 Черная, *забора* I – 28, 183
 Черная, *лава* I – 171
 Чернечий, *періс* II – 140
 Чернечинга, *с.* I – 107, 108; II – 228
 Чернечье, *с.* I – 92
 Чернечье Пекло I – 89, 90
 Чернигов, *м.* I – 41; II – 88, 252
 Черниговская, *губ.* I – 96, 98, 99; II – 39, 100, 125, 252
 Чернишова, *балка* II – 28
 Черное, *море* I – 35, 236, 237; II – 36, 58, 59, 87, 118, 127, 153, 205
 Черноземный, *х.* II – 194, 195
 Черноморье (Чорномор'є, Чорноморія) I – 185, 191, 201; II – 4, 36, 114, 117 – 119
 Черношиска, *балка* II – 248
 Черные, *каміння* I – 171
 Черный, *ліс* I – 257; II – 143, 144, 231
 Черный Ташлык, *р.* II – 141, 142
 Чернышова, *забора* I – 255
 Чернышова (Красногригорьевна, Чернишівка), *с.* I – 251, 256, 259, 263; II – 3, 9, 230
 Чернышовский, *о-в* I – 256; II – 66
 Чернышского, *балка* II – 250
 Чертов, *камін* I – 177
 Чертов, *о-в* I – 66; II – 245
 Чертомлыцкое Днеприне, *р.* I – 234, 235; II – 69, 85
 Чигирин, *м.* I – 116
 Чигиринский, *нов.* II – 32
 Чикалка (Троицкое), *с.* I – 28, 29
 Чоботок, *ліс* II – 142
 Чортайский, *брід* II – 136, 231
 Чортова Голова, *камін* II – 249
 Чортова Хата, *печера* I – 132
 Чортомлык, *о-в* II – 68, 88 – 90
 Чортомлык, *р.* I – 50, 234, 239; II – 51, 52, 54, 55, 59, 64 – 68, 70, 79, 88, 89, 91, 230, 265 – 269, 277, 285
 Чортомлык, *х.* II – 55
 Чортомлыцкая Сич (Старая Сич, Сечь) I – 25, 43, 250; II – 33, 41, 48, 51 – 53, 55, 64, 66 – 68, 72, 79, 85, 86, 91, 149, 230, 234, 265 – 269, 271 – 273, 277, 285
 Чортомлыцкий, *ріс* II – 52
 Чугуев, *м.* I – 60
 Чугунная, *лава* I – 169
 Чумацкий, *ліс* II – 142
 Чумацкий, *ліс* I – 89
 Чупрына, *камін* I – 184
 Чута, *ліс* II – 143, 144, 231

Шагинкермень, *фортеця* II – 109, 282
 Шантирей, *ліс* II – 281
 Шантирейский, *рефракшмент* II – 107
 Шапцева, *балка* I – 204, 216
 Швайчина, *лава* I – 181
 Шведская, *колонія* II – 282
 Шветия II – 125, 126
 Шевский, *о-в* I – 166
 Шевцова, *х.* I – 112
 Шелковый (Обрезной, Спорный), *о-в* I – 252
 Шелоговатый, *о-в* II – 241
 Шенвик, *ліс* II – 140, 217, 242 – 244; II – 228, 230
 Шереметев, *камін* II – 248, 249
 Шерстокова, *забора* II – 245
 Шестириветный, *ліс* I – 38
 Шинкарская, *лава* I – 133, 181
 Шинкарь, *камін* II – 250
 Широкая, *балка* I – 166, 183, 203, 215, 216, 222; II – 247
 Широкая (Антоновка), *с.* II – 112 – 113, 126, 127, 134, 284
 Широкое, *озеро* I – 243
 Шиноватый, *о-в* II – 274
 Школа, *печера* I – 149 – 151, 183; II – 229
 Шмакова, *с.* II – 144
 Шолохово, *с.* I – 241; II – 39, 230
 Шошиновка, *с.* I – 29, 48, 49, 57, 64; II – 228
 Шакова, *балка* II – 247
 Штаны, *хата* II – 280
 Штаны (Лисовский Ерик), *проток* II – 283
 Штимова, *с.* II – 288
 Штнхова (Александровка), *м.* II – 134, 181
 Шулаев, *о-в* I – 171

Щербина, *балка* II – 248
 Щербина, *камін* II – 248
 Щуровка (Шошиновка), *с.* I – 48
 Щуровка, *р.* I – 48

Эйхляге (Кичкас), *ліс* II – 135, 211
 Эльбинг, *м.* I – 135
 Энепинг, *губ.* II – 126

Южная Россия I – 60, 117, 201; II – 57, 107, 117, 118
 Южная Русь I – 165, 256; II – 92, 238
 Юрьева, *с.* I – 98

Явасніня, *забора* I – 181
 Явасніній, *о-в* II – 250
 Языкова, *с. I* – 120, 178; II – 248
 Яковлея (Мис-Доброй-Надежды), *с. I* – 251
 Яковлевский, *о-в* I – 251
 Ямбург, *німецька колонія* I – 169
 Ямоватос, *авро* I – 243
 Ямш, *р. I* – 256
 Якушев, *о-в* II – 134
 Яршев, *о-в* I – 169
 Ясеноватая, *забора* I – 54
 Яцев, *о-в* I – 169
 Яцева, *забора* II – 246
 Яцева могила, *куртан* I – 162, 163

Charkoff, *м. I* – 206
 Chorczyka, *с-в* II – 249, 253
 Elex (з італійської Олешки, Алешки) II – 129
 Elisi (з італійської Дніпро) II – 129
 Insel-Chortiz, *німецька колонія* I – 147
 Laresse (з італійської Дніпро) II – 129
 Lwow, *м. I* – 190
 Paris, *м. II* – 67, 278
 Venezia, *м. II* – 89, 277
 Warszawa, *м. I* – 185, 187, 257; II – 249, 253

ІМЕННИЙ АНОТОВАНИЙ ПОКАЖЧИК

Авакум Петрович (1620/1621 – 1681), протопоп Юр'ївця Поволозького, відомий розколовчитель ХУП ст., провадив протиніконівську пропаганду; у 1666 р. «розстрижений», підданий анафемі, відправлений до Пустозерська, де був спалений у 1681 р.; автор численних творів I – 233
 Авраамій Палицин (світське ім'я – Аверкій Іванович; сер. 16 ст. – 1626), діяч Смутного часу в Росії; письменник; інок Соловецького м-ря; польський симпатик; автор релігійно-публіцистичних творів II – 168
 Ага-Акмялі, хан II – 119
 Агафін, козачка I – 51
 Агафонт, печерський чудотворець II – 110
 Агрипина, селянка I – 28, 56
 Адам, біблійний герой II – 40
 Адашев Данило Федорович (? – 1561), московський воєвода, окольничий (1559), учасник Казанського походу (1552) і Лівонської війни, вславився сміливим походом на Крим (1559) I – 194, 195; II – 106, 108
 Акилина, козачка I – 55
 Алексеев Георгій Петрович (1834 – 1914), гофмейстер Височайшого двору, член Державної ради, катеринославський губернський маршал (1874 – 1886) I – 104, 107, 176; II – 228, 233, 234
 Алексеев Іларіон (Іларіон) Спиридонович (1744 – 1798), дійсний статський радник, учасник Семилітньої війни, псковський губернатор, голова катеринославської губернської палати карного суду I – 105
 Амвросій (Авраам Серебряніков, Серебряков; 1745 – 1792), відомий проповідник, префект Троїцько-Сергіївської семінарії та Московської духовної академії, єпископ олонєцький (1784), архієпископ катеринославський (1786-1792) I – 68
 Алексенко Василь, козак I – 40
 Анастасій, архимандрит II – 101
 Анастасія, послушниця Нехворощанського м-ря I – 110
 Андреев Лук'ян (Лукаш), кошовий отаман II – 53
 Андреев Сімеон, протопоп з м. Кобеляки I – 40
 Андрій св. (Андрій Первозваний), апостол, один з 12 апостолів, учень Іоана Хрестителя, якого покинув, щоб слідувати за Господом. За переказами, А. проповідував на території майбутньої Русі I – 51, 245; II – 173
 Анищенко Федот, старожила II – 113

Анна, св., праведниця, дружина св. Іоакима і мати Богоматері; вперше згадується в 4 ст. у Григорія Нисського та Єпіфанія I – 36, 143

Анна Іоанівна (1693 - 1740), російська імператриця (1730 – 1740); фактичним правителем був Е. Бірон I – 35, 49, 74, 106, 162; II – 89, 102, 109, 148, 277, 285

Антін, козак I – 53

Антонович Володимир Боніфатійович (1834 – 1908), український історик, громадський діяч, професор Київського ун-ту; з 1881 р. – голова Історичного т-ва Нестора-літописця; з 1902 р. – член-кор. Петербурзької АН; автор понад 300 праць з історії, археології та джерелознавства; фундатор Київської історичної школи I – 190; II – 239, 254

Апостол Данило Павлович (1654 – 1734), гетьман України (1727 – 1734), відстоював суверенітет Гетьманщини; блискучий адміністратор, господарник I – 106, 110

Апостол Петро Данилович, син гетьмана Д. Апостола, лубенський полковник (1728-1757), бригадир (1758); автор щоденника (1725-1727) франц. і рос. мовами, уривки з якого друкувалися в журн. "Киевская старина" (1894-1895) I – 106

Аркадій (377-408), візантійський імператор (395-408) II – 54, 268

Артовський Петро, лумен I – 109, 110

Афанасьєв-Чужбинський Олександр Степанович (1817 – 1875), український поет-романтик, етнограф, фольклорист, автор «Поездки в Южну Росію» (СПб., 1861), «Словаря малорусского наречія» та ін. II – 92

Афонський Павло I – 87

Бабаджан Мардохай, караїм II – 37

Бабичев Степан Федорович, полковник осавула, довірена особа графа Ф. М. Толстого I – 254

Бабка Анатрій, староста II – 173

Бабка Федір, козак I – 53

Бабушкін Іван, селянин II – 37

Базилевський П. А., власник села II – 48

Байда, легендарний герой I – 197, 198, 228, 229; II – 258, 259

Байдак, землевласник II – 91

Балихин Анатрій, селянин II – 179

Балихин Петро, селянин II – 179

Балтиш-Каменський Дмитро Миколайович (1788 – 1850), український і російський історик, археограф, письменник, державний діяч, автор синтетичної праці «История Малой России» (вид.: 1-е – 1822; 2-е – 1830; 3-е – 1842; 4-е – 1904; 5-е – 1993) I – 257; II – 252, 260, 264, 265, 279

Барибаш Іван (? – 1648), полковник осавула реєстрового козацького війська, талановитий дипломат; навесні 1648 р. очолював загін реєстрових козаків проти повстання у Запорозькій Січі й біля Кам'яного Затону був вбитий I – 258

Барбаро Іосафат (поч. 15 ст. – 1494), венеційський шляхтич; 1436 р. здійснив подорож до Азова (Гани), де перебував 16 років; у 1471-1479 рр. посол при Дворі перського ширі Узун-Гассана; залишив опис своєї подорожі (1-е вид.: Венеція, 1543; переклад рос. Б. Семенова опуб.: Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836) II – 129

Барадним Семен, козак I – 117

Барлит Мойсей, козак I – 111

Барніпольський Анатрій, священик I – 89; II – 177, 179

Барятинський Іван Федорович (? – 1738), князь, син окольничого Федора Юрійовича Барятинського, учасник походів за часів Петра I, полковник 2-го гренадерського полку, візничий у Північній війні та Персидському поході (1722), сенатор (1730), московський генерал-губернатор (1735) I – 42

Барятинський Олександр Іванович (1814-1879), князь, генерал-фельдмаршал, активний учасник підкорення Кавказу, головнокомандуючий Кавказькою армією, кавказький намісник (1856); згадується у назві пароплаву I – 226

Батий (Бити; 1208 – 1255), монгольський хан, онук Чингіс-хана; з 1243 р. – хан Золотої Орди; предводителю походів у Східну та Центральну Європу (1236 – 1243) II – 237, 289

Баторій Стефан (1533 – 1586), семиградський (трансільванський) князь (1571 – 1576) і польський король (1576 – 1586), полководець; вороже ставився до Запорозької Січі; заборонив торгівлю з Січчю і запровадив смертну кару нерезстровим козакам; 1578 р. здійснив невдалу спробу ліквідувати Запорозьку Січ I – 90, 106; II – 238

Батура Данило, слобідський козак, отаман I – 33

Батуринський Іван, козак I – 82

Баштанник Петро I – 64

Безбородько Олександр Андрійович (1746 – 1799), князь, український і російський державний діяч, дипломат, канцлер (з 1797 р.) Російської імперії; з 1775 р. – секретар Катерини II; з 1783 р. керував зовнішньою політикою Росії II – 133

Безрізний Федір, селянин II – 37

Безрукавий Яків, козак I – 53

Безрукий Петро, козак I – 112

Безчастний Данило, козак I – 39

Белицький Олексій, козак I – 95

Белицький Ф. І., землевласник I – 99

Белицький Яків, козак I – 111
 Бендюков, поміщик I – 259
 Березолуцький, запорозький нащадок II – 212
 Беренштам Віліям Людовінович (1839-1904), київський археолог I – 216
 Беляк, придворний хана I – 238
 Бельський Мартин (1494 – 1575), польський хроніст, автор творів: «Хроніка світу» і «Хроніка польська»; в останній йдеться про життя та боротьбу запорожців проти турецько-татарських нападів I – 185, 187, 190, 257; II – 236, 249, 253
 Бидло Іван, селянин II – 185
 Бирдін, землевласник I – 180
 Бистрицький Іван, протоієрей I – 64
 Біла Одірка, селянка II – 66
 Білозерська, землевласниця II – 80, 81
 Білозерський, пан I – 110
 Білоус Андрій, козак II – 173
 Білоус Тимон, селянин I – 38
 Білошайка Антін, козак I – 49
 Білий Василь, козак I – 94, 103
 Білий Лук'ян, козак I – 45
 Білий Опанас, козак I – 63
 Білий Потап, козак I – 255
 Білий Роман, козак II – 174
 Білєцький Іван, кошовий отаман (1734, 1736, 1738) II – 66
 Білий, лодман I – 174, 176
 Бінтовський А.П., учитель I – 241; II – 73
 Блажков Іван Прокофійович, поміщик, краснянець, шпигувальник старовини II – 91 – 93, 95, 97, 103, 280
 Богомаз, козак I – 113
 Богомази, козаки I – 113
 Богунова, селянка I – 240
 Богуш Яків, козак, наказний отаман II – 66
 Бойко Григорій Федорович, лодман I – 121
 Болюбаши, козаки I – 100
 Болюбаш, поміщик I – 103
 Боплан Гійом Левассер де (1600 – 1673), французький військовий інженер, мемуарист, вчений; у 1630-1648 рр. перебував на службі у війську Речі Посполитої, керував будівництвом фортець на півдні України, в тому числі фортеці Коляк; автор «Опису України» (1650), де йдеться про життя та діяльність запорозьких козаків I – 32, 34, 46, 47, 49, 50, 52, 57, 60, 87, 106, 107, 115, 116, 133 – 135, 165, 167, 178, 181, 185, 187, 188, 252, 253, 257; II –

32, 51, 87, 103, 105, 107, 111, 134, 188, 196, 197, 234, 236, 241, 251, 259, 260, 264 – 266, 280, 282, 283
 Борис Годунов (1552 – 1605), російський цар з 1598 р., брат дружини царя Федора Івановича; згадується в назві I – 222
 Борисенко Данило, козак II – 62, 171
 Борисенко Сімеон, козак II – 62
 Боровик, дияк Онисифор (Боровик)
 Боровиковський Лев, живописець I – 64
 Бородай Прокіп, козак I – 43
 Браницька Олександра Василівна, (уроджена Енгельгардт; 1754 – 1838), улюблена небога князя Г.О.Потьомкіна, дружина графа К.П.Браницького (польського воєнного міністра) I – 247, 250
 Брікнер Олександр Густавович (1834- 1896) – російський історик, родом з Німеччини, професор Дерптського університету; основні праці присвячені культурній та політичній історії Росії XVII – XVIII ст. I – 43
 Броневський (Broniewski) Мартин (XVI – поч. XVII ст.), польський дипломат і історик; у 1579 р. – посол Стефана Баторія до Криму; у своїх описах подорожі посольства «Martini Broniewii ... Tartariae descriptio» (1595), а також походу на татар 1620 р. подає відомості про запорозьке козацтво II – 236
 Брун Пилип Карлович (1804 – 1880), заслужений професор Новоросійського ун-ту, доктор всесвітньої історії, археограф; у 1873 р. у Петербурзі опубл. «Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г.» I – 185, 186, 201; II – 84, 117 – 119, 129, 251
 Брюховецький Іван Мартинович (? – 1668) – кошовий отаман Запорозької Січі (1662), гетман Лівобережної України (1663 – 1668) II – 53
 Будка Федір, селянин I – 38
 Булах Іван, козак I – 83
 Булаков Юрій, стрілець I – 194; II – 257
 Булгар Гурій, селянин II – 172
 Бураченко Данило, селянин II – 131, 231
 Бурнашов, фельдшер II – 244
 Бурнос-Таран Іван, козак I – 111
 Бут Дмитро, дід I – 151; II – 229
 Бутенко Пилип, козак I – 45
 Бутович Григорій, військовий I – 44
 Бутурлін Василь Васильович (? – 1656), російський боярин, окольничий (з 1650), дворєцький (з 1652) царя Олексія Михайловича; очолював російське повноважне посольство при укладанні Переяславської угоди 1654 р. I – 116; II – 279
 Бухтеев, історик I – 181

Бушинський Петро Микитович (1853-?), укр. історик, магістр (1883; дис.: «О Богдане Хмельницком»), доктор (1889; дис.: «Заселение Сибири и быт ее первых насельников»); професор Харківського ун-ту (1889) I – 258, 262

Варвара (Варвара), св. великомучениця I – 37, 44, 45, 55 – 57, 118; II – 40, 174

Варсонофій (Жученко), ігумен I – 110

Варфоломій, архімандрит II – 102

Василід (Іраклід) Яків, молдавський господар I – 196; II – 257

Василієв Ілля, козак I – 45

Василій I, візантійський імператор (867 – 886), засновник македонської династії II – 268

Василій II (976 – 1025), візантійський імператор, за прізвиськом Болгаробійця (тому що знищив Болгарське царство й перетворив його на візантійську провінцію; за його правління відбулося хрещення великого князя київського Володимира Святого, котрий одружився із сестрою Василя II II – 54

Василій, священник с. Карнаухівки I – 56

Василій Великий (329-379), архієпископ Кесарійський, вселенський отець, учитель церкви, грецький теолог; здобув визнання за свою церковну, монастирську та благодійницьку діяльність I – 33, 80

Василь Григорович, козак II – 172

Василь Ієрофійович, кошовий отаман II – 95, 96

Василь III Іванович (1479-1533), великий князь Московський (з 1505) II – 251

Васильєв Олексій Васильович, управитель маєтку Синельникових в с. Іванівському Мелітольського пов. Тарвійської губ. I – 176; II – 247

Вашинський Григорій, священник II – 172

Вейсбах де Йоганн-Бернгард (Вейсенбах; ? - 1735), граф, генерал-аншеф, київський генерал-губернатор (1731-1735) II – 44

Вейсенбах (Вейсбах), саксонський генерал-майор II – 44, 148

Великий Лук'ян Іванович, військовий старшина I – 53

Велички, рід I – 112

Величко Самійло Васильович (1670 - бл. 1728), український козацько-старшинський літописець; автор 4-томної «Летописи событий в Юго-Западной России в XVIII веке» (1-е вид.: 1848-1864) I – 35, 60, 73, 102, 108; II – 32, 35, 58, 59, 236, 242, 263, 272, 273

Величко Федір, козак I – 28

Вельський Михайло, рибалка I – 159

Вельямовська Марія (у замійці Комстаіус) II – 125

Веніамін, ієромонах II – 167

Вербицька Євфимія, див. Вишневецька Є.

Веремій, священник с. Карнаухівки I – 56

Вертильяк Микола Іванович, поміщик II – 84, 87, 96, 97, 278

Вечерков Іаків, інспектор Орловської духовної семінарії; архімандрит, з 1823 р. – ректор Катеринославської духовної семінарії; єпископ Саратовський, архієпископ Нижегородський II – 101

Вилькодворець, козак II – 179, 180

Висота Іван Андрійович, козак, священник I – 105

Вишневецька Євфимія, княгиня I – 190

Вишневецький Андрій, князь I – 190; II – 254

Вишневецький Дмитро Іванович (?-1563), український магнат, князь, землевласник на Волині, черкаський і канівський староста; один з організаторів запорозького козацтва, очолював оборону півдня України від татарсько-турецького вторгнення, для чого побудував на о. Мала Хортиця замок. Взятий у полон в Молдавії, був виданий турецькому урядові й страчений в Стамбулі. Деякі історики ототожнюють його з героєм народної пісні про Байду I – 187, 190 – 197, 201, 203; II – 106, 182, 229, 238, 239, 253 – 260, 263

Вишневецький Костянтин, князь I – 190; II – 254

Вишневецький Сигізмунд, князь I – 190; II – 254

Вібе Яків, німецький колоніст I – 223

Владиміров М.М., катеринославський міський секретар (1880-ті рр.), автор книги «Первое столетие города Екатеринослава» (Катеринослав, 1887) II – 76

Владислав IV Жигмунтович, син Сигізмунда III, польський король (1632-1648) I – 116, 263

Власовський, козак I – 111

Войнович Нестор Дмитрович, сотник I – 45

Володимир Святославович (? – 1015), св., князь новгородський (з 969) і київський (з 980); ввів на Русі християнство I – 165, 185; II – 54, 143, 268

Володимир Андрійович, срібних справ майстер II – 167

Волохін, землевласник II – 283

Воронікін, купець II – 163

Воронцов-Дашков Іларіон Іванович (1837 - ?), князь, рос. державний діяч, міністр імператорського двору (1881-1897), головноуправляючий державним конярством (1881), член Державної ради (1897), намісник Кавказу (з 1905) I – 166

Ворсонофій, ієромонах I – 109

Всеволожський, автор книги II – 109

Втоминич, кошовий отаман II – 66

Вяземська Олена Микитівна, княгиня, дружина О.О.Вяземського I – 240

Вяземський Олександр Олексійович (1727-1793), князь, генерал-прокурор Сенату (з 1764), член Ради при височайшому дворі (з 1769), довірена особа Катерини II I – 239, 240, 254; II – 181
В'язовий Федір, селянин II – 37

Гавриїл, архангел I – 104

Гавриїл, архімандрит Нехворощанського м-ря I – 110

Гавриїл (Кременецький Григорій Федорович; 1715-1783), митрополит Київський і Галицький (1770-1783) I – 55, 105

Гавриїл, архімандрит II – 130

Гавриїл (Розанов Василь Федорович; 1781-1858), архієпископ Катеринославський (1828-1837); 9.05.1837 р. переведений до Одеси, потім – до Твері (1.03.1848 р.), член Одеського т-ва історії та старожитностей; автор історичних творів I – 80, 90, 108

Гавриїл (Яновський), архімандрит Нехворощанського Успенського м-ря I – 101

Гаврило Ігнатович, курінний отаман II – 38

Гагарин Григорій Петрович, князь II – 123

Гайдук Василь, козак I – 41; II – 30

Галаган Гнат, полковник II – 66

Галаган Григорій, полковник Прилуцького полку (1739-1764) I – 106; II – 72, 73, 273

Галайда, козак I – 64

Галакціон, архімандрит II – 101

Галич Федір, прапорщик, межевник I – 103

Галуза, рибалка II – 247

Галушка Герасим, козак I – 112

Галатовський Іоанікій (бл. 1620 – 1688), письменник, церковний православний діяч, родом з Волині; ректор Києво-Могилянської академії (1657-1668), ігумен Братського монастиря в Києві; архімандрит чернілівського Єлецького монастиря; видатний промовець, автор зб. проповідей “Ключь разумения” (1659), трактатів та оповідань II – 236

Гамалій Памва, ієромонах Самарського м-ря I – 166

Ганнібал Іван Абрамович (? – 1801), син «арапа Петра І», генерал-аншеф, учасник морейської експедиції, відзначився під Чесмою, брав участь у заступанні Херсона (1779), дід (удрутих) рос. поета О.С.Пушкіна II – 133

Гаркуша Іван, козак I – 112; II – 41

Гаркуша Семен, козак I – 102

Гармашенко, козак I – 111

Гдеменко Михайло, козак I – 53

Гедимін (Гедимінас), великий князь литовський (1316-1341); завоював Вітебське, Мінське, Друцьке, Турово-Пінське, Полоцьке князівства; змусив визнати васалітет Київського та Смоленського князівств II – 239

Гедиміновичі, литовські князі I – 190; II – 254

Гендриков Іван Симонович, граф, генерал-аншеф, з графського роду, що походив від шлюбу Симона Гейнріха з Христинною, сестрою імператриці Катерини I; власник маєтку Гендриківка в Бахмутському пов. I – 166

Генкель Яків, австрійський підданий I – 237

Георгій, в назві с-ва II – 252

Георгій Победоносець, св. I – 105; II – 40, 113, 143, 193

Гепнер Якуб Якубович, німець-колоніст I – 219

Герасим, ігумен I – 110

Герасименко Семен Іванович, селянин II – 98, 191, 231

Герберштейн Зигмунд (1486 – 1566), німецький дипломат і мандрівник; у ранзі амбасадора «Священної Римської імперії» перебував в Росії у 1517 та 1526 рр.; автор «Записок про Московитські справи» (1549), де йдеться й про Україну II – 237, 251

Герай (Терей), рід кримських ханів II – 120

Геродот (490/480 – бл. 425 р. до н.е.), давньогрецький історик, якого вважають «батьком історії» II – 117, 129

Герондій, архімандрит II – 101

Герцк Григорій, пан I – 110

Гершкович, лісничий I – 155

Гизинський Гнат Іванович, полковник, землевласник I – 181

Гладсбрандт, староста німецької колонії на о-ві Хортиця I – 224; II – 229

Гладка Анастасія Василівна, онука кошового Й. М. Гладкого (в заміжжі Іванницька) I – 145

Гладка Варвара Василівна, онука кошового Й. М. Гладкого I – 145

Гладка Домна Василівна, онука кошового Й. М. Гладкого I – 145

Гладка Марія Йосипівна (1890 - ?), привнука кошового Й. М. Гладкого, донька його онука Йосипа Васильовича Гладкого I – 145

Гладка Наталія Йосипівна (в заміжжі Слоновська), донька кошового Й. М. Гладкого I – 142, 144, 145

Гладка Олена Йосипівна, донька кошового Й. М. Гладкого I – 142

Гладка Федосія Андріївна (уродж. Мазур), дружина кошового Й. М. Гладкого I – 142, 144, 145

Гладкий Василь Йосипович (1814-?), син кошового отамана Й. М. Гладкого I – 142, 144, 145; II – 191, 192, 231, 288

Гладкий Данило, кошовий отаман (1747, 1753, 1757) II – 172

Гладкий Йосип Васильович (1853 – 1902), онук кошового Й. М. Гладкого I – 145; II – 288

- Гладкий Дем'ян Васильович, онук кошового Й.М.Гладкого I – 142, 145
 Гладкий Дем'ян Йосипович, син кошового Й.М.Гладкого I – 144
 Гладкий Йосип Михайлович (1789 – 1866), останній кошовий отаман Задунайської Січі (1827), наказний отаман Азовського козацького війська (1828 – 1851), генерал-майор; у 1828 р., під час російсько-турецької війни, вивів частину козаків-задунайців в межі Росії I – 141 – 145; II – 28, 191 – 193, 229, 234, 288
 Гладкий Максим Михайлович, брат кошового Й.М.Гладкого I – 142
 Гладкий Михайло Григорович, батько кошового Й.М.Гладкого I – 142
 Гладкий Опанас Михайлович, брат кошового Й.М.Гладкого I – 142
 Гладкий Петро Васильович (1851 – ?), онук кошового Й.М.Гладкого I – 145
 Гладкий Степан Васильович, онук кошового Й.М.Гладкого I – 145
 Гладкий Стефан (Степан; ? – 1747), кошовий отаман (1741 р.) батько Данила Гладкого, кошового отамана II – 172, 231
 Глебов Олексій Іванович, бригадир, комендант Єлисаветградської фортеці, згодом генерал-аншеф I – 116
 Глоба, козаки I – 240
 Глоба Іван Якович (? – 1791), останній (четвертий) писар Нової Січі (1765–1775), якого вважали «найрозумнішим козаком» у війську; по скасуванні Запорозької Січі (1775), у червні 1775 був заарештований і засланий до Туркханського м-ря, де й помер II – 161, 162, 231, 286
 Глоба Азар (бл. 1691 – 1793), запорозький полковий осавул; займався садівництвом: посадив сад на Монастирському о-ві й біля слободи Половиці (нині – парк ім. Т.Шевченка та ім. А.Глоби у Дніпропетровську) I – 67, 68
 Глобашкин Леонтій, писар II – 110
 Гнедій Олексій, козак I – 52
 Гнида Антін Павлович, осавул II – 204
 Гнида Данило Антонович, хорунжий II – 205
 Гнида Дмитро Титович, землевласник II – 205
 Гнида Тит Данилович, землевласник II – 195, 198, 203, 205
 Гниди, козацький рід II – 204
 Гога Петро, козак I – 95
 Гоголь Микола Васильович (1809 – 1852), укр. і рос. письменник, в творчості якого укр. тематика була однією з центральних («Тарас Бульба» та ін.) II – 217
 Голіцин Василь Васильович (1643 – 1714), російський державний і військовий діяч, фаворит царівни Софії; очолював Малоросійський приказ (1682 – 1689); керував Кримськими походами 1687 та 1689 рр. I – 73, 116, 230; II – 243
 Головатий, козак I – 240

- Головатий Антін Андрійович (1744 – 1797), укр. військовий діяч; курінний отаман; у 1764 р. обраний на посаду військового писаря; намагався реформувати Запорозьке військо; з 1788 р. – бригадир, а з 1794 р. – фактично отаман новоствореного Чорноморського козацького війська I – 80; II – 182
 Головатий Павло Фролович (бл. 1715 – 1795), останній військовий суддя Запорозької Січі, після скасування якої (1775) був заарештований і засланий до Тобольська у Знаменський м-р, де й помер II – 161, 162, 231, 286
 Головка Андрій, козак I – 241
 Головка Антін, курінний отаман II – 172
 Головка Гордій, козак II – 96
 Головка Костянтин Гордійович, кошовий отаман, див.: Гордієнко К.Г.
 Головка, відставний запорозький старшина
 Головурний Євсей, селянин II – 195, 196
 Головін, губернатор Архангельська II – 163
 Голуб Кіндрат, селянин II – 171
 Гонорій (Нонотіс) Флвій (384 – 423), перший імператор Західно-Римської імперії (395 – 423) II – 54, 264
 Гончарова Ганна Степанівна, купчиха II – 38
 Горб Лаврин, козак II – 41
 Горбатенко Феоктист, селянин II – 131, 231
 Горбатий Грицько, селянин II – 70
 Горбик Ониско, козак II – 128
 Горинський Лаврин, начальник Нехворощанського м-ря I – 110
 Гордієнко Костянтин Гордійович (Кость Гордієнко, Горинський, Кость Кріт, Головка, Головок; ? - 1733), кошовий отаман Запорозької Січі (1701 – 1709); під час Північної війни підтримував гетьмана І.С.Мазепу і перейшов (1709) на бік шведського короля Карла XII; разом з Пилипом Орликом брав участь у поході на Правобережжя під Білу Церкву (1711); після Прутського миру 1711 р. перейшов в Олешківську Січ I – 29; II – 42, 66, 72, 90, 95 – 97, 103, 130, 195, 231, 234, 265, 276, 280, 284
 Горидень Сидір, козак I – 111
 Гориско Павло, козак II – 29
 Грабянка (Граб'янка) Григорій Іванович (? – 1738), військовий діяч, козацький літописець, автор відомого «Літопису гадяцького полковника Григорія Граб'янки» (К., 1992) II – 236
 Гребенник Семен, селянин II – 37
 Гречин Григорій, козак I – 37
 Григоренко Федір, кінтор I – 37; II – 240
 Григорій, святий I – 185, 186; II – 100, 250, 252

Григорій Богослов (Назіанзін; 329 – 389), сподвижник Василя Великого, один з трьох «вселенських вчителів» Східної церкви; його твори були першим обґрунтуванням вчення моноікіїців I – 80

Григорій XIII (світське ім'я Бонкомпаньї; 1502 – 1585), папа римський (1572); активний пропагувач католицизму; запровадив новий календар (була 1582 р.) I – 236; II – 230

Губа Лотин, осавул II – 145

Губа Федір, козак II – 145

Гусак Іван, коптовий отаман II – 74

Даниленкова Орина, селянка II – 48

Данило, козак II – 62

Данильченко Я.Г., землевласник I – 28, 30

Дашкевич Микола Павлович (1852 – 1908) – український історик, літературознавець, учень В. Антоновича, професор Київського університету, дійсний член Петербурзької АН II – 236

Дашкевич Є., дів. Дашкович Є.

Дашков Павло Якович, дворянин, колекціонер II – 275, 277

Дашкович (Дашкевич) Євстафій (Остафій; ? – 1535), військовий діяч із боярського роду на Київщині, учасник повстання М. Глинського; згодом черкаський і каневський староста (з 1514 р.); до охорони південно-східних кордонів своїх староств залучав козаків I – 191

Дворяненко, козак I – 220; II – 229

Де-Боксет, інженер-полковник, картограф I – 36, 66, 75; II – 89, 153, 278

Девлет-Гірей I, кримський хан (1551–1557), належав до найвпливовішого роду феодальної верхівки кримських татар, що став правлячою династією Кримського ханства I – 192, 193; II – 255

Дегтяренко Зіновій, козак I – 28

Деденьов, генерал-поручник; належав до рос. дворянського роду, що походив від сина боярського Русина Деденьова I – 141

Де-Лінь, дів. Лінь Ш.Ж. де

Демидов-Сан-Донато (Демідов) Анатолій Миколайович (1812 – 1870), походив з відомого роду, що вів свій початок від тульського майстра-зброяря Деміа Антуфьєва; великий меценат і благодійник; одружився (1814) з небогою Наполеона I Матильдою; придбав князівство Сан-Донато, поблизу Флоренції й став зватися князем Сан-Донато (лише за кордоном Російської імперії); на його кошти була влаштована наукова експедиція на південь Російської імперії (1837), результати якої здобули висвітлення в кн.: «Esquisse d'un voyage dans la Russie meridionale et la Crimée» (1838) I – 145

Демур Никифор, вкладник в церкву I – 29

Демуря Прокопій, селянин II – 37

Дем'ян, ігумен I – 110

Дерев'яко Данило I – 67

Державін Гаврило Романович (1743–1816), рос. поет, державний діяч, у 1784–1788 рр. – олонеський, потім тамбовський губернатор; з 1793 р. – сенатор; у 1802–1803 рр. – міністр юстиції I – 176

Де-Рібас (Дерібас, де Рібас, De Ribas), Дон Хосе (1749–1800), Йосип (Осип) Михайлович, адмірал, засновник Олеси I – 200

Дерій, козак I – 32

Дерінг Доротея II – 126

Держачова Марія Петрівна, селянка I – 241

Десятка Василь, лопман I – 121

Дешко Трохим Єфимович, вчитель I – 198, 199; II – 261

Дикий Яків, козак I – 44

Дідушинський, священник II – 130

Дій Максим, козак, військовий старшина I – 58

Діонісій, архімандрит II – 101

Дзєвоніч II – 32, 262

Дмитрієва А. А., поміщиця, титулярна радниця I – 250

Дмитро (Дмитрій), козак I – 56

Добринін, землевласник II – 247

Доброшорський, козак I – 41

Довбиш, козак I – 240

Долгорукий (Долгоруков) Кримський Василь Михайлович; (1722–1781), князь, рос. полководець, учасник Семирічної війни (1756–1763); за розгром турецької армії під час російсько-турецької війни 1768–1774 рр. одержав титул «Кримського»; 1780 р. – головнокомандуючий військами у Москві I – 100; II – 109

Долгоруков Олександр, князь, управляючий міністерства юстиції II – 194

Дорофій, ченець I – 43

Дорошенко Петро Дорофійович (1627–1698), державний, політичний і військовий діяч, гетьман України (1665–1676), онук гетьмана Михайла Дорошенка (1623–1628); учасник Визвольної війни українського народу сер. 17 ст.; боровся проти ставленника кримського хана П.Суховія та ставленника Польщі М.Ханенка II – 271

Дорошенко Григорій, селянин II – 37

Досифій, архімандрит Соловецького м-ря II – 163

Досифій, архімандрит II – 101

Драгоманов Михайло Петрович (1841–1895), видатний політичний і громадський діяч, учений і публіцист, історик, етнограф, фольклорист, мовознавець; лідер Київської Старої громади; видавець збірника «Громада» в

Женеві (1878-1882); автор багатьох публіцистичних та наукових праць I – 136, 137; II – 71, 202, 219, 220

Дрінов Марин Степанович (1838-1906), болгарський історик, славіст, діяч болгарського національного визволення; з 1873 р. – професор слов'янознавства в Харківському ун-ті; член Харківського історико-філологічного т-ва (у 1890-1897 рр. його голова) I – 236

Дроботов, священник II – 173

Дума, козак I – 205

Дураук Карпо, козак I – 55

Едрисі, арабський географ, автор твору «Розваги людини, що прагне відповісти знати рідні частини світу» (1154), арабський текст якого було видано в Римі у 1592 р.; переклад латиною з'явився у 1619 р., а виправлене французьке видання – у 1840 р. II – 129

Енгельгардт, землевласник II – 283

Єва, біблійний персонаж II – 40

Євгеній (Єфимій Олексійович Болховітін; 1767-1837), київський митрополит, бібліограф, археограф, колекціонер II – 47

Євгеній (Елевферій Петрович Буларис; 1716-1806), видатний богослов нової Греції; у 1753-1757 рр. викладав в «Афонській академії»; очолював патріаршу академію у Константинополі; за рекомендацією Фрідріха Великого здобув посаду придворного бібліотекаря Катерини II; у 1775-1779 рр. – архієпископ слов'янський і херсонський I – 62, 80, 83; II – 34

Євстафій, козак I – 55

Егор-хоробрий (фольклорний персонаж) II – 197

Єлизавета Петрівна (1709-1761), рос. імператриця (1741-1761); донька Петра I та Катерини I; відновила в Україні інститут гетьманства I – 27, 29, 34, 45, 96, 97, 110; II – 102, 173, 241, 243, 276

Єлчанинов, парський полковник I – 257

Єрмак Тимофійович (? – 1585), козацький отаман; бл. 1581-1585 рр. здійснив похід до Західного Сибіру, що стало початком його засвоєння; загинув у битві з татарами I – 87

Єрофеев Василь (Ієрофійович), кошовий отаман II – 97

Есаулов, поміщик II – 91

Єськович Михайло (Миска), запорозький отаман I – 191, 192; II – 255

Єфіменко Петро Савич (1835-1908), укр. історик, правник, етнограф, учасник укр. національно-визвольного руху; автор численних праць з історії України та укр. побуту 17-18 ст.; співробітник журналів: «Основа», «Чернігівський листок», «Киевская Старина» II – 162

Єфрем, козак II – 63

Єфрем Іванович, катівський отаман I – 56

Жижемський Семен, князь, посол I – 192; II – 255

Житецький Іродіон (1851 – 1913), етнограф, член Південно-Західного відділу Російського Географічного т-ва; співробітник часопису «Киевская старина» член київської Старої Громади; автор праці: «Смена народностей в южной России» (1883-1884) II – 117, 118

Житецький Павло Гнатович (1837 – 1911), виїзний дослідник історії української мови і літератури, педагог, член Південно-Західного відділу Російського Географічного т-ва; співробітник часопису «Киевская старина», дійсний член НТШ

Жук Павло, селянин II – 141

Журба Ганна Михайлівна, новокодацька мешканка I – 59

Журба Максим Герасимович, новокодацький мешканець I – 59

Забара Іван, козак I – 56

Забара Корній, селянин II – 172

Заборовський Михайло (церковне ім'я Рафаїл; 1677-1747), архієпископ, митрополит Київський, Галицький і Малої Росії (1731-1747) I – 40; II – 46

Забродя Федір Степанович, селянин I – 261, 262; II – 191

Завгородній Платон, селянин I – 50, 52

Затубиколесо Іван, козак I – 255

Задерака Максим, козак I – 111

Задорський Опанас, селянин I – 36

Залізник, селянин II – 187

Заліпи, селяни I – 113

Заноні Річчі, картограф II – 81, 84, 103 – 106, 118

Залешний Авраам, ченець I – 94

Заскока Яким Олексійович, селянин I – 170; II – 229

Зарульський Станіслав, капітан російської армії другої половини XVIII ст., польського походження; склав «Описание о Малой России и Украине» (після 1773 р., опубліковане 1848 р.) II – 162

Зіновій, печерський чудотворець II – 110

Зверев, купець I – 117

Златоуст Іоан, див. Іоан Златоуст

Золотар Симеон, майстер-золотар II – 128

Зосима, соловещький чудотворець II – 167

Зосимович Артемій, священник I – 40

Зосимович Мойсей, священник I – 41; II – 241

Зотов Микита Мойсейович, думний дяк, московський посол, який, разом зі стольником В.М.Тяпкіним, відвідали Запорозьку Січ, коли їхали укладати Бахчисарайський договір Росії з Туреччиною та Кримським ханством (13.01.1681) II – 53, 266, 268

Зухв Василь Федорович (1752-1794), рос. вчений-природознавець, мандрівник, академік (1787); брав участь в експедиції П.С.Палласа (1768-1773); у 1781-1782 рр. здійснив самотужки експедицію на південь Російської імперії, результати якої виклав у кн.: Путешественные записки от С.-Петербурга до Херсонеса. СПб., 1787 I – 32, 33, 36, 44, 46, 135, 185, 217, 220; II – 251

Іван (Іоан) V Олексійович (Романов), рос. цар (1682-1696), син Олексія Михайловича від першого шлюбу з М.Милославською I – 73; II – 54, 101, 102, 109, 175, 268

Іван III Васильович (1440-1505), великий князь московський (1462-1505); за його правління утворилося ядро Російської (Московської) держави й було сяксовано монголо-татарську неволю II – 237

Іван IV Васильович (Грозний; 1530-1584), великий князь "всєї Русі" (з 1533), перший рос. цар (з 1547); запровадив опричнину (1565), вів Лівонську війну (1558-1583); посилав кріпосництво I – 110, 191, 192, 194, 195; II – 253, 255 – 257

Іваненко, титулярний радник I – 250

Іваненко С.П., власник с. Андріївки I – 179, 181

Іваницький Олексій Михайлович (1854-1918), харківський фотограф-художник; приятель Д.І.Яворницького I – 145

Іванов Артемій, новокозакський ієрей I – 63

Іванов Василь, ктитор I – 53

Іванов Дем'ян (Даміан), священник I – 53

Іванов Олексій (церковне ім'я Афанасій; 1746-1805), архієпископ катеринославський, херсонський і таврійський I – 94

Ігнатій Максимович, ігумен Нехворощанського Успенського м-ря (1768-1775) I – 109, 110

Ігнатів Яків, козак II – 172

Ігнатович Яків, кошовий отаман II – 173

Ієронім, святий I – 236

Ісус Христос, I 101; II – 40

Іларіон, ігумен Нехворощанського Успенського м-ря (1775-1776) I – 109

Ілля, архімандрит II – 161

Іллішєнки, козацький рід I – 100

Іллішєнко Б.А., землевласник I – 103

Ільїн Федір, священник I – 40

Інокентій, архімандрит II – 112

Іоан, селянин (с. Карнаухівка) I – 55, 56

Іоан, козак I – 53

Іоан Богослов (помер на поч. 2 ст.), апостол і євангеліст, учень Іоана Хрестителя; один з найближчих до Спасителя апостолів; удостоївся великого одкровення про наступні долі церкви і світу, які виклав в «Апокаліпсисі, чи Одкровенні Іоана Богослова»; автор «Євангелія від Іоана» (складової частини Нового Завіту Біблії) I – 58; II – 39

Іоан Златоуст (347-407), святий, один з видатних батьків Церкви, родом з Антіохії, архієпископ Костянтинопольський (397); автор численних патристичних творів I – 80; II – 42, 100

Іоан Олексійович, див. Іван V Олексійович

Іоан Предтеча, чи Іоан Хреститель, найближчий попередник і передвісник Ісуса Христа, що готував народ до його прийняття I – 103

Іоан, архімандрит Соловецького м-ря II – 167

Іов (світське ім'я Потьомкін Яків Петрович; 1752-1823), архієпископ катеринославський, херсонський і таврійський (1812-1823) I – 54, 94

Іпатій, печерський чудотворець II – 110

Іраклід, див. Василід

Ісаак, біблійний патріарх I – 69

Ісаак, ігумен I – 110

Ісаков Олександр Степанович (? – бл. 1770), генерал-майор, губернаторський товариш (віце-губернатор) Новоросійської губ. (1764 – ?) I – 66

Ісєньєв, картограф II – 103, 106

Іцька, мешанин II – 60

Йона, архімандрит II – 101

Йосип, святий, біблійний персонаж I – 69; II – 41

Йосип, архімандрит II – 101

Йосип, козак I – 55

Йосип II (1741-1790), австрійський імператор ("Священної Римської імперії"; 1765-1790) I – 28, 64

Йосип Якович, ктитор II – 109

Кабелан Євстафій, полковий осавул I – 101

Кайдаш Іван, ченець I – 54

Кайстро Ничипір, селянин II – 248

Калита Іван І Данилович (? – 1340), князь московський (з 1325), великий князь владимирський (з 1328); заклав підвалини політичної та економічної могутності Москви II – 156

Калниболотський Максим, козак II – 38

Калишевський Петро Іванович (Калиш; бл. 1690 – 1803), останній кошовий отаман Запорозької Січі (1762, 1765-1775); проявив талан полководця під час російсько-турецької війни 1768-1774 рр.; після зруйнування Січі (1775) був засланий на Соловецькі острови, де у в'язниці м-ря провів 26 років (1776-1801); після звільнення (1801) залишився в м-рі, де й помер I – 55, 94, 105, 234; II – 43, 155, 161 – 167, 168, 182, 183, 231, 234, 239, 286.

Калиш, козак I – 233, 234

Калута, козак I – 39

Каменський Михайло Федорович (1738 – 1809), граф, генерал-фельдмаршал, полководець, учасник російсько-турецьких війн 2-ої пол. 18 ст., у 1806 р. – головнокомандуючий російськими військами проти Франції; рязанський і тамбовський губернатор I – 246, 247, 250

Камінний, козак I – 41

Канкрін А.Е., граф I – 244

Кануков К., кабардинський мурза I – 193; II – 256

Капіс Іван, курінний отаман II – 172, 231, 234

Капун Гнат Сидорович (Сидорович), полковий осавул I – 67

Карамзін Микола Михайлович (1766 – 1826), рос. історик, історіограф, письменник, публіцист, видавець, автор багатотомної «Історії государства Российского» II – 236, 260

Карасир Василь, козак I – 255

Карасир Григорій, козак I – 255

Карасир Дем'ян (Даміан), козак I – 255

Карелін Іван, протоієрей, нікольський краєзнавець, член Одеського товариства історії та старожитностей I – 261; II – 35, 37, 45, 47, 66

Карл XII (1682-1718), шведський король (1697-1718) і полководець; під час Північної війни (1700-1721) армія Карла XII була розгромлена рос. військами і укр. козаками у Полтавській битві (27.06.1709); загинув у Норвегії під час облоги однієї з фортець I – 35, 38, 42, 43; II – 72, 90, 91, 276

Карнаух Семен, козак I – 54

Карпіні П'єро (Carpini de Plano) Джованні (бл. 1182-1252), французький, італійський мандрівник; посланий папою Інокентієм IV до Монголії, двічі переїздив через Україну (1245, 1246); склав опис своєї подорожі «Libet Tartarorum» та ін., де подав відомості й про Україну II – 129

Карпов Геннадій Ф. (1838-1890), історик, доцент Харківського ун-ту II – 236

Карпова Анастасія Андріївна (уродж. Миклашевська), дворянка, донька А.М.Миклашевського, археолог-аматор I – 162, 163

Катерина, свята II – 128

Катерина II Олексіївна (уродж. Фредеріка Август, принцеса Ангальт-Цербстська; 1729-1796), рос. імператриця (1762-1796); провадила колоніальну політику щодо України: остаточно скасовано гетьманство (1764), лікві-

довано полково-сотенний устрій, зруйновано Запорозьку Січ (1775) I – 27, 28, 49, 64 – 68, 97, 98, 100, 101, 108, 115, 138, 140, 171 – 176, 184, 226, 239, 246, 248; II – 4, 27, 45, 49, 55, 71, 72, 90, 99, 100, 109, 122, 133, 135, 141, 143, 156 – 158, 160, 163, 173, 179, 181, 199, 213, 228, 229, 243, 277, 286

Катерина Іванівна, царівна I – 106

Катеринич, призивське князя Г.О. Потьомкіна I – 31

Каховський (Нечуй-Каховський) Василь Васильович, дійсний статський радник правитель Катеринославського намісництва (1789 – 1794) II – 105, 281

Качан Степан, селянин I – 53

Кваша Семен, селянин II – 56

«Киевская старина», перший в Україні науковий історичний журнал (1882 – 1906); виходив щомісяця в Києві російською мовою; видавець і перший редактор (1882 – 1887) Ф.Г.Лебединцев (1828 – 1888) I – 49, 96, 104, 146, 188; II – 57, 58, 82, 83, 89, 117, 118, 151, 161, 162, 167, 192, 202, 288

Кермен-Чуг, козак I – 60

Кирило, козак II – 241; II – 145

Кирило Іванович, полтавський міщанин I – 56

Кирилов, автор I – 146

Кирилов, псаломщик II – 244

Кияниця Василь, писар I – 67

Кияня Трохим, козак I – 233

Кірюков М. (? – 1825), поміщик II – 142

Кірюш Василь, селянин II – 131, 231

Кірта Василь, козак I – 111

Кірта Григорій, козак I – 111

Кірта, отаман I – 112

Кічкін Андрій, козак II – 128

Кишка Самійло (Кошка, Кушка; 70-ті рр. 16 ст. – 1628), гетьман реєстрового козацтва II – 287

Класен Іван, німець-колоніст I – 224

Клейн, підполковник I – 250, 251

Клейнфельд Петро Андрійович (1793-1869), граф, генерал-ад'ютант, генерал-віл-інфантерії (1841), начальник штабу Управління воєнних поселень (1819), директор департаменту воєнних поселень (1835), згодом – головно-управляючий шляхами сполучення I – 121, 155

Клир Семен (Симеон) Андрійович, протопоп I – 29

Кобзар Карпо, козак II – 113

Кобляков Ширій, московський підданий I – 194; II – 257

Коваленко, селянин I – 153

Коваль Іван, селянин II – 55, 56

Колищанов Стефан Акарійович, ієрей I – 117
 Козар Семен, козак II – 134
 Козачков Михайло, селянин II – 39
 Козелецький Павло, кошовий отаман II – 40, 288
 Коленко, полковник II – 41, 45
 Колодінча Федір, козак I – 83
 Колпак Василь, козак I – 111
 Колпак Дар'я, козачка I – 111
 Колпак Іван Опанасович, син полковника О.Ф.Колпака I – 103
 Колпак Катерина, козачка I – 111
 Колпак Марія, козачка I – 111
 Колпак Надія Опанасівна (у заміжжі Болубяш), донька полковника О.Ф.Колпака I – 103
 Колпак Онисія Опанасівна (у заміжжі Магденко), донька полковника Опанаса Колпака I – 103
 Колпак (Ковпак) Опанас Федорович, запорозький полковник, з 1745 р. – козак Шкуринського куреня, згодом його курінний отаман, з 1767 р. – полковник Проточанської, з 1768 р. – Орільської паланки; під час російсько-турецької війни 1768-1774 рр. був запорозьким полковником; відзначився в боях з татарами за Перекоп; після зруйнування Січі (1775) – полковник Полтавського піхотного полку; великий землевласник, засновник сіл, благодійник (збудував кілька церков) I – 96, 100, 101, 103, 107, 110, 111; II – 228, 233
 Колпак Палажка, козачка I – 111
 Колпак Федір, козак I – 111
 Колдунішній Василь, козак II – 29
 Комишан Григорій, козак II – 172
 Комлик Максим, козак Київського куреня I – 64
 Комлик Самойло, козак Пластунівського куреня I – 64
 Комстадіус Август Федорович (1777-1859), швед за походженням, таємний радник, херсонський губернатор (1821-1828), син Ф.С.Комстадіуса II – 126, 127
 Комстадіус Антін Федорович (1791 - ?), син Ф.С.Комстадіуса II – 126
 Комстадіус Карло Федорович, син Ф.С.Комстадіуса II – 125, 126
 Комстадіус Кароліна Федорівна (у заміжжі Томиловська; 1786 - ?), донька Ф.С.Комстадіуса II – 126
 Комстадіус Микола Августович (1837-1872), син А.Ф.Комстадіуса II – 127
 Комстадіус Микола Миколайович (1864-1917), нащадок шведського роду Комстадіусів і гетьмана Данила Апостоля; генерал-майор, воєнний юрист, мандрівник, колекціонер, приятель Д.І.Яворницького II – 125, 127, 284
 Комстадіус Олена Федорівна II – 126

Комстадіус Петро Бенедиктович, навчався в Упсальському ун-ті, син Бенедикта Петрі Комстадіуса (1596-1670) – доктора прав, члена шведського рейхстагу (1635-1647) II – 125
 Комстадіус Федір Августович II – 127
 Комстадіус Федір Савелійович, надвірний радник, син Савелія Карловича Комстадіуса II – 124 – 126
 Комстадіус Савелій (Сава) Карлович, ад'ютант стральзундської артилерії II – 125, 126
 Комулович Олександр (Комулео, Comuleus; 2-а пол. 16 – 1-а пол. 17 ст.), дон, п'ятер, за походженням хорват, римо-католицький священник, ватиканський дипломат; за дорученням папи Климентія XIII їздив до Литви, Росії, Молдавії й укр. козаків з метою утворення ліги європейських держав проти Туреччини; навесні 1593 р. відвідав Україну і виїхав на переговори з С. Наливайко I – 236 – 239; II – 230
 Конашевич-Сагайдачний, дит. Сагайдачний П.К.
 Кондратович Ф., історик, дослідник історії Задунайської Січі I – 146; II – 161, 192
 Конєцпольський Станіслав (1591/1594 – 1646), військовий і державний діяч Речі Посполитої 17 ст., каштелян краківський (1633-1646), гетьман польний коронний (1632-1646), активний учасник Лівонської війни, боротьби проти турецької агресії, прихильник жорсткої політики щодо запорозького козацтва I – 115
 Кониський Георгій (Юрій; 1718 – 1795), архієпископ білоруський, ректор Київської духовної академії; з його іменем Осип Бодянський надрукував в Москві у 1846 р. в «Чтениях Общества истории и древностей российских» «Историю Руссо»; проте ймовірним автором цього твору більшість вчених вважають Г.А.Полевичу (1725-1784) I – 35, 60; II – 270
 Коношко, козак II – 134
 Константин, святий I – 47
 Константин VII Багрянородний (Порфирогенет; 905 – 959), візантійський імператор і письменник; автор творів, в яких йдеться про історію і географію Київської держави I – 134, 185; II – 250, 252, 259
 Константин XI Драгас Палеолог, останній візантійський імператор (1449 – 1453) II – 54, 268
 Константинов, поміщик II – 91
 Копя Роман, архімандрит Києво-Печерської лаври II – 174
 Корбе М.Н., домовласник II – 241
 Кореньський Павло Федорович, ктитир II – 78, 79
 Корж, гайдамака II – 75
 Корж Микита Леонтійович (1731-1835), запорозький козак-довгожитель, осадчий слободи Михайлівки, на поч. 1830-х рр. архієпископ Гавриїл запи-

сав його розповіді про Запорозьку Січ, що були опубл. у 1842 р. в Одесі під назвою: «Устное повествование бывшего запорожца, жителя Екатеринославской губернии и уезда, селения Михайловки, Никиты Леонтьевича Коржа» I – 60, 61, 65, 67; II – 150, 151, 161

Корнилов Н.П., становий пристав II – 61

Корнісєнко, німецький колоніст I – 133

Корній, козак I – 56; II – 250

Короленко А.А., домовласник I – 87

Коростовцев Михайло I – 110

Косап Павло, див.: Головатий Павло

Косолан Данило, полковий хорунжий I – 67

Костенко Василь, ктитор I – 49

Костомаров Микола Іванович (псевд. і криптон. Ієремії Галака, Іван Богучаров, Николай И., Н.К. та ін.; 1817-1885), укр. і рос. історик, археограф, фольклорист, етнограф, письменник, публіцист, громадсько-політичний діяч; з 1846 р. – професор Київського, з 1859 р. – професор Петербурзького ун-тів; з 1864 р. – доктор історії, з 1876 р. – член-кор. Петербурзької АН; член Київської та Петербурзької археографічних комісій; один із засновників та ідеологів таємного т-ва «Кирило-Мефодіївського братства» (1845-1847), автор програмного документа цього т-ва: «Книги буття українського народу»; автор численних наукових, літературних, публіцистичних творів та статей, документальних збірок I – 116, 256 – 258; II – 33, 91, 236, 264, 271

Костиця Іван, лодіян I – 164, 168; II – 246

Косяк Євдоким, селянин II – 187, 188, 191, 232

Кот Степан, козак I – 105

Котельніков, землевласник II – 241

Коховський (Kochowski) Веспасіан (Веспасіан) Геронім (бл. 1633-1699), польський поет і хроніст, учасник протикозацьких воєн і віденського походу 1683 р.; автор хроніки: «Anpaysm Polonae Smpacta», що містить багато матеріалу з історії України 2-ої пол. 17 ст. і була одним з джерел літопису Г.Граб'янки II – 236

Кочубей Василь Васильович, полтавський полковник (1727-1743), син Василя Леонтійовича Кочубея (генерального судді); командував козацьким полком на Українській лінії (1731-1739) I – 110

Кочубей Василь Леонтійович (бл. 1640 – 1708), державний діяч мазепинської доби, генеральний суддя (з 1700 р.), лідер полтавської старшинської опозиції, зробив донос Петрові I на гетьмана І. С. Мазепу, був страчений II – 289

Кравцов, мешканин I – 259

Кравченко Євстафій, ктитор I – 53

Кравчиня Іван, козак I – 117

Краса Андрий, козак I – 111

Красовський Кирило, полковник Самарської паланки I – 165

Кремльський Григорій, протоієрей II – 47, 89, 277, 278, 285

Кривий Влас, козак I – 56

Кривоніс Денис, козак II – 288

Криса Прокіп, козак I – 111

Крипка Федір, ктитор I – 67

Крот Панько, селянин I – 38

Крючок, рибалка I – 251

Кузьма Опанасович, майстер I – 56

Кулик, козак I – 240

Кулик Максим, козак II – 174

Кулик Нестор, козак I – 241

Куліш Пантелеймон Олександрович (Панько Олександрович; літ. псевд.: Іродчук, Козак Белебень, Необачний, Павло Ратай, Хуторянин та ін.; 1819-1897), укр. поет, прозаїк, перекладач, літературний критик, публіцист, етнограф, історик, громадський діяч, співробітник Київської археографічної комісії, один з лідерів «Кирило-Мефодіївського Братства» (1845-1847), засновник видавництва в Петербурзі (1857), активний учасник журналу «Основа»; автор численних творів з історії України; негативно ставився до запорозького козацтва, особливо щодо 18 ст.; вважав, що у цей час Запорозька перетворилася на історичний анахронізм, виправдовував його ліквідацію II – 190, 237

Кульба Максим, кошовий отаман II – 172

Кушп Якуб Якубович, німецький колоніст, учитель I – 207, 208, 211, 213, 215 – 218, 225; II – 229

Курилін, власник Шевського о-ву I – 166

Курилін Іван, священник у с. Вище-Тарасівка I – 96

Куриносів, землевласник I – 259

Куря, печенізький хан I – 182

Лабуrowsький Григорій Якимович, суддя Війська Запорозького I – 63

Лаврентій, отець печерський II – 41

Лаврентій Затворник, ченець II – 110

Лантух Григорій, кошовий отаман I – 26; II – 182

Ласота Еріх, див. Ласота Еріх

Латиш Семен, козак I – 44

Лашкевич, дійсний статський радник II – 124

Левницький Петро, священник I – 27

Левченко Наум, козак I – 111

Левшин Олексій Федорович, землевласник I – 155

Легкий Яків Андрійович, юстицій II – 76
 Легуша Дем'ян, козак Величковського куреня I – 95
 Лелека Пилип, козак I – 111
 Леонтович Ієремія, козак, згодом – священник I – 55
 Леонтьєв Михайло Іванович (1682 - 1752, генерал-аншеф, київський генерал-губернатор (6.03.1738-8.03.1740, 8.01.1741-12.09.1752) I – 116; II – 287
 Лепетій Яків, козак I – 118
 Лепп, німець-колоніст, власник фабрики I – 223
 Лерберг Аарон Христіан (1770 – 1813), родом з Дерпта, історик, географ, академік Російської Імператорської АН; автор твору німецькою мовою: «Untersuchungen für Erläuterung der älteren Geschichte Russlands», що був виданий академіком Крутом по смерті автора; рос. переклад, що його здійснив Д.Язиков, був виданий у 1819 р. I – 134, 178, 181, 18; II – 254, 259
 Леслі Дмитро Єгорович, полковник Чугуївського регулярного полку I – 250
 Лефсин Євстафій, козак I – 63
 Лефсин Леонтій, козак I – 63
 Лефсин(а) Марія, козачка I – 63
 Лиман Василь, селянин, зодчий I – 41; II – 241
 Линчай Федір, козацький отаман, який у 1647 р. очолював козаків проти Барябаша, але зазнав поразки і утік на Бузький острів I – 258; II – 32
 Лисенко Аврам, селянин II – 78
 Литвин Василь, козак I – 111
 Литвин Михалон, псевдонім Михайла Тишкевича, литовського посла до Криму в сер. 16 ст., автора записок про звичаї татар, литовців і Росії (бл. 1550), в яких подано матеріал про природу і побут України («Michalonis Lithuani. De moribus Tartarorum, Lithuanorum et Moschorum Fragmenta X», Бязель, 1615) I – 34
 Литвин Яків, селянин I – 30, 32
 Лихман, селянин I – 144
 Лихолат Кіндрат, селянин I – 39
 Лихопой Філон, козак II – 182
 Лішевський, селянин I – 39
 Лип Шарль Жозеф де (Prince de Ligne; 1735-1814), бельгійський принц, генерал-фельдмаршал, австрійський військовий діяч, письменник, приятель імператора Йосифа II, автор спогадів у листах до нього; у 1780-1787 рр. перебував в Росії, посланець австрійського двору при Катерині II I – 28
 Літта Катерина Василівна (урожд. Скавронська), графиня, небога князя Г.О.Потьомкіна, дружина графа Юлія Літта (1763-1839), італійця за походженням, віце-адмірала, активного діяча католицизму в Росії, гротмейстера Мальтійського Ордену, міністра Ордену при рос. дворі Павла I I – 245, 247
 Лойко Андрій, селянин II – 172

Ломака Корній, козак I – 255
 Лось Мокій, селянин II – 48, 49, 230
 Лукіан, ігумен Нехворощанського Успенського м-ря (1777-1783) I – 109
 Лукін, селянин II – 166
 Луж'ян, козак I – 56; II – 62
 Лук'янов (Іоани), священник II – 188, 288
 Лутай Іван, кошовий отаман II – 51, 52, 266, 288
 Любарський Петро Іванович (церковне ім'я Платон; 1738-1811), архієпископ катеринославський, херсонський і таврійський (1805 – 1811) I – 94
 Лясота (Лясота, Лассота) Еріх (бл. 1550 – 1616), австрійський дипломат і воєн. автор записок про Запорозьку Січ кін. 16 ст.; у 1594 р., за дорученням імператора Рудольфа II, перебував на Січі, намагаючись скликати козаків до союзу з Австрією для боротьби проти Османської імперії I – 32, 34, 46, 60, 134, 178, 180, 185 – 187, 202, 203, 234 – 238, 243, 245, 246, 257; II – 29, 32, 79, 80, 84, 230, 240, 251, 253, 260, 261, 264, 274
 Ляський Ольбрехт, польський магнат XVI ст. I – 195, 196; II – 257
 Львов Лук'ян, козак I – 49
 Львов Сергій Лаврентійович, генерал-майор II – 123

Магденко, козацький (згодом – дворянський) рід I – 100
 Магденко, землеволодільник I – 103
 Магомеда, святий I – 197
 Магомет II ель-Фатіх («Завойовник»; М. Бутак, «Великий»; 1430 – 1481), 7-й османський правитель (султан; 1451 - 1481), син Мурада II II – 119
 Мазай Микола Олексійович, селянин II – 56, 59
 Мазепа Іван Степанович (бл. 1639 – 1709), укр. державний і політичний діяч, гетьман України (1687 – 1709) I – 35, 38, 42, 43, 73, 74, 108, 241; II – 42, 66, 90, 91, 96, 201, 210 – 212, 242, 276, 289
 Мазур Федосія Андріївна, дружина кошового отамана Азовського козацького війська Й.М.Гладкого I – 142
 Макар, селянин I – 51
 Максиміліан II (1527 – 1576), австрійський ерцгерцог, австрійський імператор (з 1569) I – 236
 Максимович Данило I – 110
 Максимович Л. М. II – 152
 Малашевич Гордій I – 111
 Малашевич Іван Олексійович, кошовий отаман Олешківської та Кам'янської (1733-1734) Січей (з 1714 р. 9 разів обирався на уряд кошового отамана); родом з Полтавщини; домігся дозволу на переведення запорожців з р. Кам'янки в урочище Базавлук, де була заснована Нова Січ (1734-1775); рі-

шуче відстоював військово-політичні й територіальні права Запорожжя I – 111; II – 88, 148, 150, 174, 286
 Малашевич Костянтин (Мелашевич Кость) I – 111
 Малашевич Олексій I – 111
 Малашевич Параска I – 111
 Малашевич Явдоха I – 111
 Малий Пшоло I – 164
 Малий Хома, курінний отаман II – 174
 Малий Ярема (Єремій) Максимович, підпоручник I – 95
 Малий, козак I – 111
 Малишевич Стефан, священник I – 64
 Малашевич, козацький рід I – 110
 Малавський Йов (Іов), архимандрит II – 102
 Малаври, козаки I – 41
 Мамай (? – 1380), татарський темник, хан Золотої Орди; розгромлений у Куликовській битві (1380); зазнавши поразки від Тохтамиша, утік до Кафи, де був вбитий II – 80, 81, 85, 274
 Мандрика Андрій, осавул I – 67, 166
 Манжоловський Яків, ктитор I – 53
 Манштейн (Manstein) Христофор Герман (1711 – 1757), курляндський німець, перебував на військовій службі в Росії; автор мемуарів («Memoires historiques, politiques et militaires sur la Russie»; 1771), в яких багато місця присвячено Україні, зокрема незалежницьким змаганням укр. козаків I – 187; II – 81
 Маньковський Григорій, селянин II – 38
 Марина, солдатська пасога II – 262
 Марія, возничка I – 55
 Марія Магдалина, одія з жінок мироносиць, найвіданіша послідовниця Ісуса Христа II – 39
 Маркевич Микола Андрійович (1804 – 1860), укр. історик, археограф, письменник, народознавець, іскривий прелестник укр. національного відродження; автор бл. 200 праць, найбільш відома 5-ти томна «История Малороссии» (М., 1842-1843) I – 35; II – 90, 189, 260, 264, 265
 Марков З.І., інспектор катеринославської гімназії, директор херсонської гімназії II – 246, 247
 Марковін, історик II – 265, 278, 284
 Маркус Костянтин Мануйлович, землевласник I – 183
 Мартинів Зихрій, козак I – 94
 Мартюк, козак I – 42, 241
 Маслов Феодосій, архимандрит II – 100, 101

Махмуд II (1785 – 1839), турецький султан (1808 – 1839); скасування кінчирство (1826); за його правління відбулося дві російсько-турецькі війни (1806-1812; 1828-1829) I – 142
 Махмуд IV, турецький султан II – 61
 Машівич Лев (1843 – 1915), історик і археолог; автор праць з історії України та історії укр. церкви I – 96
 Майковський Геласій, ієромонах II – 174
 Менгаї-Грей I, кримський хан (1466, 1478-1514) II – 237
 Менгаї-Грей II, кримський хан (1724-1730, 1737-1740) II – 89
 Мержанов Михайло Єгорович, домовласник II – 38
 Мерончик Іван, козак I – 112
 Метельченко Онуфрій Петрович, селянин I – 233
 Мечислав, король II – 125
 Миклашевська, поміщиця I – 259
 Миклашевський Анарій Михайлович (1814 – 1905), таємний радник, катеринославський губернський маршал, дійсний член Імператорського товариства сільського господарства Південної Росії (1861), власник маєтку в с. Ворона Новомосковського пов. Катеринославської губ., приятель Д.І.Яворницького I – 162, 170
 Миклашевський Михайло Ілліч, дворянин, почесний мировий суддя (1886); катеринославський повітовий (з 1896) та губернський (з 1902) маршал I – 248
 Миклашевський Михайло Павлович (1756 – 1847), генерал-ад'ютант князя Г.О.Потьомкіна (1788), волинський губернатор (1797), малоросійський цивільний губернатор (1797-1800), новоросійський губернатор (1801), катеринославський цивільний губернатор (1802-1804), сенатор межевого департаменту (1808-1818); у 1812 р.; мав зв'язки з Новгородським патріотичним гуртком, склав проєкт відродження козацтва в Україні I – 246, 247, 250
 Миклашевський Павло Михайлович I – 245, 246, 248; II – 262
 Микола I Павлович (1796 – 1855), рос. імператор (1825 – 1855), виступав як «жандарм Європи», жорстоко переслідував вільнодумство, за що отримав прізвисько «Микола Кровавий» I – 121, 144, 155, 226; II – 192, 194
 Микола Тимофійович, військовий суддя I – 63
 Миколай, великий християнський святий, що вславився чудотвореннями за життя й по смерті; його ім'я оточено численними парамірами переказами I – 33, 41, 46, 50, 51, 59, 61 – 63, 79, 80, 91, 94, 95, 117; II – 40, 43, 241
 Миколінський Богдан, кошовий отаман Війська Запорозького (1586, 1594), воював з турками й татарами; він переговори з Еріхом Ляссотою (1594) про участь Запорожжя в антитурецькій коаліції I – 234, 237; II – 239
 Милорадович Єлизавета Іванівна (уродж. Скоропадська; 1832-1890) II – 134

Милорадовичі, землевласники; ймовірно Милорадович Микола Дмитрович (1833-1901), дійсний статський радник, катеринославський повітовий маршал (1863-1866), управляючий державним майном Катеринославської губ., небіж Є. І. Милорадович; та його дружина Олена Григорівна Милорадович (уродж. Шербатова; 1843-1903) I – 177; II – 247

Мироні, рід I – 133

Мирянов Олексій, селянин II – 141

Михайл, архангел і архістратиг, один з семи архангелів, провідник небесного воїнства у боротьбі з темними силами аду, переможець сатани I – 45, 46, 103, 104, 116, 254, 255; II – 40, 43

Михайло Всеволодович (? – 1246), сьятий чернігівський князь, що був закатований татарами в Орді I – 63

Михайло Миколайович (1832 – 1909), великий князь, син імператора Миколи I, згодом – генерал-фельдцейхмейстер, намісник Кавказу, командуючий Кавказьким військовим округом, голова Державної ради I – 241; II – 67, 85, 173, 181

Михайло, козак I – 34

Михайлов, священик I – 83

Мишецький Семен Іванович, рос. князь, офіцер, перебував на службі в Україні, (1736 – 1740), зокрема на Зіпорожжі; автор «Історин о казакях запороженіх...» (1740) I – 34, 75, 86, 136, 162, 185, 187, 188, 200, 202, 243, 257; II – 32, 37, 45, 51, 58, 80, 81, 85, 89, 90, 104, 105, 107, 112, 113, 119, 120, 135, 136, 148, 149, 151, 236, 251, 252, 254, 259, 260, 264, 266, 274, 276 – 281

Міллер Гергард Фрідріх (1705 – 1783), рос. історик, археограф; родом з Вестфалії; академік Петербурзької АН (з 1731), державний історіограф Російської імперії, директор Московського архіву колегії іноземних справ; присвятив спеціальні дослідження історії козацтва I – 27, 46; II – 51, 141, 236, 254, 265, 266

Мініх Бурхард-Христофор (1683 – 1767), граф, фельдмаршал, родом з Німеччини; за правління Анни Іванівни – президент військової колегії, командуючий рос. військами в Польщі; у 1736 р. очолив похід у Крим, назв Бихчисарай, Очаїв, Хотин, виправ битву при Ставучанах (1739); за його наказом побудовані укріплення на о-ві Велика Хортиця; за часів Єлизавети Петрівни був засланий, повернутий Петром III; під час правління Катерини II – керував портами і Дніпровським каналом I – 35, 162, 189; II – 81, 109

Мірошніченко Марко (Багатий), селянин II – 62

Мірошніченко Семен, селянин II – 178, 179

Місюрєв, підполковник II – 160

Міхєєв Федір Іванович, поміщик, далекий родич Д. І. Яворницького II – 197, 198, 202

Мішюра, козак I – 34

Мищенко Федір Герасимович (1848 – 1906), український і російський історик античності, член-кореспондент Петербурзької АН (з 1895 р.), професор Казанського університету (з 1889 р.), член київської «Громади» II – 117

Млинський, козацький отаман, який разом з Михайлом Єськовичем очолили загін черкасько-київських козаків проти кримських татар I – 191; II – 255

Многогрешний Дем'ян Гнатович (1621 – 1703), гетьман Лівобережної України (1668 – 1672), меценат Києво-Могилянської академії; учасник національно-визвольної війни укр. народу 17 ст.; прибічник гетьмана Петра Дорошенка, відстоював права України і сили гетьманську владу; за спосини з гетьманом Правобережної України Петром Дорошенком був ув'язнений в іркутській в'язниці, після звільнення у 1686 р. перебував на військовій службі; у 1696 р. постріляв у ченці II – 272

Могилянський Євстафій, полтавський протопін I – 166

Модалевський М.С., помічник управляючого II – 173

Мойсей, печерський чудотворець II – 110

Монковський Паїсій, ігумен Нехворощанського м-ря I – 108, 110

Моріон, полковник I – 115

Морсаяков Яків, похідний кошовий отаман I – 143

Мороховець, козак I – 111

Мортира, печерський чудотворець II – 110

Мошєнський Кирило, козак II – 145

Мстислав Ізяславович (? – 1170), князь переяславський (з 1151), Волинський (з 1154), київський (з 1167/1168); 1152 р. дніч розгромив половців I – 165

Мукосії Дем'ян, козак I – 240

Мурзакевич Микола Никіфорович (1806 – 1863), укр. історик, археолог, археограф, професор та ректор Рішельєвського ліцею в Одесі, один з фундаторів Одеського т-ва історії та старожитностей (його секретар, згодом – ніч-президент), директор Одеського археологічного музею; керував археологічними дослідженнями в Причорномор'ї та Криму II – 39, 45, 53, 191

Муромець Ілля (білиничий герой) II – 197

Муромцев Матвій Васильович (1734 – 1799), генерал-майор, губернатор Новоросійської губ. (1775 – 1778) II – 180

Муха Дем'ян, рибацька I – 159

Мухортів Микола Захарович, поручик, поміщик II – 204

М'який Яким, козак I – 57

Надеждін Микола Іванович (1804-1856), рос. філософ, естетик, критик, журналіст II – 117

Нядхін Григорій Прокопійович (1819 – 1881), історик, етнограф, співоробітник журн. «Основа» (1862); родом з Катеринослава I – 76, 80, 82, 87, 92; II – 36

Наливайко Северин (1560? – 1597), керівник народного повстання на Україні 1594 – 1596 рр. проти польської шляхти II – 217

Наливкин, учений-лексикограф I – 197

Нассау (Нассауський) Микола-Вільгельм (1832-1905), принц герцогства Нассау (у 1806-1866 рр. – герцогство у південно-західній Німеччині; у 1866 р. приєднане до Пруссії й склало основну частину округу Висбаден пруської провінції Гессен-Нассау); перебував на службі в пруській армії; брав участь у франко-пруській війні 1870-1871 рр.; генерал-лейтенант (1879), генерал від інфантерії (1905) I – 174

Наумович Григорій I – 30

Недождай Григорій, кпітор I – 51

Недоступ, козак II – 3

Некласа Іван, козак I – 83

Неліпа Данило, селянин II – 202, 232

Неліпа Зіновія Іванівна, селянка II – 59

Немолов Онуфрій, рязанський майстер II – 41

Неплюєв Леонтій Романович, севський воєвода I – 73; II – 242

Непокритенко Степан Кузьмович, козацький лоцман I – 65

Несельський К., польський хроніст I – 190, 197; II – 258

Нестеров Власій, священник I – 53

Нестор, печерський чудотворець II – 110

Нефельд І.І., німецький колоніст II – 247

Нечаєва, поміщиця II – 39

Нечуй-Каховський В.В., див.: Каховський В.В.

Никанор, архієпископ слов'янський і херсонський I – 83

Никіфор Звенигородський, архімандрит II – 101

Никодим, архімандрит II – 283

Никон, прозваний Великим, преподобний, ігумен Києво-Печерського м-ря (1078-1088), фундатор м-ря у Тмутаракані; автор продовження Київського літописного своду 1037 р. і редактор Літописного своду 1073 р. I – 185

Ничипір, козак I – 238

Німченко Федір, селянин I – 51

Новицький Яків Павлович (1847 – 1925), укр. історик, фольклорист, етнограф, археолог, археограф, архівіст, культурно-громадський діяч; член-кор. ВУАН (з 1924); почесний член Катеринославської вченої архівної комісії та інших наукових т-тів; автор численних наукових та науково-популярних праць та збірок; багато зробив в системі народної освіти I – 136, 137, 146, 150 – 152, 171, 183, 202, 213, 214, 220, 224, 225; II – 233

Ногай Макар, військовий старшина I – 53

Нос Павло, козак I – 45

Носаков, священник I – 255

Носач, селянин I – 27

Ностиць, ймовірно Ностиць Іван Григорович, граф, генерал-лейтенант, син Ностиця Григорія Івановича (? – 1838); належав до роду, що походив з Слезії, з гілки, репрезентанти якої оселилися в Саксонії. Г.І.Ностиць у 1807 р. вступив у російську службу; став генерал-ад'ютантом I – 98; II – 241

Овсяннико-Куликовський II – 105, 281

Огарков Михайло Федорович, поміщик, планувальник запорозького козацтва II – 91, 93, 103, 278, 280

Одданицька (Одданицька) Аполлонія (в замкові Комстадіус), дружина С. К. Комстадіуса, херсонського землевласника шведського походження II – 125

Олеарій Адам (бл.1599 – 1671), німецький вчений і мандрівник, у складі шлезвиг-гольштинського посольства відвідав Московію (1633), здійснив подорож через Росію у Персію (1635-1639); автор «Описання путешествия в Московію и через Московію в Персію и обратно» (1906) I – 180

Олександр Невський (1220 – 1263), князь новгородський (1236-1251) та володимирський (з 1252); полководець; 15.07.1240 р. розгромив шведів на р. Неві (Невська битва), за що прозваний Невським; 5.04.1242 р. на Чудському озері розгромив німецьких рицарів I – 143

Олександр I (Павлович; 1777 – 1825), російський імператор (1801 – 1825) II – 166, 167

Олександр Павлович, архімандрит, полтавський єпископ II – 168

Олексій Михайлович (1629 – 1676), російський цар (1645 - 1676) II – 53, 101

Олена (бл. 244 – 327), свята, мати візантійського імператора Костянтина Великого; сприяла розповсюдженню християнства I – 47

Ольга (християнське ім'я Олена; ? – 969), велика княгиня київська (945 – 957), дружина князя Ігоря, мати князя Святослава; за вбивство чоловіка розправилася з древлянами (945); з метою зміцнення стосунків з Візантією, відвідала Константинополь; прийняла християнство; канонізована церквою I – 164

Онкієнко Семен, селянин II – 73, 231

Онисифор (світське ім'я Онисим Боровик; ? – 1828), єпископ Катеринославський, херсонський і таврійський (28.11.1827 – 23.12.1827), архієпископ (24.12.1827 – 20.04.1828) I – 94

Онуфрій Назарович, курінний отаман II – 38

Опалінський, поміщик II – 189

Островський, шинкар II – 214

Оська, мешчанин II – 60, 61

Очеретькова Е.М., поміщиця II – 29

Павло, апостол, найвизначніший проповідник християнства I-го ст. серед язичників, внаслідок чого його називають «апостолом язичників» I – 80, 144; II – 242

Павло, ктитір II – 40

Павло, козак I – 111

Павлюк, курінний отаман II – 65

Павлюк Павло Михайлович (справжнє прізвище – Бут, ? – 1638), козацький гетьман (з 1637), ватажок козацького повстання 1637 р., учасник козацьких походів проти турків і татар I – 72

Паладка Лев Васильович (1859 – 1922), укр. історик, археолог, архівіст, етнограф, статистик; співробітник полтавського і херсонського земств, губернських управ, член Полтавської вченої архівної комісії; автор праць з історії та археології України, в тому числі з історії запорозького козацтва II – 84

Палій (Гурко) Семен Пилипович (40-і рр. 17 ст. – 1710), укр. військовий діяч, полковник фастівський (білоцерківський), керівник визвольної боротьби проти польської влади на Правобережній Україні напри. 17 - поч. 18 ст. I – 254; II – 207 – 213, 288, 289

Панкєви, купці II – 105

Панкратєв, поручик I – 250

Панченкова Ксенія, домовласниця II – 37

Параскева, свята I – 106

Параскева (Прасковія) Іванівна (1694 – 1731), рос. царівна, молодша донька царя Івана Олексійовича і Прасковії Федорівни I – 106

Пепелешинський Василь, ієрей I – 37

Перепелицин, священик II – 284

Перун, поганський бог I – 180

Перхуров Василь, полковник II – 273

Пест Євстафій, козак I – 54

Петерсон, генерал-майор I – 247

Петку Абрам, німецький колоніст I – 207, 212, 214

Петренко Микита, селянин II – 37

Петренко Н.П., землевласник I – 179

Петро, апостол, один з найвідоміших учнів Ісуса Христа, що мав великий вплив на подальшу долю християнства; своє вчення апостол Петро виклав у двох збірниках послань, що містяться в Новому завіті після книги Діянь апостолів I – 68, 80, 144; II – 242

Петро, ігумен I – 110

Петро, ченець Нехворощанського Успенського м-ря I – 110

Петро I Олексійович (Петро Великий; 1672 – 1725), рос. цар (1682-1725), імператор (з 1721); за його правління відбулися: азовсько-дніпровські походи 1695-1696 рр., взяття Азова, Північна війна зі Швецією (1700-1721); за його наказом знищено Чортомлицьку (1709) і Кам'янську (1711) Січі I – 27, 35, 43, 73, 74, 116; II – 54, 56, 66, 72, 88 – 91, 101, 102, 109, 210, 211, 268, 269, 276, 277, 286

Петро III Федорович (1728 – 1762), рос. імператор (з 1761) I – 27, 52, 97; II – 243

Петров Семен, купець I – 95

Петрюк Мусій, селянин I – 38

Пирогов Дмитро, власник ливарного заводу II – 102

Пироговський Клим (Абдула), селянин II – 172

Писаревський Павло, священик I – 39

Писемська, полковниця I – 250

Писменний Павло, козак I – 54

Півень Василь, селянин I – 39

Підкова Іван (? – 1578), молдавинець, запорозький козак, господар Молдавії (1577-1578) I – 189; II – 217

Пісун, козак II – 179, 180

Піхотинський, землевласник I – 181

Плаксий Лесько, козак I – 28

Платон, див. Лобарський Петро Іванович

Плиха Лаврентій, козак I – 82

Плійний (Плійний Старший; Гай Плійний Секунд; 23 – 79 рр. н.е.), римський учений, письменник, автор відомого твору «Природна історія» II – 236

Плохий Опанас, селянин II – 131, 231

Плясун Петро, козак I – 118

Погребняк Яким, архітектор-самоук, за його проектом збудовано Новомосковський собор – «перлину» українського дерев'яного зодчества I – 77 – 80

Полевой Микола Олексійович (1796 – 1846), рос. історик, письменник, критик, автор багатотомної «Истории русского народа» (М., 1830) II – 236

Поleshко, пан I – 110; II – 191

Полікарп, архімадрит Бізюкова м-ря II – 101

Половицький, козак I – 251

Полторацький Мойсей Іванович, лотман I – 65, 174

Полуботок Павло Леонтійович (бл. 1660 – 1724), полковник Чернігівського полку (1706-1724) і наказний гетьман (1722-1724); відстоював автономію України I – 69

Полуденний, поміщик II – 93, 103, 280

Поль Олександр Миколайович (1832 – 1890), укр. історик-краєзнавець, підприємець, сприяв розвитку гірничої справи на Криворіжжі; співробітник

Одеського т-ва історії та старожитностей; меценат, колекціонер; його колекція старовини стала однією зі складових музею його імені у Катеринославі I – 69, 71; II – 39, 144, 145, 228, 233

Пономаренко Трохим, старожил II – 111

Понітовський Станіслав Август (1732 – 1798), останній польський король (1764 – 1795) I – 28, 29; II – 125

Попеленецький Василь, ієрей II – 240

Попов Василь Степанович (1745 – 1822), управитель канцелярії князя Г.О.Потьомкіна, один з 4-х особистих секретарів Катерини II; управитель імператорського кабінету, президент комерц-колегії, член Державної ради II – 123

Попович, син гетьмана II – 32

Порохня Григорій Іванович, намісник Староколяшківського духовного правління (з 1763 р.), ініціатор та організатор будівництва декількох церков на Січі; тесть військового судді Чорноморського війська А.Головнотого I – 55, 81, 105

Посун(ю)ко Олексій, послухник I – 111

Потоцький Микола (1594 – 1651), польський військовий і державний діяч, магнат, воєвода брацлавський, староста остерський, черкаський, бирський і каштелан кравівський, з 1646 р. – великий гетьман коронний Речі Посполитої; придушив національно-визвольні козацькі повстання в Україні (1637-1638); під час Національно-визвольної війни сер. 17 ст. був розгромлений Б.Хмельницьким в битві під Корсунем (1648) і потрапив у татарський полон I – 258, 263; II – 32, 37

Потьомкін Григорій Олександрович (прізвисько. Потьомка, Грицько Нечеса; 1739 - 1791), рос. державний і військовий діяч, граф (з 1774), князь Таврійський (з 1783), генерал-фельдмаршал (з 1784), фаворит Катерини II; ініціатор зруйнування Запорозької Січі (1775) I – 28, 31, 47, 63 – 65, 68, 93, 107, 166, 174, 191, 217, 246, 254; II – 28, 34, 45, 75, 77, 78, 100, 109, 112, 12 – 124, 127, 164, 182, 251, 283

Потьомкін Іов, див. Іов (Потьомкін)

Прилука Стефан, козак I – 83

Провора Хомі, сліпий музикант, кобзар II – 197 – 202, 232

Прозоровський Олександр Олександрович (1732-1809), князь, генерал-фельдмаршал, учасник Семилітньої й російсько-турецької (1768-1774) війн, московський головнокомандуючий (1790-1795) I – 166, 254; II – 160, 245

Присяжнікова, селянка II – 29

Прудяк Іван, козак I – 82

Прус Самійло, селянин I – 113; II – 228

Прусенко, селянин II – 60, 61

Псел, сотник I – 62

Пузиренський Олександр, секунд-майор II – 163

Пушій Михайло, козак II – 145

Пушій Никифір, козак II – 145

Пушкін Олександр Сергійович (1799 – 1837), рос. поет, письменник, історик II – 217

Пушкін Петро Іванович (? – 1812), адмірал, сенатор I – 186; II – 103

Пшеничний Іван Миколайович, селянин I – 259

Пясецький Павел (1579 – 1648), єпископ перемишльський, автор відомого твору латинською: «Chronica» (1645; польський переклад – 1870) I – 196; II – 236

Раазивіа Чорний, польський магнат, належав до старовинного литовського роду I – 191

Разорович, консул II – 91

Растевський Петро, священник II – 35

Рафаїл, див. Заборовський Михайло

Рафаїл, архієрей II – 234

Рева, пан I – 110

Резниченко Іван, козак I – 55

Резниченко Катерина, козачка I – 55

Решетник Михайло, селянин II – 40, 43, 44, 66

Решін Ілля Юхимович (1844 – 1930), видатний рос. живописець, родом з України (м. Чутув Харківської обл.), професор і ректор (1898-1899) Петербурзької Академії мистецтв; творча і громадська діяльність пов'язані з Україною (створив декілька картин на укр. тематику, з яких найвідоміша – «Запорожці пишуть листа турецькому султанові»; в створенні цієї картини велику допомогу Решіну надав Яворницький; підтримував дружні стосунки з укр. діячами; приятель Яворницького I – 25; II – 233, 234, 235

Ржевський, рос. військовий командир I – 191, 194; II – 106, 108, 255 – 257

Ржончинський II – 189

Рибаків Федір, селянин II – 36

Рибаків Тихоко, козак I – 56

Рігельман Олександр Іванович (1720-1789), рос. історик, військовий інженер, топограф, генерал-майор російської армії; у 1741-1743 рр. служив на Запорозжі (розмежовував землі й будував фортеці) й збирав матеріал з історії українського козацтва; автор «Летописного повествования о Малой России и ее народе и козаках вообще» I – 34, 38, 60, 73, 74, 108, 186; II – 154, 159, 234, 236, 251, 252, 265, 272, 276, 279

Ріднер, німецький колоніст I – 207

Ровинський Дмитро (1824 – 1895), історик мистецтва, збирач і дослідник російських і українських гравюр, народних картин та ікон; автор низки

праць з історії мистецтва, в яких є багато документально-біографічних матеріалів з історії українського граверства II – 234

Родан Іван, козак I – 111

Родзянко Авдотья Петрівна (уродж. Фалеева; 2-а пол. 18 ст. – 1830-ті рр.), дворянка, дружина підполковника Родзянкі Петра Єремієвича; небага М.А.Фалеева (прибічника князя Г.О.Потьомкіна на півдні України), який залишив їй у спадок с. Вільне та с. Михайлівку на Катеринославщині; Р. – прабаба Михайла Володимировича Родзянкі (1859-1924) – відомого державного і політичного діяча Російської імперії II – 124

Росенко Герасим I – 28

Розець, барон, полковник, брав участь у зруйнуванні Запорозької Січі II – 160

Розумовський Кирило Григорович (1728 – 1803), граф, останній гетьман України (1750 – 1764), генерал-фельдмаршал I – 245, 247; II – 158, 194, 195

Розумовський Левко Кирилович, граф, син останнього гетьмана України Кирила Розумовського I – 247, 250

Розумовський Олексій Григорович (1709 – 1771), граф, генерал-фельдмаршал, фаворит імператриці Єлизавети, сприяв відновленню гетьманства в Україні I – 96

Роман, козак I – 50

Романо Са-Джорджіо, кардинал I – 236

Росковський Іван, пан I – 110

Россолода Іван Іванович, син Россолоди І. Г. II – 4, 28

Россолода Іван Гнатович, запорозький старожил II – 3 – 5, 28, 191, 230, 233

Россолода Орина Іванівна, донька Россолоди І. Г. II – 4

Россолода Петро Іванович, син Россолоди І. Г. II – 4

Россолода Самійло Іванович, син Россолоди І. Г. II – 4, 28

Россолода Яків Іванович, син Россолоди І. Г. II – 4

Ростика, козак I – 58

Ртищев Нечай, боярський син, царський посол I – 192; II – 253, 255

Рубан Іван, пан I – 110

Рубежко Данило, селянин II – 175

Рудольф П (1576 – 1612), римсько-германський імператор I – 187, 234, 236; II – 253

Румищев (Румищев-Задунайський) Петро Олександрович (1725-1796), граф, рос. полководець, генерал-фельдмаршал, учасник Семирічної війни (1756-1763), президент другої Малоросійської колегії, генерал-губернатор; за перемоги у битвах під час рос.-турецької війни 1768-1774 рр. одержав титул «Задунайський»; боровся за ліквідацію Запорозької Січі I – 105

Русов Олександр Олександрович (1847-1915), укр. земський статистик, етнограф, фольклорист, культурно-громадський діяч I – 103; II – 251, 274

«Русская старина», історико-літературний щомісячник, видавався у 1870 – 1918 рр.; засновник і редактор М.І.Семеновський, брат історика В.І.Семеновського II – 162, 166, 192

Рябний Іван, куриний отаман I – 111

Рябшатка Никифор, знатний товариш Поповичовського куреня I – 95

Сива, козак I – 53

Савваф, Господь Бог I – 45

Савватій, соловеський чудотворець II – 167

Сагайдак Грицько, козак II – 207, 212, 213

Сагайдак Іван, козак I – 110

Сагайдачний (Конашевич, Конашевич-Сагайдачний) Петро Кононович (бл. 1570/1577/1578 – 1622), гетьман Війська Запорозького; видатний військовий діяч, благодійник, один із засновників і покровителів Київської братської школи; випускник Острозької академії; боровся проти османської імперії та Московської держави; у серпні 1621 р. був поранений отруєною стрілою і невдовзі помер I – 136, 187 – 189, 201, 203; II – 181, 244, 259, 260, 289

Саксаганський, власник хутора I – 201

Салмай Степан, селянин I – 50

Самара, остяцький князь I – 87

Самардак Сива, селянин II – 179

Самарин, ймовірно Самарин Михайло Михайлович (? – бл. 1719), один з перших рос. сенаторів I – 116

Самарський, козак I – 251

Самовидець, анонімний автор козацько-старшинського літопису, в якому висвітлюються події 1648 – 1702 рр. й виявляються симпатії до Запорозької Січі, позитивно оцінюється її діяльність I – 34, 60, 73, 106; II – 32, 242

Самойлович Іван Самійлович (? – 1690), гетьман Лівобережної України (1672-1687); у 1674 р. був проголошений гетьманом і Правобережжя; підтримував боротьбу за об'єднання правобережної України з Росією; спрямовував діяльність на розширення привілеїв козацької старшини; очолював козацькі полки у війні з Туреччиною і Кримським ханством (1677-1678), у першому Кримському поході (1687). На раді 1687 р., за зловживання владою, був позбавлений гетьманства і засланий до Сибіру II – 201

Самойлов Дмитро Якович (1843-1911), рос. археолог, історик, архівіст, професор Варшавського (з 1877) та Московського (з 1894) ун-тів; управляючий Московським архівом Міністерства юстиції (з 1892) I – 163

Самсіка Єфимія, козачка I – 56

Самсіка Нестор, козак I – 56

Самсіка Стефан, козак I – 56

Самченський, історик II – 236
 Свистун Федір, селянин I – 29
 Свистунов, ймовірно Свистунов Олександр Павлович (1830 – ?), генерал-ад'ютант, корпусний командир, землевласник II – 247
 Свириденко Федір, священник I – 48
 Свіягін Митрофан, прапорщик II – 124
 Святополк Ізяславович (християнське ім'я Михайло; 1050 – 1113), великий князь київський (1093 – 1113), учасник походів на половців I – 186; II – 250
 Святослав Ігоревич (? – 972), великий князь київський, син Ігоря; знищив Хазарський каганат (965); здійснив походи на волзьких булгар, в Болгарію (968, 971); вбитий печенігами I – 159, 182
 Северський Кіндрат, священник I – 64, 65
 Сетюр, граф, французький посол I – 174
 Селім II (1524 – 1574), турецький султан (1566 – 1574) I – 196; II – 258
 Семен, польський воїн II – 134, 135
 Семененко Данило, козак I – 54
 Семенов, історик I – 189; II – 260
 Семенов Іван, священник I – 51
 Семергінко Іван I – 64
 Семірович, поміщик I – 51
 Сербин Євфимій, священник I – 51
 Сербинів, поміщик II – 285
 Сергіївський, історик II – 25
 Сергій, козак I – 251
 Сигізмунд II Август (1520-1572), король Польщі (1530-1572) і великий князь литовський (1548-1572); вперше взяв на державну службу 300 козаків, яких вніс в реєстр (список) у 1572 р. I – 190, 191, 195; II – 254, 257
 Сигізмунд III Ваза, король Речі Посполитої (1587 – 1632); за його правління жорстоко придушувалися селянсько-козацькі повстання в Україні, проводилась політикагноблення і колонізації української людності; у 1596 р. було укладено Берестейську церковну унію II – 122
 Сидір, козак II – 62
 Сидоренко Павло, селянин II – 37
 Сила Мартин, козак I – 51
 Силуан, печерський священник II – 41
 Сильвестр, архимандрит, куратор чернігівської друкарні I – 58
 Симеон (Верхотурський чи Меркушинський; ? – 1642), святий правідник (день пам'яті 12 вересня) I – 36
 Симоновський Петро Іванович (1717-1809), укр. історик, автор «Короткого опису про козацький малоросійський народ» (1765) II – 236
 Синьогуб Г.А., поміщик II – 194

Синьогуб Леонтій Іванович, козак I – 110; II – 194, 195
 Синельников Василь Іванович (бл. 1775 – ?), майор, син генерал-майора, правителя Катеринославського намісництва І.М.Синельникова (1741-1788) I – 176; II – 127
 Синельников Іван Максимович (1741 – 1788), генерал-майор (1785), правитель Катеринославського намісництва (1784 – 1788) I – 65, 68, 173 – 175; II – 180, 181
 Синельников Микола Васильович (1800 – 1869), генерал-лейтенант, член поміщанської повітової земської управи; син В.І.Синельникова I – 177; II – 247
 Синельникова Євдокія Василівна (урожд. Страхова; ?- не раніше 1794 р.), дружина І.М.Синельникова; двоюрідна небога рос. поета Г.Р.Державіна (1743-1816) II – 127
 Синельникова Юлія Яківна (урожд. Селецька), поміщиця, дружина Миколи Васильовича Синельникова I – 168
 Синявський Антіп, козак I – 34
 Сипягін Василь Олександрович, управитель маєтку в с. Петровське Олександрівського пов. Катеринославської губ. I – 157, 176
 Сич Василь II – 174, 182
 Сіверс Олександр Карлович, граф, катеринославський цивільний губернатор (1858-1862) I – 159
 Сірий Іван, ктитир I – 51
 Сірко Іван Дмитрович (бл. 1610 – 1680), укр. військовий і політичний діяч, кошовий отаман Запорозької Січі; учасник Тридцятилітньої війни та Визвольної війни укр. народу сер. 17 ст.; відмовився присягати на вірність цареві Олексію Михайловичу (1654); провів понад 60 битв проти оріанців і не програв ані жодної; оспіваний в народному епосі I – 165, 167; II – 43, 56, 57, 59 – 62, 65, 107; II – 111, 182, 231, 233, 234, 263, 269 – 273, 288
 Сядовський Георгій Левович (1849 – 1919), великий землевласник, колекціонер, археолог, меценат, голова Херсонської губернської вченої архівної комісії II – 80, 274
 Скварковский Аполлон Олександрович (1808 – 1898), історик, статистик, автор численних праць з історії запорозького козацтва і Південної України; найбільш відома «Історія Нової Січі чи останнього Коша Запорозького» I – 61, 135, 172, 173; II – 57, 58, 83, 96, 154, 155, 162, 204, 235, 278
 Сковорода Григорій Савич (1722 – 1794), видатний укр. філософ-мандаринник I – 230
 Скодовський Бялазар Бялазарович, полковник II – 133
 Скок Федір, ктитир I – 67
 Скоропадський Іван Ілліч (1646 – 1722), гетьман Лівобережної України (1708-1722); батуринський сотник, генеральний осавул, стародубський пол-

ковник (1706-1708); великий землеволодінс в Полтавській битві 1709 р. очолював лівобережне козацьке військо II – 279

Скотивець, козак I – 205

Скуба А.В., управлюючий II – 134

Смик, козак II – 22

Смоля Іван, козак, путікар I – 45

Сніжко Яким, козак I – 53

Собецький Ісаак, ігумен Нехворотанського Успенського м-ря I – 110

Сова Каленик, козак I – 111

Совута, козак I – 206

Соколов Федір Федорович (1841 – 1909), рос. історик, філолог, епіграфіст, професор давньої історії та класичної філології Петербурзького ун-ту (з 1884), фундатор рос. епіграфічної школи II – 84

Соколовський Лаврін, козак I – 56

Сокологорський, землеволодінс I – 98

Солиман, див. Суліма I

Соловйов Сергій Михайлович (1820 – 1879), рос. історик, академік (з 1872), автор фундаментальної багатотомної «Історії Росії з древніших часів» I – 73; II – 81, 91, 236

Соломко Савка, селянин I – 51

Солоха, пан II – 198, 204

Сомченко Яків, кошовий отаман II – 91

Сорочинський Петро, козак II – 288

Софія Олексівна (1657 – 1704), рос. царівна, правителька Російської держави (1682-1689) при двох царях – її малолітніх братах Івані V та Петрі I I – 73; II – 175

Софроній, ігумен I – 110

Сохач Іван, козак-чумак I – 58

Спаський Григорій Іванович (? – 1864), історик та археолог Сибіру, видавець часописів «Северный вестник» (1818-1825) та «Азиатский вестник» (1825-1827), в яких надрукував багато статей та джерел; останні роки жив і працював в Одесі, досліджував місцеву історію й пам'ятки I – 188; II – 84, 260

Сребрянск Іван Андрійович I – 82

Средневський Ізмаїл Іванович (1812 – 1880) – визначний російський філолог-славист, професор славистики Петербурзького університету (з 1847 р.) II – 151

Станіслав, див. Понітовський Станіслав

Станкович, мійор I – 250

Стена, землеволодінс I – 241

Стефан Баторій, див. Баторій Стефан

Стефан IX (Томжа, Томша), господар Молдавії; внаслідок поразки 1615 р. від укр. князів Самійла Корещького та Михайла Вишневецького, Стефан Томша залишив престол, який посів Олександр Могіла, син Ієремії Могіли I – 196; II – 257

Стефан Яворський (світське ім'я – Семен; 1658 – 1722), високоосвічений, блискучий проповідник, вихованець і викладач Києво-Могилянського колегіуму; з 1689 р. – ченець, з 1697 р. – ігумен Свято-Миколаївського Пустельного м-ря, з квітня 1700 р. – митрополит Рязанський і Муромський; у тому ж 1700 р. призначений місцевоблюстителем патріаршого престолу II – 102

Стефаніда, козачка I – 55

Стефанов Данило, кошовий отаман II – 194

Стороженко Олекса (1805 – 1874), український письменник, етнограф, художник, походив з старовинного козацького роду II – 161

Стринський Іоанн Григорович, священник II – 109

Строганови, графи I – 244

Строев Павло Михайлович (1796 – 1876), рос. археограф, історик, академік (з 1849) I – 109

Строцинська Меланія, козачка I – 56

Строцинський Роман, козак I – 56

Строцинський Федір, козак I – 56

Струков Ананій Петрович, камер-юнкер Двору, предводитель дворянства Катеринославської губернії (1886) I – 248, 250

Струкова Ольга Костянтинівна, колезька радниця, землеволодінс I – 251

Стигайло Іван, кошовий отаман (1682), курінний отаман (1683) II – 266, 273, 288

Субота, отаман I – 111

Суворов Олександр Васильович (1729/1730 – 1800), граф Римнікський (1789), князь Італійський (1799), рос. полководець, генералісімус (1799), автор наступальної стратегії («Наука побеждать») II – 113

Сукур Дмитро, селянин II – 73, 231

Суліма Іван (? – 1635), гетьман переєстроних козаків, брав участь у козацьких походах; влітку 1635 р. очолив виступ запорожців, під час якого козаки штурмом оволоділи фортецею Кодяк С. був страчений поляками I – 115

Суліма Ясько, козак II – 288

Сутя Антін, козак II – 40

Супрун, козак I – 140

Сусла, козак I – 41

Сухий Сави, козак I – 241

Сухомієнко (Сухоній) Петро, кошовий отаман Запорозької Січі (1668 – 1669); вів боротьбу за владу з П. Дорошенком; восени 1669 р. утік до Криму II – 271

Сухорський Лаврентій, козак I – 40

Табуненко Прокіп, селянин II – 69

Тамерлан (Тимурленг, Тимур; 1336 – 1405), середньовісній емір, полководець, розгромив Золоту Орду; здійснив понад 20 великих грабіжницьких походів в Іран, Закавказзя, Індію, Малу Азію й створив велику державу зі столицею у Самарканді II – 270

Тяньський Антін, кіївський полковник I – 106

Таран Іван, козак I – 111

Таран Семен, козак II – 56, 269

Тараненко Остап Пилипович, козак II – 109

Тарас, запорозький старшина I – 250

Тарах-Тарловський К.М., дия. Тарловський К.М.

Тарловський (Тарах-Тарловський) Кирило Миколайович (прізвище – «Дикий пір»; 1709 – 1784), священник на Запорозжжі; розповсюджувач православ'я; фундатор сіл і церков в Новомосковському та Павлоградському пов. Катеринославської губ. I – 93, 96 – 99, 107

Тарновський Василь Васильович (молодший; 1837 – 1899), укр. колекціонер, меценат, власник маєтку в Качанівці Чернівецької губ., де були зібрані унікальні колекції української старовини та художньої спадщини Т.Шевченка і де гостували видатні діячі укр. та зарубіжних культур. Д.Яворницький був привітеlem В.Тарновського і допомагав останньому в комплектуванні та атрибуції колекцій II – 39, 175, 235

Татищев Василь Микитович (1686 – 1750), рос. історик II – 236

Текелі Петро Аврамович (1720 – 1793), серб за походженням, дворянин, рос. військовий діяч, генерал-аншеф; учасник Семірічної війни (1756 – 1763), рос.-турецької війни 1768 – 1774 рр. За наказом Катерини II, 4 – 5 червня 1775 р. зруйнував Запорозьку Січ II – 17, 47, 143, 159 – 161, 170, 231, 286

Терещенко Олександр (1806 – 1865), етнограф, археолог, літературознавець; автор праць: «Быт русского народа» (1848; містить чимало укр. матеріалу), «Очерки Новороссийского края» (1854), «О могильных насыпях и каменных бабах в губерниях Екатеринославской и Херсонской». Т. був одним з перших біографів І.Котляревського II – 84

Терпило Петро, священник II – 47

Тиміш, ключник I – 49

Тимофій, митрополит II – 173

Тимчихіна, поміщиця I – 259

Тит, печерський чудотворець II – 110

Тіссен, німецький колоніст, власник хутора I – 201

Тіссен, мещанин II – 38

Ткачі, рід I – 113

Товстопіт Фелір, козак I – 111; II – 56

Толстой Олексій Костянтинівич (1817 – 1875), російський поет, драматург, прозаїк II – 217

Толстой Фелір Матвійович, граф, генерал-мйор, землеласник I – 254

Томля (Томша), дия. Стефан IX

Топтний Анатрій, козак I – 42; II – 241

Тригуз Данило, козак I – 54

Трифилій Одинець, ігумен I – 110

Тропін, поміщик II – 284

Трубецькой, князь, землеласник II – 283

Тукало Яків, козак II – 288

Тумасов, історик II – 236

Туровець Сашко, козак II – 287

Тучков С.А., рос. генерал I – 144

Тяпкін Василь Михайлович, стольник, московський посол; разом з дяком М.М.Зотовим відіслав Запорозьку Січ, коли їхав укладати Бяччисарайський мирний договір Росії з Туреччиною і Кримським ханством (1681) II – 53, 266, 268

Уваров Олексій Сергійович (1825 – 1884), граф, онук гетьмана К.Розумовського; рос. археолог, один із засновників наукової археології в Росії; фундатор Російського (в Санкт-Петербурзі) та Московського археологічних т-т; ініціатор створення і перший керівник Історичного музею в Москві, У. розкопував Херсонес, Ольвію та білято курганів на Україні; автор книги: «Исследования древностей Южной России и берегов Черного моря» (1851-1856) II – 84, 115

Удовинський Василь Трохимович, козак, священник I – 55, 56

Урський Євдокія, козачка I – 59

Урський Василь, козак I – 59

Урський Іван, козак I – 59

Урський Роман, козак I – 59

Урський Фелір, козак I – 59

Устрялов Н.Г. (1805 – 1870), рос. історик, професор Петербурзького ун-ту (1834-1870), академік Петербурзької АН (з 1837); опублікував щоденники та мемуари іноземців – сучасників подій поч. 17 ст. в Росії I – 188; II – 259

Фалєєв Михайло Леонтійович (? – 1792), бригадир і кавалер, гватський купець, сподвижник князя Г.О.Потьомкіна; після ліквідації Запорозької Січі (1775) займався тут постачанням провіанту для військ; одержав тут землі і здобув чин прем'єр-майора; 1780 р., на власні кошти, почав розчищення

Дніпрових порогів для вільного проходу кораблів й плотів до Херсона; канал, що був зроблений в Непівсительському порозі, тривалий час йменувався «Фалеевським»; за його будівництво Ф. одержав орден Св. Володимира I – 174; II – 122 – 124, 126

Фалеев Петро Леонтійович, підполковник, брат М.Д.Фалеева; батько А.П.Родзянко II – 124

Фалькенштейн, граф, псевдонім австрійського імператора Йосифа II I – 28

Федор Олексійович, російський цар II – 57

Федоров Пилип (1694 – 1795), старий козацький старшина, кошовий отаман (1764) I – 92

Федорович Сашко, козак I – 238

Федоровський Василь, козак I – 94

Федоровський Н.І., секретар мирового з'їзду II – 260

Феодор, протоієрей I – 64

Феодорит (бл. 1480 - ?), архімандрит Солонечького м-ря; духівник князя Андрія Курбського II – 168

Федорович Василь, намісник I – 110

Феодосій, козак I – 56

Феодосій (спітське ім'я – Олександр Григорович Макаревський; 1822 - 1885), професор богословських наук, ректор Воронежської духовної семінарії, єпископ Острозький, єпископ Катеринославський і Таганрозький (1871 – 1885), історик, автор численних праць з історії церкви, церковних пам'яток, краєзнавства I – 46, 54, 61, 75, 80, 90, 96, 105, 108, 116, 141, 166, 254; II – 35, 47, 53, 195, 205, 268

Феодосій Нестерович (Петро Артовський), ігумен Нехворощанського Успенського м-ря (1765-1768) I – 110

Феокист, архімандрит I – 81

Філіп II (1527 – 1598), іспанський король, якого Наполеон I лишив владі, що стало однією з головних причин іспанського повстання проти Наполеона I – 236

Фомі, протоієрей I – 64

Фоменко(в) Микита, козак II – 109

Форзандер, шведський історик II – 125

Фрізен, німецький колоніст I – 147

Фріц-Герберт, англійський посол I – 28

Хаджи-Алі, в надпису на пам'ятці I – 42; II – 241

Ханенко, ймовірно Ханенко Михайло Степанович (бл. 1620 – 1680), уманський полковник, кошовий отаман Запорозької Січі (1670), гетьман Правобережної України (1670 – 1674); підтримував Ю.Хмельницького і П.Тетерю; вів боротьбу проти польсько-шляхетського панування; втратив

підтримку козаків і селянства, припинив боротьбу і перейшов на Лівобережну Україну (1674) II – 119

Ханенко Хома, селянин I – 240

Харкун Ілля, козак I – 52

Харченко Іван, рибалка I – 184

Хлопицький Станіслав, польський шляхтич, який видавав себе за старшину реєстрового козацького війська; у 1594 р., за дорученням австрійського імператора Рудольфа II, їздив на Запорозьку Січ з метою схилити козаків до походу проти Туреччини; влітку того ж 1594 р. супроводжував на Запорозжя австрійське посольство Еріха Лисоти I – 237

Хмря, козак I – 183

Хмелецький Іван, посол коронного гетьмана М.Потоцького I – 258

Хмельницький Богдан-Зіновій Михайлович (бл. 1595 – 1657), видатний державний діяч і полководець, гетьман України (1648-1657), керівник Визвольної війни укр. народу сер. 17 ст., засновник Української гетьманської держави (Гетьманщини) I – 34, 72, 116, 165, 257, 258, 262, 263; II – 32, 33, 35, 37, 106, 230, 270

Хмельницький Тиміш (Гимосій) Богданович (1632 – 1653), старший син гетьмана Б.Хмельницького; активний учасник Визвольної війни укр. народу сер. 17 ст.; чигиринський сотник, зять молдавського господаря; очолював козацьке військо на допомогу молдавському господарю (1652-1653, й під час облоги фортеці Сучави був смертельно поранений I – 257; II – 33

Хмельницький Юрій (1641 – 1685), молодший син гетьмана Богдана Хмельницького, гетьман України (1657, 1659 – 1663) і Правобережжя (1677 – 1681, 1685) II – 106

Ходявська Софія, шляхтянка I – 96

Ходарин Василь, селянин II – 36

Хорват Іван Самійлович (Откуртіч), серб, у 1751 р. переселився до Росії, з 1752 р. – управитель Нової Сербії, засновник Новомиргорода; 1762 р. за зловживання був позбавлений чинів і засланий у Володу II – 142

Хорс, давньослов'янський бог I – 186

Хотон Іван, селянин II – 198, 206, 232

Храповицький Олександр Васильович (1749 – 1801), статс-секретар імператриці Катерини II у 1782 – 1792 рр. II – 133, 242

Хреленчук Василь, козак I – 111

Хрипун Дмитро, селянин II – 37

Цатт Антоній, картограф II – 89

Ципаяк Степан, селянин II – 197

Цікавий, козак I – 251

Чавуєнко Іван, селянин I – 129, 131
 Чавунний Іван, селянин II – 179, 231
 Чайкін Євфимій, священник I – 103
 Чалий Сава (? – 1741), козак-ренегат; полковник надвірного війська магнатів на Правобережжі; під час гайдамацького повстання 1734-1738 рр. на Правобережній Україні на чолі з Верленом, С.Чалий перейшов на бік повсталих; з 1736 р. очолював фальшивий гайдамацький загін для нападів на запорозькі володіння; після придушення повстання він присягнув на вірність польській владі; 1738 р. став полковником війська Потоцького у Немирові; гайдамаки під орудою Гніта Голого стратили С.Чалого II – 137
 Чапля Іван, козак II – 172
 Чев'яга Терентій, священник I – 96
 Ченерес Степан, козак I – 101
 Чепіга Іван, кошовий отаман I – 80
 Чередніченко Петро, козак I – 166
 Чериковський Н.В., інженер-технолог, землевласник I – 28
 Чернишов Григорій Петрович, граф, генерал-аншеф I – 254; II – 131
 Чернявський, історик II – 120
 Чернявський Григорій, козак I – 111
 Черняк Іван Леонтійович, полтавський полковник I – 110
 Чертков Василь Олексійович (1726/1729 – 1793), генерал-майор, генерал-губернатор Азовської губ. (1775-1781) I – 67, 97, 98; II – 83
 Чертков, титулярний радник, власник с. Верхня Хортиця I – 138
 Чирков А.П., інженер, історик, археолог, археограф, член Одеського товариства історії та старожитностей I – 51; II – 84
 Чингіз-хан (Темучин; бл. 1115 – 1227), засновник і великий хан Монгольської імперії (з 1206), організатор загарбницьких походів проти народів Азії, Закавказзя та Східної Європи II – 270
 Чорний Іван, священник I – 57
 Чорний Лесько, козак I – 51
 Чорний Максим, козак I – 111
 Чорний Максим, кмітор I – 54
 Чорний Митрофан (Пашуша), селянин II – 172
 Чуб Іван, козак I – 63
 Чуб Стефан, курінний отаман I – 63
 Чуг, козак I – 60
 Чулков Данило, військовий I – 191
 Чулков Данило, козак I – 194; II – 257
 Чумак Іван, козак I – 36, 83
 Чуприна Антін, селянин II – 248
 Чуприна Іван, козак I – 83

Шаповал Федір, старокодацький мешканець I – 169
 Шапошник Ясько, козак I – 28
 Шар-Умір, козак I – 111
 Шах Яків, генеральний осавул, кошовий отаман Запорозької Січі (1576 – 1578); був позбавлений гетьманства й відрісаний у Канівський м-р, де й помер I – 189; II – 260
 Шевченко Тарас Григорович (1814 – 1861), геніальний український поет, письменник, живописець, мислитель, борець за духовно-національне відродження українського народу I – 26, 119, 185; II – 3, 184, 244, 250
 Шекеренко Опанас, козак I – 45
 Шереметев Борис Петрович (1652 – 1719), боярин (1682), граф (1706), рос. полководець і дипломат; у 1685-1687 рр. брав участь у переговорах й заключенні «Вічного миру» 1686 р. з Речкою Посполитою і союзного договору з Австрією; під час Азовських походів 1695-1696 рр. керував військами проти кримських татар I – 35, 165
 Шереметев Іван Васильович (? – 1577), російський військовий і державний діяч, боярин, воєвода, учасник походів проти Крима, Казані, Литви, Лівонії; у 1542 р. брав участь у двірському перевороті на боці Шуйських; входив до складу «Обраної ради»; під час оприччини перебував на чолі земщини; у 1570 р. пострится у Кирило-Білозерський монастир I – 194
 Шереметев, граф часів Катерини II II – 109
 Шерстюк Григорій, селянин II – 40
 Шило Василь, кошовий отаман II – 174
 Шило Іван Парфентійович, купець II – 110, 111
 Шило Прокіп, селянин II – 28
 Шинцацький Гавриіл, ігумен Нехворощанського Успенського м-ря I – 101, 110
 Шинцацький Федір, козак I – 111
 Шинцін Д. П., поміщик, власник с. Голо-Грушівки I – 255; II – 272
 Шия Іван, запорозький козак, після скасування Запорозької Січі – кмітор Покровської церкви м. Нікополя; відзначився великими пожертвами на храм Божий, за що його портрет (як і портрет його брата Якова), був вміщений в іконостас церкви II – 44, 45, 234
 Шиян Яків, запорозький козак, брат Івана Шияна, по скаванні Запорозької Січі (1775) – кмітор Покровської церкви в м. Нікополі; як і його брат Іван, відзначився великими пожертвами на храм Божий, за що його портрет (як і портрет брата Івана) був вміщений в іконостас церкви II – 44, 45, 234
 Шияни, козаки II – 41
 Шкляревський Семен, поручик II – 110

Школа Григорій, осавул I – 151
 Шкура Євстафій, кошовий отаман II – 63
 Шмагайлова, кутчиха II – 38
 Шміт, полковник Генерального штабу, автор твору: «Матеріали для географії та статистики» (СПб., 1863) II – 103, 106, 153 – 155
 Шошин Яків, полковник, землевласник; служив в Дніпровському пікірному полку I – 29, 48
 Шрам Аврам, козак I – 112
 Штігліц Людвіг (Любим) Іванович (1777 – 1842), барон (з 1826), придворний банкір, великий землевласник і купець I – 240; II – 181
 Штігліц Микола Іванович (? – 1820), барон, власник торгівельного дому, брат А.І.Штігліца I – 240; II – 181
 Штігліц Михайло Миколайович, князь I – 240
 Шульга Лук'ян, козак I – 111
 Шуть Осип, старожил I – 202

Щастливцев Гаврило, ієрей I – 45
 Щепотьев Андрій, посол московського царя Івана IV Грозного до князя Д.Вишневецького I – 192, 194; II – 253, 255, 257
 Щербатов Андрій Миколайович, князь, генерал-майор II – 123
 Щербаський Тимофій (світське ім'я – Тихін Іванович; 1698 – 1767), митрополит Київський, Галицький і Малої Росії (1748 – 1757) I – 27, 110; II – 173
 Щербина Іван, кошовий отаман II – 53
 Щербинін, генерал-майор I – 140
 Щетинський Федір, ієрей I – 52
 Ширський Леонтій; ймовірно Ширський Іван (у чернецтві – Інокентій; бл. 1650 – 1714), укр. гравер, поет, культурний і релігійний діяч, представник стилю барокко, учень О.Тарасевича; працював у техніці гравюри на міді, офорта та гравюри на дереві II – 54, 268
 Щоголев Яків Іванович (1824 – 1898), укр. поет, приятель Д. Яворницького II – 64, 243, 261, 265, 273

Яблуновський Василь, священик I – 30

Явір, козак II – 22
 Яворницький (Еварницький; Дмитро Іванович (1855 – 1940), укр. історик, археолог, етнограф, фольклорист, лексикограф, архівіст, археограф, письменник, музезнавець, культурно-громадський діяч, професор Дніпропетровського ун-ту, академік УАН (1929); видатний дослідник історії запорозького козацтва I – 43, 110, 176; II – 81, 84, 89, 103, 105, 106, 119, 121, 152, 218, 228, 233, 241, 250, 261, 276
 Яворський Стефан, див. Стефан Яворський

Язиков Микола Данилович (1740 – 1803), генерал-майор (1777), губернатор Новоросійської губ. (1778 – 1783) II – 47
 Якименко Петро, козак I – 64
 Яковенко Карпо, новокодацький мешканець I – 93
 Яковлев Петро, царський полковник; на чолі двох полків піхоти, до яких приєдналися козаки полковника Г. Галагана, 14.05.1709 р. зруйнували Чортомлицьку Запорозьку Січ II – 66, 72, 160, 273
 Яковлев І.М., землевласник I – 251
 Якуб Яків, козак I – 64
 Янов Степан Іванович, полковник II – 110
 Яновський Гавриіл, архімандрит Нехворощанського Успенського м-ря I – 95, 110
 Яцен Давид, німецький колоніст I – 208, 212
 Яцковський Степан (Дужка), старожил II – 48, 230
 Яшній, камердинер I – 99

Adlerfeld, історик II – 90
 Bielski Mar., див. Бельський Мартин
 Niesiecki K., польський хроніст I – 190
 Zatta Antonio, автор книжки II – 277

УМОВНІ СКОРОЧЕННЯ

Акты ЮЗР	- «Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археографической комиссией»
вид.	- видання
вип.	- випуск
ВР	- Відділ рукописів
губ.	- губернія
ДІМ	- Дніпропетровський історичний музей ім. Д. Яворницького
ЗООИД	- «Записки Одесского общества истории и древностей»
м.	- місто, містечко
м — р	- монастир
обл.	- область
о — в	- острів
п — ов	- півострів
пов.	- повіт
р.	- ріка
рос.	- російський
с.	- село
св.	- святий, свята
сл.	- слобода
т — во	- товариство
укр.	- український
ур.	- урочище
х.	- хутір

ЗМІСТ

Эварницкий Д.И.

Запорожье в остатках старины и преданиях народа.

Часть II.

Глава первая.....	3
Глава вторая.....	31
Глава третья.....	51
Глава четвертая.....	79
Глава пятая.....	129
Глава шестая.....	147
Глава седьмая.....	170
Глава восьмая.....	184
Указатель малороссийских слов.....	218
Оглавление.....	228
Оглавление рисунков.....	233
Примітки.....	235
Комментар.....	290
Географічний покажчик.....	306
Іменний анований покажчик.....	351
Умовні скорочення.....	400

Науково-популярне видання

Дмитро Іванович Яворницький

**ЗАПОРОЖЖЯ
В ЗАЛИШКАХ СТАРОВИНИ
І ПЕРЕКАЗАХ НАРОДУ**

Видання третє, виправлене і доповнене

Частина II

Підготовка тексту і науково-довідкового апарату

С. В. Абросимова, Н. Є. Василенко

Технічний редактор *В. А. Усенко*

Верстка та художнє оформлення *Ю. М. Малієнко*

Коректори *Н. Н. Вєтрова, Н. В. Сукач*

Підписано до друку 05.10.2005. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$.

Папір офсетний. Друк офсетний.

Ум. друк. арк. 28,83+0,46. Ум. фарбовідб. 30,67. Обл.-вид. арк. 31,28.

Тираж 1000 прим. Замовлення № 3896/2.

Видавництво ТОВ «Виробничо-комерційна фірма «АРТ-ПРЕС»

49050, м. Дніпропетровськ, вул. Козакова, 3

Свідцтво ДК № 2299 від 29.09.2005 р.

Друкарня ТОВ «Виробничо-комерційна фірма «АРТ-ПРЕС»

49050, м. Дніпропетровськ, вул. Козакова, 3

Тел./факс (056) 370-20-27

ISBN 966-348-042-4

ISBN 966-348-041-6 (загаломий)

Професор О. К. Фоменко та директор Дніпропетровського історичного музею Н. І. Капустіна з книгою, яка належала Д. І. Яворницькому.

«Коли Д. І. Яворницький намагався видати свою книгу «Запорожжя в залишках старовини і переказах народу», йому не вистачало коштів. Але знайшлися люди, які підтримали вченого, і це дало можливість видати двотомник у 1888 році. Історія повторилася. Декілька років Дніпропетровський історичний музей ім. Яворницького намагався перевидати роботу вченого з його правками, але знову бракувало коштів. І знову знайшлися меценати, люди, що небайдужі до нашої історії, культури, які взяли на себе видання цієї книги. Це голова товариства «Дніпропетровський завод точного литва» Андрій Іванович Яловий та директор Управляючої компанії науково-виробничої групи «Дніпротехсервіс» Олексій Михайлович Зінов'єв. Низький уклін і велика подяка їм».

Н. І. Капустіна